This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

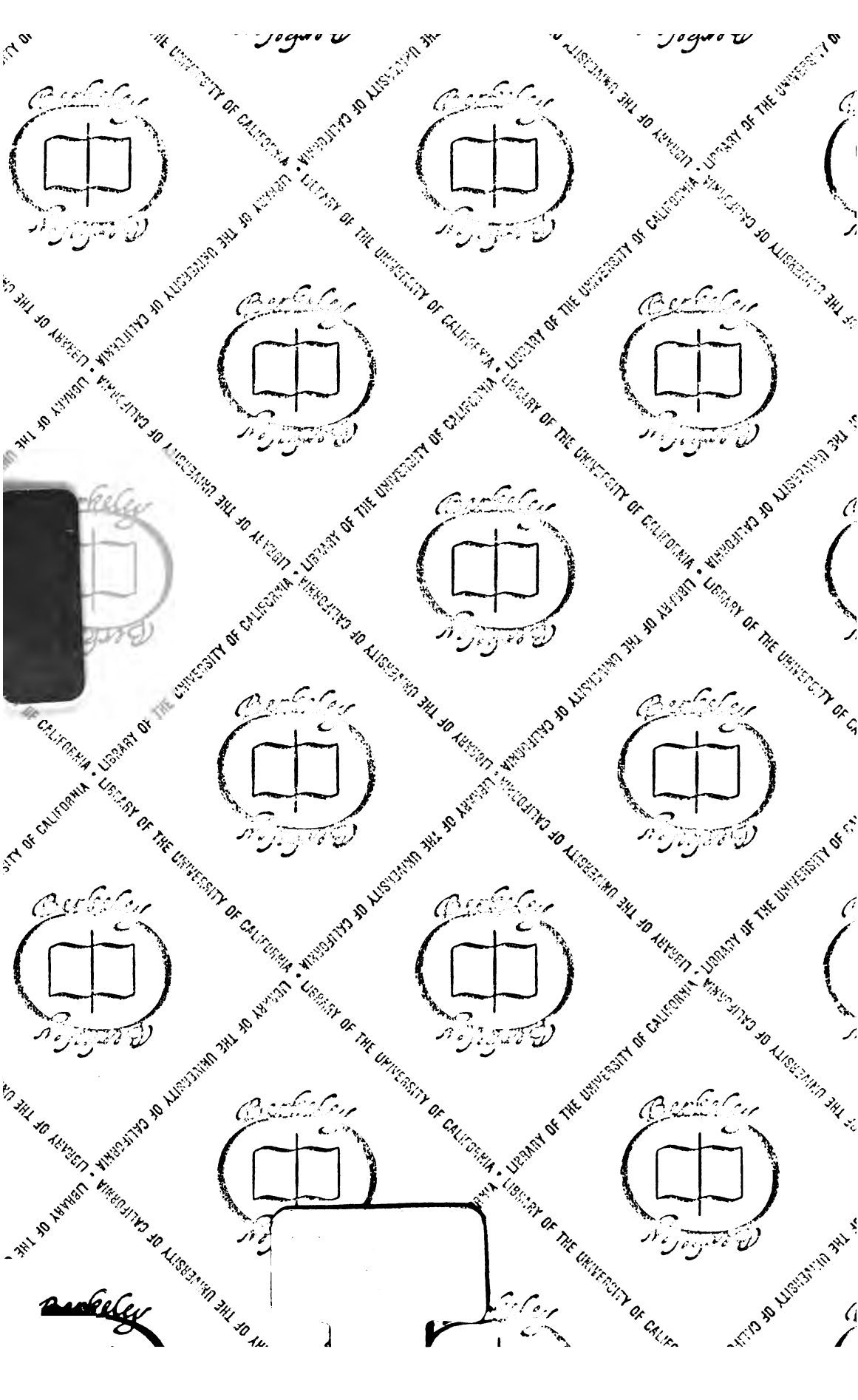
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

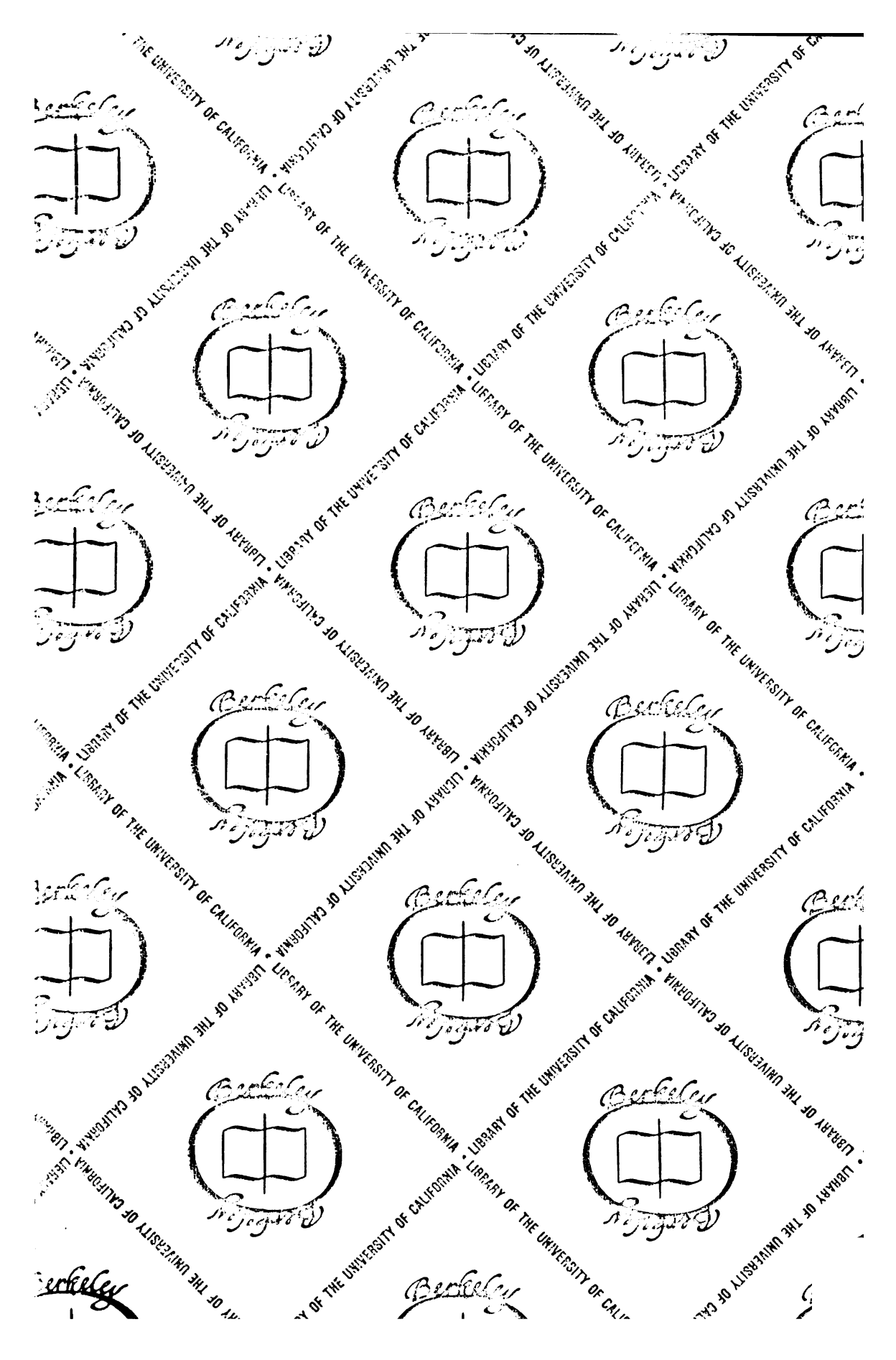
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`


LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA


Berkeley
LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA

180

Московское Губернское Земство.

ВОПРОСЫ
НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ
ВЪ
Московской губерніи.

Выпускъ V.

Наглядность обученія въ земскихъ школахъ Московской губерніи.

По порученію Московской Губернской Земской Управы
составилъ Земскій Статистикъ **В. В. Петровъ.**

В. В. Петровъ

МОСКВА.
Т—во „Печатня С. П. Яковлева". Петровка, Салтыковскій пер., д. Т—ва, № 9.
1907.

Московское Губернское Земство.

Note:
vyp. 2-5 in this vol.
bound together in
reverse order

ВОПРОСЫ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ

ВЪ

Московской губерніи.

Выпускъ V.

Наглядность обученія въ земскихъ школахъ Московской губерніи.

По порученію Московской Губернской Земской Управы
составилъ Земскій Статистикъ **В. В. Петровъ.**

PETROV

МОСКВА.
Т—во „Печатня С. П. Яковлева". Петровка, Салтыковскій пер., д. Т—ва, № 9.
1907.

Main

7335 739X

LA 838
M6 P4
1899
v. 2-5
MAIN

Наглядность обученія въ земскихъ школахъ Московской губерніи.

I.

Настоящій очеркъ составленъ главнымъ образомъ на основаніи свѣдѣній, полученныхъ въ 1903 году отъ учителей начальныхъ школъ статистическимъ отдѣленіемъ Московской губернской земсмой управы. Несмотря однако на протекшіе со времени полученія этого матеріала четыре года,—разсмотрѣніе его представляется достаточно интереснымъ тѣмъ болѣе, что выясненіе вопроса относительно наглядности въ обученіи освѣщаетъ нѣсколько и другія условія школьнаго дѣла. На первыхъ же шагахъ этой работы пришлось убѣдиться, что собранныхъ отъ учителей данныхъ далеко не достаточно, чтобы представить разсматриваемый предметъ съ желательною ясностью и полнотою; что для этого прежде всего необходимо, по возможности, точно указать,—что собственно понимается нами подъ „наглядностью обученія", такъ какъ оказалось, что терминомъ этимъ, какъ учителями, такъ и педагогическою литературою, нерѣдко называются далеко не одинаковыя условія преподаванія.

Обращаясь за необходимыми указаніями къ литературѣ даннаго вопроса, нельзя не замѣтить, что педагогическими руководствами, изслѣдованіями и статьями, говорившими о „наглядныхъ" и „предметныхъ" урокахъ, о наглядности обученія и т. д., всѣми почти отмѣчается, что съ особой точностію и силою просимые отвѣты даются въ произведеніяхъ педагогическихъ классиковъ: Коменскаго, Руссо и Песталоцци; при этомъ нѣкоторыми авторами утверждается, что именно Коменскій— „отецъ современной педагогіи, творецъ народной школы въ Европѣ",— „провозвѣстилъ, развилъ и утвердилъ наглядное преподаваніе въ школѣ"; что Руссо—„*повторилъ* важнѣйшія изъ положеній Коменскаго",[1])

[1]) См., напримѣръ, Н. Малинина—«Бесѣды о наглядномъ обученіи»—стр. X примѣчаніе; ст. В. П. Вахтерова — «Забытый вопросъ»—«Русская Школа» 1898 годъ № 1 стр. 149.

также, какъ позднѣе,—Руссо, оказавшій очень сильное впечатлѣніе на Песталоцци, былъ повторенъ этимъ послѣднимъ. Однако съ мнѣніями этими, изъ которыхъ нѣкоторыя усилены — „желаніемъ высоко поднять знамя родного намъ великаго славянскаго педагога“, [1]) едва ли можно согласиться: идеи Руссо и Коменскаго имѣютъ между собою слишкомъ мало общаго. Слѣдуетъ кстати замѣтить, что еще ранѣе Коменскаго—Монтэнь требовалъ отъ наставника,—заставить ученика все изслѣдовать и ничего не вбивать ему въ голову при помощи простого авторитета и безъ всякаго основанія; наконецъ, еще ранѣе, Рабле на примѣрѣ обученія Гаргантуа далъ нѣсколько характерныхъ штриховъ того *предметнаго*, индивидуальнаго обученія, образецъ котораго съ такой силою и стройною логичностью представилъ спустя болѣе двухсотъ лѣтъ послѣ того Руссо въ своемъ Эмилѣ.

Коменскій, дѣйствительно, рекомендовалъ — „золотое для всѣхъ учащихъ правило: все, насколько можно, предоставлять чувствамъ; именно: видимое—зрѣнію, слышимое—слуху“ и т. д.; онъ также говорилъ, что—„начало познанія должно всегда исходить изъ чувствъ (ибо ничего не существуетъ въ познаніи, чего раньше не было бы въ ощущеніи), что ученіе слѣдовало бы начинать не съ словеснаго толкованія о вещахъ, но съ предметнаго надъ ними наблюденія“, что — „если мы намѣрены насадить въ учащихся истинное и достовѣрное знаніе вещей, то мы вообще должны стараться обучать всему при помощи личнаго наблюденія и чувственной наглядности“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Коменскій далеко не твердо держался такого принципа предметности обученія и соглашался, что — „если почему-нибудь нельзя достать самыхъ *вещей*, то можно замѣнить ихъ, именно копіями или картинами, изготовленными для учебныхъ цѣлей“, т. е. допускалъ примѣненіе *наглядnаго* преподаванія вмѣсто предметнаго обученія [2]). Указывая, какъ впослѣдствіи и Руссо, что—„людей должно учить насколько это возможно, почерпать свою мудрость *не изъ книгъ*, но изъ неба и земли, изъ дубовъ и буковъ, т. е. что должно учить, познавать и изслѣдовать самыя вещи, а не чужія только наблюденія и свидѣтельства о вещахъ“,—Коменскій не чуждался и книжнаго обученія, онъ даже требовалъ — „позаботиться о томъ, чтобы ученики не получали никакихъ другихъ книгъ, кромѣ тѣхъ, которыя употребляются въ ихъ классѣ“ и, наконецъ, соглашался съ мнѣніемъ Эразма, что — „было бы весьма разумно заучивать слово въ слово божественныя книги, даже и не понимая ихъ“ [3]).

Такія уступки и противорѣчія „Великой Дидактики“ объясняются,

---

[1]) С. Миропольскій—«Планъ и основы устройства нашей народн. школы»,—стр. 7.
[2]) «Великая Дидактика»,—перев. «А. Адольфа и С. Любомудрова»—стр. 180—181.
[3]) Тамъ же,—стр. 121, 145 и 218.

всего вѣроятнѣе, сочувствіемъ Коменскаго предметному методу обученія вмѣстѣ съ сознаніемъ невозможности его примѣненія въ дѣйствовавшей школѣ. Относясь отрицательно къ нѣкоторымъ условіямъ обычной постановки школьнаго преподаванія, Коменскій ничего не имѣлъ противъ массоваго обученія. Болѣе того,—въ школѣ, проектированной „Великой Дидактикой“,—„одинъ учитель долженъ стоять во главѣ одной школы или по крайней мѣрѣ класса; одинъ предметъ долженъ изучаться по одному автору; одна работа должна сообща задаваться всему классу; по одному методу должны преподаваться всѣ науки и языки.—„Я не только утверждаю, говорилъ Коменскій, — что одинъ учитель можетъ руководить нѣсколькими стами учениковъ, но даже настаиваю на томъ, что это должно быть“. Коменскій находилъ цѣлесообразною дѣятельность такого учителя, который — „никогда не будетъ обучать по одному,... но всѣхъ одновременно и вмѣстѣ; онъ, слѣдовательно, не долженъ подходить ни къ кому въ отдѣльности и не долженъ позволять, чтобы кто нибудь къ нему подходилъ, но, стоя на кафедрѣ, откуда его могутъ всѣ видѣть и слышать, онъ, подобно солнцу, распространяетъ на всѣхъ лучи свои, а ученики, всѣ, устремивъ на него взоры, слухъ, вниманіе, должны схватывать все, что онъ сообщаетъ имъ на словахъ, показываетъ рукою или на картинѣ“.—“Учитель,—говорится далѣе въ „Великой Дидактикѣ“,—долженъ поступать точь въ точь какъ унтеръ-офицеръ, который начинаетъ учить новобранцевъ не по одному, а всѣхъ за разъ“ [1]). А чтобы сдѣлать возможнымъ одновременное обученіе десятковъ и даже сотенъ школьниковъ, Коменскій предлагаетъ — всю массу ихъ — „раздѣлить на извѣстныя группы, напримѣръ на десятки, надъ каждой группой поставить надзирателей, а надъ ними въ свою очередь другихъ и т. д. до самаго старшаго включительно“.

Легко себѣ представить, какъ мало возможно ученикамъ такой школы „почерпать свою мудрость“ изъ непосредственнаго изученія самыхъ предметовъ.

Совершенно иначе относился къ массовому обученія Руссо: „я не смотрю, говоритъ онъ, какъ на общественное воспитательное учрежденіе, на тѣ смѣшныя заведенія, которыя зовутъ коллежами“ [2]). Руссо возстаетъ противъ принятой формы школьнаго обученія, „противъ рутинной педагогіи, которая подводитъ всѣхъ дѣтей подъ одно правило, не обращая вниманія на безконечное различіе въ ихъ умственныхъ способностяхъ: не существуетъ ли у каждаго свой особенный темпераментъ, который нужно не измѣнять и стѣснять, но развивать и усовер-

---

[1]) Тамъ же, стр. 161 и 169.

[2]) Руссо—«Эмиль или о воспитаніи», перев. В. Первова, стр. 7.

шенствовать? Зачѣмъ мѣшать природѣ и прекрасныя прирожденныя качества замѣнять другими, мнимыми и непрочными? Не неразумно ли безъ разбора напрягать силы всѣхъ дѣтей на изученіе однихъ и тѣхъ же предметовъ, несмотря на разнообразіе ихъ наклонностей и способностей? Отъ этого получаются только слабые, безполезные люди, неспособные думать и чувствовать по своему“ [1])

Такое индивидуальное, согласное съ условіями психическаго и физическаго развитія, обученіе, по мнѣнію Руссо, неизбѣжно должно быть предметнымъ. Но это не то „наглядное обученіе“, при которомъ, какъ у Коменскаго, тѣ или иные предметы иллюстрируютъ преподаваніе. Нѣтъ, согласно Руссо, учащійся разсматриваетъ предметы окружающей дѣйствительности и путемъ ихъ изученія приходитъ къ окончательнымъ выводамъ современной науки.

„Не давайте вашему ученику никакихъ словесныхъ уроковъ,— требуетъ Руссо: онъ долженъ получать ихъ лишь изъ опыта“ [2]). И такъ какъ—„все проникающее въ человѣческій разумъ идетъ туда путемъ чувства, то первая стадія въ развитіи разума—это разумѣніе чувственное; оно и служитъ основаніемъ для разумѣнія умственнаго: первые наши учителя философіи — это наши ноги, руки, глаза. Замѣнить все это книгами не значитъ учить насъ разсуждать, это значитъ учить насъ пользоваться чужимъ разумомъ, учить насъ много вѣрить и ничего никогда не знать“ [3]).

„Преобразуемъ ощущенія свои въ идеи, — совѣтуетъ Руссо, — но не будемъ сразу перескакивать отъ предметовъ чувственно-воспринимаемыхъ къ предметамъ умственнымъ; съ помощью первыхъ мы и должны дойти до вторыхъ. При первоначальной работѣ ума, чувства пусть будутъ всегда нашими руководителями: не нужно иной книги, кромѣ міра; не нужно иного наставника, кромѣ фактовъ. Читающій ребенокъ не думаетъ, онъ только и дѣлаетъ, что читаетъ; онъ не учится, а учитъ слова“ [4]).

Къ книжному обученію Руссо относится совершенно отрицательно: „я ненавижу книги,—говоритъ онъ,—онѣ лишь учатъ говорить о томъ, чего не знаешь“ [5]). „Чтеніе — бичъ дѣтства и почти единственное занятіе, которое умѣютъ дать дѣтямъ. Эмиль въ двѣнадцать лѣтъ едва-ли будетъ знать, что такое книга... Нужно, чтобы онъ умѣлъ читать, когда чтеніе ему полезно; до этой поры оно годится лишь на то, чтобы надоѣдать [6]).

---

[1]) А. Шюкэ—«Ж. Ж. Руссо»,—перев. П. Н. Шараповой, стр. 255.
[2]) Тоже,—стр. 89.
[3]) Тоже,—стр. 143.
[4]) Тоже,—стр. 211.
[5]) Тоже,—стр. 238.
[6]) Тоже,—стр. 129.

„За отсутствіемъ книжнаго обученія,—какъ предполагаетъ Руссо,—тотъ родъ памяти, который можетъ быть у ребенка, не остается вслѣдствіе этого въ бездѣйствіи; ребенка поражаетъ все, что онъ видитъ, все, что слышитъ, и онъ это запоминаетъ; онъ держитъ въ своемъ сознаніи реэстръ поступковъ и рѣчей людей, и все окружающее служитъ для него книгой, изъ которой онъ, самъ того не замѣчая, непрерывно обогащаетъ свою память, въ ожиданіи, пока разсудокъ не будетъ въ состояніи пользоваться ею. Въ выборѣ этихъ предметовъ, въ заботѣ представлять ему постоянно тѣ, которые онъ можетъ познать, и скрывать тѣ, которые онъ не долженъ знать, и состоитъ истинное искусство развивать въ немъ эту первую способность; этимъ именно путемъ и нужно стараться образовать для него запасъ знаній, которыя служили бы для воспитанія его въ теченіе юности и направляли бы его поведеніе во всякое время жизни. Эта метода, правда, не создаетъ изъ ребенка чуда и не даетъ гувернанткамъ и преподавателямъ случая блистать, но она формируетъ людей разсудительныхъ, сильныхъ, здоровыхъ тѣломъ и умомъ, которые, не возбуждая удивленія въ юности, возбуждаютъ уваженіе къ себѣ, ставши взлослыми“ [1])

Но когда наступитъ время ознакомленія съ книгой, Руссо совѣтуетъ крайнюю осторожность въ выборѣ; и только одну книгу находитъ онъ достойною стать учебникомъ Эмиля, это — „Робинзонъ Крузо“. „Робинзонъ Крузо на своемъ островѣ,—одинъ лишенный помощи себѣ подобныхъ и всякаго рода орудій, обезпечивающій однако себѣ пропитаніе и самосохраненіе и достигающій даже нѣкотораго благосостоянія,—вотъ предметъ, интересный для всякаго возраста,—предметъ, который тысячью способовъ можно сдѣлать занимательнымъ для дѣтей“ [2]).

Рискуя выйти изъ рамокъ, установленныхъ для приведенія выписокъ въ подобныхъ нашей компилятивныхъ работахъ, позволимъ себѣ передать образцы данныхъ Эмилю уроковъ.

„Приходится *сдвинуть тяжесть*; если ребенокъ беретъ рычагъ слишкомъ длинный, онъ потратитъ излишнее усиліе; если рычагъ слишкомъ коротокъ, ему не хватитъ силы: опытъ можетъ научить его выбирать именно ту палку, которую нужно. Эта мудрость, значитъ, не будетъ ему не по лѣтамъ. Нужно *перенести тяжесть*; если онъ хочетъ взять столько, сколько можетъ нести, и не браться за то, что ему не поднять, то не будетъ ли онъ принужденъ опредѣлять вѣсъ на глазъ? Если онъ умѣетъ сравнивать массы одного содержанія, но различнаго объема, то пусть учится сдѣлать выборъ между массами одного объема, но различнаго содержанія: ему необходимо будетъ принаравли-

---

[1]) Тоже,—стр. 123.

[2]) Тоже,—стр. 239.

ваться къ ихъ *удѣльному вѣсу* [1])". „Я беру камень,—разсказываетъ далѣе Руссо,—дѣлаю видъ, что кладу его въ воздухѣ; разнимаю руку, камень падаетъ. Эмиль, я вижу, внимательно слѣдитъ за тѣмъ, что я дѣлаю, и я говорю ему: „почему этотъ камень упалъ"? Какой ребенокъ станетъ въ тупикъ при этомъ вопросѣ? Никакой; даже Эмиль далъ бы отвѣтъ, если бы я не принялъ заранѣе мѣръ, чтобъ онъ не умѣлъ отвѣчать. Всѣ скажутъ, что камень падаетъ потому, что онъ тяжелъ. А что же бываетъ тяжелымъ? То, что падаетъ. Тутъ мой юный философъ и въ самомъ дѣлѣ станетъ въ тупикъ. Вотъ его первый урокъ *систематической физики;* принесетъ ли онъ въ этомъ видѣ ему пользу или нѣтъ,—добавляетъ Руссо,—но онъ во всякомъ случаѣ будетъ урокомъ здраваго смысла [2])".

„Вы хотите, говоритъ Руссо,—обучать этого ребенка *географіи* и отправляетесь за глобусами земными и небесными, за картами; сколько инструментовъ! Къ чему всѣ эти представленія? Почему не показываете ему прежде всего самый предметъ, чтобъ онъ, по крайней мѣрѣ, зналъ, о чемъ вы ему говорите? Въ одинъ прекрасный вечеръ мы отправляемся гулять въ подходящую мѣстность, гдѣ горизонтъ совершенно открытъ и позволяетъ въ полномъ блескѣ видѣть заходъ солнца; мы подмѣчаемъ предметы, по которымъ можно признать мѣсто заката. На другой день, чтобы подышать свѣжестью утра, мы снова идемъ на то же мѣсто до восхода солнца"; при этомъ Руссо совѣтуетъ—„не держать передъ ребенкомъ рѣчей, которыхъ онъ не можетъ понять. Прочь описанія, прочь краснорѣчіе, прочь образы и поэзія! Теперь дѣло не въ чествованіи или вкусѣ. Продолжайте быть яснымъ, простымъ и холоднымъ.... Въ данномъ случаѣ, насмотрѣвшись вмѣстѣ съ нимъ на заходящее солнце, обративъ его вниманіе на горы и другіе сосѣдніе предметы, лежащіе съ той же стороны, давши ему вдоволь наговориться о всемъ этомъ, помолчите нѣсколько минутъ, какъ будто задумавшись, и затѣмъ скажите ему: „я думаю о томъ, что вчера солнце зашло вонъ тамъ, а сегодня утромъ взошло тутъ; какъ это могло быть"? Больше ничего не прибавляйте: если онъ будетъ вамъ задавать вопросы, не отвѣчайте,—заговорите о другомъ. Предоставьте его самому себѣ и будьте увѣрены, что онъ надъ этимъ задумается. Чтобы ребенокъ привыкалъ къ внимательности и чтобы его сильно поражала какая-нибудь ощутительная истина, для этого нужно, чтобъ она нѣсколько дней озабочивала его, прежде чѣмъ онъ ее откроетъ. Если онъ этимъ путемъ не достаточно постигаетъ ее, есть средство сдѣлать ее еще болѣе ощутительной: средство это—перевернуть вопросъ. Если онъ не понимаетъ,

---

[1]) Тоже, стр. 156.
[2]) Тоже, стр. 227.

какъ солнце переходитъ отъ запада къ востоку, онъ, по крайней мѣрѣ, знаетъ, какъ оно переходитъ отъ востока къ западу; чтобы знать это, нужно имѣть только глаза. Разъясните же первый вопросъ съ помощью другого; тогда, если ученикъ вашъ не совсѣмъ тупъ, аналогія станетъ настолько ясной, что не можетъ ускользнуть отъ него. Вотъ первый урокъ его *по космографіи* [1])".

Руссо находитъ неправильнымъ до него установленный и теперь обычно примѣняемый способъ обученія географіи, при помощи котораго „думаютъ обучить ребенка землеописанію, а научаютъ только видѣть карты; обучаютъ именамъ городовъ, странъ, рѣкъ, а онъ не можетъ постичь существованія ихъ въ другомъ мѣстѣ, а не на бумагѣ, гдѣ ему ихъ указываютъ. Помню, замѣчаетъ Руссо,—я видѣлъ гдѣ-то географію, которя начиналась такъ: „Что такое земля? Это картонный глобусъ". Такова именно дѣтская географія. Я считаю за фактъ (который, замѣтимъ мы, опять остается такимъ же и теперь, т.-е. черезъ сто слишкомъ лѣтъ послѣ того, какъ былъ отмѣченъ Руссо), что нѣтъ ни одного ребенка, лѣтъ десяти, который, просидѣвши года два надъ сферой и космографіей, сумѣлъ бы, на основаніи данныхъ ему правилъ, добраться изъ Парижа до Сенъ-Дени. Я считаю за фактъ, что не найдется ни одного, который по плану отцовскаго сада сумѣлъ бы, не заблудившись, обойти всѣ его изгороды. Вотъ каковы эти ученые, умѣющіе въ любое время указать, гдѣ Пекинъ, гдѣ Испагань, гдѣ Мексика и всѣ страны міра"! Пусть, говоритъ Руссо,—„первыми географическими пунктами для ребенка будутъ—городъ, гдѣ онъ живетъ, и дача его отца; потомъ пойдутъ: промежуточная мѣстность, текущія по сосѣдству рѣки, наконецъ—видъ солнца и способъ ориентироваться.... Пусть онъ самъ составитъ карту всего этого,—карту самую простую и сначала состоящую изъ двухъ только предметовъ, къ которымъ онъ мало-по-малу присоединитъ и другіе, по мѣрѣ ознакомленія и оцѣнки ихъ разстоянія и положенія [2])".

Примѣръ обученія Эмиля ясно свидѣтельствуетъ объ основной идеѣ Руссо: сдѣлать обученіе строго индивидуальнымъ и природосообразнымъ, т.-е. какъ нельзя полнѣе отвѣчающимъ принципамъ позднѣйшей педагогики, подкрѣпляемымъ тѣми соображеніями, что—„тѣлесныя и душевныя силы ребенка развиваются весьма различно, смотря по прирожденнымъ задаткамъ и условіямъ развитія, почему то, что весьма нецѣлесообразно и вредно для одного ребенка, можетъ быть полезно

---

[1]) Тоже, стр. 211 и 213.

[2]) Тоже, стр. 118 и 216.

для другого [1])"; что обученіе только въ томъ случаѣ можетъ быть цѣлесообразнымъ, если его воздѣйствію подвергнется личность, психика которой возможно детально изучена, потому что „въ природу ученика входятъ не только общечеловѣческія свойства, первоначальные задатки и признаки, присущіе развитію всякого человѣческаго организма, но и особый, чисто индивидуальный складъ его личности, который отчасти прирожденъ, а отчасти составляетъ результатъ особыхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ развитіе [2])". Обученіе согласно сказанному, должно не только постоянно сообразоваться съ личными особенностями учащагося, его способностями, характеромъ, привычками и т. д., но и непрерывно считаться съ измѣненіемъ этихъ особенностей. Само собою понятно, что такое обученіе не укладывается въ обычно принятыя нормы, учебные планы, программы и расписанія; оно совершенно свободно, не сдерживается и направляется обычными, тенденціозно составленными „учебниками" и „руководствами".

Интересамъ такого обученія съ наибольшею полнотою отвѣчаетъ та описанная Руссо система, согласно которой пріобрѣтеніе знаній, начавшись съ разсмотрѣнія предметовъ наиболѣе простыхъ, близкихъ, но въ то же время и интересныхъ ребенку, продолжается согласно съ развитіемъ ученика, переходя къ изученію предметовъ и явленій все болѣе сложныхъ, все болѣе обогащая знанія и языкъ учащагося, позволяя ему все шире и шире обобщать полученныя знанія и самому непосредственно приходить къ тѣмъ выводамъ, которые большинствомъ школьниковъ принимаются безъ всякаго интереса, часто по необходимости или, въ лучшемъ случаѣ, на вѣру.

Вотъ этотъ-то, допускающій широкую индивидуализацію, методъ обученія, который даетъ значительный просторъ самодѣятельности учащагося и позволяетъ ему пріобрѣтать знанія при помощи непосредственнаго изученія предметовъ и явленій,—мы и будемъ называть *предметнымъ*.

Песталоцци принадлежитъ первая попытка примѣненія индивидуально-предметнаго обученія въ школѣ; опытъ этотъ оказался неудачнымъ: „любимая мысль Песталоцци—ввести въ начальное образованіе личную самостоятельную дѣятельность учащихся и начинать съ собственныхъ личныхъ наблюденій природы,—любимая эта мысль, разумѣется, впервые была испытана на дѣлѣ въ его же школѣ. Тамъ, по его настоянію, сперва начали объяснять предметы въ классной комнатѣ, въ домѣ, вообще окружающіе предметы; когда же предметы домашняго

---

[1]) Ф. Э. Бенеке—«Руководство къ воспит. и обуч.», ч. II, стр. 40; перев. подъ редакціею Н. Весселя.

[2]) Ф. Диттесъ—«Методика первонач. обуч.»—стр. 96.

обихода были истощены, дѣтей стали водить въ поле, и все, тамъ попадающееся на глаза, объясняли дѣтямъ. На первый разъ неудобствъ и затрудненій оказалось не мало: съ одной стороны — ограниченная, скудная область предметовъ въ классѣ и домѣ не представляла достаточно нужнаго матеріала для наблюденій, а потому часто заставляла учителя обращаться къ памяти учениковъ; а съ другой стороны—разнообразіе предметовъ въ полѣ своею случайностью и разнохарактерностью развлекало, разсѣивало вниманіе дѣтей; а ко всему этому преподаватели не умѣли еще этотъ новый способъ обученія подчинить одному началу, такъ что дѣти терялись среди безпорядочныхъ объясненій, переходящихъ отъ предмета къ предмету, часто безъ всякаго между собою соотношенія, а учителя не видѣли конца своихъ объясненій“ [1]).

Но не одни только что указанныя обстоятельства были причиною безуспѣшности предметнаго обученія въ школѣ Песталоцци. Самое существенное условіе такой неудачи можно видѣть въ томъ, что предметные уроки, образцы которыхъ далъ Руссо, нельзя вести въ школѣ одновременно съ нѣсколькими учениками. Дѣйствительно, чѣмъ многолюднѣе школа, чѣмъ больше отвѣчаетъ она своему назначенію, удовлетворяя принципу одновременнаго массоваго обученія, тѣмъ труднѣе учителю считаться съ личными особенностями учащихся, тѣмъ строже опредѣляется въ ней преподаваніе программами, планами и другими средними нормами. Школьное обученіе не принимаетъ на себя обязанности сообразоваться съ уровнемъ и ростомъ интеллектуальныхъ способностей каждаго отдѣльнаго ученика, оно не можетъ быть тѣмъ *предметнымъ*, при посредствѣ котораго велось развитіе Эмиля, хотя, въ интересахъ ясности и прочности усвоенія, школьное обученіе можетъ вестись наглядно. Наглядное преподаваніе находится въ томъ же отношеніи къ обученію предметному, въ какомъ массовое обученіе относится къ индивидуальному. Школьная наглядность обученія въ лучшемъ случаѣ можетъ получить значеніе не болѣе, какъ суррогата предметнаго обученія. И вотъ почему вопреки установившемуся смѣшенію терминовъ— предметности и наглядности обученія — правильнѣе будетъ строго раздѣлить эти два понятія, при чемъ предметнымъ назвать такое обученіе, которое основано на *изученіи* предметовъ и явленій и для котораго, поэтому, книги и учебники служатъ не болѣе, какъ учебными пособіями; наглядным же признать обычное школьное обученіе, разъ только его уроки *иллюстрируются* картинами, или даже предметами и опытами, служащими учебными пособіями при изучаемыхъ книгахъ и учебникахъ. Предметному обученію, какъ его понималъ Руссо, нельзя поставить

---

[1]) П. Первлѣсскій—«Предметн. уроки по мысли Песталоцци»,—стр. 96.

границъ: число предметовъ, глубина ихъ взаимоотношеній — безпредѣльны; подборъ изучаемыхъ предметовъ опредѣляется интересами даннаго ученика; напротивъ,—наглядности преподаванія должны быть поставлены опредѣленныя границы: онѣ обусловливаются заранѣе поставленными задачами обученія, программами научныхъ предметовъ школьнаго преподаванія.

Несмотря однако на всѣ затрудненія для практическаго примѣненія предметнаго обученія въ школѣ, идея такого обученія, допускающаго возможность широкой индивидуализаціи, осталась все также заманчивой. Положеніе, что—„всякое знаніе должно исходить изъ наблюденія",—стало аксіомою педагогики; а „требованіе индивидуализаціи, при школьномъ обученіи" признано было—„живымъ и необходимымъ условіемъ всякой дѣльной школы" [1]). Но такъ какъ, оставаясь массовымъ, школьное обученіе все-же не могло быть строго индивидуальнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ предметнымъ, вещественнымъ, то школьною практикою и педагогическою литературою былъ предложенъ рядъ компромиссовъ, при чемъ нѣкоторыми изъ педагоговъ признавалось желательнымъ, при общей наглядности обученія, ввести въ школу особые уроки, посвященные изученію и анализу вещей и предметовъ; по мнѣнію другихъ педагоговъ — разсмотрѣніе предметовъ должно быть принято, какъ переходная ступень отъ обученія домашняго, индивидуальнаго, къ обученію массовому, школьному, но также наглядному; нѣкоторыми, наконецъ, высказывалось убѣжденіе, что хотя вообще все школьное обученіе и должно быть наглядно, но что выдѣленіе анализа предметовъ въ особые уроки школьнаго обученія если и не вредно, то во всякомъ случаѣ безполезно для учащихся.

И только въ педагогической литературѣ послѣднихъ лѣтъ начинаетъ изрѣдка опять высказываться недовольство тою организаціей, пріуроченной къ среднимъ способностямъ школы, при которой она представляется казармою съ дисциплинированною ротою солдатъ, выражается пожеланіе возможно большей индивидуализаціи обученія, а вмѣстѣ съ тѣмъ признается необходимымъ конкретный характеръ преподаванія, при чемъ основою обученія указывается опять не чтеніе и письмо, а изученіе предметовъ и явленій дѣйствительности.

---

[1]) С. Миропольскій—«Планъ и основы устройства нашей народ. школы»,—стр. 205.

II.

Въ нашей русской школьно-педагогической литературѣ и въ школьной практикѣ вопросъ о наглядности обученія успѣлъ вылиться въ свою, не лишенную интереса, исторію.

Еще въ 1817 году—„министерствомъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія была учреждена при ученомъ комитетѣ спеціальная „экспедиція для составленія и изданія географическихъ атласовъ и картъ, коллекцій минеральныхъ, гербаріевъ, собраній чучелъ животныхъ и пр., для снабженія таковыми пособіями главныхъ школъ и учебныхъ заведеній по всему государству. Несмотря однако на это, наглядность при обученіи въ нашихъ школахъ не прививалась“ [1]), имѣвшіяся въ нѣкоторыхъ школахъ коллекціи, лежали, какъ вышедшая изъ употребленія часть школьнаго инвентаря.

Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія, вмѣстѣ съ общимъ возбужденіемъ и усиленной общественной работой, замѣтно проявился у насъ и интересъ къ дѣлу образованія вообще къ методамъ школьнаго обученія и наглядности обученія въ частности. Должно однако замѣтить, что вопросъ о предметности обученія, въ той формѣ его, которая была описана Руссо,—въ нашей литературѣ почти не возбуждался. Если же методиками обученія, а также педагогическими статьями, и давались образцы, и рекомендовалось веденіе „предметныхъ бесѣдъ“, то ими называлось такое разсмотрѣніе и описаніе (устное) ряда предназначенныхъ для этого предметовъ, которое должно было вестись цѣлымъ классомъ по заранѣе составленному плану, приспособленному къ способностямъ и уровню развитія *средняго* ученика. Высказанныя по этому поводу мнѣнія могутъ быть подраздѣлены на такія же группы, какъ и въ литературѣ иностранной [2]); при этомъ также всѣми педагогами, независимо отъ отношенія ихъ къ значенію и формѣ примѣненія школьно-предметныхъ уроковъ, опредѣленно указывалось, что наглядность должна быть непремѣннымъ условіемъ преподаванія каждаго отдѣльнаго предмета школьнаго курса.

---

[1]) «Педагогич. бесѣды» Т. Лубенца, стр. 184 и 185.

[2]) Одни изъ педагоговъ, съ Ушинскимъ во главѣ, предлагали «вести наглядное преподаваніе отдѣльно» въ началѣ учебнаго курса, а затѣмъ «слить наглядное обученье съ объясненіями употребляемой въ школѣ книги для чтенія»; таковы, напримѣръ, указанія методическихъ руководствъ Паульсона, Бунакова, Орбинскаго, Миропольскаго, Николаева; за выдѣленіе «наглядныхъ уроковъ» въ особый предметъ школьнаго преподаванія представлялись доводы педагогическими трудами Перевлѣсскаго, Водовозова, Корфа, Гербача, Герда; нѣкоторыми, наконецъ, примѣненіе въ школѣ предметныхъ уроковъ или не предлагалось, или даже, какъ, напримѣръ, Шарловскимъ и Лубенцомъ, признавалось излишнимъ, или недоступнымъ по краткости курса нашей школы.

Въ практическомъ примѣненіи высказанныхъ въ печати мнѣній относительно „наглядныхъ“ или „предметныхъ“ уроковъ и наглядности обученія, школы шестидесятыхъ годовъ чрезвычайно разнились между собою, при чемъ большинство функціонировавшихъ тогда школъ все же составляли тѣ, въ которыхъ обученіе велось „постарому“. Причина такой, сравнительно, слабой распространенности наглядnаго обученія въ существовавшихъ тогда школахъ заключалась вѣроятнѣе всего въ томъ, что даже въ періодъ наибольшаго проявленія интереса къ дѣлу народнаго образованія и школьнаго обученія этимъ увлеченіемъ была охвачена лишь очень небольшая часть общества, что и въ то время существеннѣйшія положенія педагогики были еще не достаточно широко распространены. Этимъ же обстоятельствомъ въ значительной мѣрѣ объясняется и та легкость, съ которою ослабло, а затѣмъ почти погибло увлеченіе наглядnымъ методомъ, когда со стороны учрежденій и лицъ, нормирующихъ школьное дѣло, методъ этотъ подвергся гоненію, какъ признакъ опаснаго вольномыслія. Характерный примѣръ такого отношенія къ предметнымъ урокамъ и наглядности обученія даютъ программы церковно-приходскихъ школъ и школъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

Въ первыхъ строкахъ „Объяснительной записки къ программѣ (изданной въ 1886 году) преподаванія русскаго языка въ церковно-приходскихъ школахъ“, опредѣленно указывалось, что „при преподаваніи русскаго языка необходимо обращать исключительное вниманіе на изученіе языка, а не задаваться побочными цѣлями, напримѣръ, сообщеніемъ учащимся разнообразныхъ свѣдѣній изъ окружающаго міра (міровѣдѣнія), каковыя цѣли,—говорилось въ запискѣ,—обыкновенно преслѣдуются учащими на предметныхъ урокахъ, связанныхъ съ обученіемъ родному языку и на урокахъ объяснительнаго чтенія“ [1]) При этомъ цитируемая „записка“ опредѣляла обязательное и одинаковое число уроковъ по каждому изъ предметовъ учебнаго курса школъ данной категоріи всей Россіи и ставила правиломъ, что „распредѣленіе уроковъ изъ всѣхъ предметовъ по днямъ недѣли и переносъ ихъ по мѣстнымъ потребностямъ изъ одного года въ другой, въ предѣлахъ одного и того же класса [2]), предоставляется епархіальнымъ училищнымъ совѣтамъ, съ утвержденія епархіальнаго преосвященнаго“ [3]).

Изданныя въ 1897 году „Примѣрныя программы предметовъ, преподаваемыхъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія“ близко напоминаютъ программы цер-

---

[1]) «Программа учебн. предм. для ц.-н. школъ»; изд. 1886 г., стр. 46.

[2]) Выраженіе это непонятно, но оно не представляетъ опечатки, такъ какъ слово въ слово повторено «Программою», изд. 1898 г., стр. 40.

[3]) «Прогр.» 1886 г., стр. 72.

ковно-приходскихъ школъ, изданныя въ 1886 году и послужившія, какъ это видно изъ ихъ сопоставленія, образцомъ для программъ министерскихъ [1]). Въ нихъ также имѣется „расписаніе уроковъ, указывающее еженедѣльное число часовъ занятій, которое обязательно для каждаго народнаго училища, и которое можетъ быть измѣнено по особо уважительнымъ причинамъ лишь съ дозволенія мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ"; ими также признается „необходимымъ во всякомъ случаѣ" избѣгать „такъ называемыхъ предметныхъ бесѣдъ" и рекомендуется учителю,—при объясненіи статьи „не увлекаться желаніемъ дѣлиться съ дѣтьми всѣми свѣдѣніями, которыя онъ самъ имѣетъ о данномъ предметѣ; онъ долженъ сообщать, если это требуется въ видахъ лучшаго разъясненія статьи, *только самое необходимое*, избѣгая многословія и *не удаляясь отъ читаемаго текста*" [2]). Что же касается наглядности въ передачѣ предметовъ преподаванія, то по этому вопросу министерская программа ограничивается указаніемъ на то, что—„полезно упражнять учениковъ въ сложеніи и вычитаніи на торговыхъ счетахъ, такъ какъ подобныя вычисленія и развиваютъ пониманіе пріемовъ вычисленій и практически очень полезны"; затѣмъ—„рекомендуетъ, какъ весьма полезное, употребленіе при прохожденіи элементарнаго курса Закона Божія наглядныхъ пособій, каковы: картины изъ Свящ. Исторіи, географическія карты, изображенія различныхъ мѣстностей и священныхъ предметовъ"; наконецъ замѣчаетъ, что „для начальнаго упражненія дѣтей въ церковно-славянскомъ чтеніи могутъ служить стѣнныя таблицы краткихъ употребительнѣйшихъ молитвъ, уже прежде заученныхъ наизусть со словъ законоучителя... Но паче всего славянское чтеніе должно быть благоговѣйное и молитвенное", наглядный примѣръ какового учитель долженъ представить „собственнымъ своимъ образцовымъ чтеніемъ" [3]).

Инымъ стало въ это время отношеніе къ наглядности обученія и учительскихъ семинарій, и педагогическихъ руководствъ, и даже руководствъ однихъ и тѣхъ же авторовъ.

Характеризуя реакціонное настроеніе школьнаго обученія въ Россіи, слѣдовавшее за подъемомъ его въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, Лубенецъ говоритъ: „съ восьмидесятыхъ годовъ въ начальной народной школѣ снова воцарилось книжное преподаваніе, отвлеченность, зазубриваніе грамматическихъ правилъ и писаніе диктовокъ, состоящихъ изъ отдѣльныхъ безсвязныхъ и безсмысленныхъ фразъ; су-

---

[1]) «Вѣстн. Воспит.» 1897 г. № IV; ст. «Новыя программы для народн. школъ»; а также ст. Н. С. «Новая прогр. народ. училищъ» въ «Смоленск. Вѣстн.» 1897 г. № 211.

[2]) «Примѣрн. прогр.», изд. 1897 г., стр. 20 и 21.

[3]) То же, – стр. 15, 17 и 29.

ществующіе молодые учителя не только не умѣли использовать наглядного преподаванія, но и не имѣли о немъ никакого представленія“ [1]).

И вотъ только въ послѣдніе годы, когда въ обществѣ опять началъ усиливаться интересъ къ качественной сторонѣ обученія, стала проявляться и забота о наглядности преподаванія, объ обезпеченіи школъ наглядными пособіями и объ устройствѣ музеевъ наглядныхъ пособій. Но и теперь, на ряду съ указаніемъ фактовъ, позволяющихъ „бодро и радостно смотрѣть впередъ“, школьною литературою свидѣтельствуется также и то, что—„уѣзды, школы которыхъ располагаютъ сколько-нибудь значительными коллекціями наглядныхъ пособій, являются, все-таки, рѣдкими исключеніями, что въ большинствѣ случаевъ изслѣдователи положенія этого дѣла констатируютъ факты поразительной бѣдности въ этомъ отношеніи большинства школъ; что есть мѣстности, гдѣ *на всѣ школы уѣзда* приходится, напримѣръ, двѣ географическія карты и одинъ глобусъ [2]).

III.

Вопросъ о наглядности преподаванія въ земскихъ школахъ Московской губерніи, прошелъ черезъ тѣ же формы развитія, какъ и вообще въ русской начальной школѣ. Семидесятые годы здѣсь также были періодомъ подъема школьно-педагогической жизни, при чемъ и здѣсь признавалось необходимымъ преобразовать школу, высказывались смѣлыя мысли относительно задачъ и методовъ обученія вообще и наглядности преподаванія въ частности.

На бывшемъ въ 1874 году второмъ съѣздѣ учителей Серпуховского уѣзда учитель А. Соколовъ, исходя изъ основныхъ положеній, что „всѣ законы и принципы не что иное, какъ обобщенія“, и что—„чѣмъ больше умъ человѣка имѣетъ слѣдовъ отъ наблюденій, тѣмъ шире его мысль; и чѣмъ она яснѣе, тѣмъ живѣе, сильнѣе, вѣрнѣе и ближе къ дѣйствительности“,—также указывалъ, что—„и при обученіи все умственное развитіе дѣтей должно выходить изъ внѣшняго созерцанія“; что — „прежде нежели начнется серьезное обученіе тому или другому предмету, и даже въ то время, когда будетъ излагаться тотъ или другой предметъ, необходимо ввести наглядное созерцаніе дѣйствительности, наблюденіе предметовъ и ихъ свойствъ, какъ единственный и прочный фундаментъ для всей послѣдующей работы мысли“. Въ школѣ, проектированной референтомъ—„преподаваніе начнется разсмо-

[1]) «Педагогическія бесѣды», стр. 187.

[2]) Н. В. Чехова.—«Наглядность обученія и наглядныя пособія въ нач. школѣ», стр. 9.

трѣніемъ, опредѣленіемъ и уясненіемъ отдѣльныхъ предметовъ и окончится изслѣдованіемъ главныхъ основныхъ причинъ"; такая школа—„должна итти путемъ естественнымъ, должна итти по тому пути, по которому шло и все человѣчество"; ученикъ же, — „начавши изученіемъ ближайшаго, сдѣлается потомъ гражданиномъ всего міра, господиномъ всей природы, полнымъ владѣтелемъ своего существованія".

Какъ видимъ, въ данномъ случаѣ предлагалось примѣнить въ школѣ особую форму предметнаго обученія, при чемъ составитель реферата видѣлъ, какъ трудно положеніе того лица, которое возьмется составить планъ подобной системы. „Но, — замѣчалъ г. Соколовъ, — трудность подобной разработки все-таки не снимаетъ съ насъ этой обязанности; мы всѣми силами должны заняться этимъ, такъ какъ это можетъ дать новый видъ школѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что не единичными силами можетъ быть выполнена эта задача: она требуетъ единодушнаго усилія всѣхъ насъ".

Не меньшая опредѣленность взгляда относительно наглядности преподаванія была выражена въ другомъ, читанномъ на томъ же съѣздѣ, рефератѣ учителя М. Богоявленскаго, основнымъ положеніемъ котораго было то, что существеннѣйшимъ условіемъ „при сообщеніи различныхъ свѣдѣній объ окружающемъ мірѣ нужно признать *наглядность*. Природу,—говорилъ онъ, приближаясь къ мысли Руссо,—можно съ пользою изучить только по самой природѣ; модель же, рисунокъ, книга (особенно послѣдняя) должны быть приняты, какъ второстепенныя пособія". Г. Богоявленскій рѣшительно высказывался противъ догматическаго метода обученія: „употребляя его, преподаватель непремѣнно сообщитъ въ данное количество времени *большее количество свѣдѣній*, но эти свѣдѣнія если и будутъ восприняты умомъ учащихся, то *весьма поверхностно;* умственная дѣятельность получитъ при этомъ весьма малое возбужденіе, или же и вовсе не будетъ возбуждена, на работу явится одна память, вновь пріобрѣтенное будетъ слабо скрѣплено съ другими однородными съ нимъ свѣдѣніями, а въ результатѣ существованіе такого свѣдѣнія *непродолжительно*".

Бывшимъ въ 1873 году съѣздомъ учителей въ Сернуховѣ было принято положеніе, что—„*наглядность есть основаніе элементарнаго преподаванія;* преподаваніе каждаго предмета въ школѣ должно быть *наглядно*, т.-е. такое, чтобы ученики доходили до усвоенія знаній путемъ чувственныхъ, образныхъ воспріятій". Вмѣстѣ съ тѣмъ съѣздомъ рѣзко подчеркивалось и то, теперь нерѣдко забываемое даже педагогическими руководствами и статьями правило, что—„*наглядность* преподаванія нужно отличать отъ такъ называемаго *нагляднаго* (*предметнаго*) *обученія*". Что же касается отношенія къ этому послѣднему большинства учителей,—то оно выразилось въ постановленіи съѣзда, приняв-

наго положеніе, что—„наглядное обученіе должно предварять, а затѣмъ итти рука объ руку съ преподаваніемъ другихъ предметовъ школьнаго курса“. И можно полагать, что мнѣніе это не составляло особенности педагогическихъ взглядовъ преподавательскаго персонала одного названнаго уѣзда [1]).

Къ сожалѣнію только, какъ наглядность преподаванія, такъ и попытки примѣненія въ школѣ предметныхъ уроковъ, стали привлекать все меньше и меньше вниманія, и, наконецъ, вотъ что писали прослужившіе не менѣе 10 лѣтъ въ Московской губерніи учителя въ школьномъ отчетѣ за $189^{3}/_{4}$ учебный годъ, отвѣчая на вопросъ: „за время службы преподавателя не измѣнилось ли (и въ какомъ направленіи) отношеніе его къ системѣ и объему преподаванія какого-либо предмета?“

„Наглядное обученіе прежде было особымъ предметомъ и требовало много времени, въ настоящее же время необходимыя свѣдѣнія дѣти получаютъ при помощи чтенія и болѣе обращено вниманія на изученіе грамматики“.

„Сравнительно съ прежнимъ теперь менѣе удѣляется времени на обученіе чтенію и письму въ младшемъ отдѣленіи, на *наглядныя* бесѣды и на бесѣды при объяснительномъ чтеніи“.

„За время 15-ти лѣтней службы въ начальныхъ училищахъ замѣчается также и та разница въ системѣ занятій, что въ послѣднее время гораздо менѣе труда и времени обращается на наглядныя бесѣды“.

„За время моего преподаванія (19 л.), — писалъ учитель частной школы, — радикально измѣнилось отношеніе къ объему преподаванія грамматики и такъ называемому наглядному обученію, имѣвшему цѣлью, кромѣ сообщенія знаній ученику, пріученіе его къ наблюдательности и развитіе любознательности“.

Когда въ 1896 г. статистическимъ отдѣленіемъ Московской губернской земской управы собраны были свѣдѣнія объ учебникахъ и учебныхъ пособіяхъ, употребляемыхъ въ начальныхъ школахъ, то, хотя опросный бланкъ и не заключалъ въ себѣ параграфа о наглядныхъ пособіяхъ, было не мало получено подобныхъ приведенныхъ отзывовъ, характеръ содержанія которыхъ, какъ говорилось въ отчетѣ, — прекрасно былъ переданъ слѣдующею замѣткою одной изъ учительницъ: „коллекціи и картины по естественной исторіи, глобусъ, географическія картины не составляютъ въ настоящее время необходимой принадлежности народной школы. Уроки чтенія, на которыхъ, при помощи наглядныхъ пособій, ученикъ получаетъ ясныя понятія о земномъ шарѣ, о явленіяхъ природы, знакомится съ людьми, населяющими земной шаръ

---

[1]) См. «Четвертый съѣздъ земскихъ учителей и учительницъ Московскаго уѣзда 1884 г.» стр. 5.

и т. д.,—такіе уроки чтенія знала народная школа въ недавнемъ, сравнительно, прошломъ, считала ихъ однимъ изъ лучшихъ средствъ развитія учащихся, пробужденія въ нихъ любознательности и сознательнаго отношенія къ окружающему, но такихъ уроковъ не знаетъ современная народная школа.... Желательно,—говорится далѣе въ томъ же сообщеніи,—чтобы *въ земствѣ* народная школа нашла поддержку принципа наглядnаго обученія, какъ могучаго средства къ развитію учащихся. Преподаваніе должно сойти съ почвы сухого, безполезнаго въ цѣляхъ умственнаго развитія грамматизма, по какому-то странному недоразумѣнію усиленно внѣдряемаго въ народную школу. *Земство* устраиваетъ библіотеки при школахъ, книжные склады—и *земская* школа обязана пробудить въ своихъ питомцахъ жажду къ пріобрѣтенію знаній: только тогда средства, направленныя къ просвѣщенію массы, будутъ достигать своей цѣли".

Представляя эти замѣчанія, какъ наиболѣе характерныя для подавляющаго большинства учительскихъ отзывовъ по данному предмету, должно оговориться, что по тому же вопросу доставлены были нѣкоторыми преподавателями отвѣты иного содержанія, заставлявшіе допустить, что, и въ годы наибольшаго застоя въ примѣненіи наглядности при обученіи, встрѣчались школы, гдѣ преподаваніе было поставлено съ этой стороны болѣе или менѣе удовлетворительно; но уже одно то обстоятельство, что подобнаго рода сообщенія составляли незначительное меньшинство, указываетъ на исключительность въ данныхъ случаяхъ постановки школьнаго обученія. Также мало, повидимому, говоритъ противъ заключенія объ упадкѣ наглядности въ обученіи и то обстоятельство, что такъ называемыя „наглядныя пособія" не переставали встрѣчаться въ земскихъ школахъ Московской губерніи за все время ихъ существованія. Но дѣло въ томъ, что наличность этого рода пособій далеко не всегда можетъ служить признакомъ примѣненія наглядности обученія, дѣйствительно, какъ въ семидесятыхъ годахъ были школы, въ которыхъ различнаго рода коллекціи составляли лишь декорацію школы [1]), такъ и въ 1896 году встрѣчались школы, въ которыхъ имѣвшіеся глобусъ и карты оставались безъ употребленія [2]). Имѣющіеся по данному вопросу отзывы учительницъ и учителей съ увѣренностью позволяютъ заключить, что за время восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ, несмотря на наличность наглядныхъ пособій въ нѣкоторыхъ школахъ, примѣненіе наглядности не только не развивалось, а постепенно падало.

---

[1]) «Четвертый съѣздъ земскихъ учителей Москов. у. 1884 г.», стр. 5.

[2]) «Статист. Ежегодн. Москов. губ. 1896 г.»; ст.—«Учебники и учебн. пособія въ земской школѣ Москов. губ.»—стр. 5 и 6.

Что же касается вліянія въ данной области со стороны земства, то нельзя сказать, чтобы въ этомъ отношеніи земство оставалось безучастнымъ, какъ это видно изъ дальнѣйшаго сопоставленія свѣдѣній о размѣрахъ обезпеченія земскихъ школъ наглядными пособіями.

Изъ „Сборника статистическихъ свѣдѣній“ по Московской губерніи, изданнаго въ 1884 году, видно, что въ 1882 г. школы, имѣвшія какія-либо наглядныя пособія, считая въ этомъ числѣ школъ и тѣ, въ которыхъ находились только „ветхія картины по священной исторіи“, составляли около половины (48%) общаго числа (427) земскихъ школъ. Въ частности же „картины по священной исторіи находились въ 146 училищахъ, по русской исторіи и изъ крестьянскаго быта—въ 24 школахъ, по естественной исторіи — въ 18 школахъ, сказки въ картинахъ имѣлись въ 20 школахъ... Большіе, или, такъ называемые, шведскіе счеты имѣлись только въ 71 школѣ; глобусы—въ 33; географическія карты—въ 40 школахъ. Мѣры длины, геометрическія фигуры и особенно компасъ составляли большую рѣдкость въ земскихъ школахъ губерніи. О существованіи микроскопа было заявлено только въ одномъ училищѣ Звенигородскаго уѣзда. Очень можетъ быть,—оговаривается при этомъ составитель „Сборника“,—что приведенныя цифровыя данныя о наглядныхъ пособіяхъ, извлеченныя изъ отчетовъ учителей и не вполнѣ точны, во всякомъ случаѣ они близки къ дѣйствительности“ [1]) и, слѣдовательно, вполнѣ достаточны для сопоставленія съ позднѣе собраннымъ по этому предмету матеріаломъ.

Пользуясь этого рода свѣдѣніями за $189^{3}/_{4}$ учебный годъ, можно видѣть, что изъ 506 школъ, относительно которыхъ имѣлись сообщенія о томъ, насколько наглядно велось въ нихъ „объяснительное чтеніе“, 228 школъ имѣли географическія карты, глобусы имѣлись въ 165 школахъ, въ 16 имѣлись естественно-историческіе атласы и картины, въ 7 школахъ—картины по русской исторіи, затѣмъ встрѣчались единичные случаи, когда въ школѣ имѣлись коллекціи насѣкомыхъ, минераловъ и т. д.

Особенно замѣтно увеличилось число школъ, снабженныхъ наглядными пособіями за слѣдующія 9 лѣтъ, какъ это видно изъ матеріала, собраннаго въ 1903 году, когда въ Московской губерніи изъ числа 718 школъ, доставившихъ этого рода свѣдѣнія, имѣлись наглядныя пособія по объяснительному чтенію (считая въ числѣ этихъ пособій—географическія карты, глобусы, картины, иллюстрирующія историческія событія и т. д.) — въ 589 школахъ; картины по священной

---

[1]) «Сборн. стат. свѣд. по Московской губ.», т. IX, стр. 139.

исторіи, карты Палестины и т. п. имѣлись въ 591 школѣ; наконецъ такихъ школъ, въ которыхъ находились наглядныя пособія (не включая въ число ихъ торговыхъ счетовъ) по предмету арифметики было всего 409.

Но какъ ни увеличилось число земскихъ школъ, имѣющихъ тѣ или иныя наглядныя пособія, все же и въ настоящее время школы, въ которыхъ нѣтъ такихъ пособій по отдѣльнымъ предметамъ учебнаго курса, какъ это видно изъ изложеннаго, встрѣчаются очень не рѣдко, при чемъ и тѣ школы, которыя располагаютъ какими-либо наглядными пособіями надѣлены ими безсистемно и въ большинствѣ случаевъ очень недостаточно.

И надобно замѣтить, что въ данномъ отношеніи школы Московской губерніи не представляются исключительными; и если можно указать нѣкоторыя губерніи, какъ, напримѣръ,—Курскую, гдѣ школы обезпечены наглядными пособіями сравнительно полнѣе, то, судя по имѣющимся свѣдѣніямъ, въ значительномъ большинствѣ губерній земской Россіи снабженіе школъ наглядными пособіями постановлено не въ лучшія, чѣмъ въ Московской губерніи, условія.

Обращаясь къ болѣе детальному разсмотрѣнію полученныхъ въ 1903 году данныхъ по земскимъ школамъ Московской губерніи, найдемъ, что изъ числа наглядныхъ пособій по предмету Закона Божія наиболѣе часто встрѣчались картины изъ исторіи Новаго Завѣта—въ 586 школахъ; Ветхаго Завѣта—въ 185 школахъ; картины, иллюстрирующія богослуженіе, или употребляемыя при богослуженіи предметы, имѣлись въ 102 школахъ и, наконецъ, въ 97 школахъ имѣлись карты Палестины.

Сравнительно полнѣе надѣлены картинами по предмету Закона Божія школы Клинскаго, Коломенскаго и Московскаго уѣздовъ; противуположными имъ въ этомъ отношеніи могутъ быть названы уѣзды Бронницкій и Волоколамскій. Сравнительно чаще встрѣчаются школы, надѣленныя 12—13 картинами изданія Сытина; только въ школахъ Московскаго и Серпуховского уѣздовъ имѣются: изданія Думнова въ первомъ изъ этихъ уѣздовъ и Ильина—во второмъ и, какъ исключенія, встрѣчаются изданія Фену, Сидорскаго, Генкеля, Бахметевой и нѣкоторыя другія.

Наглядныя пособія по предмету арифметики, по словамъ преподавателей, имѣлись, какъ было сказано въ 409 школахъ изъ 718. Сравнительно чаще встрѣчались арифметическіе ящики—въ 277 школахъ,

въ 151—шведскіе счеты; образцы метрическихъ мѣръ имѣлись въ 156 школахъ, мѣры длины—въ 105 школахъ, дробныя счеты въ 17 школахъ, затѣмъ въ 13 школахъ имѣлись модели формъ геометрическихъ тѣлъ, 4 школы имѣли пособія для объясненія мѣръ квадратныхъ, наконецъ въ 2 школахъ имѣлись циферблаты со стрѣлками, употребляемые при изученіи мѣръ времени и при рѣшеніи соотвѣтствующихъ задачъ.

Самые богатые по числу школъ, обезпеченныхъ наглядными пособіями по ариѳметикѣ,—уѣзды: Московскій, Клинскій и Дмитровскій; противуположны имъ въ этомъ отношеніи—уѣзды: Верейскій, Подольскій, Серпуховской и въ особенности Рузскій.

Приведенныхъ данныхъ, однако, также недостаточно, чтобы составить вѣрное понятіе о наглядности преподаванія ариѳметики въ нашихъ школахъ. И это не потому только, что въ составъ этихъ пособій, какъ сказано выше, не были включены торговые счеты, но и потому, что учительницы и учителя, сообщившіе этого рода свѣдѣнія, не всегда давали достаточно полный по настоящему вопросу отвѣтъ. Дѣло въ томъ, что самый терминъ „наглядное пособіе по ариѳметикѣ“ прилагается лишь къ нѣкоторымъ, а именно—къ названнымъ выше пособіямъ. Такіе же предметы, какъ пучки палочекъ, самодѣльная сажень, подраздѣленная на аршины и вершки и т. п., въ составѣ „наглядныхъ пособій“ обычно не указывались. Вотъ что, напримѣръ, писала въ своемъ отзывѣ одна изъ учительницъ Бронницкаго уѣзда: „Преподаваніе учебныхъ предметовъ въ большинствѣ случаевъ ведется при отсутствіи наглядности. Нельзя же, напримѣръ, считать наглядымъ веденіемъ дѣла, если учитель во время урока ариѳметики, въ случаѣ затрудненія, берется за спички, камешки, квадраты и т. п., или рисуетъ на доскѣ футъ съ дѣленіемъ на дюймы и послѣ класса стираетъ изображеніе фута. Это ли наглядное преподаваніе ариѳметики?“

А между тѣмъ названные предметы въ качествѣ наглядныхъ пособій способствуютъ наглядности преподаванія ариѳметики едва ли менѣе, чѣмъ предметы, спеціально для этого назначенные; наличность же въ школѣ нарисованнаго учителемъ циферблата, или вырѣзанныхъ учениками квадратныхъ вершковъ, дюймовъ и т. д., безъ сомнѣнія, гораздо вѣрнѣе свидѣтельствуетъ о примѣненіи въ этой школѣ наглядности при изученіи ариѳметики, чѣмъ доставленный изъ управы или подаренный попечителемъ школы ариѳметическій ящикъ.

И есть основанія полагать, что если не за все время преподаванія ариѳметики, то при началѣ ея изученія, а именно—при изученіи чиселъ перваго десятка въ младшемъ отдѣленіи школы, а затѣмъ при изученіи десятичной системы, когда учителя пользуются спичками, камешками, пучками палочекъ, испорченными перьями и т. п., наглядъ-

ность преподаванія давно уже стала явленіемъ обычнымъ, заурядным; и только въ рѣдкихъ школахъ, хотя несомнѣнно, что есть и такія школы, въ которыхъ, при преподаваніи ариѳметики, не употребляются никакія наглядныя пособія. Вотъ что, напримѣръ, писали учителя начальныхъ школъ Богородскаго уѣзда, отвѣчая на вопросъ: „если школа нуждается въ какихъ-либо предметахъ, примѣняемыхъ для болѣе наглядnаго преподаванія ариѳметики, то, въ виду отсутствія ихъ, не замѣняются ли они какими-либо другими предметами, какими именно, и при какихъ условіяхъ предметы эти употребляются?“

„При прохожденіи чиселъ перваго десятка приходится пользоваться палочками, кубиками, карандашами; при сообщеніи ученикамъ квадратныхъ и кубическихъ мѣръ каждый учащійся старшаго отдѣленія приготовляетъ изъ бумаги квадратный вершокъ, четверть, футъ; кубическій вершокъ, четверть, футъ“.

„Дѣти рѣжутъ палочки, связываютъ ихъ десятками, сотнями и по нимъ ведется наглядное знакомство съ числами“.

„Въ виду отсутствія желательныхъ пособій они замѣняются самыми обыкновенными вещами, какъ-то: палочками, листочками бумаги и др. Употребляются они при счетѣ въ первомъ отдѣленіи, при объясненіи дробей, и часто при разъясненіи задачъ“.

„При изученіи чиселъ перваго десятка примѣняются монеты, ручки, перья и другіе ближайшіе предметы, также и при прохожденіи нумераціи; для ознакомленія съ квадратными и кубическими мѣрами употребляются картонные квадратный и кубическій вершокъ, футъ“.

„Желательныя наглядныя пособія замѣняются предметами собственнаго издѣлія: палочками въ разсыпную и связанными въ пучки десятками и сотнями, кубиками—въ количествѣ десятка“.

„Какъ при изученіи чиселъ перваго десятка, такъ и при объясненіи нумераціи, устномъ счетѣ и рѣшеніи задачъ употребляются спички, палочки, шарики, копѣйки и т. п.“.

„Классные счеты замѣнены были, хотя и съ большими неудобствами, счетами ручными. Удовлетворительною замѣною ариѳметическаго ящика служили разнородные пучки палочекъ и отдѣльныя палочки. Что же касается до образцовъ русскихъ мѣръ, то нѣкоторые изъ нихъ можно было найти въ селеніи и школа извѣстное время могла ими пользоваться“.

„Приходится считать палочки, самой дѣлать квадраты и кубы, рисовать на классной доскѣ“.

„Объясняешь при помощи рисунковъ на доскѣ, а также фигуръ, вырѣзанныхъ изъ бумаги (при прохожденіи квадратныхъ и кубическихъ мѣръ)“.

„При счетѣ въ предѣлѣ чиселъ перваго десятка примѣняются: па-

лочки, шарики, грифеля, ручки, орѣхи, монеты и т. д.; палочки связываются пучками по 10, а затѣмъ собранные пучки связываются въ большіе пучки—по 10-ти малыхъ пучковъ, при помощи которыхъ ребятами усвояется нумерація".

„Ариѳметическій ящикъ, при изученіи чиселъ отъ 1 до 100, замѣняется другими наглядными пособіями: ручками, карандашами, косточками на счетахъ, прутиками, пуговицами и т. д.";

Подобные отвѣты даны были школьными учителями и учительницами и другихъ уѣздовъ.

Наглядныя пособія по предмету *объяснительнаго чтенія*, какъ объ этомъ сказано было выше, имѣются въ значительномъ большинствѣ начальныхъ земскихъ школъ губерніи: въ 589 школахъ изъ 718; въ частности, учителями, сообщившими эти свѣдѣнія, указаны были слѣдующія пособія:

Карты полушарій или всѣхъ частей свѣта.....	въ	408	школ.
Карты Россіи.....	„	433	„
Глобусы.....	„	311	„
Отдѣльныя карты Европы.....	„	95	„
Географическіе атласы.....	„	43	„
Картины по естественно-научнымъ предметамъ...	„	350	„
Картины по анатоміи и т. п.....	„	70	„
Картины, иллюстрирующія разсказы изъ исторіи..	„	129	„

Затѣмъ въ 16 школахъ имѣлись картины, а въ 10—коллекціи минераловъ; 12 школъ имѣли компасъ и столько же теллурій, 8 школъ—магнитъ; въ 10—имѣлись картины по этнографіи; наконецъ въ отдѣльныхъ школахъ назывались такіе предметы, какъ „коллекціи для нагляднаго обученія (въ 2 школахъ), микроскопъ (въ 3 школахъ, изъ которыхъ въ одной школѣ имѣлся микроскопъ, увеличивающій въ 25, а въ другой — въ 200 разъ), гербарій, картины мѣстныхъ растеній, коллекція окаменѣлостей, коконъ шелковичнаго червя, кораллы, морскія раковины, приборъ, показывающій расширеніе тѣлъ отъ теплоты и т. д.

Наглядныя пособія къ статьямъ естественно-научнаго содержанія въ подавляющемъ большинствѣ школъ состоятъ изъ картинъ по зоологіи, въ среднемъ — по 20 на школу, имѣющую такія картины; достаточно часто, хотя и рѣже чѣмъ картины по зоологіи, встрѣчаются, въ среднемъ по 9 на школу,—картины по ботаникѣ.

Школы, въ которыхъ имѣются этого рода пособія, сравнительно чаще встрѣчаются въ уѣздахъ: Московскомъ, Богородскомъ, Коломенскомъ и Подольскомъ; противуположными въ этомъ отношеніи уѣздами могутъ быть названы: Бронницкій, Верейскій, Можайскій и, отчасти, Рузскій.

Всматриваясь въ только что приведенныя данныя, прежде всего нельзя не замѣтить, что школы съ наглядными пособіями составили большинство главнѣйшимъ образомъ потому, что въ эту группу включены и всѣ тѣ нерѣдко встрѣчаемыя школы, которыя, кромѣ географическихъ картъ, не обладаютъ никакими наглядными пособіями. Пособія по географіи встрѣчаются въ 75% всѣхъ школъ. Однако, если имѣть въ виду, что *карты*, въ качествѣ пособія при усвоеніи дѣтьми содержанія данныхъ статей, гораздо въ меньшей степени удовлетворяютъ требованіямъ наглядности преподаванія, чѣмъ даже *картины*, допускаемыя въ школы только лишь за отсутствіемъ болѣе полезныхъ въ данномъ случаѣ *предметовъ*, то, — если судить о степени осуществленія идеи наглядности преподаванія по числу школъ, обладающихъ соотвѣтствующими пособіями,—нельзя будетъ не признать, что и статьи географическаго содержанія только въ очень немногихъ школахъ читаются съ тою силою наглядности, какъ это было бы желательно. Въ самомъ дѣлѣ,—такое, болѣе отвѣчающее требованіямъ наглядности, пособіе какъ глобусъ, — имѣется только въ меньшинствѣ школъ; карта Московской губерніи встрѣчается только въ 34 школахъ, большинство которыхъ находится въ Московскомъ и Подольскомъ уѣздахъ; картою даннаго уѣзда располагаютъ 4 школы, и только 1 школа нашлась такая, въ которой, вмѣстѣ съ картою всѣхъ частей свѣта и картою Московской губерніи, имѣлась карта и „той части губерніи, гдѣ находится эта школа“, т.-е. оказалась только одна школа, въ которой и географическія карты имѣлись въ достаточномъ составѣ; такъ какъ несомнѣнно, что въ школахъ, не имѣющихъ плана окружающей школу мѣстности, въ которыхъ ученики не имѣютъ яснаго представленія о масштабѣ, о странахъ свѣта и т. д., во всѣхъ этихъ школахъ географическія карты не могутъ служить наглядными пособіями.

Но если, тѣмъ не менѣе, число школъ, обезпеченныхъ пособіями по географіи и притомъ такими мало-наглядными пособіями, какъ географическія карты, значительно превышаетъ число школъ, имѣющихъ наглядныя пособія по другимъ предметамъ, — то отсюда самъ собою является вопросъ, — чѣмъ же такое явленіе объясняется? И невольно отвѣтомъ на этотъ вопросъ представляется то соображеніе, что причиною этого служитъ отмѣчаемое учителями и учительницами все возрастающее экзаменаціонное требованіе умѣнья „показать на картѣ“ тѣ или иные города, рѣки и т. д., благодаря чему карты, которыми надѣляются школы, становятся не пособіями для наглядnаго преподаванія, а предметами изученія, почти такъ же мало наглядnаго, какъ и изученіе грамматики.

Картины изъ русской исторіи, которыми располагаютъ около 18% всѣхъ школъ, въ большинствѣ случаевъ состоятъ изъ нѣсколькихъ

иллюстрацій изданія гг. Салаева или Залѣсской; въ среднемъ—на одну такую школу приходится 12 картинъ. Къ сожалѣнію, картины эти едва ли способствуютъ учащимся въ прочности усвоенія знаній изъ области исторіи [1]). Кромѣ того, не пріуроченныя къ составу имѣющихся въ школѣ книгъ, картины эти не всегда удачно иллюстрируютъ такъ называемыя „историческіе разсказы", и въ большинствѣ случаевъ такъ же какъ и иллюстрирующія священную исторію, только украшаютъ стѣны школъ, не служа, въ сущности, наглядными пособіями. Наличность же подобныхъ картинъ ничего не говоритъ о наглядности преподаванія въ данной школѣ, а скорѣе заставляетъ предложить, что въ обезпеченіи школъ наглядными пособіями сказалось не столько вліяніе самой постановки школьнаго дѣла (она довольно однообразна въ школахъ различныхъ уѣздовъ), сколько вліяніе иныхъ факторовъ, какъ, напримѣръ, — щедрости попечителей школъ, взглядовъ членовъ училищнаго совѣта, а всего болѣе—заботливости земскихъ управъ. Этимъ то именно и объясняется, вѣроятно, та особенность обезпеченія школъ наглядными пособіями, что нѣкоторыя изъ нихъ встрѣчаются преимущественно въ школахъ одного какого-либо уѣзда; такъ, напримѣръ, картины по пчеловодству, а также иллюстрирующія „пользу и вредъ нашихъ птицъ" преимущественно встрѣчаются въ школахъ Коломенскаго уѣзда, карты Азіатской Россіи наиболѣе часто попадаются въ школахъ Подольскаго уѣзда, довольно значительное большинство картъ Европы приходится на школы Московскаго и Клинскаго уѣздовъ; напротивъ,—въ школахъ Подольскаго, Рузскаго и Коломенскаго уѣздовъ этихъ послѣднихъ картъ почти совсѣмъ нѣтъ и т. п.

Заканчивая настоящую главу попыткою представить общее заключеніе о степени и характерѣ обезпеченія дѣйствующихъ земскихъ школъ наглядными пособіями, можно замѣтить, что въ этомъ отношеніи во всѣхъ уѣздахъ губерніи между отдѣльными школами наблюдается существенная разница, при чемъ на ряду со школами, обезпеченными, хотя въ большинствѣ случаевъ безсистемно, наглядными пособіями, встрѣчаются школы, не имѣющія такихъ пособій вовсе. Однако, какъ ни замѣтно отсутствіе какой-либо планомѣрности въ надѣленіи начальныхъ школъ наглядными пособіями, и какъ ни бѣдны ими школы,— вмѣстѣ съ этими отрицательными явленіями нельзя не обратить вниманія и на положительный, уже констатированный выше фактъ: на значи-

---

[1]) Относительно преподаванія исторіи см. Лакомба—«Воспитаніе, основан. на психологіи ребенка» стр. 31—35; Спенсера—«Воспитаніе умств., нрав., и физ.» – стр. 40—45. О картинахъ въ качествѣ нагляд. пособій — у Водовозова — «Предм. обученія»— стр. 49—51.

тельное за послѣдніе годы увеличеніе числа школъ, располагающихъ наглядными пособіями.

Но не въ одномъ только непосредственномъ обезпеченіи школъ названными пособіями выразилось желаніе земствъ Московской губерніи оказать посильное воздѣйствіе на улучшеніе школьнаго преподаванія; сказалось оно и въ организаціи музеевъ наглядныхъ пособій, къ характеристикѣ которыхъ мы теперь и обратимся.

IV.

Изъ тринадцати уѣздовъ Московской губерніи—въ уѣздахъ *Богородскомъ*, *Бронницкомъ и Московскомъ* вопроса объ устройствѣ уѣздныхъ музеевъ наглядныхъ пособій еще не возбуждалось.

Описаніе музеевъ, имѣющихся въ остальныхъ десяти уѣздахъ губерніи, мы начнемъ съ старѣйшаго изъ нихъ—*Можайскаго*, прежде всего потому, что условія возникновенія и семилѣтней дѣятельности его представляютъ нѣкоторые черты, характерныя вообще для школьно-музейнаго дѣла; кромѣ того, свѣдѣнія о Можайскомъ музеѣ интересны еще и по тому значенію, которое за нимъ признается.

Можайскій музей наглядныхъ пособій былъ учрежденъ согласно постановленію Можайскаго земскаго собранія 1898 года, т.-е. первымъ изъ числа уѣздныхъ музеевъ, при чемъ, какъ это отмѣчалось въ печати, устройство его—„дало сильный толчокъ музейному движенію“ [1]). Музей этотъ называется піонеромъ въ дѣлѣ возникновенія подвижныхъ школьныхъ музеевъ, образцомъ для организаціи другихъ музеевъ [2]), признакомъ прогрессивности земства [3]). Въ отчетѣ о дѣятельности Можайскаго музея за $190^{3}/_{4}$ учебный годъ отмѣчается на основаніи приводимыхъ данныхъ, что „Можайскій подвижной школьный музей, по признанію вполнѣ авторитетныхъ учрежденій и лицъ, является своего рода цѣннымъ опытнымъ полемъ на нивѣ просвѣщенія, не только для мѣстныхъ уѣзда и губерніи“. Въ 1901 году Можайская земская управа въ докладѣ собранію „О школьномъ подвижномъ музеѣ“ замѣчала, что благодаря его дѣятельности „въ отношеніи распространенія идей по-

---

[1]) «Вѣстн. Воспит.» 1904 г. № 9, замѣтка А. Р. «Школьно-подвижные музеи»,—стр. 47.

[2]) Читанный на третьемъ съѣздѣ русскихъ дѣятелей по технич. и профессіональн. образованію 1903—1904 г. докладъ г. Страховой—«Школьные музеи наглядн. пособій ихъ задачи и образов. значеніе—стр. 16. Докл. Владимірской губ. зем. управы по народному образованію земск. собранію 1902 г., стр. 50; «Обзоръ состоянія начальн. народн. образованія въ Курской губ. за 5 лѣтъ $189^{5}/_{6}$—$190^{0}/_{1}$ учебн. г.г., стр. 90.

[3]) Докл. по народ. образов. Ярославскому зем. собр. 1902 г.—стр. 74.

движного школьнаго музея, Можайское земское собраніе можетъ по праву чувствовать себя удовлетвореннымъ". Соотвѣтствующимъ докладомъ земскому собранію 1902 года сообщается, что „на бывшемъ въ январѣ мѣсяцѣ въ Москвѣ VIII всероссійскомъ съѣздѣ врачей въ память Н. И. Пирогова завѣдующимъ музеемъ былъ сдѣланъ докладъ о подвижномъ музеѣ, въ результатѣ котораго съѣздомъ было постановлено: „рекомендовать организацію подвижныхъ школьныхъ музеевъ отъ имени съѣзда вниманію земскихъ и городскихъ учрежденій". Экспертною комиссіей первой земской выставки по народному образованію, устроенной въ 1902 г. въ Курскѣ „Можайскому уѣздному земству за плодотворный починъ въ дѣлѣ устройства перваго земскаго подвижного музея наглядныхъ учебныхъ пособій и за самодѣльныя пособія экспонированныя его музеемъ, присуждена высшая награда: *почетный отзывъ Курскаго губернскаго земства*". Наконецъ, послѣ спеціальнаго доклада на 3-мъ съѣздѣ о *подвижныхъ музеяхъ наглядныхъ пособій въ Россіи, ихъ задачахъ и образовательномъ значеніи* Можайская земская управа получила отъ Распорядительнаго Комитета увѣдомленіе, что на выставкѣ—„уѣздному Можайскому земству присуждена высшая награда—почетный дипломъ *за плодотворную дѣятельность подвижного музея наглядныхъ пособій* [1]).

Устройство музея, какъ это свидѣтельствуется докладами лицъ, участвовавшихъ въ его организаціи, было вызвано „стремленіемъ снабдить наглядными пособіями по разнаго рода отраслямъ знанія наиболѣе употребительныя учебно-образовательныя книги для чтенія", изъ числа которыхъ чаще встрѣчаются книги Баранова, Ушинскаго, Бунакова и Толстого. Музею ставилась задача „дать каждой школѣ, въ каждой, по возможности, статьѣ учебника всякаго рода наглядныя пособія, которыя могутъ наиболѣе освѣтить, оживить и облегчить пониманіе прочитаннаго и усвоеніе"; въ функціонированіи музея указывалось могущественнѣйшее средство противъ грамматизма и сухой книжности дѣйствующей начальной школы, противъ утвердившагося въ ней механическаго чтенія, „и зазубриванья непонятныхъ словъ безъ образовъ и представленій". Высказывалось „категорически, что если статьи по естествовѣдѣнію и гигіенѣ снабдить хорошими иллюстраціями, опытами, моделями и коллекціями, то вмѣстѣ съ поднатіемъ общаго уровня образованія, вмѣстѣ съ несравненною легкостью и быстротою усвоенія курса, расширится кругозоръ народа и въ интересующей насъ области знанія", и это представлялось тѣмъ болѣе возможнымъ, что, какъ предполагалось, „если подобнаго рода пособія будутъ въ рукахъ учителя для

---

[1]) Отчетъ завѣдующаго о дѣятельности музея за $190^3/_4$ г., стр. 9. (Прилож. 6-е къ докл. по народ. образован.).

школы, то тѣмъ самымъ они будутъ въ его распоряженіи и для взрослой деревни“ [1]).

Такая идеализація возможной благотворности вліянія музеевъ наглядныхъ пособій объясняется искреннимъ увлеченіемъ организаторовъ Можайскаго музея, дѣятельность которыхъ въ данной сферѣ вызвала сочувствіе и содѣйствіе мѣстныхъ учителей и вообще интеллигентнаго общества.

Своимъ возникновеніемъ Можайскій музей наглядныхъ пособій обязанъ частной иниціативѣ: по почину санитарнаго врача Ф. Л. Касторскаго небольшимъ кружкомъ лицъ, по преимуществу изъ учительскаго и врачебнаго персонала, собрано было 90 рублей, переданныхъ затѣмъ съ указанною цѣлью уѣздному земству. Уѣздное земское собраніе, по выслушаніи изложеннаго заявленія, постановило: ассигновать 35 руб., принявъ 90 руб. и ходатайствовать передъ губернскимъ земствомъ о назначеніи на этотъ предметъ 125 руб., поручить управѣ купить подвижной музей и передать его въ вѣдѣніе училищнаго совѣта. Ходатайство это было уважено; такимъ образомъ на основаніе музея затрачено было только 250 руб.; въ дальнѣйшемъ — на пріобрѣтеніе различныхъ предметовъ и на другіе расходы затрачивались небольшія суммы частью изъ денегъ жертвованныхъ, частью изъ ассигнованныхъ уѣзднымъ и губернскимъ земствами, при чемъ послѣднее, согласно установленному собраніемъ правилу, назначало суммы, равныя составившимся изъ мѣстныхъ источниковъ. Денежныя средства музея были однако, какъ сказано, очень не велики; такъ, напримѣръ, годичныя ассигновки на данный предметъ уѣзднаго земства ни разу не превышали 50 руб., падая до 2 руб. 50 коп. въ 1900 году и отсутствуя вовсе въ 1902 году. Но, какъ сказано, не этимъ средствамъ обязанъ музей своимъ развитіемъ; здѣсь больше всего сказалось внимательное отношеніе къ дѣлу увлеченныхъ имъ его организаторовъ, своимъ безкорыстнымъ и умѣлымъ трудомъ заинтересовавшихъ многихъ сторонникъ лицъ, помогшихъ музею очень цѣнными пожертвованіями: уже черезъ годъ послѣ основанія музея стоимость его коллекцій опредѣлялась въ 600 руб., а еще черезъ годъ—въ 1000 руб.

При основаніи музея „большая часть предметовъ была выписана изъ-за границы при посредствѣ г. Шееръ, владѣльца магазина физическихъ аппаратовъ и моделей, исполнившаго это въ высшей степени добросовѣстно. Слѣдующее мѣсто по величинѣ заказа занимаетъ картографическое заведеніе Ильина, сдѣлавшее для земства уступку отъ 10—

---

[1]) Докладъ, читанный въ секціи обществ. медицины VIII Пироговскаго съѣзда завѣдывавшимъ музеемъ Ф. Л. Касторскимъ: «Школьн. подвиж. музей, какъ вспомог. способъ земской медицины для распростр. въ народѣ знаній по естествовѣд. и гигіенѣ».

20%; затѣмъ пріобрѣтены были коллекціи, исполненныя мастерской наглядныхъ пособій Вятскаго губернскаго земства. А такъ какъ при покупкѣ картинъ и таблицъ выяснилось, что если пріобрѣтать ихъ наклеенными на полотно или коленкоръ, то стоимость какъ тѣхъ, такъ и другихъ увеличивается вдвое, то „въ виду экономическихъ соображеній и рѣшено было произвести составленіе музея хозяйственнымъ способомъ, для чего куплено нѣсколько кусковъ коленкора, кисть, кольца и проч., и съ помощью сочувствующихъ дѣлу лицъ, преимущественно изъ мѣстнаго преподавательскаго персонала, произведена наклейка картинъ домашнимъ образомъ“ [1]).

Обращаясь къ разсмотрѣнію дѣятельности Можайскаго музея, предварительно замѣтимъ, что въ основу правилъ пользованія его предметами „положены были начала, выработанныя для подвижного музея московскихъ воскресныхъ школъ, съ измѣненіями и дополненіями, соотвѣтствующими особенностямъ мѣстныхъ условій. Правила эти, въ общемъ, сводились къ слѣдующему:

1. Списокъ имѣющихся въ музеѣ предметовъ и принадлежностей помѣщенъ въ переданной школѣ книжкѣ, которая должна пересылаться въ музей при требованіи какихъ-либо предметовъ, которые и будутъ въ нее вписываться.

2. Въ каждую школу отпускается требуемое ею количество пособій безъ ограниченія числа ихъ и въ зависимости лишь отъ наличности ихъ въ данное время.

3. Пособія отпускаются на срокъ отъ 1-го дня до 2-хъ недѣль, по истеченіи которыхъ они возвращаются въ музей. Въ случаѣ крайней затруднительности въ обратной доставкѣ срокъ можетъ быть продолженъ.

4. Если заранѣе извѣстно время, на которое школѣ будетъ необходимо какое-либо пособіе, требованіе на него заявляется въ музей, и намѣченное пособіе оставляется для лица, сдѣлавшаго заявленіе.

5. Отвѣтственность за цѣлость предметовъ лежитъ на лицѣ, взявшемъ ихъ изъ музея.

6. Для осмотра предметовъ и выдачи музей открытъ ежедневно съ 10 часовъ утра до 8 часовъ вечера во всѣ дни, включая и праздники.

Пользованіе предметами, за удовлетвореніемъ потребностей земскихъ школъ было допущено для всѣхъ учебныхъ заведеній уѣзда безъ различія вѣдомствъ, а также и для устраиваемыхъ въ уѣздѣ воскресныхъ чтеній для народа; такъ, напр., попутно съ чтеніемъ о грозѣ была

---

[1]) Читанный въ учебн. отд. О-ва распростр. технич. знаній 5 декабря 1900 г. въ Москвѣ докладъ г. Касторской: «Опытъ организаціи земск. подвижн. музея наглядныхъ пособій“ стр. 3 и 4.

показана слушателямъ электрическая машина съ важнѣйшими приборами къ ней.

Въ $190^5/_6$ учебномъ году музеемъ пользовались 32 школы, считая въ числѣ ихъ и тѣ 6 школъ, которыя получали пособія въ филіальномъ отдѣленіи музея, открытомъ въ 1904 году при Княжевской школѣ, отстоящей отъ города въ 40 верстахъ; изъ числа этихъ школъ было 24 земскихъ, 4 церковно-приходскихъ, 3 городскихъ и 1 частная.

За время существованія музея число школъ, обращавшихся въ музей, почти не измѣнилось (36 и 38 за первые два года, 37 и 32 за два послѣднихъ года его дѣятельности); если же принять въ расчетъ, что за истекшія 7 лѣтъ общее число школъ значительно возросло, то придется допустить, что относительное число школъ, пользовавшихся музеемъ, за это время нѣсколько сократилось; такъ, напримѣръ, въ 1899—1900 году изъ числа 27 земскихъ школъ уѣзда въ музей обращались 24 школы, то же число пользовалось наглядными пособіями музея и въ послѣднемъ $190^5/_6$ году изъ общаго числа 37 земскихъ школъ уѣзда.

Передача предметовъ музея въ школы и обратно производится черезъ посредство бывающихъ въ городѣ крестьянъ, врачей, учителей и другихъ лицъ.

Наибольшее за мѣсяцъ число выдачъ—до 60 (по даннымъ за четыре года) падаетъ на октябрь и ноябрь мѣсяцы, наименьшее, не свыше 10,—на апрѣль и май. Въ среднемъ выводѣ за годъ минувшаго семилѣтія музею приходилось удовлетворять до 250 требованій, отпуская (также среднимъ числомъ) 1685 предметовъ, изъ которыхъ большинство составляли наглядныя пособія по предметамъ естествознанія и географіи.

По силѣ предъявляемаго къ музею спроса отдѣльныя школы замѣтно разнились между собою; такъ, напримѣръ, въ $190^5/_6$ учебномъ году изъ 36 земскихъ школъ уѣзда (т.-е. не считая Княжевской, при которой находится отдѣленіе музея) 6 школъ обращались въ музей по одному разу, 12 школъ отъ 2 до 5 разъ, 5 школъ отъ 6 до 9 разъ; 13 школъ, какъ сказано было выше, музеемъ не пользовались. Также, конечно, разнились эти школы и по числу взятыхъ за годъ предметовъ: въ послѣднемъ году 8 школъ получили отъ одного до 25 предметовъ, 7 школъ отъ 26 до 50 и 8 школъ отъ 51 до 115 предметовъ включительно.

Изъ представленныхъ свѣдѣній можно заключить, что хотя дѣятельность Можайскаго музея и отвѣчаетъ, конечно, не безъ пользы, запросу начальныхъ школъ на наглядныя пособія, но что наличность музея сказалась не настолько широко и сильно, чтобы, на основаніи приведенныхъ данныхъ, можно было признать наглядность преподаванія достаточно установившеюся и обезпеченною въ школахъ уѣзда.

Выводъ этотъ вполнѣ подтверждается учительскими сообщеніями, данными въ 1903 г. на слѣдующій вопросъ годичнаго статистическаго

отчета, „въ достаточной ли степени наглядно ведется преподаваніе учебныхъ предметовъ, а если нѣтъ, то какими причинами объясняется этотъ недостатокъ и какими средствами можно избѣгнуть его“?

Полученные по этому вопросу отвѣты учительницъ и учителей 22 школъ Можайскаго уѣзда могутъ быть подраздѣлены на три группы, изъ которыхъ одни утверждаютъ, что обученіе въ школахъ ведется достаточно наглядно, другіе указываютъ то же, но съ нѣкоторыми оговорками и ограниченіями, наконецъ большинство свидѣтельствуетъ о недостаточной наглядности школьнаго преподаванія. Чтобы не вызвать упрека въ односторонности подбора, позволимъ себѣ привести всѣ полученные отвѣты, не ограничиваясь передачею отдѣльныхъ примѣровъ. Вотъ что говорится въ этихъ отзывахъ:

„Благодаря существующему школьному музею, преподаваніе учебныхъ предметовъ ведется въ надлежащей степени наглядно“.

„Мнѣ кажется, что, по открытіи школьнаго подвижного музея при земствѣ, наглядность преподаванія значительно подвинулась и ведется довольно удовлетворительно, тѣмъ болѣе, что пользованіе музеемъ предоставлено преподавателямъ въ довольно широкихъ размѣрахъ“.

„Сообщеніе свѣдѣній по исторіи, природовѣдѣнію и технологіи обставлено совершенно удовлетворительно въ смыслѣ наглядности въ тѣхъ границахъ, какія опредѣлены для начальныхъ школъ; нѣкоторый же недостатокъ пособій по ариѳметикѣ восполняется самодѣльными пособіями“.

„Наглядно въ достаточной степени“.

„При имѣющихся наглядныхъ пособіяхъ достаточно наглядно“.

„Въ достаточной“.

„Устройство существующаго школьнаго музея даетъ возможность вести наглядно преподаваніе учебныхъ предметовъ; но для данной школы неудобства заключаются въ пересылкѣ картинъ, отдаленности музея и плохихъ дорогахъ въ учебное время—осенью и весною“.

„Недостаточно наглядно ведется преподаваніе русскаго языка въ младшемъ отдѣленіи. Для ясности и связности разсказа при предварительныхъ занятіяхъ до изученія азбуки, а также для живости и конкретности представленія о содержаніи прочитанныхъ статей при началѣ чтенія были бы не лишними картинки, иллюстрирующія ихъ. Въ старшемъ и среднемъ отдѣленіяхъ этого недостатка не ощущается, благодаря картинамъ уѣзднаго музея“.

„Благодаря 4-годичному существованію школьнаго подвижного музея въ нашемъ уѣздѣ, преподаваніе можетъ вестись довольно наглядно, хотя, съ переводомъ музея изъ квартиры завѣдующаго въ управу, приходится испытывать неудобства во времени полученія предметовъ. Говорю, можетъ вестись наглядно, потому что большая или

меньшая степень пользованія наглядными пособіями музея зависитъ, какъ показалъ опытъ, отъ личности учителя. Наглядность могла бы еще повыситься, если бы 1) срокъ ученія изъ трехгодичнаго былъ бы измѣненъ въ четырехгодичный, конечно безъ увеличенія программы, во 2) если бы управа каждый годъ удѣляла извѣстную сумму на пополненіе музея и въ 3) если бы во главѣ музея всегда состояло настолько же компетентное лицо, услугами какого мы до сихъ поръ пользовались".

„Предметы, находящіеся въ музеѣ, я нахожу достаточными для наглядnаго преподаванія учебныхъ предметовъ; однако организацію пользованія предметами изъ музея не могу признать удовлетворительною. Неудобства этой организаціи заключаются въ посылкѣ за предметами. Хотя школа находится не въ очень дальнемъ разстояніи отъ музея (10 верстъ), но главная трудность посылки представляется въ томъ, что не имѣется лица, которому можно было бы довѣрить это. Избѣжать эти неудобства по моему мнѣнію, возможно въ томъ случаѣ, если предметы изъ музея будутъ пересылаться непосредственно изъ одной школы въ другую ближайшую и т. д. Желательно имѣть въ школѣ для постояннаго пользованія предметы для болѣе наглядnаго преподаванія географіи".

„Наглядность въ школѣ введена въ недостаточной степени за неимѣніемъ пособій въ училищѣ, а если такія и имѣются въ управѣ, то до нея далеко и не всегда ихъ можно получить: бываютъ въ другихъ школахъ. Желательно было бы имѣть хотя самыя необходимыя пособія по всѣмъ предметамъ въ школѣ".

„Не достаточно. Неудобство пользованія музеемъ состоитъ въ 17-верстномъ разстояніи его отъ школы. Приходится подыскивать благонадежнаго человѣка, чтобы получить новые предметы и отослать взятые; собственныя поѣздки въ городъ бываютъ одинъ разъ въ мѣсяцъ за полученіемъ жалованья. Удобнѣе было бы, если бы пособія изъ музея разсылались по отдѣламъ изъ одного школьнаго района въ другой".

„Преподаваніе учебныхъ предметовъ въ начальныхъ школахъ ведется недостаточно наглядно. Недостатокъ этотъ объясняется слѣдующими причинами: бѣдностью самихъ школъ наглядными пособіями, отдаленностью музея и тѣмъ, что музей не всегда удовлетворяетъ требованія за отсутствіемъ (временнымъ) просимыхъ предметовъ. Во избѣжаніе такого недостатка необходимо до нѣкоторой степени обезпечить каждую школу наглядными пособіями; предметы подвижного музея должны имѣться въ нѣсколькихъ экземплярахъ".

„Въ нашей школѣ мало предметовъ для наглядnаго обученія, а изъ музея брать за дальностью разстоянія (18 верстъ) почти невозможно".

„За недостаткомъ наглядныхъ пособій преподаваніе ведется не въ

достаточной степени наглядно. Чтобы сдѣлать преподаваніе наглядным, желательно имѣть достаточно обезпеченныхъ нѣсколько центральныхъ (районныхъ) отдѣленій музея, изъ которыхъ могли бы снабжаться школы каждаго района. Тѣ же изъ наглядныхъ пособій, которыя учащіе какого-нибудь уѣзда, съ общаго согласія, признаютъ необходимыми въ школѣ, слѣдуетъ пріобрѣсти для каждой школы".

„Въ настоящее время недостаточно наглядно за неимѣніемъ картинъ по естественной исторіи; желательно имѣть при школѣ свой глобусъ и карту полушарій".

„Для болѣе наглядnаго веденія преподаванія учебныхъ предметовъ необходимо имѣть при школѣ картины по предмету ботаники и анатоміи, коллекціи и таблицы по естествовѣдѣнію, а также картины промысловъ Россіи и коллекціи, относящіяся къ промышленности".

„Недостатокъ наглядности обученія объясняется недостаткомъ времени; лучшая наглядность можетъ быть примѣнена при веденіи каждаго отдѣленія особой учительницей".

„Преподаваніе ведется недостаточно наглядно, во-первыхъ: мало наглядныхъ пособій, а во-вторыхъ: мало времени, особенно при занятіи одного учителя съ тремя отдѣленіями. Отсюда выводъ: надо дать возможность пріобрѣсти пособія, а главное, нужно, чтобы въ школѣ было два учителя и срокъ обученія увеличенъ до 4-хъ лѣтъ".

„При наличности музея есть возможность вести преподаваніе нагляднѣе, но за послѣдній годъ пользованіе музеемъ стало менѣе удобно за переводомъ музея изъ квартиры завѣдывающаго въ помѣщеніе управы, такъ какъ пришлось невольно ограничиться во времени обращенія. Наглядности преподаванія мѣшаетъ отношеніе экзаменатора къ прохожденію программы въ области синтаксиса и этимологіи".

„Преподаваніе учебныхъ предметовъ ведется не въ достаточной степени наглядно, благодаря большимъ требованіямъ экзаменаторовъ и 3-хъ годичному сроку обученія; можно этого избѣгнуть только тогда, когда у насъ при этой же программѣ будетъ введенъ 4-хъ годичный срокъ обученія".

„При занятіяхъ съ тремя отдѣленіями достаточно наглядно вести преподаваніе нельзя. Кромѣ того, требованія ревизоровъ и экзаменаторовъ заставляютъ слишкомъ много времени употреблять на заучиваніе грамматическихъ терминовъ и т. п. Все это можетъ быть исправлено при томъ условіи, если каждое школьное отдѣленіе будетъ вестись однимъ учителемъ, а также введеніемъ 4-хъ лѣтняго курса обученія".

Оставляя разсмотрѣніе причинъ слабой наглядности преподаванія въ начальныхъ школахъ до слѣдующихъ страницъ настоящаго очерка, дополнимъ представленный перечень отзывовъ замѣчаніемъ относительно той группы ихъ, которая свидѣтельствуетъ о достаточной сте-

пени обученія въ данныхъ школахъ: изъ нихъ двѣ школы (Ильинская и Ямская) находятся въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ пользованія музеемъ, отъ котораго онѣ отстоятъ не далѣе двухъ верстъ и располагаютъ усиленнымъ составомъ преподавательскаго персонала (въ одной изъ нихъ занимаются два лица, а въ другой три), что, конечно, также имѣетъ въ данномъ случаѣ большое значеніе; въ трехъ же школахъ этой группы недостатка въ наглядныхъ пособіяхъ не ощущается, несмотря на крайне скудное обезпеченіе ими этихъ школъ и незначительность пользованія пособіями музея.

Организація музея, признанная желательной двумя изъ приведенныхъ отзывовъ, а именно такая, при которой предметы наглядныхъ пособій должны поочередно передаваться изъ одного школьнаго района въ другой, была примѣнена въ Звенигородскомъ уѣздѣ.

Начало *Звенигородскому* музею наглядныхъ пособій положено было въ 1901 году, но, по причинѣ несвоевременной доставки выписанныхъ предметовъ, музей началъ функціонировать съ февраля слѣдующаго года. Въ 1902 году, говорится въ докладѣ земской управы, педагогическій музей, благодаря ассигновкамъ (по 100 рублей) губернскаго и уѣзднаго земствъ, а также пожертвованію въ 300 руб., пополнился довольно значительнымъ количествомъ предметовъ: были куплены картины по исторіи, по естественной исторіи, этнографіи, пріобрѣтены приборы по физикѣ, модели паровоза и паровой машины, небольшая электрическая машина, метрическія мѣры емкости и вѣса. Къ концу ноября былъ готовъ каталогъ музея, который и былъ разосланъ по всѣмъ школамъ для руководства преподавателей при выпискѣ пособій. Послѣ новаго года управою были получены отъ учителей требованія, которыя, однако, не было никакой возможности удовлетворить, такъ какъ нѣкоторые приборы требовались чуть ли не во всѣ школы, другіе же предметы почти никѣмъ не выписывались. Въ виду этого, хотя учебнаго времени оставалось мало и началась распутица, управа рѣшила при помощи учителей разбить весь уѣздъ на пункты и по нимъ разослать весь музей, чтобы сосѣднія съ центрами школы имѣли бы возможность брать для себя все необходимое". Пунктовъ было намѣчено семь, которыми, по предложенію, должны были пользоваться 56 земскихъ школъ, разбитыхъ на районы съ числомъ школъ отъ 4 до 13. Но такъ какъ по отчетамъ преподавателей оказалось, что въ теченіе года районными отдѣленіями выданы были наглядныя пособія только 22 школамъ, то такое незначительное пользованіе предметами музея вызвало у управы сомнѣніе въ пригодности системы распредѣленія всего музея по частямъ въ назначенныхъ пунктахъ. Вопросъ этотъ былъ переданъ на обсужденіе преподавателей, на совѣщаніи съ которыми составленъ былъ слѣдующій планъ, примѣненный въ 1903/4 учеб-

номъ году: „весь музей былъ разбитъ на нѣсколько частей, соотвѣтственно съ числомъ группъ школъ (7), и каждая часть этого музея посылалась изъ управы въ центральную школу, изъ которой въ теченіе мѣсяца школы данной группы и пользовались наглядными пособіями; затѣмъ черезъ мѣсяцъ части музея изъ одного центра района передвигались въ другой, чтобы обслуживать школы уже сосѣдняго района и т. д. Но, говорится далѣе въ цитируемомъ докладѣ уѣздной управы земскому собранію 1904 года, нужно сознаться, что система эта на практикѣ оказалась довольно неудачной, такъ какъ, помимо значительныхъ расходовъ по разсылкѣ предметовъ музея по передвиженію ихъ изъ одного района въ другой, она не могла удовлетворить своевременно и сколько нибудь полно потребностямъ школъ въ наглядныхъ пособіяхъ при самомъ преподаваніи, а кромѣ того, при укладкѣ и пересылкѣ вещей, нѣкоторыя изъ нихъ необходимо портились".

Во избѣжаніе неудобствъ такого передаточнаго пользованія наглядными пособіями, съ 1905 года была введена другая организація Звенигородскаго музея: „всѣ земскія школы уѣзда раздѣлены на 8 группъ съ числомъ въ каждой отъ 5 до 12 школъ; центральная школа каждой группы снабжена наиболѣе необходимыми при прохожденіи курса начальной школы наглядными пособіями съ такимъ расчетомъ, что ими долженъ обслуживаться цѣлый районъ. Центральный же музей, богатый болѣе сложными и цѣнными предметами, оставаясь при управѣ, долженъ, согласно этому плану, служить для удовлетворенія всѣхъ школъ", при чемъ, какъ предполагала управа, преподаватели могли бы не только пользоваться предметами музея для школьнаго обученія, но и „совершать для ознакомленія съ музеемъ въ свободное отъ занятій время экскурсіи съ учениками для осмотра его на мѣстѣ, гдѣ могли бы завѣдующимъ музеемъ лицомъ даваться объясненія и производиться опыты, весьма затруднительные для многихъ учителей". Кромѣ того, приуправскій музей долженъ представлять собою и районный музей для школъ, лежащихъ близъ Звенигорода.

Свѣдѣній о размѣрахъ пользованія музеемъ и его отдѣленіями за послѣдніе $1^1/_2$ года не имѣется.

Аналогичная изложенной система обезпеченія школъ пособіями музея осуществлена была еще ранѣе въ Волоколамскомъ уѣздѣ.

Волоколамскій музей школьныхъ наглядныхъ пособій, основанный по иниціативѣ санитарнаго врача Б. А. Юрковскаго на частныя средства, принятъ былъ въ вѣдѣніе земства собраніемъ 1901 года, ассигновавшимъ „200 руб. ежегоднаго пособія съ тѣмъ, чтобы музей по возможности снабжалъ наглядными пособіями всѣ школы уѣзда. Въ виду этого послѣдняго условія,—говорилось въ докладѣ управы собранію 1902 года,—невозможно было остановиться на организаціи одного только

центральнаго музея: тогда многимъ школамъ уѣзда пришлось бы постоянно испытывать неудобства въ пользованіи наглядными пособіями изъ-за отдаленности ихъ отъ города,—все требуемое трудно было бы получать и во-время и въ достаточномъ количествѣ; слѣдовательно, невозможна была бы систематичность и правильность въ преподаваніи съ наглядными пособіями. Чтобы избѣжать этихъ неудобствъ управа совмѣстно съ учителями выработала иной способъ пользованія, а именно: всѣ школы уѣзда были разбиты на 12 районовъ, по 4—5 школъ въ каждомъ и каждый такой районъ долженъ быть снабженъ наборомъ наглядныхъ пособій, которыя, мѣняясь, обслуживали бы всѣ школы даннаго района. Наглядныя пособія должны быть сданы завѣдующему райономъ преподавателю и подъ его отвѣтственностью распредѣляться между учителями района". Въ январѣ 1902 года намѣченный планъ организаціи былъ осуществленъ, и тогда же приступлено было къ снабженію наглядными пособіями намѣченныхъ школьныхъ пунктовъ. Въ виду ограниченности средствъ рѣшено было бы на первое время пріобрѣсти въ каждый районъ подходящій по достоинству и цѣнамъ матеріалъ, а именно: естественно-историческій атласъ Лютца въ 5 р. 50 к., В. Э. Общества — цѣною въ 6 р. 50 к., таблицы по физической географіи Животовскаго—12 р. и простѣйшіе физическіе приборы на сумму 3 р. 50 к.; къ атласамъ приложены были пояснительные тексты, составленные авторитетными и компетентными въ этой области лицами, напримѣръ, профессор. Бекетовымъ, Животовскимъ, Иверсеномъ, Ясенскимъ и проч.". Въ 1904 году отдѣленія музея были пополнены, при чемъ для каждаго изъ нихъ, не имѣвшаго нижеуказанныхъ предметовъ, были пріобрѣтены: 1) компасъ; 2) магнитъ; 3) лупа; 4) техническія таблицы Эшнера (доменная печь, чугунный заводъ, добываніе каменнаго угля, обработка стекла, добываніе соли, производство бумаги, книгопечатаніе, сахарное производство); 5) таблица типовъ, народовъ и расъ; 6) коллекція вятской мастерской (гранитъ и во что онъ обращается, желѣзо и мѣдь и изъ чего онѣ добываются, исторія бумажной нитки, ленъ и что изъ него дѣлается).

Основною задачею центральнаго музея было поставлено—служить школамъ уѣзда, снабжая ихъ тѣми наглядными пособіями, которыя не могли быть пріобрѣтены въ каждый районъ и, кромѣ того, представлять собою просвѣтительное учрежденіе для населенія города Волоколамска и его окрестныхъ селеній. Съ этою цѣлью музей былъ открытъ по воскреснымъ днямъ для посѣтителей, которымъ давались объясненія имѣвшихся коллекцій и предметовъ. Здѣсь не мѣсто входить въ разсмотрѣніе этой стороны дѣятельности центральнаго музея; замѣтимъ лишь, что такое желаніе расширить значеніе предметовъ музея сказалось также и на подборѣ ихъ для филіальныхъ отдѣленій музея и

даже на способѣ пользованія этими предметами: въ нѣкоторыхъ школахъ, какъ сообщаетъ управа,—„при употребленіи наглядныхъ пособій читались учениками или учителями соотвѣтствующія статьи, иногда ученики сами передавали содержаніе картины, въ иныхъ же случаяхъ учитель прибѣгалъ къ устному разсказу для объясненія разсматриваемаго пособія". Какъ видимъ, въ этихъ случаяхъ предметы музея употреблялись уже не въ качествѣ наглядныхъ *пособій* или иллюстрацій при школьномъ обученіи, а разсматривались и объяснялись сами по себѣ, благодаря чему такіе уроки получали значеніе тѣхъ *„предметныхъ бесѣдъ"* и уроковъ, введеніе которыхъ, какъ уже говорилось объ этомъ, признавалось желательнымъ многими педагогами.

И можно думать, что въ дѣлѣ примѣненія такихъ предметныхъ уроковъ помощь музея, при условіи возможной значительности его состава, могла проявиться гораздо полнѣе, чѣмъ въ доставленіи пособій для установившагося школьнаго преподаванія. Дѣйствительно, обслуживать школы наглядными пособіями постоянно и непрерывно музей не можетъ; кромѣ того, при одинаковой программѣ нашихъ школъ, одномъ и томъ же распредѣленіи классовъ, одинаковомъ учебномъ времени и однообразномъ составѣ учебниковъ и книгъ для чтенія—требованіе на извѣстный отдѣлъ или родъ пособій можетъ быть предъявлено почти одновременно нѣсколькими школами; и вотъ почему какъ бы ни были разнообразны предметы музея или отдѣленія,—пользованіе этими предметами должно быть тѣмъ болѣе стѣснено, чѣмъ больше школъ входитъ въ составъ музейнаго района и чѣмъ больше его радіусъ. Такія неудобства, какъ это можно видѣть изъ имѣющихся сообщеній, испытывались и учителями Волоколамскаго уѣзда.

Свѣдѣній о дѣятельности Волоколамскаго музея за послѣдніе два года въ годичныхъ отчетахъ и докладахъ не представлялось.

Клинскій подвижной музей наглядныхъ учебныхъ пособій былъ основанъ частію на средства ежегодно отпускаемыя, начиная съ 1900 г., уѣзднымъ и губернскимъ земствами, часть же его коллекцій была выдѣлена изъ состава предметовъ, собранныхъ Клинскимъ обществомъ сельскаго хозяйства, предпринявшимъ въ 1898 году—„устроить въ Клину естественно-историческій и сельскохозяйственный музей, который долженъ былъ по идеѣ устроителей служить цѣлямъ образовательнымъ, практическимъ и научнымъ".

Подвижной школьный музей открылся въ Клину въ ноябрѣ 1903 г., располагая слѣдующимъ количествомъ коллекцій и приборовъ по разнымъ предметамъ: по математикѣ 5 номерами (въ 10 предметахъ), по географіи 19 номерами (въ 60 предметахъ), по исторіи—одною коллекціей (13 картинъ), по естественной исторіи—28 коллекціями (изъ 244 предметовъ), по физикѣ—25 приборами (45 экз.), по технологіи—6 кол-

лекціями и таблицами (въ 26 предметахъ), а всего 84 коллекціями и приборами, состоявшими изъ 398 отдѣльныхъ предметовъ.

Въ $190^{3}/_{4}$ году музеемъ было выдано 370 предметовъ 31 школѣ уѣзда.

Опытъ этого года „съ очевидностью выяснилъ, что имѣвшійся при управѣ подвижной музей наглядныхъ пособій не могъ быть использованъ въ той мѣрѣ, какъ бы это требовалось интересами учебнаго дѣла: громадныя разстоянія школъ отъ города, значительное число послѣднихъ (66), затруднительность своевременной доставки наглядныхъ пособій въ школы, необходимость пользоваться одними и тѣми же пособіями въ одно и то же время во многихъ школахъ—вотъ причины,— какъ говорилось въ докладѣ управы собранію 1904 года,— которыя главнымъ образомъ обезцѣнили значеніе подвижного музея. Признавая же громадное значеніе наглядныхъ пособій, какъ фактора, повышающаго качественную сторону учебнаго дѣла въ земскихъ школахъ, управа пришла къ сознанію необходимости теперь же приступить къ созданію порайонныхъ музеевъ“. На устройство этихъ музеевъ отпущено было уѣзднымъ и губернскимъ земствами по 350 руб., помимо 400 руб., назначенныхъ на пополненіе Клинскаго центральнаго музея, служащаго также и въ качествѣ районаго музея для ближайшихъ школъ.

Въ $190^{5}/_{6}$ учебномъ году начали функціонировать 8 порайонныхъ (считая въ томъ числѣ и Клинскій) земскихъ музеевъ наглядныхъ пособій; кромѣ того въ уѣздѣ имѣлось, почти такихъ же по составу, еще 6 музеевъ при школахъ В. А. Морозовой.

Изъ представленныхъ въ докладѣ земской управы свѣдѣній видно, что въ послѣднемъ году музеями пользовалось 39 изъ 74 земскихъ школъ уѣзда, при чемъ въ среднемъ на одну школу пришлось около 50 выданныхъ предметовъ. Наибольшій спросъ былъ предъявленъ на наглядныя пособія по предметамъ—естественной исторіи и географіи.

При *Коломенской* земской управѣ имѣется школьный музей, учрежденный въ 1902 году и открытый въ 1904 году. Музей содержитъ болѣе тысячи предметовъ; разсмотрѣніе „каталога музея“ приводитъ къ такому впечатлѣнію, что въ данномъ случаѣ подборъ коллекцій, картинъ и предметовъ опредѣлялся не столько желаніемъ обезпечить школы наглядными пособіями, составъ которыхъ долженъ обезпечить наглядность усвоенія уроковъ школьнаго преподаванія, сколько намѣреніемъ соорганизовать самостоятельное образовательное учрежденіе, имѣющее цѣлью популяризацію научныхъ знаній.

Основаніемъ *Подольскаго* музея наглядныхъ пособій послужила пріобрѣтенная въ 1901 году коллекція наглядныхъ учебныхъ пособій, подобранная согласно выработанному управой при содѣйствіи учите-

лей и учительницъ каталогу, для составленія котораго существенный матеріалъ дали подаренныя Политехническимъ музеемъ воскресныя объясненія его коллекцій за 15 лѣтъ.

Слѣдуетъ также отмѣтить, что „для болѣе полнаго ознакомленія учителей и учительницъ съ организаціей подвижныхъ учебныхъ музеевъ въ другихъ земствахъ, шесть лицъ преподавательскаго персонала были управой командированы въ іюнѣ 1902 года въ Курскъ на выставку по народному образованію".

Пополнялся Подольскій музей на средства уѣзднаго и губернскаго земствъ, ассигновавшихъ на этотъ предметъ въ 1901—1903 годахъ по 150, а въ 1904 и въ 1905 году—по 100 рублей; имѣли въ данномъ случаѣ значеніе и пожертвованія, иногда очень цѣнныя, частныхъ лицъ.

Помѣщенный при управѣ, открытый въ началѣ февраля 1903 года музей состоялъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

I. Приборовъ относящихся къ космографіи, физикѣ и химіи имѣлось 80; веществъ для производства опытовъ 20.

II. По минералогіи и геологіи—97 предметовъ.

III. Технологіи механической и химической—16 коллекцій, состоящихъ изъ многихъ предметовъ.

IV. По ботаникѣ—41 препаратъ.

V. По зоологіи имѣлось 20 препаратовъ и 194 фигуры.

VI. „Человѣкъ"—58 фигуръ и 2 модели.

VII. Картинъ, таблицъ и атласовъ было 216, а именно: по космографіи—3, минералогіи и геологіи—5, физической географіи—19, по географіи общей—21, ботаникѣ—8, зоологіи—88, разнаго содержанія—30, анатоміи—3, этнографіи—13, исторіи—19, атласовъ—6 и таблицъ мѣръ—1; всего имѣлось 724 предмета, считая коллекцію за одинъ предметъ.

Въ $190^3/_4$ учебномъ году, какъ объ этомъ сообщила уѣздная земская управа, Подольскимъ музеемъ было выдано на 21 требованіе 186 предметовъ, преимущественно картинъ, 15-ти школамъ изъ числа 62 земскихъ школъ уѣзда.

Рузскому школьному музею наглядныхъ пособій основаніе было положено пріобрѣтеніемъ въ 1901 г. нѣкоторыхъ предметовъ, которые, какъ это ранѣе предполагалось, должны были иллюстрировать организуемыя земствомъ народныя чтенія; кромѣ того, съ этою же цѣлью были пожертвованы земской управѣ нѣкоторыми лицами предметы, могущіе служить пособіемъ при чтеніи статей по естествовѣдѣнію, медицинѣ и гигіенѣ. Такимъ образомъ въ распоряженіи управы образовался нѣкоторый запасъ наглядныхъ пособій разнаго рода, что и обусловило постановленіе уѣзднаго земскаго собранія—„разрѣшить управѣ устроить школьный подвижной музей, коллекціи котораго могли бы служить пособіями при чтеніи въ школахъ статей по міровѣдѣнію и при устрой-

ствѣ популярныхъ чтеній для народа"; кромѣ того, на пополненіе коллекцій, собраніемъ ассигновано было 30 рублей, такая же сумма, согласно установившемуся порядку, отпущена была на этотъ предметъ и земствомъ губернскимъ.

Въ докладѣ земской управы собранію 1903 г. сообщалось, что дѣятельность открытаго 1-го декабря 1902 года музея за слѣдующіе 5 учебныхъ мѣсяцевъ выразилась въ слѣдующемъ: „изъ 46 земскихъ школъ пользовались пособіями 18, преимущественно школы на 15-верстномъ разстояніи. Число всѣхъ выдачъ было 51, при чемъ за разъ иногда выдавалось по 5 предметовъ".

Въ $190^3/_4$ учебномъ году предметами музея пользовались очень немногія, ближайшія отъ города школы, изъ которыхъ каждая обращалась въ музей отъ 3 до 5 разъ; предметовъ было затребовано нѣсколько болѣе 30, при чемъ отдѣльные изъ нихъ брались не болѣе 3 разъ.

„Имѣя въ виду,—говорилось въ докладѣ уѣздной земской управы собранію 1904 года,—что правильная постановка даннаго вопроса зависитъ въ значительной мѣрѣ отъ того участія, какое приметъ въ немъ преподавательскій персоналъ, управа признала полезнымъ выслушать мнѣніе гг. преподавателей о наиболѣе цѣлесообразномъ способѣ пользованія коллекціями подвижного музея. Изъ организованнаго съ этою цѣлью совѣщанія съ преподавательскимъ персоналомъ выяснилось желательнымъ имѣть небольшія коллекціи для каждой школы, такъ какъ пользоваться пособіями изъ музея при управѣ оказалось, особенно для школъ отдаленныхъ, не совсѣмъ удобнымъ. Въ этихъ коллекціяхъ слѣдовало бы имѣть пособія: а) по Закону Божію—иллюстрацію Ветхаго и Новаго Завѣта и карту Палестины; б) по этнографіи и естествовѣдѣнію—картины народностей, звѣрей, птицъ, насѣкомыхъ и растеній; изъ пресмыкающихся—змѣи, раки и др.; в) по ариѳметикѣ: цилиндръ, кубъ, конусъ, сажень, аршинъ, футъ и дюймъ и г) по объяснительному чтенію—модели: корабль, пароходъ и паровозъ". Кромѣ того, по порученію земскаго собранія, уѣздная управа обращалась въ Рузскій уѣздный училищный совѣтъ съ просьбою сообщить ей свѣдѣнія о значеніи школьнаго музея въ дѣлѣ развитія народнаго образованія. На это училищный совѣтъ сообщилъ слѣдующее: „Такъ какъ наглядность обученія имѣетъ существенно важное значеніе въ народномъ образованіи, то подвижной школьный музей наглядныхъ пособій можетъ, по мнѣнію совѣта, оказать громадную услугу въ достиженіи цѣлей обученія при условіи надлежащаго подбора предметовъ, достаточнаго количества ихъ и доступности музея для учителей".

Къ сожалѣнію, замѣчаетъ Рузская земская управа въ докладѣ собранію 1906 года, дѣятельность музея все сокращалась, и за послѣднее время почти и совсѣмъ прекратилась. Полагая, что одною изъ су-

щественныхъ причинъ такого явленія служитъ изолированность музея отъ школы, управа высказывается за учрежденіе районныхъ музеевъ.

Относительно организаціи и дѣятельности школьныхъ музеевъ, имѣющихся въ уѣздахъ *Верейскомъ*, *Дмитровскомъ* и *Серпуховскомъ* въ докладахъ земскихъ управъ свѣдѣній не представлялось.

V.

При обзорѣ матеріала, характеризующаго значеніе и дѣятельность возникшихъ за послѣднее время музеевъ наглядныхъ пособій прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что иниціатива ихъ организаціи и ихъ активная поддержка исходила не непосредственно изъ области народной школы. Не условія обученія въ начальной школѣ постепенно привели къ наличности при ней склада или болѣе или менѣе значительнаго подбора наглядныхъ пособій; музей не накопился за время существованія школы, какъ накапливается при ней масса учебныхъ пособій или цѣлый архивъ потрепанныхъ учебниковъ и книгъ, вырваныя страницы которыхъ все же имѣютъ цѣну и помогаютъ тверже запомнить очертанія буквъ дѣтямъ, вычеркивающимъ вновь усвоенныя буквы изъ этихъ страницъ архивнаго богатства; не желаніе удовлетворить возрастающую потребность наглядности способствовало росту и обогащенію отдѣльныхъ музеевъ и всего ихъ состава. Своимъ возникновеніемъ музеи народныхъ школъ всецѣло обязаны частной иниціативѣ отдѣльныхъ лицъ той группы общества, которая приняла на себя заботу выясненія и изысканія средствъ просвѣщенія вообще и народнаго образованія въ частности, предоставивши дѣло примѣненія этихъ средствъ людямъ непосредственной практики.

Недостатки нашей школы, изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ стоятъ ея книжность, грамматизмъ и формальность, достаточно извѣстны, при чемъ однимъ изъ существеннѣйшихъ средствъ для улучшенія обученія называется увеличеніе его наглядности. А такъ какъ ближайшею причиною недостатка наглядности обычно признается недостатокъ наглядныхъ пособій, то отсюда само собою слѣдовало предположеніе, что стоитъ только обезпечить школу этого рода пособіями, чтобы обученіе въ ней соотвѣтственно измѣнилось, улучшилось. Этимъ-то сознаніемъ недостатковъ школьнаго обученія съ желаніемъ помочь школьному дѣлу предоставленіемъ пособій для болѣе раціональной постановки преподаванія объясняется забота лицъ городской интеллигенціи объ устройствѣ музеевъ наглядныхъ пособій для сельскихъ школъ. Оказать помощь школьному дѣлу съ этой стороны представлялось тѣмъ болѣе заманчи-

вымъ, что достиженіе существенныхъ результатовъ казалось въ данномъ случаѣ возможнымъ безъ значительныхъ затратъ труда и средствъ.

Дѣйствительно, первыя попытки въ этомъ дѣлѣ какъ будто вполнѣ подтвердили правильность такихъ предположеній.

Опытъ организаціи музеевъ наглядныхъ пособій въ Московской губерніи свидѣтельствуетъ, что достаточно было немногимъ лицамъ искренно заинтересоваться дѣломъ, народной школой, открыто проявить этотъ интересъ и приложить свой трудъ къ дѣлу качественнаго улучшенія школы, чтобы вскорѣ же получились и желательные результаты такого труда.

Дѣятельность Ф. Л. Касторскаго въ Можайскомъ уѣздѣ и Б. А. Юрковскаго—въ Волоколамскомъ служитъ яснымъ примѣромъ такого активнаго сочувствія дѣлу начальнаго обученія; энергичная, безкорыстная дѣятельность названныхъ лицъ не только привлекла къ ней симпатію непосредственныхъ работниковъ школьнаго дѣла,—она увлекла ихъ, обратила ихъ вниманіе на ту сторону школоведенія, которая одна только способна вызвать любовь къ этому дѣлу и тѣмъ самымъ обезпечить его наибольшую продуктивность.

И этотъ же самый опытъ устройства музеевъ наглядныхъ пособій съ очевидностью свидѣтельствуетъ о томъ, что связанное съ организаціею этихъ музеевъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ одушевленное настроеніе школьной жизни и обученія стояло въ связи не съ наличностью пособій, предлагаемыхъ музеемъ, а именно съ дѣятельностью и характеромъ отношенія къ школьному дѣлу лицъ, стоявшихъ во главѣ школьныхъ музеевъ; и вотъ почему стоило только ослабнуть или прекратиться дѣятельности этихъ лицъ, и это соотвѣтственно отражалось на функціонированіи музеевъ. Отсутствіемъ такого одушевляющаго начала объясняется, безъ сомнѣнія, и то обстоятельство, почему остались бездѣятельными нѣкоторые музеи, соорганизованные съ тою же цѣлью, но не привлекшіе къ себѣ вниманія и сочувствія преподавательскаго персонала.

Не касаясь условій дѣятельности школьныхъ музеевъ, какъ самостоятельныхъ просвѣтительныхъ учрежденій и разсматривая ихъ лишь какъ болѣе или менѣе богатые склады пособій, нужные при школьномъ обученіи, нельзя затѣмъ не притти къ заключенію, что наличность достаточнаго запаса наглядныхъ пособій, которыми располагали музеи, сама по себѣ еще не гарантировала примѣненія наглядnаго метода обученія. Даже по самому характеру своей организаціи музеи не могли обезпечить желательную степень наглядности преподаванія въ школѣ. Выше приводились уже замѣчанія относительно неудобствъ, связанныхъ съ пользованіемъ предметами музея нѣсколькими школами. Еще ярче отмѣчаются эти недостатки въ слѣдующихъ отзывахъ учителей, пользовавшихся музеями.

„Думается,—пишетъ одинъ изъ учителей, что одинъ школьный музей на весь уѣздъ съ 40, и болѣе школами, изъ которыхъ нѣкоторыя отстоятъ отъ уѣзднаго города въ 30—40 верстахъ, не можетъ правильно и равномѣрно удовлетворять требованія всѣхъ школъ уѣзда: всѣ школы начинаютъ занятія въ одно время, курсъ школъ одинаковъ, учебники одинаковы, продолжительность учебнаго періода одинакова, требованіе ревизоровъ и экзаменаторовъ однообразны,—слѣдовательно и разработка школьнаго матеріала по отдѣламъ производится во всѣхъ школахъ почти въ одно и то же время, а потому и требованія на наглядныя пособія могутъ поступить по одному и тому же отдѣлу отъ нѣсколькихъ школъ за разъ, что мѣшаетъ пользоваться предметами музея“.

VI.

Но какъ ни существенно значеніе только что указанныхъ причинъ, сдерживающихъ силу функціонированія отдѣльныхъ музеевъ,—есть несомнѣнно и болѣе общія условія, вліяніе которыхъ выражается въ томъ же направленіи.

Въ самомъ дѣлѣ, если принять во вниманіе тотъ установленный фактъ, что значеніе музеевъ для мѣстныхъ школъ опредѣлялось не только ихъ богатствомъ и близостью, что были и есть музеи ничѣмъ не проявившіе своей дѣятельности, даже не начавшіе дѣйствовать, несмотря на недостатокъ наглядныхъ пособій въ школахъ данной мѣстности и на отсутствіе ихъ въ школахъ ближайшихъ къ музею, если, наконецъ, представить себѣ ходъ преподаванія въ тѣхъ школахъ, а такія школы составляютъ большинство, въ которыхъ ежедневно въ каждомъ отдѣленіи даются и читаются статьи, требующія объясненій, опытовъ, иллюстрацій и которыми, при отсутствіи собственныхъ наглядныхъ пособій, пособія эти, въ лучшихъ случаяхъ, были затребованы въ числѣ 50—60 экземпляровъ въ теченіе цѣлаго года,—то нельзя будетъ не притти къ заключенію, что, сравнительно, слабая дѣятельность музеевъ опредѣлялась и опредѣляется не одними только внѣшними обстоятельствами и недостатками организаціи этихъ музеевъ, а условіями внутренними, болѣе, тѣми же, которыми вообще ослабляется примѣненіе наглядныхъ пособій въ дѣлѣ начальнаго школьнаго преподаванія. Дѣйствительно, такія условія имѣются и отмѣчаются доставленными учительскими отзыками на вопросъ о томъ,—„въ достаточной ли степени наглядно ведется въ начальныхъ школахъ преподаваніе учебныхъ предметовъ, а если нѣтъ,—то какими причинами объясняется этотъ недостатокъ?“

Какъ ни интересны эти отвѣты,—они такъ разнообразны и ихъ такъ много, что передать ихъ въ настоящемъ случаѣ невозможно.

Группировкѣ многіе изъ такихъ отвѣтовъ не поддаются. А такъ какъ при всемъ ихъ разнообразіи,—поуѣздныя группы ихъ мало чѣмъ разнятся между собою, то для представленія характера этого матеріала, въ добавокъ къ приведеннымъ уже выше отзывамъ этого рода учителей Можайскаго уѣзда, изложимъ здѣсь содержаніе указаній, данныхъ учителями Волоколамскаго уѣзда, школы котораго надѣлены наглядными пособіями не бѣднѣе школъ другихъ уѣздовъ.

На предложенный вопросъ изъ названнаго уѣзда доставлено 46 отзывовъ, изъ которыхъ 9—не отвѣчаютъ прямо на поставленный вопросъ; такъ напримѣръ въ одномъ изъ этихъ отвѣтовъ говорится, что—„примѣненіе наглядныхъ пособій введено, сравнительно, въ недавнее время, а потому, соображаясь съ этимъ, можно сказать, что по нѣкоторымъ предметамъ обученіе ведется наглядно болѣе или менѣе въ достаточной степени, хотя, конечно, желательно, чтобы наглядность обученія получила болѣе широкое развитіе при изученіи всѣхъ предметовъ курса начальной школы“; затѣмъ по 2 школамъ данъ положительный отвѣтъ: „въ достаточной“,—кратко замѣчаетъ одинъ изъ учителей этихъ школъ; — „всѣ силы употребляю, — пишетъ другой учитель, — чтобы каждая изъ статей была проработана наглядно, и пользуюсь всѣмъ, хотя бы пришлось брать со стороны,—у другихъ, постороннихъ лицъ“. Всѣ остальные отвѣты опредѣленно указываютъ на то, что преподаваніе въ народныхъ школахъ ведется не достаточно наглядно, при чемъ 27 учителей и учительницъ высказываются за то, что, по ихъ мнѣнію, существеннѣйшею и даже единственною причиною слабой наглядности преподаванія является недостатокъ наглядныхъ пособій; наконецъ 15-ю отзывами называются и другіе причины даннаго явленія. Вотъ что говорится въ этихъ отзывахъ:

„Преподаваніе учебныхъ предметовъ ведется далеко не такъ наглядно, какъ это желательно: приходится очень мало удѣлять времени на уроки объяснительнаго чтенія по естественно-историческому отдѣлу, наиболѣе расширяющему умственный кругозоръ учащихся, при чемъ тормозомъ является самая программа для начальныхъ школъ, въ которой слишкомъ расширены отдѣлы—грамматики и правописанія, ариѳметики съ милліонными вычисленіями и загадками вмѣсто задачъ, церковно славянскаго языка и пѣнія. Наше земство старается обезпечить школы наглядными пособіями, но для использованія и этихъ, имѣющихся уже, пособій не хватаетъ времени“.

„Преподаваніе ведется не достаточно наглядно: на это не хватаетъ ни пособій, ни времени. Экзаменъ настоящаго года въ нѣкоторыхъ школахъ показалъ, что и грамматика, и грамматическій разборъ требуются необходимо. Программа увеличена, время же остается то же. Желательно до minimum'а сократить грамматику, чтобы оставить больше времени на

сообщеніе необходимыхъ свѣдѣній по всѣмъ отдѣламъ знанія. Желательно не только веденіе въ школѣ класснаго чтенія съ наглядными пособіями, но и веденіе отдѣльныхъ бесѣдъ съ этими пособіями. Бѣглость чтенія, которую стараемся развить, не такъ необходима ученикамъ. Полезнѣе привить ученику любовь къ книгѣ, тогда онъ и, выйдя изъ школы, не оставитъ ея и, читая, усовершенствуется въ бѣглости чтенія".

„Преподаваніе ведется не такъ наглядно, какъ бы хотѣлось его поставить; для этого не хватаетъ времени, въ которое нужно пройти требуемую программу. Ужасно угнетаетъ учителя то, что онъ не можетъ дать больше кончающимъ ученикамъ, которые уходятъ изъ школы съ такими знаніями".

„Нѣтъ, наглядность требуетъ больше времени, а учителю, имѣющему три отдѣленія, не хватаетъ времени останавливаться на всесторонникъ объясненіяхъ. Онъ, большею частію, при существующихъ условіяхъ, чтобы выиграть время, довольствуется только словесными объясненіями. Поэтому, чтобы школьное преподаваніе велось наглядно, нужно время, а для этого желательно курсъ школы увеличить до четырехъ лѣтъ и въ каждой школѣ имѣть по два преподавателя; затѣмъ школа должна имѣть всегда подъ рукой какъ можно болѣе наглядныхъ пособій".

„Неудобство пользованія музеемъ,—говорится въ другомъ отзывѣ,—заключается въ невозможности добыть изъ музея предметъ въ то время, когда онъ нуженъ: онъ въ это время можетъ быть въ другой школѣ, вслѣдствіе чего приходится иногда отступать отъ системы при прохожденіи курса, стараясь использовать предметъ или памятное пособіе, попавшее въ руки. Устранить это до тѣхъ поръ, пока предметы въ управскомъ музеѣ имѣются въ одномъ экземплярѣ—невозможно. Невозможно двигать, переводить въ школы такія дорогія вещи, какъ электрическая машина, дорогой теллурій и пр.

„Въ настоящее время пользоваться музеемъ можно только такъ: учитель пріѣзжаетъ въ земство, что по дальности растоянія бываетъ очень рѣдко, въ году не болѣе 3—4 разъ, и беретъ что тамъ найдется и что ему болѣе подходитъ, избѣгая громозкихъ и хрупкихъ предметовъ, почему обыкновенно берутся картины, но такое случайное пользованіе музеемъ, конечно не удовлетворяетъ нуждъ при объяснительномъ чтеніи".

„Организація пользованія предметами школьнаго музея не вполнѣ удовлетворительна именно тѣмъ, что при спросѣ на извѣстные предметы эти уже взяты".

„Существенное неудобство заключается въ томъ, что не всегда можно получить требуемый предметъ, потому—что въ другихъ школахъ почти одновременно предъявляется требованіе на тѣ же предметы".

И должно замѣтить, что подобнаго рода замѣчанія даются учителями не только тѣхъ уѣздовъ, которые располагаютъ однимъ поуѣзднымъ „центральнымъ“ музеемъ; тѣ же указанія встрѣчаются въ отзывахъ преподавательскаго персонала школъ, пользовавшихся филіальными отдѣленіями музея.

„Неудобство состоитъ въ обмѣнѣ пособій,—говорится въ одномъ изъ такихъ отзывовъ,—а именно въ томъ, что не всегда въ намѣченные сроки, а таковыхъ четыре, возможно аккуратно передвинуть пособіе изъ школы въ школу: или нельзя бываетъ найти подводу, или же пріѣдешь обмѣниваться въ сосѣднюю школу, а тамъ еще требуемыя пособія или картины не использованы. Приходится ѣздить по два раза“.

„Организацію пользованія предметами школьнаго музея признаю неудовлетворительною по слѣдующимъ причинамъ: 1) центральнымъ музеемъ можно пользоваться только на мѣстѣ, что для народныхъ школъ недоступно. Не могу же я везти учениковъ за 39 верстъ въ городъ и тамъ показать имъ всѣ наглядныя пособія за разъ, что не имѣетъ и смысла; 2) очень ограниченъ выборъ пособій въ отдѣленіяхъ по уѣзду, такъ какъ отдѣленія эти обслуживаютъ школы въ діаметрѣ на 14 верстъ“.

„Пользованіе предметами затрудняется тѣмъ, что приходится ихъ получать не въ то время, когда это желательно“.

„Когда музей находился въ мѣстной земской управѣ,—неудобство заключалось въ дальности разстоянія—25 верстъ; когда же этотъ музей раздѣлили на нѣсколько частей, и помѣстили въ нѣсколькихъ пунктахъ уѣзда, то получились отдѣленія очень бѣдныя по составу, такъ что выборъ сталъ крайне затруднителенъ: встрѣчались пособія совершенно ненужныя и трудно было получить пособія необходимыя“ и т. д.

Вмѣстѣ съ только-что отмѣченнымъ условіемъ, которое препятствуетъ пользоваться музеями въ желательной степени, этому мѣшаетъ неудобство пересылки предметовъ музея, представляющее тѣмъ болѣе затрудненій, чѣмъ дальше отстоитъ отъ музея данная школа.

Въ отзывахъ учителей о причинахъ слабаго пользованія музеями съ наибольшею опредѣленностью и чаще всего указывается на ихъ отдаленность отъ школы. Вліяніе этого обстоятельства безъ труда можетъ быть замѣчено при разсмотрѣніи даже тѣхъ незначительныхъ числовыхъ данныхъ, которыми опредѣляется размѣръ дѣятельности отдѣльныхъ музеевъ. Это подтверждается слѣдующимъ сопоставленіемъ имѣющихся за послѣдніе 7 лѣтъ свѣдѣній по тѣмъ (21) земскимъ школамъ, которыя могли получать пособіе изъ одного Можайскаго музея, т.-е не считая школъ, пользовавшихся Княжевскимъ отдѣленіемъ его.

Въ среднемъ приходилось за одинъ годъ на одну школу, отстоящую отъ музея въ верстахъ:

	10 и менѣе (9 школъ).	11—20 вер. (5 шк.).	21 и далѣе (7 школъ).
Число выдачъ.....	8	4	3
Всего выдано предметовъ.	52	37	23

Какъ видимъ, чѣмъ далѣе отстояла школа отъ музея,—тѣмъ рѣже она къ нему обращалась. тѣмъ менѣе пользовалась она его услугами.

Затрудненія, испытываемыя школами при полученіи пособій изъ отдаленныхъ музеевъ привели къ открытію филіальныхъ отдѣленій и даже къ особой организаціи порайонныхъ музеевъ, пользованіе которыми, однако, какъ это отмѣчалось выше, представляетъ, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, тѣ же недостатки, какъ и пользованіе музеями общеуѣздными, центральными.

„Въ настоящее время обученіе въ начальныхъ школахъ ведется съ наглядными пособіями, но все-таки преподаваніе ведется не достаточно понятно. Это по моему мнѣнію объясняется тѣмъ, что у насъ нѣтъ многихъ пособій, а еще и тѣмъ, что у насъ на пути стоитъ программа министерства народнаго просвѣщенія, при точномъ прохожденіи которой нѣтъ возможности вести достаточно наглядно обученіе".

„Преподаваніе по крайней мѣрѣ въ моей школѣ, ведется далеко не наглядно. Слишкомъ большое количество учащихся, трехлѣтній курсъ и неимѣніе подъ руками наглядныхъ пособій,—все это дѣлаетъ преподаваніе сухимъ, механическимъ, вслѣдствіе чего все пройденное по выходѣ изъ школы, скоро забывается".

„Что касается тѣхъ школъ, которыя мнѣ хорошо извѣстны,—могу смѣло сказать, что наглядность обученія въ нихъ очень слаба; господствуетъ зубристика, которая скоро забывается, какъ только ученикъ вышелъ изъ школы; нѣкоторыя школы кромѣ книгъ, бумаги и чернилъ ничего не имѣютъ".

„Такъ какъ есть надежда на то, что страхъ за лишнюю ошибку будетъ все меньше безпокоить учителя, то возможно разсчитывать, что въ учителяхъ возрастаетъ интересъ къ наглядному способу преподаванія, облегчающему и ускоряющему развитіе ученика. Но не мѣшаетъ освѣжать, а въ нѣкоторыхъ учителяхъ и прямо возбудить интересъ къ наглядному обученію распространеніемъ взглядовъ современной психологіи на этотъ предметъ. Необходимо, кромѣ того, быть вооруженнымъ для объясненія съ наглядными пособіями и соотвѣтственными познаніями. Всего этого можно достигнуть чтеніемъ подходящихъ книгъ, а еще лучше и вѣрнѣе—слушаніемъ лекцій на общеобразовательныхъ курсахъ, поставленныхъ по возможности прочно и интересно".

„Преподаваніе въ начальныхъ школахъ ведется не въ достаточной степени наглядно: тормозитъ дѣло установленная программа".

„Преподаваніе ведется не достаточно наглядно за отсутствіемъ наглядныхъ пособій; если же въ нѣкоторыхъ школахъ (какъ напримѣръ въ нашей) и есть какія-либо пособія, то пользоваться ими неудобно за неприспособленностью ихъ къ статьямъ для чтенія принятыхъ учебниковъ".

„Настоящее преподаваніе учебныхъ предметовъ ведется не только не достаточно наглядно, но даже его можно назвать слишкомъ не достаточнымъ. Нужда въ послѣднихъ пособіяхъ ощущается чуть ли не на каждомъ урокѣ, а всѣ пособія и состоятъ только изъ полушарій да счетъ. Недостатокъ въ пособіяхъ объясняется отчасти тѣмъ, что земство напрягаетъ всѣ свои силы на то, что бы выстроить побольше школъ, а подобныя нужды школъ пока отодвигаетъ на задній планъ за неимѣніемъ средствъ. Мнѣ кажется, что и сами учителя смотрятъ на это равнодушно".

„Весьма недостаточно: 1) по неимѣнію наглядныхъ пособій, 2) по несоотвѣтствію картинъ съ содержаніемъ книгъ для чтенія; удовлетворительной книги для чтенія нѣтъ, ее бы слѣдовало заказать, предварительно выработавъ при помощи учителей программу для такой книги. Затѣмъ уже картины должны бы пополнять эту желательную книгу. Земство ежегодно тратитъ не малыя суммы на разные учебники, оно могло бы издать свои, что вышло бы не дороже, но несравненно для школъ полезнѣе.

Имѣющіяся же книги и картины по непринаровленности значительной пользы принести не могутъ".

„Далеко не достаточно. Объясняется тѣмъ, что 1) мало имѣется наглядныхъ пособій, 2) пособія изъ центральнаго музея не всегда можно имѣть подъ руками, потому что далеко, а нѣкоторыя по своей сложности и хрупкости требуютъ умѣлую упаковку, 3) иногда не хватаетъ своихъ познаній для того, чтобы полнѣе использовать пособія. Избѣжать это можно тѣмъ, что 1) увеличить наборъ наглядныхъ пособій въ отдѣленіяхъ музея, какъ мѣстахъ близкихъ къ школѣ; 2) нѣкоторыя пособія необходимо имѣть въ каждой школѣ, напримѣръ, географическія карты Европы, Россійской Имперіи, полушарій, глобусъ, лупу, магнитъ, нѣкоторые приборы по физикѣ; 3) періодически устраивать общеобразовательные курсы (уѣздные или губернскіе), какъ для освѣженія познаній учителя, такъ и для того, чтобы показать, какъ плодотворнѣе можно пользоваться наглядными пособіями; 4) каждую школу снабдить руководствами, необходимыми при пользованіи наглядными пособіями; 5) передать все завѣдываніе этими пособіями самимъ учителямъ, а для этого организовать постоянную школьную комиссію при управѣ".

„О достаточной степени наглядности преподаванія въ начальной школѣ врядъ ли можно говорить до тѣхъ поръ, пока существуетъ со

временная программа для начальныхъ школъ и требованія экзаменаторовъ, главнымъ образомъ по грамматикѣ. Какъ бы то ни было, а приспособляемость видна у большинства въ каждомъ дѣлѣ, безъ сомнѣнія оно существуетъ и въ начальномъ обученіи. Разъ въ программѣ требуется отъ учениковъ старшей группы только чтеніе съ пересказомъ, а не какія-либо положительныя знанія по естествовѣдѣнію, исторіи, географіи и другимъ предметамъ, то, естественно, многіе преподаватели этимъ чтеніемъ и ограничиваются, увеличивая свѣдѣнія по грамматикѣ, какъ предмету болѣе спрашиваемому и преподаваемому безъ наглядныхъ пособій. Нѣтъ сомнѣнія, что наглядныя пособія употребляются, можетъ быть и въ достаточной степени, тѣми учителями, которые сознаютъ, что нынѣшняя программа для начальныхъ школъ не нормальна и требуетъ переработки съ прибавленіями 4-го года обученія и требованій по естествовѣдѣнію, исторіи и географіи. Итакъ первой причиной малой употребительности наглядныхъ пособій я считаю программу для начальныхъ училищъ, предъявляющую требованіе учить такъ, чтобъ ученики ничего не знали; второй вопросъ причиной является малая общительность между собою и съ лицами, близко стоящими или сочувствующими дѣлу просвѣщенія; третьей причиной служитъ недостатокъ средствъ, но онъ устранится,—„разъ будутъ уничтожены двѣ первыя причины“.

Изъ другихъ уѣздовъ Московской губерніи получены были, какъ сказано, подобные же отзывы, изъ числа которыхъ приведемъ еще слѣдующіе наиболѣе подробные и характерные отвѣты на тотъ же вопросъ учительницъ и учителей различныхъ уѣздовъ губерніи:

„Преподаваніе учебныхъ предметовъ въ большинствѣ случаевъ ведется при отсутствіи наглядности. Что же касается причинъ этого обстоятельства,—то недостатокъ средствъ уѣздныхъ земствъ, конечно, играетъ роль въ этой бѣдности наглядными пособіями,—этого отрицать нельзя. Но это еще не единственная причина, да ее въ нѣкоторыхъ школахъ можно обойти, напр. въ школахъ, гдѣ попечитель заинтересованъ правильной постановкой преподаванія. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые преподаватели сами не сознаютъ всей важности наглядnаго преподаванія, а если и сознаютъ, то отношеніе къ этому вопросу начальствующихъ лицъ, совершенно игнорирующихъ эту сторону преподаванія, мало-по-малу вытравляетъ изъ сознанія преподавателя необходимость наглядной постановки обученія. И третья причина: лица, ревизующія народную школу обычно выдвигаютъ на первый планъ *свои* педагогическіе принципы, выполненіе которыхъ въ большинствѣ случаевъ никакихъ наглядныхъ пособій не требуетъ. Напримѣръ, одно

лицо выдвигаетъ на первый планъ знаніе теоріи грамматики и грамматическій разборъ, другое—каллиграфію, третье—славянское чтеніе, четвертое—обращаетъ особое вниманіе на урегулированіе дыханія ученика во время чтенія и т. д. Производя давленіе на преподавателя, начальствующее лицо тѣмъ самымъ заставляетъ преподавателя всѣ силы сосредоточить на предметахъ, не требующихъ наглядности обученія. Уже для чтенія статей по міровѣдѣнію и для разъясненія ихъ съ помощью наглядныхъ пособій не остается ни времени, ни силъ. Преподаватель хорошо знаетъ, что теорія грамматики мгновенно испарится изъ головы окончившаго курсъ ученика; красивый почеркъ, при отсутствіи упражненія и отъ напряженія рукъ при физической работѣ, быстро измѣнится къ худшему, но все-таки трудится надъ неинтересными и, въ данномъ случаѣ, ненужными предметами. А диктантъ?! До тѣхъ поръ, пока онъ будетъ существовать какъ экзаменаціонная работа, до тѣхъ поръ наглядное преподаваніе всегда будетъ на заднемъ планѣ, даже при наличности богатыхъ земскихъ музеевъ. Гдѣ же взять необходимое количество времени для физическихъ опытовъ, для изученія карты, для объясненія и разсмотрѣнія картинъ? Откуда взять это драгоцѣнное время, когда необходимо пройти подробно грамматику, чтобы ученики могли осилить разныя тонкости правописанія. Гдѣ ужъ тутъ мечтать объ интересномъ, захватывающемъ наглядномъ преподаваніи объяснительнаго чтенія.... Нѣтъ, пока это царство диктанта и грамматики не кончится, до тѣхъ поръ никакія картины, никакія коллекціи, никакіе музеи не принесутъ той пользы, которой отъ нихъ ожидаютъ лучшіе педагоги и дѣятели по народному образованію, а затрата на нихъ земскихъ средствъ будетъ непроизводительна".

„Школы, ведущія преподаваніе въ должной мѣрѣ наглядно, составляютъ рѣдкое счастливое исключеніе. Причины этому тѣ, что 1) преподаватели въ школѣ, обязанные выполнить программныя требованія, являющіяся по своимъ размѣрамъ весьма тяжелыми, убиваютъ значительную долю времени на изученіе грамматики, которая въ школѣ и по прежнему царитъ (о наглядности и подумать некогда); 2) при наличности разнорѣчивыхъ требованій на экзаменахъ, зависящихъ отъ личности экзаменатора, когда рѣшеніе какого-либо ариѳметическаго фокуса является лучшей аттестаціей для учителя и школы, преподаватели не желая подвергаться случайностямъ, тратятъ не мало времени на всевозможныя ариѳметическія ухищренія, не оставляя мѣста общему развитію ребенка при посредствѣ наглядности въ обученіи; 3) земство, занятое проведеніемъ въ жизнь принципа общедоступности обученія, въ меньшей мѣрѣ пеклось о качественной сторонѣ преподаванія въ училищахъ, не жило интересами внутренней жизни школы, а учителя, разбросанные по губерніи, матеріально не обезпеченные, своею разоб-

щенностью, какъ элементъ слабый, не могли развести въ себѣ духа корпоративности, не могли ничего сдѣлать къ разрѣшенію интересующаго насъ вопроса. Чтобы избѣгнуть всего этого, надо: измѣнить курсъ начальной школы до 4 лѣтъ или понизить уровень требованій программы, утв. мин. народн. просвѣщ. 7 февраля 1897 г.; при требованіяхъ на экзаменахъ должны доминировать не грамматическія и ариѳметическія тонкости, а общее развитіе учащагося, примѣнительно къ жизни; необходимо устранить наличность многихъ неблагопріятныхъ условій современной школы".

„Нѣтъ, не достаточно. Причины этого, мнѣ думается, слѣдующія: во-первыхъ, крайній недостатокъ наглядныхъ пособій, что устранимо только при извѣстныхъ затратахъ; во-вторыхъ, незнакомство съ практикой нагляднаго преподаванія большинства учащихъ, т. к. таковыми часто бываютъ лица, не имѣющія педагогическаго образованія, не чувствующія нужды пріобрѣсть его и не желающіе поучиться у учителя сосѣда. Лучшее средство бороться съ этимъ зломъ — устройство курсовъ для учителей; въ третьихъ — страхъ передъ экзаменомъ, заставляющій учить только тому, что спросятъ".

„Въ начальной школѣ, какъ элементарной, все обученіе слѣдовало бы вести исключительно наглядньмъ способомъ, тогда только обученіе было бы интересно для учащихся и продуктивно, а между тѣмъ въ настоящее время наглядность совершенно почти отсутствуетъ, не только что не достаточна. Устройствомъ одного музея наглядныхъ пособій на цѣлый уѣздъ не возможно сдѣлать обученіе наглядньмъ во всѣхъ школахъ уѣзда. Музей нуженъ при каждой школѣ, чтобы всѣ предметы нагляднаго обученія были всегда подъ рукою, во всякій учебный часъ. Кромѣ снабженія школъ наглядными пособіями, необходимо измѣнить и требованія, предъявляемыя къ школѣ въ настоящее время, а то и при наличности наглядныхъ пособій дѣло не измѣнится: учащій не пойдетъ временно заниматься наглядньмъ, развивающимъ обученіемъ, когда ему необходимо заниматься задачами, задачами и задачами, правописаніемъ и правописаніемъ"....

„Когда въ школѣ находится двѣ карты, глобусъ и счеты, — то о наглядности преподаванія не можетъ быть и рѣчи. Конечно, можно бы многому научиться отъ самой природы: сводить учениковъ въ садъ, въ лѣсъ, на рѣку и т. д.; — но для этого не хватитъ времени: все беретъ грамматика, — для развитія же учениковъ, т. е. для самаго главнаго, — его нѣтъ".

„Ведется ли въ достаточной степени наглядно преподаваніе въ начальныхъ школахъ? — Объ этомъ, кажется и спрашивать нечего, — конечно, нѣтъ. Ариѳметика, и безъ того наука отвлеченная, еще болѣе сушится въ силу формальныхъ экзаменаціонныхъ требованій, для вы-

полненія которыхъ требуется рѣшить тысячи ариѳметическихъ примѣровъ и задачъ, а между тѣмъ, — заставь ученика отмѣрить участокъ земли въ 25 кв. саж., и ученикъ, пожалуй, затруднится. А почему? Да потому, что его учили только вычислять грифелемъ на доскѣ..... Тотъ же недостатокъ обнаруживается и на урокахъ русскаго языка и чтенія. Всѣ эти недостатки какъ будто бы и сознаются многими, а между тѣмъ мертвая буква царствуетъ и будетъ царствовать, можетъ быть, еще долго. Ужъ очень она намъ пришлась по сердцу. Для насъ недостаточно, если дѣти дѣлятъ рѣчь на части, мы ихъ заставляемъ дѣлить на части слова, иногда до слезъ придираемся къ мелочамъ, и все это дѣлается въ угоду буквѣ. Въ жертву ей мы приносимъ силенки учениковъ, силы учителей, время, которое должно бы пойти на истинное образованіе, состоящее въ изученіи живыхъ наукъ, изученіи, конечно, наглядномъ".

„Взглядъ мой о наглядности преподаванія въ школѣ такой, что, въ сущности, за небольшими исключеніями, наглядность почти отсутствуетъ, хотя бы и должна быть на первомъ мѣстѣ. Происходитъ это и отъ недостатка нужныхъ пособій, и отъ того, что при существующихъ требованіяхъ по грамматикѣ и орѳографіи недостатокъ времени не даетъ возможности останавливаться на болѣе подробномъ наглядномъ обученіи. Я увѣренъ, что ученикъ, въ моей или другой какой-либо школѣ кончающій курсъ, не имѣетъ яснаго представленія не только о государствѣ, а даже о своей губерніи или уѣздѣ".

„На наглядность преподаванія, къ сожалѣнію, обращается мало вниманія; причиною этому служитъ: 1) трудность выполненія программы въ школѣ при одномъ учителѣ, занимающемся съ 3-мя отдѣленіями, при чемъ на каждое отдѣленіе приходится непосредственныхъ занятій съ учителемъ до $1^1/_2$ часа въ день; 2) строгое требованіе со стороны ревизующихъ школу экзаменаторовъ выполненіе программы, а иногда даже и болѣе положеннаго по программѣ".

„Недостатокъ наглядности въ преподаваніи — больное мѣсто нашихъ сельскихъ школъ. Въ большинствѣ случаевъ школы лишены наглядныхъ пособій, вслѣдствіе чего ученики о многихъ предметахъ не могутъ имѣть живого представленія и составляютъ о нихъ довольно смутное понятіе со словъ учителя. Ученикамъ приходится имѣть дѣло не съ предметами, а исключительно со словами, отчего ученіе становится слишкомъ книжнымъ, сухимъ и отвлеченнымъ. Такой характеръ обученія совсѣмъ не соотвѣтствуетъ дѣтскому возрасту, живущему въ мирѣ образовъ, а не отвлеченныхъ понятій. Необходимо, однако, не только обогатить школы всевозможными наглядными пособіями, но вмѣстѣ съ тѣмъ нужно дать учителю возможность разумно пользоваться ими. Въ настоящее же время, при обширной программѣ и трехлѣтнемъ

курсѣ, учитель и при наличности наглядныхъ пособій съ трудомъ можетъ пользоваться ими. Учитель имѣетъ въ своемъ распоряженіи 24 часа въ недѣлю на три отдѣленія, т. е. на каждое по 8 часовъ такихъ занятій, при веденіи которыхъ необходимо непосредственное участіе учителя, таковы уроки грамматики (разбора и т. п.), ариѳметики, чтенія русскаго и славянскаго. Времени на всѣ предметы не хватаетъ и приходится или заниматься ежедневно по 6 часовъ, или на какой-нибудь предметъ обращать вниманіе меньше, чѣмъ слѣдуетъ. Правописаніемъ заниматься мало нельзя, потому что за плохо написанный диктантъ на экзаменѣ ученика могутъ лишить свидѣтельства. Ариѳметикой необходимо заниматься много, потому что курсъ обширенъ и предметъ труденъ. Остается чтеніе; читать ученики могутъ и самостоятельно, какъ только овладѣютъ механизмомъ чтенія. Вотъ почему въ старшемъ и среднемъ отдѣленіи ученики больше читаютъ самостоятельно, если только учитель не прибавляетъ учебныхъ часовъ. Въ тѣхъ школахъ, гдѣ занимаются 2 преподавателя, можно найти время и на чтеніе. Изъ этого не слѣдуетъ заключать, что учителя предпочитаютъ другіе предметы чтенію; они противъ своей воли принуждены заниматься больше грамматикой, диктантомъ и ариѳметикой, чѣмъ чтеніемъ. Если такое положеніе вещей останется и на будущее время, то къ чему послужатъ разныя пособія, напр., естественно-истор., географ. и историческія картины? Какимъ образомъ учитель можетъ пользоваться ими, не удлиняя учебнаго дня? Чтобы ввести въ школы наглядность преподаванія, необходимо поставить чтеніе во главѣ школьныхъ предметовъ. Для этого нужно измѣнить программу, понизить экзаменаціонныя требованія по диктанту и ариѳметикѣ и вообще придать иной характеръ экзаменамъ и ревизіямъ школъ. Пока экзаменъ будетъ страшить учителя, онъ мало будетъ думать о наглядности въ преподаваніи; его мысль будетъ подавлена заботой о томъ, — какъ получше приготовить учениковъ къ экзамену.... Въ высшей степени желательно, чтобы принципъ наглядности какъ можно скорѣе былъ приведенъ въ нашихъ школахъ: тогда преподаваніе сдѣлается болѣе живымъ и болѣе будетъ интересовать и учениковъ и самихъ учителей. Сухое же отвлеченное преподаваніе отталкиваетъ учениковъ и ослабляетъ интересъ къ дѣлу въ самомъ учителѣ. Мы, учителя, не можемъ не радоваться тому, что вопросъ о наглядности преподаванія ставится теперь на очередь въ земствѣ, но *для удачнаго разрѣшенія этого вопроса необходимо имѣть въ виду весь школьный строй*“.

Представленный матеріалъ съ достаточною убѣдительностью свидѣтельствуетъ о томъ, что недостатокъ наглядности школьнаго преподаванія въ Московской г. зависитъ отъ самыхъ разнообразныхъ причинъ,

изъ которыхъ существенное значеніе имѣютъ тѣ самыя опредѣляющія внутреннюю, качественую сторону школнаго дѣла, условія, вліяніе которыхъ сказывается вообще въ жизни русской (и даже не одной русской) начальной школы.

Въ задачу настоящаго очерка не входитъ обзоръ разсматриваемой стороны учебнаго дѣла въ школахъ иныхъ, кромѣ школъ Московской губерніи, поэтому мы ограничимся указаніемъ только нѣкоторыхъ, случайно встрѣченныхъ въ печати замѣтокъ, которыхъ, все-таки, достаточно для того, чтобы видѣть, что школы Московской губерніи въ данномъ отношеніи не могутъ считаться исключительными.

Такъ, напримѣръ, въ Курской губерніи, гдѣ какъ извѣстно, интересъ къ наглядности преподаванія проявился, сравнительно, съ большею силою, чѣмъ въ школьной организаціи другихъ губерній, въ числѣ причинъ, мѣшающихъ развитію наглядности преподаванія — „учащіе указываютъ на переполненность школъ, когда одному учителю и учительницѣ приходится заниматься съ 70—90 дѣтьми сразу въ трехъ отдѣленіяхъ, на программныя и экзаменаціонныя требованія, преслѣдующія механическую выучку, а не развитіе дѣтей, на недостатокъ подходящихъ статей для объяснительнаго чтенія изъ области элементарной физики, химіи и вообще естествовѣдѣнія, на недостатокъ книгъ школьныхъ библіотекахъ“, на неудовлетворительность принятыхъ въ школѣ книгъ для чтенія [1]). На устроенныхъ въ 1900 г. педагогическихъ курсахъ въ Тулѣ также указывалось, что—„въ нашихъ школахъ предметные уроки вести очень неудобно, у насъ слишкомъ мало времени и учебныхъ предметовъ и пособій для опытовъ“ [2]). Въ своемъ докладѣ земскому собранію 1902 года Самарская земская управа констатируетъ, что—„отзывы учителей, бывшихъ на Самарскихъ педагогическихъ курсахъ, да и вообще отзывы всѣхъ учителей земской Россіи гласятъ, что учителя не могутъ снабдить ученика и тѣми знаніями, которыя разрѣшены программою: чтеніе статей историческаго, географическаго или естественно-историческаго содержанія, которыя все-таки встрѣчаются въ нашихъ христоматіяхъ, вмѣсто того, чтобы возбудить интересъ и любознательность ученика, наводитъ на него скуку и вызываетъ утомленіе, а занятія превращаются въ исполненіе лишь извѣстныхъ формальностей — и почти исключительно потому, — какъ полагаетъ управа,—что учитель не можетъ обставить это чтеніе наглядными пособіями, самыми простыми физическими и химическими опытами“ [3]). Саратовская губернская земская управа, касаясь размѣровъ обезпеченія

---

[1]) «Текущая школьн. статистика Курскаго губ. земства» за $190^2/_3$ уч. г. стр. 77.

[2]) «Отчетъ о педагог. курсахъ»—стр. 34.

[3]) «Постанов. Самарскаго губерн. земск. собранія XXXVII очередной сессіи»—стр. 257.

школъ наглядными пособіями, заключаетъ, что самая „потребность въ нихъ далеко еще не признана за необходимую и что эти пособія скорѣе являются чѣмъ-то случайнымъ въ школахъ, чѣмъ непремѣнной принадлежностью“ [1]). Тверская губернская земская управа объясняетъ пониженіе качественнаго типа школъ усиленнымъ стремленіемъ правительства и общества къ увеличенію числа школъ, желаніемъ достигнуть возможно скорѣе общедоступность обученія, заслонившимъ собою заботу объ улучшеніи самаго преподаванія, для чего, по мнѣнію управы, прежде всего необходимо обезпечить школы должнымъ подборомъ наглядныхъ пособій: „пока школы наши не будутъ снабжены въ достаточной мѣрѣ наглядными учебными пособіями, — говорится въ докладѣ управы, — онѣ не могутъ считаться настоящими просвѣтительными учрежденіями и мало отличаются отъ школъ грамоты: никакихъ прочныхъ начатокъ знанія, которыя запечатлѣвались бы въ умѣ учащихся, кромѣ развѣ грамматики, онѣ сообщить не могутъ“ [2]). Такое же значеніе признается за наличностью наглядныхъ пособій докладомъ Пензенской губернской земской управы, отмѣчающимъ, что однимъ изъ важнѣйшихъ пробѣловъ въ „постановкѣ учебнаго дѣла въ начальныхъ школахъ губерніи является отсутствіе учебныхъ пособій для наглядnаго обученія“, такъ какъ, какъ говорится въ докладѣ, — „начальная школа, выходя изъ рамокъ простой школы грамоты, безъ пособій для наглядnаго обученія, впадаетъ въ излишній грамматизмъ и поневолѣ вноситъ пріемы чисто схоластическаго обученія, весьма мало содѣйствующаго развитію своихъ учениковъ“ [3]).

Какъ видимъ, мнѣнія о причинахъ недостатка наглядности обученія, приводимыя въ печати и выраженныя въ докладахъ учрежденій, завѣдующихъ школьнымъ дѣломъ, подтверждаютъ то же, что было высказано по этому поводу учителями и учительницами земскихъ школъ Московской губерніи. Эти указанія и отзывы одинаково отмѣчаютъ, что слабая наглядность школьнаго обученія находится не только въ связи, но и въ зависимости отъ другихъ недостатковъ и разнообразныхъ условій постановки школьнаго дѣла; при этомъ едва ли не большую часть имѣющагося матеріала составляютъ мнѣнія, что если не единственная, то существеннѣйшая причина малой наглядности преподаванія заключается въ недостаткѣ наглядныхъ пособій.

Съ этимъ послѣднимъ объясненіемъ согласиться, очевидно, нельзя; стоитъ только всмотрѣться въ имѣющіяся данныя о постановкѣ нашей

---

[1]) «Начальн. народн. образов. въ Саратовской губ. въ 1899—1900 учебн. году»— стр. 61.

[2]) «Докладъ управы по народному образованію Тверскому губ. земскому собранію 1902 г.» ч. I стр. 56 и 57.

[3]) Докладъ Пензенской губ. зем. управы собранію 1902 г. стр. 95 и 96.

начальной школы, чтобы самъ собою возникъ вопросъ: какъ же именно выражается взаимная зависимость этихъ двухъ явленій, т.-е. недостатка наглядности преподаванія и недостатка наглядныхъ пособій: оттого-ли дурно ведется обученіе, что нѣтъ или мало этого рода пособій, или же наоборотъ—не потому-ли и нѣтъ въ данныхъ школахъ наглядныхъ пособій, что наглядность преподаванія не признается настолько желательною, чтобы сдѣлать необходимыми наглядныя пособія. И можно думать, что послѣднее предположеніе гораздо вѣроятнѣе перваго. Для поясненія сказаннаго прибѣгнемъ къ слѣдующей аналогіи: если бы нашлась школа, въ которой дѣти не обучаются письму, то это во всякомъ случаѣ не было бы объяснено недостаткомъ письменныхъ принадлежностей; отсутствіе письменныхъ пособій можетъ пріостановить изученіе письма въ настоящей школѣ лишь на время: какъ ни бѣдна данная школа, какъ ни много заботъ и труда придется принять на себя учителю, чтобы добыть письменныя принадлежности,—онѣ будутъ пріобрѣтены; можетъ быть, онѣ будутъ дурного качества, можетъ быть бумагу, чернила и перья придется замѣнить грифельными досками и грифелями, наконецъ, можетъ быть, чтобы сберечь дорогую бумагу, ученики младшаго отдѣленія, какъ это намъ случилось видѣть, будутъ писать мѣломъ на партахъ, — но письмо все же будетъ преподаваться, такъ какъ оно признается необходимымъ предметомъ школьнаго обученія всѣми: и учителями, и ревизорами-экзаминаторами, и, что особенно важно, родителями учениковъ, и самими учениками. И если въ школѣ имѣется достаточный запасъ письменныхъ принадлежностей, а наглядныя пособія отсутствуютъ, то прежде всего объясняется это тѣмъ, что обученье письму признается необходимымъ и неизмѣримо болѣе важнымъ, чѣмъ обученіе умѣнью наблюдать или способствовать развитію ученика при помощи наглядныхъ пособій. И также очевидно, что только тогда начальныя школы будутъ вполнѣ обезпечены наглядными пособіями, когда наглядность обученія признана будетъ необходимою, что въ свою очередь можетъ стать общимъ явленіемъ только лишь при соотвѣтственномъ измѣненіи всей школьной системы.

VII.

Изъ ряда частныхъ условій, въ которыхъ выражается данная школьная система, каковы, напримѣръ, — продолжительность школьнаго курса, программа школы, число классовъ и учащихся у одного учителя, богатство учебными и наглядными пособіями, образовательный уровень учителя, его педагогическія знанія и опытность, степень свободы преподаванія, форма и качество контроля и т. д., — однимъ изъ

существенныхъ условій, которымъ также опредѣляется наглядность преподаванія, признается отношеніе учителя къ наглядности школьнаго обученія.

„При отсутствіи въ учащихъ интереса къ наглядьнымъ пособіямъ,— говорится въ докладѣ Курской губернской земской управы,—и хорошо обставленная коллекція пособій не будетъ выполнять своего назначенія“ [1]). Отсутствіе въ школахъ самодѣльныхъ приборовъ для наглядьнаго обученія, а также непримѣненіе ученическихъ экскурсій для составленія коллекцій насѣкомыхъ, минераловъ растеній и т. п. объясняется школьностатистическимъ отчетомъ по Курской губерніи за $190^2/_3$ учебный годъ также отношеніемъ къ этому предмету учителей [2]).

Мнѣніе, что наглядность преподаванія обусловливается, между прочимъ, отношеніемъ къ нему учащихъ, слышится также въ высказанномъ школьной комиссіей Ярославскаго губернскаго земства сожалѣніи о томъ, что—„земство въ данное время не обладаетъ еще достаточнымъ контингентомъ такого учительскаго персонала, который бы во всей широтѣ могъ использовать для цѣлей классьнаго преподаванія тѣ, хотя бы даже элементарныя, наглядныя пособія, какія могли бы быть разосланы по школамъ“ [3]).

Опытъ дѣятельности Можайскаго музея наглядныхъ пособій даетъ много примѣровъ, свидѣтельствующихъ, что — „широта пользованія музеемъ въ сильнѣйшей степени зависитъ отъ индивидуальнаго отношенія воззрѣній отдѣльныхъ лицъ преподавательскаго персонала по вопросу о наглядности въ преподаваніи и примѣнимости ея въ начальной школѣ при существующей программѣ и условіяхъ дѣятельности“ [4]).

Указанія на то, что „самые обыденные предметы, находящіеся у каждаго подъ рукой, могутъ служить неоцѣненными наглядными пособіями у учителя, умѣющаго ими воспользоваться; что—„въ рукахъ умѣлыхъ и хорошо подготовленныхъ учителей увлеченіе наглядностью производило чудеса въ обученіи“—въ то самое время, когда—„учителя съ малымъ опытомъ и отсутствіемъ подготовки низвели наглядность преподаванія къ тому, что, показывая крестьянскимъ дѣтямъ рисунокъ коровы, говорили, что она имѣетъ четыре ноги, два рога, голову и хвостъ“ [5]), такія указанія, свидѣтельствующія о зависимости успѣха

---

[1]) «Журн. засѣд. XXXVII очеред. Курскаго губ. зем. собр.» стр. 403.

[2]) «Текущая школьная статистика Курскаго губ. земства» за $190^2/_3$ учеб. годъ, стр. 77 и 78.

[3]) «Протоколы засѣд. школьной комиссіи Ярослав. губ. земства за 1903 годъ»— стр. 26.

[4]) «Докл. Можайск. зем. упр. о школьн. подв. музеѣ» 1903 г. стр. 3.

[5]) Н. А. Корфъ—«Наше школьн. дѣло»—стр. 81; «Педагогическія бесѣды» Т. Лубенца;—стр. 186 и 187.

наглядности обученія отъ знаній и опытности отдѣльныхъ учителей,— даются рядомъ педагогическихъ статей и руководствъ.

Имѣющіеся отзывы учительницъ и учителей земскихъ школъ различныхъ уѣздовъ Московской губерніи также даютъ матеріалъ для заключеній, аналогичныхъ только что приведеннымъ. Чѣмъ инымъ, какъ не разницею въ отношеніи учащихъ къ наглядности обученія объясняется такое явленіе, что въ одномъ и томъ же уѣздѣ, т.-е. при одинаковыхъ почти условіяхъ школьнаго хозяйства, управленія и контроля, одновременно существуютъ такія школы, изъ которыхъ въ одной имѣются картины, вырѣзанныя изъ журналовъ и наклеенныя учителемъ на картонъ, имѣются иллюстрированныя книги по этнографіи, атласы, пріобрѣтенные учителемъ магнитъ, компасъ и т. д., а въ другой—„хотя и имѣется альбомъ, состоящій изъ 30 картинъ Ветхаго и 30 картинъ Новаго Завѣта, но такъ какъ картины эти переплетены вмѣстѣ въ формѣ книги, то онъ и не употребляется, а лежитъ въ шкафу безъ пользы“. Очевидно, что иллюстрація разсказовъ священной исторіи въ данномъ случаѣ и не признается желательной, такъ какъ въ противномъ случаѣ альбомъ этотъ былъ бы въ употребленіи и, если бы оказалось необходимымъ, картины были бы извлечены изъ альбома, въ которомъ онѣ соединены, и, будто бы поэтому только — „лежатъ безъ пользы“. „Каждый преподаватель,—говорится въ одномъ изъ отзывовъ,— если находитъ нужнымъ показать что-либо наглядно,—найдетъ и возможность къ этому; магнитъ, напримѣръ, можно купить за 5—10 к., а игла есть у каждаго, значитъ, компасъ сдѣлать легко; кубъ можно склеить самимъ; затменіе солнца и луны можно объяснить при помощи глобуса, еще какого-нибудь шарика и свѣчи, устройство желѣзной дороги, т.-е. насыпи и рельсъ (самаго пути) можно показать на землѣ при помощи лучинъ или палочекъ, замѣняющихъ рельсы, и т. д., и т. д.“ „Чтобы пользоваться умѣло наглядными пособіями, замѣчаетъ одна изъ учительницъ,—чтобы ученикъ не только запоминалъ то, что ему объяснилъ учитель, но чтобы объясненія эти послужили къ развитію ученика, надо самому преподавателю быть человѣкомъ развитымъ и всесторонне образованнымъ; народный же учитель, къ сожалѣнію, въ силу существующихъ условій, рѣдко удовлетворяетъ этимъ требованіямъ“. „Большинство преподавателей, — пишетъ еще одна учительница,—недостаточно освѣдомлены по вопросу о наглядномъ обученіи; сознавшій же его пользу долженъ итти ощупью и на свой страхъ, за отсутствіемъ спеціальныхъ руководствъ; а если они и есть, то учитель не знаетъ, гдѣ ихъ найти. Другіе же изъ преподавателей не придаютъ значенія наглядности и предпочитаютъ дѣйствовать на дѣтей путемъ отвлеченныхъ объясненій, сводя работу учащихся къ простому зазубриванью“. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ отзывахъ на вопросъ о причинахъ слабаго

развитія наглядности обученія кратко и опредѣленно называются, въ числѣ другихъ, и такія, какъ, напримѣръ: „неумѣніе преподавателя пользоваться наглядными пособіями“; „плохая подготовка самихъ учителей“; то, что—„въ нашемъ уѣздѣ, повидимому, и учителями еще не признана вся важность наглядности“; что—„наглядность обученія преподаватели не ставили себѣ въ обязанность“ и т. д., и т. д.

Но если это такъ, если наглядность преподаванія зависитъ также и отъ взгляда на него и отъ отношенія къ нему учителя, то отсюда въ свою очередь возникаетъ вопросъ: чѣмъ же обусловливается слабый интересъ или даже индифферентность учителя къ улучшенію постановки школьнаго преподаванія, и въ какой мѣрѣ виновенъ онъ въ непримѣненіи наиболѣе образовательнаго, наглядnаго метода обученія?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ дается положеніемъ педагогики, утверждающимъ, что—„учителя винить нельзя: онъ рабъ системы“ [1]). Что же касается значенія учителя, какъ одного изъ факторовъ этой системы, то значеніе это очень невелико и пріобрѣтаетъ замѣтную силу только въ исключительныхъ случаяхъ.

Матеріалъ для характеристики различныхъ сторонъ настоящей системы школьнаго обученія приводился уже въ другихъ работахъ по статистикѣ народнаго образованія; отмѣтимъ лишь, что за послѣдніе годы въ данной сферѣ никакихъ существенныхъ перемѣнъ не произошло. Для подавляющаго большинства, почти для всего сельскаго населенія начальная школа все также остается школою грамоты, необходимой въ виду экономическихъ, промысловыхъ и, отчасти, общественныхъ условій жизни этого населенія; тѣ знанія, кромѣ грамоты, которыя сообщаются дѣтямъ при изученіи предметовъ школьнаго курса, цѣнятся населеніемъ такъ же мало. Не измѣнилось отношеніе къ начальной школѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не повысился и уровень педагогическихъ знаній у лицъ той части общества, которая взяла на себя задачу обезпечить населеніе школьнымъ обученіемъ и руководить имъ. Настолько же подавляющимъ остался грамматизмъ школы. Мало измѣнились условія, вызывающія самообразованіе лицъ учащихъ. Такимъ же осталось и положеніе учителя: теперь, какъ и 20 лѣтъ тому назадъ, „крестьянинъ въ своихъ отношеніяхъ къ учителю приравниваетъ его либо къ „барину“, либо къ приказчику, либо къ чиновнику временъ крѣпостного права“ [2]); тѣ же отношенія сохранились между учителемъ и его

---

[1]) «Современное воспит. и новые пути»; сост. по Эльсландеру М. Клечковскимъ стр. 2.

[2]) «Четвертый съѣздъ земскихъ учителей и учительницъ Московскаго у. 1884 г.»; рефератъ учит. А. П. Потапова: «Наша школьная дисциплина въ связи со взглядами крестьянъ на школу», стр. 109.

нанимателями и контролерами; тѣмъ же осталось его отношеніе къ лицамъ своей корпораціи, къ школѣ и ученикамъ.

Но если не измѣнился характеръ школьной системы, нормирующей примѣненіе учительскаго труда, то тѣ же не потеряли силы своего вліянія и тѣ факторы, которые въ отдѣльныхъ случаяхъ позволяли и позволяютъ учителю измѣнить положеніе подневольнаго раба данной системы на положеніе сознательнаго работника въ дѣлѣ обученія и образованія; при этомъ существеннѣйшими изъ условій, допускающихъ возможность появленія и работы такихъ исключительныхъ, выше нормы стоящихъ учителей и учительницъ, остались тѣ же: высшее развитіе, позволяющее сознательно отнестись къ школьному дѣлу, вѣра въ него и любовь къ дѣтямъ, не допускающія учителя охладѣть къ школѣ.

Изложенное въ настоящемъ очеркѣ можно, повидимому, резюмировать слѣдующими положеніями:

1) Массовое, школьное обученіе, не будучи индивидуальнымъ, не можетъ быть и предметнымъ; но чѣмъ болѣе приближается оно къ индивидуально предметному, тѣмъ полнѣе отвѣчаетъ оно интересамъ отдѣльныхъ учениковъ.

2) Для возможно большей ясности и прочности усвоенія учениками знаній по предметамъ школьнаго курса, школьное обученіе должно быть *наглядно*.

3) Въ начальныхъ школахъ Московской губерніи, какъ и вообще въ сельскихъ школахъ Россіи, обученіе ведется не достаточно наглядно.

4) За время существованія начальной школы, какъ общественнаго учрежденія, наглядность обученія въ ней то повышалась, то понижалась въ зависимости отъ отношенія къ школѣ общества, опредѣляемаго условіями общественной жизни.

5) Примѣненіе наглядности при школьномъ обученіи зависитъ отъ общей системы школьнаго дѣла.

6) Изъ числа разнообразныхъ факторовъ, опредѣляющихъ характеръ и силу вліянія общей системы школьнаго обученія вообще и наглядности преподаванія въ частности, наличность музеевъ наглядныхъ пособій должна быть признана условіемъ хотя и положительнымъ, но не имѣющимъ рѣшающаго значенія; однимъ же изъ наиболѣе вліятельныхъ условій этого рода въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ является отношеніе учителя къ наглядности школьнаго преподаванія.

КАТАЛОГЪ

предметовъ, находившихся въ 1902 г. въ школьномъ подвижномъ музеѣ Можайскаго уѣзднаго земства *).

№№ по порядк.	Наименованіе предметовъ въ систематическомъ порядкѣ.	Стоимость. Руб.	К.	№№ по порядк.	Наименованіе предметовъ въ систематическомъ порядкѣ.	Стоимость. Руб.	К.
	I. Законъ Божій.			19	Упрощеніе бури Господомъ Іисусомъ Христомъ.		
	Картины для начальнаго курса Закона Божія	4	30	20	Господь благословляющій дѣтей.		
1	Прародители въ раю.			21	Преображеніе Господне.		
2	Явленіе Бога Аврааму въ видѣ трехъ странниковъ.			22	Милосердый самарянинъ.		
				23	Мытарь и фарисей.		
3	Жертвоприношеніе Исаака.			24	Воскрешеніе Лазаря.		
4	Іосифъ продаваемый братьями.			25	Входъ Господа Іисуса Христа въ Іерусалимъ.		
5	Сонъ Іакова.						
6	Моисей взятый изъ воды.			26	Притча о блудномъ сынѣ.		
7	Моисей со скрижалями.			27	Тайная вечеря.		
8	Свинія.			28	Распятіе Господа Іисуса Христа.		
9	Помазаніе Саула на царство.			29	Воскресеніе Господа Іисуса Христа.		
10	Побѣда Давида надъ Голіафомъ.			30	Вознесеніе Господа Іисуса Христа.		
11	Пророкъ Даніилъ во рву львиномъ.			31	Сошествіе Св. Духа на апостоловъ.		
12	Рождество Пресв. Дѣвы Маріи.			32	Успеніе Пресвятой Богородицы.		
13	Входъ Пресв. Дѣвы Маріи во храмъ.			33	Воздвиженіе Честнаго и Животворящаго Креста.		
14	Рождество Господа Іисуса Христа.						
15	Благовѣщеніе Пресв. Дѣвы Маріи.			34	Карта Палестины	—	80
16	Срѣтеніе Господа Іисуса Христа.						
17	Крещеніе Господа Іисуса Христа.				**II. Исторія.**		
18	Исцѣленіе больныхъ Господомъ Іисусомъ Христомъ.			1	Учебный атласъ по русской исторіи Добрякова	—	63

*) Безъ обозначенія стоимости предметы пожертвованные; стоимость купленныхъ таблицъ съ наклейкой на полотно или картонъ (домашнимъ способомъ).

№№ по порядк.	Наименованіе предметовъ въ систематическомъ порядкѣ.	Стоимость. Руб.	К.	№№ по порядк.	Наименованіе предметовъ въ систематическомъ порядкѣ.	Стоимость. Руб.	К.
	Картины по русской исторіи, изд. Сотрудникъ школъ (2 экз.)	6	—		**III. Географія.**		
2	Крещеніе Руси.			1	Планъ Москвы	—	40
3	Князь Владиміръ Мономахъ на свиданіи съ великимъ княземъ Святополкомъ II.			2	Карта Московской губерніи	—	72
4	Взятіе Владиміра Батыемъ.						
5	Торжественная встрѣча Пскович. Александра Невскаго.			3	Карта полушарій	2	—
6	Преподобный Сергій, благосл. Дмитрія Донского.			4	Карта Европы	2	80
7	Встрѣча Софіи Палеологъ.			5	Карта Азіи.	—	—
8	Въѣздъ Іоанна Грознаго въ Казань.						
9	Козьма Мининъ въ Н.-Новгородѣ побуждаетъ народъ на ополченіе.			6	Карта Африки	—	—
10	Въѣздъ Михаила Ѳедоровича въ Москву.			7	Физическая карта Европейской Россіи, 2 экз. (1 пожертв.).....	3	20
11	Присоединеніе Малороссіи въ 1654 г.						
12	Петръ Великій подъ Полтавой.			8	Школьная карта Россіи, 2 экз.....	1	—
13	Екатерина II награждаетъ Румянцева за побѣду.			9	Политическая карта Европейской Россіи	3	20
14	Въѣздъ императора Александра I въ Парижъ.						
15	Освобожденные крестьяне подносятъ хлѣбъ-соль императору Александру II.			10	Карта Азіатской Россіи.....	2	80
16	Императоръ Александръ II въ Зимницѣ.	—	21	11	Географическій атласъ Ильина, 5 экз. (1 пожертв.)	1	40
17	Иллюстрированный каталогъ «Русскаго музея императора Александра III»..	—	80	12	4 глобуса (2 пожертв.).....	8	—
18	Альбомъ дѣятелей войны 1877—78 гг.			13	Приборъ для объясненія суточнаго и годового движенія земли и обращенія луны вокругъ земли (Теллурій). 2 экз.....	13	50
19	Серія фотографій къ оборонѣ Севастополя.						
20	Серія раскрашенныхъ (домашн. образомъ) иллюстрацій изъ «Нивы» и другихъ журналовъ.			14	Лунарій	1	—

№№ по поряд.	Наименованіе предметовъ въ систематическомъ порядкѣ.	Стоимость. Руб.	К.	№№ по поряд.	Наименованіе предметовъ въ систематическомъ порядкѣ.	Стоимость. Руб.	К.
	Типы народовъ Ад. Леманъ (въ краскахъ)	9	40		Русскіе народы, рисунки Бѣлянкина, 2 экз.	4	86
15	Семья эскимосовъ (3 экз.).			35	I-й выпускъ. Сѣверный край. Финляндія и Прибалтійскій край. Привисленскій край.		
16	Семья индѣйцевъ.						
17	Семья негровъ.			36	II-й выпускъ. Черноземное пространство. Низменное пространство. Степное пространство. Таврическій полуостровъ. Горные татары. С.-Петербургская, Новгородская, Псковская губ.		
18	Семья китайцевъ.						
19	Семья индусовъ.						
20	Семья австралійцевъ.			37	III-й выпускъ. Волга и ея притоки. Черноземная великорусская полоса. Астраханская, Вятская, Пермская губерніи. Уральская область (3 экз.).		
21	Альбомъ картинъ по географіи Европы, Гольтсбека	1	35				
	Картины по географіи, перепеч. Шрейберъ, изд. Сытина	—	75		Картины для наглядnаго преподаванія физической географіи (въ краскахъ), Животовскаго	14	65
22	Египетъ.			38	Видъ полярнаго моря (2 экз.).		
23	Неаполь и Везувій.			39	Миражъ въ пустынѣ (2 экз.).		
24	Тропическій лѣсъ.			40	Смерчъ (2 экз.).		
25	Жизнь моря.			41	Тундра и различные виды облаковъ.		
26	Горы.			42	Радуга и степь.		
27	Ледникъ.			43	Самумъ въ пустынѣ (2 экз.).		
28	Рейнскій водопадъ.			44	Сѣверное сіяніе. Ѣзда на оленяхъ (2 экз.).		
29	Сахарный тростникъ.			45	Полярное сіяніе.		
30	Сборъ кофе.			46	Гейзеръ.		
31	Сборъ чая.			47	Снѣжный обвалъ.		
32	Лапландцы.			48	Изверженіе вулкана (2 экз.).		
33	Форма воды и суши.			49	Коралловый островъ (2 экз.).		
				50	Горы и долина.		
34	Главныя фермы земной поверхности, изд. книжн. магазина Киммеля, въ Ригѣ	3	50	51	Пейзажъ тропическаго климата.		
				52	Кристаллы снѣга.		

№№ по порядк.	Наименованіе предметовъ въ систематическомъ порядкѣ.	Стоимость. Руб.	К.
53	Карта звѣзднаго неба	—	53
54	Тоже.		
55	Таблицы (въ краскахъ) 11-ти представителей типовъ народа, издан. «Сотрудникъ школъ»	—	40
56	Ярошевская. Картинный географическій атласъ	1	80
57	Таблицы (въ краскахъ) 5-ти представителей типовъ народа, изд. Лемана (экз.).....	1	78
58	5 типовъ племенъ (гипсовыя раскрашенныя фигуры)	1	50
	Географическія характерныя картины и по исторіи культуры Леманъ ...	4	45
59	Неаполь съ Везувіемъ.		
60	Уличная жизнь въ Каиро.		
61	Германскій поселокъ.		
62	Голландія.		
63	10 картинъ типичныхъ мѣстностей Европы (Швейцарія, Италія, Германія) въ краскахъ	3	—
64	2 картины «Родины», состав. член. географич. общ. Д. Дубенскимъ (въ краскахъ)	3	85
65	Серія стереоскопическихъ и фотографическихъ видовъ различныхъ мѣстностей Европы и Россіи.		

№№ по порядк.	Наименованіе предметовъ въ систематическомъ порядкѣ.	Стоимость. Руб.	К.
	IV. Естествовѣдѣніе.		
1	Коллекція насѣкомыхъ разныхъ мѣстъ Россіи.	—	—
2	Коллекція минераловъ (2 экз.).....	—	—
	Таблицы животныхъ, полезныхъ и вредныхъ для сельскаго хозяйства, изд. Шрейберъ (въ краскахъ)	8	78
3	Мелкія млекопитающія.		
4	Птицы.		
5	Пресмыкающіяся.		
6	Полезныя насѣкомыя, пауки и т. д.		
7	Насѣкомыя вредныя для сельскаго хозяйства.		
8	.....		
	Двадцать стѣнныхъ таблицъ по анатоміи человѣка, зоологіи и ботаникѣ, съ текстомъ. Сост. Иверсенъ, 2 экз. (1 пожертв.).	6	48
9	Анатомія человѣка.		
10	Анатомія человѣка.		
11	Анатомія человѣка.		
12	Млекопитающія.		
13	Млекопитающія.		
14	Млекопитающія.		
15	Птицы.		
16	Птицы.		
17	Птицы.		
18	Пресмыкающіяся.		

№№ по порядк.	Наименованіе предметовъ въ систематическомъ порядкѣ.	Стоимость. Руб.	К.	№№ по порядк.	Наименованіе предметовъ въ систематическомъ порядкѣ.	Стоимость. Руб.	К.
19	Рыбы.			42	Морскія рыбы.		
20	Насѣкомыя.			43	Прѣсноводныя рыбы.		
21	Пауки, раки, черви и т. д.			44	Шелкопрядъ тутовый.		
22	Ботаника.			45	Стрекозы и кузнечики.		
23	Ботаника.			46	Попугай.		
24	Ботаника.			47	Обезьяны.		
25	Ботаника.			48	Бѣлый медвѣдь (2 экз.).		
26	Ботаника.			49	Китъ.		
27	Ботаника.			50	Моржъ.		
28	Ботаника.			51	Піявка, трихина, солитеръ.		
—				52	Мягкотѣлыя (осминогъ, каракатица и друг.).		
29	Ботаническій атласъ Гофмана.....	12	—				
—				53	Рѣчной ракъ.		
	Стѣнныя таблицы для изученія зоологіи (въ краскахъ), изд. Мейнгольдъ и Леманъ	27	60	54	Муравей.		
				55	Колибри.		
30	Лебедь (2 экз.).			56	Двугорбый верблюдъ.		
31	Крокодилъ.			57	Левъ.		
32	Ужъ и змѣя.			58	Львица.		
33	Орелъ.			59	Зайцы.		
34	Пѣвчія птицы.			60	Дятлы.		
35	Пѣвчія птицы.			61	Утка.		
36	Выдра.			62	Кошка.		
37	Красный кораллъ, устрица, губки и т. д.			63	Страусъ.		
38	Акула людоѣдъ.			64	Филинъ.		
39	Зеленыя лягушки (превращеніе).			—			
40	Оселъ.				Двадцать картинъ по естественной исторіи (въ краскахъ), изд. «Сотрудникъ школъ (2 экз.).....	5	10
41	Листъ.			65	Бобръ.		

№№ по порядк.	Наименованіе предметовъ въ систематическомъ порядкѣ.	Стоимость. Руб.	К.	№№ по порядк.	Наименованіе предметовъ въ систематическомъ порядкѣ.	Стоимость. Руб.	К.
66	Бѣлка.			91	Гусь.		
67	Верблюдъ.			92	Овцы.		
68	Волкъ.			93	Коза.		
69	Заяцъ.			94	Серна.		
70	Китъ.			95	Барсукъ.		
71	Кротъ и ежъ.						
72	Нора крота.				Анатомическія таблицы Ешнера, изд. Вансмутъ (въ краскахъ)	4	75
73	Куница.			96	Человѣческій скелетъ. Мускулатура.		
74	Левъ.			97	Кровообращеніе, желудокъ, грудные органы пищеваренія и т. д.		
75	Летучая мышь.						
76	Лисица.			98	Глазъ, ухо, мозгъ.		
77	Бурый медвѣдь.			99	Модель кожи (гипсовая)	1	75
78	Носорогъ.						
79	Обезьяна.			100	Строеніе человѣческаго тѣла (раскладной рисунокъ), изд. Фену (съ текстомъ), 2 экз. (1 пожертв.)	1	35
80	Сѣверный олень.						
81	Слонъ.			101	Корова (раскладной рисунокъ), издан. Девріена	1	50
82	Тигръ.						
83	Тюлень.			102	Пчела (раскладной рисунокъ), издан. Кнебеля	1	25
84	Хорекъ.						
	11 раскрашенныхъ таблицъ животныхъ, изд. Шольца, 3 экз.	2	80	103	Кокосовый орѣхъ.		
85	Лошадь.			104	Русскіе грибы.		
86	Корова.						
87	Собака.			105	Черепъ поросенка.		
88	Свинья.			106	Чучела змѣй.		
89	Индюкъ.			107	Натуральное гнѣздо осы (2 экз.).		
90	Павлинъ.						

№№ по поряд.	Наименованіе предметовъ въ систематическомъ порядкѣ.	Стоимость. Руб.	К.	№№ по поряд.	Наименованіе предметовъ въ систематическомъ порядкѣ.	Стоимость. Руб.	К.
108 109	Морской конекъ, морскія звѣзды, краббъ, игла рыба, морской кораллъ, морскія раковины (сухіе препараты) и водоросли.				Общеполезный гербарій для школы и дома, содержащій около 150 различныхъ растеній	9	—
110	Черепаха (2 экз.).			130	Полезныя и вредныя растенія, хлѣбныя растенія, стручковыя и гречиха, ремесленныя растенія, масличныя, прядильныя, красильныя, огородныя, ядовитыя.		
111	Чучела попугая и летучей мыши.						
112	Чучело удода.			131	Насѣкомыя и другія животныя, наносящія вредъ въ сельскомъ хозяйствѣ, изд. Департамента Земледѣлія, 1896 г.		
113	Панцырный ракъ (меченосецъ).....	1	—				
114	Черепа медвѣдя и козы.			132	Описаніе наиболѣе вредныхъ лѣсамъ насѣкомыхъ въ средней полосѣ Россіи, изд. Лѣсного Департамента, 1893 г. (съ раскр. табл.).		
115	Вѣтка коралла.						
116	Кости мамонта.			133	Сельскохозяйственный альбомъ. Кормовыя растенія. Приложеніе къ журналу «Хозяинъ», за 1894 г.		
117	Кости носорога.						
118	Рога оленя.			134	Сельскохозяйственный альбомъ. Вредныя насѣкомыя, сост. К. Э. Линдеманъ. Приложеніе къ журналу «Хозяинъ», за 1895 г.		
119	Клыки кабана.						
	Виды плантацій (въ краскахъ), изд. Леманъ:	12	45	135	Альбомъ породъ крупнаго рогатаго скота, разводимаго въ Россіи. Профес. П. Н. Кулешовъ,		
120	Кофе.						
121	Чай.			136	Картины по зоологіи, изд. Гроссманъ и Кнебель, 16 картинъ.		
122	Какао.						
123	Хлопчатникъ.			137	Животныя и растенія всѣхъ странъ, изд. Кнебеля	2	10
124	Табакъ (2 экз.).						
125	Перецъ и резина.						
126	Сахарный тростникъ (2 экз.).				**V. Технологія.**		
127	Кусокъ пробковаго дерева.			1	Коллекція по шелководству	6	75
128	Палеонтологическая коллекція (въ 2-мъ экз.).			2	Коллекція по пчеловодству	7	65
129	Вредныя и полезныя насѣкомыя плодоваго сада, сост. Рудзскимъ (съ 9 раскраш. табл.).....	—	40	3	«Пчеловодство», наглядная таблица, изд. Вятскаго земства	—	15

№№ по поряд.	Наименованіе предметовъ въ систематическомъ порядкѣ.	Стоимость. Руб.	К.
4	Коллекція по писчебумажн. произв. (2 экз.).		
5	Коллекція по картонному производству.		
6	Коллекція матеріаловъ по литейному дѣлу.		
7	Коллекція по игольному производству.		
8	Коллекція продуктовъ изъ костей.		
9	Коллекція деревяннаго произв. (рѣзьба), съ инструментами.		
10	Вятскія коллекціи: сосна, ель, пихта, лиственный кедръ, можжевельникъ и что изъ нихъ дѣлается	1	75
11	Вятскія коллекціи: береза, липа, вязъ, осина	2	—
12	Вятскія коллекціи: ива, дубъ	1	15
13	Вятскія коллекціи: кленъ, рябина и черемуха	1	—
14	Вятскія коллекціи: макъ (къ статьѣ «Макъ», по хрест. Баранова и Тихомірова)	—	60
15	Вятскія коллекціи: ленъ (къ статьѣ «Какъ въ полѣ рубашка выросла»).	2	—
16	Вятскія коллекціи: хлопокъ (исторія бумажной нитки)	—	75
17	Вятскія коллекціи: пищевые продукты растительнаго царства	2	25
18	Вятскія коллекціи: гранитъ (къ статьѣ «Какіе бываютъ камни», Баранова).	2	—
19	Вятскія коллекціи: желѣзо и мѣдь (къ статьѣ «Какъ добываютъ металлы», Баранова)	2	—
20	Коллекція сахарнаго производства (изд. мастер. Курскаго губ. земства).		
21	Матеріалы для коллекцій продуктовъ злаковъ (рожь, пшеница, просо).		
22	Матеріалы для коллекцій ферганскаго хлопка.		
23	Образцы инфузорной земли.		
	Картины по технологіи, Ешнера	11	—
24	Добываніе поваренной соли.		
25	Приготовленіе стекла.		
26	Чугунолитейная мастерская.		
27	Обработка льна.		
28	Добываніе каменнаго угля.		
29	Приготовленіе бумаги.		
30	Книгопечатаніе.		
31	Доменная печь.		
32	Корабль.		
33	Фарфоровое производство.		
34	Кожевенное производство.		
35	Водяная мельница.		
36	Движущаяся паромъ модель локомотива.	4	50
37	Модель паровой машины	2	—
38	Образцы производства изъ каменной соли.		

№№ по порядк.	Наименованіе предметовъ въ систематическомъ порядкѣ.	Стоимость. Руб.	К.
	VI. Физика.		
1	Микроскопъ съ препаратами и лупой.	3	15
2	Стереоскопъ, съ 3 картин. (2 экз.)..	7	50
3	Магнитъ	—	59
4	Компасъ (2 экз.).....	1	58
5	Термометръ, съ 3-мя шкалами	1	26
6	Электрическая машина Тепперъ Гольца, съ приборами	13	50
7	Кольцо Гравезанда	3	15
8	Электроформъ	4	05
9	Большая электрическая машина (съ приборами)	—	—
10	Калейдоскопъ	—	30
11	2 камертона	—	50
12	Мѣхи	—	50
13	Приборъ, показывающій расширеніе воздуха	1	—
14	Сообщающіеся сосуды.....	—	80
15	Приборъ, объясняющій давленіе жидкости	—	30
16	Ватерпасъ.....	—	45
17	Складная коллекція мѣръ длины.....	—	65
18	Таблица метрическихъ мѣръ (съ руководствомъ)	—	85
19	2 циферблата	-	30
20	Коллекція приборовъ и матеріаловъ для производства простѣйшихъ опытовъ при начальномъ обученіи (воздухъ, вода, горѣніе), изготовл. маст. Курскаго губ. земства	15	67
	VII. Разные отдѣлы.		
1	Извѣстія Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Т. L, вып. 1, 1886 г.		
2	Замѣтки о зоологическихъ садахъ, А. Богданова (съ шестью таблицами).		
3	Вредная дѣятельность зайцевъ, водяныхъ крысъ и мышей, А. А. Силантьева, 1898 г., изд. Департам. Земледѣлія.		
4	Обзоръ мышеподобныхъ млекопитающихъ Средней и Южной Россіи, А. А. Силантьева, 1898 г.		
5	Двадцатипятилѣтіе Музея прикладныхъ знаній (1872 — 1897) Москва, 1898 г.		
6	Десятилѣтіе Музея прикладныхъ знаній (1872—1882). Москва, 1883 г.		

№№ по поряд.	Наименованіе предметовъ въ систематическомъ порядкѣ.	Стоимость. Руб.	К.
	Годичныя засѣданія Комитета Музея:		
7	За 1876 годъ.		
8	За 1887—1882 гг.		
9	За 1884 годъ.		
10	За 1885 годъ.		
11	За 1887 годъ.		
12	За 1890 годъ.		
13	За 1892 годъ.		
14	За 1894 годъ.		
15	За 1895 годъ.		
16	Извѣстія Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Т. XV. Матеріалы, касающіеся устройства Музея.		
17	Т. XVII.		
18	Т. XXII.		
19	Извѣстія Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Т. LX.		
	Протоколы постоянной Комиссіи и спеціальныхъ комиссій, состоящихъ при учебн. отд. Музея прикладныхъ знаній въ Москвѣ. 1893 г.		
20	Т. LX, вып. 2, М. 1896 г.		
21	Т. LX, вып. 3, М 1897 г.		
22	Отчетъ дѣятельности Техническаго отдѣла Музея прикладныхъ знаній и состоящей при немъ Технической комиссіи за 1898 г. Москва. 1899 г.		
23	Извѣстія Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Т. XXII, вып. 4;		

№№ по поряд.	Наименованіе предметовъ въ систематическомъ порядкѣ.	Стоимость. Руб.	К.
	воскресныя объясненія коллекцій Политехнич. музея въ 1877—1878 гг., подъ редакціей Анатолія Богданова, М. 1878 г.		
24	Т. XXXVI, вып. 1, воскресныя объясненія коллекцій 1878—79 гг.		
25	Т. XXXVI, вып. 2, 1878—79 гг.		
26	Т. XXXIX, вып. 1, 1879—80 гг.		
27	Т. XLII, вып. 1, 1880 - 81 гг.		
28	Т. XLII, вып. 1, 1881—82 гг.		
29	Т. XLIV, вып. 1, 1882—83 гг.		
30	Т. XLIV, вып. 2, 1883—84 гг.		
31	Т. XLVII, вып. 2, 1885—86 гг.		
32	Т. LIII, вып. 1, 1886—87 гг.		
33	Т. LXII, вып. 2, 1887—88 гг.		
34	Т. LXII, вып. 2, 1888—89 гг.		
35	Т. LXXII, вып. 2, 1889—90 гг.		
36	Т. LXXIX, вып. 2, 1891—92 гг.		
37	Т. LXXIX, вып. 2, 1893—94 гг.		
38	Какъ получается масло изъ сѣмянъ, изданіе 2-е, Я. Я. Никитинскій, ц. 20 к.		
39	Древесная и кустарная породы, разводимыя въ Россіи, Н. Е. Цабель.		
40	Вредное для лѣсовъ насѣкомое Монашенка и главныя мѣры борьбы съ нимъ, Н. М. Кулагина.		
41	Пещарный шелкопрядъ, проф. Н. М. Кулагина (съ рис.).		
42	Ручные насосы, М. Казначеева, ц. 20 к. (съ 31 рис.)		

№№ по порядк.	Наименованіе предметовъ въ систематическомъ порядкѣ.	Стоимость. Руб.	К.
43	Для чего понадобилась людямъ паровая машина и какое она имѣетъ устройство, П. К. Худяковъ (съ 14 рис. въ текстѣ).		
44	Нефть и что изъ нея получается, Я. Я. Никитинскій, ц. 10 к.		
45	Общедоступныя бесѣды о человѣческомъ тѣлѣ, д-ра П. Г. Статкевичъ.		
46	Значеніе дѣтскихъ игръ въ отношеніи воспитанія и здоровья, д-ра Е. А. Покровскаго.		
	Краткое руководство къ изготовленію картинъ для волшебнаго фонаря (къ вопросу о составленіи коллекцій тѣневыхъ картинъ). Составлено комиссіей по составленію коллекцій тѣневыхъ картинъ, при участіи отд. Музея прикладныхъ знаній, подъ редакціей предсѣдателя комиссіи А. Гартвига, ц. 25 к., Москва, 1898 г.		
47	Географическая хрестоматія Воронежаго	1	22
48	Е. Ф. Рейнботъ. Отвѣтъ на вопросы «Какъ и изъ чего это дѣлается». Пособіе при изученіи техническихъ производствъ, изд. 8-е.....	2	25
49	Поль Бэръ. Божій міръ въ бесѣдахъ и картинахъ, годъ первый. Москва, 1898 г.	—	45
50	Поль Бэръ. Божій міръ въ бесѣдахъ и картинахъ, г. приготовительный. 1899 г.	—	14
51	Элементарный курсъ физики для низшихъ сельскохозяйственныхъ школъ, С. Ф. Кривцовъ, изд. Департамента Земледѣлія	—	45
52	Рядъ простѣйшихъ опытовъ для начальнаго обученія (воздухъ, вода, горѣніе), Мальчевскій и Якобсонъ, С.-Петербургъ, 1901 г.....	—	30
53	«Книга взрослыхъ», первый годъ обученія, Х. Д. Алчевской. Одобр. Св. Синодомъ	—	30
54	«Міръ Божій». Земля, воздухъ, вода, А. Я. Гердъ, ц. 25 к. Одобр. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. для низш. училищъ.		
55	Серія брошюръ, изд. Читальни Нар. Школы. Одобр. Учен. Комит. Нар. Просвѣщ. (Замѣчательныя растенія жаркихъ странъ, соль, и въ червѣ—толкъ—отъ червя шолкъ; что за сила въ грозѣ? кровь; изъ-за перьевъ; студеное море и его льды; обезьяны; заяцъ).....	1	10
56	Серія рисунковъ изъ иллюстрированныхъ журналовъ (раскрашенныхъ домашнимъ способомъ).		

Списокъ пособій, имѣющихся въ районныхъ музеяхъ Клинскаго уѣзда.

№№	НАЗВАНІЕ ПОСОБІЙ.	Цѣна. Руб.	К.
	Русскій языкъ.		
1— 8	Портреты: Гоголя, Жуковскаго, Лермонтова, Ломоносова, Некрасова, Пушкина, Тургенева и Л. Толстого (по 50 к.)...	4	—
	Исторія.		
9 – 26	Атласъ въ 16 картинъ по Русской исторіи, приложеніе къ «Дѣтскому Отдыху» (4 р.) и двѣ книги объяснительнаго текста С. Князькова «Изъ прошлаго Русской земли (по 25 к.)...	4	50
27— 29	Русская исторія въ картинахъ. Изд. И. Д. Сытина «Начало Руси», «Первые князья» и «Крещеніе Руси» (по 75 к.)...	2	25
30— 43	Картины по Русской исторіи для школы и дома. Изд. «Сотрудникъ школъ» А. К. Залѣсской. 14 картинъ (по 40 к.)....	5	60
	Географія (физическая и математическая) и этнографія.		
44— 55	Животовскій. Картины физической географіи: «Смерть», «Кучевыя облака и радуга», «Полярныя страны, сѣверное сіяніе и ѣзда на оленяхъ», «Миражъ въ пустынѣ», «Тундра и различные виды облаковъ», «Глетчеры», «Снѣжный обвалъ», «Полярные льды», «Гейзеръ», «Изверженіе вулкана» и «Коралловый островъ» (по 80 к.).....	8	80
56— 57	Подъ редакц. А. Соколова таб. по физ. геог. «Плоскій берегъ и дюны» и «Мѣловыя скалы берега Фалезъ» (по 80 к.)..	1	60
58 – 65	Лавровой и Попова (издат.). Характерные виды Россіи: «На южномъ берегу Крыма», «Въ Малороссіи», «Въ Великороссіи», «На среднемъ теченіи Волги», «На Новой Землѣ», «На Кавказѣ», «Въ Финляндіи» и «На среднемъ Уралѣ» (по 1 руб.).....	8	—
66— 69	Леманъ. Геогр. характ. картины: «Бернскія Альпы», «Рейнскій водопадъ у Шаффгаузена», «Южно-Американскій дѣвственный лѣсъ» и «Въ пустынѣ». Бернскія Альпы — 2 р. 25 к., остальн. по 1 р. 25 к.....	6	—
70	Карта Азіи, изд. картограф. зав. Ильина на 4-хъ лист.....	1	75
71	Теллурій.....	8	—
72	Карта сѣвернаго и южнаго неба, изд. Ильина.....	—	75
73— 74	Ковальскаго и Животовскаго таблицы по мат. геогр. съ отдѣльнымъ текстомъ табл. 1-я и XIV-я (1—60 к., XIV—1 р.)..	1	60
75— 77	Шмидтъ. Стѣнныя таб. по мат. геог. «Движеніе вскругъ солнца, происхожденіе временъ года», «Движеніе луны вокругъ земли, происхожденіе фазъ луны» и «Солнечное и лунное затмѣніе» по 1 р. 20 к.	3	60
78— 83	Типы народовъ: «Эскимосы», «Малайцы», «Китайцы», «Негры», «Австралійцы», «Индѣйцы» (по 50 к.)	3	—
84—107	Н. А. Янчукъ. Народы Россіи. XXIV таблицы. Изд. Гросманъ и Кнебель (по 40 к.).....	9	60

№№	НАЗВАНІЕ ПОСОБІЙ.	Цѣна. Руб.	К.
	Анатомія и зоологія.		
108—110	Три таблицы по анатоміи человѣка (больш.—2 р. мал. по 1 р.).	4	—
111—114	Энгледеръ. Стѣнныя таблицы по зоологіи: «Тюлень обыкновенный», «Горилла», «Сѣверный олень» и «Домашняя кошка» (по 85 коп.)	3	40
115—124	Мейнгольдъ. Зоологія: «Тигръ», «Орангутангъ», «Верблюдъ», «Попугай», «Фазанъ», «Левъ», «Бобръ», «Обезьяны», «Морскія рыбы» и «Ракообразныя» (по 85 к.)	8	50
125—132	Леманъ-Лейтеманъ. Зоолог. атл: «Медвѣдь бурый», «Кенгуру», «Слонъ», «Страусъ африканскій», «Акула», «Бѣлый медвѣдь», «Носорогъ» и «Колибри» (по 1 р. 20 к.)	9	60
133	Коллекція морскихъ раковинъ	1	75
134 137	Сухіе препараты: крабба, морского ежа, морской звѣзды и сколопендры (по 75 к.)	3	—
138—141	Спиртовые препараты: развитіе лягушки, члениковъ лентеца или солитера, скорпіона, тарантула (по 1 р. 50 к.)	6	—
142—171	К. Г. Лютцъ. Новый естеств.-истор. атласъ. Пособіе къ изученію зоологіи и ботаники въ школѣ и дома. 30 хромолитографированныхъ стѣнныхъ таблицъ съ изображеніемъ животныхъ и растеній, сгруппированныхъ по мѣсту ихъ обитанія, съ пояснительнымъ текстомъ къ атласу, составленнымъ Ясенскимъ (по 35 к.)	10	50
172—182	Залѣсская. Таблицы по зоологіи (11 табл. по 25 к.)	2	75
	Ботаника.		
183—194	А. Генкель. Школьный ботаническій атласъ. 3-й выпускъ—12 таблицъ по біологіи съ текстомъ на таблицахъ (по 60 к.).	7	20
195—206	Энгледеръ. Стѣнныя таблицы по ботаникѣ: табакъ настоящій, ленъ обыкновенный, пшеница обыкновенная, конопля посѣвная или обыкновенная, виноградъ настоящій, макъ-самосѣйка и макъ снотворный, свекла обыкновенная, кукуруза (маисъ) обыкновенная, кофейное дерево, чайное дерево, хлопчатникъ и гречиха настоящая (по 75 к.)	9	—
	Минералогія.		
207—251	Коллекція 45 видовъ полезныхъ ископаемыхъ съ объяснительнымъ текстомъ: графитъ, сѣра, сѣрный колчеданъ, бурый желѣзнякъ, красный желѣзнякъ, чугунъ, сталь, мѣдный колчеданъ, кислородная мѣдная руда, красная мѣдь, желѣзо, латунь, цинковая руда, цинкъ, свинцовый блескъ, свинецъ, олово, киноварь, ртуть, гипсъ, каменная соль, торфъ, каменный уголь, нефть, известковый шпатъ, известнякъ, мраморъ, мѣлъ, горный хрусталь, кремень, кварцъ, полевой шпатъ, слюда, гранитъ, выѣтрившійся гранитъ, галька, гравій, песокъ, глина, песчаникъ, конгломератъ, глинистый сланецъ, окаменѣлость и отпечатокъ растенія	3	—

№№	НАЗВАНІЕ ПОСОБІЙ.	Цѣна. Руб.	К.
	Математика, физика и химія.		
252	Таблица русскихъ мѣръ. Пособіе къ «Сборнику ариѳметическихъ задачъ» Т. Лубенца. Составилъ Т. Лубенцъ. Изд. П. Луковникова	—	50
253	Таблица метрическихъ мѣръ. Для класснаго употребленія. Составилъ Т. Лубенцъ. Изд. Павленкова	—	50
254	Кубическій дециметръ	1	70
255	Разновѣсъ	—	75
256	Уровень	—	30
257	Отвѣсъ	—	15
258	Ньютоновъ волчекъ	—	20
259	Стеклянная призма	—	75
260	Лупа	—	75
261	Приборъ для доказательства расширенія твердыхъ тѣлъ отъ нагрѣванія	1	25
262	Приборъ для доказательства расширенія жидкихъ тѣлъ отъ нагрѣванія	—	25
263	Приборъ для доказательства расширенія газообразныхъ тѣлъ отъ нагрѣванія	—	25
264	Стеклянная палочка съ амальгамированной кожей и каучуковая съ сукномъ	—	50
265	Наборъ посуды и реактивовъ для производства простѣйшихъ опытовъ по химіи (воздухъ, вода, горѣніе) по книгѣ Мальчевскаго и А. Якобсона: 1 вѣсы ручные съ желѣзнымъ коромысломъ и мѣдными чашками 60 коп., 1 разновѣсъ мѣдный въ деревянномъ цоколѣ, всего 100 гр., 80 коп., 3 штатива деревянныхъ съ держалкой 2 р. 10 к., 3 треножника желѣзныхъ 60 к., 3 лампы спиртовыя 1 р. 35 к., 6 стклянокъ бѣлаго стекла съ широкими горлами, емкость 2 ф. 90 к., 60 пробокъ 1 р., 1 такая же стклянка въ 3 ф. съ отрѣзнымъ дномъ 35 к., 8 плоскодонныхъ колбъ бѣлаго стекла въ 8 унц. рантовыхъ 1 р. 8 к., 5 круглыхъ рецептурныхъ стклянокъ 11 к., 12 пробирокъ легкоплавкихъ 36 к., 2 пробирки тугоплавкія 40 к., 2 трубки тугоплавкія изогнутыя 10 к., 2 воронки стеклянныя съ длинной трубкой 20 к., 1 банка для порошковъ въ полъ-унца 3 к., 6 стекл. воронокъ 72 к., 2 арш. красной каучуковой трубки (въ кускахъ) 60 коп., 3 сѣтки латунныя 45 коп., 1 банка стекл., для мазей низкая въ 4 фунта 18 к., цѣдильной бумаги на 10 к., 2 куска асбеста волокнистаго 10 к., 1 паяльная трубка простая 30 к., 2 пары плоскогубцевъ 80 к., 1 ф. желѣзн. проволоки для изготовленія треножника, крючка и кольца 10 к., 1 ф. желѣзн. проволоки отожженной, толщ. около 2 миллим. 10 к., 1 кусокъ стальн. проволоки потоньше 6 к., 4 куска мѣдной проволоки 10 к., 1 кусокъ жести самой тонкой 5 к.. по одному куску олова и свинца 10 к., 1 ф. извести негашенной съ посудой 15 к., 1/8 ф. бертолетовой соли съ посудой 15 к., 1/8 ф. селитры калійной очищенной съ посудой 15 коп.,		

№№	НАЗВАНІЕ ПОСОБІЙ.	Цѣна. Руб.	К.
	$^1/_{16}$ ф. перекиси марганца въ кускахъ съ посудой 10 к., 1 стклянка съ притертой пробкой въ 8 унц.-зеленаго стекла 20 к., $^1/_2$ унціи окиси, красной съ посудой 15 к., 3 бутылки виннаго спирта 90 град. 2 р. 70 к., 1 кусокъ сѣры съ посудой 5 к., $^1/_8$ ф. угля костяного съ посудой 15 к., 2 банки цинка 25 к, 1 унц. соды съ посудой 5 к., 1 фун. мрамора безъ посуды 10 к., хлористый цинкъ съ посудой 5 к., немного мѣдной руды и свинцовой съ посудой 15 к., 1 ламповое стекло для плоской горѣлки 6 коп., ламповое стекло съ перехватомъ для холодильника, опытъ 13-й, 10 к., 2 банки для порошковъ въ 1 ф., безъ пробокъ, 16 коп., 1 гнѣздо химическихъ стакановъ въ 3 штуки 30 к., 1 желѣзная ложечка для сожиганія въ кислородѣ 15 к., 1 желѣзная чашка 15 к., 1 ступка фарфоровая съ носикомъ и пестикомъ 30 к., 1 цилиндръ стеклянный съ носикомъ и дѣленіемъ на 100 куб. сант. 80 коп., 2 чашки толстаго стекла, коническія, 40 к., 1 уголь для паяльной трубки 3 коп., 2 куска платиновой проволоки тонкой 40 коп., 1 штампованный жестяной тазъ, діам. 13 дюйм.—для опыта 5-го—25 к.	18	—
	Таблицы и коллекціи по разнымъ производствамъ.		
266—268	Эшнеръ. Технологическія таблицы: «Добываніе каменнаго угля» 1 р. 70 к., «Добываніе соли» 1 р. 70 к. и «Доменная печь» 1 р. 20 к.	4	60
269	«Изъ чего и какъ получается сахаръ». Коллекція для наглядnаго обученія на 2 таблицахъ съ объяснительнымъ текстомъ. Мастерская при музеѣ наглядныхъ учебныхъ пособій Курскаго губернскаго земства	2	50
270	Пищевые продукты растительнаго царства. Коллекція для нагляднаго обученія. Вып. 1. № 1. Изд. мастерской учебныхъ пособій Вятскаго губернскаго земства	2	75
271	Чернолѣсье. Береза, липа, вязъ и осина и что изъ нихъ дѣлается. Коллекція для нагляднаго обученія. Вып. 11. № 1. Изданіе мастерской учебныхъ пособій Вятскаго губернскаго земства	2	50
272	Краснолѣсье. Сосна, ель, лиственница, пихта, можжевельникъ, кедръ и что изъ нихъ дѣлается. Коллекціи для нагляднаго обученія. Выпускъ III. № 1. Изданіе мастерской учебныхъ пособій Вятскаго губернскаго земства	2	25
	Итого	178	20

22507/86 106.4

Московское Губернское Земство.

ВОПРОСЫ
НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ
ВЪ
Московской губерніи.

Выпускъ IV.

1) Къ вопросу о постановкѣ учебной части въ начальныхъ народныхъ школахъ Московской губерніи по даннымъ за 1900—1902 гг. и 2) О дальнѣйшемъ образованіи лицъ, обучавшихся въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

По порученію Московской Губернской Земской Управы составилъ Земскій Статистикъ **В. В. Петровъ.**

МОСКВА.
Товарищество „Печатня С. П. Яковлева", Петровка, Салтыковскій пер., д. Т—ва, № 9.
1903.

Московское Губернское Земство.

ВОПРОСЫ

НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ

ВЪ

Московской губерніи.

Выпускъ IV.

) Къ вопросу о постановкѣ учебной части въ начальныхъ народныхъ колахъ Московской губерніи по даннымъ за 1900—1902 гг. и 2) О альнѣйшемъ образованіи лицъ, обучавшихся въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

По порученію Московской Губернской Земской Управы составилъ Земскій Статистикъ **В. В. Петровъ.**

МОСКВА.
Товарищество „Печатня С. П. Яковлева", Петровка, Салтыковскій пер., д. Т—ва, № 9.
1903.

1555-157X

Main

Дозволено цензурою. Москва. 3 декабря 1903 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. **Къ вопросу о постановкѣ учебной части въ начальныхъ народныхъ школахъ Московской губ. по даннымъ за 1900—1902 гг.** Свѣдѣнія о постановкѣ преподаванія представляемыя докладами уѣздныхъ земскихъ управъ и училищныхъ совѣтовъ; частныя характеристики постановки преподаванія предметовъ, входящихъ въ программу началь ой школы; общій характеръ обученія въ начальной школѣ..... 1—99

II. **О дальнѣйшемъ образованіи лицъ, обучавшихся въ начальныхъ народныхъ училищахъ.** Условія возбужденія даннаго вопроса; въ какой мѣрѣ требованіе въ дальнѣйшемъ образованіи можетъ быть удовлетворено школами типа дѣйствующихъ 2-классныхъ училищъ; своевременность организаціи школъ высшаго типа; общее заключеніе ..... 100—137

въ какомъ объемѣ требуются отъ учащихся въ земскихъ школахъ". Такое разсмотрѣніе выработанныхъ уѣздными училищными совѣтами программъ не было выполнено главнѣйшимъ образомъ потому, что — „съ введеніемъ въ 1898 г. „Примѣрныхъ программъ"— всѣ дѣйствовавшія до тѣхъ поръ по уѣздамъ частныя программы потеряли свою обязательную силу для преподавателей, а, слѣдовательно, и предположенный разборъ, по мнѣнію составителей доклада, не имѣлъ бы теперь никакого значенія". Отказавшись также „высказать какое-либо вѣрное сужденіе о примѣнимости только что введенныхъ „Примѣрныхъ программъ", такъ какъ—„одно только время и, можетъ быть, не менѣе нѣсколькихъ лѣтъ, одна только школьная практика можетъ дать достаточный матеріалъ для вѣрнаго заключенія",—составители названнаго отчета обратили вниманіе на то, какое важное значеніе въ дѣлѣ дальнѣйшей правильной оцѣнки упомянутыхъ программъ могутъ имѣть отзывы относительно учебной части начальныхъ училищъ и даже отмѣтки о частныхъ случаяхъ затрудненій и недоразумѣній, возбуждаемыхъ министерскими программами: „изъ совокупности этихъ частныхъ замѣтокъ составится впослѣдствіи, безъ сомнѣнія, общее представленіе объ относительной примѣнимости къ школьному преподаванію этихъ „программъ"... Согласно мнѣнію, высказанному въ цитируемомъ отчетѣ, — „только совокупными силами земства и правительственныхъ учрежденій можетъ быть достигнута общая цѣль народнаго обученія, поставленная „Примѣрными программами" министерства народнаго просвѣщенія, которое, безъ сомнѣнія, приметъ во вниманіе могущія быть потомъ представленными на его разсмотрѣніе ходатайства совершенно компетентныхъ лицъ и учрежденій объ измѣненіи, дополненіи или сокращеніи этихъ программъ" [1]).

При помощи настоящаго очерка мы и попытаемся представить первую со времени введенія „Примѣрныхъ программъ" характеристику учебной части начальныхъ школъ Московской губерніи, съ каковою цѣлью и воспользуемся прежде всего имѣющимися печатными отзывами училищныхъ совѣтовъ, земскихъ управъ, инспекторовъ народныхъ училищъ и вообще такого рода печатными данными, которыя за послѣдніе годы доведены были до свѣдѣнія земскихъ собраній.

Печатные отзывы о постановкѣ учебной части начальныхъ школъ въ отдѣльныхъ уѣздахъ Московской губерніи могутъ быть разбиты по своему характеру на три группы: а) отчеты, состоящіе изъ сообщеній о постановкѣ учебной части или о результатахъ экзаменовъ и контрольныхъ испытаній по каждой школѣ уѣзда; б) указанія, пред-

---

[1]) «Свѣдѣнія о состояніи земскихъ училищъ Московской губ. въ 1897 г.»— Стр. 17—19.

ставляющія общую характеристику преподаванія программныхъ предметовъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ — опредѣляющія въ числовыхъ выраженіяхъ (средними баллами или % успѣвающихъ, а также — мало успѣвающихъ школъ) высоту успѣшности школьнаго дѣла, и в) отчеты, содержащіе въ себѣ соединеніе только-что проговоренныхъ типовъ, т. е. не только дающіе отзывы по каждой школѣ, но также и резюмирующіе частныя указанія по отдѣльнымъ школамъ въ одной общей характеристикѣ учебно-воспитательной стороны школьнаго дѣла въ уѣздѣ.

Доклады училищныхъ совѣтовъ, а также членовъ училищныхъ совѣтовъ отъ земства, представляющіе свѣдѣнія о состояніи учебной части въ каждой отдѣльной школѣ, настолько разнообразны и по своей формѣ и по общему содержанію, что воспользоваться ими для какихъ-либо общихъ заключеній крайне трудно, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже едва-ли возможно. Для характеристики такого рода данныхъ, — позволимъ себѣ представить слѣдующіе отзывы ревизоровъ и экзаменаторовъ о постановкѣ учебно-воспитательной стороны отдѣльныхъ школъ; при этомъ, чтобы не возбудить сомнѣнія въ корректности выбора нижеприводимыхъ отчетовъ, мы возьмемъ представленныя тремя училищными совѣтами за три года характеристики первыхъ по алфавиту, открытыхъ ранѣе 1898 года, школъ, и такимъ образомъ по ряду школъ сопоставимъ по три послѣдовательныхъ отзыва.

Бронницкій уѣздъ. Алешинская школа: 1) „Въ отношеніи преподаванія предметовъ школу нужно отнести къ числу лучшихъ школъ уѣзда. Ученики старшаго отдѣленія при правильномъ и бѣгломъ чтеніи производили довольно подробно и основательно синтаксическій и этимологическій разборъ прочитаннаго. Предложенный экзаменаціонный диктантъ написали весьма удовлетворительно. На рѣшеніи письменной задачи ученики показали быстрыя соображенія въ опредѣленіи взаимнаго соотношенія данныхъ задачи и умѣнье послѣдовательно располагать и хорошо объяснять самый ходъ задачи. На рѣшеніи устныхъ задачъ ученики также быстро оріентировались и давали вѣрные отвѣты. Отвѣты учениковъ младшаго отдѣленія, какъ по чтенію, такъ и по ариѳметикѣ и письму были вполнѣ удовлетворительны. Нѣсколько слабѣе подготовлено среднее отдѣленіе; но въ виду его многочисленности возможно выбрать для перевода въ старшее отдѣленіе вполнѣ удовлетворительныхъ учениковъ. По Закону Божію отвѣты учениковъ старшаго отдѣленія свидѣтельствовали, что курсъ пройденъ твердо и правила вѣроученія усвоены“.

2) „Въ отношеніи учебно-воспитательной части школы можно сказать слѣдующее: ученики старшаго отдѣленія по Закону Божію довольно толково и связно передавали своими словами разсказы изъ свя-

щенной исторіи Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, а также отвѣчали вполнѣ осмысленно по богослуженію и катехизису.

Ученики средняго и младшаго отдѣленій хорошо и правильно читали символъ вѣры, молитвы и заповѣди. По русскому языку ученики этого отдѣленія показали, какъ на чтеніи, такъ на грамматическомъ разборѣ и передачѣ прочитаннаго, что курсъ этого предмета ими пройденъ основательно. Не менѣе основательно они усвоили и ариѳметическія познанія. Отвѣты учениковъ средняго отдѣленія свидѣтельствовали, что они достаточно подготовлены къ усвоенію курса старшаго отдѣленія, за исключеніемъ, конечно, учениковъ слабыхъ и лѣнивыхъ.

Въ младшемъ отдѣленіи чтеніе, письмо и счисленіе оказались удовлетворительными".

3) „Представлено къ выпуску 14 мальчиковъ и 6 дѣвочекъ. Познанія учениковъ старшаго отдѣленія по всѣмъ предметамъ вполнѣ удовлетворительны. Ученики средняго и младшаго отдѣленій читаютъ довольно хорошо, считаютъ удовлетворительно и по Закону Божію давали отвѣты толково".

Ашитковская школа: 1) „Учебно-воспитательная часть и въ нынѣшнемъ учебномъ году поставлена отлично и школа попрежнему можетъ служить примѣромъ подражанія для остальныхъ школъ уѣзда. Ученики всѣхъ трехъ отдѣленій не только прошли курсъ соотвѣтствующій каждому отдѣленію и усвоили его твердо и основательно, но они развиты и даютъ обстоятельные отвѣты на вопросы не совсѣмъ обычные для ученика народной школы. Видно, что г-жи учительницы относятся къ исполненію своихъ обязанностей съ полнымъ усердіемъ, а потому онѣ заслуживаютъ поощренія за свою отлично-усердную службу. Не менѣе усердно ведетъ преподаваніе и Закона Божія о. законоучитель, а потому и сей послѣдній вполнѣ достоинъ награжденія".

2) „Школа и въ нынѣшнемъ учебномъ году, по обыкновенію, по отличному состоянію учебно-воспитательной части занимаетъ первое мѣсто въ уѣздѣ.

Учительница В. И. Лебедева, потрудившаяся въ этой школѣ съ такимъ отличнымъ успѣхомъ уже 25 лѣтъ, заслуживаетъ полнаго поощренія. Успѣхи по Закону Божію довольно удовлетворительны и законоучитель за свою дѣятельность заслуживаетъ награжденія".

3) „Отличные отвѣты учениковъ этой школы производили самое пріятное впечатлѣніе. Программа выполнена во всѣхъ деталяхъ. Каллиграфія не оставляетъ ничего желать большаго. Усердіе учительницъ велико и онѣ заслуживаютъ полнаго поощренія".

Звенигородскій уѣздъ. Аксиньинское училище:

1) „Учебно-воспитательная часть въ общемъ можетъ быть признана

удовлетворительною. Законъ Божій преподается хорошо. Слѣдуетъ отмѣтить малое количество выученныхъ стихотвореній, хотя это можно объяснить тѣмъ, что задавать на-домъ нельзя, такъ какъ жители Аксиньина кустари и постоянный стукъ и шумъ мѣшаютъ ученикамъ заниматься дома. Познаній по исторіи и географіи нѣтъ. Слѣдуетъ при чтеніи останавливаться на главнѣйшихъ событіяхъ изъ русской исторіи. Порядокъ и чистота въ школѣ хорошіе, что особенно пріятно отмѣтить, такъ какъ помѣщеніе крайне тѣсное и неудобное".

2) (Отзывъ вызванъ посѣщеніемъ 27 ноября): „Познанія учениковъ ниже удовлетворительнаго; за исключеніемъ 3 отдѣленія, на которое, какъ замѣтно, обращено большое вниманіе. Пѣніе преподается старшему и среднему отдѣленіямъ учителемъ".

(Отзывъ экзаменаціонный—23 мая того же учебнаго года): „На школу слѣдуетъ обратить вниманіе: учебная часть поставлена очень плохо; по всѣмъ предметамъ знанія обнаружены отрывочныя и шаткія. Первое отдѣленіе почти по всѣмъ предметамъ плохо: читаютъ по складамъ, разсказать не могутъ; не могутъ рѣшить самыхъ простыхъ задачъ. Второе отдѣленіе хромаетъ въ чтеніи и разсказѣ, стихи отвѣчали лучше. Ариѳметика хотя лучше перваго отдѣленія, но пройдено мало, да и чтб пройдено, знаютъ нетвердо. Третье отдѣленіе очень плохо пишетъ изложеніе, безъ всякаго смысла, ужаснымъ языкомъ и притомъ съ массой ошибокъ и ошибокъ грубыхъ. Знаній по географіи и исторіи прямо нѣтъ никакихъ. Даже простое чтеніе плохо, не говоря уже о разсказѣ и разборѣ. Ни одинъ мальчикъ не могъ ни разсказать самостоятельно, ни правильно разобрать".

3) „Въ младшемъ отдѣленіи читаютъ плоховато; разсказать прочитанное за исключеніемъ 3—4 не могли; списываютъ плохо. Отъ почерка и опрятности слѣдуетъ ждать много лучшаго. Ариѳметику знаютъ лучше. Законъ Божій — очень недурно. Среднее отдѣленіе лучше. Законъ Божій поставленъ очень недурно. Диктантъ удовлетворителенъ, читаютъ и разсказываютъ довольно удовлетворительно. Ариѳметика хуже, письменныя задачи рѣшили не всѣ правильно. Таблицы мѣръ и счетовъ не знаютъ. Третье отдѣленіе гораздо лучше и всѣ ученики по всѣмъ предметамъ оказались вполнѣ подготовленными. Повидимому, главное вниманіе было обращено на старшее отдѣленіе".

Акуловское училище: 1) „По Закону Божію во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ отвѣчали хорошо. По русскому языку также всѣ очень хорошо и познаній по исторіи и географіи у старшихъ вполнѣ достаточно. По ариѳметикѣ отвѣчали вездѣ хорошо и правильно и задачи рѣшили вѣрно, только средніе и старшіе не проходили счетовъ, такъ какъ ихъ нѣтъ. По-славянски читали и переводили хорошо. Изложеніе и дик-

тантъ написали очень хорошо и по немъ видно, что пріучены къ опрятности".

2) „Ученики во всѣхъ отдѣленіяхъ прекрасно дисциплированы въ то же время видно, что они съ большой любовью относятся къ своимъ наставникамъ. Отвѣты по всѣмъ предметамъ были слишкомъ заученные. Вообще желательно большее развитіе учениковъ. Читаютъ, особенно въ старшемъ отдѣленіи, бойко, но дѣлаютъ невѣрныя ударенія. Подчеркъ у всѣхъ превосходный. Имѣютъ очень здоровый видъ. Ученики всѣхъ 3 отдѣленій поражаютъ своею опрятностью. Дѣвочки старшаго отдѣленія были въ платьяхъ, ими самими сшитыхъ. Изъ рукодѣлій преподается учительницей шитье, вязанье, вышиванье и штопанье. Предложено обратить вниманіе на слишкомъ большую заученность излагаемаго, на чтеніе съ неправильнымъ удареніемъ и на малоразвитость учениковъ. Пѣнія нѣтъ".

3) „Въ младшемъ отдѣленіи ученики плохо читаютъ и съ большимъ затрудненіемъ повторяютъ и разсказываютъ прочитанное имъ. Въ среднемъ отдѣленіи читаютъ хорошо; священную исторію разсказываютъ слишкомъ заученно; стихи и басни говорятъ безъ выраженія, а нѣкоторыя слова произносятъ съ неправильнымъ удареніемъ. Въ старшемъ отдѣленіи отвѣты вообще хорошіе, но ученики мало развиты, на что особенно обращено вниманіе. На счетахъ ученики считаютъ замѣчательно хорошо и быстро, дѣлая не только сложеніе но и вычитаніе. Видно, что съ учениками обходятся очень хорошо. Всѣ они имѣютъ веселый и бодрый видъ".

Только что приведенный отзывъ составленъ на основаніи посѣщенія школы 15 декабря 1901 г., отзывъ же экзаменаціонный (4 мая) только лишь отмѣчаетъ, что—„дѣти были одѣты чисто и опрятно; въ теченіе школьныхъ часовъ продолжительнаго экзамена всѣ дѣти вели себя очень тихо и были внимательны".

Рузскій уѣздъ. Абрамовское училище: 1) „Въ теченіе учебнаго года училище было посѣщено 3 раза: 8 января 1899 г. А. М. Нарбутъ, 9 февраля А. Б. Карповымъ и 15 февраля свящ. С. А. Вишняковымъ. По свѣдѣніямъ членовъ училищнаго совѣта, учительница Прокофьева, служащая въ этомъ училищѣ съ 1 марта 1898 г., очень добросовѣстно относится къ своимъ занятіямъ; успѣхи учениковъ по всѣмъ предметамъ удовлетворительны. Въ младшемъ отдѣленіи было замѣчено нетвердое знаніе молитвъ, и вообще преподаваніе Закона Божія слабѣе другихъ предметовъ, что и было поставлено на видъ законоучителю училищнымъ совѣтомъ. Абрамовское училище, бывшее въ прошломъ году, вслѣдствіе назначенія новой учительницы, въ переходномъ состояніи, приближается, если не считать преподаванія Закона Божія, къ типу лучшихъ школъ уѣзда, и, какъ видно изъ таблицы испытаній,

процентъ удостоенныхъ перевода и окончившихъ курсъ въ немъ повысился сравнительно съ прошлымъ годомъ: въ младшемъ отдѣленіи — на 1%, въ среднемъ—на 14%, въ старшемъ—на 33%. Свидѣтельствъ объ окончаніи курса удостоены всѣ (7 мальч. и 1 дѣвоч.), подвергавшіеся испытанію".

2) „Училище было посѣщено 4 раза: кн. П. Д. Долгоруковымъ, П. Н. Голиковымъ, свящ. С. А. Вишняковымъ и А. М. Нарбутъ. Успѣхи по Закону Божію найдены въ средней группѣ посредственными, въ младшей хорошими. Какъ механизмъ чтенія, такъ и передачу прочитаннаго во всѣхъ группахъ можно назвать хорошей, равнымъ образомъ и письмо. Познанія по ариѳметикѣ въ младшей и средней группѣ найдены хорошими. Отвѣты по Закону Божію во всѣхъ отдѣленіяхъ на экзаменѣ были хорошими, а также и по другимъ предметамъ, несмотря на перемѣну въ концѣ зимы. Число удостоенныхъ перевода, сравнительно съ прошлымъ годомъ, въ младшемъ отдѣленіи повысилось на 24%, въ среднемъ—на 33%. Всѣ учащіеся въ старшемъ отдѣленіи (8 мальч. и 2 дѣв.), какъ въ прошломъ году, получили свидѣтельства. Школу слѣдуетъ причислить къ разряду хорошихъ".

3) „Въ Абрамовскомъ училищѣ въ теченіе учебнаго года обучалось 83 человѣка (55 мальч. и 28 дѣв.).

Названіе отдѣленій.	Число учащихся въ началѣ года.	Число выбывш. и неявившихся на экзаменъ.	Подвергалось испытаніямъ.		Число переведенныхъ и окончившихъ курсъ.	
			Мал.	Дѣв.	Мал.	Дѣв.
Младшее	31	3	18	10	14	9
Среднее	31	7	14	10	10	7
Старшее	21	6	9	6	4	6

Училище было посѣщено 2 раза: княземъ П. Д. Долгоруковымъ и А. И. Цибульскимъ. Успѣхи учениковъ всѣхъ 3 отдѣленій по Закону Божію найдены хорошими, по чтенію и письму — частью хорошими, частью удовлетворительными. Слабѣе всего успѣхи оказались по ариѳметикѣ. Общее впечатлѣніе отъ веденія преподаванія по Закону Божію и остальнымъ предметамъ вынесено хорошее, но при этомъ замѣчено, что не всѣ тетради учениковъ исправляются и затѣмъ слѣдовало бы обратить нѣсколько больше вниманія на дисциплину, а также нельзя обойти молчаніемъ, что журналъ учительницей вовсе не ведется, несмотря на сдѣланныя ранѣе по сему поводу указанія.

На экзаменѣ успѣхи учениковъ старшаго отдѣленія оказались очень хорошими: ученики выдѣлялись развитіемъ, такъ что, повиди-

мому, учительница обращаетъ особенное вниманіе на эту сторону учебнаго дѣла; среднее отдѣленіе оказалось слабѣе, но подготовлено достаточно. Особенно хорошо младшее отдѣленіе".

1) „Аннинское училище было посѣщено 29 апрѣля 1899 г. свящ. С. А. Вишняковымъ, при чемъ успѣхи учениковъ по всѣмъ предметамъ найдены хорошими. На испытаніи такого же отзыва заслуживаютъ всѣ три отдѣленія, особенно старшее. Въ прошломъ году у учительницы средняя группа была наиболѣе слабая, въ нынѣшнемъ—число удостоенныхъ перевода повысилось въ ней на 16%. Школа относится къ разряду хорошихъ".

2) „Училище было посѣщено 2 раза П. Н. Голиковымъ. Успѣхи по всѣмъ предметамъ были найдены въ общемъ хорошими; слабѣе оказались: письмо въ младшемъ отдѣленіи и познанія по ариѳметикѣ. Г. членъ училищнаго совѣта констатируетъ о томъ отрадномъ впечатлѣніи, которое производитъ отношеніе какъ законоучителя, такъ и учительницы къ ученикамъ: оба съ любовью и сердечностью ведутъ дѣло преподаванія, озабочиваясь о развитіи въ ученикахъ нравственныхъ началъ. На экзаменѣ констатировано тоже, что св. исторія усвоена основательно и знаніе катехизиса—жизненное, съ практическими выводами нравоучительнаго характера. По-русски ученики читаютъ съ толковой передачей прочитаннаго, по-славянски—бойко, съ хорошимъ переводомъ. Сравнительно съ устными отвѣтами ученики оказались менѣе подготовленными по письму. Число удостоенныхъ перевода какъ въ среднемъ; такъ и въ младшемъ отдѣленіяхъ повысилось на 8%. Всѣ учащіеся въ старшемъ отдѣленіи (8 мальч. и 1 дѣв.) получили свидѣтельства. Школу слѣдуетъ отнести къ разряду хорошихъ".

3) „Въ Аннинскомъ училищѣ въ теченіе учебнаго года обучалось 39 человѣкъ (28 мальч. и 11 дѣв.).

Названіе отдѣленій.	Число учениковъ въ началѣ года.	Выбыло и не явилось на экзамены.	Подвергалось испытаніямъ.		Переведено и окончило курсъ.	
			Мал.	Дѣв.	Мал.	Дѣв.
Младшее..... ...	12	1	9	2	9	2
Среднее.....	16	8	5	3	5	3
Старшее.....	11	1	8	2	8	2

Въ отчетномъ году училище было посѣщено 2 раза: кн. П. Д. Долгорукимъ и свящ. С. А. Вишняковымъ. Познанія учениковъ по всѣмъ предметамъ найдены въ общемъ хорошими, а по ариѳметикѣ—очень хорошими, слѣдовало бы только обратить большее вниманіе на

письмо, какъ съ каллиграфической, такъ и съ орфографической стороны, тѣмъ болѣе, что замѣченный недостатокъ отразился и на экзаменаціонныхъ работахъ. Впечатлѣніе, вынесенное ревизовавшими училище лицами отъ способа веденія преподаванія, оказалось хорошимъ; результаты преподаванія наглядно отразились на общемъ развитіи учащихся. На экзаменѣ ученики всѣхъ 3-хъ отдѣленій оказали очень хорошіе и ровные успѣхи и ни въ одномъ отдѣленіи оставленныхъ не было".

Какъ видно изъ изложеннаго, данныя, аналогичныя приведеннымъ, не достаточны не только для какихъ-либо общихъ выводовъ, они не могутъ служить и для сколько-нибудь конкретнаго представленія дѣятельности отдѣльныхъ школъ. И если тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ отчетахъ вслѣдъ за рядомъ такого рода сообщеній даются и общія заключенія о постановкѣ школьнаго дѣла, то такія замѣчанія являются не столько выводами, суммирующими представленные отзывы, сколько характеристиками, построенными на непосредственномъ знакомствѣ съ постановкою школьнаго дѣла въ уѣздѣ.

II.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію такихъ указаній и замѣчаній, которыми вообще опредѣляется высота постановки преподаванія учебныхъ предметовъ, входящихъ въ программу начальныхъ народныхъ училищъ.

Начиная нашъ обзоръ съ *Закона Божія*, прежде всего приходится отмѣтить, что несмотря на то, что преподаваніе этого предмета, болѣе чѣмъ какого-либо иного, поставлено въ сходныя условія (по программѣ, образовательному цензу преподавателей, ихъ отношенію къ учебному предмету, составу принятыхъ учебниковъ и т. д.), тѣмъ не менѣе по вопросу объ успѣшности преподаванія Закона Божія въ докладахъ училищныхъ совѣтовъ и земскихъ управъ встрѣчаются чрезвычайно разнообразные отзывы, какъ это и свидѣтельствуется, напримѣръ, слѣдующими данными:

Въ *Верейскомъ* уѣздѣ, гдѣ—„преподаваніе Закона Божія проходится по программѣ, утвержденной св. синодомъ",— экзаменаціонные отвѣты дѣтей по этому предмету—„въ старшемъ отдѣленіи были вполнѣ удовлетворительны и отличались ясностію и полнотою въ изложеніи; въ среднемъ и младшемъ отдѣленіяхъ учащіеся также оказали достаточные успѣхи" [1]; *Волоколамскій* училищный совѣтъ въ докладѣ

[1]) «Докл. Верейск. земск. управы очередному земскому собр. 1901 г.—о народн. образованіи».

своемъ земскому собранію 1899 года—„съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчалъ тотъ фактъ, что преподаваніе Закона Божія въ земскихъ школахъ Волоколамскаго уѣзда изъ года въ годъ улучшается, и познаніе учениковъ по этому предмету вполнѣ отвѣчаетъ предъявляемымъ требованіямъ"; —„всѣ" законоучители „выполняли свои обязанности съ полнымъ вниманіемъ, при чемъ о.о. законоучители при преподаваніи, равно при отправленіи пастырскихъ обязанностей, старались развивать дѣтей въ религіозно-нравственномъ отношеніи"; въ частности же — „учащіеся 1-го отдѣленія узнали необходимыя молитвы съ объясненіемъ ихъ; ученики 2-го отдѣленія усвоили краткія свѣдѣнія изъ священной исторіи Новаго Завѣта и символъ вѣры; въ 3-мъ отдѣленіи болѣе подробно изучили священную исторію и объясненіе Богослуженія" [1]). *Клинскій* училищный совѣтъ, давая въ 1899 году оцѣнку постановкѣ преподаванія Закона Божія, опредѣлилъ средній баллъ для всѣхъ школъ равнымъ 4,64; этимъ же числомъ (4,64) опредѣлена была успѣшность преподаванія названнаго предмета въ 1900 и 1901 годахъ, изъ чего можно заключить, что обученіе Закону Божію шло въ школахъ уѣзда одинаково хорошо въ теченіе трехъ лѣтъ, при чемъ въ большинствѣ школъ оно велось отлично; если же въ дѣйствительности отличное преподаваніе было зарегистровано только въ небольшомъ числѣ училищъ, то необходимо допустить, что если не во всѣхъ школахъ уѣзда, то въ подавляющемъ большинствѣ ихъ обученіе названному предмету во все это время велось очень хорошо. И вотъ въ $190^1/_2$ учебномъ году, судя по представленнымъ даннымъ, въ школахъ уѣзда произошло замѣтное уменьшеніе успѣшности преподаванія Закона Божія: въ отчетѣ одного изъ экзаменаторовъ были указаны, напримѣръ, двѣ школы, изъ которыхъ въ одной —„многіе изъ учащихся не твердо усвоили какъ текстъ символа вѣры и заповѣдей, такъ и разсказы изъ священной исторіи",— а относительно другой высказано было пожеланіе,—„чтобы изученіе молитвъ въ младшей группѣ сопровождалось пониманіемъ ихъ смысла" [2]); резюмируя затѣмъ отзывы экзаменаторовъ, училищный совѣтъ пришелъ къ заключенію, что по Закону Божію *отличные* успѣхи оказались только въ 9 школахъ (изъ 57), *очень хорошіе*—въ 20, во столькихъ же школахъ—*хорошіе*, въ 7—*удовлетворительные* и въ 1-й школѣ—*не вполнѣ удовлетворительные*. Выражая эту послѣднюю оцѣнку ученическихъ успѣховъ баллами, найдемъ, что общій средній баллъ не превышалъ 4,2; а такъ какъ такое замѣтное пониженіе настолько, казалось бы, установившейся

---

[1]) «Докл. Волокол. уч. совѣта земск. собранію 1899 г.»—стр. 5—7.

[2]) «Доклады по народн. образованію» Клинск. уч. совѣта земскимъ собраніямъ: 1899 г.—стр. 12; 1900 г.—стр. 7—8; 1901 г.—стр. 6; и 1902 г. стр. 13—14.

успѣшности обученія едва ли можетъ быть объяснено ухудшеніемъ самаго преподаванія,—то невольно напрашивается предположеніе, — не сказалась ли въ данномъ случаѣ большая экзаменаціонная взыскательность, выраженная хотя бы въ нѣсколькихъ только школахъ? Въ *Серпуховскомъ* уѣздѣ, какъ это видно изъ доклада собранію 1899 года, —„о.о. законоучители вели преподаваніе въ нынѣшнемъ году болѣе равномѣрно во всѣхъ группахъ и многіе вели въ младшей группѣ объясненіе изучаемыхъ молитвъ, хотя нѣкоторые, по привычкѣ, продолжали вести въ этой группѣ одно механическое изученіе молитвъ, ссылаясь или на недостатокъ времени, или на то, что объясненіе молитвъ будто-бы недоступно мало развитымъ дѣтямъ. Но,— замѣчаетъ составитель цитируемой части доклада (повидимому, г. инспекторъ народныхъ училищъ)—ни съ тѣмъ, ни съ другимъ нельзя согласиться, такъ какъ о.о. законоучители, ссылаясь на недостатокъ времени, между тѣмъ находятъ возможнымъ изучать механически большое число длинныхъ и трудныхъ молитвъ, не указанныхъ программами, каковы напримѣръ молитвы: утренняя, вечерняя, предъ ученіемъ, послѣ ученія и проч. Что касается указанія на недоступность пониманія дѣтьми смысла молитвъ, то оно опровергается уже тѣмъ, что пониманіе смысла молитвъ достигается въ тѣхъ школахъ, гдѣ законоучители съ изученіемъ молитвъ соединяютъ и указаніе главныхъ мыслей, заключающихся въ молитвѣ и объясненіе встрѣчающихся въ ней непонятныхъ словъ и выраженій. Одно же механическое изученіе молитвъ не цѣлесообразно въ религіозно-педагогическомъ отношеніи, такъ какъ оно не вызываетъ въ душѣ ребенка чувствъ, выражаемыхъ молитвою“ [1]). Докладъ слѣдующему земскому собранію, характеризуя качественную сторону школьнаго дѣла и касаясь преподаванія Закона Божія, ограничивается указаніемъ только на то, что—„въ отчетномъ году о.о. законоучители обратили бо́льшее вниманіе на объясненіе молитвъ въ младшей группѣ, такъ что въ весьма немногихъ школахъ молитвы изучались въ этой группѣ безъ пониманія смысла“... [2]).

Въ „докладѣ по народному образованію“, представленномъ затѣмъ Серпуховскою земскою управою собранію 1902 года дается слѣдующее описаніе результатовъ преподаванія названнаго предмета въ $190^1/_2$ учебномъ году: въ младшемъ отдѣленіи—„важнѣйшія свѣдѣнія о Богѣ усвоены хорошо въ 38 школахъ; изучены *молитвы* отлично въ 7 школахъ, хорошо въ 6 школахъ, удовлетворительно въ 10 и плохо въ 6 школахъ, тихо произносили молитвы и торопливо въ 5 школахъ, невнятно въ 1 школѣ, читали молитвы съ ошибками въ 3 школахъ,

---

[1]) «Докл. по народ. образов.»—Серпухов. зем. упр.—собранію 1899 г., стр. 37.
[2]) «Докл. по народ. образ. за 1899—1900 г. Серп. земск. упр.» стр. 38.

молитвъ не знали ни одной въ 2 школахъ"; въ среднемъ отдѣленіи—„молитвы изучены очень хорошо въ 3 школахъ, хорошо въ 2 школахъ, не ясно произносили молитвы въ 4 школахъ, проглатывали слова при чтеніи молитвъ въ 3 школахъ, искажали молитвы въ 2 школахъ, обнаружили мало пониманія молитвъ въ 3 школахъ, плохо изучены молитвы въ 5 школахъ, удовлетворительно въ 18 школахъ. *Заповѣди* знали хорошо въ 4 школахъ, удовлетворительно въ 30 школахъ, плохо въ 3 школахъ, совершенно не знали ихъ въ 2 школахъ, зубрили заповѣди безъ всякаго пониманія въ 1 школѣ. *Священную исторію* знали хорошо въ 16 школахъ, удовлетворительно въ 21 школахъ, плохо (при чемъ была видна безтолковая зубрежка) въ 3 школахъ"; въ старшемъ отдѣленіи — „постановка преподаванія вообще была очень хорошая въ 10 школахъ, хорошая въ 9 школахъ, удовлетворительная въ 15 школахъ, твердая въ 3 школахъ, плохая въ 5 школахъ. *Молитвы, заповѣди, символъ вѣры, священная исторія* и *богослуженіе* изучались съ вполнѣ удовлетворительнымъ успѣхомъ. Въ большинствѣ училищъ учащіеся могли давать осмысленный связный разсказъ историческихъ событій и обнаруживали пониманіе ученія Христа и связь событій священной исторіи. Исключенія были весьма незначительны: въ 2 училищахъ учащіеся не понимали хронологической связи въ священной исторіи (появленіе на землѣ Спасителя міра считали болѣе раннимъ по времени, нежели жизнь пророковъ Моисея и Елисея); въ 1 училищѣ не понимали различіе между Новымъ и Ветхимъ Завѣтомъ; не знали мѣстнаго храмового праздника, хотя были освобождены въ этотъ день отъ классныхъ занятій, въ 1 училищѣ; нельзя было добиться ни слова отъ учащихся въ 1 училищѣ; не могли совершенно бесѣдовать съ инспекторомъ учащіеся въ 1 училищѣ. Вообще же, говоритъ составитель названнаго доклада, резюмируя приведенныя свѣдѣнія, — о.о. законоучители прилагали много трудовъ и заботъ къ правильному и точному изученію матеріала предмета Закона Божія и къ осмысленному пониманію молитвъ, заповѣдей, символа вѣры и священной исторіи Новаго и Ветхаго Завѣтовъ. Программа 1897 года выполнялась по всѣмъ училищамъ въ полномъ объемѣ съ соблюденіемъ указаній объяснительной къ программѣ записки въ цѣляхъ усвоенія учащимся „мыслей, чувствъ и стремленій, способныхъ служить имъ сѣменемъ жизни нравственно-религіозной" [1]).

Указанія на то, что молитвы и вообще уроки Закона Божія нерѣдко воспринимаются учащимися недостаточно сознательно, при чемъ наиболѣе страдающими являются ученики младшихъ отдѣленій,—встрѣ-

---

[1]) «Докл. по народн. образованію»—стр. 16.

чаются въ печатномъ матеріалѣ о постановкѣ преподаванія этого учебнаго предмета и по другимъ уѣздамъ.

Такъ напримѣръ *Подольская* земская управа въ докладѣ своемъ собранію 1901 года,—„подводя итоги сдѣланному въ учебномъ дѣлѣ за 190$^0/_1$ г., и группируя мнѣнія членовъ училищнаго совѣта и свои собственныя по предметамъ занятій въ школахъ“,—между прочимъ приходитъ къ заключенію, что по Закону Божьему —„на экзаменахъ особенно выдѣлялись своими ясными и толковыми отвѣтами ученики старшихъ отдѣленій; хорошо разсказывали изъ священной исторіи Ветхаго и Новаго Завѣтовъ ученики старшихъ отдѣленій, но изученіе молитвъ въ младшемъ отдѣленіи во многихъ школахъ поставлено неправильно“. Ссылаясь затѣмъ на методическіи замѣчанія, данныя въ объяснительной запискѣ къ составленной министерствомъ народнаго просвѣщенія программѣ по Закону Божію, земская управа свидѣтельствуетъ, что—„къ сожалѣнію большинство преподавателей Закона Божія не руководствуются этими прекрасными указаніями, а заставляютъ дѣтей учить молитвы механически, безъ какихъ-либо объясненій, такъ что дѣти заучиваютъ молитвы совершенно неосмысленно“ [1]). „Отчетъ *Звенигородскаго* уѣзднаго училищнаго совѣта за 189$^8/_9$ учебный годъ“, разсматривая отзывы экзаменаторовъ, характеризующихъ постановку преподаванія отдѣльныхъ учебныхъ предметовъ, говоритъ: „изъ сравненія успѣховъ по *Закону Божьему* по *всѣмъ* отдѣленіямъ школъ невольно напрашивается выводъ, что, или на первыя два отдѣленія законоучители обращаютъ мало вниманія, а занимаются усердно лишь однимъ старшимъ въ виду экзаменовъ, или программа такъ велика для первыхъ отдѣленій, а въ особенности для средняго, что ее трудно пройти“ [2]). Инспекторъ народныхъ училищъ К. К. Кноблохъ въ своемъ докладѣ *Московскому* уѣздному земскому собранію 1899 года обращаетъ вниманіе собранія на слѣдующіе недостатки въ постановкѣ преподаванія Закона Божія: „ученики заучиваютъ молитвы наизусть, безъ объясненія, иногда съ искаженіемъ словъ; случается, что смѣшиваютъ понятія о св. Троицѣ и о Богородицѣ, о св. Духѣ и ангелахъ; о.о. законоучители слишкомъ широко, и безъ особой нужды, пользуются предоставленнымъ имъ правомъ перенесенія матеріала занятій изъ одного отдѣленія въ другое; слишкомъ подолгу останавливаются на изученіи ветхозавѣтной исторіи, оставляя мало времени для новозавѣтной, которую иногда не успѣваютъ проходить во 2 отдѣленіи; не устанавливаютъ необходимой связи между событіями Ветхаго и Новаго Завѣта, не объясняя прообразовъ; не вездѣ проходятъ тропари двунадесятыхъ

---

[1]) «Докл. по народн. образованію»—стр. 22.

[2]) «Отъ Звенигор. уѣзд. уч. сов. за 189$^8/_9$ учебн. годъ»—стр. 18.

праздниковъ, съ богослуженіемъ знакомятъ въ слишкомъ общихъ, краткихъ чертахъ, ограничиваясь иногда одною литургіею; не доходятъ до того, читаютъ ли ученики дома, въ теченіе дня, положенныя молитвы, которыя съ теченіемъ времени забываются. Случалось, что во 2 и даже въ 3 отдѣленія ученики не знали молитвъ, потому, какъ объясняли мнѣ наивно, о.о. законоучители, что давно не повторяли ихъ и забыли, тогда какъ этого не могло бы быть, если бы дѣти дома читали ежедневно извѣстныя имъ молитвы; бываетъ, что объясняютъ ученикамъ не то, что важно, а чего могли бы ученики и не знать, такъ, напр., имена сыновей Іакова, что Давидъ убилъ Голіафа и т. п., но что написалъ Давидъ псалтирь, какая это книга, почему І. Х. называется сыномъ Давидовымъ, ученики не всегда знаютъ; часто смѣшиваютъ они Іоанна Крестителя, Богослова и Златоуста и проч., и проч.“ [1]).

Тѣ недостатки, которыми страдаетъ современная постановка преподаванія въ начальныхъ школахъ Закона Божія съ особою полнотою и ясностью рисуются интересною запискою священника Ф. А. Рунова, характеризующею постановку преподаванія даннаго предмета въ школахъ *Коломенскаго* уѣзда и предлагающая мѣстному училищному совѣту, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уѣздному земскому собранію 1900 года увеличеніе въ отдѣльныхъ школахъ числа уроковъ Закона Божія, какъ мѣру, необходимую для улучшенія постановки преподаванія этого предмета. „Въ школахъ, порученныхъ моему наблюденію, да, думаю, что и въ остальныхъ школахъ уѣзда, — говорится въ названномъ докладѣ, — занятіе дѣтей, т. е. пересказъ священно-историческихъ событій, въ большинствѣ школъ хорошо; чтеніе молитвъ, заповѣдей и символа вѣры тоже безошибочно; но что касается того, насколько дѣти *сознательно* усвоили то и другое, то въ большинствѣ случаевъ остается желать многаго. Дѣти рѣдко могутъ сказать, чему ихъ научаетъ переданный разсказъ; точно такъ же, если только не хуже, могутъ передать содержаніе молитвъ и объяснить славянскія выраженія молитвъ. Слѣдовательно *знаніе есть, но безсознательное* и воспитательное значеніе священныхъ разсказовъ и молитвъ является ничтожнымъ. Законоучитель при преподаваніи Закона Божія пользуется разными учебниками: Афинскимъ, Бухаревымъ и еписк. Агаѳодора; одни строго придерживаются программы, другіе для пользы дѣла отступаютъ отъ ея содержанія и метода. Одни изъ законоучителей, большій процентъ, пользуются методомъ катехизическимъ и акроаматическимъ, а другіе — какимъ-либо; но есть и такіе, которые не употребляютъ въ строгомъ

---

[1]) «Итоги осмотра нач. народ. уч. Москов. у. въ 1898/9 уч. году, произведеннаго инспекторомъ сихъ училищъ К. К. Кноблохомъ»—стр. 3.

смыслѣ никакого метода, а просто заставляютъ учить „съ сихъ и до этихъ“. Въ виду разныхъ методовъ и учебниковъ получается неравномѣрность знаній и отсутствуетъ религіозно-воспитательное значеніе священной исторіи. Этому нежелательному явленію частію помогаетъ и сама программа неудачнымъ подборомъ священныхъ разсказовъ, какъ предположенныхъ ею къ изученію и улучшенію преподаванія Закона Божія... При разсмотрѣніи программы,— говоритъ далѣе докладчикъ, —необходимо принять къ свѣдѣнію и тотъ фактъ, что она цѣликомъ списана съ программы для церковно-приходскихъ школъ съ двухлѣтнимъ курсомъ. Составитель программы 1897 года ничего для пополненія ея не сдѣлалъ, а потому она хотя и требуетъ для своего выполненія трехъ лѣтъ, но тѣмъ не менѣе представляетъ наименьшую степень требованій по Закону Божію. Опытъ показалъ, что есть вопросы, которыхъ не касается вышеуказанная программа, но которые, однакоже, объясняются въ сельской школѣ, напримѣръ: о любви къ врагамъ, о молитвѣ и прощеніи обидъ о неосужденіи другихъ, какъ поститься и творить милостыню и т. п. Значитъ есть нужда въ болѣе широкой постановкѣ законоучительскаго дѣла, чѣмъ указанная въ вышеозначенной программѣ. Въ виду этого нѣкоторые законоучители вносятъ въ программу 1897 г. дополненія, что, по моему, для достиженія воспитательной цѣли, допустить крайне необходимо“. Замѣтивши далѣе, что въ установленную программу,—„по какому-то недоразумѣнію“,— не вошли нѣкоторыя, чаще другихъ употребляемыя, молитвы, составитель доклада переходитъ къ разсмотрѣнію вопроса о силѣ воспитательнаго вліянія предмета Закона Божія: „такъ какъ,—говорится въ этомъ докладѣ, — школа должна давать не одни только знанія, а должна, главнымъ образомъ, нравственно воспитывать ребенка, то для достиженія этой цѣли молитва должна проникнуть въ сердце ребенка, чтобы, молясь, онъ не только повторялъ слова молитвы, но всѣмъ сердцемъ возносился къ Тому, къ Кому обращена его молитва. Для этого *нужно, чтобы молитва сознательно была понята.* Но какъ этого достигнуть при полной неразвитости дѣтей? Да и вообще, какъ приступить къ объясненію и опредѣленію Бога, какъ живого и всемогущаго Существа? А сдѣлать это необходимо, потому что ребенку нужно показать Бога живымъ Существомъ, иначе—странно заставлять молиться Тому, Кого онъ не знаетъ“ [1]).

Мы не можемъ поставить своею задачею разсмотрѣніе методическихъ указаній по поводу предложеннаго послѣднею замѣткою вопроса; ограничиваясь же приведенными данными, позволимъ себѣ только отмѣтить, что изложенное относительно постановки и результатовъ

[1]) «Докл. Коломенской уѣздной земск. управы № 2»,—стр. 30—31.

преподаванія Закона Божія въ школахъ Московской губерніи отнюдь не говоритъ о какой-либо особенности школьнаго дѣла только именно этой губерніи. Тотъ же характеръ отзывовъ наблюдается вообще въ печатномъ матеріалѣ, представляющемъ указанія относительно постановки преподаванія Закона Божія въ начальныхъ народныхъ школахъ.

Пользуясь имѣющимися свѣдѣніями, можно предположить, что особенно хорошо ведется преподаваніе Закона Божія въ школахъ *Вологодской* губерніи, гдѣ въ *Кадниковскомъ* уѣздѣ, какъ говоритъ въ своемъ докладѣ мѣстный инспекторъ народныхъ училищъ,—„во всѣхъ училищахъ самое ученіе направлено къ тому, чтобы воспитать подростающее поколѣніе въ строго религіозномъ направленіи, дабы впослѣдствіи во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ дѣти, окончившія курсъ въ народной школѣ, руководились Божественнымъ ученіемъ нашего Спасителя, соблюдая во всей своей жизни святыя заповѣди Его“ [2]) И дальнѣйшія замѣчанія цитируемаго отчета не даютъ основаній сомнѣваться въ возможности разрѣшить поставленную задачу; напротивъ: „во всѣхъ училищахъ“ г. инспекторъ —„находилъ учителей, занимающихся дѣломъ своимъ удовлетворительно; а если и были какіе-нибудь недостатки, въ преподаваніи, то таковые, — говоритъ г. инспекторъ,—мною были замѣчены учителямъ и исправлены, при чемъ во многихъ училищахъ приходилось давать уроки для образца учителямъ“. Въ *Вологодскомъ* уѣздѣ также—г. инспекторъ „во время осмотровъ не только обращалъ вниманіе на успѣшность преподаванія предметовъ начальнаго обученія, но прежде всего заботился о томъ, чтобы воспитаніе, даваемое въ начальныхъ училищахъ, было по истинѣ религіозно-нравственное, чтобы въ основѣ этого воспитанія лежали святыя истины православной христіанской вѣры и нравственности, чтобы служащіе въ этихъ училищахъ словомъ и примѣромъ старались внѣдрить въ своихъ питомцевъ съ самого ихъ поступленія въ училище благоговѣйное чувство къ предметамъ священнымъ и внушить имъ правила серьезнаго и внимательнаго отношенія къ исполненію обязанностей своихъ къ Богу, Государю и ближнему на основаніи заповѣдей Господнихъ и ученія святой православной церкви“ [2]).

Только что приведенное замѣчаніе, какъ и предыдущее, хотя главнѣйшимъ образомъ говоритъ только объ общемъ направленіи школьнаго дѣла въ названномъ уѣздѣ, но съ тѣмъ вмѣстѣ оно не даетъ повода сомнѣваться и въ томъ, что и преподаваніе Закона Божія поставлено въ школахъ даннаго уѣзда соотвѣтственно высоко; а насколько хорошо оно можетъ быть поставлено,—это свидѣтельствуется

---

[2]) «Доклады Кадниковской земск. управы»... за 1899 г. стр. 363 и 364.

[2]) «Журн. Вологодскаго уѣзднаго земск. собранія» за 1900 г. стр. 337.

слѣдующею выдержкою изъ помѣщеннаго въ томъ же изданіи отчета по церковно-приходскимъ школамъ, гдѣ—„по *Закону Божію* въ старшемъ отдѣленіи преподано: православный катехизисъ, при чемъ во многихъ школахъ повторялись священно-историческіе разсказы, въ которыхъ видны примѣры вѣры и разныхъ добродѣтелей — семейныхъ и общественныхъ, пророчества и проч.; ученіе о храмѣ и христіанскомъ Богослуженіи, въ особенности и подробнѣе—о Божественной литургіи, и въ нѣкоторыхъ школахъ — о Блаженствахъ Евангельскихъ, о литургіи преждеосвященныхъ Даровъ, о таинствахъ и главнѣйшія дѣйствія при таинствахъ съ объясненіемъ ихъ значенія; въ нѣкоторыхъ школахъ сообщено порядочное число разсказовъ изъ церковной исторіи. Въ школахъ раскольническихъ приходовъ при объясненіи православнаго Богослуженія доказывалась неправильность взгляда раскольниковъ на тѣ или другіе церковные обряды и др. т. п. Въ среднемъ отдѣленіи — главнымъ образомъ священная исторія Ветхаго и Новаго Завѣта; вмѣстѣ съ тѣмъ повторялись молитвы, Десятословіе и во многихъ и Символъ Вѣры по членамъ съ краткимъ объясненіемъ. Въ младшемъ отдѣленіи объяснено о крестномъ знаменіи, поклонахъ, благословеніи священника, краткія необходимыя и общеупотребительныя молитвы, сначала съ голоса, а потомъ по краткому молитвослову, съ небольшимъ и доступнымъ объясненіемъ; во многихъ школахъ изучены заповѣди, Символъ Вѣры, разсказаны и усвоены 12 В. Праздниковъ, а во многихъ—и болѣе простые и легкіе разсказы изъ Св. Исторіи Ветхаго Завѣта, а въ иныхъ школахъ и Новаго Завѣта,—болѣе простыя и знакомыя событія и чудеса Господа нашего Іисуса Христа. При преподаваніи Закона Божія, для наглядности и лучшаго усвоенія и запоминанія того или другого урока употреблялись священно-историческія картины, имѣющіяся почти во всѣхъ школахъ, картины съ изображеніемъ принадлежностей христіанскаго храма и карта Палестины. Сверхъ того, многіе изъ о.о. законоучителей во время урока Закона Божія водили учениковъ старшаго отдѣленія въ храмъ, гдѣ наглядно показывали съ должнымъ объясненіемъ устройство храма и свящ. вещи и принадлежности онаго, и нерѣдко ставили ихъ во время совершенія Богослуженія поочередно въ алтарь, чтобы лучше показать и послѣ—объяснить порядокъ того или другого церковнаго Богослуженія, особенно же Божественной литургіи, что дѣтямъ весьма нравилось и производило доброе и глубокое впечатлѣніе, развивая и укрѣпляя религіозное чувство..." [1]).

Далѣе цитируемымъ отчетомъ отмѣчается, что—„утреннія молитвы во всѣхъ школахъ, а вечернія во многихъ, совершались каждодневно и неупустительно, въ присутствіи учителя или учительницы, а ча-

---

[1]) —idem—стр. 541—542.

сто и законоучителя; для удобства, учащіеся для молитвы выходили на средину класса и становились рядами; читали молитву очередные ученики старшаго или средняго отдѣленія, вездѣ при возженной предъ св. иконами лампадкѣ, которая оставлялась горѣть и на слѣдующемъ, непосредственно послѣ молитвы, урокѣ Закона Божія; масло пріобрѣталось на средства учащихся. Въ храмъ Божій учащіеся вездѣ ходили усердно и, по возможности, неупустительно во всѣ воскресные, праздничные и высокоторжественные дни и въ среды и пятницы Великаго поста къ преждеосвященнымъ литургіямъ" и т. д. — „Благодаря добрымъ и постояннымъ воспитательнымъ мѣрамъ и бдительности въ семъ отношеніи со стороны завѣдующихъ и учащихъ въ школахъ, какихъ-либо особенно неприглядныхъ явленій въ нравственномъ поведеніи учащихся и выдающихся предосудительныхъ выходокъ и проступковъ противъ школьной дисциплины и благоповеденія вообще не было, за самыми ничтожными исключеніями. Учащіеся, по отзыву самихъ родителей, а также и постороннихъ, о чемъ свидѣтельствуютъ приходскіе священники и завѣдующіе церковными школами, поступивъ въ школу, становятся скромнѣе, вѣжливѣе и послушнѣе, гораздо болѣе заботятся о порядкѣ и опрятности, избѣгаютъ ссоръ и дракъ, дурныхъ словъ, божбы и неприличной брани, даже нерѣдко стараются удаляться шумныхъ, пьяныхъ и нескромныхъ сборищъ и увеселеній. Подъ вліяніемъ школьнаго воспитанія въ духѣ и направленіи церковномъ, школьники охотнѣе ходятъ въ храмъ Божій, лучше и благоговѣйнѣе стоятъ здѣсь, стараются придти къ началу извѣстной службы, *а иногда, наканунѣ воскреснаго или праздничнаго дня, ночуютъ у церкви*, чтобы завтра быть при началѣ у богослуженія, — становятся далеко благороднѣе и почтительнѣе къ высшимъ и старшимъ, охотнѣе подходятъ и высоко цѣнятъ священническое благословеніе; замѣчается также, что школьники нерѣдко избѣгаютъ крестьянскихъ посидѣлокъ, далеко не всегда благообразныхъ и нравственныхъ, не слышно отъ учившихся въ церковной школѣ непозволительныхъ пѣсенъ и фабричныхъ, грязныхъ и соблазнительныхъ стишковъ и куплетиковъ, какіе нынѣ, къ сожалѣнію, можно слышать зачастую на улицахъ отъ молодежи, вмѣсто бытовыхъ и патріотическихъ пѣсенъ старины. Церковная школа замѣтно начинаетъ прививать къ своимъ питомцамъ расположеніе и любовь къ чтенію книгъ, особенно священныхъ, назидательныхъ и полезныхъ въ жизни, такъ что, по словамъ всѣхъ учащихъ, школьники и настоящіе, и уже нѣсколько лѣтъ оставившіе школу,—весьма охотно просятъ почитать хорошей книжки и берутъ, — гдѣ есть таковыя, въ школѣ или при церкви, даже нерѣдко предпочитая это занятіе различнымъ играмъ и забавамъ, чрезъ что у нихъ, естественно, рождается и разви-

вается любознательность, стремленіе къ знанію, способность къ болѣе свободной и правильной рѣчи и т. д.“ [1]).

Совершенно иной характеръ носитъ указаніе „обзора состоянія начальнаго народнаго образованія въ г. *Перми* и *Пермскомъ уѣздѣ* за 1901/2 учебный годъ“; здѣсь—„по Закону Божію, кромѣ неаккуратности въ посѣщеніи уроковъ, зависящей, главнымъ образомъ, отъ недостатка времени и многосложности пастырскихъ обязанностей у о.о. законоучителей, замѣчалось, что въ училищахъ мало обращено вниманія на сообщеніе учащимся перваго и второго отдѣленій основныхъ истинъ христіанской вѣры и нравоученія; у нѣкоторыхъ законоучителей уроки въ I и II отдѣленіяхъ дали только знанія молитвъ и немногихъ фактовъ изъ священной исторіи, преимущественно ветхозавѣтной. Рѣдко велись о.о. законоучителями нравственно-назидательныя задушевныя бесѣды съ учащимися. Отсюда объясняются такіе грустные факты, что ученикъ, бойко передающій текстъ заповѣдей, совершенно не можетъ оцѣнить съ христіанской точки зрѣнія обычныхъ проступковъ противъ нравственности; затрудняется различить въ заповѣдяхъ повелѣніе отъ запрещенія и проч.“ [2]).

Объ отношеніи законоучителей къ исполненію своихъ обязанностей и постановкѣ преподаванія Закона Божія въ *Орловской* губерніи дается рядъ интересныхъ указаній „Исторіей начальной школы въ Орловской губерніи“, основываясь на которыхъ составитель названной брошюры А. К. Рейнгардтъ приходитъ къ заключенію, что—„преподаваніе Закона Божія не подъ силу нашему духовенству, занятому другими, не менѣе важными обязанностями по исполненію всякаго рода требъ и другихъ обрядовъ“ [3]).

Въ *Херсонскомъ* губернскомъ земскомъ собраніи 1901 года при обсужденіи вопроса о предоставленіи права преподаванія Закона Божія учителямъ начальныхъ училищъ (собраніе постановило—соотвѣтствующее ходатайство возбудить) однимъ изъ гласныхъ было между прочимъ замѣчено, что—„у насъ въ уѣздѣ въ большинствѣ школъ преподаютъ Законъ Божій учителя. И при экзаменахъ оказывается, что тамъ, гдѣ Законъ Божій преподаютъ учителя, дѣло стоитъ нисколько не хуже, а во многихъ случаяхъ гораздо лучше, чѣмъ тамъ, гдѣ Законъ Божій преподаютъ священники. Священники не въ силахъ заниматься преподаваніемъ Закона Божія, такъ какъ они не имѣютъ свободнаго времени заниматься этимъ. Тамъ же, гдѣ дѣло преподаванія Закона Божія идетъ

---

[1]) —idem—стр. 547—548.

[2]) «Журн. Пермскаго уѣзд. земск. собр. сессіи 1902 г.»—стр. 431.

[3]) «Исторія начальн. школы въ Орловской губ.»; сост. А. К. Рейнгардъ; изд. Орловск. губ. земства. Орелъ—1897 г. Стр. 47.

смѣшанно, т. е., гдѣ Законъ Божій преподаетъ священникъ, а въ его отсутствіи учитель, тамъ ученики вовсе не знаютъ Закона Божія“ [1]).

Не согласующіяся по своему характеру указанія по разсматриваемому предмету встрѣчаются не только въ отзывахъ, относящихся къ различнымъ губерніямъ, но и въ данныхъ по уѣздамъ одной и той же губерніи. Такъ, напримѣръ, уѣздный наблюдатель церковно-приходскихъ школъ *Острогожскаго* уѣзда *Воронежской* губерніи, замѣчая въ своемъ отчетѣ за 1899—1900 годъ, что—„священникъ дверью крещенія вводитъ дѣтей въ церковь и ему одному принадлежитъ право ихъ духовнаго воспитанія“, что „педагогическая дѣятельность священника является лучшимъ дополненіемъ его священно-служительскихъ обязанностей, почему въ школахъ уѣзда, за самымъ незначительнымъ исключеніемъ, священники-завѣдывающіе состоятъ въ то же время и законоучителями“,—вмѣстѣ съ тѣмъ констатируетъ, что „по усердію и успѣхамъ дѣятельности въ постановкѣ церковно-школьнаго дѣла о.о. завѣдывающіе должны быть подраздѣлены на двѣ категоріи. Одни сознаютъ вполнѣ свой долгъ и обязанность по отношенію къ дѣлу церовно-школьнаго обученія народа и дѣлаютъ все зависящее отъ нихъ для развитія и улучшенія этого дѣла; другіе, полагая, что школа стоитъ внѣ круга ихъ пастырской дѣятельности, считаютъ возложенныя на нихъ обязанности излишнимъ бременемъ, а подчасъ даже тяжелымъ гнетомъ. Къ счастію, оговаривается составитель отчета, таковыхъ самый незначительный процентъ, такъ что это печальное явленіе остается почти безъ вліянія на ходъ дѣла въ уѣздѣ“ [2]). И дѣйствительно, г. инспекторъ народныхъ училищъ того же уѣзда въ своемъ сообщеніи о состояніи начальныхъ школъ въ упомянутомъ выше году утверждаетъ, что результаты обученія Закону Божію, повидимому, не оставляютъ желать большаго: „встрѣчая окончившихъ курсъ при посѣщеніи училищъ, инспектору случалось убѣждаться, что они, забывая подробности, существенное изъ пройденнаго помнятъ и знаютъ, стараются закрѣпить и уяснить свои свѣдѣнія и дорожатъ школою, воспитавшею ихъ въ духѣ ученія Христа Спасителя, любви и преданности къ царю и отечеству“ [3]).

Иной характеръ носятъ указанія „Отчета о состояніи начальныхъ училищъ г. *Воронежа* и *Воронежскаго* уѣзда за 1899 годъ“, изъ которыхъ явствуетъ, что священники, считающіе законоучительство „излишнимъ бременемъ, а подчасъ даже тяжелымъ гнетомъ“, встрѣчаются здѣсь далеко не такъ рѣдко, какъ это говорится въ выше-цитированномъ сообщеніи. Вотъ что читаемъ мы въ томъ отдѣлѣ только что

---

[1]) «Херсонск. губ. земск. собр. 12—22 ноября 1901 г.». Стр. 99.

[2]) «Постанов. Острогожск. уѣзд. земск. собр. сессіи 1900 г.». Стр. 243—244.

[3]) Idem. Стр. 249—250.

названнаго отчета, который посвященъ описанію „состоянія учебно-воспитательной части“ школъ Воронежскаго уѣзда: „состояніе предметовъ Закона Божія относительно выполненія программы по этому предмету, въ формальномъ и количественномъ отношеніи, не всегда соотвѣтствуетъ важности Закона Божія въ начальной школѣ. Преподаватели Закона Божія нерѣдко мало руководствуются соотвѣтственной программой и объяснительной запиской. Ученики младшаго отдѣленія въ нѣкоторыхъ училищахъ остаются совсѣмъ безъ наученія и руководства законоучителей или же занятія съ ними начинаются тогда, когда они научатся грамотѣ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ ученики, обыкновенно, учатъ по книгѣ молитвы, безъ всякаго объясненія законоучителемъ значенія словъ и выраженій. Въ противность объяснительной запискѣ, нѣкоторые законоучители сознательно держатся такого пріема, полагая, что дѣтскому уму недоступно объясненіе молитвъ. Но опытъ другихъ законоучителей опровергаетъ такое убѣжденіе. Слѣдствіемъ неправильныхъ взглядовъ по вопросу о преподаваніи Закона Божія въ младшемъ отдѣленіи и недостаточности усердія законоучителей замѣчается нерѣдко прискорбное явленіе: ученики младшаго отдѣленія часто не имѣютъ основныхъ религіозныхъ понятій, какъ-то: о единствѣ и другихъ свойствахъ Божіихъ, о Пресвятой Троицѣ, о значеніи крестнаго перстосложенія. Молитвы иногда не объясняются даже и въ среднемъ отдѣленіи, почему ученики извращаютъ слова изученныхъ наизусть молитвъ. Курсъ *средняго отдѣленія* нѣкоторые законоучители ограничиваютъ изученіемъ священной исторіи Ветхаго Завѣта, или же продолжаютъ изученіе молитвъ, а священную исторію переносятъ въ *старшее* отдѣленіе. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ средніе иногда слушаютъ уроки Закона Божія вмѣстѣ со старшими. Въ томъ и другомъ случаѣ ученики часто усвоиваютъ событія священной исторіи слово въ слово по учебнику, и не умѣютъ разсказать своими словами урокъ, если позабыли порядокъ затвержденныхъ словъ. При такомъ механическомъ усвоеніи событій священной исторіи ученики путаютъ лица и событія, не различая Ветхаго и Новаго Завѣта и не понимая ихъ соотношенія. И даже старшіе иногда не понимаютъ содержанія молитвъ, грубо ошибаются въ ученіи о св. Троицѣ, понимая Троичность лицъ въ Богѣ, какъ многобожіе, или не отличая ипостась лицъ св. Троицы. Но въ большей части училищъ старшее отдѣленіе поставлено удовлетворительно, потому что законоучители преимущественно съ нимъ занимаются, имѣя въ виду практическую цѣль—благополучно сдать старшихъ на выпускномъ испытаніи. Все вниманіе многіе законоучители сосредоточиваютъ на старшемъ отдѣленіи, а прочія остаются въ тѣни; положенное программой для младшаго и средняго отдѣленія, такимъ образомъ, не проходится, а по необходимости переносится въ

старшее отдѣленіе; здѣсь спѣшатъ прежде всего пройти катехизисъ, потомъ принимаются за изученіе священной исторіи; отдѣлъ о богослуженіи проходятъ обыкновенно поверхностно за неимѣніемъ времени. Такимъ образомъ нарушается взаимное отношеніе частей курса Закона Божія, который и усвоивается въ старшемъ отдѣленіи не совсѣмъ основательно; а ученики младшаго и средняго отдѣленія, если не кончаютъ курса, выходятъ изъ училища съ весьма ограниченными свѣдѣніями въ Законѣ Божіемъ. Цѣнныя указанія объяснительной записки многіе законоучителя не осуществляютъ, или не понимая ихъ, или не желая въ должной мѣрѣ потрудиться. Такъ, самое элементарное требованіе объяснительной записки относительно внятнаго и раздѣльнаго чтенія молитвъ во многихъ училищахъ не исполняется, не говоря о высшемъ требованіи—молитвенномъ расположеніи, соединяемомъ съ произношеніемъ молитвъ. Отвѣтственность законоучителей за ненадлежащую постановку предметовъ Закона Божія въ начальныхъ народныхъ училищахъ вытекаетъ изъ того, что въ извѣстной части училищъ преподаваніе Закона Божія ведется соотвѣтственно требованіямъ программы и объяснительной записки, и достигаются отличные или хорошіе успѣхи при однихъ и тѣхъ же общихъ условіяхъ“ [1]). Касаясь принятыхъ *медотовъ* преподаванія, отчетъ отмѣчаетъ, что „не всѣ законоучители слѣдуютъ методу и пріемамъ преподаванія *Закона Божія*, указаннымъ въ объяснительной запискѣ къ дѣйствующей программѣ этого предмета. Во многихъ училищахъ занятія по Закону Божію ведутся безъ всякаго отношенія къ какому-либо опредѣленному методу, и состоятъ изъ простого задаванія уроковъ по учебнику, буквальнаго заучиванія ихъ дома учениками и простого переспрашиванія въ классѣ законоучителемъ. Въ лучшемъ случаѣ, законоучитель разскажетъ сокращенно новый урокъ, держась близко принятаго учебника какъ въ отношеніи расположенія матеріала, такъ и языка...“ „Вообще же,—заканчиваетъ свои замѣчанія по данному предмету цитируемый отчетъ,—религіозно-нравственное состояніе въ тѣхъ училищахъ выше, гдѣ законоучитель, имѣя надлежащія къ тому силы, принимаетъ близкое и сердечное участіе въ дѣлахъ училища, не отдѣляя свое попеченіе о религіозно-нравственномъ преуспѣяніи старшихъ пасомыхъ отъ попеченія о дѣтяхъ. Но, къ прискорбію, такихъ примѣровъ мало“ [2]).

Въ *Новосильскомъ* уѣздѣ *Тульской* губерніи, по словамъ отчета за $189^{7}/_{8}$ учебный годъ,—„Законъ Божій занимаетъ первое мѣсто среди другихъ предметовъ въ земской школѣ: „Честь нужно отдать нашимъ учащимъ,—говоритъ членъ училищнаго совѣта г. Мачаваріани,— что

---

[1]) «Постанов. Воронеж. оч. уѣзд. зем. собр. сессіи 1900 г.». Стр. 358—359.

[2]) Idem. Стр. 366—368.

учащіе обращаютъ вниманіе на Законъ Божій и успѣхами по сему предмету я всегда былъ доволенъ въ нашемъ уѣздѣ". По словамъ того же г. Мачаваріани,—„учащіе обращаютъ слишкомъ большое вниманіе по Закону Божію и расширяютъ программу по сему предмету въ ущербъ другимъ предметамъ" [1]). Повидимому не менѣе высоко стоитъ преподаваніе Закона Божія въ школахъ *Алексинскаго* уѣзда той же губерніи, гдѣ—„религіозно-нравственное воспитаніе учащихся,— по словамъ отчета училищнаго совѣта,—заключалось въ слѣдующемъ: законоучители, преподавая Законъ Божій, дѣлали нравственный выводъ изъ него и затѣмъ бесѣдами, наставленіями и поученіями достигали религіозно-нравственнаго значенія школы" [2]). Иное говорится въ „Докладѣ по состоянію земскихъ училищъ *Каширскаго* уѣзда Тульской губерніи", гдѣ по Закону Божію,—„этому краеугольному камню всего просвѣщенія въ рѣдкихъ школахъ имѣются необходимыя свѣдѣнія, и жалобы на это приходится повторять всегда" [3]).

Приведенныхъ данныхъ, полагаемъ, вполнѣ достаточно, чтобы видѣть, насколько разнообразныя, разнохарактерныя указанія даются печатными отзывами о постановкѣ преподаванія Закона Божія въ начальныхъ народныхъ школахъ.

Что въ частныхъ случаяхъ, когда описываются успѣхи отдѣльныхъ школъ,—по каждой изъ нихъ даются самыя разнообразныя характеристики постановки предмета Закона Божія, это вполнѣ понятно, такъ какъ успѣшность преподаванія названнаго предмета *въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ* опредѣляется самыми разнообразными условіями; наоборотъ, существенная разница приведенныхъ выше характеристикъ *погубернскихъ и поуѣздныхъ* представляется малообъяснимою въ виду указаннаго уже обстоятельства,—что преподаваніе въ народныхъ школахъ Закона Божія, болѣе чѣмъ какого-либо другого предмета изученія, поставлено въ сходныя условія. Въ самомъ дѣлѣ, ни въ программныхъ требованіяхъ, ни въ образовательномъ уровнѣ законоучителей, ни въ ихъ педагогической подготовкѣ и характерѣ отношенія къ преподаванію даннаго предмета,—какъ это было уже просказано выше,—школьное дѣло особыхъ губерній или уѣздовъ замѣтно не различается; если же, не смотря на это, отдѣльными лицами или учрежденіями даются совершенно противоположные отзывы о поуѣздной или погубернской постановкѣ преподаванія предмета Закона Божія, то отсюда само собою возникаетъ предположеніе, что такая разница скорѣе всего объясняется особенностями взгляда по данному предмету этихъ именно,

---

[1]) «Краткій очеркъ о состояніи земск. уч. Тульск. губ. въ $189^{7}/_{8}$ и $189^{8}/_{9}$ г.»— стр. 17.

[2]) «Кратк. очеркъ о сост. зем. уч. Тульск. губ. въ 1899—1900 г.» стр. 21.

[3]) Idem, стр. 22.

представляющихъ свои отзывы, лицъ и учрежденій. А что такая разница можетъ существовать и въ дѣйствительности наблюдается,—въ высокой степени доказательный примѣръ этого дается сопоставленіемъ нѣкоторыхъ указаній „Правилъ и программъ для церковно-приходскихъ школъ“—съ одной стороны и „Примѣрныхъ программъ предметовъ, преподаваемыхъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія“—съ другой.

Вотъ что, напримѣръ, въ первой изъ этихъ „программъ“ говорится относительно „изученія молитвъ“: „Дѣти должны усвоить себѣ благочестивый навыкъ къ молитвѣ, чтобы молитва сдѣлалась насущною потребностью ихъ души и они чувствовали себя неспокойными, не исполнивъ ея долга. Для сего представляется нужнымъ пріучить дѣтей къ ежедневному, строго для нихъ обязательному исполненію молитвы въ извѣстное время, по извѣстному узаконенному правилу“.... „Программа“ не видитъ недостатка въ томъ,—„что это дѣйствіе дѣтей будетъ вначалѣ нѣсколько какъ бы механическимъ.... Пусть ребенокъ еще не понимаетъ молитвъ; важно то, что онъ молитву считаетъ долгомъ, который непремѣнно долженъ исполнить утромъ и вечеромъ, при начатіи и окончаніи дѣла, передъ обѣдомъ и послѣ него и т. п.“ При заучиваніи молитвъ дѣтьми, имъ, по предложенію „Программы“, должно быть сообщено только „буквальное значеніе непонятныхъ славянскихъ словъ и оборотовъ, встрѣчающихся въ той или другой молитвѣ. Истолкованіе же внутренняго глубокаго смысла молитвъ должно быть ведено въ уровень съ ихъ общимъ наставленіемъ въ Законѣ Божіемъ. Наставникъ терпѣливо долженъ ждать времени, когда можетъ ввести дѣтей въ полное, по ихъ возможности, разумѣніе той и другой молитвы“ [1]), т. е. замѣтимъ мы отъ себя, откладывая объясненіе нѣкоторыхъ изучаемыхъ молитвъ до слѣдующаго года.

Иное читаемъ мы въ изданной министерствомъ брошюрѣ, содержащей „Примѣрныя программы предметовъ, преподаваемыхъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ“. Не смотря на то, что объемъ требованій, т. е. самыя программы по предмету Закона Божія, въ сопоставляемыхъ изданіяхъ дословно одинаковы,—вотъ что говорится въ „Объяснительной запискѣ къ программѣ по Закону Божію“, помѣщенной въ „Примѣрныхъ программахъ“:—„При изученіи *молитвъ* преподаватель долженъ стараться не о томъ только, чтобы дѣти затвердили слова молитвы и поняли внѣшній, такъ сказать, смыслъ ихъ, а о томъ, чтобы вызвать изъ сердца дѣтей тѣ молитвенныя расположенія, для которыхъ слова молитвы служатъ выраженіемъ. Желательно, чтобы объясненіе молитвъ

---

[1]) «Правила и программы для церк.-приход. школъ и школъ грамоты», стр. 62—63; изд. 3-е; Спб. 1898 г.

не имѣло даже вида урока, а было пастырской бесѣдой съ дѣтьми о душевныхъ ихъ нуждахъ, стремленіяхъ, вѣрованіяхъ, которыя находятъ въ молитвѣ самое естественное себѣ выраженіе". Далѣе, касаясь пріемовъ преподаванія, „Объяснительная записка указываетъ, что—„каждой объясняемой молитвѣ должна предшествовать бесѣда преподавателя, которая вводила бы ребенка во внутреннее содержаніе молитвы, такъ, чтобы объясняемая молитва вытекала изъ этой бесѣды, какъ естественное слѣдствіе. Предметомъ такой бесѣды можетъ служить или бытовой разсказъ изъ жизни дѣтей и семьи, или повѣствованіе изъ свящ. исторіи и жизни св. угодниковъ Божіихъ" [1]).

Но если такова разница во взглядахъ, приводимыхъ упомянутыми оффиціальными изданіями,—то какъ же не допустить со стороны такихъ лицъ и учрежденій, какъ напримѣръ, училищныхъ совѣтовъ и ихъ членовъ, инспекторовъ народныхъ училищъ, земскихъ управъ и т. д., т. е. учрежденій и лицъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ народной школѣ, возможности не менѣе разнохарактерныхъ требованій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разницы въ оцѣнкѣ хотя бы и сходной постановки и одинаковыхъ успѣховъ преподаванія даннаго предмета въ разныхъ губерніяхъ, уѣздахъ и даже школахъ.

Однако какъ ни разнорѣчивы указанія печатнаго матеріала относительно постановки преподаванія Закона Божія въ народныхъ школахъ,—данныя эти позволяютъ сдѣлать то заключеніе, что если не во всѣхъ, то въ значительномъ числѣ школъ трудъ по усвоенію учащимися даннаго учебнаго предмета распредѣленъ на три года далеко не равномѣрно, и это не потому, чтобы такая неравномѣрность соотвѣтствовала требованіямъ оффиціальной программы: въ старшемъ отдѣленіи учащимся приходится заниматься усиленно главнѣйшимъ образомъ потому, что здѣсь должны быть покрыты всѣ тѣ недочеты по усвоенію даннаго предмета, которые накопились въ предыдущихъ отдѣленіяхъ; наименѣе же удовлетворительнымъ сравнительно чаще является младшее отдѣленіе. Такой недостатокъ, какъ это можно было замѣтить и изъ приведенныхъ выше отзывовъ, обычно объясняется тѣмъ, что усиленныя занятія законоучителя въ старшемъ отдѣленіи соотвѣтствуютъ желанію „показать товаръ лицомъ" на выпускномъ экзаменѣ, опредѣляющемъ въ большинствѣ случаевъ и общую оцѣнку труда преподавателей. Однако, если принять во вниманіе, что законоучитель въ своихъ отношеніяхъ къ школьному начальству поставленъ, сравнительно, въ мало зависимое положеніе, тѣмъ болѣе, что школа даетъ законоучителю только добавочный и притомъ очень небольшой заработокъ, то нельзя будетъ не допустить, что указанный недостатокъ постановки

[1]) «Примѣрныя программы предметовъ»... стр. 12 и 14.

преподаванія Закона Божія едва-ли объясняется однимъ только изложеннымъ предположеніемъ.

Дѣйствительно,—всматриваясь въ различныя условія постановки въ начальныхъ школахъ преподаванія даннаго предмета, нельзя не замѣтить, что для того, чтобы вести обученіе такъ, какъ это требуется цитированною выше „Объяснительною запискою", приложенною къ примѣрной программѣ Закона Божія,—надо имѣть недюжинныя педагогическія способности или педагогическое умѣнье. Требовать же этого отъ всѣхъ, или даже отъ большинства законоучителей нельзя, тѣмъ болѣе, что по отзыву одного изъ нихъ—„духовные семинаристы—плохіе педагоги. Семинарія производитъ, быть можетъ, хорошихъ ремесленниковъ, священниковъ, но совсѣмъ плохихъ воспитателей и учителей, хотя въ числѣ многочисленныхъ учебныхъ предметовъ ея и заключается предметъ, именуемый „педагогіей", de facto же съ этою областью насъ совсѣмъ не знакомятъ; у насъ, напримѣръ, вся *педагогика* сводилась къ усвоенію дидактическихъ пріемовъ и ограничивалась знакомствомъ съ школоведеніемъ, дидактика же практически преподавалась въ образцовой церковно-приходской школѣ. Психологія, наука крайне важная для педагога, сообщалась въ сухомъ катехизическомъ видѣ и усвоеніе абстрактныхъ понятій и формъ основывалось на зубристикѣ. Сообразно такому узкому развитію, и міръ дѣтей представлялся намъ обобщеннымъ въ одну кучу однородныхъ по душѣ и уму индивидуумовъ, управлять которыми можно съ помощью заученныхъ нами дидактическихъ пріемовъ. Съ литературой по педагогіи мы были совсѣмъ незнакомы, съ извѣстными педагогами были знакомы только по наслышкѣ, а педагогическія книги насъ поэтому и мало интересовали. Какіе же учителя могли изъ насъ выйти? Педанты, сухіе схоластики и формалисты, мало чѣмъ отличающіеся отъ дореформенныхъ капраловъ и дьячковъ, насаждавшихъ образованіе розгой и страхомъ... Не погрѣшу, если скажу, что законоучители народныхъ школъ, какъ продуктъ семинарской, плохо обставленной постановки учебно-воспитательнаго дѣла,—плохіе воспитатели и учители въ современной школѣ; исключенія, несомнѣнно, есть, но они лишь подтверждаютъ общее злополучіе" [1]).

Имѣющіяся данныя въ достаточной мѣрѣ подтверждаютъ только что переданное замѣчаніе и свидѣтельствуютъ, что случаи усвоенія учениками только „на память" переданнаго на урокахъ Закона Божія далеко не рѣдки. А между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что усвоеніе непонятаго, или хотя бы не вполнѣ понятаго учащимися, такъ назы-

---

[1]) «Вѣстн. Воспитанія № VI, 1899 г., ст. «Тѣлесныя наказанія въ народн. школахъ», стр. 136.

ваемая „зубристика“, во всякомъ случаѣ не можетъ быть признана допустимою, такъ какъ можетъ имѣть своимъ слѣдствіемъ безразличное отношеніе къ механически усвоенному, что, конечно, не желательно въ интересахъ учащихся. Если же это такъ, то представляется безусловно необходимымъ, не откладывая далѣе, озаботиться о болѣе раціональной постановкѣ преподаванія Закона Божія въ народныхъ школахъ; прежде же всего, въ виду существенной важности даннаго вопроса, должно быть возможно детальнѣе выяснено, въ какой мѣрѣ отвѣчающею своей задачѣ можетъ быть признана современная постановка преподаванія въ начальныхъ школахъ Закона Божія и какъ должна быть она организована, чтобы въ должной мѣрѣ отвѣчать интересамъ учащихся и важности изучаемаго предмета?

III.

Относительно постановки преподаванія въ земскихъ школахъ Московской губерніи *„церковно-славянской грамоты“*, пользуясь докладами уѣздныхъ земскихъ управъ и училищныхъ совѣтовъ, можно, повидимому, сдѣлать только то общее заключеніе, что результаты преподаванія названнаго предмета вообще—„хороши“. Къ сожалѣнію, имѣющійся печатный матеріалъ не представляетъ въ данномъ случаѣ почти никакихъ указаній относительно того, чѣмъ же обусловливается такая высокая оцѣнка успѣховъ учениковъ въ изученіи названнаго предмета; и только Волоколамскій училищный совѣтъ въ докладѣ своемъ уѣздному земскому собранію 1898 года замѣчаетъ, что—„выдѣляющая успѣшность по славянскому языку имѣетъ свои основанія въ томъ, что требованія, предъявляемыя къ познаніямъ славянскаго языка далеко не такъ строги, какъ предъявляемыя къ другимъ предметамъ: чтеніе славянскаго письма и переводъ прочитаннаго—вотъ все, что требуется отъ учениковъ“....

Дѣйствительно, согласно требованіямъ изданныхъ въ 1897 г.—„Примѣрныхъ программъ предметовъ, преподаваемыхъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія“,—учителю вмѣняется въ обязанность „пріучить“ дѣтей къ церковно-славянскому чтенію—„правильному, раздѣльному и внятному, съ точнымъ произношеніемъ славянскихъ буквъ, безъ всякаго уклоненія ихъ звука, а также съ соблюденіемъ ударенія и знаковъ препинанія“, Чтобы не сдѣлать чтеніе церковно-славянскаго текста „чисто механическимъ“, цитируемая „объяснительная записка къ программѣ церковно-славян-

ской грамоты", предлагаетъ при чтеніи обращать вниманіе „на значеніе простѣйшихъ словъ и выраженій", не требуя, однако,—„объясненія всего содержанія читаемаго". Предполагается, очевидно, что такого рода объясненія излишни: „уразумѣніе церковныхъ текстовъ достигается учащимися постепенно, по мѣрѣ пріобрѣтенія знанія священной исторіи и истинъ вѣры, а также по мѣрѣ умственнаго развитія", т.-е., повидимому, уже за стѣнами школы.

Однако не умѣнье правильно читать ставится главною задачею преподаванія даннаго предмета: *„паче всего,*—говорится въ объяснительной запискѣ,— славянское чтеніе должно быть благоговѣйное и молитвенное; при чтеніи этомъ *„главная забота* должна быть посвящена религіозно-воспитательной задачѣ, и посему *главною цѣлію* церковно-славянскаго чтенія поставляется духовное назиданіе и воспитаніе въ дѣтяхъ молитвеннаго духа и вообще молитвеннаго настроенія".

Такимъ образомъ „объяснительною запискою" ставится требованіе, согласно которому—при чтеніи славянскаго, хотя-бы и недостаточно объясненнаго текста учащимися, у нихъ должны быть вызваны и поддержаны какъ молитвенное и благоговѣйное настроеніе, такъ и стараніе точно произносить слова, соблюдать ударенія и т. д.; въ какой мѣрѣ одновременное выполненіе указанныхъ требованій осуществимо въ дѣйствительности,—очевидно само собою; ясно и то, почему на экзаменахъ по славянскому чтенію подвергается оцѣнкѣ исключительно только внѣшняя сторона этого чтенія и буквальная точность перевода: требовать большаго,—сознательнаго отношенія къ содержанію прочитаннаго по-славянски текста,—значило бы выдти изъ границъ, опредѣленныхъ названною программою „церковно-славянской грамоты".

А между тѣмъ положеніе,—что всякое чтеніе прежде всего должно быть совершенно сознательнымъ,—представляетъ собою аксіому методики; что же касается, въ частности, чтенія по-славянски, то вотъ что, напримѣръ, по этому поводу говоритъ г. Миропольскій, педагогъ, съ особою заботливостью относящійся къ религіозно-нравственному направленію школьнаго обученія: „Задачею обученія церковной грамотѣ должна быть *сознательность* чтенія; не одно только *чтеніе*, но и разумѣніе церковной грамоты, или обстоятельнѣе: обученіе церковной грамотѣ должно прежде всего сдѣлать сознательною молитву ребенка; далѣе, она должна сдѣлать понятнымъ ему наше церковное богослуженіе; наконецъ она должна сдѣлать разумнымъ всякое чтеніе религіозное, „божественное", столь любимое народомъ, столь благодѣтельственное въ отношеніи нравственномъ". Развивая далѣе изложенную мысль г. Миропольскій замѣчаетъ, что—„религіозное чувство, чувство совѣсти становится вполнѣ плодотворнымъ и живымъ, вліяющимъ на жизнь только тогда, когда оно становится *сознательнымъ* (курсивы—

дитируемаго автора). Мало *чувствовать*, нужно *знать*,—знать, какъ жить, какъ вести себя, какъ избѣгать зла. Только такое обученіе дѣлаетъ человѣка вполнѣ сознательнымъ членомъ церкви"[1]) и т. д.

Соглашаясь съ только что изложеннымъ мнѣніемъ относительно постановки преподаванія славянскаго чтенія, вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя однако не видѣть, что соотвѣтствующія требованія если и должны быть предъявлены къ постановкѣ изучаемаго предмета, они, тѣмъ не менѣе, не могутъ быть предложены для руководства учителю современной школы; дѣло въ томъ, что если бы даже свобода этого учителя въ дѣлѣ обученія славянскому чтенію и не ограничивалась никакою программою, изложенныя требованія не могли бы быть имъ исполнены въ указанной мѣрѣ по многимъ причинамъ, а въ частности, какъ это видно будетъ изъ дальнѣйшаго, и по недостатку времени.

Если же принять во вниманіе выраженное „объяснительною запискою" къ программѣ указаніе, что—„по своей задачѣ и по духу преподаванія церковно-славянская грамота должна примыкать къ Закону Божію, какъ ближайшее пособіе для него",—то достаточно обоснованнымъ представится высказанное въ нѣкоторыхъ учительскихъ сообщеніяхъ пожеланіе, чтобы—„уроки церковно-славянскаго чтенія велись въ школѣ не учителемъ, а законоучителемъ". То же пожеланіе выражено было, какъ извѣстно, и на бывшемъ въ 1901 г. съѣздѣ учителей Московскаго уѣзда[2]).

IV.

Въ помѣщенномъ въ „Статистическомъ Ежегодникѣ" за 1894 годъ приложеніи къ отчету по школамъ за $189^3/_4$ учебный годъ представлены были нѣкоторыя данныя, характеризующія внутреннюю педагогическую сторону постановки въ губерніи школьнаго дѣла. Собранный тогда матеріалъ позволилъ придти къ заключенію,—„что, согласно установившимся требованіямъ, въ начальныхъ народныхъ училищахъ Московской губерніи болѣе всего обращается вниманія и особенно много тратится труда на то, чтобы научить дѣтей грамматически правильно писать и рѣшать ариѳметическія задачи... И хотя,—говорилось далѣе въ той же брошюрѣ,—въ имѣющемся матеріалѣ и даются указанія на то, что въ нѣкоторыхъ (повидимому—очень немногихъ) земскихъ школахъ губерніи ведется довольно систематичный курсъ по родино-

---

[1]) С. Миропольскій.—«Обученіе грамотѣ», изд. 3-е; С.П.Б. 1881 г. стр. 198—199.

[2]) «Прилож. къ докладу № 43» Московской уѣздной земской управы собранію 1901 г., стр. 21 и 59; доклады учителей г.г. В. Я. Голубева и И. Ф. Щухвастова.

вѣдѣнію и міровѣдѣнію;—зато съ другой стороны въ томъ же матеріалѣ находятся и такія сообщенія преподавателей, которыя заставляютъ предполагать, что есть не малое число земскихъ школъ, гдѣ вниманіе и трудъ преподавателей обращены исключительно на „изученіе языка“; это преимущественно тѣ школы, гдѣ недостатокъ учебныхъ пособій, бѣдность обстановки, отсутствіе библіотеки для внѣкласснаго чтенія, строгость экзаменаціонныхъ требованій — дѣлаютъ крайне тяжелымъ трудъ учителя, который нерѣдко отлично знаетъ, что именно должна бы дать школа ученикамъ, и, тѣмъ не менѣе, не имѣетъ ни возможности, ни времени — сообщить ученикамъ знанія, не упомянутыя въ обязательной программѣ“... Но, — говорилось тогда,—какъ тѣ, такъ и другія изъ только что названныхъ школъ представляютъ собою только меньшинство общаго состава народныхъ школъ; въ большинствѣ же ихъ задачею преподаванія предмета, входящаго въ программу подъ общимъ опредѣленіемъ „русскаго языка“, ставилось, такъ же, какъ ставится и теперь, не только пріобрѣтеніе умѣнья удовлетворительно читать и писать, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ возможности, и полученіе, при помощи чтенія, полезныхъ для ученика знаній; и вотъ почему передача свѣдѣній изъ исторіи, географіи, и вообще предметовъ міровѣдѣнія, не составлявшихъ особыхъ предметовъ преподаванія въ начальной школѣ, признавалась безусловно желательною.

Существеннымъ фактомъ школьной жизни за послѣднія 10 лѣтъ было, безъ сомнѣнія, введеніе утвержденныхъ 7 февраля 1897 года Министромъ народнаго просвѣщенія „Примѣрныхъ программъ“, вызвавшихъ, какъ извѣстно, самые разнообразные отзывы въ печати. Въ представленномъ губернскому земскому собранію 1898 года докладѣ членовъ Московскаго губернскаго училищнаго совѣта отъ земства — „О состояніи земскихъ училищъ Московской губерніи въ 1897 году“— между прочимъ отмѣчалось, что—„примѣрныя программы, заключая въ себѣ указанія лишь на „наименьшій объемъ свѣдѣній“, установляемый для начальныхъ училищъ, представляютъ, какъ инспекторамъ училищъ, такъ и преподавателямъ, по соглашенію съ законоучителями, нѣкоторый просторъ преподаванія. Къ программѣ по каждому предмету обученія приложена, какъ извѣстно, „объяснительная записка“, въ которой опредѣляется *задача* начальной школы по этому предмету, въ смыслѣ того объема знаній, котораго должно достигать преподаваніе. Далѣе цитируемымъ докладомъ указывалось, что въ упомянутой „запискѣ“ по предмету родного языка—„объяснено, что доведеніе учениковъ до вполнѣ свободнаго и осмысленнаго чтенія и самостоятельнаго связнаго пересказа“ прочитаннаго должно происходить при помощи постояннаго упражненія непосредственно подъ руководствомъ учителей, при чемъ сдѣлано такое важное дополненіе: „введеніе въ учебный курсъ

свѣдѣній изъ грамматики имѣетъ главною цѣлью облегчить учителю объясненіе, а ученикамъ запоминаніе важнѣйшихъ правилъ правописанія. Свѣдѣнія эти должны сообщаться въ самомъ элементарномъ объемѣ, безъ излишнихъ подробностей, при чемъ не слѣдуетъ, однако, избѣгать общепринятыхъ грамматическихъ терминовъ". Это дополнительное разъясненіе,—говорилось въ докладѣ членовъ училищнаго совѣта,—затрогиваетъ одинъ изъ самыхъ коренныхъ недостатковъ преподаванія русскаго языка въ начальныхъ училищахъ и обнаруживаетъ доброе желаніе избѣгнуть существующаго нынѣ увлеченія сообщеніемъ учащимся многихъ грамматическихъ тонкостей, весьма обременяющихъ дѣтей и отвлекающихъ самихъ преподавателей отъ достиженія общаго развитія ихъ посредствомъ чтенія разрѣшенныхъ министерствомъ руководствъ и книгъ для чтенія. Но насколько поставленная выше цѣль —доведеніе ученика до вполнѣ „свободнаго и осмысленнаго чтенія и самостоятельнаго свободнаго пересказа" прочитаннаго — достижима въ дѣйствительности при рекомендуемомъ способѣ преподаванія грамматики,—остается пока вопросомъ".

Къ изложенному не лишнимъ будетъ добавить, что „объяснительною запиской" къ утвержденной министерствомъ „программѣ русскаго языка" отмѣчалось также, что въ начальной школѣ,—„кромѣ статей религіозно-нравственнаго содержанія и относящихся къ изящной словесности, должны быть читаемы статьи по исторіи и географіи Россіи, какъ содѣйствующія развитію въ дѣтяхъ патріотизма и ознакомленію съ родиной, статьи по естествовѣдѣнію, имѣющія отношеніе къ сельскому хозяйству, по гигіенѣ и другія дѣловыя статьи, помѣщенныя въ классной хрестоматіи". Вмѣстѣ съ тѣмъ „запискою" ставилось на видъ, что — „при объясненіи статьи учителю не слѣдуетъ увлекаться желаніемъ дѣлиться съ дѣтьми всѣми свѣдѣніями, которыя онъ самъ имѣетъ о данномъ предметѣ; онъ долженъ сообщать, если это требуется въ видахъ лучшаго разъясненія статьи, только самое необходимое, избѣгая многословія и не удаляясь отъ читаемаго текста: необходимо постоянно имѣть въ виду какъ малый возрастъ учениковъ, такъ и краткость учебнаго курса, обязывающаго дорожить каждымъ часомъ классныхъ занятій".

Довольно подробная характеристика „Примѣрныхъ программъ" дана была затѣмъ „Докладомъ по народному образованію" Подольской уѣздной земской управы собранію 1901 года: въ докладѣ этомъ просказывалось, что „министерская программа главной задачей начальной народной школы ставитъ не изученіе грамматики, а доведеніе ученика „до свободнаго и осмысленнаго чтенія и самостоятельнаго свободнаго пересказа и письменнаго изложенія наиболѣе выдающихся разсказовъ". Но, говорилось по этому поводу въ докладѣ уѣздной

управы,—„такихъ школъ, которыя всецѣло выполнили бы программу министерства по русскому языку, къ сожалѣнію, еще крайне мало. Весьма естественно, что переходъ отъ прежняго метода преподаванія, т. е. отъ сухого изученія грамматики, разбора и диктанта къ живому преподаванію слова, гдѣ на первомъ планѣ стоитъ развитіе мышленія, свободное и толковое чтеніе, правильная передача, какъ устно, такъ и письменно, не только прочитаннаго, но и видѣннаго и окружающаго, переходъ этотъ не только совершается медленно и постепенно, но для нѣкоторыхъ учителей, быть можетъ, и трудно выполнимъ. Старый учитель, отъ котораго много лѣтъ требовали и въ программахъ и на экзаменахъ правильнаго разбора, правильнаго письма, строго заученныхъ грамматическихъ правилъ не могъ, не имѣлъ ни силъ, ни времени освоиться съ новыми требованіями, а молодежь, лишенная и опыта, и извѣстной подготовки, была не въ состояніи толково усвоить и провести въ жизнь новыя требованія“.

Однако рутинность преподаванія, какъ это отмѣчалось тѣмъ же докладомъ Подольской земской управы, составляетъ вину не однихъ только учителей и учительницъ; въ данномъ случаѣ сказывается вліяніе и иного существеннаго фактора постановки школьнаго дѣла: характера экзаменаціонныхъ требованій. „И дѣло проподаванія еще долго будетъ стоять на прежнемъ уровнѣ,—говорилось въ томъ же докладѣ уѣздной управы,—пока, съ одной стороны, не измѣнятъ въ корень экзаменаціонныхъ требованій, съ другой стороны,— пока сами экзаменаторы не отрѣшатся отъ прежнихъ взглядовъ и вмѣсто подробныхъ свѣдѣній по грамматикѣ будутъ требовать толковое изложеніе прочитаннаго устно и письменно. Время, затраченное на зазубриваніе грамматическихъ правилъ, къ слову сказать, быстро улетучивающихся изъ памяти, будетъ тогда употреблено на классныя чтенія и объясненія; тогда найдется время на прочтеніе и усвоеніе свѣдѣній и по географіи и по отечественной исторіи, и по естествовѣдѣнію, а грамматика съ разборами и диктантомъ будетъ лишь вспомогательнымъ орудіемъ для болѣе легкаго и успѣшнаго усвоенія учебнаго матеріала“.

Въ настоящее время, по опредѣленію цитируемаго доклада, могутъ удовлетворить и экзаменаціоннымъ, и новымъ требованіямъ программы только преподаватели талантливые, знающіе, любящіе дѣтей и свое дѣло и прилагающіе къ нему особенное усердіе; вообще-же преподаваніе русскаго языка поставлено теперь довольно удовлетворительно лишь въ смыслѣ прежней программы: „читаютъ и разсказываютъ прочитанное довольно удовлетворительно; почти во всѣхъ школахъ выполнены требованія программы по грамматикѣ. Дѣти пишутъ достаточно грамотно и красиво. Свѣдѣнія же по отечественной исторіи, географіи и естествовѣдѣнію крайне скудны и ограничены, что зави-

сить, по словамъ преподавателей, отъ недостатка времени, съ чѣмъ нельзя не согласиться, такъ какъ большую часть учебнаго времени приходится посвящать на выполненіе программы по грамматикѣ и на усвоеніе правилъ орфографіи".

Позволяемъ себѣ замѣтить, что указаніе на то, что введеніе новой программы само по себѣ едва ли можетъ замѣтно отразиться на постановкѣ преподаванія родного языка въ начальной школѣ,—просказывалось въ печати еще въ годъ опубликованія этихъ программъ. Обращалось вниманіе на то, что требованіе — сообщать школьникамъ свѣдѣнія по грамматикѣ „въ самомъ элементарномъ объемѣ, безъ излишнихъ подробностей", не избѣгая, однако, „общепринятыхъ грамматическихъ терминовъ", — такъ же обще и неопредѣленно, какъ и требованіе правилъ 1874 года—писать безъ искаженія словъ, и его можно толковать и очень узко, и очень широко; и если требованіе писать „безъ пропуска и искаженія словъ" и — „умѣть отдѣлять предложенія знаками препинанія"—не помѣшало школѣ, какъ это констатировалось данными за предыдущіе годы, стать въ такое положеніе, при которомъ грамматика и диктовки поглотили почти третью часть школьнаго времени, то,—высказывалось тогда,—можно ждать, что и требованія новой программы, позволяющія въ отдѣльныхъ случаяхъ поставить дѣло преподаванія на желательную высоту, вмѣстѣ съ тѣмъ не помѣшаютъ также начальной школѣ остаться въ положеніи уже упрочившемся или даже пойти въ принятомъ направленіи еще далѣе [1]).

Предложеніе это вполнѣ подтвердилось. Приведенныя выше выдержки изъ доклада Подольской земской управы категорично утверждаютъ тотъ фактъ, что въ значительномъ большинствѣ школъ преподаваніе ведется въ томъ же направленіи, какъ и ранѣе, до изданія „Примѣрныхъ программъ" [2]). Аналогичныя указанія даются печатнымъ матеріаломъ, рисующимъ постановку школьнаго дѣла и въ иныхъ уѣздахъ Московской губерніи.

Въ Бронницкомъ, напримѣръ, уѣздѣ, — „на основаніи отзывовъ гг. членовъ училищнаго совѣта, а также на основаніи представленныхъ училищному совѣту экзаменаціонныхъ письменныхъ работъ",—въ докладѣ земскому собранію 1902 года земскою управою между прочимъ было отмѣчено, что въ школахъ уѣзда — „по русскому языку наблюдается и ранѣе замѣченное училищнымъ совѣтомъ увлеченіе подробнымъ изученіемъ грамматики въ ущербъ существеннымъ качествамъ хорошаго чтенія. Нерѣдко послѣ подробнаго этимологическаго и син-

---

[1]) См. напр. «Вѣстн. Воспит.» 1897 г. № VI, ст. «Новыя прогр. для народн. школъ».

[2]) Докл. «По народн. образованію» 1901 г., стр. 22—27.

таксическаго разбора ученики затрудняются въ связной передачѣ прочитаннаго и объясненіи главной мысли прочитаннаго отрывка. Гг. преподавателямъ всѣхъ вообще училищъ слѣдуетъ побольше обращать вниманія на эту существенную сторону преподаванія родного языка и, не увлекаясь сообщеніемъ грамматическихъ подробностей, упражнять учениковъ въ указанномъ направленіи" [1]).

Въ школахъ Коломенскаго уѣзда, какъ это видно изъ докладовъ земской управы, представленныхъ земскимъ собраніямъ послѣднихъ лѣтъ и содержащихъ замѣчанія училищнаго совѣта и его членовъ,— обращается настолько дѣятельное вниманіе на преподаваніе грамматики, что ученики старшихъ отдѣленій, пишущіе подъ диктантъ безъ ошибокъ, встрѣчаются здѣсь зачастую; есть даже школы, въ которыхъ такіе ученики представляютъ значительное большинство учащихся въ старшихъ отдѣленіяхъ школъ. Такъ, напримѣръ, въ Костомаровскомъ училищѣ, по отзыву ревизора, „письмо по правильности поставлено въ старшемъ отдѣленіи весьма хорошо: писали диктантъ „Наводненіе", и изъ 18 оканчивающихъ только двое написали съ ошибками: одинъ съ 4-мя, другой — съ 2-мя". Въ Малинскомъ женскомъ училищѣ, какъ это свидѣтельствуется отчетомъ, преподаваніе „велось во всѣхъ отдѣленіяхъ замѣчательно умѣло, и трудъ г-жъ учительницъ не пропалъ: дѣти при испытаніи оказали прекрасныя познанія"; въ подтвержденіе сказаннаго составителемъ отчета указывается, между прочимъ, то обстоятельство, что „изъ 15 оканчивающихъ 10 написали продиктованное безъ ошибокъ ровнымъ и красивымъ почеркомъ, а остальные, хотя и сдѣлали ошибки, но ничтожныя и при этомъ сейчасъ же при опросѣ исправили". Въ Шишкинской школѣ ученики также „грамматическія познанія имѣютъ отличныя, что выяснилось на экзаменѣ при письмѣ диктанта „Бѣлка": изъ 17 человѣкъ двое сдѣлали ошибки, которыя тотчасъ же исправили" [2]).

Обсужденіе на Московскомъ учительскомъ съѣздѣ условій постановки преподаванія родного языка вызвало, какъ извѣстно, докладъ уѣздной земской управы собранію 1902 года—„По вопросу о размѣрахъ преподаванія грамматики въ начальныхъ земскихъ училищахъ". Въ докладѣ этомъ управа обращаетъ вниманіе земскаго собранія на то, что „на послѣднемъ съѣздѣ учителей, бывшемъ въ августѣ 1901 года подъ предсѣдательствомъ директора народныхъ училищъ В. С. Новицкаго, особенное вниманіе участниковъ съѣзда было обращено на постановку преподаванія грамматики и правописанія въ начальныхъ учили-

---

[1]) «Докл. по народн. образов.» собранію 1902 г., стр. 27—28.

[2]) Докл. Коломенской земской управы собранію 1900 г. № 2, стр. 8, 10, 19 и земск. собранію 1901 г., стр. 46, 57.

щахъ. Хотя съѣздъ на основаніи дѣйствующихъ правилъ не имѣлъ права голосовать свои мнѣнія и дѣлать какія-либо постановленія, но изъ резюме предсѣдательствующаго, дѣлаемаго послѣ обсужденія каждаго вопроса, можно было вывести заключеніе о результатахъ, къ коимъ приводило обсужденіе того или иного вопроса. Само собою понятно, что вопросъ о размѣрахъ преподаванія грамматики въ начальной школѣ и требованій, предъявляемыхъ къ оканчивающимъ ученикамъ по правописанію, не могъ не обратить на себя особеннаго вниманія участниковъ съѣзда. Вопросъ этотъ не новый. Еще на съѣздахъ учителей 1883 и 1884 гг. было обращено вниманіе на чрезмѣрныя требованія, предъявляемыя къ ученикамъ по этимъ предметамъ. Еще въ то время высказывались взгляды на необходимость пониженія требованій относительно грамматики и правописанія. Эти взгляды и въ то время основывались на томъ, что обученіе всѣмъ тонкостямъ грамматическаго разбора и соблюденіе всѣхъ правилъ орѳографіи, съ одной стороны— не достигаютъ цѣли, такъ какъ тотчасъ же по окончаніи курса забываются учениками, съ другой — требуютъ чрезвычайныхъ усилій какъ со стороны учителя, такъ и со стороны ученика. Но, къ сожалѣнію, на этотъ столь существенный вопросъ не было обращено достаточнаго вниманія. И до сего времени грамматика съ разборомъ и правописаніемъ продолжаетъ первенствовать въ школѣ. И до сего времени во многихъ школахъ преподаватели, какъ и многіе экзаменаторы и ревизующіе школы, главное свое вниманіе обращаютъ на грамматику и грамматику, несмотря на то, что усиленныя познанія по этому предмету даются дѣтямъ не только въ ущербъ всѣмъ воспитательнымъ цѣлямъ и развивающимъ умъ и сердце предметамъ, но даже въ ущербъ сознательному чтенію"... „Правда,—говоритъ далѣе земская управа,— что и среди преподавательскаго персонала, особенно за послѣднее время, есть много лицъ, которыя не рѣшаются непроизводительно загромождать познанія своихъ учениковъ грамматическими тонкостями, даютъ предпочтеніе правильному изложенію мыслей предъ правописаніемъ, ставятъ своею задачею не изученіе грамматики, а развитіе ученика и сообщеніе ему свѣдѣній полезныхъ въ дальнѣйшей жизни. Но такой учитель находится всегда подъ опасеніемъ: вотъ пріѣдетъ экзаменаторъ или ревизоръ и начнетъ допрашивать учениковъ по грамматикѣ, а по прочимъ предметамъ не только не будетъ спрашивать, но даже не обратитъ вниманія на правильность и осмысленность чтенія. Въ результатѣ—или неодобреніе дѣятельности учителя, или, скорѣе, чтобы предупредить возможность послѣдняго, возвращеніе преподавателя къ изученію и долбленію грамматики"... „Задача народной школы была опредѣлена на съѣздѣ такъ: „Народная школа должна отвѣчать на потребность народа и служить ему, а не наоборотъ, и

только тогда школа хороша, когда она имѣетъ семейный характеръ. Школа должна воспитывать въ дѣтяхъ любовь къ наукѣ, возбуждать любознательность, жажду къ знаніямъ, пріучать къ разумной бесѣдѣ съ книгой и читать не однѣ сказки, но и болѣе серьезныя книги. Она должна развивать въ учащихся умственныя способности, нравственныя силы, привычку къ труду и самостоятельности. *Начальная* школа должна *начать* образованіе человѣка, но начать такъ, чтобы у него никогда не появилось даже мысли покончить свое образованіе школой, но имѣлось стремленіе къ самообразованію. Преслѣдуя воспитательныя цѣли и имѣя въ виду дать элементарное общее образованіе, также и учить въ школѣ учебнымъ предметамъ, имѣющимъ практическое значеніе въ жизни простого народа,—съѣздъ учителей и учительницъ нашелъ необходимымъ для народной школы письменное изложеніе мыслей и сообщеніе знаній изъ исторіи и географіи". Исходя изъ этихъ задачъ, какъ говорится далѣе въ цитируемомъ докладѣ,—„съѣздъ пришелъ къ заключенію, что школа должна обучить дѣтей письменно излагать свои мысли и сообщить имъ знанія изъ природы, исторіи и географіи. Въ то же время было признано, что грамматика, устныя и письменныя грамматическія упражненія, грамматическій разборъ и диктантъ, въ тѣхъ размѣрахъ, какъ они преподаются въ начальныхъ школахъ Московскаго уѣзда, служатъ тормазомъ къ достиженію задачъ, намѣченныхъ съѣздомъ. Подтвержденіе этому заключенію съѣздъ видитъ въ томъ, что „на грамматику, устныя и письменныя грамматическія упражненія, грамматическій разборъ и диктантъ учениками тратится времени и силъ больше, чѣмъ на какой-либо развивающій и воспитывающій предметъ, а иногда и на всѣ вмѣстѣ. По заявленію одной изъ учительницъ, на грамматику тратится изъ 24 учебныхъ часовъ отъ 14 до 15". На съѣздѣ было высказано, что грамматика сама по себѣ предметъ отвлеченный и не вполнѣ подходитъ къ школьному возрасту, проходится она въ школахъ народныхъ бѣгло, поэтому грамматическія упражненія, разборы и правила правописанія не развиваютъ ума учащихся, а притупляютъ. Свѣдѣнія грамматическія усвоиваются въ начальной школѣ съ большимъ трудомъ, хотя отнимаютъ отъ школьнаго курса чрезвычайно много времени, удерживаются въ памяти лишь на короткое время и быстро забываются послѣ экзамена или по окончаніи курса. Грамматика для дѣтей такой трудный предметъ, что за три года ее изучить невозможно. Хотя на экзаменѣ ученики и пишутъ болѣе или менѣе правильно, но это не значитъ, что они знаютъ грамматику, а написали хорошо потому, что передъ экзаменомъ упражнялись въ диктантѣ каждый день и напрягали все свое вниманіе на этотъ предметъ. Въ настоящее время, для выполненія несоразмѣрно расширенной программы по грамматикѣ для трех-

лѣтняго курса, увеличиваются часы занятій и тѣмъ самымъ наносится вредъ здоровью учащихся. Не усматривая противорѣчія во взглядахъ, высказывавшихся на съѣздахъ, съ примѣрною программою Министерство народнаго просвѣщенія, изд. 1897 года, и руководствуясь поставленными задачами, комиссія съѣзда выработала въ деталяхъ вполнѣ цѣлесообразную программу и при томъ посильную дѣтямъ школьнаго возраста. Программа эта заслужила полное одобреніе всѣхъ участниковъ съѣзда. Раздѣляя вполнѣ взглядъ этихъ послѣднихъ,—говоритъ уѣздная управа, что значительность курса грамматики требуетъ чрезвычайной траты времени и силъ на этотъ предметъ и даетъ ничтожные результаты, съ одной стороны, и въ то же время служитъ препятствіемъ къ развитію ума, душевныхъ способностей и, отнимая много учебнаго времени, препятствуетъ сообщенію ученикамъ многихъ полезныхъ, съ точки зрѣнія воспитательной, свѣдѣній, съ другой. Управа вполнѣ присоединяется къ заключенію съѣзда о желательности измѣненія въ указанномъ смыслѣ программы по ея изученію. Принятіе выработанной съѣздомъ программы выведетъ изъ ложнаго положенія и учителя. Обучая дѣтей сельскаго населенія грамматикѣ, учитель хорошо сознаетъ, что сообщаемыя имъ дѣтямъ свѣдѣнія, на что онъ посвящаетъ большую часть времени, дѣтямъ ненужны, пользы изъ этихъ познаній они не извлекутъ и тотчасъ по выходѣ изъ школы все это забудутъ, и что все это имъ продѣлывается не для ученика, а для показа на экзаменѣ. При такомъ положеніи, какое можетъ имѣть воспитывающее значеніе школа?“

Согласно изложенному, земская управа предлагала уѣздному земскому собранію:—„просить Московскій уѣздный училищный совѣтъ о сокращеніи курса по грамматикѣ, съ цѣлью постановки изученія этого предмета въ полное соотвѣтствіе съ заключительными требованіями министерской программы 1897 г., и для этой цѣли принять для земскихъ школъ уѣзда детальную программу, выработанную на съѣздѣ 1901 г.“

Въ Серпуховскомъ уѣздѣ, какъ объ этомъ можно судить по отзывамъ, представляемымъ докладами земской управы земскимъ собраніямъ послѣднихъ лѣтъ, общій характеръ школьнаго обученія сколько-нибудь существеннымъ измѣненіямъ, повидимому, не подвергся. Въ $189^{8}/_{9}$ учебномъ году—„учебное дѣло въ земскихъ училищахъ, за немногими исключеніями, находилось вообще въ очень удовлетворительномъ состояніи“. Какъ „весьма отрадный фактъ“ цитируемымъ докладомъ отмѣчается то обстоятельство, что „во многихъ училищахъ“—школьное дѣло даже „измѣнилось къ лучшему, сравнительно съ предшествующимъ годомъ: какъ видно, многіе преподаватели приложили свое стараніе къ устраненію недостатковъ, замѣченныхъ въ прошломъ году“. Въ частности же—„что касается *чтенія русскаго*—то изъ 64 школъ въ 25 оно поставлено хорошо, въ 8—недостаточно удовлетворительно;—„во всѣхъ прочихъ

училищахъ чтеніе хотя болѣе или менѣе удовлетворительно, но не свободно отъ нѣкоторыхъ недостатковъ и въ особенности по отношенію къ бѣдности и передачѣ прочитаннаго. Желательно, чтобы преподаватели обратили побольше вниманія на эту важную сторону учебнаго дѣла въ начальной школѣ и чтобы какъ въ средней, такъ и въ старшей группѣ удѣляли больше уроковъ на чтеніе, стараясь довести учащихся до свободнаго чтенія книгъ и самостоятельнаго связнаго пересказа прочитаннаго. *Правописаніе въ большей части училищъ поставлено хорошо; преподаватели удѣляютъ на этотъ предметъ достаточно времени и обращаютъ большое вниманіе.....* Въ истекшемъ году преподаватели начали упражнять учащихся въ изложеніи прочитанныхъ статей, и въ нѣкоторыхъ училищахъ сдѣланы были опыты такихъ упражненій и на экзаменѣ“ [1]).

Тотъ же характеръ носили указанія доклада Серпуховской земской управы собранію 1900 года.

Въ докладѣ той же земской управы собранію 1902 года свѣдѣнія о постановкѣ внутренней стороны школьнаго дѣла исчерпывались опредѣленіемъ *числа* школъ, въ которыхъ результаты преподаванія въ особыхъ отдѣленіяхъ того или иного учебнаго предмета признавались хорошими, во сколькихъ—удовлетворительными, плохими и т. д. Подобнаго рода указанія давались въ докладахъ за послѣдніе годы Звенигородской земской управы и докладѣ Рузской земской управы собранію 1902 года.

Мы не будемъ повторять здѣсь тѣ заключенія, которыя представлялись только что названными отчетами и докладами, такъ какъ, несмотря на детальность такого рода данныхъ, они не позволяютъ ни съ желательною конкретностью представить характерныя черты постановки дѣла преподаванія, ни оцѣнить его съ должною опредѣленностью и точностью. Матеріалъ, состоящій изъ указаній подобныхъ тѣмъ, которыя даются въ только что перечисленныхъ докладахъ, хотя и имѣетъ ту цѣну, что наличность его за рядъ лѣтъ дѣлаетъ возможнымъ сопоставленіе успѣховъ школьнаго преподаванія по времени; но, къ сожалѣнію, выводы, построенные на такого рода основаніи, не гарантированы отъ возможности ошибокъ, такъ какъ нельзя не признать, что оцѣнка школьныхъ успѣховъ въ усвоеніи дѣтьми учебныхъ предметовъ въ значительной мѣрѣ зависитъ и отъ особенностей личнаго усмотрѣнія гг. ревизоровъ и экзаменаторовъ.

Больше интереса представляютъ тѣ характеристики постановки преподаванія, которыя на ряду съ вышеприведенными, даются лицами учительскаго персонала въ отвѣтахъ на вопросъ о томъ,—„на какія стороны обязательныхъ предметовъ школьнаго курса приходится

---

[1]) «Докладъ по народному образованію» за 1899 г., стр. 37—41.

обращать особенное вниманіе и тратить особо много труда въ виду требованій, предъявляемыхъ на экзаменахъ?".

Вотъ что говорится въ этихъ учительскихъ отзывахъ:

1) „Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ народные учителя заявятъ о томъ, что наибольшая затрата времени вызывается преподаваніемъ грамматики и рѣшеніемъ ариѳметическихъ задачъ. И это неудивительно, потому что экзаменаціонныя письменныя работы учениковъ доставляются въ училищный совѣтъ, гдѣ по нимъ составляются заключенія объ успѣшности въ извѣстной школѣ. Оцѣнка же устныхъ отвѣтовъ отмѣчается балломъ, опредѣленіе величины котораго вполнѣ зависитъ отъ экзаменатора, его субъективнаго взгляда, настроенія и т. д. За послѣднее время (10—12 лѣтъ) замѣчается очень грустный фактъ—погони за *грамматичностью*. На экзаменахъ очень мало обращается вниманія на то,—насколько хорошо ученикъ владѣетъ русской рѣчью и въ какихъ предѣлахъ онъ сознательно понимаетъ ее. Передача прочитаннаго еще не можетъ служить показателемъ сознательности: такая передача можетъ быть дѣломъ почти одной памяти. А между тѣмъ—понимать русскую литературную рѣчь есть одна изъ главнѣйшихъ задачъ русской школы. Всякій знаетъ, что простонародный словарь чрезвычайно бѣденъ; рѣчь крестьянина—рѣчь почти дѣтская; всякая мысль, выраженная не „популярнымъ", т.-е., вѣрнѣе говоря,—не дѣтскимъ языкомъ, ему недостаточно понятна, туманна, серьезная книга ему скучна, потому что непонятна..... Но если это такъ, то неужели правильное употребленіе буквы *ъ*, различныя согласованія словъ, сомнительныя гласныя и согласныя важнѣе болѣе широкаго пониманія русской рѣчи? Я не отрицаю важности грамматики, но мы еще не доросли до того, чтобы русскую грамматику, вѣрнѣе—этимологію, ставить во главѣ необходимыхъ познаній для русскаго крестьянина. А между тѣмъ требованія познаній въ этимологіи возрастаютъ чуть не съ каждымъ годомъ. Экзаменаторы начинаютъ косо смотрѣть и на того учителя, ученики котораго сдѣлаютъ въ диктантѣ (18—20 печатныхъ строкъ) 6—8 ошибокъ. Программа 1897 года предлагаетъ *минимумъ* по русскому языку, но если вдуматься въ размѣръ требованій, опредѣляемыхъ этимъ минимумомъ,—то онъ окажется очень почтеннымъ даже для самой малолюдной школы съ трехлѣтнимъ курсомъ. Нужно отдать честь нѣкоторымъ учителямъ, которые достигаютъ такой виртуозности при обученіи правописанію, что ученики ихъ въ экзаменаціонныхъ диктантахъ почти не дѣлаютъ ошибокъ. Только я не знаю,—радоваться-ли этому? Ужъ если ученики V и VI классовъ гимназій дѣлаютъ, въ среднемъ, 4 ошибки (испытаніе было сдѣлано членами комитета грамотности),—то сколько нужно потратить времени и силъ для достиженія подобныхъ результатовъ въ народныхъ школахъ съ трехлѣтнимъ курсомъ? Не послужитъ-ли

это въ ущербъ для другихъ, болѣе важныхъ задачъ народной школы? Конечно, виртуозность эта вырабатывается главнѣйшимъ образомъ тѣми поощреніями, которыя даются лицами, стоящими во главѣ школьнаго дѣла. Для учителей выработана программа-минимумъ: не дурно бы выработать для завѣдующихъ – программу-максимумъ".

2) „Ставя данный вопросъ, губернская земская управа касается одного изъ самыхъ больныхъ мѣстъ сельской школы. У насъ, въ сельскихъ школахъ, царитъ диктантъ и его неразлучные спутники—грамматика и разборъ, затѣмъ не малое значеніе имѣютъ всевозможныя письменныя работы. Все это поглощаетъ страшное количество времени, безконечно для насъ дорогого. Страстно хочется поработать надъ развитіемъ дѣтей, сообщить имъ знанія, которыя нужны имъ самимъ, а не экзаменатору или ревизору, но въ этой области приходится работать безъ системы, торопясь, урывками, въ буквальномъ смыслѣ—считая минуты; зато строгая система и послѣдовательность царятъ при сообщеніи теоріи грамматики и при диктантахъ".

3) „При обученіи дѣтей, особенно въ среднемъ и старшемъ отдѣленіяхъ желательно было бы сообщить необходимыя свѣдѣнія по географіи, исторіи и міровѣдѣнію; за неимѣніемъ же свободнаго времени, которое по преимуществу тратится на диктантъ и грамматику, – хотя и стараешься дать нѣкоторыя свѣдѣнія по вышеназваннымъ предметамъ, чтобы этимъ принести болѣе существенную пользу учащимся, эти свѣдѣнія являются слишкомъ отрывочными, недостаточными. А между тѣмъ десятилѣтній опытъ моей учительской службы заставилъ меня убѣдиться, что диктанты, письменныя грамматическія упражненія, и въ особенности устный грамматическій разборъ — предметы совершенно безполезные для учениковъ народной школы: такъ, напримѣръ, самые лучшіе и способные ученики, которые на экзаменѣ иногда пишутъ безъ ошибокъ, въ теченіе года, или даже ранѣе, настолько забываютъ правила правописанія, что пишутъ письма съ грубѣйшими орфографическими ошибками".

4) „Въ ряду предметовъ школьнаго обученія, на которые въ настоящее время удѣляется преподавателями больше вниманія, чѣмъ прежде, на первомъ мѣстѣ должно поставить изученіе орфографіи, которое производится преимущественно при помощи диктовокъ. Хотя за послѣдніе годы и замѣтно появленіе въ школѣ новаго вида письменныхъ упражненій по русскому языку,—такъ называемыхъ „изложеній", но диктовка до сихъ поръ остается почти единственно-употребляемымъ средствомъ при изученіи правописанія. На ней сосредоточено особенное, съ каждымъ годомъ все усиливающееся и усиливающееся вниманіе гг. преподающихъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что диктовка является въ настоящее время краеугольнымъ камнемъ всего школьнаго

преподаванія. Дальнѣйшее развитіе этого предмета уже небезопасно по отношенію къ преподаванію въ школѣ другихъ предметовъ. Виною такого, вовсе не желательнаго, развитія диктовки, пожалуй, отчасти и сами гг. учащіе. Никогда не слѣдовало, уродуя спокойное и естественное развитіе дѣтей, насильственнымъ путемъ добиваться отъ нихъ того письма, которое непосильно для ихъ возраста, но которое, къ несчастію, теперь уже требуется на экзаменѣ. А хорошей экзаменаціонной диктовкой считается теперь такая, въ которой ошибокъ нѣтъ, или есть 1—2 ошибки. Въ прежнее же время считалась хорошею диктовка и съ 5 ошибками; но преподающіе, соревнованіемъ другъ съ другомъ, сами повысили требованія, предъявляемыя къ диктовкѣ, и тѣ, невозможно трудные, диктанты, которые теперь даются для испытанія учениковъ на экзаменѣ, явились благодаря самимъ учащимъ, благодаря ихъ усердію и желанію отличиться. Конечно, мы не хотимъ умалять значеніе диктовки: диктовка должна занимать одно изъ важныхъ мѣстъ въ ряду другихъ предметовъ преподаванія въ начальной школѣ; но не должна она давить собою тѣ другіе предметы, какъ это теперь происходитъ. Происходитъ же теперь то, что учащіе, сами запутавши себя, уже не могутъ, если бы и хотѣли, выйти изъ того положенія, въ которое себя поставили, ибо если бы, слушаясь голоса своей совѣсти, они захотѣли уменьшить число часовъ, употребляемыхъ на диктовку, то не достигли бы въ правописаніи тѣхъ результатовъ, которые теперь требуются отъ учениковъ на экзаменѣ; а не достигнувъ упомянутыхъ результатовъ годъ, другой и третій, они могли бы лишиться возможности трудиться, т.-е. потерять свое мѣсто—„по малоспособности къ преподаванію“. Вообще же за послѣднее время съ усиленіемъ значенія диктовки замѣтно падаетъ въ школѣ чтеніе отрывковъ изъ художественной литературы и изученіе стихотвореній, хотя и наблюдается расширеніе вниманія къ отечественной исторіи и географіи“.

5) „Сравнительно съ прежнимъ теперь больше вниманія и труда удѣляется на письмо, а потомъ — на ариѳметику, по причинѣ усиленныхъ требованій на экзаменахъ; на остальные же предметы времени остается мало, поэтому приходится для нихъ отнимать его отъ учительскаго и ученическаго отдыха“.

6) „За послѣдніе годы вниманіе учащихъ обращается на всѣ стороны преподаванія, а также и на развитіе учащихся; но то, что болѣе всего времени приходится тратить на изученіе грамматики для достиженія безошибочнаго диктанта,—это не подлежитъ сомнѣнію. Безошибочные диктанты — теперь не рѣдкость, но съ какимъ трудомъ со стороны учениковъ и учителей они достигаются... Конечно, если бы такой трудъ былъ производителенъ, то объ этомъ не могло бы быть и рѣчи, а то вѣдь грамматическія детали, на которыя тратишь боль-

шую часть трехгодичнаго курса, скоро испаряются, и жалко потерянnаго времени, которое съ пользою можно было бы употребить на предметы, способствующіе большему развитію учащихся".

7) „Всѣ 8 лѣтъ моей службы прошли почти одинаково, но за послѣднее время увеличились требованія относительно грамматической терминологіи, не приносящей никакой пользы ученику и отнимающей очень много времени и труда въ продолженіе всего курса".

8) „По сравненію съ прежнимъ — болѣе всего удѣляется времени на изученіе грамматическихъ терминовъ и на правописаніе, а менѣе всего на изложеніе прочитанныхъ статей и на объяснительное чтеніе".

9) „Я всегда сознавалъ, что развить ребенка, заставить его правильно мыслить—важнѣе, чѣмъ научить его всѣмъ правиламъ орфографіи. Потому ранѣе я велъ съ дѣтьми большія бесѣды, давалъ писать изложенія; но, въ виду предъявленныхъ требованій,—эти занятія пришлось сильно сократить и обращать большое вниманіе на изученіе грамматики. Ранѣе при чтеніи я обращалъ вниманіе дѣтей на тѣ свѣдѣнія, которыя можно почерпнуть изъ прочитанной статьи; при чтеніи же статьи изъ изящной литературы я старался всегда затронуть эстетическое чувство ребенка. Теперь же, вмѣсто того, я въ большинствѣ случаевъ, добиваюсь бѣглости чтенія и занимаюсь грамматическимъ разборомъ статьи".

10) „За время 12-лѣтней моей службы измѣненій въ системѣ преподаванія почти не произошло, но объемъ преподаванія, въ виду предъявлявшихся изъ года въ годъ на экзаменахъ требованій, постепенно увеличился по всѣмъ предметамъ и въ особенности по грамматикѣ и диктанту".

11) „Служу съ 1883 года въ одномъ уѣздѣ и за все это время упорно изъ года въ годъ наблюдается печально-странное явленіе: мертвенное усиленіе грамматизма. Сколько времени и труда затратили мы на это, прямо безполезное дѣло! Письмо давно и недавно окончившихъ ученіе ясно показываетъ, какъ безумно требованіе отъ ученика начальной школы знаніе примѣненія буквъ ѣ, ѳ, ые, ыя и т. д.".

12) „За послѣднія 8 лѣтъ, годъ отъ году, все больше и больше приходится тратить времени и труда на устный счетъ, задачи и на безошибочный диктантъ. Сердечно жаль ту массу времени, какая удѣляется на эти предметы и, къ несчастью, напрасно и безполезно".

13) „На преподаваніе грамматики и на диктанты приходится болѣе всего удѣлять времени и труда, хотя изученіе грамматическихъ тонкостей никакой существенной пользы не приноситъ ребятамъ, и все преподанное имъ изъ грамматики къ концу лѣта же исчезаетъ изъ ихъ памяти".

14) „Слишкомъ расширена программа грамматики, такъ какъ безъ

подробнаго изученія правилъ правописанія трудно научить учениковъ съ требуемою правильностью писать подъ диктовку, почему-то считающуюся мѣриломъ познаній учениковъ по *русскому языку*. Такъ, напримѣръ, — для сообщенія правилъ постановки знаковъ препинанія проходится синтаксисъ сложнаго предложенія, о чемъ ни слова не говорится въ программѣ; въ противномъ же случаѣ требуемая программою постановка знаковъ препинанія будетъ случайна и во всякомъ случаѣ безсознательна, чего, конечно, не должна допускать школа. При прохожденіи же синтаксиса, хотя бы и не въ полномъ его объемѣ, такъ же, какъ и при прохожденіи этимологіи, нужны грамматическія упражненія и диктанты. Эта часть русскаго языка поглощаетъ очень большую часть школьнаго времени (потому что кромѣ спеціальныхъ уроковъ по расписанію приходится тому же предмету удѣлять каждую свободную, а иногда даже и не свободную минуту), сосредоточивая на этомъ главное вниманіе учениковъ, постоянно озабочивая ихъ, внося въ живой строй школьной жизни яблоко раздора между учениками и учителемъ. Затѣмъ относительно письменныхъ изложеній въ программѣ сказано: нужно—„составленіе несложныхъ описаній по *данному плану* и писемъ по *данному образцу*“. Но спрашивается: кто же будетъ давать ученику *планы* и *образцы* для писемъ по выходѣ его изъ школы? Напротивъ, — нужно научить ученика писать самостоятельно о томъ, что онъ знаетъ и что онъ думаетъ о тѣхъ или иныхъ предметахъ. Вотъ на эту сторону должно быть обращено усиленное вниманіе нашей школы. Для достиженія же этого нужно научить ученика насколько возможно правильнѣе думать, а для этого ему необходимо сообщить хотя бы самыя краткія свѣдѣнія по исторіи, географіи, гигіенѣ, сельскому хозяйству и естествовѣдѣнію. Объемъ знаній по этимъ предметамъ опредѣляется статьями изъ хрестоматіи для класснаго чтенія. Упомянутыя свѣдѣнія сообщаются на урокахъ *объяснительнаго чтенія*. Съ какимъ запасомъ этихъ свѣдѣній выйдетъ ученикъ по окончаніи курса въ начальной школѣ, каждый легко себѣ представитъ при недостаточномъ числѣ уроковъ, удѣляемыхъ этимъ предметамъ и многочисленности учениковъ въ 3-хъ группахъ на одного учителя! А между тѣмъ запросъ въ деревнѣ на эти знанія есть. Почти каждый въ деревнѣ понимаетъ, что—„ученье — свѣтъ, а неученье—тьма“. Многіе, особенно изъ молодыхъ, тянутся изъ тьмы къ свѣту (спрашиваютъ книги для чтенія, ходятъ на народныя чтенія, даютъ деньги на устройство народныхъ библіотекъ и т. д.). И вотъ школа вмѣсто хлѣба даетъ камень—этимологію и синтаксисъ. Впрочемъ, главное вліяніе на направленіе школы имѣетъ не столько программа, сколько требованія лицъ, ревизующихъ учебно-воспитательную часть нашихъ школъ. Къ сожалѣнію, согласно этимъ требованіямъ,—умѣнье учениковъ писать

безъ орфографическихъ ошибокъ подъ диктовку строго спрашивается съ учителя, объяснительное же чтеніе почти не спрашивается, требуется только чтеніе и пересказъ прочитанной фразы".

15) „Больше всего отнимаетъ времени изученіе грамматики; хотя требованія относительно ея, какъ отдѣльнаго предмета со стороны экзаменаторовъ и не велики, но обращается большое вниманіе на число ошибокъ въ диктантѣ и письменномъ изложеніи; а при такихъ требованіяхъ становится уже недостаточно элементарныхъ знаній по русскому языку: необходимо знаніе формъ частей рѣчи и умѣнье согласовать придаточныя предложенія; поэтому несложная по виду программа 1897 года, и на самомъ дѣлѣ не большая прежней, а только болѣе детальная, требуетъ, однако, не поверхностнаго знакомства, а довольно подробнаго изученія грамматики. На правильное письмо въ послѣднее время обращается особенное вниманіе и къ правописанію относятся требовательнѣе. Сужденіе объ успѣхахъ учениковъ главнымъ образомъ основывается на правильномъ письмѣ, а это заставляетъ ставить изученіе грамматики главнымъ предметомъ занятій; приходится диктанты и письменныя работы по русскому языку вести ежедневно и изучать всю терминологію и даже тонкости грамматики, зная напередъ, что все это удерживается въ памяти учениковъ только пока они въ школѣ: черезъ годъ грамотность самыхъ лучшихъ учениковъ, кончившихъ курсъ въ школѣ, дѣлается не выше грамотности учащихся во второмъ отдѣленіи. Дѣтямъ школьнаго возраста непосильно изученіе грамматики въ такой формѣ. По мѣрѣ углубленія въ грамматику всегда увеличивается число малоуспѣшныхъ, и въ ряды ихъ становятся даже очень способные. Русскій языкъ при настоящемъ его преподаваніи служитъ главнѣйшимъ препятствіемъ ученикамъ при переходѣ ихъ изъ одного отдѣленія въ другое, и онъ же причина тому, что въ настоящее время не болѣе 30% изъ числа поступающихъ въ училище оканчиваютъ курсъ въ три года, а остальные 70% для полученія свидѣтельствъ должны пробыть въ школѣ не менѣе четырехъ лѣтъ или же совсѣмъ оставить школу съ горькимъ убѣжденіемъ, что ученье въ школѣ—очень мудрено и скучно".

16) „Программа сельскихъ одноклассныхъ школъ слишкомъ обширна сравнительно съ опредѣляемымъ на это временемъ ученья, и чтобы ее выполнить, много требуется труда со стороны учащихся и учащихъ. Въ настоящее время разрѣшается вопросъ о переутомленіи учащихся въ средне учебныхъ заведеніяхъ. Не менѣе ихъ переутомляются ученики и въ сельскихъ школахъ, просиживая отъ 8 до 4 часовъ въ школѣ, а иногда, съ вечерними занятіями, и больше. Дѣло въ томъ, что малоуспѣвающіе и манкирующіе часто занимаются даже послѣ четырехъ часовъ; иначе и нельзя: учебный годъ въ сельскихъ шко-

лахъ содержитъ 180 дней, а то и меньше. Для ученика же въ отдѣльности, т. е. считая и манкировки, учебный годъ будетъ еще меньше. А между тѣмъ за это время нужно со старшимъ отдѣленіемъ продѣлать массу задачъ, научить бѣгло и сознательно читать и умѣло дѣлать пересказы, дать свѣдѣнія по исторіи и географіи, пройти съ учениками всю грамматику и выучить ихъ безошибочно писать, иначе ученики считаются плохо подготовленными. И учитель, благодаря терпѣнію и трудолюбію крестьянскихъ школьниковъ, выполняетъ требуемое. На видъ все хорошо, но если всмотрѣться, то окажется, что это далеко не такъ: ученики переутомлены, въ напряженномъ состояніи, которое на экзаменѣ у иныхъ нервныхъ учениковъ вызываетъ слезы. Покончивши ученіе, ученики довольны; иные, малоспособные, сильно напрягавшіе себя въ продолженіе ученія, чтобы не отстать отъ товарищей, даже очень довольны и вполнѣ предаются отдыху, считая дѣло совсѣмъ покончennымъ, рѣдко заглядывая въ школу за книгой, и связь со школой мало по малу теряется. Въ концѣ концовъ грамматика, ариѳметика (рѣшеніе сложныхъ задачъ) окончившими забывается, только остается знаніе чтенія гражданскаго и славянскаго. Учитель не имѣетъ времени побольше читать съ учениками ничего того, что не входитъ въ классныя учебныя книги; такимъ образомъ онъ не можетъ пріохотить ученика къ чтенію, бесѣдовать о ихъ дѣтской жизни и тѣмъ вліять на его душу. Учитель, ежедневно занимаясь долгое время съ дѣтьми, вечеромъ занятый поправкою классной ученической работы, подготовкою къ урокамъ слѣдующаго дня, мало удѣляющій поэтому времени на саморазвитіе, часто превращается постепенно, самъ того не замѣчая, въ раздраженнаго педантичнаго учителя, что также нехорошо отзывается на школѣ".

17) „На предложенный вопросъ опять приходится сказать то же, что уже не разъ просказывалось мною на аналогичные вопросы и прочитывалось въ докладахъ. Повторяю опять, что народной школѣ съ ея 3-годичнымъ курсомъ пора отрѣшиться отъ грамматики, диктанта и разныхъ грамматическихъ упражненій въ той формѣ ихъ, въ какой они господствуютъ теперь, какъ отъ предметовъ, убивающихъ массу времени и труда. Необходимо вернуться опять [1]) къ наглядному обу-

---

[1]) Въ приложеніи къ статистическому отчету за 1893—1894 уч. годъ уже обращалось вниманіе на то, что за тридцать лѣтъ до настоящаго времени и ранѣе «начальныя училища были чрезвычайно разнообразны какъ по составу преподавателей и организаціи учебной части, такъ и по тѣмъ результатамъ, которыхъ достигало обученіе. Такое разнообразіе, какъ извѣстно, обусловливалось частію тѣмъ «просторомъ частной иниціативы и мѣстнаго самоуправленія въ дѣлѣ народнаго образованія», который предоставлялся Положеніемъ 14-го іюля 1864 г., частію же, конечно, и тѣмъ обстоятельствомъ, что начальныя школы, не дававшія своимъ выученикамъ никакихъ

ченію, т. е. къ объясненію явленій изъ царства природы при помощи картинъ, опытовъ и книгъ для чтенія. Тогда ученикъ, покинувъ школу, будетъ имѣть хоть самыя основныя свѣдѣнія о силахъ природы и не будетъ такимъ невѣждой, какимъ мы его выпускаемъ теперь. При обученіи письму, отодвинувъ грамматику на задній планъ, слѣдуетъ вести учащихся къ самостоятельному изложенію всего доступнаго ихъ пониманію, и вообще, нужно осмыслить начальное обученіе, а не обращать его въ механическое".

18) „Слишкомъ много труда приходится тратить и учителю и ученикамъ на прохожденіе грамматики, труда скучнаго, утомительнаго и совершенно безцѣльнаго. О безполезности его можно судить уже потому, что знаніе грамматики ничего не прибавляетъ къ развитію учениковъ. Въ практической жизни „грамматическія истины" примѣняются, какъ извѣстно, очень рѣдко. Учить же грамматику для того, чтобы, научивши учениковъ правильно примѣнять букву *ъ*, поставить ихъ въ разрядъ „грамотныхъ", имѣетъ очень мало смысла. Кромѣ всего этого, учитель положительно теряется при громадности программы по грамматикѣ русскаго языка. Правда, матеріалъ этотъ умѣщается въ печатной программѣ на 2-хъ страничкахъ, но для того, чтобы достигнуть „правильнаго, по возможности, письма" (какъ сказано въ объяснительной запискѣ къ программѣ по русскому языку) и изучить все то, на что указывается этими двумя страничками, 3-хъ-годичный курсъ нашихъ школъ слишкомъ малъ, а если принять во вниманіе, что въ большинствѣ нашихъ школъ одинъ учитель занимается съ 3-мя отдѣленіями, то нельзя будетъ не признать, что достиженіе „правильнаго по возможности письма" является совершенно невозможнымъ. Прохожденіе грамматики важно лишь по стольку, по скольку она (грамматика) помогаетъ излагать письменно рѣчь ученика, не искажая самыхъ словъ, кратко и точно. Для того же, чтобы достигнуть всего этого, нѣтъ особен-

---

правъ и преимуществъ, не имѣли и опредѣленной обязательной программы... Съ изданіемъ „Инструкціи инспекторамъ народныхъ училищъ" 29-го октября 1871 г., а затѣмъ „Положеніемъ" 25-го мая 1874 г. и принятіемъ въ качествѣ школьной программы правилъ испытаній на льготу по воинской повинности Устава 1-го января 1874 г., постановка дѣла начальнаго образованія была значительно измѣнена. Эта-то послѣдняя программа и была принята въ народныхъ училищахъ, учрежденныхъ уѣздными земствами, пожелавшими доставить выученикамъ своихъ школъ права на льготу по отбыванію воинской повинности, для чего, какъ извѣстно, многимъ земствамъ пришлось даже реформировать свои школы, т. е. обращать прежде существовавшія школы въ „правныя", или такія, которыя могутъ давать права на указанную льготу. Мало-помалу приведенная программа сдѣлалась, по безмолвному соглашенію, уже обязательною для всѣхъ народныхъ училищъ, и при томъ не только мужскихъ, но даже и женскихъ", постепенно расширяясь въ одномъ и томъ же направленіи. Выводъ этотъ подкрѣплялся многочисленными, напечатанными тогда учительскими отзывами.

ной нужды изучать *всю* грамматику. Достаточно лишь того матеріала, который помогаетъ правильному согласованію словъ. Обученіе правописанію, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, не должно носить характера обязательности. Если же учителю ужъ слишкомъ будетъ грустно смотрѣть на слово безъ буквы *ъ* или безъ *і* (напр. хлебъ, Василий), то онъ можетъ обратить на это вниманіе учениковъ. Не бѣда, если „доброе слово“ учителя по поводу *ъ* не привьется. Важно не это, а общее развитіе ученика, а грамматика отнюдь не содѣйствуетъ этому общему развитію. Соотвѣтствующее измѣненіе въ программѣ дало бы большой выигрышъ во времени, часть котораго, теперь безцѣльно затрачиваемая, съ большою пользою могла бы быть посвящена на сообщеніе знаній, способствующихъ развитію учащихся“.

Таково значительное большинство, данныхъ учителями и учительницами, отвѣтовъ на разсматриваемый вопросъ; не лишнимъ полагаемъ привести еще нѣсколько изъ тѣхъ немногихъ указаній, которыя свидѣтельствуютъ, что и при настоящихъ условіяхъ возможно, хотя и въ исключительныхъ случаяхъ, преподаваніе русскаго языка, болѣе отвѣчающее просвѣтительнымъ задачамъ начальной школы.

1) „За послѣднее время, говорится въ одномъ изъ такихъ отзывовъ, мои отношенія къ системѣ преподаванія и объему преподаваемыхъ предметовъ отчасти измѣнились. Десятилѣтній опытъ моей учительской службы заставилъ меня убѣдиться, что диктанты, грамматическія упражненія и разборъ не имѣютъ никакого практическаго примѣненія, ни образовательнаго значенія; самой же полезной стороной предмета русскаго языка должно признать объяснительное чтеніе, на которомъ сообщаются свѣдѣнія по географіи, исторіи и вообще міровѣдѣнію. На эти-то предметы и удѣляется мною теперь (по сравненію съ прежнимъ) болѣе вниманія и труда, чѣмъ на диктанты и на грамматику. Вмѣсто письменныхъ грамматическихъ упражненій даю писать изложенія и пересказы прочитанныхъ статей, что гораздо полезнѣе, такъ какъ вырабатываетъ въ ученикахъ умѣнье выражать свои мысли въ логической послѣдовательности. Но такая перемѣна отношеній къ преподаванію не легко дается учителю. Такіе взгляды на обученіе иногда приходятся какъ разъ въ разрѣзъ съ требованіями, предъявляемыми на экзаменахъ, вслѣдствіе чего учитель бываетъ поставленъ въ очень затруднительное положеніе“.

2) „Книга и жизнь раскрыли мнѣ глаза и показали, что въ лицѣ каждаго ученика я вижу будущаго человѣка, котораго я не имѣю права выпустить изъ школы съ однимъ запасомъ грамматическихъ правилъ, что ему нужно дать кое-какія знанія, которыя познакомили бы его съ книгой и заставили бы его полюбить ее, что въ дальнѣйшемъ позволило бы ему разобраться въ окружающемъ,—и грамматика уходитъ на

второй планъ: къ сожалѣнію, грамматика все же беретъ много времени. И хотя объяснительному чтенію и чтенію произведеній лучшихъ писателей и отдается большее вниманіе, но какъ мало можетъ быть удѣлено на это времени!...“

3) „Прежде я руководствовалась программою и выработанными и укоренившимися требованіями, почему—грамматика, разборъ и письменные ариѳметическіе ребусы, носящіе офиціальное названіе „трудныхъ задачъ“, стояли у меня на первомъ планѣ. Теперь вышеупомянутыя работы сокращены до минимума, особенное же вниманіе обращено на объяснительное чтеніе, какъ на единственный источникъ той капли знанія и развитія, которую крестьянскій мальчикъ можетъ получить въ сельской школѣ. Причины коренной перемѣны взглядовъ: личный опытъ, вліяніе печати и посѣщеніе учительскихъ курсовъ. Особенно имѣютъ значеніе *курсы*, на которые мы, забытыя Богомъ, сельскія учительницы подмосковныхъ уѣздовъ, пробираемся потихоньку, въ задніе ряды, ежеминутно боясь предложенія оставить аудиторію, такъ какъ все вездѣ переполнено, и не хватаетъ мѣста для своихъ учительницъ. А ужъ что стоитъ проѣздъ и жизнь въ чужомъ городѣ, объ этомъ мы и не задумываемся, лишь бы пустили насъ въ стѣны зданія, гдѣ устроены курсы. Если бы Московское губернское земство нашло возможнымъ устроить курсы для учителей и учительницъ Московской губерніи, то этимъ оно оказало бы громадную пользу для дѣла преподаванія въ тѣхъ уѣздахъ, которые, по ограниченному состоянію своихъ бюджетовъ, не могутъ устраивать курсовъ для своихъ учителей. Программа 1897 года, дѣйствительно, нѣсколько ослабляетъ грамматическій гнетъ, но бѣда въ томъ, что изъ преподавателей не всѣ рискуютъ ослабить господство грамматики, диктанта и разбора — или благодаря отсутствію личнаго опыта, или отсутствію увѣренности въ возможности отстоять свое мнѣніе, не рискуя положеніемъ. Такъ работаютъ они и понынѣ по укоренившимся традиціямъ. Справедливость, впрочемъ, требуетъ добавить, что за самое послѣднее время встрѣчаются экзаменаторы, которые при оцѣнкѣ школы, обращаютъ вниманіе не на количество ошибокъ въ диктантѣ и бойкій разборъ, но на общій строй преподаванія“.

4) „При обученіи русскому чтенію въ младшемъ и среднемъ отдѣленіяхъ я имѣю въ виду обученіе языку; стараясь развить сознательное отношеніе къ читаемому, вызывая дѣтей на бесѣды по поводу прочитаннаго, вырабатываю одновременно и вѣрность и выразительность чтенія. Во второе полугодіе со среднимъ и во весь годъ со старшимъ отдѣленіями ставлю новую цѣль—научить черезъ чтеніе добывать тѣ или другія знанія, къ какимъ можетъ пробуждаться интересъ въ школѣ или по выходѣ изъ нея. Чтеніе и сообщеніе свѣдѣній изъ области естественно-историческихъ, географическихъ и историческихъ знаній даетъ

мнѣ больше всего матеріала для пробужденія въ дѣтяхъ любознательности и интереса къ ученью и книгѣ.... Попутно съ объяснительнымъ чтеніемъ и бесѣдами мною рекомендуются ученикамъ книги, изъ которыхъ можно получить болѣе подробныя свѣдѣнія о тѣхъ предметахъ, о которыхъ даются объясненія на урокахъ. Дѣти охотно берутъ и читаютъ рекомендованныя книги и часто сами просятъ указать, по какимъ книгамъ можно узнать съ бо́льшими подробностями о тѣхъ предметахъ, которые были выдвинуты чтеніемъ или бесѣдой. Что же касается вопроса о томъ, всегда ли мною велось дѣло преподаванія такъ, какъ оно ведется въ настоящее время, то должно замѣтить, что прежде—диктанты и всякаго рода письменныя работы, по преимуществу грамматическаго характера, усиленныя занятія ариѳметикой, состоящія изъ рѣшенія разнообразныхъ устныхъ и письменныхъ задачъ—эти работы были преобладающими, особенно къ концу учебнаго года, передъ экзаменами. Объяснительное чтеніе и бесѣды съ учениками, которыя поддерживали интересъ и охоту къ ученью въ началѣ и срединѣ года, отодвигались на задній планъ въ концѣ года; для нихъ приходилось добывать время черезъ удлиненіе учебнаго дня. Къ концу года я чувствовала крайнее утомленіе; замѣчала утомленіе и на дѣтяхъ, вмѣстѣ съ ослабленіемъ интереса къ ученью и чтенію книгъ. Все это заставило меня сократить объемъ передаваемыхъ грамматическихъ свѣдѣній и уменьшить количество работъ, направленныхъ только на усвоеніе грамматическихъ правилъ. Въ письменныхъ работахъ по русскому языку я дала больше мѣста развитію способности выражать свои мысли, а изученіе правописанія стало играть второстепенную и большею частью служебную роль по отношенію къ главной цѣли. Въ старшемъ отдѣленіи больше мѣста заняли письменныя изложенія и самостоятельныя сочиненія, въ которыхъ учащіеся выражаютъ собственныя мысли и наблюденія. При разборѣ этихъ письменныхъ работъ я, главнымъ образомъ, обращаю вниманіе на вѣрность мысли и способъ ея выраженія. Письменныя работы стали разнообразнѣе и интереснѣе для учащихся и не вызываютъ утомленія и скуки, какъ частые диктанты и грамматическія упражненія. Кстати же, за послѣдніе годы въ нашемъ уѣздѣ какъ будто посмягчилась строгость требованій по отношенію къ диктантамъ, и диктанты съ значительнымъ количествомъ ошибокъ не составляетъ препятствія къ окончанію курса ученикамъ старшаго отдѣленія".

Послѣдніе отзывы, какъ сказано, относятся лишь къ незначительному меньшинству общей суммы полученныхъ отвѣтовъ, большинство которыхъ характеризуется отвѣтами, приведенными ранѣе.

Выводы, которые можно сдѣлать на основаніи доставленныхъ данныхъ, не представляютъ чего-либо неожиданнаго: приходится повторить только то, что на основаніи отъ учителей же полученныхъ сообщеній,

отмѣчено было въ 1894 году и было приведено на предыдущихъ страницахъ нашего очерка.

Не лишнимъ находимъ въ настоящемъ случаѣ обратить вниманіе еще на то обстоятельство, что характерныя особенности постановки преподаванія роднаго языка въ нашей начальной школѣ отнюдь не представляютъ собою чего-либо исключительнаго, свойственнаго только народной школѣ Московской губерніи. То же самое находимъ мы и въ иныхъ губерніяхъ. Такъ, напримѣръ, въ губерніи Владимірской, какъ это видно изъ нижеслѣдующаго, дѣйствующая школа не только съ своей педагогической, учебной стороны, рисуется тѣми же чертами, что и школа наша, но даже и измѣненія, имѣвшія въ данномъ отношеніи мѣсто въ школахъ Московской губерніи, констатируются также и въ губерніи Владимірской [1]). Тридцать лѣтъ тому назадъ здѣсь также высказывалось, что основною задачею школы должно быть „возвышеніе умственнаго и нравственнаго состоянія всего окружающаго населенія", что школа должна вносить въ жизнь „новыя, добрыя, освѣжающія начала" („Докладъ" за 1877 г.). „Чтобы достигнуть такой постановки учебнаго дѣла, приводились лучшіе методы, указывались руководства и т. п. Въ лучшихъ школахъ еще въ 1868 году, когда земство только что приняло на себя устройство народнаго образованія, „дѣти не только выучивались читать, писать и считать, но и получали возможность узнать о различныхъ явленіяхъ природы". „Во всѣхъ школахъ уѣзда обученіе велось по программамъ, предложеннымъ губернскимъ училищнымъ совѣтомъ; программы эти далеко оставили позади примѣрную программу министерства. Кромѣ основательнаго знанія Закона Божія, русскаго языка и ариѳметики ученикамъ сообщались краткія свѣдѣнія изъ отечественной исторіи и географіи" (стр. 9 отчета 1880 г.). „Такъ, говоритъ земская управа въ докладѣ своемъ собранію 1899 года, — было поставлено дѣло 20 лѣтъ назадъ, и цѣли при этомъ намѣчались самыя широкія". И вотъ теперь, черезъ двадцать лѣтъ, въ Шуйскомъ уѣздѣ — „учащіеся въ начальныхъ школахъ, при современной постановкѣ учебныхъ программъ, наибольшую часть времени должны отдавать заучиванію всевозможнаго рода элементовъ знанія въ догматической формѣ.... Общеобразовательная сторона знаній, тѣмъ болѣе воспитательная, почти упускаются изъ виду; живого матеріала для работы ума и развитія чувства, для обогащенія учащагося новыми впечатлѣніями въ нашихъ школахъ дается слишкомъ мало". — „Такимъ образомъ оказывается, — резюмируетъ докладъ приведенныя данныя, что за 20 лѣтъ учебное дѣло

---

[1]) Пользуемся «Докладомъ Владимірск. губ. земск. управы по народ. образованію» — земск. собранію 1899 г., а затѣмъ «Сборн. стат. свѣд. по народ. обр. во Влад. губ.»; вып. III, изд. 1900 года.

не только не подвинулось впередъ, а скорѣе отступило назадъ". (Стр. XXXII—XXXIV).

Разсматривая затѣмъ свѣдѣнія о продолжительности классныхъ занятій, упомянутый докладъ указываетъ, что въ настоящее время „ежедневныя занятія въ школахъ продолжаются не менѣе 7 часовъ"; при этомъ „каждый урокъ обыкновенно продолжается болѣе часа; есть даже школы, въ которыхъ уроки длятся до $1^1/_2$ часа, и это не случайное явленіе: 10—15% показаній (свѣдѣнія были доставлены болѣе чѣмъ 700 преподавателями) отмѣчаютъ такую продолжительность урока. На какіе же предметы, спрашивается въ докладѣ,— распредѣляется все это время, весь этотъ непомѣрно продолжительный трудъ?" И вотъ какой отвѣтъ дается на этотъ вопросъ: — „Наибольшее число уроковъ въ земскихъ школахъ тратится на грамматику, особенно въ старшемъ отдѣленіи, гдѣ ей посвящается 42% всего учебнаго времени. Русское чтеніе только въ младшемъ отдѣленіи занимаетъ 28,2% всѣхъ уроковъ; но такъ какъ здѣсь изучается только азбука и механизмъ чтенія, то эти уроки русскаго языка, конечно, не имѣютъ никакого ни образовательнаго, ни тѣмъ болѣе — воспитательнаго значенія. По тремъ отдѣленіямъ школы уроки „объяснительнаго чтенія" распредѣляется такъ: въ младшемъ на нихъ отдается 4,7 урока, въ среднемъ 3,7 и въ старшемъ 3,4 урока, т. е. по мѣрѣ того, какъ ученики становятся развитѣе, выучиваются читать, вырастаютъ и начинаютъ больше понимать, самый главный предметъ курса, единственный почти, который можетъ имѣть образовательное вліяніе, сокращается ..... По примѣрнымъ программамъ М. Н. Пр. 1897 года въ старшемъ отдѣленіи по грамматикѣ полагается: „упражненіе въ удовлетворительной, по возможности, постановкѣ знаковъ препинанія между предложеніями и частями предложенія (кромѣ тире и точки съ запятой). Упражненія въ употребленіи буквы *ѣ* въ окончаніяхъ и срединѣ слова. Повторительная и провѣрочная диктовка. Списываніе съ книги. Составленіе несложныхъ описаній по данному плану и писемъ по даннымъ образцамъ". И вотъ на эти, въ большинствѣ случаевъ чисто механическія, упражненія посвящается 6,5 уроковъ въ недѣлю учениками старшей группы" (стр. XXXV). Замѣчая далѣе, что изложенное заключеніе составлено на основаніи отзывовъ, высказанныхъ „положительно всѣми учащими въ начальныхъ школахъ всѣхъ типовъ", — губернская управа добавляетъ, что — „такое единодушное мнѣніе болѣе чѣмъ 700 лицъ, опытныхъ въ преподаваніи, знакомыхъ какъ нельзя лучше съ постановкой учебнаго дѣла въ школѣ, съ запросами и потребностями населенія, заслуживаетъ, конечно, самаго серьезнаго вниманія. Въ однообразныхъ до утомительности отвѣтахъ учащихъ рисуется цѣльная, но далеко не радужная картина внутренней стороны школьнаго дѣла. Вся эта сторона сводится на рядъ механическихъ на-

выковъ, на рѣшеніе трудныхъ задачъ, и вся эта работа даетъ очень незначительные результаты, потому что, по единодушному мнѣнію тѣхъ же 700 педагоговъ, грамматика цѣликомъ забывается по выходѣ дѣтей изъ школы и не оставляетъ никакого слѣда въ развитіи ихъ; ариѳметика тоже почти забывается, и только чтеніе, на которое всего менѣе обращается вниманія, имѣетъ образовательное значеніе и прочно усвоивается дѣтьми. Такимъ образомъ,— говорится въ докладѣ, получается нѣчто непонятное: результаты труда оказываются обратно пропорціональными его затратѣ.... И въ то время, какъ число школъ годъ отъ года увеличивается, грамотныхъ въ деревнѣ прибываетъ, народная литература расширяется, выпускаются десятки милліоновъ книгъ на народный рынокъ,—школа не прибавляетъ знаній, не приспособляетъ своей программы къ новымъ требованіямъ и условіямъ, она даже забываетъ элементарные принципы раціональной педагогики (наглядность въ обученіи) и погружается въ холодную тину рутины и схоластики". (Стр. XXXVI—XXXVII). „Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по народному образованію во Владимірской губерніи", разсматривая условія постановки школьнаго дѣла, высказываетъ, невольно получающее характеръ сарказма, слѣдующее замѣчаніе: „вліяніе условій мѣстной жизни на школьные порядки несомнѣнно признано по крайней мѣрѣ въ одномъ отношеніи—*въ установленіи начала и конца учебнаго года*. Формализмъ и схоластика, угнетающіе школу, не позволяютъ считаться съ этими условіями въ другихъ отношеніяхъ, что, безъ сомнѣнія, очень препятствуетъ школѣ стать въ тѣсную связь съ жизнью и населеніемъ" (стр. 202). Слѣдующими словами резюмируетъ „Сборникъ" матеріалъ, собранный отъ учителей и учительницъ для выясненія разсматриваемаго вопроса: „Итакъ, по мнѣнію самихъ учащихъ, постановка учебнаго дѣла имѣетъ чисто схоластическій характеръ и вся сводится къ пріобрѣтенію механическихъ навыковъ и къ заучиванію разныхъ правилъ грамматики и техническихъ пріемовъ при рѣшеніи „трудныхъ" задачъ. Всѣ силы учащихъ и все время посвящается этому заучиванію; и несмотря на то, что учебный день равенъ 5—7 часамъ и сверхъ этого уроки задаются на домъ, приходится еще заниматься по вечерамъ и увеличивать занятія къ концу года. По мѣрѣ перехода изъ младшаго отдѣленія въ старшее и отъ начала года къ концу—учебное время перераспредѣляется такимъ образомъ, что изъ наиболѣе полезныхъ и необходимыхъ предметовъ выдвигаются тѣ, которые затѣмъ совершенно забываются и не даютъ ни знаній, ни полезныхъ навыковъ. Хотя сами учащіе очень хорошо сознаютъ всю односторонность такой постановки учебнаго дѣла, но, не встрѣчая надлежащаго руководства и стѣсненные разными и особенно экзаменаціонными требованіями, они не могутъ слѣдовать указанію тѣхъ несомнѣнныхъ, очевидныхъ для нихъ фактовъ, которые

постоянно наблюдаютъ въ своей дѣятельности и которые находятъ подтвержденіе въ положеніяхъ теоретической педагогики, и тратятъ свои силы и дорогое время на предметы, хотя и важные, но, по ихъ мнѣнію, въ значительной степени безполезные" (стр. 232—233).

Въ Воронежскомъ уѣздѣ, какъ это свидѣтельствуется „Отчетомъ о состояніи начальныхъ училищъ г. Воронежа и Воронежскаго уѣзда за 1899 годъ",—„во многихъ училищахъ недостаетъ въ русскомъ чтеніи бѣглости — въ среднемъ и даже старшемъ отдѣленіи";—„требованіе же выразительности въ чтеніи достигается еще меньше: не достигнувъ надлежащей бѣглости, о выразительности уже не хлопочутъ. Вслѣдствіе затруднительности чтенія, страдаетъ пониманіе прочитаннаго и умѣнье пересказать". По мнѣнію составителя этого послѣдняго отчета, вина настолько неудовлетворительной постановки преподаванія русскаго языка лежитъ на учительскомъ персоналѣ школъ, въ которыхъ—„кромѣ того, объяснительному чтенію мало дается мѣста, *потому что всѣ уроки по русскому языку посвящаются преимущественно чтенію и правописанію*. Объяснительное чтеніе, гдѣ ведется, ограничивается толкованіемъ непонятныхъ словъ и предметовъ, ... рѣдко касается взаимной связи частей и общаго смысла статьи [1]).

Въ Курской губерніи—„книжность и отвлеченность даваемыхъ за послѣднее десятилѣтіе школою знаній—есть фактъ общепризнанный.... Наша начальная школа стоитъ, казалось бы, очень близко къ природѣ, и ученики ея находятся въ постоянномъ общеніи съ природой. Но на самомъ дѣлѣ получается такое положеніе, что школа или то, что преподается въ школѣ, остается само по себѣ, а природа сама по себѣ. И вотъ, оканчивающіе школу выходятъ изъ нея, съ одной стороны, съ порядочнымъ запасомъ свѣдѣній, хорошо еще, если болѣе или менѣе толково усвоенныхъ, а подчасъ и просто заученныхъ, съ другой же стороны, неспособны сознательно и вдумчиво отнестись къ явленіямъ окружающей природы. Не обладая вслѣдствіе этого достаточной наблюдательностью, они часто не только не стремятся къ дальнѣйшему самообразованію, но подчасъ утрачиваютъ и то немногое, что имъ дала школа и, что хуже всего, иногда не вполнѣ освобождаются отъ нѣкоторыхъ укоренившихся въ нихъ суевѣрій, а это ужъ прямо свидѣтельствуетъ, насколько ученіе осталось для нихъ мертвой буквой" [2]).

Въ начальныхъ школахъ Пермскаго уѣзда въ $190^1/_2$ учебномъ году—„по русскому языку болѣе успѣшно преподавалось обученіе гра-

---

[1]) «Отчетъ о состояніи начальныхъ училищъ г. Воронежа и Воронежской губерніи за 1899 годъ», стр. 358 и слѣд.

[2]) «Докладъ комиссіи по народ. образов. при Курскомъ губ. земствѣ за 1900 г.», стр. 5—6.

мотѣ, элементарная орѳографія, но объяснительное чтеніе велось во многихъ училищахъ безъ системы и по такимъ пріемамъ, которые не могли научить дѣтей извлекать существенное содержаніе изъ прочитаннаго и связно пересказывать вычитанныя мысли. Мало обращалось вниманія на руководства внѣклассныхъ чтеній учащихся. Бѣглость чтенія достигалась довольно успѣшно въ училищахъ, но выразительность была въ большинствѣ училищъ слабая, вслѣдствіе того, что учащіе слишкомъ поздно начинали упражненія, имѣющія цѣлью научить учениковъ читать и произносить выразительно. Въ письменныхъ работахъ порядочно поставлено чистописаніе, много удѣляется времени на диктантъ, но мало на упражненія въ письменномъ изложеніи прочитаннаго, видѣннаго, слышаннаго. Мало было упражненій въ чтеніи рукописей, тогда какъ среди сельскаго населенія пробный камень для оцѣнки „познаній грамотея"—умѣнье разобрать и толково прочесть „бумагу, письмо" [1]).

Мы могли бы привести еще нѣсколько подобнаго рода указаній по губерніямъ: Нижегородской, Орловской, Полтавской, Тверской и Ярославской, но ограничимся только изложенными, вполнѣ достаточными для того, чтобы видѣть, что постановка преподаванія родного языка въ школахъ Московской губерніи не представляетъ чего-либо исключительнаго. При этомъ необходимо, однако, добавить, что, помимо только что приведенныхъ и аналогичныхъ имъ данныхъ, въ имѣющемся матеріалѣ встрѣчаются указанія и иного характера, — свидѣтельствующія, что въ школахъ даннаго уѣзда „все обстоитъ благополучно", или что „курсъ начальныхъ училищъ въ отчетномъ году былъ усвоенъ дѣтьми въ общемъ вполнѣ удовлетворительно" [2]) и т. п. Но такого рода замѣтокъ мы не приводимъ здѣсь не только потому, что наша задача въ настоящемъ случаѣ ограничивается лишь желаніемъ отмѣтить неисключительность въ разсматриваемомъ отношеніи школъ Московской губерніи, но, отчасти, также и потому, что въ имѣющемся матеріалѣ, вмѣстѣ съ положительными отзывами относительно той или иной губерніи или уѣзда, встрѣчаются иногда и указанія отрицательныя, при чемъ разнохарактерность такого рода данныхъ ничѣмъ не объясняется.

Такъ, напримѣръ, въ Уржумскомъ уѣздѣ Вятской губерніи, по словамъ „Отчета о дѣятельности члена училищнаго совѣта г. Матвѣева"—преподаваніе русскаго языка, а въ особенности, письменныя работы не производятъ желательно пріятнаго впечатлѣнія; и—„хотя механическое чтеніе почти во всѣхъ школахъ достигаетъ должной бѣглости, но внятное, отчетливое и выразительное чтеніе встрѣчается въ очень не-

---

[1]) «Журналъ Пермскаго уѣзд. земск. собранія сессіи 1902 г.», стр. 431.

[2]) «Краткій очеркъ состоянія земскихъ училищъ Тульской губ. въ 1901/2 году», стр. 15.

многихъ школахъ, что ясно указываетъ на то, что учительницы не придаютъ должнаго значенія выразительному чтенію и рѣдко прочитываютъ для примѣра статьи съ должнымъ выраженіемъ“ [1]). Инспекторъ народныхъ училищъ Уржумскаго уѣзда г. Вѣнценосцевъ также замѣчаетъ, что „въ отношеніи методическихъ и дидактическихъ пріемовъ преподаванія въ начальныхъ училищахъ Уржумскаго уѣзда дѣло поставлено неправильно: г.г. преподаватели въ громадномъ большинствѣ ограничиваются тѣмъ матеріаломъ, который заключается въ принятомъ учебникѣ“, —и вотъ почему, —говоритъ г. инспекторъ, —„часто видишь полную невозможность требовать хотя бы самыхъ элементарныхъ и необходимыхъ для каждаго школьника познаній, которыхъ невозможно было почерпнуть изъ принятаго учебника; иногда, и нерѣдко, учебникъ опредѣляетъ направленіе всей школы, характеръ учащихся и научныя свѣдѣнія послѣднихъ [2]). Тѣмъ не менѣе, по словамъ того же отчета, — „по русскому чтенію успѣхи въ начальныхъ училищахъ слѣдуетъ признать хорошими. Учащіеся въ большинствѣ являются достаточно развитыми, хорошо читаютъ какъ по печатному, такъ и по рукописному; прочитанное понимаютъ и недурно передаютъ своими словами, обладаютъ въ достаточной степени и научными познаніями изъ отдѣловъ: историческаго, географическаго и другихъ“; существеннѣйшимъ же „недостаткомъ преподаванія русскаго чтенія“ г. инспекторъ признаетъ то, — „что дѣти мало научаются проводить въ жизнь тѣ нравственные принципы, которые слѣдуютъ какъ выводы изъ прочитанныхъ басенъ, патріотическихъ стихотвореній и т. п.“ Въ слѣдующемъ отчетѣ [3]) г. Вѣнценосцевъ отмѣчаетъ, что въ большинствѣ школъ министерская программа 1897 г. не выполняется; указывая этому нѣсколько причинъ, г. инспекторъ называетъ прежде всего разносоставность учащихся: въ болѣе чѣмъ половинѣ школъ уѣзда составъ учениковъ смѣшанный: учатся вмѣстѣ—русскіе и черемисы у учителей, —„часто совершенно незнакомыхъ съ черемисскимъ языкомъ“. Замѣченный въ прошлогоднемъ отчетѣ г. инспектора „недостатокъ преподаванія русскаго языка“, а именно— „то, что дѣти мало научаются проводить въ жизнь тѣ нравственные принципы, которые слѣдуютъ какъ выводъ изъ прочитанныхъ стихотвореній и басенъ“, —недостатокъ этотъ, по свидѣтельству цитируемаго отчета—„остается тотъ же“, но уже—„въ значительно меньшихъ размѣрахъ“.

---

[1]) «Журналъ Уржумскаго уѣзднаго земскаго собранія 1898 г.», стр. 240.

[2]) «Журналъ Уржумскаго уѣзд. зем. собранія 1899 г.». — «Докладъ о состояніи начальныхъ народныхъ училищъ за $189^{8}/_{9}$ уч. годъ», стр. 213.

[3]) «Журналъ Уржумскаго уѣзд. зем. собранія» 1900 г.—«Краткій отчетъ о состояніи начальныхъ народныхъ училищъ» инсп. г. Вѣнценосцева, стр. 564—565.

Предыдущія страницы настоящаго очерка, представляя свѣдѣнія о постановкѣ въ начальной школѣ преподаванія русскаго языка, вовсе почти не касаются вопроса о томъ,—въ какой мѣрѣ уроки названнаго предмета служатъ для сообщенія учащимся знаній по исторіи, географіи и естественной исторіи, что, какъ извѣстно, также ставится задачею обученія въ начальной школѣ.

Печатный матеріалъ, представляемый докладами земскимъ собраніямъ уѣздныхъ земскихъ управъ и училищныхъ совѣтовъ Московской губерніи, мало даетъ указаній по настоящему предмету. Такъ, напримѣръ, Волоколамскій училищный совѣтъ въ докладѣ земскому собранію 1898 г. ограничивается сообщеніемъ, что—„при производствѣ выпускныхъ экзаменовъ“ было обращено вниманіе на общее развитіе учениковъ, при чемъ—„сознательный отвѣтъ о нѣкоторыхъ явленіяхъ природы, понятіе о земномъ шарѣ, солнцѣ, лунѣ, звѣздахъ и другихъ обыденныхъ явленіяхъ жизни—также составлялъ одно изъ условій для выдачи свидѣтельства объ окончаніи курса въ земской школѣ“.

Клинскій училищный совѣтъ, сообщая о „результатахъ годичныхъ испытаній по учебнымъ предметамъ курса начальной школы въ 1899—1900 учебномъ году“, отмѣчаетъ также, что—„окончившіе курсъ ученики и ученицы имѣли познанія о главныхъ событіяхъ и лицахъ изъ русской исторіи и важнѣйшія свѣдѣнія изъ физической географіи и географіи Россіи и могли знакомыя географическія названія показывать на картѣ“.

Въ докладѣ земскому собранію 1902 г. Рузскій училищный совѣтъ замѣчаетъ, что въ школахъ уѣзда—„кромѣ основныхъ предметовъ программы, принималось въ расчетъ и знакомство учениковъ съ элементарными свѣдѣніями по міровѣдѣнію, отечественной исторіи и географіи“.

Серпуховская земская управа, представляя въ своемъ „докладѣ по народному образованію“ за 1902 годъ — „обзоръ состоянія отдѣльныхъ учебныхъ предметовъ“, между прочимъ замѣчаетъ, что — „сообщаемыя при этомъ учащимся (при преподаваніи „русскаго языка“) дополнительныя свѣдѣнія по географіи и исторіи (ученикамъ сообщаютъ свѣдѣнія о рѣкахъ и ихъ притокахъ въ Россіи, главныхъ горахъ и городахъ, промышленныхъ центрахъ ея и свѣдѣнія по этнографіи Россіи) содѣйствуютъ развивающимъ образомъ расширенію умственнаго кругозора учащихся“.

Интересныя указанія по настоящему предмету даны были Дмитровскимъ училищнымъ совѣтомъ въ докладѣ уѣздному земскому собранію „о состояніи начальнаго образованія въ Дмитровскомъ уѣздѣ за 1898—99 учебный годъ“. Докладомъ этимъ отмѣчалось, что кромѣ обязательныхъ предметовъ „вводятся въ школьный курсъ не только какъ

предметы обязательнаго чтенія, но въ нѣкоторыхъ училищахъ, *какъ отдѣльные предметы*,—русская исторія и географія" и что—„эти дополнительныя свѣдѣнія, какъ не установленныя точно программой, въ разныхъ училищахъ были пройдены въ разномъ объемѣ" и при помощи самыхъ разнообразныхъ книгъ для чтенія; при этомъ училищнымъ совѣтомъ дѣлалось замѣчаніе, что—„хотя нѣкоторые изъ гг. экзаменаторовъ при испытаніи спрашивали по исторіи и географіи, *какъ изъ самостоятельныхъ предметовъ*",—тѣмъ не менѣе, училищный совѣтъ находилъ нужнымъ обратить вниманіе на то, что, согласно его мнѣнію, сообщаемыя по названнымъ предметамъ свѣдѣнія—„могутъ быть только попутные, какъ матеріалъ возможнаго, такъ сказать, опредѣленнаго развитія существующей въ настоящее время школы съ трехлѣтнимъ курсомъ, но никакъ не въ значеніи самостоятельныхъ предметовъ".

Большинство докладовъ и отчетовъ уѣздныхъ земскихъ управъ и училищныхъ совѣтовъ Московской губерніи за послѣдніе годы не представляетъ никакихъ указаній о формѣ и размѣрахъ передачи учащимся свѣдѣній изъ исторіи и географіи и вообще предметовъ міровѣдѣнія; но и въ настоящемъ случаѣ отсутствіе подобныхъ указаній также, конечно, не позволяетъ предположить, чтобы въ школахъ этихъ уѣздовъ такого рода знаній учащимся не сообщалось, какъ это и подтверждается полученными по разсматриваемому вопросу учительскими отзывами, значительное большинство которыхъ характеризуется слѣдующими:

1) „Въ младшемъ отдѣленіи приходится почти всецѣло обращать вниманіе на механизмъ чтенія и на пониманіе дѣтьми прочитаннаго. Въ среднемъ отдѣленіи учащіеся начинаютъ постепенно переходить къ чтенію статей научнаго характера, къ концу же года ученикамъ сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія по географіи Россіи. Въ старшемъ отдѣленіи дѣти повторяютъ все пройденное, при чемъ имъ сообщаются добавочныя свѣдѣнія; затѣмъ ученики знакомятся съ физической географіей,—причинами нѣкоторыхъ явленій природы, почвою Россіи, промышленностью, народонаселеніемъ, рѣками и ихъ значеніемъ, съ важнѣйшими городами и ихъ производствомъ, торговлею и т. д.; получаютъ элементарныя свѣдѣнія о другихъ государствахъ; къ томъ же отдѣленіи сообщаются свѣдѣнія о выдающихся фактахъ исторіи Россіи. Кромѣ того, въ третьемъ отдѣленіи дѣти разъ въ недѣлю читаютъ отрывки изъ произведеній русскихъ классиковъ и тутъ же вкратцѣ знакомятся съ біографіей авторовъ. Желательно бы было дольше остановиться на чтеніи научныхъ статей и подробнѣе вести ихъ объясненіе; но, къ сожалѣнію, недостаетъ на это времени".

2) „При обученіи русскому чтенію я имѣю въ виду какъ обученіе языку, въ смыслѣ правильнаго пониманія и послѣдовательнаго пересказа читаннаго, такъ и сообщеніе знаній изъ исторіи, географіи и

физической географіи. Объемъ же сообщаемыхъ знаній зависятъ главнѣйшимъ образомъ отъ времени, удѣляемаго на этотъ предметъ и отъ состава учащихся: чѣмъ учащіеся развитѣе, тѣмъ больше удается сообщить имъ знаній общеобразовательнаго характера. Программа этихъ знаній обусловливается въ данное время книгою для класснаго чтенія г. Баранова „Наше Родное". Урокъ объяснительнаго чтенія очень часто, особенно въ старшей группѣ, проходитъ въ разсказѣ на ту или иную тему, соотвѣтствующая же статья прочитывается учениками уже дома. При такихъ разсказахъ я стараюсь объяснить всѣ тѣ мѣста, которыя потомъ, при самостоятельномъ чтеніи, могли бы быть непоняты учащимися. Этимъ, конечно, я не хочу сказать, что каждая статья изъ книги для чтенія предварительно мною разсказывается, да это и невозможно за недостаткомъ времени. Многія статьи ученики сами прочитываютъ дома или на урокахъ самостоятельнаго чтенія, а потомъ пересказываютъ мнѣ понятое и усвоенное, при чемъ я дѣлаю, если надо, нѣкоторыя разъясненія. При занятіяхъ объяснительнымъ чтеніемъ урокъ рѣдко ограничивается часомъ, а чаще на него уходитъ часа полтора, которые почти всегда кажутся короче часовыхъ уроковъ грамматики; и если бы Московское губернское земство нашло возможнымъ войти съ ходатайствомъ объ исключеніи одной только буквы ѣ, то при удовлетвореніи этой просьбы,—время, удѣляемое на объяснительное чтеніе, увеличилось бы minimum въ полтора раза, что крайне необходимо для деревенскихъ дѣтей, всегда (за рѣдкимъ исключеніемъ) кончающихъ въ земскихъ школахъ свое образованіе".

3) „Въ старшемъ отдѣленіи, кромѣ передачи свѣдѣній, требуемыхъ программою „русскаго языка", имѣется въ виду сообщеніе и другихъ знаній. Сообщаются свѣдѣнія изъ исторіи, географіи, естествознанія. Объемъ этихъ знаній часто зависитъ отъ той книги, которая употребляется для чтенія въ школѣ. Во всякомъ случаѣ за предѣлы книги выходить приходится мало въ виду недостатка времени".

5) „При обученіи русскому чтенію, кромѣ обученія языку, имѣется въ виду и сообщеніе нѣкоторыхъ свѣдѣній по исторіи и географіи Россіи, естествовѣдѣнію и по гигіенѣ; объемъ же свѣдѣній ограничивается статьями, помѣщенными въ классной хрестоматіи".

5) „При обученіи русскому чтенію въ каждомъ отдѣленіи школы, и особенно въ старшемъ, всегда имѣется въ виду сообщеніе по возможности тѣхъ или иныхъ научныхъ свѣдѣній, но, за недостаткомъ времени, въ самыхъ сжатыхъ рамкахъ, ограничиваясь большею частію подборомъ помѣщенныхъ въ учебникѣ статей, дополняя ихъ и поясняя краткими бесѣдами".

6) „Вмѣстѣ съ преподаваніемъ „русскаго языка" имѣется въ виду и сообщеніе свѣдѣній изъ исторіи, географіи и т. д.; но, по отсутствію

подходящихъ классныхъ книгъ (имѣются только книги—„Наше Родное“ г. Баранова), картинъ и другихъ пособій, этихъ знаній дается очень мало, и сообщаются они кратко и не систематично; притомъ же многія изъ читаемыхъ статей для учениковъ сухи. Въ старшемъ отдѣленіи читаются также статьи и изъ физической географіи“.

7) „При обученіи русскому чтенію имѣется въ виду не только научить ребенка читать бѣгло и правильно, но и познакомить его съ исторіей Россіи, географіей, жизнью растеній, животныхъ и вообще съ природой, но, къ сожалѣнію, на это имѣется очень мало времени, въ виду обширной программы правописанія и неимѣнія пособій для наглядности преподаванія“.

8) „При обученіи русскому чтенію учениковъ младшаго отдѣленія главнымъ образомъ имѣется въ виду сознательность и механизмъ чтенія, при чемъ вырабатывается и устная рѣчь учащихся. Въ среднемъ отдѣленіи преслѣдуются тѣ же цѣли и, кромѣ того, выразительность чтенія, въ среднемъ же отдѣленіи ученики должны получить все, что можетъ дать принятая книга для чтенія при помощи выводовъ изъ прочитаннаго. Наконецъ, въ старшемъ отдѣленіи на урокахъ русскаго чтенія учащимся сообщаются различныя свѣдѣнія изъ исторіи, географіи, природовѣдѣнія и другія. Что касается объема этого рода свѣдѣній,— то опредѣлить размѣръ его нельзя: онъ зависитъ отъ выбранной книги для чтенія, отъ величины знаній, опытности и рвенія учителя и т. д.“

9) „При обученіи дѣтей русскому чтенію имѣется въ виду дать имъ необходимыя знанія по исторіи, географіи и естественной исторіи. Свѣдѣнія эти сообщаются попутно, при объяснительномъ чтеніи статей по вышеозначеннымъ предметамъ. При трехгодичномъ курсѣ съ тремя отдѣленіями въ 60 человѣкъ при одномъ учителѣ — уроковъ объяснительнаго чтенія приходится сдѣлать весьма ограниченное число, а потому и объемъ знаній по этимъ предметамъ въ третьемъ отдѣленіи кратокъ и сжатъ. Тѣ свѣдѣнія, которыя помѣщены въ принятомъ классномъ учебникѣ, при всемъ стараніи не успѣваешь выяснить ученикамъ въ теченіе трехгодичнаго курса. Кромѣ того, надобно принять во вниманіе, что свѣдѣнія по исторіи и географіи, разбросаны въ принятыхъ книгахъ г. Баранова недостаточно систематично и часто передаются въ статьяхъ, написанныхъ труднымъ языкомъ; и вотъ почему эти два предмета передаются въ мало-развивающемъ видѣ“.

10) „При обученіи чтенію имѣется въ виду не одно обученіе языку, но и сообщеніе нѣкоторыхъ знаній изъ естественной исторіи, географіи и исторіи въ томъ объемѣ, въ какомъ они изложены въ книгахъ для класснаго чтенія, при чемъ все прочитанное обыкновенно пополняется и разъясняется учителемъ“.

Какъ видимъ, отзывы эти, типичные для большинства получен-

ныхъ отвѣтовъ по данному вопросу, мало отличаются отъ собранныхъ въ 1894 году указаній, большинствомъ которыхъ также сообщалось, что—„уроки чтенія въ каждомъ отдѣленіи школы имѣютъ обыкновенно свои спеціальныя задачи: въ младшемъ — механизмъ и сознательность чтенія, въ среднемъ,—кромѣ того, бѣглость, выразительность и связность пересказа, наконецъ, къ старшемъ, сверхъ того, имѣется въ виду сообщеніе свѣдѣній изъ области міровѣдѣнія и родиновѣдѣнія. Выборъ, а также и объемъ сообщаемыхъ данныхъ этого рода—частію опредѣляются книгою для чтенія, а чаще болѣе—величиною того „свободнаго“ времени, которое остается за исполненіемъ обязательныхъ программныхъ требованій. Это послѣднее обстоятельство дѣлаетъ весьма неодинаковыми, какъ способъ веденія уроковъ объяснительнаго чтенія, такъ и кругъ сообщаемыхъ на такихъ урокахъ свѣдѣній въ различныхъ школахъ: чѣмъ быстрѣе, благодаря какимъ-либо условіямъ (особенностямъ состава учащихся, богатству учебными пособіями, существованію библіотеки и т. д.) идетъ исполненіе обязательной программы, тѣмъ, слѣдовательно, болѣе останется времени и на сообщеніе разнообразныхъ свѣдѣній—и наоборотъ. Даже и въ одной и той же школѣ, въ зависимости отъ числа учащихся, отъ характера ихъ состава, отъ размѣровъ ожидаемыхъ экзаменаціонныхъ требованій и т. д.,—кругъ этого рода непрограммныхъ свѣдѣній рѣдко бываетъ одинаковъ даже въ 2 ближайшіе года“.

Къ меньшинству отзывовъ, полученныхъ въ настоящее время по разсматриваемому вопросу, какъ и ранѣе, принадлежатъ главнымъ образомъ двѣ категоріи ихъ: одни изъ этихъ сообщеній свидѣтельствуютъ, что въ данныхъ школахъ, по недостатку времени, отсутствію желательныхъ учебныхъ пособій и т. п., передача свѣдѣній изъ географіи, естествовѣдѣнія и исторіи—болѣе чѣмъ затруднительна, и потому на эту сторону обученія почти вовсе не обращается вниманія; другія сообщенія по тому же вопросу указываютъ совершенно обратное, а именно: что передача свѣдѣній по названнымъ учебнымъ предметамъ уже не входитъ въ составъ уроковъ „объяснительнаго чтенія“, такъ какъ исторія и географія въ этихъ школахъ выдѣлены въ особые, самостоятельные предметы преподаванія. Было бы желательно, конечно, опредѣлить въ цифрахъ — насколько же велико число школъ въ каждой изъ намѣчающихся категорій. Къ сожалѣнію, сдѣлать этого нельзя, такъ какъ есть цѣлый рядъ отзывовъ, содержаніе которыхъ, по своей неопредѣленности, не позволяетъ отнести соотвѣтствующія школы ни къ одной изъ намѣченныхъ группъ. Общее же впечатлѣніе отъ полученныхъ по разсматриваемому вопросу учительскихъ сообщеній такова, что за послѣднія 8 лѣтъ число школъ, въ которыхъ передача свѣдѣній по географіи и исторіи отсутствуетъ или не зани-

маетъ важнаго мѣста въ ряду сообщаемыхъ предметовъ, — замѣтно уменьшилось; число же школъ съ выдѣленными въ особые предметы преподаванія исторіей и географіей—стало больше. Наконецъ, невольно обращаетъ на себя вниманіе группа отвѣтовъ, свидѣтельствующихъ, что въ настоящее время не мало имѣется школъ, въ которыхъ сообщеніе свѣдѣній изъ области географіи и исторіи болѣе или менѣе близко къ выдѣленію соотвѣтствующихъ особыхъ предметовъ преподаванія. Таковы, напримѣръ, слѣдующія указанія:

1) „Элементарныя свѣдѣнія изъ географіи и отечественной исторіи преподаются иногда въ связи съ чтеніемъ, а въ большинствѣ—отдѣльно. Число уроковъ по этимъ предметамъ опредѣлить трудно, такъ какъ преподаются они не въ обычные урочные часы, а въ послѣ классные, а потому и не записываются".

2) „Въ теченіе года въ старшемъ отдѣленіи была прочитана вся русская исторія и географія, но эти уроки въ журналъ не включены, такъ какъ этими предметами занимались съ половины четвертаго до четырехъ".

3) „Русская исторія и географія, преимущественно Европы и Россіи, стали въ настоящее время уже обязательными предметами, и преподаваніе ихъ ведется систематически, но по недостатку времени не составляетъ еще отдѣльнаго предмета, а идетъ въ связи съ русскимъ чтеніемъ: въ старшемъ отдѣленіи только одинъ урокъ въ недѣлю назначается исключительно для изученія русскаго языка; для остальныхъ же уроковъ по чтенію выбираются преимущественно статьи по исторіи, географіи, естественной исторіи и сельскому хозяйству„.

4) „Свѣдѣнія по исторіи и географіи даются обыкновенно при объяснительномъ чтеніи, но, кромѣ того, уроковъ 10 — 15 въ годъ посвящается исключительно этимъ предметамъ.

5) „При обученіи русскому чтенію имѣется въ виду не только обученіе языку, но и сообщеніе различныхъ знаній, при чемъ, кромѣ обычныхъ уроковъ, учителемъ читалось во внѣклассное время по исторіи Иловайскаго и географіи Меча; такихъ чтеній въ учебномъ году было 14: 7—по исторіи и 7—по географіи".

6) „Изъ уроковъ чтенія было выдѣлено уроковъ 20—исключительно на исторію и географію".

V.

Свѣдѣнія о постановкѣ и результатахъ школьнаго преподаванія ариѳметики очень ограничены и вмѣстѣ съ тѣмъ очень разнообразны. По нѣкоторымъ уѣздамъ ни въ докладахъ, ни въ отчетахъ земскихъ

управъ и училищныхъ совѣтовъ никакихъ общихъ заключеній по разсматриваемому предмету не дается, имѣются лишь отзывы ревизоровъ и экзаменаторовъ о степени удовлетворительности результатовъ преподаванія по каждой изъ школъ, при чемъ замѣчанія эти настолько разнохарактерны, что составить по нимъ какое-либо общее заключеніе не представляется возможнымъ; мало общаго имѣютъ между собою и тѣ немногія заключенія, представляющія собою характеристики постановки преподаванія ариѳметики вообще въ школахъ того или иного уѣзда. Такъ, напримѣръ, Верейская земская управа въ докладѣ „о народномъ образованіи" за 1901 годъ ограничивается краткою замѣткою, что „отвѣты учащихся всѣхъ трехъ отдѣленій по ариѳметикѣ оказались хорошими, устное и письменное рѣшеніе задачъ производилось дѣтьми правильно, бойко и послѣдовательно, на упражненіе дѣтей на коммерческихъ счетахъ также было обращено вниманіе со стороны учителей и учительницъ".

Въ докладѣ земскому собранію 1902 года Бронницкою земскою управою сообщается, что, на основаніи отзывовъ членовъ училищнаго совѣта, между прочимъ, можно сдѣлать слѣдующій выводъ: „преподаваніе ариѳметики идетъ правильнѣе и недостатковъ замѣчается меньше (чѣмъ въ постановкѣ преподаванія иныхъ предметовъ). Все зависитъ отъ большаго или меньшаго усердія преподавателей, хотя желательно, чтобы ученики пріобрѣли большій навыкъ въ устномъ производствѣ дѣйствій надъ небольшими цѣльными числами и простѣйшими дробями ($^1/_3$, $^1/_4$, $^1/_8$)".

Волоколамскій училищный совѣтъ въ докладѣ земскому собранію 1899 г. отмѣчаетъ, что „по ариѳметикѣ какъ въ теченіе года, такъ и на экзаменахъ наблюдалось болѣе письменное рѣшеніе задачъ и менѣе— устное и счетъ, почему обращалось особое вниманіе учителей и учительницъ на устныя вычисленія: въ нѣкоторыхъ училищахъ пройденъ былъ элементарный курсъ дробей, квадратныя и кубическія мѣры".

Докладъ Дмитровскому земскому собранію 1899 года, сообщенный мѣстнымъ училищнымъ совѣтомъ, свидѣтельствуетъ, что „по ариѳметикѣ въ нѣкоторыхъ училищахъ пройденъ весь элементарный курсъ простыхъ дробей съ рѣшеніемъ задачъ на квадратныя и кубическія мѣры; въ иныхъ этихъ мѣръ совсѣмъ не проходилось, а въ другихъ— и о дробныхъ числахъ дано слабое понятіе"; докладъ же Дмитровскаго училищнаго совѣта слѣдующему земскому собранію ограничивается еще болѣе общею замѣткою, резюмирующею отдѣльные отзывы по школамъ тѣмъ только указаніемъ, что „ученики быстро разбираютъ довольно сложныя задачи по ариѳметикѣ".

Клинскій училищный совѣтъ, желая сообщить земскимъ собраніямъ послѣднихъ четырехъ лѣтъ свѣдѣнія о „результатахъ годичныхъ испы-

таній по учебнымъ предметамъ курса начальной школы", указываетъ, что по ариѳметикѣ „общій средній баллъ въ старшихъ отдѣленіяхъ" равнялся: въ 1899 году — 4,$_{36}$, въ 1900 году — 4,$_{45}$, въ 1901 году — 4,$_{33}$; наконецъ въ 1902 году училищнымъ совѣтомъ отмѣчалось, что „по прочимъ (т. е. кромѣ Закона Божія) предметамъ (считая, слѣдовательно, въ числѣ ихъ и ариѳметику) успѣхи *лучшіе*" оказались въ 14 школахъ, въ 10—*очень хорошіе*, въ 24—*хорошіе* и въ 10—*удовлетворительные*.

Рузскій училищный совѣтъ представляетъ земскому собранію 1902 года свое заключеніе объ успѣшности преподаванія ариѳметики въ слѣдующей табличкѣ:

	I отдѣленіе.	II отдѣленіе.	III отдѣленіе.	Общее заключеніе.
Очень хорошо.....	16 шк.—34,0%	11 шк.—23,4%	24 шк.—53,3%	14 шк.—29,7%
Хорошо.....	18 шк.—38,2%	18 шк.—38,2%	13 шк.—28,8%	22 шк.—46,8%
Удовлетворительно..	10 шк.—21,2%	14 шк.—29,7%	7 шк.—15,5%	8 шк.—17,0%
Неудовлетворительно	3 шк.— 6,3%	4 шк.— 8,5%	1 шк.— 2,2%	3 шк.— 6,3%
Итого.	47 шк.	47 шк.	45 шк.	47 шк.

Серпуховскою земскою управою въ докладѣ собранію 1902 года представлены были данныя инспекторомъ народныхъ училищъ слѣдующія указанія объ успѣшности преподаванія ариѳметики въ школахъ уѣзда:

Младшее отдѣленіе.

„Вообще знали счетъ, писали *цифры* и производили *дѣйствія* отлично въ 3 школахъ, хорошо въ 13 школахъ, удовлетворительно въ 17 школахъ и слабо въ 7 школахъ".

Среднее отдѣленіе.

„*Цифры* писали хорошо въ 4 училищахъ, удовлетворительно въ 31 школѣ, некрасиво въ 2 школахъ, плохо въ 3 школахъ.

Устный счетъ производили хорошо въ 10 училищахъ, удовлетворительно въ 12 и плохо въ 18 училищахъ.

Вообще обнаружили успѣшность въ рѣшеніи *задачъ* хорошую 14 училищъ, удовлетворительную 12 училищъ и неудовлетворительную

14 училищъ. Въ пріемахъ обученія наблюдалось значительное разнообразіе: часть училищъ дѣлала письменныя задачи съ планомъ и безъ плана, часть совершенно не рѣшала въ теченіе года письменныхъ задачъ; одни училища не проходили чиселъ свыше 100, другія исполняли программу 1897 года во всей полнотѣ".

Старшее отдѣленіе.

„*Устный счетъ* производили хорошо въ 10 училищахъ, удовлетворительно въ 15 и плохо въ 17 училищахъ.

Нумерацію знали хорошо въ 11 училищахъ, удовлетворительно въ 19 и неудовлетворительно въ 12 училищахъ.

Въ большинствѣ училищъ твердо знали *таблицу мѣръ*, *метрическія* же *мѣры* проходили въ очень незначительномъ числѣ училищъ.

Письменныя задачи дѣлали во всѣхъ училищахъ съ объясненіемъ или съ планомъ; но обнаруживали ошибки въ дѣйствіяхъ надъ числами любой величины учащіеся 12 училищъ.

Упражненія на *торговыхъ счетахъ* производились въ большинствѣ училищъ".

Свѣдѣнія о постановкѣ преподаванія ариѳметики въ школахъ Звенигородскаго уѣзда резюмируются „Отчетомъ училищнаго совѣта земскому собранію 1902 года" слѣдующимъ указаніемъ: „Ариѳметика у младшихъ осталась почти въ прежнемъ состояніи: отличныхъ и хорошихъ отзывовъ — 26, удовлетворительныхъ—28, слабыхъ—4. Лучше знали таблицу мѣръ: вмѣсто 39 удовлетворительныхъ, теперь удовлетворительныхъ 22, при тѣхъ же 4 слабыхъ. Счеты у старшихъ остались въ томъ же положеніи: удовлетворительныхъ—34, слабыхъ—1. Таблица мѣръ также насчитываетъ много только удовлетворительныхъ отзывовъ—33. Рѣшеніе письменныхъ задачъ у старшихъ тоже очень хорошее—41 отзывъ отличный и хорошій, удовлетворительныхъ 15, слабыхъ нѣтъ, но зато у среднихъ удовлетворительныхъ отзывовъ по письменнымъ задачамъ—28, слабыхъ—1, а по устнымъ задачамъ удовлетворительныхъ—25 и слабыхъ—4". Если допустить, что постановка преподаванія того или иного учебнаго предмета не можетъ слишкомъ рѣзко измѣниться за 3—4-лѣтній періодъ, то достаточно интереснымъ должно представиться слѣдующее сообщеніе Звенигородскаго училищнаго совѣта земскому собранію 1899 года: „Въ большинствѣ случаевъ испытанія по ариѳметикѣ въ земскихъ школахъ сводятся къ рѣшенію однѣхъ только задачъ, теоретическихъ свѣдѣній по ариѳметикѣ гг. экзаменаторы почти никакихъ не требуютъ. Твердо знаетъ ученикъ таблицу умноженія и русскія мѣры, сносно считаетъ въ предѣлѣ первой сотни, рѣшилъ письменную задачу,—больше никакихъ

требованій къ нему не предъявлять, отвѣтъ его считается отличнымъ и оцѣнивается въ экзаменаціонномъ спискѣ отмѣткою „пять“. Между тѣмъ, если спросить такого ученика поосновательнѣе, то окажется, что онъ не знаетъ ни нумераціи словеснаго и письменнаго счисленія, ни соотношенія между ариѳметическими дѣйствіями, ни зависимости между числами въ каждомъ дѣйствіи, часто даже механизмъ дѣйствій, пріемы вычисленій надъ многозначными числами производятся неосмысленно, по заученному взубрежъ правилу. При испытаніи иногда приходилось задавать вопросъ: какое частное получается при отвлеченномъ и именованномъ дѣлителѣ, на какіе два случая подраздѣляется дѣленіе, почему при умноженіи на вторую цифру множителя произведеніе начинаютъ подписывать съ десяткомъ? Такіе вопросы для учениковъ были новинкой, и правильныхъ отвѣтовъ не получалось. О дробяхъ дѣти почти не слышали, а если и есть кое-какія свѣдѣнія, то очень смутныя“.

Не менѣе интересныя свѣдѣнія даются затѣмъ г. инспекторомъ народныхъ училищъ К. К. Кноблохомъ въ представленной земскому собранію 1899 года запискѣ, сообщающей „Итоги осмотра начальныхъ народныхъ училищъ Московскаго уѣзда“; наконецъ, достаточно полное представленіе о постановкѣ преподаванія ариѳметики въ школахъ уѣзда позволяютъ составить указанія доклада Подольской земской управы собранію 1901 года.

Въ докладѣ г. Кноблоха сообщается слѣдующее: „По ариѳметикѣ было замѣчено, что ученики нѣкоторыхъ училищъ затрудняются въ устномъ счетѣ, письменное же рѣшеніе задачъ преобладаетъ надъ устнымъ, но при этомъ расположеніе задачъ ведется безъ всякаго порядка: трудно даже бываетъ разобраться, провѣряя задачу, въ постепенномъ ходѣ и развитіи ея, уловить, какое дѣйствіе слѣдуетъ за какимъ, ибо одни пишутъ всѣ дѣйствія цѣликомъ, но не отдѣляютъ одного дѣйствія отъ другого, другіе вычисляютъ на грифельныхъ доскахъ или въ умѣ, и пишутъ потомъ на бумагѣ однѣ строчки, третьи оставляютъ полученные результаты безъ обозначенія наименованія, четвертые изображаютъ числа настолько небрежно, что 4 и 7, 3 и 9 и т. д. трудно бываетъ различить....; на нумерацію чиселъ не вездѣ также обращается должное вниманіе и не удѣляется достаточно времени и труда; съ частями цѣлыхъ чиселъ бываетъ заминка (нѣкоторые преподаватели смотрятъ на нихъ какъ на дроби, прохожденіе коихъ не входитъ въ программу начальныхъ училищъ), при чемъ выходятъ иногда такіе курьезы: ученику предлагается раздѣлить одно яблоко на троихъ, и ученикъ отвѣчаетъ, что каждому достанется *по половинѣ*. Поправляешь ученика...., но ученикъ недоумѣваетъ, а учитель или учительница говорятъ за него, что „мы дроби не проходили“; на ручныхъ

счетахъ, какъ видно, мало дѣлается упражненій. Кромѣ того, замѣчено и обращено вниманіе учащихъ на такой важный недостатокъ, какъ привычка учениковъ отвѣчать на вопросъ, поставленный имъ въ извѣстной формѣ, стоитъ же только измѣнить эту форму—и они теряются въ отвѣтахъ; что ученикамъ знакомъ одинъ способъ рѣшенія задачъ (преимущественно синтетическій), другого же способа (и чаще всего простѣйшаго—аналитическаго) они не знаютъ, что, наконецъ, задачи рѣшаются не по плану, который составляется уже послѣ того, какъ задача сдѣлана, и пишется поэтому не въ началѣ, какъ бы слѣдовало, а въ концѣ задачи".

Только что изложенное, какъ это отмѣчается приведенною выдержкою, относится, однако, только къ „нѣкоторымъ" школамъ, въ большинствѣ же ихъ дѣло преподаванія ариѳметики поставлено лучше; это свидѣтельствуется и цитированнымъ докладомъ, въ концѣ котораго г. инспекторъ говоритъ, что ему—„не хотѣлось бы закончить своихъ итоговъ „на злѣ", и потому онъ утверждаетъ, „съ спокойнымъ сердцемъ, что все-таки дѣло народнаго образованія (а въ частности, слѣдовательно, и обученіе въ школахъ ариѳметикѣ) въ Московскомъ уѣздѣ обстоитъ благополучно, такъ какъ указанные выше недостатки встрѣчаются сравнительно въ немногихъ училищахъ, и при томъ не въ одинаковой степени, число же хорошихъ училищъ составляетъ 70%".

Въ Подольскомъ уѣздѣ „успѣхи по ариѳметикѣ въ большинствѣ школъ вполнѣ удовлетворительны, въ нѣкоторыхъ хороши; если и есть нѣсколько школъ, гдѣ по ариѳметикѣ замѣчаются нѣкоторые недочеты, то это, большею частію, зависитъ отъ причинъ случайныхъ, преходящихъ (дѣтскія эпидеміи, отсутствіе учителя и т. п.). Во многихъ школахъ не обращено должнаго вниманія на устныя вычисленія, которымъ въ курсѣ начальной школы должно быть отведено первенствующее значеніе. Относительно устныхъ вычисленій программа выражается такъ: „Всякаго рода вычисленія должны во всѣ три года дѣлаться и устно, и письменно; хорошо вычисляетъ только тотъ, кто можетъ вычислять въ умѣ". Польза устнаго вычисленія заключается еще въ томъ, что оно естественно и ведется по свободному соображенію, а не по искусственнымъ, разъ установленнымъ, правиламъ; оно имѣетъ дѣло съ числомъ, а не съ цифрою. Такимъ образомъ устный счетъ, кромѣ чисто практической пользы (умѣнье быстро и точно считать), имѣетъ еще большое развивающее (чисто образовательное) значеніе. Во многихъ школахъ не обращено должнаго вниманія на разъясненіе понятій: насколько больше или меньше и восколько больше или меньше. Въ виду важности этихъ понятій программа предлагаетъ уже въ младшемъ отдѣленіи примѣнять ихъ на простѣйшихъ частныхъ примѣрахъ и при рѣшеніи задачъ. Письменныя задачи на отвлеченныя и составныя име-

нованныя числа ученики рѣшаютъ вполнѣ удовлетворительно, при чемъ каждой письменной задачѣ предпосылается планъ ея. Письменныя вычисленія дѣлаются довольно скоро и вѣрно. Лишь въ немногихъ школахъ преподаватели имѣли возможность удѣлить время ознакомленію дѣтей съ вычисленіями площади поверхности и объема простѣйшихъ тѣлъ. Не во всѣхъ также школахъ въ курсъ ариѳметики введены вычисленія съ дробями".

Изъ представленныхъ замѣчаній и приводимыхъ въ нѣкоторыхъ докладахъ училищныхъ совѣтовъ экзаменаторскихъ отзывовъ объ успѣхахъ отдѣльныхъ школъ можно заключить, что, несмотря на одинаковость программы, экзаменаціонныя требованія по предмету ариѳметики по отдѣльнымъ уѣздамъ не вполнѣ одинаковы, неодинаковы и результаты преподаванія ариѳметики въ различныхъ школахъ однихъ и тѣхъ же уѣздовъ. Кромѣ того, этотъ же матеріалъ позволяетъ замѣтить, что причины, опредѣляющія такую неодинаковость отзывовъ объ успѣшности преподаванія даннаго предмета, обусловливаются не только разницей въ степени опытности и педагогической способности преподавательскаго персонала или недостаткомъ учебныхъ пособій, вообще не только условіями, опредѣляющими успѣшность преподаванія, но также и размѣромъ требованій и строгостью оцѣнки школьныхъ успѣховъ со стороны учрежденій и лицъ, которымъ такая оцѣнка ввѣрена.

Въ подтвержденіе только что сказаннаго можетъ послужить приведенный выше отзывъ Звенигородскаго училищнаго совѣта, обращающій вниманіе на недостаточность знанія учениками начальныхъ школъ теоретической стороны предмета ариѳметики; ни однимъ другимъ изъ числа уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ Московской губерніи соотвѣтствующихъ требованій, насколько намъ извѣстно, не предъявлялось; очень невелики этого рода требованія и „Примѣрныхъ программъ" министерства народнаго просвѣщенія; болѣе того, имѣющійся матеріалъ представляетъ случай, когда однимъ изъ пунктовъ, опредѣляющихъ экзаменаціонныя правила, ставится: „теоретическихъ опредѣленій, правилъ и алгебраическихъ плановъ не требовать". [1])

Насколько различенъ можетъ быть взглядъ на методъ и условія преподаванія ариѳметики даже у лицъ, на которыхъ, какъ это отмѣчается цитированнымъ выше докладомъ г. инспектора Кноблоха,— „исключительно лежитъ, по ст. 20 Полож., завѣдываніе учебною частью въ училищахъ",—т.-е. у самихъ гг. инспекторовъ училищъ,—показываетъ сопоставленіе высказанныхъ въ печати мнѣній: г. инспектора Московскаго уѣзда г. Кноблоха и инспектора школъ Богородскаго уѣзда

---

[1]) Журнадъ и докл. «Комиссіи по народ. образов. при Курскомъ губ. земствѣ» за 1899 г., стр. 40.

г. Окоемова—о методахъ рѣшенія ариѳметическихъ задачъ, каковое упражненіе составляетъ существеннѣйшую часть занятій ариѳметикой въ начальныхъ народныхъ школахъ.

Дѣйствительно, въ приведенной выше выдержкѣ изъ доклада инспектора г. Кноблоха, между прочимъ, указывается, что въ нѣкоторыхъ школахъ одинъ изъ существеннѣйшихъ недостатковъ преподаванія ариѳметики тотъ, что ученики рѣшаютъ задачи синтетически, съ „простѣйшимъ“ же способомъ рѣшенія ариѳметическихъ задачъ—аналитическимъ—учащіеся даже незнакомы. Позволимъ себѣ кстати замѣтить, что этимъ-то, повидимому, условіемъ можетъ быть объяснено и то, также указанное г. Кноблохомъ, обстоятельство, что планъ рѣшенія задачи въ нѣкоторыхъ школахъ составляется учениками не въ началѣ рѣшенія задачи, какъ это слѣдовало бы, а въ концѣ, т.-е. послѣ такого рѣшенія. Совершенно обратное говорится въ помѣщенномъ въ „Докладѣ по училищной части“ Богородской земской управы собранію 1902 года „Отчетѣ о богородскихъ педагогическихъ курсахъ“, составленномъ руководителемъ курсовъ инспекторомъ М. К. Окоемовымъ. Въ отчетѣ этомъ опредѣленно высказывается, что „въ начальной школѣ задачи должны рѣшаться преимущественно посредствомъ синтеза; анализъ же можетъ примѣняться къ разбору рѣшенныхъ задачъ, а къ нерѣшеннымъ задачамъ онъ примѣняется изрѣдка, въ простѣйшихъ случаяхъ“; затѣмъ авторъ цитируемаго отчета отмѣчаетъ, что „рѣшаемыя задачи должны быть распредѣлены на группы и каждая группа должна быть проработана методически“, т.-е., слѣдовательно, въ принятыхъ задачникахъ должны быть найдены „типы“, позволяющіе разбить данныя задачи на группы, изъ которыхъ каждая должна быть проработана учащимися отдѣльно. Эти-то указанія, вмѣстѣ съ другими, были, повидимому, изложены и слушателямъ курсовъ.

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о желательности изученія задачъ „по типамъ“, не лишнимъ полагаемъ представить здѣсь примѣръ, поясняющій разницу, между *синтетическимъ* и *аналитическимъ* рѣшеніемъ одной и той же задачи; примѣръ этотъ заимствуется изъ бесѣдъ руководителя бѣлозерскими педагогическими курсами по предмету ариѳметики—г. Н. Дорофеева.

„Положимъ,—говорилось г. руководителемъ,—что прочитана, повторена и усвоена дѣтьми такая задача: „Работникъ нанялся за 192 р. въ годъ. Прослуживъ у хозяина 9 мѣсяцевъ, онъ попросилъ расчетъ и получилъ 100 руб. и нѣсколько аршинъ сукна по 4 р. за аршинъ. Сколько аршинъ сукна онъ получилъ?“. Формулировка задачи почти явная. Было бы лучше, если бы вмѣсто слова „въ годъ“, сказано было „въ 12 мѣсяцевъ“ и если бы вставлены были слова: „только“—послѣ „у хозяина“ и „деньгами“—послѣ „100 руб.“. Слѣдуя принятому

пріему, учитель спрашиваетъ: „что сначала надо узнать?“ *Такъ начинается синтетическое рѣшеніе*. Чтобы отвѣтить на этотъ, повидимому, простой вопросъ, ученикъ долженъ вникнуть въ дальнѣйшее содержаніе задачи и въ могущіе появиться впослѣдствіи вопросы и мысленно разрѣшить, что нужно знать для разрѣшенія слѣдующаго вопроса; и только разрѣшивъ это, онъ можетъ безошибочно отвѣтить на предложенный вопросъ.... Въ противномъ случаѣ его отвѣтъ будетъ гадательный, на авось, что обыкновенно и наблюдается у очень многихъ учениковъ, при чемъ нерѣдки ошибочные отвѣты.... Прослѣдимъ же то мысленное разсужденіе, которое опытный ученикъ продѣлаетъ передъ отвѣтомъ на первый вопросъ. Читая задачу и принимая во вниманіе, что въ условіи встрѣчаются мѣсяцы, а не только годъ, онъ попробуетъ опредѣлить мѣсячное жалованье; зная это послѣднее, онъ въ состояніи вычислить весь заработокъ работника въ 9 мѣсяцевъ; простое исключеніе 100 руб., полученныхъ деньгами, изъ этого заработка опредѣлитъ стоимость всего сукна, при помощи которой, зная цѣну 1 аршина, легко отвѣтить на вопросъ задачи. Вся такая послѣдовательная мысленная работа,—говоритъ г. Дорофеевъ относительно изложеннаго способа рѣшенія задачи,—появится у хорошаго ученика только при условіи, если онъ *догадается*, съ чего начать. Догадаться же не всѣ дѣти и не всегда могутъ, и учителю приходится волей-неволей помогать наводящими вопросами, а чаще—подсказывать. *Такой путь рѣшенія и есть синтетическій* и, какъ можно видѣть изъ предыдущаго, дѣйствительно не легкій, если итти вовсе безъ настоящаго анализа задачи. Ошибочный, гадательный отвѣтъ на первый вопросъ влечетъ за собою невѣрное рѣшеніе. И только настоящій анализъ съ выводомъ плана можетъ оказать помощь въ данномъ случаѣ. Анализъ же начинается обыкновенно съ конца задачи, т.-е. съ ея вопроса. Сдѣлаемъ же,—говорится далѣе въ цитируемой работѣ,—анализъ (той же задачи) по общепринятому вопросо-отвѣтному способу. 1) Вопросъ: Когда мы могли бы узнать, *сколько получено всего аршинъ сукна?*—Отвѣтъ: Если бы узнали, *во сколько рублей цѣнилось все сукно*, такъ какъ простое содержаніе цѣны 1 аршина (4 р.) во всей стоимости дало бы все количество аршинъ. 2) Вопросъ: А когда можно узнать цѣнность всего сукна? Отвѣтъ: Тогда, *когда будетъ извѣстенъ весь 9-мѣсячный заработокъ*, такъ какъ исключеніе изъ него 100 руб., полученныхъ наличными, показало бы стоимость всего сукна. 3) Вопросъ: при какихъ же условіяхъ можно найти этотъ 9-мѣсячный заработокъ?—Отвѣтъ: Если извѣстно, *сколько зарабатывалъ работникъ въ 1 мѣсяцъ*. 4) Вопросъ: А можно вычислить мѣсячную плату? Отвѣтъ: Можно, такъ какъ въ задачѣ дана годовая или 12-мѣсячная плата. Итакъ,—заключаетъ г. Дорофеевъ,—если узнаемъ мѣсяч-

ную плату, потомъ найдемъ 9-мѣсячную, тогда можемъ найти стоимость всего сукна, а слѣдовательно, и число его аршинъ. Это заключеніе, вытекающее изъ анализа, представляетъ ни больше, ни меньше, какъ планъ рѣшенія данной задачи, т.-е. *все, что составляетъ первую и самую главную цѣль при рѣшеніи задачъ*". [1])

Изъ изложеннаго достаточно хорошо видно, насколько обоснованнымъ является указаніе педагогики, что при изученіи ариѳметики „главное значеніе имѣетъ *аналитическій* способъ, такъ какъ лишь путемъ анализа рѣшаются задачи, а *синтетическое* ихъ доказательство является простымъ повтореніемъ" [2]).

Но если это такъ, если ближайшая цѣль усвоенія ариѳметики заключается въ усвоеніи учащимися умѣнья строго логически, при помощи анализа, разобраться въ условіяхъ задачи, то самъ собою напрашивается вопросъ, неужели выполненіе такого требованія настолько затрудняетъ учениковъ и учителей, что на вопросъ „на какія стороны обязательныхъ предметовъ школьнаго курса приходится обращать особое вниманіе и тратить особо много труда въ виду требованій, предъявляемыхъ на экзаменахъ?"—большинство преподавателей Московской губерніи, давшихъ отвѣтъ, отмѣчаетъ вмѣстѣ съ грамматикою и рѣшеніе ариѳметическихъ задачъ. Обращаясь къ болѣе подробнымъ преподавательскимъ сообщеніямъ по данному вопросу, находимъ слѣдующія указанія.

1) „Не мало времени, труда и силъ требуютъ ариѳметическія задачи. Приходится продѣлать массу трудныхъ и замысловатыхъ задачъ, чтобы ученики не провалились на экзаменѣ. Теперь уже появились въ начальной школѣ задачники по типамъ и задачники, требующіи алгебраическаго способа рѣшенія своихъ задачъ".

2) „Много тратится времени на рѣшеніе задачъ: экзаменаторы любятъ предлагать трудныя задачи алгебраическаго характера. Вообще желательно было бы упражнять дѣтей въ начальныхъ училищахъ на рѣшенія задачъ чисто ариѳметическихъ".

3) „Ариѳметическія задачи устныя и письменныя рѣшались у насъ (особенно въ весеннее полугодіе) почти ежедневно: и до начала занятій, т. е. покуда всѣ не соберутся, рѣшались и во время обѣда, рѣшались иногда, какъ наказаніе, и послѣ ученія. Трудныя ариѳметическія задачи сильно утомляютъ дѣтскій умъ, и такія задачи составляютъ иногда для дѣтей неразрѣшимую загадку. Бывали случаи, что учащіеся при

---

[1]) «Отчеты о педагог. курсахъ въ г. Бѣлозерскѣ», учрежденныхъ въ 1901 г.—«Бесѣды руководителя по ариѳметикѣ» Н. Дорофеева, стр. 130—132.

[2]) Ф. Е. Бенеке—„Руководство къ воспит. и обученію", переводъ Н. Х. Весселя, т. II, стр. 258; С.-П.б. 1872 г.

хорошихъ успѣхахъ по всѣмъ предметамъ, по причинѣ непостижимо-головоломныхъ задачъ, жалуясь на непреодолимыя затрудненія и головную боль, оставляли школу за мѣсяцъ передъ экзаменомъ".

4) „Для развитія логичности мысли довольно и простыхъ задачъ. Благодаря задачамъ алгебраическаго характера большинство учениковъ теряетъ голову при экзаменахъ".

5) „Приходится затуманивать соображеніе учениковъ часто встрѣчающимися въ учебникахъ задачами алгебраическаго типа и т. п.".

6) „При трехгодичномъ курсѣ нежелательно рѣшеніе замысловатыхъ задачъ съ предположеніями и задачъ на время, потому что ученики не могутъ быть доведены до вполнѣ самостоятельнаго рѣшенія такихъ задачъ".

7) „На рѣшеніе трудныхъ задачъ затрачивается очень много времени. Изъ опасенія, чтобы письменныя экзаменаціонныя задачи, часто очень трудныя для учениковъ начальной школы, не помѣшали ученикамъ окончить курсъ ученья, приходится въ продолженіе учебнаго года, разумѣется, преимущественно въ старшемъ отдѣленіи, перерѣшать массу всевозможныхъ задачъ".

8) „При обученіи ариѳметикѣ приходится обращать особенное вниманіе на рѣшеніе болѣе труднѣйшихъ задачъ, вслѣдствіе предъявляемыхъ со стороны гг. экзаменаторовъ требованій", и т. п.

Къ только что представленнымъ замѣчаніямъ учительницъ и учителей начальныхъ школъ не лишнимъ будетъ добавить, что подъ названіемъ задачъ „головоломныхъ", „замысловатыхъ" и вообще „трудныхъ"—преподавателями обычно подразумѣваются задачи алгебраическаго характера, если и рѣшаемыя ариѳметически, то при помощи различнаго рода искусственныхъ пріемовъ, а въ большинствѣ случаевъ при помощи предположеній. Въ интересахъ желательно полной характеристики „трудныхъ" задачъ, воспользуемся уже цитированнымъ выше отчетомъ г. Н. Дорофеева [1]), подраздѣляющаго задачи, „доступныя для начальной одноклассной школы", на три разряда: 1) „элементарныя", продѣлываемыя въ младшемъ и, отчасти, въ среднемъ отдѣленіи школъ, а затѣмъ употребляемыя въ качествѣ средства при выясненіи ариѳметическихъ дѣйствій и при рѣшеніи „трудныхъ" задачъ; 2) „задачи болѣе или менѣе *сложныя, легкія*" и 3) „задачи *трудныя*, среди которыхъ много *„типическихъ"*. Задачи второй категоріи, какъ это отмѣчается отчетомъ, имѣютъ большое образовательное значеніе: „на задачахъ сложныхъ, но не трудныхъ весьма удобно и возможно пріучать дѣтей къ выработкѣ плана рѣшенія и къ подробному объясненію

---

[1]) «Отчеты о педагог. курсахъ въ г. Бѣлозерскѣ», отд. 2-й: «Бесѣды руководителя по ариѳметикѣ». Стр. 121, 127, 130 и 133.

и логическому разсужденію съ объясненіемъ причинности каждаго дѣйствія... Значеніе задачъ не въ вычисленіяхъ, которымъ учатся дѣти при разрѣшеніи примѣровъ и формулъ, когда вполнѣ умѣстны вопросы, относящіяся до выработки пріемовъ производства дѣйствій, а въ логической разработкѣ словеснаго содержанія. Поэтому при каждой задачѣ необходимо прежде всего произвести полное словесное разсужденіе съ обоснованіемъ каждаго шага и лишь въ концѣ, какъ бы для провѣрки этого разсужденія, по возможности быстро и не задерживаясь произвести выясненія для полученія численнаго отвѣта". Опредѣляя далѣе, какія же задачи выдѣляются въ разрядъ *„трудныхъ"*, г. Дорофеевъ говоритъ, что подъ этимъ терминомъ „подразумѣваются такія задачи, которыхъ условіе невозможно сформулировать такъ, чтобы онѣ обратились въ задачи явныя. Въ нихъ всегда имѣется нѣчто такое, по поводу чего необходимо бесѣдовать съ дѣтьми, къ чему ихъ слѣдуетъ подводить особенно внимательно при помощи цѣлаго ряда элементарныкъ задачъ. Сюда же относятся всѣ задачи, составляющія такъ называемые *типы* задачъ, въ составъ которыхъ, между прочимъ, входятъ: задачи „на бассейны", задачи „на курьеровъ", состоящія изъ двухъ главныхъ родовъ: „курьеры навстрѣчу" и „курьеры въ догонку", задачи „на совмѣстную работу рабочихъ силъ разнаго рода", „на покупку" и т. д. „И вообще, заканчиваетъ свое перечисленіе г. Дорофеевъ, въ составъ „типичныхъ" входятъ „задачи, легко рѣшаемыя алгебраическимъ путемъ, но съ трудомъ поддающіяся объясненію при рѣшеніи ариѳметическомъ".

Число „типовъ", устанавливаемыхъ различными авторами новѣйшихъ задачниковъ, какъ и слѣдовало ожидать, не одинаково, причемъ наиболѣе распространенные такого рода задачники гг. Терешкевича и Комарова также представляютъ различное число „типовъ"—26 и 34.

Вопросъ о желательности установленія опредѣленныхъ категорій ариѳметическихъ задачъ, и притомъ не только въ курсѣ цѣлыхъ чиселъ, и изученія каждой такой категоріи отдѣльно въ педагогической литературѣ возбуждался и ранѣе, и вотъ что говорилось по этому поводу:

„Было время, когда въ курсъ ариѳметики входили только простыя задачи, преимущественно задачи, для рѣшенія которыхъ нужно пользоваться однимъ дѣйствіемъ. При изученіи дѣйствій съ цѣлыми числами и дробями не давали задачъ сложныхъ, для рѣшенія которыхъ нужно произвести нѣсколько дѣйствій. Въ старыхъ задачникахъ помѣщалось крайне мало задачъ, называвшихся „на всѣ дѣйствія", и при томъ задачи эти, сравнительно съ задачами новѣйшихъ задачниковъ, крайне просты. Всѣ сложныя задачи относились къ концу курса и распредѣлялись по разнымъ правиламъ: тройному, товарищества, смѣшенія, процентовъ и пр. Такъ какъ ученики во время прохожденія курса

ариѳметики не развивали въ себѣ умѣнья *рѣшать* задачи самостоятельно, а занимались преимущественно *вычисленіемъ*, то нельзя было и требовать, чтобы по окончаніи теоретическаго курса они вдругъ могли рѣшать всѣ задачи, поставленныя практикою, или поддѣланныя подъ требованія практики. Оставить ученика безпомощнымъ нельзя, самостоятельно рѣшать онъ не умѣетъ, остается одно: дать извѣстные образцы или шаблоны, и пріучить его пользоваться ими. Рѣшать задачи по шаблону такъ же легко, какъ рисовать по шаблону, но какъ рисующій по шаблону не сумѣетъ ничего нарисовать съ натуры, такъ и рѣшающій шаблонныя задачи не сумѣетъ рѣшить задачу, даже менѣе сложную, но другого образца". Далѣе цитируемою статьею отмѣчалось, что „задачи не должны размѣщаться по рубрикамъ житейскихъ потребностей; цѣль преподаванія ариѳметики не можетъ состоять въ изученіи шаблоновъ на всякій житейскій случай", въ виду чего дѣлалось заключеніе, что „разбивать задачи на рубрики по житейскимъ требованіямъ не цѣлесообразно" и что „отдѣльные способы рѣшеній для каждой рубрики безполезны и даже вредны" [1]). А если это такъ, если эти послѣднія заключенія относятся къ продолжающемуся и теперь выдѣленію въ самостоятельныя группы задачъ „на тройное правило", „на правило смѣшенія" и т. д., то тѣмъ основательнѣе примѣнимы они къ получающему довольное широкое примѣненіе въ начальныхъ школахъ изученію задачъ „по типамъ".

Правда, что въ цитированной статьѣ встрѣчается замѣчаніе, которымъ признаются „вполнѣ полезными рѣшенія ариѳметическимъ путемъ нетрудныхъ алгебраическихъ задачъ"; но дѣло въ томъ, что упражненіе въ рѣшеніи такого рода задачъ, если и признавалось полезнымъ, то не ученикамъ старшаго отдѣленія начальной школы, а болѣе ихъ подготовленнымъ гимназистамъ 3-го класса; однако и въ данномъ случаѣ, какъ оговаривался авторъ, онъ „не стоитъ за обильныя упражненія этого рода на трудныхъ задачахъ и предпочелъ бы познакомить учениковъ съ рѣшеніемъ уравненій, чѣмъ облегчилъ бы ихъ трудъ" и т. д.

Основная цѣль преподаванія въ начальной школѣ ариѳметики опредѣляется педагогомъ Ф. Диттесомъ въ слѣдующей выдержкѣ изъ его „Методики первоначальнаго обученія": „Ежедневный опытъ показываетъ, что въ практической жизни знаніе счета полезно для всякаго, даже для самаго простого рабочаго, и что, напротивъ, неимѣніе хотя бы элементарныхъ свѣдѣній по ариѳметикѣ во многихъ случаяхъ убыточно. Кромѣ того, надлежащее обученіе счету заключаетъ въ себѣ

---

[1]) „Учебно-воспит. библіотека", т. II изд. 1878 г., ст. К. К. Мазинга: „Чему не слѣдуетъ учить въ ариѳметикѣ". Стр. 27—31.

множество свѣдѣній о различныхъ предметахъ обыденной жизни, свѣдѣній, которыя не входятъ ни въ какой другой учебный предметъ элементарной школы, но которыя весьма необходимы для приготовленія ученика къ практической жизни. Къ этому присоединяется важное значеніе ариѳметики для общаго (формальнаго) развитія учащихся, которое такъ высоко цѣнилъ Песталоцци. Хорошее обученіе дѣйствій надъ числами немыслимо безъ пріученія учащихся къ точному и опредѣленному усвоенію даннаго матеріала, къ вѣрнымъ сужденіямъ, къ обдуманнымъ, строго-логическимъ заключеніямъ и къ опредѣленному, точному выраженію мыслей. Одна ошибка портитъ результатъ, добытый путемъ долгаго вычисленія, одинъ несвоевременный перерывъ въ работѣ дѣлаетъ иногда совершенно напраснымъ все добытое раньше. Лишь спокойная сосредоточенность, твердое направленіе воли на данную задачу, непрерывность и настойчивость въ мышленіи ведутъ къ цѣли; поэтому надлежащее обученіе счету необходимо должно оказать дисциплинирующее вліяніе на юношескій умъ“ [1]).

Здѣсь, какъ видимъ, не выражается требованія на „трудныя“ задачи. Что такого рода задачи при ариѳметическомъ способѣ ихъ рѣшенія не отвѣчаютъ основному требованію методики—служить развитію логичности мысли при помощи послѣдовательнаго анализа задачи, это очевидно само собою; также не могутъ онѣ сколько нибудь существенно послужить и требованіямъ практической обыденной жизни, если и заставляющей часто прибѣгать къ счету и ариѳметическимъ дѣйствіямъ надъ простыми и именованными числами, то только въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ требующей умѣнья рѣшить задачу при помощи „смѣкалки“, „находчивости“, рѣшить ариѳметическимъ путемъ алгебраическую задачу; такимъ образомъ, если согласиться, какъ это всѣми принято, что уроки ариѳметики въ начальной школѣ, сообразуясь съ теоретическими требованіями методики и педагогики, должны имѣть въ виду и требованія практической жизни, то нельзя будетъ не признать, что упражненіе учащихся въ рѣшеніи „трудныхъ“, а вмѣстѣ съ тѣмъ и „типическихъ“ задачъ не отвѣчаетъ ни одной изъ указанныхъ цѣлей преподаванія ариѳметики въ начальной школѣ. Практикуемое же въ нѣкоторыхъ школахъ, какъ это видно изъ преподавательскихъ сообщеній, „рѣшеніе задачъ по типамъ“, опредѣляется, повидимому, исключительно желаніемъ или необходимостью „выучить“ къ экзамену ребятъ рѣшать трудныя задачи.

---

[1]) Ф. Диттесъ—„Методика первонач. обученія“, перев. Н. Н. Запольскаго и А. П. Кирпотенко; С.-Пб. 1876 г. Стр. 200.

VI.

Предыдущія главы настоящаго очерка, содержащія характеристику постановки преподаванія въ нашихъ начальныхъ школахъ учебныхъ предметовъ школьной программы, позволяютъ сдѣлать тотъ же общій выводъ, къ которому привело разсмотрѣніе соотвѣтствующаго матеріала, собраннаго 8 лѣтъ тому назадъ, а именно: „согласно установившимся требованіямъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ Московской губерніи болѣе всего обращается вниманія и особенно много тратится труда на то, чтобы научить дѣтей грамматически правильно писать и рѣшать ариѳметическія задачи".

Однако, если общій характеръ школьнаго обученія за указанное время существенному измѣненію и не подвергся, тѣмъ не менѣе изъ тѣхъ же, представленныхъ выше данныхъ, можно видѣть, что тотъ объемъ, въ которомъ признается желательнымъ передать учащимся предметы школьнаго курса, значительно расширился; болѣе же детальное разсмотрѣніе имѣющагося матеріала позволяетъ замѣтить, что хотя такое расширеніе программы и наблюдается, однако выразилось оно съ неодинаковою силою не только въ отдѣльныхъ уѣздахъ, но даже въ отдѣльныхъ школахъ однихъ и тѣхъ же уѣздовъ.

Для характеристики представленныхъ по настоящему предмету отзывовъ лицъ преподавательскаго персонала, приводимъ слѣдующія указанія учителей и учительницъ четырехъ уѣздовъ, данныя на вопросъ о томъ,—„не измѣнилось ли за послѣднія 8 лѣтъ службы преподавателя его отношеніе къ системѣ или объему преподаванія какого-либо предмета; на какіе предметы или на какія стороны ихъ удѣляется теперь (по сравненію съ прежнимъ) болѣе вниманія и труда, на какіе менѣе и т. д." Вотъ что, напримѣръ, по этому вопросу сообщается учительницами и учителями Богородскаго уѣзда:

1) „Я нахожусь на должности преподавательницы восемь лѣтъ. За это время замѣтнаго измѣненія въ системѣ преподаванія не произошло. Предметы же грамматика и ариѳметика по объему нѣсколько увеличены".

2) „За послѣднія 8 лѣтъ приходится одинаково обращать преимущественное вниманіе на грамматику и ариѳметику".

3) Разницы между прошлымъ и настоящимъ нѣтъ, и теперь стараніе сдѣлать диктанты безошибочными отнимаетъ страшно много времени, а между тѣмъ польза отъ этого болѣе чѣмъ сомнительна".

4) „Сравнительно съ прежнимъ немногимъ больше приходится удѣлять времени на грамматику, диктантъ и устный счетъ".

5) „Больше вниманія и труда удѣляется на диктанты, слѣдователь-

но и на грамматику, а также на письменныя изложенія: причина этого—увеличеніе объема программы и требованіе экзаменаторовъ".

6) „За послѣднія 8 лѣтъ ни система преподаванія, ни объемъ программы въ нашей школѣ не измѣнились".

7) „Не измѣнилось".

8) „Приходится только гораздо болѣе, чѣмъ прежде, передавать грамматическихъ свѣдѣній въ среднемъ отдѣленіи".

9) „Увеличилась программа по ариѳметикѣ, удѣляется больше вниманія и труда на исторію и географію, необходимо стало письмо изложеній и сочиненій, а съ тѣмъ вмѣстѣ стало требоваться большее знаніе грамматики".

10) „Сравнительно съ прежнимъ теперь больше вниманія и труда употребляется на систематичность сообщенія различныхъ знаній на урокахъ чтенія, а также на достиженіе болѣе сознательнаго отношенія учащихся къ читаемому; кромѣ того, требуется болѣе красивое и четкое письмо, что достигается въ ущербъ прежней скорости. Указанная разница вызвана своимъ опытомъ и требованіями гг. ревизоровъ и экзаменаторовъ".

Дмитровскаго уѣзда:

1) „За послѣднія 8 лѣтъ преподаваніе русскаго языка и ариѳметики, какъ въ системѣ, такъ и по объему, сильно измѣнилось и, конечно, къ лучшему. При обученіи русскому языку прежде преподавателями обращалось вниманіе болѣе на механизмъ чтенія (?); а въ настоящее время — наоборотъ: удѣляется болѣе вниманія и труда на разумное объяснительное чтеніе, относя сюда и сообщеніе знаній по исторіи, географіи и т. д., а также на выразительность чтенія и умѣнье хорошо передавать читаемое устно и письменно. Грамматическія познанія требуются отъ учащихся, къ сожалѣнію, почти тѣ же, что и прежде, унося много труда и дорогого времени отъ преподавателя и дѣтей, въ ущербъ пріобрѣтенія этими послѣдними болѣе полезнаго. Затѣмъ при обученіи ариѳметикѣ въ настоящее время обращается главное вниманіе на то, чтобы дѣти хорошо могли владѣть числами при вычисленіяхъ, какъ устно, такъ и письменно, пользуясь при этомъ извѣстными пріемами, облегчающими вычисленія, а теорія, какъ излишній балластъ въ курсѣ народной школы, совсѣмъ выключена".

2) „При преподаваніи русскаго языка усиленное вниманіе обращается на чтеніе статей по исторіи и географіи, чего раньше не было; преподаваніе ариѳметики расширилось по объему".

3) „За послѣднія 8 лѣтъ измѣнилось въ объемѣ преподаваніе всѣхъ предметовъ: теперь требуется болѣе полное знаніе грамматики, и нѣкоторыхъ свѣдѣній изъ исторіи и географіи; по ариѳметикѣ—введены въ курсъ мѣры квадратныя и кубическія и начальныя свѣдѣнія о дробяхъ".

4) „Въ послѣднее время я болѣе обращаю вниманіе на объяснительное чтеніе и стараюсь выработать слогъ учениковъ при пересказѣ; менѣе стала обращать вниманія на заучиваніе грамматическихъ опредѣленій и правилъ, которыя мало остаются въ памяти учащихся; еще болѣе обращаю вниманія на устный счетъ и упражненіе на счетахъ, что необходимо въ обыденной жизни крестьянина".

5) „Больше вниманія и труда обращается на рѣшеніе задачъ, ариѳметическихъ формулъ, на выразительность чтенія, а также на объяснительное чтеніе".

6) „Пришлось расширить преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ; напримѣръ—по ариѳметикѣ прибавилось прохожденіе дробей, вычисленіе площадей и объемовъ и сообщеніе понятія о процентахъ; за послѣднее время обращено больше вниманія на устный счетъ въ предѣлѣ 1000 даже въ среднемъ отдѣленіи. Все это проходится въ самомъ элементарномъ видѣ, такъ что не думаю, чтобы такія знанія были прочно закрѣплены въ умѣ учениковъ".

7) „Хотя и прежде требовалось удѣлять на правописаніе больше труда и вниманія, чѣмъ на другіе предметы, а теперь, въ виду требованія почти безошибочнаго письма при диктантѣ, приходится еще болѣе удѣлять на это и труда и времени".

8) „Перемѣны не замѣчаю".

9) „Въ теченіе 9 лѣтъ моей службы, на мой взглядъ, измѣненій никакихъ не произошло".

10) „Какъ и ранѣе, на ариѳметику и особенно на преподаваніе грамматики и на диктанты приходится одинаково много обращать труда и тратить времени, хотя изученіе грамматическихъ тонкостей пользы не приноситъ ребятамъ и все преподанное имъ изъ грамматики къ концу лѣта же исчезаетъ".

Изъ сообщеній учительницъ и учителей школъ Московскаго уѣзда:

1) „На экзаменѣ требуется теперь письменное изложеніе, чего прежде не было; много свѣдѣній требуется по исторіи и географіи. Чѣмъ такое расширеніе программы вызвано?—право, не знаю. Думается, что размѣръ экзаменаціонныхъ требованій зависитъ отъ взгляда экзаменующаго лица на это дѣло. Въ виду всего этого учимъ грамматику, чтобы безъ ошибокъ написать диктантъ и изложеніе, учимъ исторію, чтобы назвать знаменитыхъ людей прошлаго времени и перечислить бывшія войны".

2) „Требованія по географіи и исторіи ежегодно все увеличиваются, а потому на эти предметы приходится удѣлять теперь труда и вниманія болѣе. Въ прежніе годы на экзаменѣ письменныхъ изложеній не дѣлалось, задача же ариѳметическая давалась изъ того задачника, который употреблялся въ училищѣ. А въ настоящее время,—кромѣ дик-

танта, дается на экзаменѣ изложеніе, задача же приводится г. экзаменаторомъ изъ неизвѣстнаго задачника, въ виду всего этого приходится усиленнѣе заниматься рѣшеніемъ задачъ и чаще упражнять дѣтей въ письменномъ изложеніи прочитаннаго".

3) „Требованія, предъявляемыя гг. экзаменаторами, значительно увеличились, почему и объемъ преподаваемыхъ въ школѣ предметовъ сталъ обширнѣе. Отъ учениковъ, кончающихъ курсъ, кромѣ отчетливой передачи знаній по предметамъ курса, требуется усвоеніе свѣдѣній по исторіи и географіи Россіи. Затѣмъ гг. экзаменаторами требуется отъ учениковъ умѣлая передача усвоеннаго какъ устно, такъ и письменно".

4) „Преподавателямъ прибавилось труда на сообщеніе свѣдѣній по исторіи и географіи, на сообщеніе мѣръ метрическихъ, а также на то, чтобы обучить дѣтей возможно правильнѣе излагать прочитанныя статьи; замѣчаемая разница произошла согласно требованіямъ, предъявляемымъ на экзаменахъ".

5) „За послѣднія 4—5 лѣтъ болѣе, чѣмъ прежде, времени и труда удѣляется на обученіе письменному изложенію статей, на пріобрѣтеніе учащимися знаній по отечественной исторіи, географіи и естествовѣдѣнію. Ранѣе же этого времени ни программою, ни на экзаменахъ такихъ знаній не требовалось; затѣмъ въ послѣдніе годы увеличился объемъ требованій по ариѳметикѣ, такъ какъ стало требоваться знаніе метрической системы".

6) „Какъ помнится, 8 лѣтъ назадъ программа по грамматикѣ и ариѳметикѣ была даже немного обширнѣе теперешней, но тогда обращалось особенное вниманіе на диктантъ и задачи, а на экзаменахъ ученикамъ приходилось выполнять только двѣ письменныя работы. Теперь программа стала менѣе обширной (я говорю о программѣ 1897 г. безъ дополнительныхъ требованій), на экзаменахъ же все также требуется правильно написанный диктантъ, хорошо рѣшенная задача, да сверхъ всего этого—правильно и логично написанное изложеніе".

7) „На устную и письменную передачу прочитаннаго".

8) „За послѣднія 8 лѣтъ объемъ преподаваемаго значительно возросъ: увеличились требованія по выработкѣ слога при изложеніяхъ, расширено знаніе этимологіи и синтаксиса, требуется знаніе метрической системы и нѣкоторыхъ указаній славянской грамматики (аористъ, дательный-самостоятельный, двойственное число и т. п.). Указанная перемѣна вызвана требованіями экзаменаторовъ на выпускныхъ испытаніяхъ".

9) „Больше и больше обращается вниманіе на диктантъ и ариѳметику, что обусловливается соревнованіемъ преподающихъ".

10) „Никакихъ существенныхъ измѣненій не произошло: грамма-

тика занимаетъ первенствующее мѣсто, а безукоризненное, безошибочное письмо въ диктантѣ и въ изложеніи почти во всѣхъ школахъ преслѣдуется съ одинаковою силою".

Изъ сообщеній учителей и учительницъ школъ Серпуховскаго уѣзда:

1) „Кромѣ того, что стало требоваться письменное изложеніе, на которое теперь обращается большое вниманіе, никакихъ измѣненій не замѣчается".

2) „Въ виду требованій, предъявляемыхъ на экзаменахъ, приходится больше обращать вниманіе на диктантъ, письменное изложеніе, а также на болѣе основательное изученіе грамматики, чего прежде не требовалось".

3) „Стало требоваться письменное изложеніе; болѣе никакихъ измѣненій за послѣднія 8 лѣтъ не замѣчаю".

4) „Больше удѣляется времени, труда и вниманія на правописаніе, а особенно—на письменное изложеніе статей".

5) „По сравненію съ прежнимъ—болѣе удѣляется труда и вниманія на грамматику и устный счетъ".

6) „Много удѣляется теперь труда на письменныя работы".

7) „Перемѣны за послѣднія 8 лѣтъ не произошло".

8) „Перемѣнъ, за весьма небольшими исключеніями, нѣтъ; вообще же большее вниманіе обращается на диктантъ, изложеніе, на передачу прочитаннаго и умѣнье быстро рѣшать задачи; такое направленіе преподаванія обусловлено требованіями большинства экзаменаторовъ".

9) „Не измѣнилось".

10) „Какъ ариѳметика, такъ и грамматика проходятся въ томъ же объемѣ, но въ послѣднее время больше обращается вниманія на общее развитіе учениковъ, которымъ въ большемъ объемѣ сообщаются свѣдѣнія по исторіи и міровѣдѣнію".

Представленныя четыре группы отзывовъ достаточно точно передаютъ характеръ замѣчаній, данныхъ учителями указанныхъ четырехъ уѣздовъ,—въ общей же суммѣ приведенныя замѣчанія представляются типичными вообще для всѣхъ полученныхъ отъ гг. преподавателей отвѣтовъ на изложенный выше параграфъ вопроснаго бланка. И хотя отзывы эти настолько разнохарактерны, что никакой группировкѣ по своему содержанію не поддаются, тѣмъ не менѣе, они позволяютъ заключить, что за послѣднія 8 лѣтъ объемъ преподаваемыхъ въ начальныхъ школахъ свѣдѣній изъ области учебныхъ предметовъ увеличился, при чемъ значительно больше стало сообщаться свѣдѣній при объяснительномъ чтеніи по исторіи и міровѣдѣнію; болѣе вниманія стало обращаться также на письменный пересказъ учащимися сообщенныхъ имъ

или прочитанныхъ ими описаній, разсказовъ и т. п. Наиболѣе замѣтно такое расширеніе программы выразилось въ уѣздахъ — Московскомъ, Дмитровскомъ, Звенигородскомъ и Клинскомъ, съ сравнительно же меньшею силою оно сказалось въ школахъ Верейскаго и, повидимому, Богородскаго уѣздовъ.

Только что изложенные выводы, къ которымъ приводитъ разсмотрѣніе отзывовъ учителей, было бы, безъ сомнѣнія, очень желательно подкрѣпить авторитетными указаніями по тому же предмету мѣстныхъ общественныхъ учрежденій. Къ сожалѣнію, земскія управы и училищные совѣты, за исключеніемъ Дмитровскаго, въ своихъ докладахъ земскимъ собраніямъ послѣднихъ лѣтъ мало касаются даннаго вопроса. Имѣя, однако, основанія полагать, что внутренняя, учебная часть школьнаго дѣла отдѣльныхъ уѣздовъ не можетъ слишкомъ рѣзко выдѣлять мѣстныя школы изъ общаго состава школъ губерніи, и что, слѣдовательно, указанія, характеризующія школы Дмитровскаго уѣзда въ большей или меньшей степени относятся къ значительному числу школъ вообще губерніи, не лишнимъ полагаемъ привести замѣчаніе Дмитровскаго училищнаго совѣта, обратившаго вниманіе земскаго собранія 1899 года на то, что—„во всѣхъ или по крайней мѣрѣ, въ огромномъ большинствѣ школъ есть стремленіе расширить курсъ программъ, установленныхъ для типа этихъ школъ..... Въ какой мѣрѣ пошло это расширеніе курса, видно изъ нижеслѣдующаго сопоставленія: по Закону Божію, слѣдуетъ пройти молитвы, краткій катехизисъ и священную исторію, проходится же, кромѣ того, и богослуженіе, а въ нѣкоторыхъ училищахъ и изъ исторіи церкви. По русскому языку программа ограничиваетоя чтеніемъ гражданской и церковной печати и письмомъ, а въ большинствѣ училищъ проходится и курсъ грамматики. По ариѳметикѣ—четыре дѣйствія съ цѣлыми числами, а въ большинствѣ училищъ проходится и о простыхъ дробяхъ и, кромѣ этихъ предметовъ, вводится въ курсъ не только какъ предметъ объяснительнаго чтенія, но въ нѣкоторыхъ училищахъ, какъ отдѣльные предметы,—русская исторія и географія“, при чемъ, какъ въ дальнѣйшемъ изложеніи оговаривается цитируемый докладъ училищнаго совѣта,—„эти дополнительныя свѣдѣнія, какъ не установленныя точно программой, въ разныхъ училищахъ были пройдены въ разномъ объемѣ“.

Основными причинами, вызвавшими указанное расширеніе учебнаго курса, Дмитровскій училищный совѣтъ видитъ въ „обширности министерской программы“ и въ стремленіи обезпечить учениковъ возможно большими знаніями и этимъ способствовать большему ихъ развитію *). Было бы, конечно, въ высокой степени интереснымъ выяс-

*) «Докл. Дмитров. уч. совѣта зем. собр. сессіи 1900 г., о состояніи начальн. образов. въ уѣздѣ за 1899—1900 г.», стр. 33.

нить, въ какой мѣрѣ эти послѣднія предположенія могутъ быть обоснованы фактами дѣйствительности; въ особенности представляется желательнымъ опредѣлить,—какое въ данномъ случаѣ имѣло значеніе изданіе въ 1897 году новыхъ программъ; что же касается значенія „потребности дать ученикамъ необходимое развитіе“,—то для опредѣленія степени вліянія этого стремленія едва ли можетъ быть собранъ необходимый, поддающійся учету матеріалъ.

Обращаясь къ отзывамъ учителей, даннымъ на предложенный имъ вопросъ—„не вызвана ли разница въ постановкѣ преподаванія учебныхъ предметовъ изданіемъ новой программы для начальныхъ училищъ въ 1897 году“,—находимъ такъ же, какъ и въ отвѣтахъ на предыдущій параграфъ вопроснаго бланка, самыя различныя указанія. Такъ, напримѣръ, нѣкоторыми сообщеніями опредѣленно свидѣтельствуется, что, дѣйствительно,—„ разница въ объемѣ преподаваемыхъ предметовъ вызвана и явилась какъ слѣдствіе новой программы съ увеличеннымъ курсомъ и крайне неравномѣрнымъ распредѣленіемъ предметовъ школьнаго курса по особымъ отдѣленіямъ школы“; что—„согласно указанію новой программы (относительно „дополнительныхъ свѣдѣній“) стали проходить квадратныя и кубическія мѣры, а также начали упражнять учениковъ въ счетѣ на торговыхъ счетахъ“. Другіе отзывы (и такихъ большинство), при томъ высказанные учителями тѣхъ же уѣздовъ, съ неменьшею увѣренностью утверждаютъ, что „требованія, предъявляемыя программой 1897 года, не отразились на результатахъ и системѣ преподаванія“; что „новая программа не измѣнила ни системы, ни объема преподаванія учебныхъ предметовъ; все направленіе этого преподаванія, было опредѣлено самими преподавателями“, въ частности же, по отзыву одного изъ нихъ, въ данномъ случаѣ сказалось „поощреніе ревностныхъ преподавателей, которые ставятся въ примѣръ, что вызываетъ соревнованіе въ другихъ учащихъ, которые, въ ущербъ собственному здоровью и здоровью учащихся, съ трудомъ достигаютъ требуемыхъ результатовъ“. Такимъ образомъ,—говорится въ отзывахъ этой категоріи,—если въ этой области —„и есть какія-либо измѣненія, то они вызваны никакъ не программой, а общею постановкою школьнаго дѣла въ уѣздѣ“; въ особенности же „требованіемъ со стороны экзаменаторовъ“, такъ какъ, согласно одному изъ такихъ замѣчаній, — все зависитъ отъ взгляда на дѣло членовъ училищнаго совѣта“. Наконецъ нѣкоторыми учительницами и учителями замѣчено, что „Примѣрныя программы“ только лишь резюмировали экзаменаціонныя требованія, созданныя условіями школьно-учебной жизни; „программа только оформила требованія начальства“; „какъ до изданія новыхъ программъ, такъ и послѣ изданія ихъ,—говорится въ одномъ изъ этихъ послѣднихъ отзывовъ, — приходилось и приходится считаться съ тѣми же самыми

отрицательными сторонами въ постановкѣ дѣла начальнаго обученія, и борьба съ ними не только не облегчилась, но скорѣе, какъ я замѣчаю, стала болѣе затруднительной, такъ какъ примѣненіе „Примѣрныхъ программъ“ какъ бы создало „законное“ основаніе тѣмъ самымъ требованіямъ, которыми, и раньше изданія новыхъ программъ, давалось преобладаніе развитію механическихъ навыковъ, работа же надъ умственнымъ развитіемъ обучаемаго не вызывалась“.

Въ виду интереса, вызываемаго учительскими указаніями по разсматриваемому предмету, нелишнимъ будетъ привести еще одну выдержку изъ сообщенія учительницы сельской школы, достаточно полно резюмирующую такого рода замѣчанія.

„Кореннымъ недостаткомъ въ примѣняемой нынѣ программѣ,— говорится въ этомъ сообщеніи,—приходится признать преобладаніе въ ней такого матеріала, который усвоивается преимущественно механически, памятью, при чемъ и объемъ и содержаніе подлежащаго изученію матеріала оказывается непосильнымъ и неподходящимъ для дѣтей школьнаго возраста, съ которыми приходится заниматься..... Программа по русскому языку детально опредѣляетъ рядъ свѣдѣній по грамматикѣ для каждаго изъ отдѣленій, перечисляя и письменныя работы, которыя должны служить „для укрѣпленія пройденныхъ правилъ въ памяти учениковъ“: диктантъ съ предупрежденіемъ ошибокъ и провѣрочные, списываніе съ книги, письмо выученнаго наизусть, — этими указаніями закрѣпляется преобладаніе работъ преимущественно грамматическаго характера. „Пояснительная записка по русскому языку“ ставитъ задачей „довести ученика до правильной разговорной рѣчи и правильнаго по возможности письма“. Какъ будто умственное развитіе обучаемаго, которое достигается постепенными упражненіями въ выработкѣ правильныхъ понятій и представленій (о чемъ совершенно молчитъ программа) не оказываетъ большого вліянія на правильность устной и письменной рѣчи, и—„правильная, точная устная передача видѣннаго и слышаннаго“ какъ будто возможна безъ развитія способности наблюдать окружающее и безъ запаса знаній изъ міра реальной дѣйствительности. Не противорѣча требованіямъ „примѣрныхъ программъ“, преподаваніе „русскаго языка можетъ быть сведено къ чтенію и пересказу статей по школьнымъ хрестоматіямъ безъ стремленія вызвать интересъ и способность наблюдать и понимать тѣ предметы и явленія, о которыхъ ученикъ механически читаетъ и разсказываетъ по книгѣ; такъ же малоцѣнны, въ смыслѣ оживленія преподаванія родного языка, письменныя работы преимущественно грамматическаго характера или письменныя изложенія прочитаннаго по книгѣ разсказа, безъ предварительной выработки ясныхъ, опредѣленныхъ понятій о предметахъ и явленіяхъ, о которыхъ ученикъ обыкновенно получаетъ лишь

поверхностныя свѣдѣнія, изложенныя сухимъ языкомъ хрестоматій, и не провѣряетъ собственнымъ опытомъ и наблюденіемъ. Странное впечатлѣніе производятъ совѣты поставить русское чтеніе такимъ образомъ, чтобъ учащій „въ видахъ лучшаго разъясненія статьи“ „не удалялся отъ читаемаго текста“, чтобы „не увлекался желаніемъ дѣлиться всѣми (?) (это ужъ слишкомъ неосновательное подозрѣніе и излишняя предосторожность: какъ будто учитель не можетъ самъ опредѣлить количество и объемъ необходимыхъ поясненій) свѣдѣніями, которыя онъ самъ имѣетъ о данномъ предметѣ“. Вообще программа не говоритъ о снабженіи учениковъ какими-либо знаніями, кромѣ грамматическихъ, при обученіи родному языку, и если находимъ вскользь брошенныя слова объ исторіи и географіи Россіи, о естествовѣдѣніи, поскольку оно можетъ имѣть отношеніе къ сельскому хозяйству, гигіенѣ,—то съ указаніемъ опредѣленныхъ границъ: читать статьи по этимъ предметамъ изъ школьныхъ хрестоматій указаннымъ выше способомъ. Понятно, при такихъ взглядахъ на задачи обученія родному языку, программа обходитъ полнымъ молчаніемъ объяснительное чтеніе, построенное на принципѣ наглядnаго обученія и такъ наз. предметные уроки—работы, изъ которыхъ учащіеся преимущественно получаютъ матеріалъ для образованія правильныхъ представленій и понятій „о видѣнномъ и слышанномъ“ и пріобрѣтаютъ тѣ реальныя знанія, безъ которыхъ немыслимо и самое изученіе языка и умственное развитіе обучаемаго. Пренебреженіе къ этой важной сторонѣ начальнаго обученія приводитъ къ чрезвычайно уродливой постановкѣ преподаваніе одного изъ самыхъ важныхъ предметовъ въ курсѣ начальной школы: обученіе родному языку становится сухимъ, книжнымъ и, не развивая наблюдательности и любознательности, не даетъ толчка къ дальнѣйшему самообразованію“. Это послѣднее обстоятельство, какъ говорится далѣе въ цитируемомъ отзывѣ, приводитъ къ тѣмъ болѣе печальнымъ результатамъ, что въ составъ учрежденій, оказывающихъ воздѣйствіе на характеръ преподаванія, нерѣдко входятъ лица, недостаточно хорошо знакомыя ни съ задачами педагогіи теоретической, ни съ требованіями фактической постановки школьнаго дѣла.

Указаніе на то; что характеръ постановки учебнаго дѣла въ отдѣльныхъ школахъ въ значительной мѣрѣ зависитъ не только отъ общихъ условій, но и отъ особенностей взгляда на этотъ предметъ тѣхъ лицъ, которымъ ввѣрено наблюденіе за ходомъ школьнаго преподаванія, его оцѣнка, производство ревизій и экзаменовъ, встрѣчается, помимо приведенныхъ, во многихъ сообщеніяхъ преподавателей начальныхъ школъ. Вотъ, напримѣръ, какія указанія даются по этому предмету учительскими сообщеніями:

1) „Особенное вниманіе приходится обращать на диктантъ, на рѣ-

шеніе хитроумныхъ задачъ, а потомъ, сообразно съ предполагаемымъ экзаменаторомъ, на знаніе исторіи, географіи или стихотворенія. Иной изъ гг. экзаменаторовъ такъ восхитится излюбленными имъ свѣдѣніями, что требованія программы займутъ какъ бы второе мѣсто, а иной—такъ взглянетъ на знаніе сверхпрограмныхъ свѣдѣній, что учителю приходится жалѣть о потраченномъ времени на сообщеніе и запоминаніе этихъ свѣдѣній".

2) „Каждый экзаменаторъ предъявляетъ свои требованія и считаетъ важными только ихъ. Поэтому стараешься заранѣе узнать,—кто будетъ экзаменовать и, сообразно со вкусомъ экзаменатора, заранѣе налегаешь на его излюбленный предметъ: программу для школъ толковать можно разно".

3) „Причина происшедшей въ преподаваніи разницы не въ программѣ, а въ лицахъ, ревизующихъ школы".

4) „Разница въ преподаваніи вызывается не измѣненіемъ программы, а требованіемъ со стороны экзаменаторовъ".

5) „Годъ отъ году все больше и больше приходится тратить времени и труда на устный счетъ, устныя задачи и на безошибочный диктантъ. Быть можетъ, до нѣкоторой степени виновата въ этомъ и программа, но больше, по моему, экзаменаторы: всякій судитъ по-своему и, не испытавши на себѣ всей тяжести, которую тащитъ сельскій учитель, предъявляетъ свои требованія и по своему экзаменуетъ. И вотъ почему считаю лишнимъ высказывать свое мнѣніе относительно желательныхъ измѣненій въ примѣняемой программѣ: напрасно желать, когда экзаменовать будутъ по-старому"!.....

6) „Присматриваясь внимательно къ характеру экзаменовъ, пришлось убѣдиться, что экзаменаторы въ своихъ требованіяхъ руководятся нерѣдко чрезвычайно случайными, совершенно не педагогическаго свойства соображеніями. Я увидѣла, что приспособить преподаваніе къ экзаменаціоннымъ требованіямъ — значитъ, въ иныхъ случаяхъ, убить у учащихся всякій интересъ къ знанію, пожертвовать развитіемъ учениковъ ради пріобрѣтенія совершенно механическихъ, быстро утрачивающихся навыковъ въ грамматической правильности письма, въ быстромъ, а потому—мало осмысленномъ, рѣшеніи ариѳметическихъ задачъ, въ бѣгломъ умственномъ счетѣ и т. п.".

7) „Вопросъ о томъ, — на какія стороны предметовъ школьнаго курса приходится обращать наибольшее вниманіе—зависитъ отъ экзаменаторовъ: въ настоящее время преимущественное вниманіе обращается на ариѳметику (устный счетъ), а раньше приходилось обращать особое вниманіе на диктанты".

8) „Такъ какъ ревизоромъ школы бываетъ у насъ изъ года въ годъ одно и то же лицо, требованія, предъявляемыя имъ школѣ, из-

вѣстны, то школа и приноравливается къ нему; проходится то, что онъ требуетъ,—зная, но не сообразуясь съ тѣмъ, что важнѣе и нужнѣе. Это важное и нужное сообщается уже тогда только, когда остается время отъ неважнаго, ненужнаго, но требуемаго. Вообще же требованія ревизоровъ и экзаменаторовъ бываютъ весьма разнообразны: одни обращаютъ большое вниманіе на устный и бѣглый счетъ, другіе требуютъ, чтобы ученикъ умѣлъ правильно разсказать ходъ рѣшенія задачи, не производя иногда вычисленій; иные требуютъ точной, логически вѣрной передачи прочитаннаго, другіе — умѣнья въ общихъ чертахъ передать прочитанное, не требуя бѣглаго чтенія; иные останавливаются при чтеніи почти на каждомъ словѣ, требуя объясненія— что такое телѣга, плугъ и т. п., другіе совѣтуютъ не останавливаться на объясненіи словъ, кромѣ непонятныхъ ученикамъ, а читать больше и больше и разсказывать прочитанное; иные смотрятъ на диктантъ, какъ на самый вѣрный опредѣлитель знаній ученика по грамматикѣ и по количеству ошибокъ въ диктантѣ ставятъ баллъ за грамматику, другіе требуютъ грамматическій разборъ, третьи — мало обращаютъ вниманія на то и другое, требуютъ, чтобы ученикъ больше писалъ изложенія прочитаннаго, сочиненія, при этомъ не столько обращаютъ вниманія на ошибки грамматическія, сколько на правильное построеніе мыслей (что, конечно, несравненно важнѣе буквы *ѣ*). При рѣшеніи письменномъ задачъ иные требуютъ краткаго письменнаго объясненія, другіе подробнаго. Иные требуютъ, чтобы ученикъ быстро соображалъ, скоро отвѣчалъ, другіе обдуманнаго отвѣта. Иногда отъ школы требуются общія свѣдѣнія изъ исторіи, географіи и естествовѣдѣнія и т. д. и т. д.“.

9) „Замѣчаемое мною измѣненіе учебнаго дѣла къ лучшему вызвано, мнѣ кажется, появленіемъ новаго направленія экзаменаторовъ, которые не предъявляютъ рутинныхъ требованій и тѣмъ самымъ позволяютъ преподавателямъ надѣяться на поддержку этихъ членовъ училищнаго совѣта, если что и не будетъ обстоять благополучно въ области грамматики и разбора; этими экзаменаторами дается учителю большая возможность обратить вниманіе на предметы, болѣе нужные, чѣмъ трескучіе „разборы“. Программа же никакого значенія не имѣла и не имѣетъ“.

10) „Желательно не измѣненіе программы, а болѣе снисходительныя требованія, предъявляемыя г.г. экзаменаторами къ письменнымъ работамъ. Вѣдь на самомъ дѣлѣ, — въ теченіе года ученики пишутъ, пишутъ, а приходитъ экзаменъ,—опять пиши, да и при какихъ условіяхъ! Случается, что экзаменаторъ пріѣзжаетъ къ 2 часамъ, а ученики ждутъ, томятся еще съ 8 часовъ утра: они устали, имъ бы домой пора,—нѣтъ, имъ предстоитъ пропасть дѣла: написать диктантъ,

изложеніе, задачу, а потомъ отвѣчать устно... Труда много! А между тѣмъ въ школьномъ шкафу хранится масса письменныхъ ученическихъ работъ за истекшій годъ, и развѣ по нимъ нельзя дать правильную оцѣнку? Говоря такъ, я защищаю не себя, учениковъ мнѣ жалко".

Тожественныя приведеннымъ указанія давались преподавателями и на съѣздѣ учителей Московскаго уѣзда: при настоящихъ условіяхъ школьныхъ работъ, говорилось, напримѣръ, въ докладѣ одного изъ учителей — „не программа приспособляется къ ученику, а ученика стараются, во что бы то ни стало, приспособить къ программѣ. И приспособляютъ же его!.. Приспособляютъ, не взирая ни на его силы, ни на его возрастъ, ни на его способности, ни на воспитательную сторону обученія. Тутъ ужъ не до воспитанія, которое не подлежитъ провѣркѣ начальства и за которое не приходится отвѣчать учителю на экзаменѣ. Тутъ ужъ выступаетъ на сцену неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, сила которой, какъ извѣстно всякому, такъ громадна, что можетъ и способна заслонить собою всѣ благіе порывы учителя, всю идеальную подкладку его дѣятельности и превратить искусство воспитанія и обученія въ ремесло, учителя въ ремесленника, а учениковъ въ простой матеріалъ, съ которымъ обыкновенно не церемонятся... И напрасно мы стали бы тутъ обвинять въ недобросовѣстности учителя: вѣдь у насъ теперь дѣло поставлено такъ, что отъ отвѣтовъ на экзаменѣ учениковъ, и почти исключительно только отъ нихъ однихъ, зависитъ не только оцѣнка пригодности учителя къ своему дѣлу, но и самое существованіе его на службѣ. Такъ какъ же учителю спокойно смотрѣть на эти отвѣты, какъ не спѣшить и какъ не волноваться ожиданіемъ экзамена, который для него рѣшитель всѣхъ его судебъ, альфа и омега его дѣятельности"... Не мало затѣмъ вредитъ дѣлу и существующее разнообразіе въ толкованіи дѣйствующей программы: „толкователей нашей программы, какъ извѣстно всякому, такъ много, и толкованія ихъ такъ разнородны и капризны, говорится далѣе въ томъ же рефератѣ, — что приспособиться къ нимъ положительно нѣтъ никакой возможности. И вотъ, благодаря такой постановкѣ дѣла, экзамены пугаютъ учителя уже не одною своею строгостью, но еще болѣе своею неизвѣстностью. Какъ бы ни хорошо приготовлены были ученики, а учитель все-таки не можетъ ручаться за то, что экзаменъ сойдетъ хорошо. Какъ взглянетъ на дѣло экзаменаторъ, какъ онъ истолкуетъ программу и чего потребуетъ отъ учениковъ? И вотъ, благодаря такому порядку вещей, учитель всегда въ страхѣ, ему всегда кажется, что ученики его плохи, что у нихъ мало знаній, и онъ всякую минуту готовъ пичкать и пичкать въ нихъ знанія, знанія и знанія, и именно тѣ знанія, которыя, какъ ему кажется, *могутъ* спросить на экзаменѣ". Соотвѣтствующее замѣчаніе дается также рефератомъ одной учитель-

ницы, утверждающей, что „экзамены показали, что требованія, предъявляемыя на испытаніяхъ, разныя: одинъ требуетъ подробныхъ свѣдѣній изъ грамматики, другой даетъ замысловатыя задачи, третій обращаетъ вниманіе на малѣшія подробности изъ географическихъ и историческихъ свѣдѣній. Очевидно, г.г. экзаменаторы каждый по своему понимаютъ программу, это конечно очень понятно, потому что, программа народной школы слишкомъ туманна. Учителя, зная, что требованія на экзаменахъ предъявляются разныя, и стараются до экзамена узнать вкусъ экзаменатора, чтобы набить головы своихъ учениковъ тѣмъ матеріаломъ, который будетъ по вкусу экзаменатора. Винить учителя въ этомъ нельзя, потому что его личность обезличена, къ нему слишкомъ мало довѣрія; его существованіе зависитъ отъ экзамена, главнымъ образомъ, отъ письменныхъ экзаменныхъ работъ".

И надобно замѣтить, что отмѣчаемыя приведенными и другими, имѣющимися учительскими отзывами слабыя стороны постановки школьныхъ ревизій и экзаменовъ чувствуются и выражаются не только учителями и учительницами, т. е. не только лицами ревизуемыми, но также и ревизорами, и экзаменаторами; это подтверждается, въ частности, и доведеннымъ до свѣдѣнія Можайскаго земскаго собранія 1899 г. мнѣніемъ члена мѣстнаго училищнаго совѣта С. М. Ладыженскаго, указавшаго между прочимъ, что членами училищнаго совѣта съ первыхъ же посѣщеній школъ встрѣчаются нѣкоторыя сомнѣнія: „Прежде всего представляется не яснымъ, на что собственно должно быть обращено главное вниманіе посѣтителей школъ. Не имѣя соотвѣтствующихъ указаній или инструкцій отъ училищнаго совѣта, посѣтители школъ не знаютъ, какая именно система преподаванія предпочитается училищнымъ совѣтомъ. Дѣло въ томъ, что хотя и существуетъ узаконенная и выработанная министерствомъ народнаго просвѣщенія программа знаній, требуемыхъ въ народныхъ школахъ, но программа эта имѣетъ общій характеръ и можетъ быть осуществлена разно: иные преподаватели обращаютъ главное вниманіе на упражненіе памяти по всѣмъ предметамъ, заставляя учениковъ заучивать наизусть не только молитвы и стихотворенія, но даже передачу событій изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, и относясь съ особой страстью къ соблюденію правилъ этимологіи и вообще грамматики; другіе — наоборотъ: главное вниманіе свое сосредоточиваютъ на упражненіи мысли (а не памяти) учениковъ и особенно настаиваютъ на осмысленномъ изложеніи своими словами прочитаннаго и даже заученнаго наизусть (напр. молитвъ), относясь съ меньшей строгостью къ грамматическимъ ошибкамъ въ письменныхъ работахъ. Такое отсутствіе единообразія въ системѣ преподаванія вредно само по себѣ, но оно особенно ощутительно при посѣщеніяхъ школъ разными лицами: посѣтители эти, держась по данному поводу

разнаго мнѣнія, могутъ предъявлять діаметрально противоположныя требованія къ одной и той же посѣщенной ими школѣ [1]). Сопоставленіе этого послѣдняго замѣчанія съ приведенными выше отзывами учительницъ и учителей и вообще разсмотрѣніе этого рода указаній приводитъ къ тому общему заключенію, что дѣло школьнаго надзора въ Московской губерніи поставлено далеко неудовлетворительно. Ближайшими причинами такого явленія, какъ это было указано въ одномъ изъ приведенныхъ выше отзывовъ, а также было замѣчено въ „Приложеніи къ статистическому отчету“ за $190^1/_2$ учебный годъ, — могутъ быть названы два обстоятельства: недостатокъ педагогической подготовки и опытности многихъ лицъ, которыя принимаютъ на себя отвѣтственное дѣло школьнаго надзора и контроля, но дѣятельностью которыхъ, въ силу тѣхъ же, указанныхъ условій, не могутъ руководить сходные принципы, обусловливающіе желательную однохарактерность взгляда на задачи школьно-учебнаго дѣла; а затѣмъ не меньшее значеніе имѣетъ въ данномъ случаѣ и то условіе, что въ значительномъ большинствѣ случаевъ школьными учителями и учительницами являются лица, также лишенныя серьезной педагогической подготовки, а вмѣстѣ съ тѣмъ не располагающія желательной подготовкой общеобразовательной, хотя, быть можетъ, и отвѣчающія установленнымъ требованіямъ относительно извѣстной высоты общеобразовательнаго ценза.

Помимо только что указанныхъ, могутъ быть, конечно, названы и другія условія, оказывающія болѣе или менѣе нежелательное вліяніе на постановку дѣла школьныхъ ревизій и экзаменовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ быть указаны и соотвѣтствующія мѣры, парализующія, или вѣрнѣе, ослабляющія дурное вліяніе такихъ условій. Изъ числа подобныхъ и, повидимому, достаточно удачныхъ опытовъ примѣненія подобнаго рода мѣропріятій, заслуживаетъ полнаго вниманія мѣра, принятая Дмитровскимъ училищнымъ совѣтомъ и состоящая въ томъ, что при производствѣ годичныхъ испытаній въ составъ экзаменаціонныхъ комиссій приглашаются учителя ближайшихъ школъ. Вотъ что говорится по этому поводу въ докладѣ училищнаго совѣта: „Съ 24 апрѣля по 30 мая были произведены экзамены во всѣхъ училищахъ по всѣмъ отдѣленіямъ, при чемъ въ отчетномъ году впервые въ составъ экзаменаціонныхъ комиссій вошли ассистенты (отъ одного до трехъ), командированные училищнымъ совѣтомъ изъ числа преподавателей сосѣднихъ училищъ. Мѣру эту, по единодушному отзыву всѣхъ экзаменаторовъ, слѣдуетъ признать весьма удачною и желательной къ

---

[1]) «Докл. Можайской земск. управы по народн. образованію»— земскому собранію 1899 г.—стр. 122—123.

примѣненію и на будущее время: благодаря участію ассистентовъ трудъ предсѣдателей экзаменаціонныхъ комиссій значительно облегчается; такъ что они получаютъ возможность тщательнѣе и подробнѣе ознакомиться съ успѣхами средняго и младшаго отдѣленій даже во многолюдныхъ училищахъ. Далѣе преподаватели знакомятся съ постановкой учебнаго дѣла въ разныхъ школахъ и получаютъ возможность сравнивать успѣхи своихъ учениковъ съ успѣхами учениковъ другихъ школъ, что, въ свою очередь, даетъ имъ средство къ распознаванію слабыхъ сторонъ своего училища, которыя, безъ этого сравненія, могли бы остаться и не замѣченными. Наконецъ, между преподавателями завязываются знакомства, весьма желательныя при условіяхъ быта нашихъ народныхъ учителей“ [1]).

Въ докладѣ земскому собранію 1902 г. Дмитровскимъ училищнымъ совѣтомъ опять отмѣчается, что въ составъ экзаменаціонныхъ комиссій и въ отчетномъ году, по примѣру прошлаго,—„входили ассистенты изъ числа преподавателей сосѣднихъ училищъ. Мѣра эта,— опять утверждаетъ училищный совѣтъ, — уже въ первый годъ ея примѣненія всѣми экзаменаторами признана весьма удачной, и одобрена училищнымъ совѣтомъ, который и въ настоящее время можетъ лишь подтвердить сказанное по поводу ея въ прошлогоднемъ докладѣ своемъ земскому собранію“ [2]).

Однако какъ ни практична только изложенная, принятая Дмитровскимъ училищнымъ совѣтомъ, мѣра, ею одною, конечно, далеко еще не можетъ быть разрѣшенъ вопросъ, выдвинутый не однѣми только случайными, мѣстными особенностями постановки школьнаго дѣла.

Но если это такъ, если неудовлетворительность школьнаго надзора въ Московской губерніи опредѣляется болѣе общими условіями, въ которыя поставлено народное образованіе, — то съ увѣренностью можно предположить, что и въ другихъ губерніяхъ, гдѣ школьное дѣло находится въ болѣе или менѣе сходныхъ условіяхъ, также должна быть констатирована аналогичность и въ постановкѣ дѣла школьнаго надзора.

Дѣйствительно, въ Петербургской, напримѣръ, губерніи, какъ это показало выполненное по порученію С.-Петербургскаго губернскаго училищнаго совѣта разсмотрѣніе письменныхъ экзаменаціонныхъ работъ, продѣланныхъ въ 1898 г. въ школахъ, подвѣдомственныхъ Петербургской дирекціи, привело между прочимъ и къ тому заключенію— „что на практикѣ требованія, предъявляемыя къ учащимся въ различныхъ школахъ, даже подвѣдомственныхъ одному и тому же училищному

---

[1]) «Докл. Дмитровскаго уч. совѣта земск. собранію 1901 года о состояніи народн. образованія въ Дмитровскомъ уѣздѣ»—стр. 3.

[2]) „Докладъ Дмитровскаго уч. совѣта земскому собранію 1902 г.“—стр. 2.

совѣту, весьма не одинаковы"... „Въ нѣкоторыхъ школахъ предлагается (на экзаменахъ) слишкомъ много работъ: диктовка, изложеніе, арифметическая задача, вычисленіе, работа по чистописанію (или списыванію) и еще письмо заученнаго стихотворенія или басни. Исполнить подрядъ пять работъ для ребенка, оканчивающаго курсъ начальной школы,— говоритъ составитель цитируемой замѣтки,—тяжело" [1]).

Въ школахъ Тверской губерніи, какъ это отмѣчалось въ одномъ изъ рефератовъ, прочитанныхъ на бывшемъ въ Москвѣ съѣздѣ представителей Обществъ вспомоществованія лицамъ учительскаго званія,— „учащему на каждомъ шагу его работы предъявляется такъ много противоположныхъ одно другому требованій, что ни одинъ учащій не можетъ учить такъ, чтобы не нарушить одно изъ этихъ требованій. Къ учащему предъявляютъ требованія земство, инспекторъ и духовенство. Часто требованія этихъ учрежденій и лицъ находятся въ противорѣчіи одно съ другимъ. Часто лица и представители этихъ учрежденій мѣняются, предъявляются отъ новыхъ лицъ новыя требованія, и учащій обязанъ всѣ эти требованія выполнить.... А какая масса различныхъ требованій предъявляется учащимъ экзаменаторами! Одни говорятъ: нужно, чтобы ученики знали исторію и географію; другіе требуютъ грамматики; третьи говорятъ, что самый важный предметъ въ школѣ— славянскій языкъ. Учащій со всѣми требованіями экзаменаторовъ долженъ считаться, о своихъ же планахъ школьной работы онъ долженъ забыть" [2]).

Въ Ярославской губерніи, какъ это указывается Н. Ф. Бунаковымъ,—„испытательной письменной работой по русскому языку обыкновенно бываетъ *диктовка*, при чемъ *количество* орѳографическихъ ошибокъ, независимо отъ ихъ сравнительной вѣрности, имѣетъ рѣшающее значеніе въ дѣлѣ присужденія права на свидѣтельство объ окончаніи курса; экзаменъ производится, собственно говоря, не комиссіей, а только ея предсѣдателемъ, безъ участія учащихъ лицъ, а потому въ это дѣло вносится много личнаго произвола". „Экзаменаціонная программа,— говоритъ одинъ изъ учителей, мнѣніе котораго приводится въ цитируемомъ изданіи Ярославскаго земства, — зависитъ обыкновенно отъ личнаго взгляда экзаменатора, изъ которыхъ одинъ, напримѣръ, сторонникъ бойкаго чтенія, другой—бѣглаго умственнаго счета, третій— мудренаго диктанта, гдѣ на первомъ планѣ стоитъ правильная постановка буквы *ѣ* и т. п. Слѣдствіемъ этого бываетъ то, что иногда, зная будущаго экзаменатора (о которомъ учащія лица наводятъ справки еще задолго до экзамена), приходится къ концу года переворачивать

---

[1]) «Русскій начальн. учитель» - 1900 г. № 5.

[2]) «Докл. № 6 делегата Общ. взаимнаго вспомоществованія учащимъ и учившимъ въ народн. училищахъ Тверской губ. С. А. Спасскаго» – стр. 6.

вверхъ дномъ все пройденное". О томъ же свидѣтельствуютъ нѣкоторыя спеціальныя изслѣдованія этого вопроса, напр. бывшаго Московскаго комитета грамотности, В. П. Вахтерова и др. Далѣе цитируемый отчетъ отмѣчаетъ, что „дѣло подготовки къ экзаменамъ, допущеніе къ нимъ учениковъ и, наконецъ, самый процессъ экзаменаціоннаго искуса поставлены далеко въ ненормальныя и искусственныя условія. Взглядъ, къ сожалѣнію, общераспространенный, что труды учащихъ выясняются только во время экзаменовъ, заставляетъ учительскій персоналъ считаться съ нимъ. Результатомъ этого является подборъ учениковъ. Уже во второй половинѣ учебнаго года учащіе выдѣляютъ малоуспѣвающихъ, которые не въ состояніи будутъ выдержать искуса. Вѣроятно, опасенія за успѣхъ экзаменовъ побуждаютъ учащихъ производить этотъ подборъ болѣе строго, а потому мы и видимъ, что число такихъ неуспѣвающихъ составляетъ довольно значительный %, а именно: 10—въ городахъ и 12—въ селеніяхъ. Со всѣми остальными учащій начинаетъ усиленно заниматься, стараясь сообщить имъ необходимыя для экзаменовъ знанія. И тутъ ко времени экзаменовъ оказывается, что 12% дѣтей не усваиваютъ всѣхъ этихъ знаній и также не допускаются къ экзаменамъ. Но уже всѣ допущенныя благополучно его выдерживаютъ" [1]).

Въ Полтавской губерніи, по отзыву одного изъ учителей, приведенному въ „Очеркѣ состоянія начальнаго народнаго образованія" въ названной губерніи, какъ на существенный недостатокъ постановки школьнаго дѣла можетъ быть указано — „то, что въ настоящее время обученіе въ нашей народной школѣ имѣетъ въ виду не дѣйствительную жизнь съ ея потребностями, а только одинъ экзаменъ съ его формальными требованіями. Учителю приходится заранѣе узнавать требованія экзаменатора и стараться приготовить къ нимъ учениковъ, а не сообщить имъ то, что пригодится въ жизни" [2]), и т. д.

Предпослѣдняя изъ только что приведенныхъ выдержекъ, указывая на наличность строгаго подбора учениковъ, подвергаемыхъ выпускному экзамену, ближайшую причину этого видитъ въ томъ, что трудъ учащихъ обычно оцѣнивается на основаніи экзаменаціонныхъ результатовъ. Подтверждая это послѣднее замѣчаніе, имѣющійся матеріалъ позволяетъ еще добавить, что мѣриломъ успѣшности въ этомъ случаѣ обыкновенно принимается или общее число окончившихъ курсъ дѣтей, или процентное отношеніе этого числа къ общей суммѣ учащихся, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—къ числу учениковъ старшаго отдѣленія [3]),

---

[1]) „Свѣд. о нач. училищ. Ярославск. губ. за 1899—1900 уч. годъ"—стр. 18 и 24.

[2]) „Очеркъ сост. нач. народ. образов. въ Полтавской губ-"—Полтава. 1897 г.

[3]) Смотр. „Журн. Александровск. земск. собр." 1899 г.—стр. 377, „Кратк. очеркъ дѣят. Вятскаго земства по народному образов. за 1896—1900 г." стр. 12, „Кратк. очеркъ сост. земск. училищъ Тульской губ." въ 1899% учеб. году—стр. 16.

что и заставляетъ школьныхъ учителей и учительницъ требовательно относиться къ переводу учащихся изъ отдѣленія въ отдѣленіе и особенное вниманіе удѣлять на подготовку къ экзамену учениковъ старшаго отдѣленія. Вотъ что по этому предмету говорилось въ учительскихъ рефератахъ, читанныхъ на состоявшемся въ 1901 году, съѣздѣ учителей Московскаго уѣзда: „У насъ, — говорится въ докладѣ одной изъ учительницъ, въ I-мъ отдѣленіи остаются не немногія, а добрая $^1/_3$ отдѣленія, потому что нужно разсчитать на остающуюся половину II-го отдѣленія, да и выбрать слѣдуетъ построже, зная непомѣрность требованій во II-мъ отдѣленіи. Переведенныя, такимъ образомъ, изъ I-го во II-е отдѣленіе, по мнѣнію учителя, казались бы и способными, но окажутся не совсѣмъ готовыми по своему возрасту (9 лѣтъ) къ воспринятію всей премудрости программы II-го отдѣленія; побьются безсильно, и сажаютъ ихъ обратно въ I-е отдѣленіе, или они уходятъ совсѣмъ изъ училища, къ огорченію родителей и неестественному удовольствію учителя. При переводѣ учениковъ въ III-е отдѣленіе подборъ происходитъ еще тщательнѣе: здѣсь ученики нужны безъ сучка, безъ задоринки, чтобы всѣ могли превозмочь самыя замысловатыя, туманныя задачи, которыя могутъ попасться на выпускномъ экзаменѣ, чтобы всѣ могли выучиться диктантъ писать безъ ошибокъ, однимъ словомъ, всѣ должны сдать выпускной экзаменъ на 5, иначе экзаменаторъ измѣнитъ о тебѣ мнѣніе и за поведеніе въ умѣ поставитъ 3, а то и 2, да что-нибудь дурное напишетъ въ отчетѣ. И вотъ, при такихъ-то перспективахъ, многихъ способныхъ, по возрасту и по своимъ стараніямъ успѣвшихъ учениковъ приходится обижать, оставляя на второй годъ и тѣмъ способствуя нерѣдко преждевременному его уходу изъ школы“.

Въ докладѣ другой учительницы также указывалось, что учитель, спѣша пройти сложную и непосильную для многихъ учениковъ программу, часто оставляетъ по отдѣленіямъ—„такихъ учениковъ, которые производятъ на первый взглядъ впечатлѣніе неспособныхъ, а на самомъ дѣлѣ они—туго развивающіяся дѣти. Въ особенности много отсталыхъ является во II-мъ отдѣленіи—это доказано статистикой; въ этомъ отдѣленіи программа обширнѣе, труднѣе; при переводѣ учитель знаетъ, что въ III-мъ отдѣленіи ему еще больше предстоитъ работы, и онъ не рѣшается на переводъ отсталыхъ, а ученикъ, оставаясь въ томъ же отдѣленіи, окончательно залѣнивается и теряетъ охоту къ ученію. Въ III-мъ отдѣленіи у учениковъ и учителя идетъ спѣшная горячая работа: надо загладить пробѣлы II-го отдѣленія, надо сообщить побольше полезныхъ знаній, надо приготовить къ выпускному экзамену; и вотъ учитель и ученикъ отъ непосильной работы нервничаютъ, раздражаются, что вовсе портитъ дѣло въ школѣ. Ненормальная постановка школьнаго дѣла влечетъ неизбѣжно такія послѣдствія“.

Аналогичныя указанія даны были затѣмъ рефератомъ еще двухъ учительницъ, отмѣтившихъ, кромѣ того, еще то, что—„до сихъ поръ сохранилось мнѣніе еще у многихъ экзаменаторовъ, что должны кончать всѣ ученики, представляемые на экзаменъ, и потому учителя стараются тянуть учениковъ, налегаютъ на слабыхъ, чтобы подогнать всѣхъ къ экзамену".

Въ настоящемъ случаѣ представляется излишнимъ касаться вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ опредѣленіе успѣшности преподаванія по числу или проценту оканчивающихъ курсъ учениковъ 3-го отдѣленія отвѣчаетъ цѣли и насколько примѣненіе такой оцѣнки желательно: это очевидно само собою. Замѣтимъ только, что наличность такой формы опредѣленія продуктивности обученія представляетъ собою одну изъ существеннѣйшихъ причинъ того, что изъ числа отдѣленій, на которыя распадаются начальныя школы, наибольшее вниманіе преподавателей, какъ сказано, привлекаетъ къ себѣ старшее отдѣленіе. Дѣйствительно, помимо приведенныхъ уже указаній, подтверждающихъ это заключеніе, то же замѣчается и докладами нѣкоторыхъ уѣздныхъ земскихъ управъ и училищныхъ совѣтовъ. Такъ, напримѣръ, Звенигородскимъ училищнымъ совѣтомъ на основаніи собранныхъ за 1900/1 учебный годъ и позволившихъ прибѣгнуть къ цифровому сопоставленію экзаменаціонныхъ отмѣтокъ дѣлается то заключеніе, что „изъ общаго обзора такимъ путемъ полученныхъ цифръ можно прежде всего установить то несомнѣнное обстоятельство, что рѣшительно по всѣмъ предметамъ количество отзывовъ первой категоріи, т.-е. *отличныхъ* и *хорошихъ* для третьяго отдѣленія больше, чѣмъ для перваго и второго, а съ другой стороны количество отзывовъ удовлетворительныхъ и слабыхъ у старшихъ наименьше. Выводъ этотъ подтверждаетъ то общее правило, болѣе или менѣе присущее каждой школѣ, что со старшими вообще занимаются больше, чѣмъ съ остальными" [1]). Въ Серпуховскомъ уѣздѣ, по свидѣтельству г. инспектора народныхъ училищъ,—„въ большинствѣ школъ можно наблюдать, что со старшими отдѣленіями занимаются учащіе болѣе, нежели съ другими двумя отдѣленіямя; при одномъ же учащемъ болѣе заброшеннымъ является среднее отдѣленіе, что, впрочемъ, находитъ себѣ естественныя объясненія" [2]). Въ Подольскомъ уѣздѣ—„въ школахъ съ однимъ преподавателемъ почти всегда—самое слабое отдѣленіе—среднее, потому что въ началѣ учебнаго года исключительное вниманіе учителя обращено на младшее отдѣленіе учениковъ,

---

[1]) «Отчетъ Звенигородскаго училищнаго совѣта земскому собранію» 1901 года—стр. 66.

[2]) «Докладъ по народному образованію» Серпуховской земской управы земскому собранію 1902 года—стр. 21.

которое необходимо, какъ можно скорѣе, выучить читать и писать; во вторую же половину года учитель удѣляетъ больше времени старшему отдѣленію въ виду предстоящаго экзамена. Такимъ образомъ на среднее отдѣленіе остается у учителя меньше времени, почему въ среднемъ отдѣленіи слабѣе успѣхи и болѣе всего остающихся на второй годъ. Въ школахъ съ двумя преподавателями среднее отдѣленіе имѣетъ своего отдѣльнаго учителя, отчего успѣхи учениковъ сильно повышаются. Лучшіе успѣхи въ среднемъ отдѣленіи благотворно отзываются на старшемъ отдѣленіи — такимъ образомъ успѣхи всей школы повышаются“ [1]).

На сколько большую работу приходится иногда, въ видахъ экзамена, продѣлать ученикамъ старшаго отдѣленія,—хорошо видно изъ слѣдующаго, даннаго экзаменаторомъ, отзыва относительно успѣшности одной изъ школъ Коломенскаго уѣзда: „старшее отдѣленіе очень хорошо по ариѳметикѣ и русскому языку, слабѣе по славянскому чтенію и каллиграфіи; при чемъ надо имѣть въ виду, что въ прошломъ году эти ученики въ среднемъ отдѣленіи были очень слабы, такъ что успѣхи эти достигнуты въ одинъ годъ. Познанія по русской грамматикѣ, а также и свѣдѣнія о разныхъ историческихъ событіяхъ и по географіи—прямо изумительны“ [2]).

Къ сожалѣнію, недостатокъ времени не позволяетъ сопоставить представленные нѣкоторыми училищными совѣтами отзывы г.г. ревизоровъ относительно однѣхъ и тѣхъ же школъ послѣдовательно за два года; но есть основаніе полагать, что такое сопоставленіе привело бы къ заключенію, что только что изложенный случай, имѣвшій мѣсто въ одной изъ школъ Коломенскаго уѣзда далеко не можетъ быть названъ исключительнымъ.

Отсутствіе необходимаго матеріала не даетъ также возможности прибѣгнуть къ желательно полному выясненію того,—въ чемъ же именно и *съ какою силою* выражается обычное стремленіе приготовить учениковъ къ экзамену, снабдить ихъ требуемыми умѣньями и знаніями. Нѣкоторыя данныя этого рода могутъ быть представлены только относительно школъ Московскаго и Можайскаго уѣздовъ, изъ которыхъ въ послѣднемъ, „обычная продолжительность учебнаго дня показана въ 6 часовъ“; въ половинѣ земскихъ школъ „число учебныхъ часовъ къ концу года измѣняется, въ смыслѣ увеличенія“; затѣмъ почти во всѣхъ

---

[1]) «Докладъ по народному образованію» Подольской земской управы земскому собранію 1901 года—стр. 27.

[2]) «Докладъ Коломенской земской управы по народному образованію за 1901 г.—стр. 55.

школахъ обычно задаются учащимся уроки на-домъ [1]). Насколько вліятельными должны быть тѣ условія, которыя заставляютъ учителей, несмотря на близкое знакомство съ домашней обстановкой своихъ учениковъ, тѣмъ не менѣе задавать имъ „къ слѣдующему дню“ уроки,— очевидно само-собою. Въ Московскомъ уѣздѣ, по свидѣтельству одного изъ рефератовъ, читанныхъ на бывшемъ учительскомъ съѣздѣ—„программа учителями исполняется, проходятся дополнительныя свѣдѣнія, ученики прекрасно отвѣчаютъ на экзаменѣ и по грамматикѣ, и по исторіи, и по географіи, удивляютъ слушателей своими знаніями; но только эти труженики — малыши да учителя ихъ знаютъ, до какихъ усилій, усталости, доходящей до полнаго истощенія силъ, доводятъ ихъ занятія, нерѣдко—съ 8-ми часовъ утра до 5-ти часовъ дня.... Какихъ же результатовъ достигаетъ такое преподаваніе?— Ученики отъ утомленія теряютъ охоту къ ученію, по окончаніи же курса рѣдкіе изъ нихъ имѣютъ связь съ училищемъ“ [2]). Въ другомъ рефератѣ — на вопросъ: почему большинство учащихъ задерживаетъ въ школѣ учащихся до 5-ти часовъ пополудни, а то и болѣе?—референтъ отвѣчаетъ слѣдующее: „На подобный вопросъ, лично отнесенный разъ къ одному изъ нашихъ коллегъ, былъ полученъ весьма уклончивый отвѣтъ:—„стараюсь честнымъ образомъ исполнить свой долгъ“. И только. Но откровенно говоря, причиною задержки дѣтей въ училищахъ служитъ объемистая по своему содержанію наша грамматика, которая, по существующимъ требованіямъ и по трудности ея усвоенія, занимаетъ первое мѣсто въ школѣ, а на преподаваніе остальныхъ, не менѣе важныхъ, если не болѣе, положительно не хватаетъ времени, а потому, чтобы не было это обстоятельство имъ въ ущербъ, въ силу принципа — та школа хороша, въ которой занятія ведутся равномѣрно,—многимъ учащимъ приходится увеличивать число учебныхъ часовъ въ день и тѣмъ самымъ отнимать у дѣтей время, необходимое для возобновленія ихъ умственныхъ и физическихъ силъ и, слѣдовательно, постепенно разрушать нѣжный дѣтскій организмъ. Вялость и плохая воспріимчивость впечатлѣній и знаній, съ одной стороны, усталость и раздраженіе съ другой—вотъ, по моему мнѣнію,—говоритъ составитель цитируемаго реферата,—слѣдствія, по знакомому уже намъ выраженію, честнаго исполненія долга“ [3]). „Мы, говорится затѣмъ еще въ одномъ докладѣ, учителя и учительницы Московскаго уѣзда, время отъ времени получаемъ оффиціальныя предписанія не задерживать учащихся позже трехъ часовъ. Получимъ та-

[1]) «Школы Можайскаго уѣзда Московской губ.- по даннымъ санитарнаго описанія врачей въ 1900—1901 г.»; очеркъ санитарнаго врача Ф. Л. Касторскаго, стр. 18.

[2]) «Приложеніе къ докладу № 43» Московской земской управы уѣздному земскому собранію 1901 года, стр. 116.

[3]) Тамъ же, стр. 91.

кое предписаніе, прочтемъ, задумаемся надъ нимъ, да и положимъ. А задуматься-то и есть надъ чѣмъ: не исполнить этого предписанія, значитъ не исполнить условій нашего наемщика Земства и навлечь гнѣвъ, выговоръ и т. п. со стороны непосредственнаго нашего начальства—инспекціи. А исполнить, т.-е. заниматься до 3-хъ часовъ — значитъ не успѣть пройти къ экзамену всей программы; да и ранѣе экзамена есть пугало—это ревизія, начинающаяся со второй половины ноября, при которой рискуешь получить замѣчаніе, что мало пройдено: „въ такой-то школѣ ужъ вотъ сколько пройдено, а въ другой изо всего такъ и рѣжутъ“. А тутъ еще нужно учительницамъ заниматься рукодѣліемъ (хотя многія и сами толкомъ иглы въ рукахъ держать не умѣютъ) и должны непремѣнно имъ заниматься не въ предметные часы, а потомъ желательно и обученіе пѣнію и т. д. Вотъ и приходится учителю брать время уже незаконное, а именно: начинать не въ 9, а въ 8 часовъ, перемѣну дѣлать не въ часъ, а въ полчаса, кончать занятія не въ 3, а въ 4 часа и даже въ 5, смотря по усердію учителя“ [1]) и т. д.

Если принять во вниманіе, что только что приведенныя замѣчанія относились не къ постановкѣ учебнаго дѣла въ какихъ-либо отдѣльныхъ школахъ, а вообще въ школахъ уѣзда, если вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что упомянутые два уѣзда, Можайскій и Московскій, не представляются въ данномъ случаѣ находящимися въ исключительно неблагопріятныхъ условіяхъ, для какового предположенія нѣтъ совершенно никакихъ основаній, то должно заключить, что вообще современныя экзаменаціонныя требованія выполнимы лишь при усиленной работѣ учащихъ и учащихся, задаваніи этимъ послѣднимъ уроковъ „на-домъ“ и при значительномъ увеличеніи числа часовъ, посвященныхъ школьнымъ занятіямъ.

Однако и при наличности указанныхъ условій, какъ это свидѣтельствуется нѣкоторыми отзывами учительницъ и учителей, предъявляемыя въ настоящее время программныя требованія все же не могутъ быть выполнены съ желательною основательностью. Для менѣе же затруднительной и болѣе продуктивной постановки школьнаго преподаванія въ предѣлахъ дѣйствующей программы, по предположенію, высказанному почти во всѣхъ отзывахъ учителей, выразившихъ свое мнѣніе по данному вопросу (многіе преподаватели вопросъ этотъ оставили безъ отвѣта), необходимы не 3, какъ это принято теперь, а 4 года.

Задачею настоящаго очерка не ставится выясненіе вопроса о желательности четвертаго года обученія въ современной начальной школѣ, тѣмъ болѣе, что по данному предмету имѣетъ быть исполнена, по порученію губернскаго земскаго собранія, болѣе подробная и болѣе от-

---

[1]) Тамъ-же, стр. 126.

вѣчающая этой трудной и серьезной задачѣ работа; кромѣ того, позволимъ себѣ добавить, что по соотвѣтствующему поводу имѣется краткая замѣтка въ помѣщаемомъ далѣе очеркѣ, посвященномъ вопросу—„О дальнѣйшемъ образованіи лицъ, обучавшихся въ начальныхъ народныхъ училищахъ".

Заканчивая настоящій очеркъ, мы должны бы были въ краткихъ словахъ резюмировать изложенное строго опредѣленными выводами и тѣми пожеланіями, къ которымъ приводитъ разсмотрѣніе имѣвшихся данныхъ. Позволимъ себѣ, однако, отступить отъ этого правила: находившійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ, быть можетъ, и не использованный въ настоящемъ случаѣ съ допускаемою этимъ матеріаломъ обстоятельною подробностью, все же позволилъ представить такъ много существенныхъ деталей дѣйствующей школы, что для того, чтобы перечислить ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣтить и тѣ выводы, которые указываются этими деталями, пришлось бы повторить многое изъ того, что уже было изложено на предыдущихъ страницахъ. Замѣтимъ только, что изъ числа такого рода деталей—изданіе въ 1897 г. „Примѣрныхъ программъ" сказалось на постановкѣ начальной школы очень мало: своею неопредѣленностью (а болѣе опредѣленныя программы и не желательны, да и безполезны: школьная жизнь слишкомъ сложна, чтобы вылиться въ одну, разъ навсегда установленную форму) названныя программы оправдывали какъ развитіе въ школахъ формализма и безсмысленнаго зубренья, также точно допускали онѣ и развитіе школы въ направленіи совершенно обратномъ.

Вообще же характеръ постановки учебно-педагогической стороны дѣйствующей народной школы, какъ это можно видѣть изъ сопоставленія аналогичныхъ данныхъ за послѣднія 8—10 лѣтъ, въ существеннѣйшихъ своихъ чергахъ не измѣнился, хотя требованія экзаменаціонныя значительно увеличились,—что въ свою очередь должно было обусловить большее приложеніе учительскаго труда къ той сторонѣ преподаваемыхъ предметовъ, которая легче поддается экзаменаціонному контролю.

О дальнѣйшемъ образованіи лицъ, обучавшихся въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

I.

Мнѣніе о „необходимости принятія мѣръ для дальнѣйшаго образованія учениковъ, окончившихъ курсъ въ начальныхъ училищахъ“ — въ Московскомъ земствѣ впервые было высказано въ посвященномъ разсмотрѣнію этого вопроса докладѣ, представленномъ Московскою уѣздною земскою управою въ 1878 году—уѣздному, а затѣмъ, согласно постановленію этого послѣдняго,—губернскому земскому собранію.

Начиная указанный докладъ констатированіемъ того, засвидѣтельствованнаго собранными данными, факта, что большинство учениковъ, окончившихъ курсъ начальной школы въ 1875—1877 годахъ, вовсе не продолжали полученнаго ими образованія, а потому, высказывая опасеніе, что —„большинство учащихся съ теченіемъ времени утратитъ значительную часть пріобрѣтенныхъ въ школѣ познаній и, слѣдовательно, всѣ труды и расходы, понесенные для ихъ обученія, пропадутъ даромъ“,—уѣздная земская управа отмѣчала, что, на основаніи собраннаго матеріала, она—„пришла къ заключенію, что причины, препятствующія дальнѣйшему образованію учениковъ сельскихъ училищъ, сводятся къ слѣдующимъ: 1) бѣдности родителей, заставляющей ихъ требовать отъ дѣтей заработка въ самомъ раннемъ возрастѣ и потому приводящей къ возможному сокращенію срока ученія; 2) существующему между крестьянами воззрѣнію, что нужное для нихъ образованіе исчерпывается простой грамотой, т.-е. умѣньемъ читать и писать, что достигается и въ начальной школѣ, и 3)—отсутствіемъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ вышедшія изъ начальнаго училища дѣти могли бы продолжать свое образованіе безъ значительныхъ расходовъ со стороны родителей“. Разсматривая затѣмъ тѣ мѣры, которыя въ данномъ случаѣ могли бы оказаться полезными, управа свидѣтельствовала, что—„остановиться на какой-либо одной общей мѣрѣ, въ виду крайняго разнообразія условій, въ которыхъ находятся вышедшіе изъ школы ученики, она не нашла возможнымъ, ибо, что удобно для однихъ, можетъ показаться совершенно недоступнымъ для другимъ. Такъ, одни мальчики

имѣютъ возможность поступать въ школу, далеко отстоящую отъ мѣста жительства ихъ родителей, и пробыть въ ней хотя бы нѣсколько лѣтъ; другіе—необходимы дома и могутъ посвящать посѣщенію школы лишь нѣсколько свободныхъ отъ домашнихъ занятій часовъ, наконецъ, третьи,—за отдаленностью школы и по другимъ причинамъ, не могутъ удѣлять на посѣщеніе ея даже такого небольшого количества времени. Очевидно,—заключала свой докладъ уѣздная управа,—что удовлетворить всѣхъ дѣтей однимъ и тѣмъ же способомъ невозможно, и потому необходимы особыя мѣры для каждаго изъ указанныхъ разрядовъ. По мнѣнію управы, мѣрами этими могли бы быть: 1) учрежденіе ремесленныхъ (дающихъ и обще-научныя знанія) училищъ для учениковъ, имѣющихъ возможность посѣщать постоянную школу; 2) учрежденіе воскресныхъ и вечернихъ классовъ для мальчиковъ, занятыхъ домашними работами, и 3) учрежденіе при начальныхъ училищахъ библіотекъ для чтенія, пользуясь которыми могли бы продолжать и поддерживать свое образованіе тѣ, вышедшіе изъ школы, ученики, которые лишены возможности посѣщать классы“,

Замѣтимъ кстати, что, кромѣ только что цитированнаго доклада, на разсмотрѣніе губернскаго земскаго собранія въ томъ же году внесена была гласнымъ А. А. Оленинымъ записка, въ которой, въ виду невозможности организовать въ губерніи такое число среднихъ учебныхъ заведеній, которое—„дало бы возможность упрочить и расширить образованіе во всей массѣ учениковъ земскихъ школъ“, признавалось желательнымъ и утѣшительнымъ—„если бы по крайней мѣрѣ лучшіе и способнѣйшіе ученики получили къ тому возможность“. Съ этою цѣлью гласный предлагалъ,—„чтобы губернское земство ассигновало извѣстную сумму на учрежденіе стипендій для опредѣленнаго числа (отъ 12 до 14 по каждому уѣзду) лучшихъ учениковъ земскихъ школъ, поступающихъ по выбору училищныхъ совѣтовъ въ среднія учебныя заведенія“,—откуда затѣмъ они могли бы перейти и въ высшія учебныя заведенія. Гласный высказывалъ надежду, что—„эти ученики, окончивъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, вернутся къ намъ же въ земство въ качествѣ учителей, врачей и т. п. Мнѣ кажется, говорилъ А. А. Оленинъ, вовсе повидимому, не допускавшій возможности того, чтобы „образованный“ человѣкъ воспользовался даными ему знаніями въ узко-личныхъ интересахъ,—мнѣ кажется, говорилъ онъ, всякій образованный человѣкъ нисколько не отклонится отъ своей среды: онъ будетъ стараться возвратиться въ свою семью“.

Изложенные вопросы такъ же, какъ и предложенія А. А. Оленина объ устройствѣ школъ съ 4-годичнымъ курсомъ и объ учрежденіи стипендій для окончившихъ курсъ въ Коммисаровскомъ и реальномъ училищахъ,—въ виду сложности ихъ разработки, не получили практи-

ческаго разрѣшенія и разсмотрѣніе ихъ, согласно постановленію слѣдующаго губернскаго собранія, было отсрочено.

Въ годы своего дальнѣйшаго существованія земскими учрежденіями Московской губерніи, направившими свое вниманіе главнѣйшимъ образомъ на обезпеченіе сельскаго населенія школами начальными, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на улучшеніе организаціи этихъ послѣднихъ, не возбуждалось вопроса о предоставленіи возможности воспользоваться дальнѣйшимъ школьнымъ образованіемъ лицамъ, окончившимъ курсъ въ начальныхъ школахъ; и только въ 1899 году и при томъ, какъ и слѣдовало ожидать, въ земствахъ тѣхъ уѣздовъ, гдѣ вопросъ объ осуществленіи школьной сѣти былъ уже разрѣшенъ или, по крайней мѣрѣ, близился къ своему разрѣшенію, а именно Московскомъ и Клинскомъ,— опять проявляется забота объ устройствѣ школъ для дѣтей, окончившихъ курсъ начальныхъ народныхъ училищъ.

Въ частности—Московскимъ уѣзднымъ экстреннымъ земскимъ собраніемъ при разсмотрѣніи вопроса о чествованіи памяти Пушкина было постановлено:—«въ увѣковѣченіе предстоящаго столѣтняго юбилея А. С. Пушкина открыть школу для учениковъ, окончившихъ курсъ начальной школы въ земскихъ училищахъ уѣзда", при чемъ—„не устанавливая типа будущей школы, просить Московскій уѣздный училищный совѣтъ и уѣздную управу разработать этотъ вопросъ и внести таковой на разсмотрѣніе земскаго собранія по возможности въ ближайшую его очередную сессію"; а вмѣстѣ съ тѣмъ — „поручить управѣ представить свои соображенія о мѣстѣ и способахъ его осуществленія и необходимыхъ на то средствахъ". Затѣмъ Клинскимъ очереднымъ земскимъ собраніемъ въ томъ же 1899 году постановлено было: „ходатайствовать передъ губернскимъ земскимъ собраніемъ объ устройствѣ въ губерніи, при участіи уѣздныхъ земствъ, новаго типа второклассныхъ училищъ, которыя соотвѣтствовали бы 4-му и 5-му отдѣленіямъ 2-хъ классныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія" и которыми могли бы пользоваться, въ интересахъ дальнѣйшаго образованія, дѣти, окончившія курсъ начальной школы. Губернскимъ земскимъ собраніемъ по данному вопросу постановлено было: „не разрѣшая окончательно ходатайства Клинскаго земскаго собранія, передать его на предварительное разсмотрѣніе совѣщанія по вопросамъ народнаго образованія".

Такимъ образомъ, если принять во вниманіе, что, наряду съ изложенными постановленіями земскихъ собраній, въ тѣхъ же интересахъ,—повышенія образовательнаго уровня населенія, — Московскимъ земствомъ въ теченіе ряда минувшихъ лѣтъ отпускались извѣстныя суммы на содержаніе двухклассныхъ школъ министерства народнаго просвѣщенія, а также принимались мѣры по внѣшкольному образованію, если вмѣстѣ съ тѣмъ обратить вниманіе на высказанные по этому

предмету отзывы лицъ учительскаго персонала, то прежде всего нельзя будетъ не замѣтить, что какъ въ характерѣ постановки дѣла болѣе широкаго развитія просвѣщенія въ средѣ сельскаго населенія, такъ и въ мотивахъ и основаніяхъ, просказываемыхъ въ интересахъ посильнаго разрѣшенія даннаго вопроса, — за послѣднія двадцать лѣтъ не произошло существенныхъ измѣненій.

И двадцать лѣтъ тому назадъ признавалось, что кругъ свѣдѣній, даваемыхъ начальною школою, слишкомъ невеликъ и что знанія, пріобрѣтаемыя отдѣльными лицами въ этихъ школахъ, необходимо расширить; при чемъ тогда, какъ и теперь, въ интересахъ такого расширенія, одними изъ лицъ и учрежденій, обращавшихъ на этотъ предметъ свое вниманіе, предлагалось примѣнить такія мѣры, которыя могли бы постепенно повысить образовательный уровень, если не всего, то возможно значительнаго числа населенія одновременно; другія же полагали возможнымъ разрѣшить поставленную задачу путемъ учрежденія стипендій и при помощи устройства сравнительно небольшого числа школъ, долженствующихъ обезпечить большею суммою знаній только лишь отдѣльныхъ представителей массы населенія, образовательный уровень которой повышался бы затѣмъ путемъ воздѣйствія этихъ, получившихъ большее образованіе, ея членовъ. При этомъ, какъ въ числѣ державшихся перваго изъ изложенныхъ мнѣній, такъ и въ составѣ послѣднихъ встрѣчались и встрѣчаются теперь лица, полагающія, что такія высшаго типа школы должны не только болѣе широко развить своихъ учениковъ умственно, но и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить ихъ нѣкоторыми спеціальными знаніями, имѣющими значеніе въ мѣстной промысловой жизни населенія.

Что же касается тѣхъ частностей, которыми опредѣлялось и опредѣляется теперь значеніе школы вообще, то, рискуя выйти изъ границъ, опредѣляемыхъ темою настоящаго очерка, нельзя не замѣтить, что въ этомъ отношеніи за послѣднія двадцать лѣтъ произошло даже ограниченіе вопроса. Въ самомъ дѣлѣ: если ранѣе признавалось, что удовлетворить населеніе школою одного и того же типа невозможно, что организація школьнаго дѣла должна стоять, между прочимъ, въ зависимости и отъ мѣстныхъ особенностей, имѣющихъ значеніе въ дѣлѣ пользованія школами учащимися, почему, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ признавалось болѣе полезнымъ устройство школъ воскресныхъ и вечернихъ,—то въ настоящее время такое приспособленіе школъ къ мѣстнымъ условіямъ обыкновенно уже *не признается* необходимымъ.

II.

Въ изданіяхъ Московскаго губернскаго земства уже не разъ обращалось вниманіе на то, что подавляющее большинство сельскаго населенія, отдавая въ школы своихъ дѣтей, разсчитываетъ не на полученіе этими послѣдними какихъ-либо развивающихъ ихъ умъ и отвѣчающихъ на его запросы знаній, а исключительно на быстрое, сравнительно легкое и прочное усвоеніе ими грамотности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣвшіяся данныя позволили съ увѣренностью отмѣтить то обстоятельство, что и усиленное распространеніе въ населеніи грамотности само по себѣ еще ничего не говоритъ за соотвѣтственно быстрое повышеніе образовательнаго уровня этого населенія и что стремленіе этого населенія къ пріобрѣтенію грамотности обусловливается главнѣйшимъ образомъ требованіями практической жизни, которая дѣлаетъ необходимымъ знаніе грамоты, но не даетъ населенію тѣхъ средствъ, пользуясь которыми, населеніе могло бы съ помощью пріобрѣтенной имъ грамотности удовлетворить и свои умственныя потребности [1]). Болѣе того, эти, безусловно достовѣрныя, данныя позволили замѣтить, что даже то время, которое удѣляется на пріобрѣтеніе дѣтьми грамотности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на обученіе ихъ въ начальной школѣ, обыкновенно ограничивается насколько возможно, и что недостаткомъ средствъ или бѣдностью родителей объясняется и то явленіе, которое составляетъ предметъ всегдашнихъ жалобъ преподавательскаго персонала: чѣмъ способнѣе ученикъ (если, конечно, онъ не изъ достаточно зажиточной семьи), тѣмъ обыкновенно раньше оставляетъ онъ школу, не интересуясь даже полученіемъ свидѣтельства, обѣщающаго льготу по отбытію воинской повинности.

Правильность этихъ заключеній какъ нельзя болѣе подтверждается собранными въ позапрошломъ году отзывами, данными учительницами и учителями на предложенный имъ вопросъ о томъ, — „какія причины заставляютъ родителей брать изъ школы дѣтей до окончанія ими полнаго школьнаго курса?“.

Вотъ что говорится, напримѣръ, въ этихъ отзывахъ:

„Къ числу причинъ, по которымъ дѣти оставляютъ школу до окончанія курса, нужно отнести главнымъ образомъ матеріальную необезпеченность родителей, которые рано начинаютъ смотрѣть на ребенка, какъ на помощника въ семьѣ, въ силу нужды. И вотъ поэтому мальчикъ или дѣвочка еще съ 8 лѣтъ начинаетъ помогать старшимъ въ работѣ: мотать шпули, бумагу, такъ какъ въ данной мѣстности развито ткачество на дому“.

---

[1]) «Вопросы народн. образ. въ Моск. губ.» вып. III, стр. 3—15.

„До окончанія курса берутъ изъ школы мальчиковъ и дѣвочекъ по крайней бѣдности для помощи родителямъ по хозяйству, мотать шнули или смотрѣть за маленькими".

„У всѣхъ крестьянъ замѣчается и сильное стремленіе къ обученію дѣтей и въ то же время – желаніе посадить своихъ дѣтей за работу. Тѣ дѣти, которыя не остаются на второй годъ ни въ одномъ отдѣленіи, почти всѣ обучаются три года и кончаютъ курсъ. Только крайне бѣдные родители берутъ такихъ дѣтей до окончанія курса. Тѣ же дѣти, которыя оставляются въ какомъ-либо отдѣленіи на второй годъ, въ большинствѣ случаевъ берутся изъ школы до окончанія курса. Остаются только дѣти самыхъ зажиточныхъ родителей".

„Главная причина у всѣхъ одна и та же: отдать поскорѣе въ ученье какому - либо ремеслу и тѣмъ самымъ избавиться отъ лишняго рта".

„Неимѣніе средствъ на одежду и обувь, и для ухода за маленькими дѣтьми".

„Въ большинствѣ случаевъ родители берутъ своихъ дѣтей до окончанія курса вслѣдствіе бѣдности или же сознанія, что ребенку, проучившемуся въ школѣ одинъ или полтора года и научившемуся читать и писать, достаточно и этого. Несомнѣнно, однако, что вторая причина вытекаетъ изъ первой".

„Родители считаютъ достаточнымъ для дѣтей умѣніе читать и писать, объясняя это тѣмъ, что имъ, т. е. дѣтямъ,—„не въ писаря итти". Кромѣ того, спѣшатъ отдать мальчиковъ въ ученье, чтобы скорѣе получать отъ нихъ помощь для семьи".

„Дѣвочекъ берутъ изъ школы до окончанія курса потому, что онѣ ухаживаютъ за другими дѣтьми (малолѣтними) и помогаютъ матери въ исполненіи домашнихъ работъ, а нѣкоторые, вслѣдствіе бѣдности, заставляютъ своихъ дочерей-ученицъ заниматься размоткою шелка".

„Главная причина — бѣдность; мальчикъ или дѣвочка замѣняютъ въ семьѣ няньку, безъ которой невозможно обойтись семьянину, такъ какъ онъ и жена его работаютъ за станами тикъ и нанку; чаще же всего берутъ проучившихся два года (т. е. изъ второго отдѣленія) и не переведенныхъ въ старшее отдѣленіе".

„Дѣвочекъ берутъ въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ наибольшая нужда. Матери цѣлый день стоятъ за станомъ, — ткутъ или мотаютъ шелкъ на дому, а дѣвочекъ, которымъ бы нужно учиться, заставляютъ няньчить, топить печку и т. д.".

„До окончанія курса дѣвочекъ доводятъ только зажиточные родители, а бѣдные родители, какъ только дѣвочка стала читать и писать,—берутъ ее изъ школы и пріучаютъ ее къ фабричнымъ работамъ на дому".

„Нужда заставляетъ отдавать дѣтей на фабрику; такъ что если оказывается мѣсто, а ребенку остается доучиться мѣсяцъ, то родители берутъ его изъ школы. Также и дѣвочекъ".

Правда, есть отзывы и иного характера, свидѣтельствующіе, напримѣръ, что безвременный выходъ учениковъ изъ школы обусловливается главнымъ образомъ тѣмъ, что родители не придаютъ никакого значенія тѣмъ знаніямъ, которыя даются школой, помимо грамотности, пріобрѣтеніемъ которой родители удовлетворяются,—„не придавая цѣны знанію грамматики и прочему, что даетъ старшая группа"; есть, наконецъ, и такія замѣчанія, которыя позволяютъ предположить, что крестьянству не чуждъ тотъ же взглядъ на школу, которымъ опредѣляется отношеніе къ школѣ и городскихъ сословій, требующихъ отъ школы, къ какой бы категоріи эта послѣдняя ни принадлежала, чтобы окончаніе курса въ ней прежде всего давало право на полученіе какихъ-либо существенныхъ практическихъ преимуществъ, пріобрѣтеніе которыхъ не гарантируется окончаніемъ курса начальной школы, почему нѣкоторые родители и не придаютъ значенія окончанію ихъ дѣтьми полнаго курса этой школы.

Повторяемъ, однако, что такого рода указанія составляютъ незначительное меньшинство отзывовъ, данныхъ учителями и учительницами, значительное число которыхъ,—на вопросъ о томъ, какія причины побуждаютъ дѣтей преждевременно оставлять школу,—ограничиваются короткимъ отвѣтомъ: „бѣдность", — „нужда", — „необезпеченность" — „крайняя нужда", — „недостатокъ средствъ", — „бѣдность и недостатокъ свободныхъ рукъ",—„недостатокъ обуви и одежды" и т. п.; при чемъ относительно причинъ, заставляющихъ родителей брать изъ школы до окончанія курса *дѣвочекъ* не менѣе часто встрѣчаются указанія, свидѣтельствующія, что дѣвочекъ берутъ преждевременно изъ школъ—„ухаживать за маленькими дѣтьми",—„помогать матери въ хозяйствѣ" и т. п.

Представляя эти данныя, заставляющія признать вѣрными не разъ просказываемыя замѣчанія о причинахъ, мѣшающихъ населенію пользоваться въ должной мѣрѣ услугами школы, позволимъ себѣ обратить вниманіе также на то, что разсмотрѣніе собраннаго матеріала, въ частности позволяетъ повторить сдѣланный ранѣе на основаніи цифровыхъ данныхъ выводъ, что широко развитый въ Московской губерніи фабричный промыселъ, если, какъ это всѣми признается, и заставляетъ населеніе вооружиться грамотностью и для этого пользоваться школою, то вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣдко является условіемъ, не позволяющимъ дѣтямъ засиживаться въ школѣ и мѣшающимъ пріобрѣтенію знаній, сообщаемыхъ въ старшемъ отдѣленіи школы.

Такимъ образомъ большинству населенія начальная школа слу-

жить лишь по стольку, по скольку обезпечиваетъ дѣтей этого населенія грамотностью. Дѣйствительно, если мы возьмемъ статистическія данныя за рядъ минувшихъ лѣтъ, то увидимъ, что въ Московской губерніи за послѣднія 14 лѣтъ число прошедшихъ черезъ земскую школу составляетъ 205546 дѣтей обоего пола, изъ состава которыхъ окончившія полный курсъ составляютъ до 30%, при чемъ, отдѣльно, мальчики составляютъ 36%, а дѣвочки—только 18%. Несомнѣнно однако, что далеко не всѣ дѣти, окончившія курсъ начальной школы, воспользовались бы школою высшаго типа, даже и при наличности такого рода школы, какъ это и подтверждается приводимыми ниже цифровыми данными.

III.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, насколько сельское населеніе губерніи нуждается въ школѣ высшаго типа, а также въ какой мѣрѣ и при какихъ условіяхъ представляется желательнымъ сдѣлать общедоступною такую школу, въ которой могли бы продолжать свое образованіе дѣти, окончившія курсъ школы начальной,—необходимымъ считаемъ оговориться, что при собираніи матеріала для возможнаго освѣщенія даннаго вопроса, подъ терминомъ—„высшая школа“ — подразумѣвалась не вообще такая школа, которая могла бы послужить дѣтямъ, усвоившимъ начальный курсъ обученія, а та именно школа, типъ которой болѣе или менѣе всѣмъ извѣстенъ, и которая, при помощи двухъ своихъ послѣднихъ отдѣленій, уже имѣетъ одною изъ своихъ задачъ—дать дальнѣйшее образованіе тѣмъ, кто уже окончилъ курсъ начальной школы. Предполагалось, что матеріалъ, заключающій въ себѣ пожеланія и указанія относительно школы, еще не существующей въ дѣйствительности, дастъ менѣе опредѣленный и ясный отвѣтъ, чѣмъ матеріалъ, содержащій въ себѣ отзывы и замѣчанія относительно школы уже функціонирующей. Пользуясь статистическими данными, собранными относительно этого рода школъ, прежде всего можно съ достаточною степенью вѣроятности подтвердить высказанное выше предположеніе относительно того, что дѣти, окончившія курсъ начальныхъ школъ, далеко не всѣ воспользовались бы двумя послѣдними отдѣленіями школъ двухклассныхъ, какъ бы много ни было устроено послѣднихъ и какъ бы близко ни находились онѣ отъ школъ одноклассныхъ, курсъ которыхъ, какъ извѣстно, совпадаетъ съ курсомъ первыхъ трехъ отдѣленій школъ двухклассныхъ, состоящихъ изъ пяти годичныхъ отдѣленій.

Дѣйствительно, изъ статистическихъ отчетовъ по школамъ Московской губерніи видно, что число учениковъ четвертаго отдѣленія

двухклассныхъ школъ, въ среднемъ выводѣ, за послѣдніе четыре года, равнялось 55% *) числа учившихся въ 3-мъ отдѣленіи этихъ школъ; число же окончившихъ полный ихъ курсъ составляло немного менѣе $^1/_3$ учившихся въ томъ же 3-мъ отдѣленіи. Такимъ образомъ, если мы признаемъ за норму только что указанныя среднія числа, то найдемъ, что около половины дѣтей старшаго отдѣленія начальныхъ школъ не воспользуется высшимъ по программѣ четвертымъ отдѣленіемъ двухклассныхъ школъ, какъ бы близко ни были устроены эти послѣднія; если же принять во вниманіе, что число кончающихъ курсъ начальной школы дѣтей обыкновенно составляетъ около 30% числа поступившихъ въ нее, то найдемъ, что, приблизительно, только около 15% поступающихъ въ начальную школу дѣтей, окончивши курсъ, воспользуются школою двухклассною и около 10% того же числа учениковъ окончатъ полный курсъ названной школы. Есть, однако, основаніе предполагать, что въ школахъ того же типа, какъ и двухклассныя, но только болѣе частыхъ, % дѣтей, перешедшихъ въ четвертое отдѣленіе, а также и окончившихъ полный курсъ, былъ бы нѣсколько меньше только что указанныхъ въ зависимости отъ измѣненія состава учащихся; дѣло въ томъ, что въ составѣ учениковъ болѣе частыхъ школъ — число дѣтей, принадлежащихъ къ зажиточнымъ семьямъ, составило бы меньшій % учащихся, чѣмъ въ школахъ уже дѣйствующихъ, въ которыхъ довольно значительную часть учащихся (особенно въ старшихъ отдѣленіяхъ) составляютъ дѣти лицъ, принадлежащихъ къ составу фабричной администраціи, зажиточныхъ крестьянъ-торговцевъ, живущихъ даже сравнительно далеко отъ этихъ школъ, и т. д.

Вѣроятность приведенныхъ соображеній въ значительной степени подкрѣпляется указаніями лицъ преподавательскаго персонала земскихъ школъ, данными въ 1900 году и содержащими отвѣтъ на предложенный губернскою земскою управою вопросъ о томъ,—какъ много, по мнѣнію преподавателей, могло бы поступить въ двухклассную школу дѣтей изъ числа окончившихъ въ названномъ году курсъ начальной школы, при условіи, конечно, если бы высшая школа находилась именно въ томъ пунктѣ, гдѣ открытіе ея было бы наиболѣе желательно. Изъ подсчета сообщенныхъ цифровыхъ данныхъ оказалось, что, по мнѣнію учителей и учительницъ,—изъ числа дѣтей, окончившихъ курсъ начальной школы воспользовались бы двухклассною школою—около 38% мальчиковъ и

*) Было бы правильнѣе опредѣлить тотъ процентъ, который составляютъ ученики 4-го отдѣленія не по отношенію ко всѣмъ ученикамъ 3-го отдѣленія, а только къ той суммѣ ихъ, которую составляютъ прошедшіе полный курсъ этого отдѣленія: къ сожалѣнію, у насъ такого рода свѣдѣній не имѣлось, и намъ пришлось воспользоваться приведенными свѣдѣніями, предполагая, что возможная ошибка едва-ли будетъ значительна.

до 35% дѣвочекъ; при чемъ изъ тѣхъ же данныхъ видно, что число это нѣсколько увеличится, если предполагаемая двухклассная школа будетъ обезпечена пріютомъ; въ этомъ случаѣ число мальчиковъ, перешедшихъ изъ начальной школы, въ школу высшую, составило бы нѣсколько болѣе половины (51%) окончившихъ курсъ начальной школы, а число дѣвочекъ—44%, т.-е. въ лучшемъ случаѣ число дѣтей, которыя воспользовались бы двухклассною школою, не превысило бы половины окончившихъ курсъ начальной школы. А такъ какъ, какъ это уже было проговорено выше, курсъ начальной школы оканчивается только 30% числа дѣтей, пользующихся этою школою, то и на основаніи только-что приведенныхъ данныхъ необходимо будетъ притти къ тому же заключенію, что изъ числа поступившихъ въ начальную школу,—воспользовавшіяся высшею школою составятъ около 15%, окончившія же затѣмъ весь курсъ такого рода школы составили бы, конечно, еще меньшій процентъ.

Мы не будемъ останавливаться надъ разсмотрѣніемъ причинъ, мѣшающихъ дѣтямъ, окончившимъ курсъ начальной школы, воспользоваться школою двухклассною, даже и при близости этой послѣдней и не будемъ приводить сообщенныхъ по этому поводу отзывовъ преподавателей, такъ какъ причины эти тѣ же, которыя мѣшаютъ большинству дѣтей окончить курсъ школы начальной. Перейдемъ теперь къ опредѣленію того, хотя, правда, очень приблизительнаго, числа школъ съ болѣе широкою программою, которое удовлетворило бы желающихъ воспользоваться такого рода школами. Обращаясь къ подсчету имѣющихся данныхъ, нелишнимъ считаемъ еще разъ оговориться, что если принять, что въ высшую школу перейдетъ лишь около половины учениковъ, окончившихъ курсъ одноклассной школы, то должно будетъ допустить, что для того, чтобы первое отдѣленіе проектируемой школы было заполнено такъ же, какъ заполнено соотвѣтствующее четвертое отдѣленіе въ школахъ двухклассныхъ существующихъ въ (среднемъ выводѣ—17 уч.) нужно, чтобы отдѣленія эти пополнялись учениками не менѣе какъ 4 школъ. Имѣя же затѣмъ въ виду, что одноклассныхъ сельскихъ школъ въ губерніи насчитывается около 1300, придется допустить что указаннаго типа высшихъ школъ, при изложенномъ расчетѣ и условіи повсемѣстной ихъ необходимости, понадобится до 320, считая въ томъ числѣ и школы двухклассныя дѣйствующія. Кстати, замѣтимъ, что по отзывамъ преподавателей, заключающимъ отвѣты на вопросъ о томъ, сколько именно находится школъ въ томъ или иномъ разстояніи отъ каждой школы, оказалось, что, въ среднемъ выводѣ, 4 школы входятъ въ составъ района при 5-верстномъ его радіусѣ; если же радіусъ проектируемыхъ районовъ высшихъ школъ будетъ удвоенъ и станетъ равняться 10-ти верстамъ, то въ среднемъ выводѣ въ такой

районъ войдутъ 9 училищъ, при чемъ общее число такихъ районовъ въ губерніи не будетъ превышать 150.

Въ дѣйствительности едва ли, однако, можетъ представится допустимымъ одновременное устройство столькихъ высшаго типа школъ, при которомъ сдѣлалось бы возможнымъ повсемѣстное пользованіе ими, такъ какъ въ губерніи могутъ быть указаны такія мѣстности, населеніе которыхъ, въ виду промысловыхъ и экономическихъ условій своей жизни едва ли въ желательной мѣрѣ воспользуется высшими школами, если эти послѣднія и будутъ тамъ открыты въ настоящее время. Что такого рода населенные пункты не представляютъ собою рѣдкаго исключенія,—это до нѣкоторой степени подтверждается слѣдующимъ подсчетомъ преподавательскихъ отзывовъ по вопросу о желательности устройства двухклассныхъ школъ: изъ 535 учительницъ и учителей, давшихъ эти отзывы, 129 отвѣтили отрицательно и 103—отвѣтили условно, или такъ, что желательность устройства высшихъ школъ оставили подъ вопросомъ. Большинство преподавателей, давшихъ остальные, положительные, отзывы, указываютъ на желательность преобразованія именно *своихъ* школъ, и только очень немного (17) намѣчается пунктовъ, за желательность устройства въ которыхъ школъ съ повышеннымъ курсомъ высказалось по нѣскольку (по три и болѣе) преподавателей.

Для характеристики преподавательскихъ отвѣтовъ, подсчетъ которыхъ позволилъ притти къ только что изложенному выводу, представляемъ слѣдующіе отзывы, начавши ихъ передачу съ имѣющихъ отрицательный характеръ:

„Нужды въ устройствѣ двухклассныхъ школъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ въ нашей мѣстности; это видно изъ того, что въ двухклассную школу, отстоящую отъ нашего селенія въ четырехъ верстахъ, отсюда никто не поступаетъ. Желающихъ воспользоваться двухклассною школою, если бы она была устроена вмѣсто дѣйствующей теперь школы, было бы мало въ виду того, что съ 11 и 12 лѣтъ мальчики поступаютъ на мѣстныя фабрики".

„Думается, что населеніе очень мало будетъ пользоваться двухклассною школою даже въ томъ случаѣ, если послѣдняя будетъ устроена помимо его средствъ и будетъ имѣть большія удобства; это потому, что народъ, среди котораго я живу, небогатъ, занятъ фабричнымъ промысломъ и, какъ это я заключилъ изъ своихъ разговоровъ даже съ зажиточными крестьянами, — населеніе старается какъ можно скорѣе засадить своихъ дѣтей работать марлю. И если намъ иногда приходится усиленно убѣждать родителей позволить своимъ дѣтямъ окончить курсъ начальной школы, то объ устройствѣ двухклассной школы и говорить нечего".

„Вслѣдствіе громаднаго приложенія дѣтскаго труда на мѣстномъ

шелково-ткацкомъ производствѣ, не говоря уже о такомъ приложеніи труда подростковъ, устройство двухклассной школы въ данной деревнѣ или сосѣдней съ нею едва ли своевременно. Въ четырехверстномъ разстояніи отъ данной деревни имѣется двухклассное министерское училище, куда, при желаніи, крестьяне могли бы помѣщать своихъ дѣтей, но они не отдаютъ ихъ и не по причинѣ неудобства посѣщать эту школу, а все по тѣмъ же экономическимъ соображеніямъ. Требованія крестьянскаго населенія къ школѣ въ настоящее время ограничены грамотностью; болѣе широкія требованія будутъ предъявляться къ школѣ лишь тогда, когда поднимется умственный уровень населенія. Поэтому прежде чѣмъ устраивать здѣсь двухклассную школу, необходимо обезпечить крестьянъ тѣми просвѣтительными учрежденіями, которыя способствовали бы поднятію ихъ умственнаго уровня и укрѣпленію сознанія въ необходимости не только обученія своихъ дѣтей, но и умственнаго ихъ развитія и образованія. Въ настоящее время такія просвѣтительныя учрежденія начинаютъ уже здѣсь создаваться. Такъ, въ прошедшемъ 1900 году при мѣстной школѣ открыта народная библіотека и стали устраиваться народныя чтенія съ тѣневыми картинами. Къ сожалѣнію, ни библіотека, ни чтенія, по причинѣ малограмотности, а то и полной безграмотности взрослаго населенія, не достигаютъ своихъ просвѣтительныхъ цѣлей. Поэтому необходимо создать здѣсь третье просвѣтительное учрежденіе, которое распространяло бы и укрѣпляло во взросломъ населеніи грамотность и тѣмъ самымъ способствовало бы ему (населенію) болѣе продуктивно пользоваться уже имѣющимися просвѣтительными учрежденіями. Особенно же нуждается въ подобномъ учрежденіи женское населеніе, какъ наиболѣе безграмотное или малограмотное. Я говорю о воскресной школѣ. При совокупной дѣятельности всѣхъ трехъ названныхъ учрежденій: библіотеки, чтеній и воскресной школы умственный уровень взрослаго населенія будетъ повышаться одновременно, и уже отъ степени этого повышенія будетъ зависѣть приближеніе того момента, когда крестьяне не будутъ довольствоваться однимъ только обученіемъ своихъ дѣтей въ начальной школѣ, а будутъ стараться дать имъ большее образованіе, и тогда имъ понадобится двухклассная школа".

„Пользоваться двухклассными школами населеніе едва ли будетъ, а если и будетъ, то очень слабо, и то если будетъ устроенъ при школѣ пріютъ и будетъ даваться содержаніе. Дѣло въ томъ, что въ данной мѣстности въ каждомъ домѣ безъ исключенія чуть не фабрика, при чемъ дѣти 6—8 лѣтняго возраста разматываютъ для старшихъ членовъ семьи бумагу, а дѣтей съ 8-лѣтняго возраста стараются посадить за станъ, разсуждая, что ребенокъ скорѣе выучится работать и что-нибудь заработаетъ. Вслѣдствіе этого, если и будутъ пользоваться двухклассными

школами, то только дѣти изъ богатыхъ семей, а родители средніе и бѣдные и въ начальной-то школѣ едва даютъ доучиться, а больше берутъ дѣтей изъ средняго отдѣленія".

Слѣдующія два отзыва типичны для той категоріи полученныхъ отвѣтовъ, которые были выдѣлены въ группу—„условныхъ".

„Устройство двухклассныхъ школъ желательно, такъ какъ школы эти могутъ дать болѣе законченное образованіе крестьянскому мальчику. Къ сожалѣнію, принимая во вниманіе экономическія условія крестьянскаго населенія, нельзя не видѣть, что двухклассныя школы не вездѣ могутъ принести ту пользу, какая ожидается отъ нихъ. Такъ, напримѣръ, въ мѣстности, гдѣ находится наша школа, среди крестьянъ развито позументное производство, которое и можетъ послужить главнымъ препятствіемъ къ существованію двухклассной школы. Въ настоящее время школа съ 3-хъ лѣтнимъ курсомъ и то часто ставится въ непріятное и нежелательное положеніе, благодаря тому, что ученики, проучившись два года, оставляютъ школу, чтобы поступить на фабрику къ мѣстному кустарю. Слѣдовательно, желающихъ получить образованіе во второмъ классѣ двухклассной школы въ нашей мѣстности будетъ весьма мало, или не будетъ совсѣмъ".

„Устройство двухклассной школы въ нашей мѣстности необходимости не представляетъ; но если она будетъ устроена, то найдутся желающія посѣщать ее, такъ какъ нѣкоторые изъ крестьянъ отдаютъ дѣтей въ лавки и магазины, гдѣ требуется образованіе больше, чѣмъ то, которое даетъ одноклассная школа. Помѣшать крестьянскимъ дѣтямъ пользоваться двухклассною школою можетъ бѣдность, вслѣдствіе которой крестьяне спѣшатъ отдавать дѣтей для матеріальнаго заработка".

Наконецъ слѣдующіе отзывы представляются характерными для наибольшей группы данныхъ по настоящему вопросу отвѣтовъ, а именно отвѣтовъ преподавателей, опредѣленно высказавшихся за желательность устройства такихъ школъ, при помощи которыхъ могли бы продолжить свое образованіе дѣти, окончившія курсъ начальной школы; при этомъ не лишнимъ полагаемъ добавить, что къ числу такихъ положительныхъ отвѣтовъ были отнесены и тѣ, которыми хотя и свидѣтельствуется желательность и полезность учрежденія двухклассныхъ школъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчается и то, что такого рода школами воспользуются если не исключительно, то преимущественно дѣти болѣе самостоятельныхъ родителей.

Вотъ болѣе типичные изъ указанныхъ отзывовъ положительнаго характера:

„Если для двухклассной школы будетъ удачно выбрано мѣсто среди группы земскихъ школъ, и если притомъ она будетъ устроена съ ночлежнымъ пріютомъ, то она, какъ это позволяютъ мнѣ заключить мои

наблюденія въ теченіе 16 лѣтъ, будетъ полна учениками. Земская начальная школа уже подготовила почву для двухклассной школы. Связь и довѣріе между населеніемъ и школою уже твердо установлены; но населеніе смотритъ на начальную школу, какъ на школу 6—8 лѣтнихъ малышей, которые 10 — 12-ти лѣтъ оканчиваютъ курсъ. Дѣти, окончившія курсъ въ такихъ лѣтахъ, прямо ставятъ своихъ родителей въ затрудненіе своимъ положеніемъ: на фабрики и заводы такихъ лѣтъ дѣтей не берутъ, дальше учить ихъ негдѣ изъ-за недостатка средствъ или же по незнанію,—куда можно опредѣлить такихъ дѣтей, а дома тоже трудно подыскать дѣло для дѣтей этого возраста. Чтобы выйти изъ такого затруднительнаго положенія, болѣе развитые родители, и послѣ окончанія курса, посылаютъ опять дѣтей въ школу, а менѣе развитые и тѣ, которые побѣднѣе, оставляютъ своихъ дѣтей, окончившихъ курсъ, на произволъ судьбы. Какъ тѣхъ, такъ и другихъ дѣтей положеніе не завидное: одни, видя, что въ школѣ ими мало занимаются, и что приходится повторять все старое, неинтересное, — скучаютъ, а другія—забываютъ то, что узнали въ школѣ. Двухклассная школа подобрала бы этихъ дѣтей и объединила бы цѣлыя группы земскихъ начальныхъ школъ".

„Устройство двухклассныхъ школъ очень желательно, такъ какъ существующій типъ одноклассныхъ школъ по краткости курса не можетъ, при всемъ желаніи, дать столько, сколько необходимо знать вполнѣ грамотному человѣку. Одноклассная школа даже не даетъ твердыхъ навыковъ, ибо, спѣша выполнить программу, она все позволяетъ усваивать только поверхностно. Очень часто приходится видѣть бывшихъ учениковъ одноклассной школы, которые дѣлаютъ массу грубѣйшихъ ошибокъ, хотя въ школѣ и писали вполнѣ грамотно. Это-то и показываетъ нетвердость пріобрѣтенныхъ знаній; двухклассная же школа и даетъ больше, и укрѣпляетъ данное. Къ сожалѣнію, однако, едва-ли можно расчитывать на то, чтобы двухклассною школою желательно широко воспользовалось мѣстное населеніе, если такого рода школа будетъ здѣсь устроена, такъ какъ кругомъ населеніе очень бѣдное".

„Такъ какъ въ данной мѣстности имѣются зажиточныя семьи,— по три и по четыре на селеніе,— которыя желали бы дать своимъ дѣтямъ болѣе того, что даетъ начальная школа, то двухклассная школа въ здѣшней мѣстности была бы очень желательна".

„Устройство двухклассной школы очень желательно. Правда, что населеніе стремится на заработки въ Москву, куда отправляетъ и своихъ дѣтей, почему большинство, конечно, не дастъ дѣтямъ окончить курса двухклассной школы, однако зажиточныя семьи навѣрное позволятъ дѣтямъ окончить полный курсъ такой школы" и т. п.

IV.

Разсматривая отзывы, образцы которыхъ были только что приведены, прежде всего, нельзя не замѣтить, что значительное большинство даже утвердительныхъ отвѣтовъ на соотвѣтствующій параграфъ вопроснаго бланка заключаютъ въ себѣ такія оговорки, которыя заставляютъ признать старшія отдѣленія двухклассныхъ школъ, при настоящей ихъ организаціи, доступными преимущественно наиболѣе состоятельной части сельскаго населенія. Что обстоятельство это не представляетъ чего либо неожиданнаго, это видно изъ того, что, при самомъ возникновеніи двухклассныхъ школъ,— ихъ устройствомъ предполагалось удовлетворить потребность селеній и поселковъ наиболѣе центральныхъ, людныхъ и торговыхъ, въ составѣ населенія которыхъ входитъ болѣе или менѣе значительное число лицъ, достаточно состоятельныхъ для того, чтобы не нуждаться въ работѣ своихъ дѣтей—подростковъ и дать имъ возможность проучиться два—три лишнихъ года; теперь также зачастую приходится встрѣчать пожеланіе, чтобы такого рода училищами были обезпечены преимущественно торговыя и промышленныя селенія, въ которыхъ народонаселеніе нуждается по самому роду своихъ занятій въ болѣе обширныхъ познаніяхъ [1]), или же просказывается, что— „самыми подходящими для этого (т. е. устройства двухклассныхъ школъ) пунктами должно признать наиболѣе населенныя мѣстности уѣзда, гдѣ болѣе всего развита торгово-промышленная жизнь". Гдѣ подростающее молодое поколѣніе—„болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, чувствуетъ недостаточность начальнаго обученія и для удовлетворенія своей потребности въ болѣе основательномъ элементарномъ образованіи нуждается въ школѣ сравнительно высшаго типа [2])".

Что двухклассныя школы своими послѣдними отдѣленіями и въ самомъ дѣлѣ служатъ преимущественно болѣе зажиточной части сельскаго населенія,—это видно и изъ указаній учителей уже существующихъ двухклассныхъ школъ:

„Изъ практики моей въ двухъ уѣздныхъ городахъ,—пишетъ одинъ изъ этихъ учителей,— я могъ замѣтить, что отдаютъ своихъ дѣтей учиться въ городскія 2-хъ и 3-хъ классныя училища не крестьяне изъ ближайшихъ подгородныхъ селъ и деревень, а болѣе состоятельные, изъ отдаленныхъ деревень, которые нанимаютъ даже для дѣтей квартиры

---

[1]) Журн. Министр. Народ. Просв. 1867 г. № 4 — ст. «Двухкл. сельск. уч.»—стр. 108—110; «Циркуляръ по Моск. учебн. окр.» 1868 г. № 2; Докл. Нижегород. губ. зем. упр. собранію 1901 г.—«О нуждахъ народн. образов.»; «Журн. Вятск. губ. зем. собр. XXXI сессіи «1898 г.» стр. 888.

[2]) Докл. Клинской зем. упр. собранію 1901 г.—«По вопр. о 2—кл. уч.»—стр. 2.

со столомъ для того только, чтобы сыновья ихъ кончили курсъ въ городскомъ училищѣ".

„Значительный процентъ учащихся (10—12%) данной (сельской) двухклассной школы,—читаемъ мы въ замѣткѣ другого учителя, — составляютъ дѣти мѣщанъ, духовенства, чиновниковъ, небогатыхъ дворянъ, зажиточныхъ крестьянъ, живущихъ частію въ предѣлахъ школьнаго района, но, главнымъ образомъ, внѣ его, иногда верстахъ въ 25—30 отъ школы. Всѣ эти лица, не принимая участія въ содержаніи школы, платятъ за обученіе въ ней своихъ дѣтей по 3 руб. въ годъ; кромѣ того, самое содержаніе дѣтей обходится имъ сравнительно дорого (2—4 р. въ мѣс.); тѣмъ не менѣе контингентъ учащихся, поставляемый этою частью населенія, отличается большею, сравнительно съ мѣстнымъ, устойчивостью и предъявляетъ повышенныя къ школѣ требованія. Изъ всѣхъ свидѣтельствъ 3-го и 4-го разряда, выданныхъ училищемъ, половина приходится на долю этихъ именно дѣтей. Интересно и то, что огромное большинство дѣвочекъ-ученицъ дается этою-же частью населенія, тогда какъ на долю мѣстнаго крестьянскаго населенія приходится такое ничтожное число ихъ, что мы до сихъ поръ не находили возможнымъ говорить объ отношеніи населенія къ грамотности дѣвочекъ. Причину такого отношенія къ школѣ указанной группы населенія нужно искать прежде всего въ болѣе высокомъ, нежели обыкновенный крестьянскій, матеріальномъ уровнѣ ея, а затѣмъ—въ положеніи отдѣльныхъ лицъ, составляющихъ эту группу. Знанія и умѣнія, вынесенныя изъ школы дѣтьми этихъ лицъ, чаще и полнѣе прилагаются въ ихъ жизни, нежели въ крестьянской, что заставляетъ ихъ выше оцѣнивать школу и результаты ея дѣятельности, искать въ ней большаго, чѣмъ простая грамотность. Далѣе, для многихъ изъ нихъ обученіе дѣтей въ школѣ связано нерѣдко съ надеждою, единственною надеждою—открыть имъ путь къ жизни, такъ какъ этотъ путь и конечная цѣль его — то или другое общественное положеніе—обусловливается главнымъ образомъ тѣми знаніями, умѣніями, правами и льготами, которыя даются школой,—слѣдовательно, чѣмъ больше взять отъ школы, тѣмъ больше шансовъ отвоевать себѣ лучшее положеніе: этимъ и объясняется та настойчивость, съ какой нерѣдко представители указанной группы населенія ищутъ и добиваются чрезъ школу болѣе широкихъ правъ для своихъ дѣтей. Крестьянинъ, имѣя землю, обладаніе и обработка которой обезпечиваютъ его и вполнѣ опредѣляютъ будущность его дѣтей, не основываетъ своихъ надеждъ на томъ, что даетъ школа. Отъ школы ему нужны не права, а главнымъ образомъ грамотность, которую онъ цѣнитъ, согласно требованіямъ жизни, какъ практическое удобство. Только избытокъ матеріальныхъ средствъ, при наличности какого-либо подсобнаго промысла (чаще всего — торговли), да, — что бываетъ уже

гораздо рѣже,—честолюбивыя мечты вывести своего сына „въ люди“—заставляютъ крестьянина добиваться максимума того, что даетъ школа*)“. А для этого отцу или семьѣ необходимо отказаться отъ работы ученика—подростка, что, какъ извѣстно, далеко не для всѣхъ возможно, не смотря на тѣ практическія выгоды, которыя обѣщаются усвоеніемъ полнаго курса данной школы.

Условія современной жизни населенія и опредѣляемый этими условіями и недостаткомъ средствъ, характеръ отношенія сельскаго населенія къ школѣ, какъ это и видно изъ представленнаго выше, не позволяютъ крестьянину пользоваться школами (какъ—одноклассными, такъ и въ особенности—двухклассными) въ интересахъ *просвѣщенія* своихъ дѣтей, и въ то же самое время названныя условія нерѣдко обязываютъ его воспользоваться, насколько это окажется возможнымъ, тѣми же школами для обезпеченія своихъ дѣтей *грамотностью*.

Мы могли бы привести значительное число выписокъ изъ преподавательскихъ сообщеній, подтверждающихъ этотъ общій выводъ, но ограничимся передачею части только одной изъ этихъ замѣтокъ, съ наибольшею детальностью разсматривающей настоящій вопросъ и какъ-бы резюмирующей другіе отзывы по этому предмету.

„Отвѣчая на вопросъ,—стремятся-ли крестьяне къ дальнѣйшему, послѣ начальной школы, образованію и какую роль играютъ или могутъ играть въ этомъ случаѣ двухклассныя школы?“—я, конечно, долженъ имѣть въ виду крестьянъ вообще, въ массѣ, не останавливаясь на индивидуальностяхъ. Отсюда для меня является вопросъ:—что значитъ стремиться къ образованію, если не имѣть въ виду стремленія къ нему философовъ, ученыхъ и т. п. мыслителей? И въ другихъ сословіяхъ, не крестьянскомъ,—кто стремится къ образованію для образованія, а не для карьеры? — Только отдѣльныя личности, неудовлетворяющіяся общепринятымъ міросозерцаніемъ и имѣющія настолько сильный интеллектъ, что матеріальная жизнь уходитъ для нихъ на второй планъ, а впереди всего становятся проблемы мысли. Но такихъ немного. Остальные же идутъ въ училища, гимназіи, университеты для того, чтобы, получивши письменное удостовѣреніе въ умственной зрѣлости и образованности, занять въ жизни такое положеніе, которое обезпечивало бы имъ матеріальную жизнь съ такъ называемой интеллигентной работой, съ сытымъ столомъ, красивой одеждой, просторнымъ жилищемъ, почетомъ и уваженіемъ отъ своихъ ближнихъ. Все это не считается нисколько предосудительнымъ, даже поощряется и одобряется,

---

*) «Русск. Шк.»—1897 г. № 5—6 —Ст. «Изъ исторіи 2 кл. школы въ селѣ Волочкѣ».

но все-таки стремленіе къ этому нельзя назвать стремленіемъ къ просвѣщенію. Такимъ образомъ, я понимаю стремленіе къ просвѣщенію только философское, когда человѣкъ хочетъ знать что-нибудь исключительно въ цѣляхъ мысли, въ цѣляхъ созданія для себя наиболѣе разумнаго, наиболѣе удовлетворяющаго его міросозерцанія. Такое стремленіе къ просвѣщенію наблюдается только въ отдѣльныхъ личностяхъ, сравнительно довольно рѣдкихъ и при томъ такихъ, которыя свою матеріальную жизнь ставятъ сзади жизни духовной. Теперь про крестьянъ. Матеріальная жизнь нашего крестьянина совершенно неудовлетворительна. Живетъ онъ съ цѣлой семьей въ тѣсной избѣ, куда зимою приглашается и молодой домашній скотъ; питается непитательной и невкусной пищей, да и то не всегда вволю; для поддержанія этихъ благъ онъ долженъ работать съ утра до ночи тяжелую физическую работу, — если для себя, то мало-производительную въ виду дурныхъ условій: малоплодородности земли, несовершенства орудій и инструментовъ и т. п., а если на людей,—то работу плохо-оплачиваемую; семейство крестьянина — его жена, дѣти и родственники ходятъ въ дурной и часто не сезонной одеждѣ; крестьянина, по его бѣдности, никто не уважаетъ и только нѣкоторые участливо сострадаютъ ему;—однимъ словомъ, крестьянину за свою матеріальную жизнь и за ея улучшенія приходится такъ много бороться, такъ всецѣло отдавать ей все свое вниманіе, что если бы даже онъ родился и философомъ, то все-таки вопросъ о просвѣщеніи явился бы для него въ настоящее время очень преждевременнымъ", потому что, для того, чтобы пріобрѣсть это просвѣщеніе, даже для того только, чтобы удѣлить на это необходимое время,—нужны средства гораздо большія тѣхъ, которыми онъ располагаетъ.

Позволимъ себѣ добавить къ только что изложенному, что высказанное въ приведенномъ замѣчаніи одного изъ учителей отнюдь не можетъ быть приписано недостаточному знакомству этого учителя съ фактами дѣйствительности, опредѣляющими тотъ характеръ отношенія къ школѣ нашей, такъ называемой, интеллигентной части общества, который постепенно прививается и къ земледѣльческому, крестьянскому населенію. Вотъ что писалъ уже около 30 лѣтъ тому назадъ К. Д. Ушинскій, характеризуя отношеніе къ школѣ „высшихъ классовъ": „Образованіе высшихъ классовъ, какъ извѣстно, имѣетъ у насъ служебныя начала. Петръ Великій и его ближайшіе преемники основывали разныя училища не для удовлетворенія потребности высшихъ классовъ въ образованіи (этой потребности не было), но для того, чтобы имѣть лицъ, подготовленныхъ къ различнымъ родамъ государственной службы. Отсюда и многочисленныя служебныя привиллегіи за образованіе, которыя были не только привиллегіями, но прямо средства-

ми для начала той служебной дѣятельности, къ которой подготовляло то или другое учебное заведеніе. Этотъ служебный толчекъ, данный нашему образованію Петромъ Великимъ, еще и до сихъ поръ не потерялъ своей силы: еще и до сихъ поръ большинство нашего образованнаго класса смотритъ на учебныя заведенія какъ на путь къ чинамъ и мѣстамъ; еще и теперь большинство родителей образованнаго класса, отдавая свое дитя въ училище, менѣе всего заботится о томъ, чему тамъ учатъ и какъ тамъ воспитываютъ, и болѣе всего о томъ, какую служебную карьеру открываетъ то или другое учебное заведеніе своимъ воспитанникамъ, т. е. смотритъ на учебное заведеніе, какъ на правительственное учрежденіе, какъ на начало служебной карьеры, почти такъ же, какъ смотритъ на департаментъ, палату, полкъ. [1])".

Не смотря на прошедшія 30 лѣтъ съ того времени, когда высказано было послѣднее замѣчаніе, намъ въ свою очередь приходится только повторить сказанное Ушинскимъ, замѣтивши, что такой характеръ отношенія къ школѣ наблюдается теперь не исключительно среди лицъ привиллегированныхъ, городскихъ сословій, но и среди сельскаго населенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ нерѣдко школу, хотя временно и необходимымъ, но чуждымъ ему учрежденіемъ, дѣлаетъ возможнымъ въ начальной школѣ то увлеченіе формальною стороною обученія, которое поддерживается и развивается программо-экзаменаціонными требованіями и которое привело къ тому, что значительное большинство народныхъ школъ въ дѣлѣ своего образовательнаго воздѣйствія не только не идетъ впередъ, но,—какъ это видно изъ отзывовъ лицъ преподавательскаго персонала,—сдѣлало даже значительный шагъ назадъ.

Почти то же приходится сказать и относительно школъ двухклассныхъ.

„Курсъ двухклассныхъ школъ, — читаемъ мы, напримѣръ, въ отзывѣ учителя одной изъ этихъ школъ, хорошо знакомаго съ ихъ организаціею, — долженъ-бы дать довольно большой кругъ свѣдѣній по закону Божію, русскому языку, ариѳметикѣ, геометріи, исторіи, географіи и природовѣдѣнію. Усвоеніе этихъ свѣдѣній при разумной постановкѣ дѣла преподаванія можетъ явиться могучимъ средствомъ для развитія и дисциплинированія ума учащихся и, несомнѣнно, должно расширить ихъ кругозоръ. Къ сожалѣнію, приходится отмѣтить, что преподаваніе въ двухклассной школѣ сводится къ формальному выполненію требованій, предъявляемыхъ программою и начальствомъ, т. е. стремится дать только извѣстную сумму знаній и мало имѣетъ въ виду общее развитіе учащихся, поэтому двухклассныя школы и не даютъ того, что мог-

---

[1]) К. Д. Ушинскій.—«Собр. соч.» изд. 1875 г., стр. 559.

ли бы дать, преслѣдуя болѣе широкія цѣли образованія, т. е. просвѣщеніе народа. Причину такого печальнаго явленія нужно искать, по моему мнѣнію, въ тѣхъ требованіяхъ, какія предъявляются къ школѣ со стороны населенія и начальствующихъ лицъ. Населеніе въ данномъ отношеніи очень нетребовательно, а начальствующія лица заботятся лишь объ удовлетвореніи формальныхъ требованій программы, мало обращая вниманія на общее развитіе учащихся".

„Двухклассныя школы министерства народнаго просвѣщенія,—говорится въ другомъ отзывѣ,—существуютъ около 30 лѣтъ и, не смотря на такой, кажется, длинный періодъ, онѣ ничѣмъ хорошимъ себя не проявили, замѣтнаго слѣда въ исторіи умственнаго развитія нашего крестьянства не оставили и до сихъ поръ остаются какъ-то въ сторонѣ, изолированными, безпочвенными... Появленіе и существованіе двухклассныхъ училищъ кажется какимъ-то страннымъ, ненужнымъ и до сихъ поръ неопредѣленнымъ. Школы эти не всѣмъ даже извѣстны; онѣ, очевидно, не привились народу и влачатъ невольно призрачное, незамѣтное для той массы, которой онѣ предназначались, существованіе. Да и министерству народнаго просвѣщенія давно бы пора замѣтить ненормальность положенія этихъ школъ и сознаться—если не въ полной ихъ непригодности, то въ необходимости ихъ полной реорганизаціи. Въ чемъ же недостатокъ этихъ школъ?—Мнѣ кажется,—отвѣчаетъ на этотъ вопросъ тотъ же учитель, — что главная причина безпочвенности и практической непригодности этихъ школъ заключается прежде всего въ многочисленности задачъ, возложенныхъ на эти училища, отсутствіи одной опредѣленной системы въ ихъ учебной организаціи и, частію, въ чиновнически — бюрократическомъ положеніи учительскаго персонала и учебно-административномъ формализмѣ. Предполагается, конечно, что въ двухклассныхъ училищахъ программа по общеобразовательнымъ предметамъ шире, полнѣе, чѣмъ въ начальной школѣ и заключаетъ въ себѣ, такъ сказать, „конкретъ" познаній для крестьянина... Но какъ проходятся эти предметы въ двухклассныхъ училищахъ? Изъ нихъ даются самыя поверхностныя, элементарныя свѣдѣнія въ такомъ объемѣ, въ какомъ можетъ получить ихъ всякій порядочный—грамотный и разумный мужикъ самостоятельно, внѣ школы. Тратить на эти обрывки познаній лишнихъ 2 — 3 года не выгодно и не резонно. Такъ въ дѣйствительности и бываетъ: поступаетъ мальчикъ въ первый классъ училища, проучится три года, пріобрѣтетъ нужную ему грамотность и остается дома; мальчикъ выросъ, сталъ нуженъ дома, какъ рабочая сила, научился складно читать, писать и считать и вступаетъ въ школу жизненную, гдѣ, въ борьбѣ за существованіе, крѣпнетъ, растетъ тѣломъ и духомъ и пріобрѣтаетъ съ большею основательностію все то, что не дастъ ему никакая современная школа".

Но несмотря на тѣ отрицательныя черты, которыми, между прочимъ, характеризуется организація нашей современной народной школы (какъ двухклассной, такъ и одноклассной), она все же обыкновенно признается и называется если не единственнымъ, то могущественнѣйшимъ факторомъ народнаго просвѣщенія. Указанія на условность или даже невѣрность такого мнѣнія встрѣчаются чрезвычайно рѣдко. Какъ на удачное освѣщеніе даннаго вопроса относительно школъ начальныхъ (а вмѣстѣ съ тѣмъ, безъ сомнѣнія, и дѣйствующихъ въ аналогичныхъ съ ними условіяхъ — школъ двухклассныхъ)—мы позволимъ себѣ привести мнѣніе г. Батуева, высказанное имъ въ отвѣтъ на замѣчаніе одного изъ учителей Вятской губ., относящаго учрежденіе библіотекъ (а также, конечно, и вообще примѣненіе средствъ внѣшкольнаго образованія)—„къ второстепеннымъ потребностямъ, которыя должны удовлетворяться лишь тогда, когда удовлетворены потребности насущественнѣйшія, т. е. (по мнѣнію того же учителя) когда устроена подготовка учителей въ особыхъ семинаріяхъ и построены собственныя школьныя помѣщенія. Трудно повѣрить,—говоритъ по этому поводу г. Батуевъ,—чтобы подобное мнѣніе могъ высказать не отъявленный врагъ народнаго просвѣщенія, а, напротивъ, искренній другъ его. Въ самомъ дѣлѣ, что такое сама школа, сама грамотность, какъ не средство къ пріобрѣтенію познаній, какъ не ключъ къ замку, которымъ заперты отъ несвѣдущихъ секреты и тайны природы. Но откуда же получитъ кончившій школу эти знанія? Сама школа даетъ только основательное умѣнье читать, писать и считать. Тѣ обрывки знаній, которые даются въ школѣ сверхъ того, нечего и ставить въ счетъ. Слѣдовательно, вся надежда только на то, что кончившій школу будетъ, благодаря грамотности, почерпать знанія изъ книгъ. Но гдѣ же достанетъ онъ ихъ, если земство не будетъ снабжать его книгами подъ видомъ-ли библіотекъ, или безплатной раздачею, или продажею ихъ изъ складовъ. Если не будетъ библіотекъ, не будетъ книги у крестьянина, то всѣ заботы земства даже о школахъ потеряютъ всякій смыслъ. Земство будетъ давать только грамотность, которую не къ чему приложить, будетъ давать въ руки ключъ, которымъ нечего отпирать. Если учитель въ школѣ будетъ не кончившій въ семинаріи, а хотя бы съ низшимъ образованіемъ, если школа не будетъ отвѣчать санитарнымъ требованіямъ, а будетъ обыкновенною крестьянскою избою,—все-таки школа, хоть и не образцовая, сдѣлаетъ свое дѣло. Но если ученики изъ прекрасной школы, обученные прекраснымъ учителемъ, уйдутъ въ деревню, гдѣ нѣтъ ни одной книги, то всѣ заботы объ ихъ обученіи сведутся къ нулю. Даромъ истрачены средства, даромъ потеряно время“... „Какъ бы образцово ни была поставлена школа,— говоритъ далѣе г. Батуевъ,— она не можетъ удовлетворить тѣмъ запросамъ на знаніе, которые въ

настоящее время предъявляются крестьянами. Книга, и только книга можетъ съ успѣхомъ выполнить эту задачу. Начальная школа—только дорога къ знанію. Книга даетъ уже самое знаніе“ [1]) и т. д.

Съ одинаковой силой относится только что сказанное и къ школамъ двухклассныхъ, которыхъ, какъ это было указано выше, оканчиваетъ только небольшой процентъ учащихся; для значительнаго большинства школа эта служитъ тѣмъ же, чѣмъ и школа одноклассная: она даетъ ставшею необходимою грамотность—и только; а чтобы взять отъ школы все, что можетъ дать она, для этого должно быть затрачено гораздо большее время, чѣмъ то, которымъ можетъ располагать ребенокъ средней крестьянской семьи; до конца курса двухклассной школы доводятъ своихъ дѣтей крестьяне болѣе состоятельные, или, — что уже встрѣчается рѣдко,—если и не особо состоятельные, то твердо поставившіе своею задачею вывести „въ люди“ своихъ дѣтей, въ особенности же наиболѣе способныхъ изъ нихъ; затѣмъ двухклассными школами охотно пользуются лица иныхъ сословій и вообще всѣ тѣ, кто стремится и имѣетъ средства обезпечить ребенка дипломомъ, служащимъ однимъ изъ условій, облегчающихъ пріобрѣтеніе болѣе легкаго или лучше оплачиваемаго труда.

И вотъ, въ зависимости ли отъ того, что полученіе искомаго диплома и въ самомъ дѣлѣ облегчаетъ пріобрѣтеніе болѣе легкаго труда, или же потому, что большинство окончившихъ курсъ двухклассной школы принадлежитъ къ составу семей не крестьянскихъ, а если и крестьянскихъ, то уже оставившихъ тяжелый земледѣльческій трудъ,— но только имѣются статистическаго характера данныя, которыя свидѣтельствуютъ, что—„изъ всѣхъ окончившихъ курсъ двухклассной школы мальчиковъ собственно сельскимъ хозяйствомъ занимается самая ничтожная часть“ [2]), что для нѣкоторой части населенія двухклассная школа служитъ — „только подготовительнымъ учебнымъ заведеніемъ“, при помощи котораго бывшіе его ученики отдаются въ другія училища, какъ напр.: „въ городское, земледѣльческое, кондукторское и т. п.“; что окончаніе курса въ этой школѣ — „отрываетъ крестьянскихъ дѣтей отъ занятій ихъ отцовъ, побуждаетъ ихъ искать болѣе легкій трудъ“—и т. д. [3]).

Но если это такъ, то нельзя не признать вполнѣ умѣстнымъ данный однимъ изъ преподавателей, вмѣсто просимаго отвѣта, вопросъ о томъ,—„слѣдуетъ ли открывать и устраивать 2-классныя школы, кото-

---

[1]) А. Батуевъ—«По поводу указаній Вятскимъ земствомъ, – какъ слѣдуетъ вести дѣло народ. образованія» – стр. 5—6. Вятка, изд. 1895 г.

[2]) «Изъ исторіи 2—кл. шк. въ с. Волочкѣ Смолен. губ. Сычевск. у.».

[3]) Брошюра, издан. по поводу исполнившагося 25-лѣт. существов. Нижне-Шкафск. 2—кл. сельск. уч., находящ. въ Городищ. уѣздѣ, Пензенск. губ.

рыми пользуется наиболѣе состоятельная часть населенія, — если не достаточно еще и одноклассныхъ школъ, да и существующія оставляютъ желать еще многаго въ дѣлѣ ихъ постановки?—Когда не достаточно и чернаго хлѣба,—отвѣчаетъ на поставленный вопросъ этотъ же учитель, — то, намъ кажется, преждевременно заботиться о калачѣ. Дѣло въ томъ, что большая часть крестьянъ, вслѣдствіе своей бѣдности, не имѣетъ возможности обучать своихъ дѣтей въ достаточной мѣрѣ и въ одноклассныхъ школахъ, хотя состоятельные крестьяне и сельскіе торговцы воспользуются, конечно, и двухклассными школами. Но слѣдуетъ ли и справедливо ли выдѣлять образованіемъ сельскихъ жителей и такъ уже выдѣлившихся изъ общей среды экономическимъ положеніемъ?—Нѣтъ, не слѣдуетъ,—отвѣчаетъ на свой вопросъ этотъ преподаватель: справедливѣе будетъ, если дать больше возможности учить дѣтей въ одноклассныхъ школахъ людямъ бѣднымъ, а состоятельные люди и такъ уже, по своему состоянію, имѣютъ больше возможности пользоваться школами".

И если принять во вниманіе характеръ того вліянія, который могутъ оказать наши школы на учащихся въ нихъ, то нельзя будетъ не признать, что при наличныхъ условіяхъ школа обычнаго теперь характера, хотя бы и высшаго типа, не только не можетъ помѣшать оскудѣнію сельскаго населенія интеллектуальными силами, но даже можетъ поспособствовать такому оскудѣнію, вызванному и поддерживаемому общественными и экономическими условіями жизни этого населенія.

Здѣсь не мѣсто говорить о томъ, въ какой мѣрѣ отвлеченіе отъ деревни ея лучшихъ силъ необходимо и желательно; но что положеніе, при которомъ школа, имѣющая задачу быть факторомъ народнаго просвѣщенія, можетъ стать и однимъ изъ условій народнаго оскудѣнія умственными силами,—что такое положеніе едва ли можетъ быть признано нормальнымъ,—это несомнѣнно.

Въ печати уже указывалось на — „крайнюю нежелательность" — того—„чтобы весь народъ, въ томъ числѣ и сельскій, въ лицѣ своихъ юныхъ поколѣній (или, замѣтимъ мы отъ себя, хотя бы только въ лицѣ лучшихъ, наиболѣе способныхъ его представителей) превратился въ людей, ищущихъ привиллегій, связанныхъ съ дипломами и вмѣстѣ съ тѣмъ людей, стремящихся къ окладамъ, какъ единственному источнику существованія";—такъ какъ въ результатѣ такой постановки школьнаго дѣла — „прежде всего получится перепроизводство, конечно, не лицъ образованныхъ,—таковое невозможно, потому что образованными должны быть всѣ,—но, если такъ можно выразиться, служилыхъ лицъ съ сильною жаждой казенныхъ мѣстъ и съ слабой надеждой имѣть ихъ, и въ то же время получится оскудѣніе деревни силами, въ которыхъ она

крайне нуждается, вслѣдствіе своихъ многообразныхъ и неотложныхъ нуждъ“ [1]).

Правда, что рефератъ, изъ котораго мы позаимствовали только это приведенную выписку, имѣлъ въ виду стремленіе сельскаго населенія собственно къ *средней* школѣ и проектировалъ новый типъ ея, пріуроченный къ потребностямъ сельскаго населенія, но также, конечно, относится сказанное и къ пользованію школами высшаго типа. Эти послѣднія школы, очевидно, должны быть такъ организованы, чтобы служить исключительно только средствомъ народнаго образованія и просвѣщенія. Если же наличность пріобрѣтенныхъ, благодаря этимъ школамъ, знаній въ концѣ концовъ поможетъ отдѣльнымъ представителямъ населенія приложить свои силы въ иной сферѣ труда и занять, по общераспространенному мнѣнію, болѣе высокое, болѣе выгодное трудовое и общественное положеніе,—то условіе это не должно же стоять въ непремѣнной обратной связи съ интересами коренного трудового населенія. Напротивъ, только наличность достаточно широкихъ понятій не позволитъ интересамъ населенія стать чуждыми отдѣльному лицу, заставитъ его признать ихъ близкими ему и побудитъ его съ избыткомъ возвратить тѣ средства, которыя были затрачены на его обученіе и просвѣщеніе населеніемъ.

V.

Къ изложенному относительно общей организаціи школъ высшаго типа вообще и двухклассныхъ въ частности необходимо добавить, что не менѣе противоположныя мнѣнія и пожеланія встрѣчаются и при разсмотрѣніи деталей предполагаемой или принятой уже организаціи этого рода школъ. Такъ, напримѣръ, относительно обученія ремесламъ въ сообщеніяхъ нѣкоторыхъ преподавателей опредѣленно указывается, что,—„крестьяне будутъ пользоваться высшими школами только въ томъ случаѣ, если при нихъ будетъ организовано преподаваніе какихъ-либо ремеслъ“; что—„двухклассныя школы желательны, но обязательно съ ремесленными классами“, — „двухклассныя же училища, какъ заведенія общеобразовательныя—для всѣхъ почти крестьянъ роскошь, которую, по мнѣнію лица, давшаго цитируемый отзывъ,—въ данной мѣстности населеніе едва ли будетъ пользоваться“. Вотъ что, напримѣръ, читаемъ мы въ одномъ изъ болѣе подробныхъ замѣчаній этого рода: „Открытіе двухклассныхъ училищъ очень желательно вообще; но насе-

---

[1]) «Труды Педаг. Общ. сост. при Москов. университет.; докл. Н. Елеонскаго—средн. школѣ средн. типа для сельск. насел.»—стр. 96.

леніе будетъ ими пользоваться не отчасти, а вполнѣ только тогда, когд имъ будетъ дана другая организація, а именно,—если въ курсъ школ будетъ введено преподаваніе сельскаго хозяйства. При этомъ ремесл должны быть изучаемы не менѣе основательно, чѣмъ они изучаютс теперь въ ремесленныхъ заведеніяхъ городскихъ. Работы учащихся которыя, при правильной постановкѣ дѣла, должны быть, по крайне мѣрѣ, удовлетворительными, могли бы сдаваться въ губернскій земскій кустарный музей. Деньги же, вырученныя отъ продажи издѣлій, могли бы итти на содержаніе учащихся при училищѣ и отчасти на прочія нужды училища. Введеніе въ курсъ преподаванія сельскаго хозяйства преимущественно практическаго, необходимо въ такой же мѣрѣ, какъ и преподаванія ремеслъ. Настоящему крестьянину, хотя бы и ремес ленному, постоянно приходится и должно вести въ деревнѣ земледѣль ческое хозяйство, которое, несмотря на занятіе ремеслами и промыс лами, все-таки остается главною опорою, самымъ прочнымъ основаніемъ его матеріальнаго и, отчасти, всякаго другого благосостоянія. Для осу ществленія идеи преподаванія сельскаго хозяйства въ сельскихъ учи лищахъ, необходимо, разумѣется, послѣднія надѣлить въ достаточномъ количествѣ прилегаемою къ нимъ землею. Не увеличивая программы наукъ, положенной для сельскихъ двухклассныхъ училищъ, врем пребыванія учащихся въ училищѣ, при введеніи въ курсъ преподаванія ремеслъ, рукодѣлій и сельскаго хозяйства, необходимо значительно увеличить, по крайней мѣрѣ—на два года, т.-е. сдѣлать курсъ сель скихъ двухклассныхъ училищъ семилѣтнимъ. При такой постановкѣ или реформѣ сельскихъ крестьянскихъ училищъ, нечего, разумѣется, опасаться за выбытіе учащихся до окончанія курса. Такіе случаи будутъ рѣдки, почти какъ исключенія. Да, тогда же, можетъ быть, и возможно будетъ дополненіе курса свѣдѣніями по правовѣдѣнію и ги гіенѣ, на что теперь нерѣдко указываетъ пресса".

Въ такого рода отзывахъ и замѣчаніяхъ, какъ видимъ, преподаваніе ремеслъ и вообще спеціальныхъ знаній признается существен нѣйшимъ условіемъ, отъ примѣненія котораго зависитъ успѣхъ школъ высшаго типа.

И вотъ на-ряду съ приведенными встрѣчаются отзывы совершенно противоположнаго характера: „Не знаю,—говорится въ одномъ изъ этихъ отзывовъ,—обязательно ли входятъ въ кругъ программы препо даваніе ремеслъ *во всѣхъ* двухклассныхъ школахъ, но я знаю двѣ школы, гдѣ, вмѣстѣ съ общеобразовательными цѣлями преслѣдуются и профессіональныя, т.-е. преподается ремесло, да даже,—въ одной изъ нихъ,—такое ремесло, произведенія котораго не имѣютъ сбыта ни въ своемъ, ни въ сосѣднихъ селахъ. Думается мнѣ, что эти двѣ цѣли не должны быть совмѣстимы, да и не вѣрится въ возможность распростра-

ія въ деревняхъ практическихъ ремеслъ черезъ общеобразовательную школу: для этого не хватитъ ни времени, ни дѣтскихъ силъ и бязательно какая-либо изъ двухъ цѣлей будетъ жить на счетъ другой. сли есть въ деревнѣ спросъ на извѣстное ремесло, то лучше для ого завести спеціально-ремесленную школу; если же спроса нѣтъ, о незачѣмъ въ общеобразовательной школѣ попусту тратить время, ъ какъ такія ремесла въ селѣ не привьются, какъ ненужныя. На рамотность же и образованіе спросъ есть вездѣ, и школа должна удоетворить этому спросу и чѣмъ шире—тѣмъ лучше".

Въ печати также—на ряду съ утвержденіями, что существуютъ колы, въ которыхъ преподаваніемъ ремесла какъ бы удовлетворяются нтересы ближайшаго населенія,*) — встрѣчаются такія, напримѣръ, казанія, что существующая при 2-классномъ училищѣ столярная астерская, на содержаніе которой отпускается ежегодно изъ казны особіе въ размѣрѣ 115 руб. а затѣмъ — „пособіе отъ почетнаго блюителя,—за счетъ котораго мѣстною экономическою конторою отпускается лѣсной матеріалъ," мастерская эта—„не выпускаетъ да и не ожетъ по малымъ своимъ средствамъ и краткости времени выпустить акихъ-либо мастеровъ; она даетъ только самыя первоначальныя анія въ этомъ дѣлѣ. Во все время существованія мастерской не амѣтно было, чтобы учащіеся стремились обучаться ремеслу; такъ апр., число обучающихся въ ней ни разу не превышало 12 человѣкъ, ъ коихъ къ концу учебнаго года оставалось не болѣе 4—5 человѣкъ, иногда и менѣе. Главною причиною этого явленія надо считать кратость времени... Ученики работаютъ въ мастерской только въ учебные и и притомъ по два часа въ день послѣ уроковъ, а осеннее и зимее время и того меньше, такъ какъ дни коротки и рано темнѣетъ. ромѣ того, если идетъ въ мастерскую ученикъ взрослый, напримѣръ, ъ 2-го класса, то ему до окончанія курса некогда пріобрѣсти достаочнаго навыка въ ремеслѣ, а по окончаніи курса онъ оставляетъ это анятіе. Съ другой стороны, младшихъ учениковъ помѣщать въ масерскую безполезно: они не настолько сильны, чтобы въ достаточной епени владѣть инструментами, слѣдовательно обязательные резульаты ихъ занятій проявляются только тогда, когда они подростутъ, а го въ свою очередь сводится къ первымъ. Кромѣ того, родители позволяютъ своимъ дѣтямъ посѣщать мастерскую, только пока ученикъ одитъ въ школу, а послѣ—стараются поставить его на такую работу, оторая давала бы ему вѣрный заработокъ. Нѣкоторые изъ поступившихъ въ мастерскую скоро оставляютъ ее за недосугомъ, такъ какъ ужно готовиться каждый день къ класснымъ занятіямъ. Такимъ обра-

*) «Журн. XXXII губ. зем. собр. Нижегород. губ.» 1898 г. докл. № 55 стр. 212.

зомъ за все время существованія мастерской, изъ нея пошли на сто лярное ремесло только четверо" *).

Въ „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія" за 1867 год встрѣчается также сообщеніе, которымъ отмѣчается, что многіе крести яне южныхъ губерній, бесѣдуя съ чиновникомъ министерства народ наго просвѣщенія относительно устройства двухклассныхъ школъ,- „только ко введенію обученія ремесламъ при училищахъ всѣ вообщ относились равнодушно, находя дѣло это неудобопримѣнимымъ, как по возрасту имѣющихъ обучаться въ тѣхъ училищахъ дѣтей, такъ потому, что въ такихъ случаяхъ необходимо было бы вести на казен ныхъ порядкахъ хозяйственную часть, что вездѣ и всегда сопровожда лось большими неудобствами. При этомъ нѣкоторые сторожилы заявили что въ началѣ нынѣшняго (XIX) столѣтія въ г. Черниговѣ существо вало 16 ремесленныхъ отдѣленій, на учрежденіе которыхъ правитель ство издержало большія суммы денегъ, но что результаты были самы плачевные, а потому всѣ тѣ ремесленныя отдѣленія скоро были за крыты, такъ что въ настоящее время (къ 1867 г.) не осталось и слѣд ихъ существованія" **).

Что же касается введенія въ число предметовъ, преподаваемых въ двухклассныхъ школахъ, сельскаго хозяйства, — то характерны примѣръ отрицательнаго отношенія къ этому вопросу дало Вятско земство, гдѣ губернскою земскою управою, послѣ предварительнаг обсужденія даннаго вопроса уѣздными земскими собраніями и особым комиссіями было признано, что—1) „устройство сельскохозяйственных курсовъ и маленькихъ фермочекъ при двухклассныхъ министерских училищахъ не достигаетъ цѣли ознакомленія населенія съ началам сельскаго хозяйства и потому этотъ проектъ долженъ быть отклонен и 2) что для достиженія цѣли сельскохозяйственнаго образованія народ необходимы особыя народныя школы" ***).

Къ изложенному необходимо добавить, что при разсмотрѣніи то го,—насколько желательно преподаваніе въ школѣ съ повышенным курсомъ тѣхъ или иныхъ ремеслъ—можетъ быть указана еще особа точка зрѣнія, а именно та, которой держалась организованная Москов скимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ комиссія по вопросамъ народнаг образованія, отмѣчавшая въ представленномъ земскому собранію 190 году докладѣ—„Объ устройствѣ школы имени Пушкина",—что комис сіею проектируется преподаваніе въ названной школѣ ручного труд не въ видѣ ремесленныхъ занятій въ мастерскихъ,—„но исключитель

*) М. Бѣликовъ.—«Нижне-Шкафское 2-кл. уч. М. Н. Пр. въ с. Нижнемъ-Шкаф Город. у. Пенз. губ.»—изд. 1882 г.

**) «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1867 г. № 4—«Двухкл. сельск. уч.» стр. 109.

***) «Докл. Вятск. губ. зем. собр.»—по народ. обр. за 1895 г. стр. 281—287.

въ видѣ педагогически разработанной программы ручныхъ занятій подъ руководствомъ образованнаго учителя въ особомъ для того классѣ. Такія занятія, состоящія въ начальной обработкѣ дерева, металла и пр., не представляя изъ себя для дѣтей ничего непосильнаго и имѣя цѣлью дополнить общее образованіе мальчиковъ тѣми сторонами воспитанія, которыхъ не способно дать исключительно книжное ученіе, должны будутъ воспитать въ дѣтяхъ вниманіе, аккуратность и любовь къ физическому труду, развить внѣшнія ихъ чувства, глазомѣръ и умѣніе владѣть руками для разнообразной работы и наконецъ—познакомить ихъ съ разнообразными инструментами для ручныхъ работъ. Эти же занятія восполнятъ и физическое развитіе учениковъ, чему въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ назначена служить гимнастика. На такомъ же, чисто педагогическомъ, началѣ желательно поставить въ этой школѣ и обученіе элементамъ *садоводства*: не приготовленіе спеціалистовъ-садоводовъ должно имѣть въ виду это обученіе и не образованіе доходной статьи изъ безплатныхъ работъ учениковъ, а исключительно развитіе въ ученикахъ любви къ природѣ и къ ея практическому изученію, любви къ труду и развитіе терпѣнія на воздѣлываніи растеній и уходѣ за ними и, наконецъ—чувства уваженія къ труду другихъ въ той же области. Поэтому, аналогично съ преподаваніемъ ручного труда, преподаваніе и этого предмета должно быть ввѣрено въ школѣ не мастеру-садовнику, а образованному учителю, на котораго, кромѣ этихъ занятій, желательно было бы возложить руководство дѣтьми и въ ихъ практическихъ естественно-историческихъ экскурсіяхъ, необходимыхъ, какъ дополненіе къ теоретическому курсу естествовѣдѣнія" *).

Пользуясь тѣмъ же докладомъ, можно затѣмъ видѣть, что основнымъ принципомъ, руководясь которымъ названная комиссія пришла къ изложенному заключенію, помимо того, что—„комиссія не нашла возможнымъ связать имени великаго поэта съ училищемъ профессіональнаго оттѣнка",—было „то убѣжденіе, что общее образованіе нужно народу, и въ частности крестьянству, составляющему его большинство, нисколько не менѣе профессіональнаго. Она склонна думать, что, въ интересахъ общевоспитательныхъ, первое даже нужнѣе ему, чѣмъ второе, и во всякомъ случаѣ должно предшествовать второму, какъ это вполнѣ вѣрно было разъяснено въ трудахъ комиссіи, работавшей при управѣ, и какъ это въ особенности рельефно выразилось въ справедливыхъ словахъ, сказанныхъ въ этой комиссіи крестьяниномъ: „дайте крестьянину развитіе, а ремеслу онъ самъ обучится".

*) Назв. доклада стр. 5.

Затѣмъ настолько же несогласныя мнѣнія высказывались въ печати и относительно принятой если не во всѣхъ, то въ подавляющемъ большинствѣ двухклассныхъ школъ,—классной системы преподаванія. И хотя авторы статей, касавшихся этого предмета, имѣли въ виду преимущественно школы городскія по положенію 1872 года, однако, если принять во вниманіе, что организація преподаванія въ этихъ послѣднихъ училищахъ и въ училищахъ двухклассныхъ сельскихъ имѣютъ между собою много общаго, то можно полагать, что тѣ замѣчанія, которыя дѣлались по сказанному поводу относительно школъ двухклассныхъ городскихъ, могутъ быть отнесены и къ школамъ двухкласснымъ сельскимъ.

И вотъ по мнѣнію г. Бобровскаго, при классномъ преподаваніи дѣло обученія не можетъ быть поставлено удовлетворительно. Интенсивнѣйшая работа при такомъ преподаваніи—„сводится къ одной формѣ, къ тому, чтобы выполнить данное расписаніе уроковъ. И рѣчи быть не можетъ ни о бесѣдахъ съ учениками, уясняющими связь даннаго урока по какому-либо предмету съ предшествующими уроками по тому же предмету, ни объ иллюстрированіи урока какими-либо учебными пособіями.—„Мы,—говорилъ автору одинъ учитель,—сообщаемъ ученикамъ разрозненные клочки познаній; ученики заучиваютъ ихъ по учебникамъ, отвѣчаютъ исправно, а мы выставляемъ отмѣтки... Въ иные дни приходится давать уроки по четыремъ предметамъ, не имѣющимъ между собою никакого самаго отдаленнаго сходства (напр., по исторіи, геометріи, физикѣ, русскому языку). Только что сосредоточилъ всѣ свои способности на историческихъ данныхъ, жилъ, такъ сказать, въ мірѣ былого, давно минувшаго,—какъ послѣ пятиминутнаго отдыха (перемѣны), долженъ моментально все это забыть для „треугольниковъ“; затѣмъ черезъ полчаса на сцену выступаетъ „давленіе жидкостей на дно сосудовъ“; а въ заключеніе—„соподчиненіе придаточныхъ предложеній“. Словомъ за пять учебныхъ часовъ живешь въ какомъ-то умственномъ чаду, отъ котораго не освѣжаешься дома: цѣлый ворохъ всякаго рода ученическихъ письменныхъ работъ глядитъ на тебя и отгоняетъ всякую мысль объ отдыхѣ... Иной день проходишь въ такомъ мрачномъ настроеніи, что, кажется,—вотъ съ ума сойдешь. И не думайте, что я одинъ только это испытываю: всѣ мы одинаково чувствуемъ совершенную ненормальность нашего положенія и придумываемъ средства отъ него избавиться“ *).

---

*) «Образованіе» 1898 г. № 9 ст. С. Бобровскаго — «Что такое городск. по полож. 31 мая 1872 г. училища?» — стр. 105—106; см. также — «Образованіе» 1898 г. № 1 ст. А. Синдѣева—«Наши школьные пасынки и страдальцы», а также ст. С. Дмитріева—«Организація городск. по полож. 1872 г. школъ» — въ «Русск. шк.» 1898 г. № 10.

И средство это, по мнѣнію автора цитированной статьи, заключается въ замѣнѣ класснаго преподаванія предметнымъ.

Съ другой стороны г. Барановъ, касаясь того же вопроса, замѣчаетъ, что — „только при существованіи одного учителя въ классѣ, только при соединеніи въ рукахъ одного лица, какъ учебной, такъ и воспитательной части, возможно на практикѣ примѣненіе принципа воспитывающаго обученія. При предметной же системѣ, когда учебные предметы преподаются въ каждомъ классѣ разными преподавателями — спеціалистами, воспитательныя цѣли всегда стоятъ на второмъ планѣ: каждый преподаватель заботится исключительно о выполненіи учебныхъ программъ и о лучшемъ усвоеніи учащимися преподаваемаго имъ предмета“ *).

Однако едва ли не болѣе вѣрнымъ слѣдуетъ признать сдѣланное по тому же поводу замѣчаніе г. Дмитріева, высказавшаго въ своей интересной статьѣ, посвященной разсмотрѣнію — „достоинствъ и недостатковъ класснаго и предметнаго преподаванія“, — что — „если бы всѣ безъ исключенія преподаватели принадлежали къ людямъ духовно совершеннымъ, то классная система (и при томъ такая, когда учитель переходитъ вмѣстѣ съ своими учениками изъ одного класса въ другой) съ точки зрѣнія воспитанія являлась бы самою цѣлесообразною. Но такъ какъ ничто на землѣ не совершенно, и „исключеній“ среди педагоговъ найдется не мало, то классное преподаваніе въ воспитательномъ отношеніи является орудіемъ обоюдо-острымъ: если, съ одной стороны, нравственно развитой преподаватель въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ окажетъ несомнѣнно благотворное вліяніе на своихъ учениковъ, то съ другой, учитель съ невысокимъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ принесетъ неисчисленный вредъ своимъ питомцамъ“. Отсюда долженъ слѣдовать тотъ выводъ, что система, вполнѣ желательная и примѣнимая въ одной школѣ, благодаря особенностямъ состава ея педагогическаго персонала, можетъ быть совершенно нежелательною въ другой; при этомъ слѣдуетъ также принять во вниманіе и то, что успѣшность учебно-воспитательнаго дѣла въ школѣ состоитъ въ зависимости, хотя и въ менѣе тѣсной, отъ самыхъ разнообразныхъ деталей принятой организаціи, какъ, напримѣръ, — устройства пріюта и приварка, существованія школьнаго попечительства или учительскаго совѣта, платности обученія, продолжительности курса, принятыхъ для отдѣльныхъ классовъ условій пріема и перевода изъ класса въ классъ черезъ годъ, черезъ два года, или, какъ это практикуется во многихъ американскихъ школахъ, — черезъ полгода, и т. д. А если это такъ, — то нельзя будетъ не признать, что въ интересахъ существованія выс-

*) Цитировано по указанной статьѣ г. Дмитріева.

шихъ школъ, желательна такая организація ихъ, при которой онѣ находились бы въ ближайшемъ завѣдываніи лицъ и учрежденій, хорошо знакомыхъ съ мѣстными условіями, оказывающими или могущими оказать то или иное вліяніе на успѣшность функціонированія школы. Въ особенности, какъ сказано, такая организація желательна именно для школъ высшаго типа, имѣющихъ трудную задачу — подготовить, насколько это возможно, контингентъ лицъ, въ сознаніи которыхъ высшимъ благомъ стало бы „просвѣщеніе“ своего ума и удовлетвореніе его запросовъ, а въ зависимости отъ этого и стремленіе помочь своей средѣ въ дѣлѣ повышенія ея культурнаго уровня. Нельзя поэтому не пожелать, чтобы ближайшее завѣдываніе школами высшаго типа находилось бы не исключительно только въ вѣдѣніи дирекціи народныхъ училищъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ дѣлѣ завѣдыванія двуклассными школами, такъ какъ составъ дирекціи, очевидно, не можетъ быть такъ съорганизованъ, чтобы для него получилась возможность прослѣдить особенности и детали, оказывающія свое вліяніе на постановку отдѣльныхъ этого рода школъ, но чтобы въ завѣдываніи такими школами принимали непосредственное участіе и мѣстныя земскія управы и училищные совѣты—при помощи ими организуемыхъ спеціальныхъ комиссій, въ составъ которыхъ входили бы лица, близко знакомыя съ мѣстными условіями, могущими имѣть значеніе въ дѣятельности указанныхъ школъ.

Но какъ ни важны указанныя мѣры,—разсмотрѣніемъ ихъ однѣхъ, какъ это видно и изъ вышеизложеннаго, нельзя еще ограничиться при выработкѣ типа школы, имѣющей цѣлью оказать насколько возможно значительное вліяніе въ области массоваго просвѣщенія; для этого необходимо также достаточно удовлетворительное разрѣшеніе и всѣхъ тѣхъ частныхъ вопросовъ, которые возникаютъ уже при одной только попыткѣ опредѣленія формы и условій дѣятельности такого рода школъ. Къ сожалѣнію, мы не настолько богаты нужнымъ для этого матеріаломъ, опытомъ и знаніями, чтобы сколько нибудь удовлетворительно разрѣшить эту сложную задачу, но что необходимость въ такой работѣ вполнѣ назрѣла, и что она должна быть продѣлана не иначе, какъ коллективно, при помощи возможно большаго числа учрежденій и лицъ, знакомыхъ съ постановкою у насъ народнаго образованія вообще и школьнаго дѣла въ частности, заинтересованныхъ въ правильномъ разрѣшеніи указаннаго, въ высокой степени важнаго, вопроса,— это несомнѣнно.

VI.

Въ интересахъ полноты настоящаго доклада было бы, конечно, вполнѣ умѣстно и даже желательно не только просмотрѣть данныя, относящіяся къ устройству высшихъ школъ, но и касающіяся другихъ мѣръ, принимаемыхъ съ цѣлью облегчить возможность продолжать образованіе лицамъ, обучавшимся въ начальныхъ училищахъ, или какъ либо иначе усвоившимъ курсъ этихъ послѣднихъ, къ каковымъ мѣрамъ обычно причисляются: устройство библіотекъ, народныхъ театровъ, народныхъ чтеній, удлиненіе учебнаго курса начальныхъ школъ или преобразованіе дѣйствующихъ трехгодичныхъ школъ въ четырехгодичныя, открытіе воскресныхъ школъ и вечернихъ классовъ для взрослыхъ, а также и классовъ повторительныхъ, имѣющихъ до нѣкоторой степени ту же задачу, что и учрежденіе школъ съ повышеннымъ курсомъ.

Мы не будемъ въ данномъ случаѣ ничего говорить относительно устройства библіотекъ и народныхъ чтеній, такъ какъ по этому предмету были уже представлены нѣкоторыя замѣчанія, основанныя на разсмотрѣніи собранныхъ данныхъ. Не будемъ говорить также относительно такихъ, имѣющихъ просвѣтительную задачу, мѣръ, каковы, напримѣръ: издательская дѣятельность, устройство народныхъ театровъ и открытіе вечернихъ и воскресныхъ школъ, которыми при удовлетворительной ихъ организаціи можетъ пользоваться въ интересахъ своего просвѣщенія значительное число взрослаго сельскаго населенія. Въ доказательствахъ полезности такихъ мѣръ вообще едва ли ощущается надобность, а для разсмотрѣнія деталей, отражающихся на результатахъ этихъ мѣропріятій, у насъ, къ сожалѣнію, не имѣется достаточно обширнаго матеріала, особенно необходимаго при разсмотрѣніи условій функціонированія школъ вечернихъ, на успѣхѣ которыхъ съ особою силою сказывается вліяніе самыхъ разнообразныхъ мѣстныхъ условій.

Скажемъ поэтому только нѣсколько словъ относительно продленія курса начальныхъ школъ и устройства повторныхъ классовъ.

За устройство школъ четырехгодичныхъ или преобразованіе въ такого рода школы—школъ трехгодичныхъ говоритъ то соображеніе, что, благодаря лишнему году, можетъ быть, повидимому, не только лучше усвоено учениками то, что проходится обычно въ теченіе трехъ лѣтъ, но могутъ быть сообщены учащимся и такія свѣдѣнія общеобразовательнаго характера, передать которыя въ одноклассной, нынѣ дѣйствующей, школѣ не хватаетъ времени.

Есть, однако, основаніе полагать, что прибавленіе лишняго года къ школьному курсу едва ли оправдаетъ надежды, возлагаемыя на эту мѣру. Дѣло въ томъ, что тѣ условія, при которыхъ будутъ функціони-

ровать четырехгодичныя школы, останутся, безъ сомнѣнія, тѣми же, при которыхъ дѣйствуютъ и школы существующія. Между тѣмъ, изъ фактовъ, характеризующихъ дѣятельность нашей начальной школы за послѣдніе годы, можно вывести то заключеніе, что ранѣе въ школахъ этихъ обращалось болѣе вниманія на тѣ стороны школьнаго воздѣйствія, которыя имѣютъ не только образовательное, но и воспитательное значеніе; что, по мѣрѣ приближенія настоящаго времени, подъ вліяніемъ взаимной конкурренціи учителей, вызываемой условіями ихъ дѣятельности, а также подъ вліяніемъ формальныхъ требованій ревизоровъ и экзаменаторовъ,—все менѣе и менѣе удѣляется времени на общее развитіе учащихся, и все болѣе и болѣе обращается вниманія на усвоеніе дѣтьми тѣхъ именно предметовъ или, вѣрнѣе, тѣхъ сторонъ этихъ предметовъ, знаніе которыхъ наиболѣе легко поддается контролю. Въ предыдущемъ очеркѣ уже отмѣчалось, что существеннымъ недостаткомъ постановки у насъ школьнаго дѣла должно признать, помимо неудовлетворительности принятыхъ программъ, не меньшую неудовлетворительность и тѣхъ условій, которыми опредѣляется характеръ современнаго школьнаго преподаванія, контроля и руководства.

А если это такъ, то точно также можно ожидать, что условія, опредѣлившія характеръ современной начальной трехгодичной школы, оставшись неизмѣненными, окажутъ свое вліяніе и на постановку школы четырехгодичной; эти послѣднія примутъ тотъ же характеръ, который является типичнымъ для обычныхъ теперь начальныхъ школъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ станутъ все менѣе и менѣе удовлетворять какъ населеніе, такъ и учрежденія, устраивающія и поддерживающія эти школы, и опять будетъ поставленъ тотъ же вопросъ, разрѣшить который предполагалось при помощи удлиненія курса начальныхъ школъ.

Нельзя также не замѣтить, что задачу четырехгодичной школы, помимо облегченія труда какъ ученическаго, такъ и учительскаго, ставится — усвоеніе учащимися тѣхъ же знаній и по той же программѣ, составленной для начальныхъ школъ, но только *болѣе основательное;* а такъ какъ въ число учебныхъ предметовъ входитъ и грамматика (трудность усвоенія которой признается существеннѣйшею причиной, вызывающею необходимость 4-го года обученія), и „трудныя“ ариѳметическія задачи и т. д., то можно ожидать, что значительная часть четвертаго года будетъ употреблена на передачу дѣтямъ этихъ именно предметовъ; излишекъ же времени, если таковой окажется, будетъ понемногу занятъ тѣми же предметами, которые, не стѣсняясь рамками программы, не могутъ, какъ и ранѣе, не расширяться, въ виду неизмѣнности условій, вызывающихъ расширеніе такихъ предметовъ. Во всякомъ случаѣ, какъ объ этомъ можно судить

на основаніи имѣющихся данныхъ, ученикамъ четырехгодичной школы грозитъ, какъ и ученикамъ школы трехгодичной, отдать значительную часть своего труда изученію грамматики, орѳографіи и т. п., т.-е. такихъ предметовъ, мало понятныхъ дѣтямъ, которые,—по свидѣтельству доклада одной изъ уѣздныхъ управъ,—„не достигаютъ цѣли“, т.-е. не оправдываютъ своего изученія.

Правда, что представленныя нѣкоторыми земскими изданіями указанія на преимущества четырехгодичнаго обученія въ начальныхъ училищахъ подкрѣпляются и фактами, взятыми изъ дѣйствительности; но дѣло въ томъ, что въ настоящее время такія, еще очень немногочисленныя, школы обыкновенно являются исключительными въ ряду другихъ школъ отдѣльныхъ уѣздовъ; учителя ихъ стоятъ внѣ конкурренціи съ учителями иныхъ школъ; программа такихъ школъ менѣе регламентирована и при всемъ томъ ученикамъ ихъ предоставлено больше времени и на чтеніе, и на пріобрѣтеніе развивающихъ знаній; все это создаетъ такой школѣ исключительное положеніе, обезпечивающее большую, сравнительно, успѣшность ея дѣятельности. А если это такъ, то несомнѣнно, что при условіи четырехгодичнаго обученія, принятаго всѣми или хотя бы только большинствомъ начальныхъ школъ,—онѣ станутъ въ тѣ же взаимныя отношенія, какъ и школы дѣйствующія, трехгодичныя, а затѣмъ, подчиняясь условіямъ, опредѣляющимъ характеръ современной школьной дѣятельности, невольно пріобрѣтутъ и типическія черты современной начальной школы.

Вѣроятность только-что высказаннаго предположенія подтверждается и имѣющимся матеріаломъ, какъ это можно заключить изъ сопоставленія, напримѣръ, съ одной стороны—тѣхъ данныхъ, которыя были представлены рефератомъ, читаннымъ на бывшемъ въ Москвѣ съѣздѣ дѣятелей по народному образованію г. В. А. Афонинымъ, высказывавшимся за четырехгодичное обученіе въ начальной школѣ, а съ другой стороны—статистическихъ свѣдѣній по народному образованію, собранныхъ въ Московской губерніи. Между прочимъ, говоря о преимуществахъ четырехгодичной школы, г. Афонинъ ссылается на собственный опытъ, позволившій ему видѣть—„цѣлую группу школъ съ четырехлѣтнимъ обученіемъ и двумя учителями, гдѣ курсъ школы значительно расширенъ новыми свѣдѣніями“... „Не говоря уже о томъ, читаемъ мы въ названномъ рефератѣ, что обычный курсъ былъ усвоенъ хорошо, дѣти знали и многое другое. Такъ, напримѣръ, они имѣли понятіе о дробяхъ и производили надъ ними дѣйствія, знали подробнѣе отечественную исторію и географію, имъ сообщены были свѣдѣнія изъ физической географіи, изъ царства животнаго и растительнаго, они могли довольно складно дѣлать несложныя описанія при соблюденіи орфографическихъ правилъ, дѣти много прочли книгъ изъ

школьной библіотеки и получили охоту къ чтенію и т. д.; конечно, говорится въ цитируемомъ рефератѣ,—этого достичь въ трехлѣтней школѣ невозможно“ [1]).

И референтъ полагалъ, что достиженіе такихъ результатовъ при увеличеніи общаго періода школьнаго обученія на одинъ годъ, т. е. при томъ условіи, если ученики вмѣсто обычныхъ 420 дней (въ Курской губ. учебный годъ содержитъ 140 учеб. дней) затратятъ на обученіе 560 дней. Но что этотъ расчетъ едва ли вѣренъ; что тутъ дѣло не въ лишнихъ дняхъ, употребленныхъ на обученіе,—это видно изъ примѣра Московской губерніи, гдѣ въ школьномъ году насчитывается около 170 учебныхъ дней, но гдѣ, не смотря на достаточно удовлетворительную обстановку школы,—она далека отъ только-что указанныхъ результатовъ четырехгодичной Курской школы и по характеру своей дѣятельности мало отличается отъ трехгодичной школы Курской губерніи.

Что же касается, наконецъ, школъ, такъ называемыхъ, *повторныхъ*, то, какъ объ этомъ можно судить по даннымъ, собраннымъ Саратовской губернской земской управой,—„чтобы дополнительныя занятія получили желательное значеніе въ жизни населенія, занятія эти должны быть и организованы соотвѣтствующимъ образомъ, а не такъ, какъ это дѣло поставлено теперь въ школахъ, о которыхъ получены свѣдѣнія. Очевидно, *онѣ не должны ограничиваться повтореніемъ пройденнаго въ начальной школѣ*, а на основаніи 2 пункта общихъ замѣчаній къ программѣ М. Н. Пр. для народныхъ училищъ, должны служить *дополненіемъ* къ пріобрѣтеннымъ уже знаніямъ. Въ противномъ случаѣ, судя по опыту другихъ земствъ, нѣтъ никакой надежды на успѣшность ихъ; напр., комиссія Курскаго губернскаго земства по народному образованію послѣ спеціальнаго изслѣдованія положенія повторительныхъ занятій нашла одною изъ важнѣйшихъ причинъ неудовлетворительной постановки ихъ именно указанное обстоятельство. „Крестьяне,—говоритъ комиссія,—неохотно посѣщаютъ курсы, потому что повтореніе пройденнаго не интересно для нихъ, а новыхъ познаній они не получаютъ и заниматься принуждены тѣми же, давно извѣстными книгами, по которымъ они учились въ школѣ.—Къ тому же заключенію пришли земства Черниговской, Вятской и др. губерній. И это же,—говорится въ цитируемой работѣ,—подтверждается въ нашемъ изслѣдованіи. Въ Саратовской губ. заслуживаетъ вниманія опытъ Хвалынскаго земства, которое ввело повторительныя занятія при земскихъ школахъ въ 1897 г. Членъ Хвалынскаго уѣзднаго училищнаго совѣта В. А. Цимбалинъ въ своемъ

---

[1]) «Текущая школьная статист. Курск. губ. земства» 1900—1 г., стр. 52—56.

докладѣ минувшему уѣздному очередному земскому собранію на основаніи отзывовъ совѣтовъ учащихъ констатируетъ „быстрое охлажденіе интереса слушателей къ урокамъ, въ виду того, что имъ приходится повторять старое, хотя многими забытое; слушателямъ надоѣдаютъ тѣ книги, по которымъ большинство изъ нихъ училось, бывши школьниками. Поэтому для улучшенія дѣла необходимо заинтересовать слушателей, сообщая имъ новыя полезныя свѣдѣнія и давая имъ болѣе серьезный матеріалъ, а не ограничиваясь лишь занятіями школьнаго характера и повтореніемъ курса низшихъ школъ". Слѣдовательно, только организація занятій *повышеннаго типа* желательна. Второю изъ основныхъ причинъ, неблагопріятно дѣйствующихъ на успѣхъ повторительныхъ занятій, признается названными земствами то, что веденіе такихъ уроковъ поручалось *тѣмъ же учащимъ*, которые ведутъ и начальныя школы. На это же обстоятельство указывается и въ изслѣдованіяхъ Саратовской губерніи. Учащіе и безъ того зимою завалены работою; къ тому же многіе изъ нихъ сверхъ своихъ прямыхъ обязанностей завѣдуютъ еще народными библіотеками, воскресными чтеніями, руководятъ церковнымъ хоромъ и т. д... Несомнѣнно,—говорится далѣе въ цитируемой работѣ,—что возлагать еще новую и сложную обязанность на учителей начальныхъ школъ невозможно безъ вреда для послѣднихъ и предполагаемыхъ дополнительныхъ занятій; а поэтому необходимо, по опыту другихъ земствъ, поручить ихъ *особымъ учителямъ*, свободнымъ отъ какихъ-либо другихъ обязанностей: имѣя возможность всецѣло отдаться своему дѣлу, эти учителя въ состояніи будутъ готовиться къ урокамъ и, при наличности необходимыхъ учебныхъ пособій, сдѣлаютъ повторительныя занятія живыми, интересными для слушателей" [1]).

Резюмируя изложенное, можно, повидимому, придти къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Мѣры, при помощи которыхъ имѣется въ виду оказать просвѣтительное вліяніе на сельское населеніе, поднявши умственный уровень его, могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи:

а) примѣнимыя одновременно ко всей массѣ населенія, или, по крайней мѣрѣ, къ значительному числу его; таково, напримѣръ, устройство библіотекъ, книгоиздательство, организація книжной торговли, народныхъ чтеній, народныхъ театровъ и т. п.; къ этой же категоріи должны быть отнесены и такія мѣропріятія, какъ, напримѣръ, устройство школъ: воскресныхъ, повторительныхъ, вечернихъ и т. п., если

---

[1]) «Обзоръ нач. народнаго образованія въ Саратовской губ. за 1900—1901 уч. г.» — стр. 31—46—II отдѣла.

только съ помощью такого рода учрежденій предполагается оказать просвѣтительное вліяніе и этимъ повысить образовательный уровень всего населенія и

б) примѣняемыя только къ отдѣльнымъ лицамъ; таково, напримѣръ, устройство высшихъ школъ, которыми могутъ воспользоваться немногія лица, находящіяся въ исключительномъ положеніи, учрежденіе стипендій, выдача пособій для предоставленія возможности воспользоваться тѣми или иными школами и т. п.

2) Полезность примѣненія мѣръ, вошедшихъ въ первую изъ указанныхъ группъ, при соблюденіи, конечно, требованій, указываемыхъ практикою и вызываемыхъ особенностями мѣстныхъ условій,—не подлежитъ сомнѣнію. Что же касается мѣръ второй категоріи, то примѣненіе ихъ можетъ быть признано имѣющимъ значеніе въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія только при двухъ условіяхъ:

а) если при помощи такого рода мѣропріятій будетъ имѣться въ виду оказать вліяніе въ сферѣ умственнаго и нравственнаго развитія *всего населенія*, хотя и черезъ посредство отдѣльныхъ представителей его и

б) если примѣненіе такихъ мѣръ не будетъ способствовать отвлеченію лучшихъ силъ населенія, *ничѣмъ не возмѣщая эту потерю*.

3) Пользованіе нынѣ дѣйствующими школами съ повышеннымъ курсомъ опредѣляется преимущественно требованіями практической жизни населенія и не служитъ дѣлу народнаго просвѣщенія въ желательной мѣрѣ, а потому, въ интересахъ устройства лучшей въ этомъ отношеніи школы, представляется необходимымъ прежде всего выяснить, – можетъ ли быть организована такая школа въ настоящее время?

4) Если устройство указаннаго типа школъ возможно, то слѣдуетъ признать желательнымъ и составленіе детальнаго проекта и программы этой школы, при чемъ, въ виду сложности и строгой отвѣтственности такой работы, необходимо также признать, что трудъ этотъ долженъ быть выполненъ коллективно, при помощи возможно большаго числа учрежденій и лицъ, заинтересованныхъ въ возможно правильномъ и скоромъ разрѣшеніи даннаго вопроса, а вмѣстѣ съ тѣмъ спеціально знакомыхъ съ постановкою школьнаго дѣла и его нуждами и при томъ не только вообще, но и при данныхъ мѣстныхъ условіяхъ.

5) Такъ какъ успѣшная дѣятельность каждой школы зависитъ не только отъ того,—насколько такая дѣятельность сообразуется съ требованіями общаго характера, но и отъ того,—въ какой мѣрѣ при этомъ принимаются во вниманіе мѣстныя условія, оказывающія вліяніе на характеръ постановки и продуктивность школы, то нельзя не пожелать, чтобы въ завѣдываніи проектируемыми школами высшаго типа, а также и въ надзорѣ за ними принимали непосредственное участіе мѣстныя земскія управы и училищные совѣты.

6) Въ настоящее время, пока не выработано еще типа желательной школы съ повышеннымъ курсомъ, которая въ должной мѣрѣ могла бы служить просвѣщенію учащихся,—желательно, чтобы средства, расходуемыя земствомъ въ интересахъ народнаго просвѣщенія, затрачивались бы, если не исключительно, то преимущественно на организацію и поддержаніе мѣропріятій, внесенныхъ въ первую группу мѣръ, указанныхъ въ параграфѣ первомъ настоящихъ заключеній, т.-е. на устройство и поддержаніе народныхъ библіотекъ, читаленъ и другихъ учрежденій, имѣющихъ, при соблюденіи извѣстныхъ условій, несомнѣнно благотворное значеніе въ дѣлѣ развитія народнаго просвѣщенія.

№ 70 /86 ; 0 304 Ков. 11

Московское Губернское Земство.

ВОПРОСЫ
НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ
ВЪ
Московской губерніи.

Выпускъ III.

I. Объ отношеніи народа къ грамотности.—II. Народныя чтенія.

По порученію Московской Земской Управы составилъ
Земскій Статистикъ **В. В. Петровъ.**

Зем. Дело 1912 г. № 9.

МОСКВА.
Товарищество „Печатня С. П. Яковлева", Петровка, Салтыковскій пер., д. Т—ства, № 9.
1900.

Московское Губернское Земство.

ВОПРОСЫ
НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ
ВЪ
Московской губерніи.

Выпускъ III.

I. Объ отношеніи народа къ грамотности.—II. Народныя чтенія.

По порученію Московской Земской Управы составилъ
Земскій Статистикъ **В. В. Петровъ.**

МОСКВА.
Товарищество „Печатня С. П. Яковлева“, Петровка, Салтыковскій пер., д. Т—ства, № 9.
1900.

7555 - 757X

Main

Дозволено цензурой. Москва, 26 Октября 1900 года.

Содержаніе.

Стр.

I. **Объ отношеніи народа къ грамотности**. Какой матеріалъ послужилъ для разсмотрѣнія настоящаго вопроса; характеристика матеріала; причины, вызывающія необходимость обученія мальчиковъ; чѣмъ вызывается грамотность дѣвочекъ; что мѣшаетъ пріобрѣтенію грамотности; заключеніе.. 3—16

II. **Народныя чтенія**: 1) Какое значеніе придается народнымъ чтеніямъ отчетами и статьями, касающимися даннаго предмета (17—22 стр.). 2) Общія свѣдѣнія объ организаціи народныхъ чтеній по отдѣльнымъ уѣздамъ губерніи; участіе въ устройствѣ народныхъ чтеній губернскаго земства (22—55 стр.). 3) Число школъ, устраивавшихъ чтенія; кто ведетъ чтенія; составъ слушателей и число ихъ; число устраиваемыхъ чтеній; распредѣленіе чтеній по мѣсяцамъ (55—75 стр.). 4) Значеніе волшебнаго фонаря и картинъ; вопросъ о систематизаціи чтеній; отношеніе къ чтеніямъ населенія (75—101 стр.). 5) Значеніе и полезность чтеній, устраиваемыхъ въ интересахъ развлеченія; насколько желательна такая постановка дѣла, при которой чтенія—развлеченія велись бы самостоятельно и независимо отъ чтеній научно-учебнаго характера; желательная организація чтеній той и другой категоріи; общіе выводы (101—115 стр.). ..... 17—115

Приложенія. Примѣрные списки имѣющихся при уѣздныхъ земскихъ управахъ (Московской, Клинской и Рузской) книгъ и брошюръ, предназначенныхъ для народныхъ чтеній; докладъ К. М. Языкова — „О народныхъ чтеніяхъ по медицинѣ и гигіенѣ въ Московскомъ уѣздѣ“ ..... 117—133

Такъ же какъ и предыдущіе выпуски „Вопросовъ народнаго образованія“, — настоящая брошюра, при составленіи которой мы также пользовались указаніями гг. И. П. Боголѣпова, Н. А. Каблукова и Н. Н. Хмелева,—представляетъ собою сводку матеріала, состоящаго изъ отзывовъ, данныхъ учителями и учительницами начальныхъ школъ губерніи на вопросы соотвѣтствующихъ программъ.

Свидѣтельствуя искреннюю благодарность лицамъ, сообщенія которыхъ послужили для выясненія вопросовъ, разсматриваемыхъ въ настоящемъ изданіи, позволимъ себѣ высказать здѣсь надежду на то, что и въ дальнѣйшемъ, когда губернская земская управа будетъ озабочена выясненіемъ тѣхъ или иныхъ вопросовъ народнаго образованія,— гг. преподаватели не откажутъ въ своемъ посильномъ и цѣнномъ участіи и содѣйствіи.

В. Петровъ.

Объ отношеніи народа къ грамотности.

Предполагая подвергнуть статистической разработкѣ тотъ матеріалъ о степени развитія грамотности среди крестьянскаго населенія губерніи, который должно было дать мѣстное подворное изслѣдованіе, статистическое отдѣленіе губернской земской управы не могло не опасаться, что данныя, которыя будутъ собраны такимъ путемъ, если и позволятъ сдѣлать точныя цифровыя обобщенія, будутъ, однако, имѣть тотъ недостатокъ, что не дадутъ возможности представить полученные выводы въ достаточно наглядной, конкретной формѣ. Отсюда самъ собою возникалъ вопросъ о томъ, чтобы помимо имѣющагося, собрать такой матеріалъ, который, не имѣя недостатковъ, свойственныхъ матеріалу цифровому, вмѣстѣ съ тѣмъ, представлялся бы настолько же цѣннымъ, какъ и данныя подворнаго изслѣдованія. Съ этою цѣлью статистическое отдѣленіе управы воспользовалось обычно разсылаемымъ по школамъ бланкомъ для статистическаго отчета и предложило въ немъ нѣсколько вопросовъ относительно тѣхъ причинъ, которыя, по мнѣнію преподавателей сельскихъ школъ,—заставляютъ населеніе обезпечивать грамотностью своихъ дѣтей, а также и относительно тѣхъ условій, которыя мѣшаютъ дѣтямъ пріобрѣсть грамотность и удерживаютъ ихъ отъ посѣщенія школы.

Полученный съ помощью такихъ вопросовъ матеріалъ оказался настолько обширнымъ, что явилась возможнымъ воспользоваться имъ не только въ связи съ данными цифровыми, но и разсмотрѣть его самостоятельно.

Обращаясь къ полученнымъ отзывамъ, прежде всего приходится отмѣтить, что среди нихъ очень немного встрѣчается такихъ, которые указываютъ, что „стремленіе къ грамотности у крестьянъ данной мѣстности вызывается любовью къ чтенію“, „потребностью духовнаго развитія“ и т. п.

Къ числу этихъ исключительно рѣдкихъ отзывовъ должно быть отнесено, напримѣръ, замѣчаніе учителя, что „стремленіе къ грамот-

ности у крестьянъ данной мѣстности вызывается большею частью желаніемъ удовлетворить потребностямъ своей умственной жизни. Хотя большинство родителей здѣсь люди почти совсѣмъ неграмотные, но они очень охотно обучаютъ своихъ дѣтей, а въ часы досуга съ удовольствіемъ слушаютъ, когда дѣти читаютъ имъ что-нибудь вслухъ изъ учебныхъ книгъ; при этомъ населеніе одинаково стремится обезпечить грамотностью—какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, только крайняя бѣдность не позволяетъ нѣкоторымъ изъ нихъ доводить это обученіе дѣтей до конца".

Нѣкоторые затѣмъ, также немногіе, отзывы отмѣчаютъ, что отношеніе и взгляды крестьянскаго населенія на пользу грамотности и школы различны: въ то время какъ одна часть населенія видитъ въ школѣ исключительно школу грамоты, а въ этой послѣдней—одно изъ удобствъ чисто практической жизни,—другая, въ составъ которой, обыкновенно, входитъ меньшинство населенія, — требуетъ отъ школы просвѣтительнаго вліянія и въ грамотности видитъ первую ступень образованія.

Для характеристики такого рода отзывовъ приведемъ слѣдующіе:

„Крестьяне нашей мѣстности стараются во что бы то ни стало обучить своихъ дѣтей грамотѣ. Взгляды крестьянъ на пользу и значеніе грамотности различны: нѣкоторые крестьяне, поразвитѣе, стараются болѣе о томъ, чтобы ихъ дѣти научились въ школѣ доброму и хорошему, что могутъ они пріобрѣсть черезъ чтеніе преимущественно духовно-нравственныхъ книгъ, которыя они читаютъ по выходѣ изъ школы. Другіе, напротивъ, видятъ пользу только практическую, зная, что если ихъ дѣти научатся читать и писать, то ихъ можно отдать въ лавочку или въ разнощики (у насъ главное занятіе) и такимъ образомъ они скорѣе будутъ въ состояніи помогать своимъ родителямъ".

„Крестьяне нашей мѣстности, связанные постоянно съ бойкою торговою жизнью (въ извѣстномъ с. Рогачевѣ) сознаютъ и ощущаютъ потребность грамотности. Мальчикамъ выростающимъ въ деревнѣ, приходится вести домашніе счеты (каждый домъ занимается гребеннымъ промысломъ), приходится вращаться между болѣе или менѣе грамотными людьми въ Рогачевѣ, уѣзжать въ Москву на заработки и т. д. Все это заставляетъ родителей (по большей части грамотныхъ) отдавать дѣтей въ школу, а самихъ ребятъ - - охотно учиться. Требованія къ школѣ предъявляются, впрочемъ, небольшія: нужно, чтобы мальчикъ могъ „мало-мальски прочитать по книжкѣ", „разобрать письмо", „написать записку" и т. п.; и вотъ почему мало учениковъ доходитъ до старшаго отдѣленія, а какъ только выучатся бойко читать и писать,— оставляютъ школу. Приходится, впрочемъ, встрѣчать въ средѣ крестьянъ и людей довольно начитанныхъ, которые желаютъ видѣть даже въ

своихъ дѣвочкахъ не только умѣнье прочесть и написать, но и нѣчто большее; но явленіе это рѣдкое и замѣчается въ домахъ съ хорошимъ матеріальнымъ достаткомъ" и т. д.

Представляя эти отзывы, должны повторить, что въ общей массѣ ихъ они представляются исключительными; подавляющее же большинство указаній по настоящему вопросу имѣетъ иной характеръ: причинами распространенія грамотности ими называются почти исключительно требованія промысловой и экономической жизни и отчасти знаніе тѣхъ неудобствъ, которыми грозитъ безграмотному солдатчина; цѣлью грамотности ставится пріобрѣтеніе такого умѣнія, которое цѣнится почти исключительно со стороны его практическаго примѣненія.

Вотъ что, напримѣръ, читаемъ мы въ большинствѣ полученныхъ сообщеній относительно причинъ, побуждающихъ населеніе обучать мальчиковъ:

„Въ теченіе моей 8-лѣтней службы въ данной мѣстности я замѣтилъ, что стремленіе крестьянъ къ грамотности вызывается исключительно практическими цѣлями: солдатчиной и отхожимъ промысломъ. Мнѣ приходилось слышать отъ крестьянъ: „нынче неграмотнаго и въ ученье не берутъ, и въ солдатахъ неграмотный—пропащій человѣкъ"; знаю только три случая, когда грамотности, кромѣ этого, придавалось и образовательное значеніе".

„Даже бѣдные крестьяне обучаютъ своихъ сыновей грамотѣ, потому что, по ихъ словамъ, „нынче неграмотныхъ и въ дворники не берутъ"; особенно необходима грамотность въ виду солдатчины: солдату, по отзывамъ мѣстнаго населенія, надо быть грамотнымъ непремѣнно; неграмотному солдату служить труднѣе. При всемъ томъ многіе мальчики не остаются въ школѣ до выпускного экзамена; родители берутъ ихъ изъ школы, говоря, что „экзаменъ намъ не нуженъ, намъ не въ приказчики идти; знаетъ грамотѣ—и довольно".

„Грамотность особенно необходима въ здѣшней мѣстности, такъ какъ крестьяне занимаются торговлею (скупаютъ и продаютъ кожи, ленъ и т. д.), а потому дать своимъ дѣтямъ грамотность старается почти каждый крестьянинъ".

„Разсужденія родителей учащихся таковы: „помилуйте, — говорятъ,—неграмотный-то человѣкъ по нонѣшнему времени все равно, что слѣпой,—нигдѣ ему и цѣны нѣтъ, и въ ремесло неграмотныхъ-то не берутъ; грамота нынѣ вездѣ нужна, во всякомъ дѣлѣ; для того и училища строимъ да содержимъ".—Вотъ тѣ и подобные имъ доводы, объясняющіе причину стремленія крестьянъ къ пріобрѣтенію грамотности".

„Стремленіе современнаго крестьянскаго населенія къ пріобрѣтенію грамотности вызывается экономическими условіями жизни этого населенія. Всѣ виды промышленности предпочитаютъ имѣть дѣло съ

грамотными рабочими, и вызванный этимъ на нихъ спросъ объясняетъ стремленіе крестьянъ, какъ главныхъ поставщиковъ трудовой энергіи,— къ грамотности. Крестьяне, сознавъ выгодность грамотности на мальчикахъ, конечно, не отказали бы въ ней и дѣвочкамъ, но тутъ имъ приходится считаться съ потерей извѣстнаго размѣра рабочей силы,— стѣснять себя,—отсылая дѣвочку-няньку въ школу. За 10 послѣднихъ лѣтъ на моихъ глазахъ совершилось полнѣйшее перерожденіе отношенія крестьянъ къ школѣ. Вначалѣ въ школу посылались дѣти большихъ семей, гдѣ они надоѣдали родителямъ и ихъ отправляли съ обычной приговоркой: „по крайности дома потише будетъ“. Потомъ подъ давленіемъ экономическихъ требованій такое отношеніе быстро измѣнилось и теперь не посылаютъ дѣтей въ школу только маломощные, для которыхъ школа является роскошью не по средствамъ“.

„Стремленіе къ грамотности у крестьянъ вызывается тѣмъ, что въ ремесленныхъ мастерскихъ, на фабрикахъ, въ конторахъ и т. д. требуются люди большею частію грамотные; и вотъ почему большее вниманіе въ этомъ случаѣ обращается на мальчиковъ, увеличеніе же числа учащихся дѣвочекъ не замѣчается“.

„Большинство здѣшнихъ крестьянъ спѣшитъ пристроить своихъ дѣтей въ Москвѣ: отдать ихъ въ ученье или помѣстить прислугой. По отзывамъ самихъ родителей, грамотныхъ охотнѣе принимаютъ въ городѣ, что и вызываетъ главнымъ образомъ стремленіе къ грамотности; при этомъ нужно замѣтить, что въ большинствѣ случаевъ для ученья считается вполнѣ достаточнымъ одного года; ученики же, оканчивающіе курсъ школы, составляютъ ничтожный процентъ“.

„У крестьянъ данной мѣстности стремленіе къ грамотности вызывается, какъ мною замѣчено, чисто практическими цѣлями, такъ какъ крестьяне этой мѣстности въ большинствѣ случаевъ занимаются различными промыслами, при которыхъ грамотность необходима. Населеніе менѣе обращаетъ вниманія на то, чтобы обучить грамотѣ дѣвочекъ; зависитъ это отъ того, что цѣль грамотности чисто практическая“.

„Стремленіе къ грамотѣ главнымъ образомъ вызывается тѣмъ соображеніемъ, что грамотнаго мальчика охотнѣе берутъ при поступленіи его въ мастерскія или промышленныя заведенія; имѣетъ значеніе и то, что грамотному гораздо легче служить въ солдатахъ; другихъ цѣлей не замѣчается“.

„Стремленіе къ пріобрѣтенію грамотности вызывается у крестьянъ полезностью ея, какъ средствомъ, которое даетъ значительныя преимущества какъ въ промысловой, такъ и въ общественной жизни“ и т. д.

Слѣдующее сообщеніе, констатируя то же, что и предыдущія, показываетъ еще и то, до какой степени крестьянское населеніе мирится

со всякими формами обученія, дающими возможность обезпечить грамотностью подрастающее поколѣніе.

„До открытія школы, которая была основана въ 1897 году,—читаемъ мы въ этомъ отзывѣ,—крестьяне здѣшней мѣстности отдавали своихъ дѣтей на выучку дьячку, платя за каждаго ученика по 50 коп. въ мѣсяцъ—сумма для крестьянъ не ничтожная. Когда же дьячокъ по старости отказался учить, то они разыскали какое-то безпаспортное „духовное лицо“ изъ числа тѣхъ, которыя ежегодно съ наступленіемъ тепла начинаютъ путешествовать по монастырямъ и различнымъ святымъ мѣстамъ. Ему они также платили по 50 коп. въ мѣсяцъ съ ученика, и, по словамъ крестьянъ, этотъ учитель училъ хорошо. Къ несчастію про него провѣдала какъ-то полиція и „духовному лицу“ пришлось скрыться. Очевидно, значитъ, стремленіе къ грамотности есть. Мнѣ думается, это стремленіе вызывается, такъ сказать, требованіями времени. Теперь крестьянину, безъ сомнѣнія, чаще приходится имѣть дѣло съ разными „бумагами“, чѣмъ въ прежнее время; и въ солдатахъ и въ разныхъ ученіяхъ—вездѣ спрашивается грамотность. Практическое значеніе грамотности крестьяне отлично видятъ и, если нѣкоторые не отдаютъ своихъ дѣтей въ школу или отдаютъ на короткое время, то причина этому—плохое экономическое положеніе крестьянъ... Въ дѣлѣ обученія преимущество отдается мальчикамъ, такъ какъ мальчикамъ скорѣе понадобится грамотность“.

Приводя эти отзывы, данныя преподавателями земскихъ школъ, не лишнимъ полагаемъ замѣтить, что тотъ же характеръ имѣютъ и отвѣты по настоящему вопросу преподавателей школъ церковно-приходскихъ, частныхъ и другихъ категорій.

„Стремленіе къ грамотности, которое замѣтно у крестьянъ,—пишетъ въ своемъ отзывѣ одинъ изъ священниковъ, руководящихъ церковно-приходскими школами, — въ значительной степени вызывается тѣмъ обстоятельствомъ, что крестьяне принуждены искать средствъ къ существованію на сторонѣ, преимущественно въ Москвѣ. Для мѣстнаго крестьянина составляетъ предметъ желаній и мечты приличное мѣсто приказчика при магазинѣ, „потому что,—какъ выразился одинъ изъ окончившихъ въ нынѣшнемъ году учениковъ,—тамъ работа чистая и легкая“. Для крестьянина очевидна истина, что грамотному доступнѣе такое мѣсто, гдѣ бы онъ могъ заработать на содержаніе себя и семьи, чѣмъ неграмотному... Вообще преимущества грамотнаго передъ неграмотнымъ для крестьянъ теперь такъ очевидны, что, думается, многіе изъ молодыхъ, обучавшихся въ сосѣднихъ школахъ, крестьянъ уже не задаются вопросомъ о томъ, нужно или не нужно учиться: для нихъ этотъ вопросъ уже рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ совершенно безповоротно и, наоборотъ, имъ было бы странно слышать, если бы

кто захотѣлъ говорить о безполезности грамотности. Такихъ крестьянъ, признающихъ грамотность необходимою частью своего обихода, очень не мало въ деревнѣ".

Слѣдующія указанія заимствованы нами также изъ сообщеній учителей и учительницъ церковно-приходскихъ школъ:

„Всѣ крестьяне охотно отдаютъ своихъ дѣтей въ школу, потому что грамотнаго гораздо охотнѣе берутъ въ ученье по разнымъ мастерствамъ".

„Стремленіе къ грамотности у крестьянъ вызывается тѣмъ, что крестьяне живутъ бѣдно и желаютъ дать черезъ грамоту больше условій, выгодныхъ для жизни".

„Желаніемъ воспользоваться льготою по воинской повинности и получить хорошее мѣсто".

„Стремленіе къ грамотности у крестьянъ вызывается тѣмъ, что грамотные мальчики скорѣе получаютъ мѣста въ различныхъ мастерскихъ, лавкахъ и т. п.; а во-вторыхъ тѣмъ, что мальчики, успѣшно кончившіе курсъ въ школѣ, пользуются льготой по воинской повинности" и т. д.

Всѣ эти сообщенія, которыя, какъ сказано, представляются типичными для большинства полученныхъ по данному вопросу отзывовъ, опредѣленно указываютъ, что важнѣйшимъ мотивомъ, побуждающимъ населеніе озаботиться пріобрѣтеніемъ грамотности, являются соображенія преимущественно, если не исключительно, практическаго свойства.

Съ какою силою вліяютъ такого рода мотивы, объ этомъ говорятъ не только такіе исключительные случаи, какъ обученіе дѣтей у безпаспортнаго бродяги, но и обычныя условія пользованія школою. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни много въ настоящее время народныхъ школъ въ Московской губерніи (болѣе 1,100), все-таки болѣе 4.000 селеній должны пользоваться школою, находящеюся въ другомъ селеніи. Правда, что за небольшимъ исключеніемъ, села и деревни, не имѣющія училищъ, отстоятъ отъ ближайшихъ школъ не далѣе трехъ верстъ, т. е. въ такомъ разстояніи, которое, принято считать вполнѣ позволяющимъ пользоваться школою; однако стоитъ только припомнить, что значительную часть учебнаго времени большинству крестьянскихъ дѣтей—въ плохой одеженкѣ и нерѣдко въ худой обуви—приходится ежедневно совершать путешествія по снѣжной проселочной дорогѣ, осенью—мокнуть подъ дождемъ, а весною—промачивать ноги и чуть не тонуть въ разлившихся ручейкахъ и оврагахъ,—стоитъ, говоримъ мы, припомнить все это, чтобы ясно представить себѣ, какою силою должны обладать причины, побуждающія населеніе посылать своихъ дѣтей въ школу, несмотря на всѣ неудобства, съ которыми соединено для большинства такое пользованіе ею.

Что проявляемое въ настоящее время крестьянскимъ населеніемъ стремленіе пользоваться услугами школы говоритъ почти исключительно только о желаніи этого населенія обезпечить подрастающее поколѣніе грамотностью, какъ условіемъ, имѣющимъ значеніе въ практической жизни и очень мало свидѣтельствуетъ о стремленіи воспользоваться этими школами въ цѣляхъ образовательныхъ, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Въ тѣхъ же преподавательскихъ отзывахъ мы находимъ такія указанія, которыми отмѣчается, что „крестьяне берутъ обратно дѣтей изъ школы, если видятъ, что они, достигнувъ хорошаго чтенія, затрудняются въ дѣланіи бумажной ариѳметики и грамматическихъ разборовъ, говоря, что это имъ не требуется и они не желаютъ непосильными работами затруднять дѣтей"; что „путь умственнаго развитія учениковъ, которымъ пользуется современная школа, не совсѣмъ крестьянамъ понятенъ, и они, видя въ ней несомнѣнную пользу, сознаютъ все-таки, что въ школѣ учатъ чему-то какъ бы непригодному и трудному, но безъ чего, должно быть, обойтись нельзя, такъ какъ вмѣстѣ съ ненужнымъ пріобрѣтается умѣніе быть хорошимъ чтецомъ, передавать прочитанное, умѣніе толково выразить мысли свои на бумагѣ, сосчитать на счетахъ и умственно. а этого-то всего и желаютъ крестьяне получить отъ школьниковъ". Говоря иначе, народъ требуетъ отъ школы толковой и прочной грамотности, необходимой по условіямъ практической жизни.

Какъ видимъ, здѣсь наблюдается то же самое, что можетъ быть подмѣчено и въ тѣхъ фактахъ, которые характеризуютъ собою отношеніе къ обученію и школѣ другихъ, болѣе обезпеченныхъ классовъ общества: лица, посылающія своихъ дѣтей въ среднія и высшія учебныя заведенія, по крайней мѣрѣ въ значительномъ большинствѣ случаевъ, руководятся также чисто практическими соображеніями; однако вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать, что учебныя заведенія названныхъ категорій если и привлекаютъ учащихся въ силу требованій узкопрактической жизни, все же даютъ своимъ ученикамъ и нѣчто большее, то, что развиваетъ ихъ и умственно и нравственно, расширяетъ общій кругъ ихъ знаній. Точно такъ же есть и начальныя школы, учителя которыхъ имѣютъ въ виду задачи образованія, а не только лишь выполненіе офиціальной программы, но, какъ ни высоко цѣнитъ народъ такихъ учителей и такія школы, онъ и этими школами въ большинствѣ случаевъ пользуется не какъ образовательными учрежденіями: значительная часть учениковъ, по недостатку средствъ, не оканчиваетъ курса въ этихъ школахъ и покидаетъ ученіе черезъ полтора—два года; такимъ образомъ и эти, лучшія, школы для значительной части населенія являются не больше, какъ школами грамоты.

Что именно практическое значеніе грамотности является важнѣйшею причиною усиленнаго наплыва дѣтей въ народную школу, за это говоритъ между прочимъ и характеръ распредѣленія учащихся по полямъ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ инымъ можно объяснить тотъ фактъ, что школа гораздо сильнѣе привлекаетъ мальчиковъ, чѣмъ дѣвочекъ, какъ это существуетъ въ дѣйствительности, какъ не тѣмъ, что школа даетъ нѣчто такое, что, по условіямъ современной жизни, болѣе необходимо для мальчиковъ, чѣмъ для дѣвочекъ, т. е. грамотность? Вѣдь если бы родители, посылая дѣтей въ школу, имѣли бы въ виду исключительно цѣли образованія и просвѣщенія, то развѣ не посылали бы они одинаково какъ своихъ сыновей, такъ и дочерей?

До какой степени различно относится населеніе къ обезпеченію грамотностью мальчиковъ и дѣвочекъ, видно изъ тѣхъ же учительскихъ отзывовъ, среди которыхъ нѣтъ ни одного, который бы говорилъ о нежеланіи или даже о безразличномъ отношеніи крестьянскаго населенія къ обученію мальчиковъ, а по поводу обученія дѣвочекъ нерѣдко встрѣчаются такія замѣчанія, каковы, напримѣръ, слѣдующія:

„Мѣстные крестьяне обученіе грамотѣ дѣвочекъ считаютъ излишнимъ, такъ какъ дѣвочки никуда не поступаютъ, а остаются дома“.

„Обученіе дѣвочекъ идетъ довольно туго. Нужно замѣтить, что женское населеніе здѣсь совсѣмъ безграмотно или полуграмотно. Дѣвочки обучаются въ самомъ незначительномъ числѣ: въ нашей школѣ, напримѣръ, изъ 73 учащихся—дѣвочекъ только 16. Вообще дѣвочекъ совсѣмъ почти не обучаютъ, особенно дальнія селенія и, кажется, не считаютъ нужнымъ обучать, находя это совершенно для дѣвочекъ излишнимъ“.

„Дѣвочекъ хотя и стараются обучить грамотѣ, но, сравнительно съ мальчиками, число учащихся дѣвочекъ незначительно: ихъ рѣже отдаютъ въ школу, а затѣмъ года черезъ два ихъ уже берутъ изъ школы, говоря при этомъ, что—„знаетъ маленько писать и читать, и довольно съ нея: ей не за стойкой стоять“.

„Заботливость населенія объ обученіи дѣвочекъ не велика: „что учи, что не учи—все равно“,—впереди ожидаетъ то же; „вѣдь не въ солдаты итти ей“... „И задачи трудныя,—что зря трудиться?!“

„Дѣвочекъ наше населеніе не въ такой степени заботится обезпечить грамотностью, какъ мальчиковъ, между прочимъ, по той причинѣ, что дѣвочка нужна дома какъ нянька,—для ухода за дѣтьми, такъ какъ крестьянская мать всегда обременена массою разныхъ крестьянскихъ работъ и дѣвочка для нея въ этомъ случаѣ представляетъ значительную помощь. „Для чего буду я учить грамотѣ дѣвочку,—разсуждаетъ нашъ крестьянинъ,—въ солдаты ей не итти, въ лавку приказчицей не поступать, а заниматься чтеніемъ книгъ, какъ этимъ занимаются гос-

пода, крестьянской женщинѣ некогда. Въ будни она съ утра до вечера занимается разными тяжелыми работами наравнѣ съ мужчинами либо въ полѣ, либо въ лѣсу, либо въ огородѣ, да и дома ей работы не меньше: она должна приготовить семейству завтракъ, обѣдъ, ужинъ, она должна ухаживать за скотомъ, ухаживать за дѣтьми, обмыть и обшить все семейство. Немногимъ болѣе остается у нея свободнаго времени и въ дни праздничные".

Однако въ настоящее время тѣ же самыя условія, которыя заставляютъ запастись грамотностью мужчинъ, понемногу распространяютъ свое вліяніе и на женщинъ. „За послѣднія пять лѣтъ,—читаемъ мы, напримѣръ, въ одномъ изъ сообщеній,—стало замѣтно увеличиваться и число учащихся дѣвочекъ; одна изъ причинъ этого увеличенія та, что при выдаваніи дѣвушки замужъ грамотность ея считается за одно изъ хорошихъ качествъ, и это потому, что все почти мужское населеніе находится на сторонѣ на заработкахъ и домой на побывку является черезъ годъ и больше, а потому является желательнымъ, чтобы хозяйка дома, жена, могла бы извѣщать мужа о ходѣ хозяйства, прочесть письмо мужа и т. д.".

„За послѣдніе годы,—говорится въ другомъ сообщеніи,—замѣчается большое увеличеніе числа учащихся дѣвочекъ; причина этого та, что, оставаясь почти двѣ трети года дома однѣ, женщины должны сами слѣдить, чтобы не было ошибокъ при уплатѣ податей, чтобы читать и писать письма".

„Въ послѣднее время,—пишетъ учитель изъ мѣстности съ исключительно фабричнымъ населеніемъ,—дѣйствительно замѣчается увеличеніе учащихся дѣвочекъ, что, вѣроятно, происходитъ потому, что зажиточнымъ изъ населенія (среди котораго не мало фабрикантовъ-кустарей) приходится дочерямъ своимъ поручать торговыя и конторскія дѣла, которыя могутъ исполняться только грамотными".

Отсюда видно, что распространеніе грамотности среди женскаго населенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ опредѣляется условіями промысловой жизни населенія мужского. Кромѣ того, какъ это отмѣчается нѣкоторыми—правда, немногими,—сообщеніями, за послѣднее время стало увеличиваться число учащихся дѣвочекъ еще и потому, что и женщинамъ мало-по-малу приходится принимать участіе въ общественно-экономической и промысловой жизни и сталкиваться съ такими условіями, которыми опредѣляется практическая полезность грамотности.

Такимъ образомъ большинство полученныхъ отъ сельскихъ учителей и учительницъ отзывовъ опредѣленно указываетъ, что стремленіе крестьянскаго населенія къ пріобрѣтенію грамотности обусловливается требованіями практической жизни, которая дѣлаетъ необходимымъ знаніе грамоты, но не даетъ населенію тѣхъ средствъ, пользуясь кото-

рыми населеніе могло бы съ помощью грамотности удовлетворить и свои умственныя потребности.

Болѣе того,—даже то время, которое назначается на пріобрѣтеніе дѣтьми грамотности и на обученіе ихъ въ начальной школѣ, обыкновенно ограничивается насколько возможно: „разницу въ отношеніи родителей къ обученію дѣтей грамотѣ можно отмѣтить только ту,—читаемъ мы въ одномъ изъ полученныхъ отзывовъ,—что не всѣ родители даютъ возможность своимъ дѣтямъ окончить полный курсъ ученія, а берутъ ихъ прежде времени, чтобы послѣ школы мальчикъ пораньше вышелъ изъ ученія (у какого-либо мастерового) въ Москвѣ и тѣмъ скорѣе сдѣлался хотя бы небольшимъ помощникомъ отцу въ матеріальномъ отношеніи". „Бѣднѣйшія семьи,—говорится въ другомъ сообщеніи,—рѣдко оставляютъ своихъ дѣтей въ школѣ болѣе двухъ—трехъ лѣтъ; зажиточныя—даютъ возможность своимъ дѣтямъ пройти весь курсъ начальной школы, если даже для этого требуется четыре или пять лѣтъ". То же самое говорится и относительно дѣвочекъ, которыя обыкновенно такъ недолго учатся въ школѣ именно потому, что „онѣ являются необходимыми помощницами матерямъ въ домашнемъ хозяйствѣ, а приходилось замѣчать, что многія дѣвочки съ удовольствіемъ бы окончили полный школьный курсъ, если бы родители не препятствовали имъ посѣщать школу". Этою же основною причиною—недостаткомъ средствъ или бѣдностью родителей объясняется и то явленіе, которое составляетъ предметъ всегдашнихъ жалобъ преподавательскаго персонала: чѣмъ способнѣе ученикъ, тѣмъ обыкновенно раньше оставляетъ онъ школу, не интересуясь даже полученіемъ свидѣтельства, обѣщающаго льготу по отбыванію воинской повинности.

Такимъ образомъ важнѣйшею изъ тѣхъ причинъ, которыя мѣшаютъ населенію удовлетворить свои интеллектуальныя потребности съ помощью грамотности, является бѣдность и, обыкновенно въ связи съ нею, семейныя условія. Но какъ ни значительно вліяніе экономической необезпеченности,—оно не таково, чтобы помѣшатъ пріобрѣтенію грамотности, знаніе которой требуется условіями практической жизни, и только когда вліяніе бѣдности проявляется съ особою силою,—тогда не только сокращается время, опредѣляемое на усвоеніе грамотности, но и вовсе теряется возможность ея пріобрѣтенія.

Вотъ что пишутъ учителя и учительницы на предложенный имъ вопросъ относительно того, встрѣчаются ли случаи, что родители вовсе не обучаютъ своихъ дѣтей и если такіе случаи извѣстны, то чѣмъ они объясняются:

„Нѣкоторые не обучаютъ дѣтей по нуждѣ и бѣдности и отдаютъ дѣтей на выучку къ какимъ-либо ремесленникамъ".

„Бѣдностью: дѣвочка семи лѣтъ уже добываетъ деньги на хлѣбъ и одежду—мотаетъ бумагу".

„Только очень немногіе крестьяне не обучаютъ своихъ дѣтей; это объясняется ихъ бѣдностью. Они какъ можно скорѣе отдаютъ своихъ дѣтей „въ люди", чтобы спихнуть изъ дома лишніе рты—это во-первыхъ, а во-вторыхъ, не тратить на одежду и обувь для нихъ".

„Мальчики всѣ обучаются, дѣвочки—нѣтъ. Причиною служитъ матеріальная необезпеченность: нуждаются въ работѣ дѣвочекъ, особенно если есть маленькій ребенокъ; дѣвочку оставляютъ въ семьѣ какъ няньку, чтобы освободить рабочія руки матери".

„Есть и такіе, которые совсѣмъ не обучаютъ своихъ дѣтей; главнымъ тормозомъ въ этомъ дѣлѣ является бѣдность, нищета, безвыходное семейное положеніе: не на что купить теплой одежды, валенокъ, да подчасъ и хлѣбушка нѣтъ (ученики изъ другихъ деревень ѣдятъ въ школѣ принесенный ими хлѣбъ). Нѣкоторыхъ затѣмъ родители оставляютъ дома няньками".

„Нерѣдко бываютъ случаи, что родители не могутъ посылать дѣтей въ школу вслѣдствіе семейныхъ обстоятельствъ. Случается, напримѣръ, что мать хлопочетъ по хозяйству и о дневномъ пропитаніи, а восьмилѣтнее дитя въ это время няньчитъ грудного ребенка или развлекаетъ однолѣтка. Пригласить же со стороны няньку или другое лицо—надо ему заплатить, надо его и прокормить; а это требуетъ средствъ, которыми семья не обладаетъ. Въ такомъ случаѣ послать въ школу подростка—почти тоже самое, что обречь на произволъ судьбы меньшихъ членовъ семейства. Что же касается большихъ по возрасту членовъ въ семействѣ,—то они сами живутъ гдѣ-нибудь на фабрикѣ, или въ услуженіи, заботясь о себѣ, а матери не могутъ оказать помощи".

„Если нѣкоторые и не обучаютъ своихъ дѣтей, то это можно объяснить ихъ бѣдностью: они не имѣютъ возможности обуть и одѣть своихъ дѣтей хотя бы даже кое-какъ, чтобы можно было ходить въ школу. Не обучаютъ также и тѣ, которые не могутъ дома обойтись безъ помощи дѣтей, заставляя ихъ ухаживать за своими маленькими братьями и сестрами".

„Нѣкоторые крестьяне не обучаютъ своихъ дѣтей грамотѣ по бѣдности: у дѣтей нѣтъ обуви или одежды, или же они должны помогать родителямъ въ работѣ".

„Нѣкоторые не посылаютъ дѣтей въ школу по бѣдности".

„Нѣкоторыя изъ дѣтей остаются совершенно безграмотными по домашнимъ обстоятельствамъ или же по крайней бѣдности родителей, которые не въ состояніи хотя мало-мальски одѣть ребенка, чтобы можно было отпустить въ школу".

„Нѣкоторые не обучаютъ дѣтей вслѣдствіе крайней бѣдности".

„Не обучаютъ лишь самые бѣдные, которымъ не во что одѣть своихъ дѣтей".

„Нежеланіе обучать дѣтей объясняется бѣдностью".

„По недостатку средствъ".

„По бѣдности".

„Нѣкоторые не посылаютъ дѣтей учиться по бѣдности" и т. д.

Ограничиваясь приведенными указаніями, типичными для значительнаго большинства полученныхъ по данному вопросу отвѣтовъ, нельзя не отмѣтить, что нѣкоторые изъ нихъ къ числу причинъ и условій, тормозящихъ распространеніе грамотности относятъ именно тѣ, которые, какъ напримѣръ—занятія извѣстными промыслами или работами на фабрикахъ, по словамъ другихъ корреспондентовъ, обыкновенно побуждаютъ къ пріобрѣтенію грамотности.

Вотъ что, напримѣръ, говорится въ этихъ отзывахъ:

„Примѣры необученія рѣдки, а если и встрѣчаются, то объясняются они тѣмъ, что дѣти школьнаго возраста при постоянныхъ отлучкахъ родителей на фабрику или на работу куда-либо замѣняютъ дома „няньку" или же помогаютъ родителямъ въ ихъ фабричныхъ работахъ, разматывая шелкъ или бумагу".

„Если у крестьянина одна дочь или одинъ сынъ, то его совсѣмъ не обучаютъ грамотѣ: его заставляютъ мотать шпули на отца и мать, которые уходятъ на фабрику".

„Необученіе дѣтей—рѣдкій случай, вызываемый домашними обстоятельствами: мать и отецъ, напримѣръ, работаютъ на фабрикѣ, а старшій сынъ остается смотрѣть за своими малолѣтними братьями и сестрами".

„Нѣкоторыя дѣти не учатся потому, что представляютъ собою рабочую силу; они разматываютъ бумагу, такъ какъ въ нашей мѣстности сильно развито ткачество".

„Почти всѣхъ дѣтей обучаютъ, исключеній мало. Не обучаютъ тѣхъ только, которыя нужны для разматыванія бумаги, такъ какъ здѣсь по домамъ работаютъ на ткацкихъ станахъ".

„Бѣдностью, такъ какъ 7—8-лѣтнія дѣти уже мотаютъ шпули на тесемочныхъ фабрикахъ".

„Дѣвочекъ обучается очень мало, потому что родители всѣхъ работаютъ на фабрикахъ, а дѣвочки остаются съ маленькими дома и очень многія нанимаются въ *няньки* къ другимъ на фабрику" и т. п.

Тотъ фактъ, что фабричный промыселъ побуждаетъ вооружаться грамотностью и въ то же самое время является нерѣдко условіемъ, мѣшающимъ ея пріобрѣтенію, отмѣчается не впервые. Сопоставленіе статистическихъ данныхъ о движеніи числа учащихся въ начальныхъ шко-

лахъ губерніи за рядъ лѣтъ привело къ заключенію что существуетъ обратная зависимость между тѣмъ или инымъ состояніемъ промысловъ съ одной стороны и ростомъ числа учащихся, съ другой; сдѣланъ былъ выводъ, что „періоды процвѣтанія промысловъ задерживаютъ распространеніе той самой грамотности, которая развивается главнымъ образомъ подъ вліяніемъ экономическихъ промысловыхъ условій жизни этого населенія". Въ объясненіе этого послѣдняго заключенія приводились слѣдующія соображенія: потребность въ грамотности въ настоящее время вызывается и поддерживается въ нашемъ крестьянствѣ главнымъ образомъ экономическими и промысловыми условіями его жизни; а между тѣмъ населеніе это въ матеріальномъ отношеніи обезпечено слишкомъ мало; отсюда представляется вполнѣ понятнымъ, что въ такіе годы, когда промышленныя дѣла нѣсколько улучшаются, оно съ жадностью бросается на открывшіеся заработки, отрываетъ отъ школы дѣтей, чтобы посадить ихъ за работу, и не отпускаетъ въ школу безграмотныхъ, но могущихъ получить хотя бы ничтожный заработокъ дѣтей, или же оставляетъ ихъ у себя, возлагая на нихъ нѣкоторыя домашнія обязанности, чтобы тѣмъ самымъ сберечь хоть часть дорогого времени и употребить ее на занятіе тѣмъ или инымъ промысломъ или на фабричную работу. Совершенно иную картину представляютъ годы, когда спросъ на „рабочія руки" малъ, когда работы не хватаетъ и взрослымъ, не говоря уже о дѣтяхъ, почему эти послѣднія остаются совершенно праздными. Такое положеніе дѣла имѣетъ въ результатѣ то, что въ эти годы оказывается относительно менѣе учениковъ, принужденныхъ оставить школу „по домашнимъ обстоятельствамъ"—это во-первыхъ, а во-вторыхъ, является возможность отпустить въ школу дѣтей, еще не успѣвшихъ обучиться грамотѣ [1]).

Итакъ, какъ данныя текущей школьной—статистики, такъ и отзывы учителей и учительницъ одинаково свидѣтельствуютъ, что экономическія и промысловыя условія жизни крестьянскаго населенія Московской губерніи, обусловливая практическую полезность грамотности и этимъ вызывая ее, нерѣдко не даютъ средствъ, необходимыхъ для достаточно полнаго удовлетворенія этой потребности. Въ значительномъ же большинствѣ случаевъ условія эти если и заставляютъ населеніе пріобрѣсть грамотность, то не позволяютъ ему идти далѣе этого: удовлетворить съ помощью грамотности потребностямъ умственнаго развитія и воспользоваться ею для пріобрѣтенія и расширенія образованія.

Отсюда въ свою очередь слѣдуетъ выводъ, что въ настоящее время, послѣ того какъ пріобрѣтеніе грамотности стало необходимымъ по условіямъ экономической жизни населенія, причемъ полученіе ея облегчено

---

[1]) «Вопр. народн. образов. въ Московск. губ.» вып. I. стр. 8.

устройствомъ значительнаго числа школъ, ставится на очередь вопросъ объ устраненіи тѣхъ условій, которыя мѣшаютъ населенію пользоваться грамотностью въ интересахъ, главнымъ образомъ, духовнаго развитія, а вмѣстѣ съ тѣмъ представляется вполнѣ своевременнымъ позаботиться о такой постановкѣ начальныхъ школъ, при которой онѣ, удовлетворяя потребности въ грамотности, могли бы въ то же время проявить и образовательное вліяніе съ возможною полнотою и силою.

Народныя чтенія.

I.

Нѣкоторыя свѣдѣнія относительно организаціи народныхъ чтеній въ Московской губерніи были представлены въ первомъ выпускѣ „Вопросовъ народнаго образованія“. Въ названной книгѣ представленъ былъ цифровой матеріалъ, позволявшій судить преимущественно о внѣшней сторонѣ постановки дѣла народныхъ чтеній: показано число школъ, въ которыхъ велись чтенія за послѣдніе годы, сообщено, какъ часто бываютъ народныя чтенія въ отдѣльныхъ школахъ, какъ распредѣляются чтенія по числу слушателей, по мѣсяцамъ и т. д. Что же касается значенія народныхъ чтеній при настоящей ихъ организаціи, характера отношенія къ нимъ населенія и т. д., то все это затронуто было только отчасти; для болѣе полнаго выясненія этой послѣдней стороны даннаго предмета не имѣлось матеріала и поэтому единственнымъ сдѣланнымъ тогда выводомъ было лишь признаніе, что—„народныя чтенія, дѣйствительно, могутъ служить средствомъ для образовательнаго воздѣйствія на народъ, такъ какъ они охотно посѣщаются“; относительно же того, какая собственно сторона народныхъ чтеній привлекаетъ населеніе преимущественно,—никакихъ заключеній, за отсутствіемъ необходимыхъ для этого данныхъ, представлено не было.

Ставя задачею настоящаго очерка возможно подробное разсмотрѣніе настоящей организаціи народныхъ чтеній въ Московской губерніи, не лишнимъ полагаемъ предварительно посмотрѣть, какими чертами характеризуются устраиваемыя теперь чтенія въ другихъ губерніяхъ.

Обращаясь къ соотвѣтствующимъ указаніямъ, прежде всего приходится отмѣтить, что значительное большинство статей, очерковъ и докладовъ различныхъ учрежденій и лицъ, касающихся разсматриваемаго предмета, признаетъ народныя чтенія и въ настоящемъ ихъ видѣ въ высшей степени полезными. По словамъ этихъ отчетовъ—„эти чтенія можно считать главнымъ двигателемъ при распространеніи свѣта въ темной русской деревнѣ“; „чтенія съ волшебнымъ фонаремъ имѣютъ несомнѣнное образовательное значеніе; устраиваемыя въ деревнѣ, по

праздничнымъ днямъ, эти чтенія, содѣйствуя умственному развитію населенія, вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствуютъ и нравственному подъему его, внося въ жизнь его облагороженное, образовательное развлеченіе, способное отвлечь людей отъ пьянства и грубыхъ развлеченій“..... „Народныя чтенія въ деревнѣ, сопровождаемыя иллюстраціями при помощи волшебнаго фонаря содѣйствуютъ развитію въ населеніи сознанія пользы и необходимости образованія“ [1]). Одно изъ лицъ, такъ сочувственно относящихся къ устраиваемымъ теперь народнымъ чтеніямъ, пишетъ, что въ мѣстности, гдѣ такія чтенія еще только недавно организованы— „многіе дѣятели начинаютъ теперь воочію убѣждаться въ томъ, что народъ, который такъ любятъ обвинять въ пьянствѣ ничего не дѣлающіе для него его „друзья“, валомъ-валитъ отъ стара до мала на чтенія. Чудодѣйственный фонарь не только просвѣщаетъ толпу, не только отвлекаетъ ее отъ кабака и вредной праздности, но и укрѣпляетъ нравственную связь этой толпы со школой, побуждаетъ родителей посылать въ нее своихъ дѣтей“ [2]) и т. д. Касаясь результатовъ устройства народныхъ чтеній одинъ изъ руководившихъ чтеніями въ *Кадниковскомъ* уѣздѣ священниковъ свидѣтельствуетъ, что—„чтенія привлекаютъ слушателей; на которыхъ (чтеніяхъ) съ пріятностью и пользою (въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ) проводится ими—слушателями время, время праздничныхъ разгуловъ сокращается..... Замѣчается, благодаря вообще чтеніямъ и бесѣдамъ, смягченіе грубыхъ нравовъ, болѣе гуманное отношеніе между крестьянами; замѣтно, что крестьяне пріобрѣтаютъ навыкъ читать на дому полезныя книги, уменьшается пьянство въ народѣ“. Другой священникъ въ томъ же уѣздѣ пишетъ, что хотя—„при весьма незначительномъ количествѣ предложенныхъ народу чтеній (всего 5) трудно ожидать какого-нибудь выдающагося нравственнаго вліянія на нравственномъ строѣ прихожанъ, но нельзя совершенно умолчать о томъ весьма пріятномъ явленіи, которому послужили и дали, какъ бы толчекъ, народныя чтенія, а именно: у прихожанъ явилась любознательность и потребность къ удовлетворенію духовныхъ нуждъ“... [3]) По словамъ печатнаго циркуляра директора народныхъ училищъ *Могилевской* губ. г. Попова — за восемь лѣтъ веденія народныхъ чтеній — „благотворное вліяніе ихъ на религіозно-нравственное развитіе народа и его духовное преуспѣяніе сдѣлалось для всѣхъ очевиднымъ и сильно радуетъ истинныхъ ревнителей и пѣстуновъ народнаго образованія“. Въ частности же, какъ это констатируется

---

[1]) «Постанов. Екатериносл. губ. зем. собр.» 1896 г.; докл. гл. И. Д. Яковлева стр. 1164.

[2]) «Образованіе» 1899 г. № 4, ст. »Волшебный фонарь и народныя чтенія» (письмо изъ Ирбита) стр. 30.

[3]) «Кадниковск. у. зем. упр. доклады и журн. у. земск. собр. 1897 г. стр. 90—91.

позднѣйшимъ циркуляромъ г. Попова,—„добросовѣстное веденіе воскресныхъ и праздничныхъ чтеній“ было одною изъ причинъ—„значительнаго сокращенія тайнаго (?!) винокуренія и тайной безпатентной продажи вина по глухимъ мѣстамъ, численнаго сокращенія цѣлыхъ полковъ враждебныхъ народной школѣ, перехода ихъ изъ явныхъ враговъ ея въ тайные (!) постройки болѣе обширныхъ и помѣстительныхъ зданій для народныхъ училищъ, какъ для большаго числа учащихся, такъ и для большаго числа слушателей воскресныхъ и праздничныхъ чтеній“ [1]). Точно также одинъ изъ наблюдателей за чтеніями, организованными въ *Уржумскомъ* уѣздѣ отдѣленіемъ *Вятскаго* епархіальнаго училищнаго совѣта въ своемъ отчетѣ за 1897—8 годъ пишетъ по поводу одного чтенія, что и—„оно принесло добрый плодъ. Не одна заблудшая овца нашлась и не одинъ блудный сынъ возвратился къ своему Отцу Небесному“ [2]).

Отношеніе къ чтеніямъ самаго населенія, по словамъ большинства сообщеній и отзывовъ, вполнѣ отвѣчаетъ благотворному вліянію и значенію этихъ чтеній,—„пользующихся большой популярностью“ [3].

Въ *Петербургской* губерніи—„населеніе относится къ чтеніямъ хорошо, благосклонно, сочувственно, съ большимъ интересомъ, очень одобрительно, крайне симпатично и даже съ увлеченіемъ; чтенія привлекаютъ населеніе и посѣщаются имъ очень охотно; населеніе любитъ чтенія, приходитъ на нихъ за 5—6 верстъ, справляется,—скоро-ли будетъ слѣдующее и ждетъ ихъ съ нетерпѣніемъ„ [4]). По *Псковской* губерніи—„отзывы представителей земства разныхъ уѣздовъ и лекторовъ-учителей настолько ярко обрисовываютъ сочувствіе населенія къ организаціи народныхъ чтеній, что жизнеспособность такихъ учрежденій едва ли можетъ быть хоть сколько-нибудь оспариваема“ [5]). Въ *Судженскомъ* уѣздѣ сочувственное отношеніе къ чтеніямъ со стороны населенія выразилось въ такомъ наплывѣ его, что—„ни одно изъ школьныхъ зданій, служившихъ аудиторіями, не могло вмѣстить всѣхъ желающихъ; не разъ случалось, что за недостаткомъ воздуха, вслѣдствіе громаднаго стеченія слушателей, фонарь переставалъ горѣть, а картины меркли до неузнаваемости. Приходилось вынимать зимнія рамы, открывать окна и только когда въ комнату врывалась струя свѣжаго воздуха, фонарь

---

[1]) Цитир. по докл. члена Совѣщ. по вопр. нар. обр., организованнаго при Моск. губ. земск. собр. В. П. Вахтерова 1897 г., стр. 9—10.

[2]) «Журн. Уржумской у. земск. собран. 1898 года, стр, 205».

[3]) „Сборн. стат. свѣд. по нач. обр. въ Орловск. губ. за 1895—96 г.“, стр. 104.

[4]) „Стат. сборн. по С. П. Б. губ. за 1896 г.“, вып. II, стр. 62.

[5]) „Вѣстн. Псковск. губ. земства“ 1898 г., т. III.

начиналъ горѣть и было возможно продолжать чтеніе“ [3]). Въ *Тульской* губерніи,—„все населеніе, не исключая и грудныхъ дѣтей, приносимыхъ матерями, посѣщаетъ чтенія..... Число посѣтителей,—по словамъ цитируемаго отчета,—говоритъ само за себя и успѣхъ очевиденъ. Интересъ общій, равно у мужчинъ, женщинъ, стариковъ и дѣтей“ [2]). Въ *Нижегородской* губерніи,—„чтенія встрѣчали полное глубокое сочувствіе въ народной массѣ“;—въ школы набиралось такъ много посѣтителей, что—„происходило не мало безпорядковъ—крики, стоны; не разъ отъ недостатка воздуха угасалъ фонарь, такъ что для возобновленія чтенія приходилось высылать посѣтителей для очищенія воздуха“; каждое отдѣльное чтеніе вызывало громадный наплывъ публики:—„толпа волнуется, движется, одушевляемая невѣдомымъ до того восторгомъ и подъ вліяніемъ читаемаго живетъ, отдаваясь своимъ душевнымъ порывамъ“ [3]).

Ссылка на „безпорядки, крики и стоны“, какъ на доказательство сочувственнаго отношенія населенія къ устройству народныхъ чтеній встрѣчается не впервые: въ *Александрійскомъ* уѣздѣ, по словамъ учительницы одной изъ школъ, во время чтенія—„въ классѣ трещали окна и двери; староста, сотскій и десятскій едва сдерживали напоръ толпы, грозили „холодною“ и зуботычинами, слышались вопли: „голубчику, пустить“! Со стѣнъ и потолка текла вода, кому дѣлалось дурно, тотъ могъ выдти лишь по головамъ толпы, какъ по полу, силъ не хватало читать, задыхались“ [4]).

Нѣсколько иными чертами рисуется, хотя такой же характеръ носитъ картина, которою свидѣтельствуется сочувственное отношеніе народа къ чтеніямъ въ замѣткѣ, помѣщенной въ журналѣ „Народное Образованіе“: „Школьное зданіе,—говорится въ этой замѣткѣ,—не вмѣщаетъ всѣхъ желающихъ слушать чтеніе. Народа набирается до 500 человѣкъ и болѣе. Приходятъ на чтеніе крестьяне даже изъ другихъ приходовъ. Въ одно воскресенье, благодаря прекрасной погодѣ, по желанію народа были открыты двери и окна училища, чтобы оставшіеся на дворѣ могли слышать читанное. „Отрадно смотрѣть,—пишетъ мѣстный священникъ,—какъ на чтенія, напримѣръ, идетъ мать, неся на одной рукѣ дитя, другое ведетъ за ручку, а за ней, спѣша, бѣгутъ остальныя дѣтки,—идутъ и старъ и младъ, и большой и малъ, и здо-

---

[1]) „Докл. Суджанск. у. земск. упр.“ 1898 г., стр. 46.

[2]) „Нач. образов. въ Тульск. губ. въ 1896—7 уч. году“, стр. 164.

[3]) „Міръ Божій“—1894 г., кн. IV, ст. Н. Іорданскаго—„Передвижныя народныя чтенія“. стр. 28—30.

[4]) А. С. Пругавина—„Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщ. и воспитанія“—стр. 156; та-же ссылка приводится и въ кн. В. П. Вахтерова—„Народныя чтенія“, стр. 33.

ровый и хромой. Съ началомъ послѣобѣденныхъ народныхъ чтеній и пѣній, пьянство утратило свою силу; широкая масленица въ деревнѣ была истиннымъ преддверіемъ къ св. в. посту (въ сіе время чтенія и пѣнія были усилены), пьянаго не пришлось встрѣтить никому" [1]).

И вотъ, на ряду съ приведенными отзывами за послѣднее время приходится встрѣчать и указанія совершенно другого характера.

Такъ напримѣръ въ *Нижегородской* губерніи, гдѣ,—какъ констатировалось приведенною ранѣе выпискою,—населеніе такъ сочувственно встрѣтило учрежденіе народныхъ чтеній, по свѣдѣніямъ болѣе позднимъ—„отъ лицъ завѣдующихъ чтеніями все чаще и чаще поступаютъ свѣдѣнія о томъ, что число посѣтителей въ аудиторіяхъ постепенно уменьшается", при чемъ,—„въ качествѣ причинъ такого явленія называютъ ограниченный выборъ матеріала, а съ другой стороны его невысокое качество: житіе, мораль, мораль, житіе и т. п." [2]).

Народныя чтенія, устраиваемыя въ г. *Темниковѣ*, привлекаютъ все меньшее и меньшее число посѣтителей, и такое уменьшеніе не представляется случайнымъ. По словамъ послѣдняго отчета—въ объясненіе этого явленія—„вѣроятнѣе всего предположить, что большая часть слушателей, разъ ознакомившись съ этимъ новымъ, небывалымъ еще въ Темниковѣ дѣломъ, не нашла въ чтеніи ни пользы для себя, ни интереса. На такое предположеніе наводитъ слѣдующее обстоятельство: многіе изъ посѣтителей во время чтенія развлекаются разговорами, куреніемъ, „*подсолнушками*"; когда ихъ просятъ не дѣлать этого, потому что это служитъ помѣхою другимъ посѣтителямъ, то большая часть таковыхъ преспокойно поднимается и направляется къ выходу, производя еще большую помѣху чтенію толкотнею и хлопаньемъ дверями".... „Нѣкоторыя чтенія въ этомъ году, особенно съ половины марта (т. е. когда стало тепло), не состоялись за отсутствіемъ слушателей, вѣроятно разсудившихъ, что въ теплую погоду хорошо и у воротъ, на лавочкѣ, посидѣть да „*подсолнушковъ погрызть*" [3]).

Въ *Мологскомъ* уѣздѣ также—„сначала чтенія, какъ новинка, привлекали народъ, но въ послѣдній сезонъ они посѣщаются крайне неохотно: чтенія крайне неинтересны и обставлены неудовлетворительно" [4]).

---

[1]) „Народн. Образованіе", 1899 г., кн. II, ст. Ѳ. Р.—„Народныя чтенія". стр. 89.

[2]) „Образованіе" 1899 г. кн. IX от. „Хроники" стр. 86.

[3]) „Отч. общества по устр. нар. чт. въ г. Тамбовѣ и Тамб. губ." за 1898—9 г. стр. 134—135.

[4]) «Образованіе» 1899 г. кн. IX отд. «Хроники», стр. 86.

Тверская губернская земская управа въ своемъ докладѣ по народному образованію собранію 1897 года также констатируетъ, что дѣло народныхъ чтеній стоитъ здѣсь не на той высотѣ, какъ это было бы желательно и не отвѣчаетъ тѣмъ требованіямъ, которыя къ нему могли бы быть предъявлены.—„Вообще надо признать,—говоритъ управа,—что народныя чтенія въ Тверской губерніи не вышли еще изъ того начальнаго періода, черезъ который проходитъ всякое новое дѣло, когда каждый шагъ сопровождается неожиданными трудностями и когда еще не выработались опредѣленныя, пригодныя для мѣстныхъ условій, формы его“ [1]).

Какъ видимъ, эти послѣднія замѣчанія далеко не гармонируютъ съ общимъ тономъ большинства; и въ виду того значенія, которое признается за народными чтеніями, является болѣе чѣмъ желательнымъ выяснить, по возможности, вопросъ о томъ, насколько высказанныя въ этихъ замѣчаніяхъ сѣтованія и опасенія представляются основательными и въ какой мѣрѣ они могутъ быть примѣнимы къ организаціи народныхъ чтеній въ Московской губерніи въ отдѣльности.

II.

Вопросъ объ устройствѣ народныхъ чтеній въ Московской губерніи впервые возникъ въ *Московскомъ уѣздномъ* земскомъ собраніи 1883 года, когда было доложено ходатайство Лихоборскаго учителя г. Горлицына о разрѣшеніи ему открыть воскресныя народныя чтенія. Какъ видно изъ журнала засѣданія заявленіе г. Горлицына было принято „къ свѣдѣнію“ [2]).

Въ слѣдующемъ году „воскресныя чтенія для народа“ дѣлаются предметомъ обсужденія съѣзда учителей Московскаго уѣзда. Представленный съѣзду на соотвѣтствующую тему докладъ учителя г. А. П. Потапова настолько интересенъ, что мы позволимъ себѣ привести изъ него большую выдержку, какъ документъ, который какъ нельзя лучше показываетъ, какъ относились къ разсматриваемому учрежденію лица, близкія дѣлу народнаго образованія, шестнадцать лѣтъ тому назадъ.

Высказавши сожалѣніе по поводу того равнодушія съ которымъ обыкновенно относятся къ дѣлу народныхъ чтеній, докладчикъ останав-

---

[1]) «Докл. упр. по народн. образованію» за 1897 г., стр. 59.

[2]) «Докл. Москов. уѣзд. зем. упр.»—земскому собранію 1896 г.—«О народн. чтеніяхъ» стр. 4.

ливается на собственномъ опытѣ, показавшемъ ему,—насколько полезны были бы для народа эти воскресныя чтенія": въ домѣ неграмотнаго отца А. П. Потапова была библіотечка, состоявшая преимущественно изъ лубочныхъ изданій.—„Возьмешь, бывало,—говоритъ г. Потаповъ,—изъ этой библіотеки какую-нибудь сказку, вродѣ Еруслана Лазаревича, и засядешь въ долгій зимній вечеръ, при дымной лучинѣ, за чтеніе. Около тебя соберется кучка мужчинъ и женщинъ, которые настолько внимательно слушаютъ чтеніе, что забываютъ все окружающее: ни стука, ни шелеста кругомъ, только мой голосъ звучно раздается въ этой мертвой тишинѣ. Часто бывало, что чтеніе продолжалось дальше полуночи, и за все это время не замѣтно было у моихъ слушателей никакого признака невнимательности. Всѣ слушали, разинувъ ротъ, и никто и не думалъ прервать чтеніе"... Далѣе докладчикъ останавливаетъ вниманіе на фактахъ, которые—„краснорѣчивѣе всякихъ словъ доказываютъ намъ, что крестьяне любятъ чтеніе, интересуются имъ и способны почерпать изъ него полезныя знанія. Да иначе, говоритъ онъ,—и быть не можетъ. Кто знаетъ нашъ народъ и наблюдалъ за его жизнію, тотъ никогда не откажетъ ему въ сильномъ стремленіи къ духовному развитію...

Только до сихъ поръ наше образованное общество, къ сожалѣнію, не научилось удовлетворять эти законныя потребности и эти горячія желанія...

Нельзя поэтому, говоритъ докладчикъ, удивляться тому, что народъ любитъ слушать нелѣпые разсказы странницъ объ одноглазыхъ и одноногихъ людяхъ: это онъ дѣлаетъ потому, что болѣе дѣльнаго и разумнаго ему никто не разсказываетъ и не хочетъ разсказывать.

Но если бы, говорится въ этомъ докладѣ, наша школа пошла навстрѣчу въ стремленіи народа къ знанію и взяла бы на себя трудъ замѣнить разсказы странницъ чѣмъ-нибудь болѣе дѣльнымъ и серьезнымъ, то нѣтъ и не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что народъ нашъ сказалъ бы ей за это чистосердечное русское спасибо и съ удовольствіемъ бы согласился предпочесть нелѣпые разсказы странниковъ дѣльному и серьезному чтенію учителя. Это фактъ, который, мнѣ кажется, смѣшно и оспаривать... Вся задача только въ томъ, чтобы читалась книга доступная народу и по языку и по понятіямъ—и тогда въ слушателяхъ недостатка не будетъ, да и не можетъ быть. Мало этого: нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что если слушатели не останутся безучастными къ чтенію, то вынесутъ изъ него много полезнаго для жизни. Кто способенъ запомнить отъ слова до слова какого-нибудь Англійскаго Милорда, тому, безъ сомнѣнія, ничего не стоитъ запомнить какой-нибудь разсказъ изъ русской исторіи или какое-нибудь библейское событіе. Итакъ, въ чемъ дѣло? Почему мы до сихъ поръ не

соберемся удовлетворить хоть какъ нибудь, какъ сумѣемъ, или как позволятъ средства, вполнѣ законное стремленіе народа къ развитію Не будетъ большой бѣды въ томъ, что мы на первый разъ не сумѣем подобрать подходящихъ книгъ для чтенія. Самъ народъ особымъ внима ніемъ къ той или другой книгѣ укажетъ намъ, что и какъ мы должны читать. Намъ же остается только заботиться о томъ, чтобы читанны книги не могли быть вредными, а это сдѣлать не трудно“ [1]).

Полагая лишнимъ говорить о томъ, съ какою силою сказалась в приведенномъ докладѣ готовность помочь населенію въ его образова тельныхъ стремленіяхъ съ одной стороны и вѣра въ возможность и практичность такой помощи—съ другой, нельзя не обратить внимани на слѣдующую характерную особенность: шестнадцать лѣтъ тому на задъ, когда въ педагогической литературѣ и практикѣ наглядныя по собія еще продолжали пользоваться нѣкоторою популярностью, въ до кладѣ, посвященномъ разсмотрѣнію вопроса о народныхъ чтеніяхъ н слова не говорилось ни о наглядныхъ пособіяхъ, ни о туманныхъ кар тинахъ, т.-е. наблюдалось совершенно обратное тому, что мы видим теперь, когда изъ школъ для малолѣтнихъ наглядныя пособія почти чт изгнаны, а чтенія для взрослыхъ считается необходимымъ обезпечить туманными картинами.

Желательность пріобрѣтенія фонарей и картинъ была признана на томъ же съѣздѣ, послѣ того, какъ одинъ изъ тѣхъ учителей, кото рыми народныя чтенія уже устраивались, сообщилъ, что въ одной из фабричныхъ школъ — „были чтенія прежде безъ картинъ; вели их священники; такія чтенія тоже посѣщались народомъ, хотя и не въ такомъ количествѣ, какъ впослѣдствіи, когда введены были подобны чтенія съ картинами и когда посѣтители считались сотнями“.

Предсѣдатель съѣзда, заканчивая разсмотрѣніе вопроса о народ ныхъ чтеніяхъ, между прочимъ отмѣтилъ, что — „оффиціальныя воскрес ныя чтенія для народа разрѣшены только по городамъ, хотя ожидается въ скоромъ времени таковое же разрѣшеніе и для селъ, и предложилъ просить уѣздное земское собраніе, чтобы оно присоединилось къ хло потамъ комиссіи народныхъ чтеній о разрѣшеніи воскресныхъ чтеній и въ селахъ, пока же можно начать ихъ тамъ, гдѣ есть желаніе и до сугъ учителя, и можно ихъ вести просто какъ чтеніе въ школѣ и для учениковъ, къ которымъ являются родные, но все-таки чтенія эти должны вестись съ участіемъ законоучителя. Конечно, замѣтилъ онъ, — нѣтъ сомнѣнія, что такія чтенія поведутся въ предѣлахъ законныхъ требо ваній. Впрочемъ замѣчаніе это едва ли не лишнее, такъ какъ въ шко-

---

[1]) «Четвертый съѣздъ земск. учит. Москов. у. 1884» стр. 158—161.

лахъ Московскаго уѣзда никто не могъ встрѣтить до сего времени что-либо противузаконное".

Съѣздъ принялъ предложенія г. Потапова и г. предсѣдателя и постановилъ:

1. *„Просить управу пріобрѣсти волшебные фонари и чрезъ соглашеніе съ комиссіей народныхъ чтеній брошюры для чтенія и разослать въ тѣ школы, гдѣ поведутся подобныя воскресныя чтенія.*

2. *Просить уѣздное земское собраніе присоединиться къ хлопотамъ комиссіи народныхъ чтеній о разрѣшеніи воскресныхъ чтеній въ селахъ"* [1]).

Согласно этому ходатайству съѣзда, состоялось постановленіе земскаго собранія, которымъ поручено управѣ—„войти въ соглашеніе съ Московской комиссіей по устройству публичныхъ народныхъ чтеній относительно разрѣшенія устраивать чтенія для народа въ Московскомъ уѣздѣ и въ видѣ опыта предположено открыть чтенія при 2-хъ училищахъ, при непремѣнномъ участіи законоучителей.

Изъ доклада уѣздной управы земскому собранію въ 1887 году видно, что Комиссія выразила полную готовность помогать земству и обѣщала безплатно отпускать фонари и картины. На обращенное къ г. губернатору ходатайство о разрѣшеніи чтеній чрезъ учителей получено увѣдомленіе, что такъ какъ, на основаніи Высочайше утвержд. 24 декабря 1876 г. правилъ, народныя чтенія открываются только въ губернскихъ городахъ, то устройство таковыхъ въ Московскомъ уѣздѣ при посредствѣ учителей разрѣшено быть не можетъ, но что со стороны попечителя учебнаго округа не встрѣчается препятствій къ веденію чтеній исключительно религіознаго содержанія чрезъ законоучителей училищъ. Отъ высшей епархіальной власти тоже получено увѣдомленіе о разрѣшеніи подобныхъ чтеній. Запрошенные управою законоучителя всѣ изъявили свое согласіе на устройство при ихъ посредствѣ такихъ чтеній. „Тѣмъ не менѣе", говоритъ управа въ своемъ докладѣ, „народныя чтенія въ Московскомъ уѣздѣ, дѣло само по себѣ простое, до очевидности полезное и желательное, до настоящаго времени не получаетъ должной постановки и развитія и остается больше въ предѣлахъ благихъ намѣреній и пожеланій".

По разсмотрѣніи доклада управѣ разрѣшена покупка фонарей и картинъ для устройства народныхъ чтеній въ 1887—1888 учебномъ г., на что и предоставлено ей право произвести расходъ въ размѣрѣ 500 рублей по статьѣ на непредвидѣнные расходы. Съ 1888 года расходъ

---

[1]) idem., стр. 37.

на народныя чтенія является смѣтной статьей. Самыя чтенія начались съ 1887 года[2]).

Въ 1893 г. управою представленъ былъ собранію особый докладъ по народнымъ чтеніямъ, въ которомъ предложены были нѣкоторыя мѣры съ цѣлью придать чтеніямъ болѣе правильную организацію. Такъ ею предлагалось, чтобы чтенія производились днемъ,—чтобы сдѣлать посѣщеніе ихъ болѣе доступными для жителей окрестныхъ со школою селеній; и для этой цѣли предлагалось устройство приспособленій въ школьныхъ помѣщеніяхъ; высказывалось пожеланіе устройства отдѣльныхъ чтеній для дѣтей и взрослыхъ, предварительное установленіе программъ для чтеній, заблаговременное установленіе очереди чтеній съ указаніемъ дней и часовъ, увеличеніе числа фонарей и картинъ. Имѣя въ виду, что примѣненіе такихъ улучшеній вызоветъ нѣкоторые расходы, управа просила ассигновать на этотъ предметъ 1037 р. 50 коп.; собраніе, однако, не нашло возможнымъ ассигновать просимую сумму и внесло въ смѣту расходовъ по устройству народныхъ чтеній, какъ и раньше, только 500 р.

Иначе отнеслось къ дѣлу земское собраніе 1894 г. Изъ журнала видно, что въ собраніи былъ возбужденъ вопросъ—„о болѣе широкой постановкѣ этого дѣла, весьма полезнаго для крестьянскаго населенія“, и о выдачѣ какого-либо вознагражденія руководителямъ народныхъ чтеній, а также и объ увеличеніи ассигновки на этотъ предметъ. Собраніе приняло предложенную управой ассигновку въ 500 руб. и поручило управѣ разобрать и представить будущему очередному собранію вопросъ о вознагражденіи руководителей народными чтеніями.

Исполняя порученіе собранія, управа представила докладъ, въ коемъ предлагала выдать руководителямъ чтеній по 1 руб. за каждое чтеніе, съ тѣмъ, чтобы эта сумма дѣлилась поровну между законоучителемъ и учителемъ, и на этотъ предметъ просила ассигновать 300 руб., на покупку картинъ и брошюръ 300 р. и на проч. расходы 50 руб., а всего 650 руб. Эти предложенія собраніемъ были приняты.

Въ 1894 году послѣдовало слѣдующее Высочайше утвержденное Положеніе Комитета Министровъ.

Комитетъ Министровъ, разсмотрѣвъ представленіе Министерства Народнаго Просвѣщенія по ходатайству Тверского губернскаго земскаго собранія относительно устройства народныхъ чтеній внѣ губернскихъ городовъ, полагалъ: 1) предоставить Министру Народнаго Просвѣщенія объявить Тверскому губернскому земству, что ходатайство объ устрой-

---

[2]) Приведенныя данныя, а также свѣдѣнія о постановкѣ дѣла народныхъ чтеній въ Московскомъ уѣздѣ по 1896 г. заимствованы изъ представленнаго уѣздной земской управой собранію 1896 г. доклада—„О народн. чтеніяхъ“, стр. 4—6.

ствѣ народныхъ чтеній можетъ быть удовлетворено не иначе, какъ при точномъ, каждый разъ, указаніи, примѣнительно къ установленнымъ правиламъ, кто именно предполагаетъ устроить чтенія, и при одобреніи означенныхъ лицъ мѣстнымъ общеадминистративнымъ, духовнымъ и учебнымъ начальствомъ и 2) на будущее время предоставить Министру Народнаго Просвѣщенія, по предварительному, каждый разъ, соглашенію съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ и Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Сунода, разрѣшать народныя чтенія въ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ съ тѣмъ, чтобы таковыя чтенія производились подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и отвѣтственностью ближайшихъ представителей духовнаго или учебнаго вѣдомства и чтобы нравственная и политическая благонадежность лицъ, занимающихся устройствомъ народныхъ чтеній, была надлежащимъ образомъ удостовѣрена".

Въ силу изложеннаго закона и на основаніи полученнаго разрѣшенія отъ г. Министра Народнаго Просвѣщенія, къ народнымъ чтеніямъ, производимымъ въ Московскомъ уѣздѣ, примѣняются правила, установленныя для народныхъ чтеній въ губернскихъ городахъ.

Въ 1894 году земствомъ возбуждено было ходатайство о разрѣшеніи производить чтенія по гигіенѣ и о мѣрахъ противъ заболѣваній заразными болѣзнями. Вслѣдствіе означеннаго ходатайства, 19-го сентября этого года управой получено увѣдомленіе попечителя учебнаго округа о томъ, что Министръ Народнаго Просвѣщенія, по соглашенію съ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ и Духовнымъ Вѣдомствомъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго 11 октября 1894 года постановленія Комитета Министровъ, разрѣшилъ устроить въ 72 начальныхъ земскихъ училищахъ народныя чтенія по гигіенѣ и о мѣрахъ противъ заболѣванія заразными болѣзнями, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и отвѣтственностью законоучителей соотвѣтствующихъ училищъ и съ тѣмъ, чтобы означенныя чтенія производились по перечисленнымъ въ ходатайствѣ управы брошюрамъ, одобреннымъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для библіотекъ и низшихъ училищъ.

Изъ числа обстоятельствъ, имѣвшихъ значеніе въ дальнѣйшей постановкѣ дѣла народныхъ чтеній въ Московскомъ уѣздѣ необходимо затѣмъ отмѣтить то постановленіе губернскаго земскаго собранія, согласно которому губернское земство приняло на себя обязательство участвовать въ половинномъ размѣрѣ въ расходахъ по устройству и веденію народныхъ чтеній въ уѣздахъ.

Вотъ что читаемъ мы по этому поводу въ докладѣ уѣздной земской управы собранію 1898 года:

„Какъ извѣстно собранію, руководители чтеній за веденіе ихъ, при соблюденіи нѣкоторыхъ условій, получали вознагражденіе въ размѣрѣ по 1 руб. за чтеніе (изъ коихъ 50 коп.—законоучителю и 50 коп. учи-

телю). До нынѣшняго года вознагражденіе это выдавалось исключительно изъ средствъ уѣзднаго земства. Въ нынѣшнемъ же году губернское земское собраніе, съ одной стороны—находя, что такое вознагражденіе является вполнѣ справедливымъ, такъ какъ земство не можетъ требовать, чтобы лица, ведущія чтенія, посвящали на это дѣло свой трудъ, безвозмездно, а съ другой—въ видахъ содѣйствія дѣлу народныхъ чтеній, въ засѣданіи 31 января 1898 года постановило: „Установить, что въ цѣляхъ содѣйствія болѣе широкому распространенію народныхъ чтеній въ губерніи губернское земство приходитъ на помощь уѣзднымъ земствамъ принятіемъ на губернскій счетъ половины расходовъ на вознагражденіе лицъ, производящихъ чтенія (съ туманными картинами или безъ оныхъ), въ размѣрѣ не свыше 1 руб. за каждое чтеніе, распредѣляемаго поровну между законоучителемъ и учителемъ, и пріобрѣтеніе поуѣздныхъ коллекцій картинъ для волшебныхъ фонарей".

„Мѣра, принятая губернскимъ земскимъ собраніемъ, говоритъ уѣздная управа въ цитируемомъ докладѣ, несомнѣнно будетъ имѣть большое значеніе не только на увеличеніе числа чтеній, но и на качественную сторону ихъ, такъ какъ дастъ возможность уѣздному земству удѣлить часть своихъ средствъ, нынѣ ассигнуемыхъ на развитіе дѣла. Какъ извѣстно, главнымъ наглядным пособіемъ при чтеніяхъ до сего времени являются такъ-называемыя туманныя картины. Иллюстрируя главнымъ образомъ историческія событія, художественныя произведенія извѣстныхъ авторовъ, виды различныхъ мѣстностей и проч. и проч., онѣ въ то же время не даютъ и не могутъ дать никакого понятія о цѣломъ рядѣ физическихъ явленій изъ окружающаго міра. А между тѣмъ знать окружающую природу нашему народу необходимо болѣе, чѣмъ кому-либо другому: никто такъ непосредственно не соприкасается съ природою, какъ онъ, отъ нея главнымъ образомъ зависитъ все его благосостояніе. Народныя чтенія въ этомъ случаѣ могли бы, и несомнѣнно могутъ оказать большую услугу. Для этого такія чтенія, какъ, наприм., о грозѣ, о воздухѣ, о разныхъ метеорологическихъ явленіяхъ должны сопровождаться объясняющими ихъ опытами. Съ этою цѣлію необходимо озаботиться о томъ, чтобы руководители чтеній имѣли возможность пользоваться тѣми или другими приборами для производства опытовъ. До настоящаго времени, пока всю тяжесть расходовъ по устройству чтеній уѣздное земство вынуждено было выносить одно, почти безъ всякой посторонней помощи, разсчитывать на пріобрѣтеніе приборовъ для физическихъ опытовъ, даже въ самомъ незначительномъ числѣ, не представлялось возможности. Въ настоящее же время, когда часть расходовъ по устройству чтеній губернское земство приняло на свой счетъ, уѣздное земство будетъ имѣть полнѣйшую воз-

можность приступить къ пріобрѣтенію и другихъ наглядныхъ пособій къ чтеніямъ, независимо отъ картинъ. Съ этою цѣлью управа полагала бы поручить комиссіи, работающей надъ составленіемъ программы чтеній, составить и списокъ наглядныхъ пособій, необходимыхъ для объясненій при чтеніяхъ объ окружающей природѣ".

Въ поясненіе сказаннаго въ этихъ послѣднихъ строкахъ цитируемаго доклада уѣздной земской управы необходимо отмѣтить, что вопросъ о составленіи систематической программы чтеній возбужденъ былъ управою еще въ предшествующемъ 1897 году, когда, согласно, предложенію управы земскимъ собраніемъ, между прочимъ, было постановлено:

„а) Поручить управѣ выработать при участіи учителей программу чтеній; б) до выработки управою общей программы, чтенія должны вестись по заранѣе составленнымъ руководителями программамъ, каковыя должны въ началѣ года доставляться въ управу, съ приблизительнымъ обозначеніемъ времени, когда будутъ устраиваться чтенія".

Что касается цифровыхъ данныхъ относительно народныхъ чтеній въ Московскомъ уѣздѣ, то такого рода свѣдѣнія даются г. С. К. Говоровымъ въ составленномъ имъ—„Очеркѣ развитія склада тѣневыхъ картинъ при Московскомъ уѣздномъ земствѣ и земской организаціи народныхъ чтеній въ Московскомъ уѣздѣ". Въ очеркѣ этомъ сообщается, что въ послѣднемъ $189^{8}/_{9}$ году въ Московскомъ уѣздѣ чтенія велись при 96 школахъ, при чемъ за годъ устроено было 1158 чтеній, „что составило, при колебаніяхъ отъ 2-хъ до 36-ти чтеній по отдѣльнымъ аудиторіямъ, въ среднемъ на каждую аудиторію по 12 чтеній въ годъ".

Затѣмъ цитируемымъ очеркомъ отмѣчается, что „за 12 лѣтъ съ $188^{7}/_{8}$ года земскія ассигнованія на народныя чтенія въ Московскомъ уѣздѣ производились ежегодно и, постоянно возрастая, возвысились съ 500 руб. до 1600 руб. въ годъ. Количество фонарей за то же время возросло съ 15 до 69. Число же картинъ увеличилось за тотъ же періодъ съ 307 до 2339, при чемъ и самый составъ ихъ сталъ разнообразнѣе: наряду съ религіозными картинами появились картины и на темы историко-біографическія, географическія, по міровѣдѣнію, литературныя и иныя. Въ настоящее время въ частности складъ насчитываетъ въ своемъ собраніи слѣдующія количества картинъ: на религіозныя темы—749, по исторіи и біографіи—712, по географіи и этнографіи—358, по міровѣдѣнію—91, литературнаго содержанія—378 и на иныя темы (по гигіенѣ, пчеловодству и т. п.)—57. Затраты Москов-

---

[2]) «Докладъ училищн. комиссіи объ устройствѣ склада тѣневыхъ картинъ для городскихъ училищъ», предст. въ Моск. городск. думу 10 марта 1900 года, стр. 12.

скаго уѣзднаго земства на отдѣльные предметы расходовъ для народныхъ чтеній выражались за эти 12 лѣтъ въ слѣдующихъ цифрахъ: при общей суммѣ ассигнованій за эти года въ 7850 руб. земствомъ затрачено было за этотъ періодъ на народныя чтенія всего 7395 р. и въ томъ числѣ: на фонари—1014 р. 69 к., на картины—3503 р. 39 к., на иныя приспособленія и надобности—220 р. 36 к. и на вознагражденіе лекторовъ—2656 р.".

Богородское уѣздное земство стало принимать активное участіе въ устройствѣ народныхъ чтеній, начиная съ 1897 года, когда такія чтенія были организованы при уѣздной земской управѣ. Народныя чтенія въ сельскихъ школахъ стали устраиваться при помощи земства съ слѣдующаго 1898 года и велись сначала въ трехъ, а потомъ въ семи училищахъ (до этого, точно такъ же, какъ и въ нѣкоторыхъ школахъ и за послѣдніе два года,—народныя чтенія были организованы, благодаря частной иниціативѣ).

Въ своемъ послѣднемъ докладѣ уѣздному земскому собранію (сессіи 1899 г.) управа сообщаетъ, что усматривая изъ доставленныхъ школами отчетовъ—„сочувственное отношеніе къ народнымъ чтеніямъ не только учащихся, но и взрослаго населенія, доказательствомъ чему служитъ довольно значительное число посѣщавшихъ чтенія слушателей и имѣя въ виду образовательное значеніе такихъ чтеній, уѣздная управа обратилась къ директору народныхъ училищъ о разрѣшеніи открыть чтенія съ туманными картинами во всѣхъ безъ исключенія школахъ, дабы, заручившись такимъ разрѣшеніемъ, ежегодно намѣчать училища, гдѣ окажется удобнымъ и возможнымъ вести такія чтенія. Ходатайство это, переданное на заключеніе инспектора народныхъ училищъ, было внесено послѣднимъ на обсужденіе Богородскаго училищнаго совѣта, который, въ свою очередь, всю переписку по этому вопросу передалъ на заключеніе въ уѣздную управу. Изъ этой переписки выяснилось, что начальство Московскаго учебнаго округа, не нашло возможнымъ разрѣшить чтенія при всѣхъ начальныхъ училищахъ уѣзда въ виду того, что вопросъ о порядкѣ разрѣшенія чтеній съ туманными картинами для учащихся въ сельскихъ школахъ еще не установленъ министерствомъ народнаго просвѣщенія и что до сего времени таковыя чтенія разрѣшаются властію попечителя только для каждой школы въ отдѣльности и притомъ при наличности необходимыхъ условій, каковы: удобство помѣщенія, возможность надлежащаго надзора, способности учащихъ и проч., а потому начальство округа и предположило разрѣшить такія чтенія только въ двадцати училищахъ"

Изъ дальнѣйшаго содержанія доклада видно, что въ настоящее время нѣкоторыя школы Богородскаго уѣзда пользуются отдѣльными фонарями, нѣкоторыя же общими, при чемъ на каждыя двѣ школы на-

значено по фонарю; это такія школы, разстояніе между которыми не превышаетъ трехъ верстъ, почему передача фонаря изъ одной школы въ другую (такихъ школъ 6) не составляетъ особыхъ затрудненій; затѣмъ одна школа располагала фонаремъ, купленнымъ попечителемъ училища и двѣ—фонарями, пріобрѣтенными на средства крестьянъ. Для устройства чтеній съ туманными картинами въ управѣ имѣется 30 брошюръ, изъ числа которыхъ 13—беллетристическаго содержанія, 9—духовно-нравственнаго и 8—общеобразовательнаго (по исторіи и т. п.). Для иллюстраціи этихъ брошюръ управа располагала 251 картиною.

Что же касается, наконецъ, расходовъ, произведенныхъ земствомъ на устройство народныхъ чтеній въ Богородскомъ уѣздѣ, то, пользуясь имѣющимися свѣдѣніями, можно видѣть, что въ 1897 году на этотъ предметъ было ассигновано 150 руб., на 1898—100 р., на слѣдующій—500 р. и, наконецъ, на 1900—1325 руб.

Въ *Бронницкомъ* уѣздѣ, какъ это видно изъ представленнаго собранію 1894 года доклада земской управы,—вопросъ объ устройствѣ народныхъ чтеній въ уѣздѣ поднятъ былъ комиссіей по устройству въ Москвѣ публичныхъ лекцій, которая въ маѣ мѣсяцѣ 1894 года—„сообщила земской управѣ, что нѣкоторые законоучителя Бронницкаго уѣзда обращались къ ней съ ходатайствомъ объ оказаніи пособія по устройству народныхъ чтеній, и что она готова оказать это пособіе, при условіи обязательнаго участія въ этомъ дѣлѣ со стороны земства". Затѣмъ въ сентябрѣ отъ комиссіи было получено управою второе сообщеніе, въ коемъ она извѣщала, „что при серьезномъ рѣшеніи ввести устройство чтеній въ Бронницкомъ уѣздѣ, по примѣру Московскаго уѣзднаго земства, комиссія готова оказать подобное же содѣйствіе—во-первыхъ, безвозмездною уступкою двухъ абонементовъ для пользованія ими согласно обычнымъ условіямъ, исключая плату за два абонемента (100 р.) и во-вторыхъ – уступкою земству нѣкотораго количества картинъ по самой выгодной цѣнѣ".

Сообщая объ этомъ предложеніи, управа высказалась въ цитируемомъ докладѣ за устройство народныхъ чтеній, которыя, по мнѣнію управы,—„могутъ имѣть громадное просвѣтительное значеніе и при томъ не только для безграмотной массы, но и для тѣхъ немногихъ, которые имѣли возможность пріобрѣсти знаніе грамоты. Въ послѣднемъ случаѣ народныя чтенія будутъ служить какъ бы поддержкою и дальнѣйшимъ развитіемъ тѣхъ скудныхъ познаній, которыя даются сельскими школами".

„Не ставя себѣ на первое время широкихъ задачъ въ виду новизны дѣла и полной неопредѣленности всѣхъ тѣхъ условій, въ которыя оно можетъ быть поставлено въ дѣйствительности, уѣздная управа находила, что открытіе на народныя чтенія хотя бы незначительнаго

кредита должно все-таки принести существенную пользу этому дѣлу". Вмѣстѣ съ этимъ, въ виду финансовыхъ условій, полагая, что на устройство народныхъ чтеній сколько-нибудь значительной суммы ассигновано быть не можетъ, управа предлагала внести въ смѣту расходовъ на устройство чтеній 75 руб.

Къ сожалѣнію, почти на первыхъ же шагахъ своей дѣятельности по устройству народныхъ чтеній въ уѣздѣ управѣ пришлось убѣдиться, что при дѣйствующихъ правилахъ устройство народныхъ чтеній встрѣчаетъ иногда и неожиданныя и нежелательныя препятствія. Сообщая въ своемъ докладѣ собранію 1896 года о поступившихъ ходатайствахъ относительно устройства народныхъ чтеній, и въ частности—о представленныхъ въ управу приговорахъ четырехъ, составляющихъ одинъ школьный районъ, селеній, которыя даютъ обязательство платить на поддержку народныхъ чтеній въ ближайшей школѣ народныхъ чтеній отъ 3 до 5 коп. съ души, управа отмѣчаетъ, что въ данномъ случаѣ—„дѣло приняло нѣсколько неожиданный и прямо-таки нежелательный оборотъ. Получивъ, говоритъ управа, приговоры этихъ четырехъ селеній и исходя изъ тѣхъ соображеній, что при существующихъ узаконеніяхъ о чтеніяхъ, почти единственнымъ способомъ открытія ихъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, является постановка ихъ подъ непосредственное руководство оо. законоучителей, управа обратилась къ законоучителю той школы, въ районъ которой входятъ эти четыре селенія, и просила его принять на себя трудъ по веденію чтеній и въ этихъ видахъ испросить себѣ надлежащее разрѣшеніе у епархіальнаго начальства". Однако, несмотря на то, что такое предложеніе послано было за девять мѣсяцевъ до земскаго собранія, отвѣта ко времени собранія еще получено не было.—„Фактъ этотъ, говоритъ управа, невольно наводитъ на мысль, что дѣлу развитія чтеній въ уѣздѣ можетъ быть противупоставлено такое громадное препятствіе—какъ отсутствіе лицъ, которыя бы могли вести ихъ, разъ оо. законоучители не пожелаютъ взять на себя эту задачу. Придавая такое важное значеніе только что отмѣченному факту, управа имѣла въ виду ту нелегкость полученія разрѣшеній на чтенія, которая существуетъ при условіи веденія ихъ лицами, не принадлежащими къ духовенству, въ каковыхъ случаяхъ разрѣшеніе зависитъ уже не отъ епархіальнаго, ближайшаго къ мѣсту чтеній, начальства, а отъ министровъ: народнаго просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ и оберъ-прокурора святѣйшаго синода, по взаимномъ ихъ соглашеніи. И въ этомъ случаѣ уѣздная управа опять-таки располагала фактомъ. Такъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1895 года управою было возбуждено черезъ г. директора народныхъ училищъ Московской губ. ходатайство о разрѣшеніи вести въ г. Бронницахъ чтенія семи лицамъ, въ числѣ которыхъ, между прочимъ, были: священникъ, зем-

скій начальникъ, учителя 3-хъ класснаго училища. Ходатайство это возбудило переписку, изъ которой выяснилось, что выдача разрѣшенія упоминаемымъ лицамъ должна быть непремѣнно обусловлена постановкой непосредственнаго руководства чтеніями и наблюденія за ними въ вѣдѣніе причта мѣстнаго соборнаго храма. Такого рода условія открытія чтеній вызвали отказъ со стороны нѣкоторыхъ лицъ отъ желанія вести ихъ, и на этомъ покончилась попытка открыть чтенія въ г. Бронницахъ. Если же теперь, говоритъ въ цитируемомъ докладѣ управа, сопоставить эти два факта, то будущее устройство въ уѣздѣ чтеній невольно выдвигаетъ на сцену желательность такихъ мѣропріятій, которыя обезпечивали бы имъ большую устойчивость, большую гарантію независимости отъ случайныхъ причинъ. Однимъ изъ такихъ мѣропріятій, по мнѣнію управы, являлась бы возможность веденія чтеній учителями и учительницами земскихъ училищъ, понятно, подъ соотвѣтствующимъ надзоромъ за ихъ дѣятельностію въ этомъ дѣлѣ; при чемъ самыя разрѣшенія исходили бы отъ попечителя округа. Отсюда, говоритъ управа,—невольно вытекаетъ пожеланіе, чтобы земское собраніе, съ своей стороны, приняло въ настоящемъ дѣлѣ болѣе активное участіе, именно, возбудило бы ходатайство объ измѣненіи дѣйствующихъ узаконеній о народныхъ чтеніяхъ въ томъ смыслѣ, чтобы получилась возможность веденія ихъ учителями и учительницами земскихъ училищъ и чтобы вообще упростилось дѣло полученія разрѣшеній на веденіе чтеній. Такого рода ходатайство, во-первыхъ, вполнѣ отвѣчало бы дѣйствительнымъ нуждамъ Бронницкаго уѣзда, гдѣ, въ виду большаго развитія промышленности, особенно сильно сказывается нужда, въ устройствѣ чтеній, а во-вторыхъ, нисколько не выходило бы изъ предѣловъ вѣдомства земства, на которое X т. ст. 2 Высочайше утвержденнаго положенія о земск. учрежд. возложена обязанность „попеченія о развитіи средствъ народнаго образованія“.

Собраніемъ это предложеніе управы было принято, при чемъ постановлено было: „поручить управѣ обратиться съ просьбою объ измѣненіи дѣйствующихъ правилъ къ губернскому земскому собранію, прося его съ своей стороны поддержать ходатайство уѣзднаго собранія“ [1]).

Пользуясь докладомъ управы собранію слѣдующаго 1897 года, можно видѣть, что дѣло устройства народныхъ чтеній въ уѣздѣ продолжало развиваться: „всѣхъ пунктовъ, гдѣ происходили чтенія въ минувшемъ учебномъ году,—говоритъ управа,—было 15, что въ сравненіи съ предшествовавшимъ ему годомъ (5 пунктовъ) даетъ увеличеніе на

---

[1]) Какъ указано далѣе, губернскимъ земствомъ соотвѣтствующее ходатайство было возбуждено, но желательнаго разрѣшенія получено пока не было.

10, при чемъ въ число 15 пунктовъ вошли 6 пунктовъ, въ которыхъ были только, такъ сказать, показательныя чтенія съ земскимъ фонаремъ, съ цѣлью ознакомленія съ нимъ населенія, и такимъ образомъ, въ дѣйствительности пунктовъ, въ которыхъ чтенія велись болѣе или менѣе регулярно, было 9". Затѣмъ управа отмѣчаетъ, что „изъ представленныхъ управѣ отчетовъ видно, что вездѣ, гдѣ ни велись чтенія, они пользовались замѣчательнымъ успѣхомъ, что просвѣтительное вліяніе ихъ на населеніе громадно".

Чтобы закончить характеристику того, какъ и въ какихъ формахъ развивалось дѣло устройства народныхъ чтеній въ Бронницкомъ уѣздѣ, остается отмѣтить, что въ 1898 году Бронницкая земская управа— „озабочиваясь возможно лучшей постановкой дѣла народныхъ чтеній въ уѣздѣ, избрала изъ лицъ, принимающихъ участіе въ устройствѣ чтеній комиссію для выясненія вопросовъ къ возможно правильной постановкѣ дѣла выписки тѣневыхъ картинъ и снабженія ими пунктовъ, въ которыхъ ведутся чтенія".

Заключенія этой комиссіи, въ составъ которой почти исключительно входили законоучителя и учителя, настолько интересны, что представляется не лишнимъ привести ихъ на страницахъ настоящаго очерка.

Вотъ эти заключенія:

„1) Чтенія для дѣтей должны отдѣляться отъ чтеній для взрослыхъ, въ виду различныхъ цѣлей, которыя преслѣдуются тѣми и другими, и въ виду тѣсноты большинства помѣщеній, въ которыхъ ведутся чтенія. 2) Комиссія признаетъ правильнымъ требованіе Московской уѣздной земской управы, чтобы чтенія не были безсистемными и случайными, а велись бы по предварительно составленнымъ программамъ. 3) Изученіе матеріала, доступнаго для народныхъ чтеній, съ подраздѣленіемъ его на отдѣльныя серіи чтеній, систематическая его разработка и выработка общей программы для чтеній могутъ быть исполнены успѣшно лишь при совмѣстной работѣ значительнаго числа руководителей и участниковъ въ дѣлѣ устройства чтеній. 4) Систематизація матеріала для чтеній и распредѣленіе всѣхъ имѣющихся картинъ по опредѣленнымъ серіямъ чтеній должны быть сдѣланы такъ, чтобы каждое, по возможности, чтеніе представляло нѣчто цѣльное и законченное; послѣ этого легко установить и правильное снабженіе пунктовъ картинами и обмѣнъ между ними заранѣе опредѣленными, по взаимному соглашенію, серіями чтеній. 5) Установленіе правильнаго общенія между устроителями чтеній въ формѣ періодическихъ собраній можетъ наиболѣе благотворно вліять на правильную постановку дѣла, помогая скорѣйшему распространенію среди устроителей всѣхъ свѣдѣній о болѣе совершенной постановкѣ дѣла, вызывая на товарищескій обмѣнъ мыслями о

личномъ опытѣ каждаго, дѣлая всѣмъ извѣстными распоряженія и узаконенія, которыми съ каждымъ годомъ замѣтно облегчается и улучшается дѣло веденія народныхъ чтеній. 6) Пополненіе школьныхъ библіотекъ при тѣхъ школахъ, гдѣ ведутся народныя чтенія. Если эти пополненія будутъ совершаться по указанію самихъ устроителей чтеній, то сдѣлаетъ ихъ обладателями всего матеріала, признаваемаго ими наиболѣе пригоднымъ для чтеній и поможетъ лучшей оцѣнкѣ книгъ и брошюръ, допущенныхъ для чтеній. Пополненіе школьныхъ библіотекъ крайне необходимо и для удовлетворенія пробуждающихся черезъ народныя чтенія умственныхъ потребностей: извѣстно, что народныя чтенія вызываютъ большой спросъ на книги и пробуждаютъ даже стремленіе къ самообразованію. 7) Значеніе картинъ при народныхъ чтеніяхъ признается всѣми устроителями чтеній, и не даромъ затрачиваются значительныя средства на ихъ пріобрѣтеніе. Но тѣснота и неприспособленность къ чтеніямъ школьныхъ помѣщеній приводятъ къ тому, что картины выходятъ въ видѣ туманнаго пятна, что фонарь не дѣйствуетъ, что чтецы и слушатели задыхаются отъ жары и т. д., и т. п.,—слѣдовательно картины не исполняютъ предназначенной имъ задачи, средства затраченныя на ихъ пріобрѣтеніе пропадаютъ безполезно, самыя чтенія теряютъ значительную долю своей цѣнности, такъ какъ большинство слушателей не имѣетъ силъ выстоять все чтеніе. Однимъ словомъ тѣснота и неприспособленность для устройства чтеній большинства школьныхъ помѣщеній являются однимъ изъ сильныхъ тормазовъ въ стремленіи къ лучшей постановкѣ дѣла и требуютъ неотложной заботы объ ихъ устраненіи путемъ улучшенія и расширенія школьныхъ помѣщеній, устройства винтиляцій, постройки особыхъ аудиторій и т. п. Если земство сдѣлаетъ опытъ постройки особыхъ аудиторій для народныхъ чтеній (прежде въ мѣстахъ наиболѣе густо населенныхъ и гдѣ чтенія достаточно привились), то оно, быть можетъ, вызоветъ этимъ подражаніе со стороны частныхъ лицъ или сельскихъ обществъ, и уѣздъ обогатится не одной хорошо устроенной аудиторіей, на подобіе того, какъ пробныя чтенія съ туманными картинами вызываютъ пожертвованія отъ частныхъ лицъ и сельскихъ обществъ на пріобрѣтеніе фонарей, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ по образцу читаленъ, устроенныхъ земствомъ, возникаютъ народныя читальни на средства частныхъ лицъ и обществъ. 8) Учитель, выступающій въ качествѣ руководителя просвѣщеніемъ взрослаго населенія и самъ нуждается въ широкомъ умственномъ и нравственномъ развитіи, а потому ему и должны быть открыты всѣ пути и средства къ постоянному пополненію и расширенію собственнаго образованія. Устройство временныхъ педагогическихъ курсовъ, снабженіе учителя книгами, журналами и т. п. могутъ и прямо и косвенно служить лучшей постановкѣ дѣла народныхъ чтеній.

Вообще всѣ нужды въ дѣлѣ постановки народныхъ чтеній могутъ скорѣе уясняться и найти должное удовлетвореніе, если участники въ этомъ дѣлѣ не будутъ стоять изолированно, а по возможности часто будутъ встрѣчаться другъ съ другомъ и направлять свои общія силы къ одной цѣли—такой постановкѣ дѣла чтеній, чтобы они были для деревни дѣйствительно просвѣтительнымъ учрежденіемъ.

Заканчивая свою работу, говорится въ цитируемомъ докладѣ,—комиссія считаетъ необходимымъ замѣтить, что она могла указать лишь самые крупные недочеты въ дѣлѣ постановки народныхъ чтеній и старалась, по возможности, намѣтить средства къ устраненію указанныхъ недочетовъ. На свой трудъ комиссія смотритъ только какъ на начало разработки вопросовъ по дѣлу болѣе цѣлесообразной постановки чтеній и признаетъ, что въ будущемъ, когда къ этой работѣ приступитъ большее число свѣдущихъ лицъ, эта работа пойдетъ успѣшнѣе и дѣло народныхъ чтеній станетъ на должную высоту".

Пользуясь полученными по данному предмету указаніями уѣздной управы, можно видѣть, что на устройство народныхъ чтеній было ассигновано изъ уѣздныхъ суммъ (т. е. не считая затратъ на этотъ же предметъ губернскаго земства,—свѣдѣнія о чемъ будутъ представлены далѣе)—въ 1896 году 75 руб., а на 1897—1900 годы по 400 руб.; въ настоящее время управа располагаетъ складомъ картинъ, иллюстрирующихъ до 40 брошюръ и имѣетъ три волшебныхъ фонаря,—„которые передаются въ разныя школы для ознакомленія населенія съ чтеніями", кромѣ того 5 школъ въ уѣздѣ имѣютъ собственные фонари, пріобрѣтенные на пожертвованныя деньги.

Въ *Верейскомъ* уѣздѣ народныя чтенія ведутся только въ школахъ, содержимыхъ на средства губернскаго земства и затѣмъ въ тѣхъ немногихъ школахъ, на устройство чтеній въ которыхъ затрачены средства частными лицами (попечителями школъ). Въ устройствѣ собственно народныхъ чтеній Верейское уѣздное земство участія не принимало. Волшебный фонарь и картины, которыми располагаетъ управа, какъ это отмѣчается ею,—„служатъ исключительно для ученическихъ чтеній, держатся въ каждомъ училищѣ два праздничныхъ дня и потомъ передаются въ слѣдующее училище".

Въ *Волоколамскомъ* уѣздѣ, первый докладъ—„о чтеніяхъ съ туманными картинами въ земскихъ школахъ уѣзда былъ управою представленъ экстренному земскому собранію 1895 г. Собраніемъ докладъ этотъ былъ принятъ съ утвержденіемъ на чтенія съ туманными картинами расхода на 1895 годъ въ 120 р. Во исполненіе постановленія собранія управою было сдѣлано представленіе въ установленномъ порядкѣ о разрѣшеніи чтеній, которое послѣдовало только въ 1897 году (относительно

24 училищъ)". На покупку для чтеній фонаря и другихъ принадлежностей управа предлагала собранію внести въ смѣту расходовъ на 1898 годъ—120 руб. [1]).

Въ слѣдующемъ 1898 году управа сообщила въ своемъ докладѣ о состоявшихся постановленіяхъ губернскаго земскаго собранія, обусловливающихъ участіе губернскаго земства въ устройствѣ и поддержаніи народныхъ чтеній. Останавливая вниманіе собранія на томъ пунктѣ послѣднихъ постановленій, которымъ признано желательнымъ,— „чтобы чтенія съ туманными картинами (и безъ нихъ) велись систематично, по извѣстной программѣ, утвержденной училищными совѣтами, и въ количествѣ не менѣе извѣстнаго минимума, опредѣленнаго для каждаго уѣзда земскимъ собраніемъ по соглашенію съ мѣстнымъ училищнымъ совѣтомъ",—управа доводитъ до свѣдѣнія уѣзднаго собранія, что, имѣя въ виду удовлетворить требованію этого правила, управа,— „обратилась въ Волоколамскій училищный совѣтъ съ просьбою о составленіи систематической программы для чтеній съ опредѣленіемъ количества чтеній и минимума ихъ для Волоколамскаго уѣзда".

Пользуясь затѣмъ сообщеніемъ члена училищнаго совѣта, которому земскою управою и училищнымъ совѣтомъ поручено дѣло наблюденія за народными чтеніями, можно видѣть, что училищнымъ совѣтомъ былъ одобренъ въ январѣ послѣдняго 1900 года слѣдующій планъ организаціи и программы чтеній:

„Для правильной организаціи дѣла предположено всѣ школы, гдѣ разрѣшено производить чтенія, разбить на группы по числу фонарей, находящихся въ распоряженіи управы. Въ каждую группу соединить не болѣе 4 или 5 сосѣднихъ школъ, въ которыхъ долженъ функціонировать одинъ фонарь, передвигаясь по очереди изъ школы въ школу. При каждомъ такомъ фонарѣ долженъ быть комплектъ картинъ для 8—10 научныхъ или беллетристическихъ чтеній, подобранныхъ по опредѣленной программѣ; рядомъ съ этими чтеніями каждый районъ долженъ быть обезпеченъ также достаточнымъ количествомъ духовно-нравственныхъ чтеній. Кромѣ того рѣшено было вызвать изъ каждаго района по одному преподавателю для того, чтобы предложить имъ взять на себя организацію чтеній въ своей группѣ школъ и наблюденіе за правильнымъ движеніемъ фонаря изъ школы въ школу. Перевозку фонаря, экрана и картинъ признано возможнымъ производить на крестьянскихъ подводахъ; почему учителя на первыхъ же чтеніяхъ должны обратиться съ соотвѣтствующею просьбою къ слушателямъ. Что касается до программы и подбора темъ для чтеній, то, принимая во вниманіе неболь-

[1]) Такая же сумма на расходы по устройству чтеній вносилась затѣмъ въ смѣты 1899 и 1900 гг.

шія средства, ассигнованныя земскимъ собраніемъ и соображаясь съ министерскимъ каталогомъ разрѣшенныхъ чтеній, училищный совѣтъ нашелъ возможнымъ на первое время ограничиться слѣдующими отдѣлами чтеній:

1-й *отдѣлъ—Духовно-нравственныя чтенія*: Рядъ чтеній по Ветхому и Новому Завѣту, кромѣ того отдѣльныя чтенія: Авраамъ, Іосифъ Прекрасный, Моисей, Жизнь Божіей Матери, Уничиженіе Господа нашего Іисуса Христа, Церковь Христова со временъ Апостоловъ, Житія Святыхъ, Св. Сергій и Троице-Сергіевская Лавра, Тихонъ Задонскій.

2-й отдѣлъ—Беллетристика: „Кавказскій Плѣнникъ“ Толстого, „Пѣснь о купцѣ Калашниковѣ“ Лермонтова, „Сигналъ“ Гаршина, „Дѣти подземелья“ Короленко, „Генералъ Топтыгинъ“ Некрасова, „Несжатая полоса“ его же, Мелкія стихотворенія и басни и „Христіанка“ Надсона.

3-й отдѣлъ—Исторія: Славяне, Владиміръ Святой, Татары, Іоаннъ III, Иванъ Грозный, Смутное время, Петръ Великій, Александръ II.

4-й отдѣлъ—Историческая беллетристика: 1. „Князь Серебряный“ А. Толстого, 2. „Борисъ Годуновъ“ Пушкина, 3. „Полтава“ Пушкина, 4. „Тарасъ Бульба“ Гоголя, 5. „Капитанская дочка“ Пушкина, 6. „Севастопольская оборона“ Л. Толстого.

5-й отдѣлъ—Естеств. исторія: 1, 2, 3, 4 и 5 чт. „О великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы“ Рубакина, 6 и 7 „Бесѣды о звѣряхъ“ А. Бекетова, 8 „Мірскіе захребетники“ Богданова, 9 „Обезьяны“ Брема, 10 „Какія есть на землѣ растенія“ Калмыковой, 11 „Дерево и его жизнь“ Кайгородова, 12 „Здоровье“ Латышева.

6-й отдѣлъ—Географія и Этнографія: Полярныя страны, по 1-й части „Приключеніе двухъ кораблей“, Рубакина, Русскій Сѣверъ, Финляндія, Норвегія, Прибалтійскій край, Степной край, Крымъ, Кавказъ, Сибирь, Индія.

Этотъ планъ организаціи и программы чтеній управою былъ принятъ полностью. И она тотчасъ же озаботилась пріобрѣтеніемъ въ собственность картинъ на стеклѣ ко всѣмъ намѣченнымъ здѣсь чтеніямъ. Съ этою цѣлью управа вошла въ сношенія съ однимъ изъ членовъ Московскаго общества тѣневыхъ картинъ при Политехническомъ музеѣ, В. В. Беккеромъ, которымъ и было приготовлено до 650 діапозитивовъ съ нигативовъ картинъ, имѣющихся въ коллекціи общества. Раскрашены и задѣланы въ 2-ыя стекла эти діапозитивы были двумя частными лицами. Благодаря сочувствію и добровольному труду этихъ трехъ лицъ управа получила возможность пріобрѣсти въ собственность до 650 картинъ на стеклѣ, приготовленныхъ фотографическимъ способомъ

и раскрашенныхъ, израсходовавши на все это только 85 руб. Такимъ образомъ каждая такая картина обошлась земству около 13 коп. Затѣмъ въ дополненіе къ двумъ фонарямъ, имѣвшимся въ распоряженіи управы, купленнымъ раньше на средства учителей и частныхъ лицъ, были куплены еще два на земскія средства—цѣною по 28 р. 50 к. каждый и къ нимъ два экрана за 4 р. 70 к.

Этими четырьмя фонарями пользовалось 19 школъ; изъ нихъ въ 15-ти школахъ предварительно намѣченная программа была болѣе или менѣе удачно выполнена: въ 4-хъ школахъ выполнить программы не пришлось по разнымъ причинамъ (или потому что нѣкоторое время не было преподавателя, или потому, что крестьяне отказались перевозить фонарь или, къ сожалѣнію, по отказу самого учительскаго персонала").

Чтобы судить о томъ, въ какой послѣдовательности велись чтенія въ отдѣльныхъ группахъ школъ, представимъ, пользуясь тѣмъ же сообщеніемъ, что именно было прочитано въ пяти школахъ перваго района, изъ которыхъ въ каждой за время первой половины 1900 года было устроено по 11-ти чтеній свѣтскихъ и по 6-ти духовно-нравственныхъ. Въ школахъ этихъ—„по естественной исторіи была прочитана книжка г. Рубакина—„О великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы", раздѣленная на 5 чтеній.

1-е чтеніе. Какія явленія бываютъ въ воздухѣ: миражи, радужные круги и вѣнцы, свѣтлые столбы и кресты на небѣ.

2-е чт. Холодъ на небѣ. Какъ люди объ этомъ узнали? Какъ люди летаютъ по воздуху на воздушныхъ шарахъ? Отчего высоко надъ землею всегда холодъ? Какъ дуетъ вѣтеръ? Почему дуетъ вѣтеръ? Какіе бываютъ вѣтры? Ураганы. Смерчи. Дожди изъ животныхъ. Дожди изъ растеній. Черныя и желтыя тучи.

3-е чт. Какія явленія бываютъ на сушѣ: О горахъ огнедышащихъ. Гибель города Помпеи. Какъ иногда растутъ горы? Что есть глубоко подъ нашими ногами? Землетрясеніе. Отчего бываютъ землетрясенія? Какъ поднимается земля изъ глубины моря и какъ цѣлыя страны уходятъ подъ воду?

4-е чт. Какой круговоротъ дѣлаетъ вода? Отчего и какъ идетъ дождь? Какіе бываютъ дожди? Какъ вода размываетъ землю? Ніагарскій водопадъ. Какъ море разрушаетъ острова? Кимврійскій потопъ и Петербургское наводненіе. Какъ рушатся горы? Снѣжные обвалы. Какъ люди погибаютъ за науку? Ледники въ горахъ.

5-е чт. Какъ узнали люди что такое громъ и молнія? Какія бываютъ молніи и сколько бѣдъ онѣ дѣлаютъ? Электрическое сіяніе. Огненный дождь. Сѣверное сіяніе на небѣ. Чему научила эта книжка?

Чередуясь съ этими чтеніями были прочитаны два беллетристи-

ческихъ: „Генералъ Топтыгинъ“ Некрасова и „Дѣти подземелья“ Короленко.

Окончивши книжку Рубакина „О великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы“ въ этомъ районѣ начались чтенія по русской исторіи. Читали по книжкѣ Острогорскаго, пополняя изъ Бестужева-Рюмина и Полевого.

Въ 1-е чтеніе было прочитано: Жизнь первобытныхъ людей. Осѣдлая жизнь. Образованіе государствъ. Древніе славяне. Нравы славянъ. Первые русскіе князья. Вѣра славянъ.

Во 2-е—Начало христіанства на Руси. Крещеніе Владиміра и Кіевлянъ. Сыновья Владиміра. Ярославъ.

Въ 3-е—Нашествіе татаръ. Нашествіе Батыя. Основаніе Золотой Орды. Александръ Невскій. Возвышеніе Москвы. Куликовская битва.

Въ 4-е—Царствованіе Ивана III. Конецъ татарской неволи. Новгородская вольность. Новгородская торговля. Конецъ Новгородской независимости. Уничтоженіе удѣловъ. Сношенія съ иностранцами.

Параллельно съ этимъ велись чтенія по Ветхому и Новому Завѣту“.

Къ изложенному остается добавить, что—„по окончаніи занятій въ школахъ управою были вызваны учителя, наблюдавшіе за правильной постановкой чтеній въ отдѣльныхъ районахъ, которые нашли нужнымъ:

1. Усилить число фонарей. 2. Постараться дополнить всѣ отдѣлы новыми чтеніями и картинами. 3. Продолжать постановку популярно-научныхъ чтеній, чередуя ихъ съ беллетристическими. 4. По одному и тому-же отдѣлу знаній производить не менѣе 10 чтеній. 5. Не затягивать чтенія на одну и ту-же тему болѣе $1^1/_2$ часа. 6. Въ каждомъ районѣ сдѣлать предварительно расписаніе маршрута фонаря по школамъ своего района. 7. Попробовать въ нѣкоторыхъ школахъ производить чтенія безъ картинъ въ тѣ дни, когда не предполагается читать съ фонаремъ и картинами“.

Дмитровское земство начало принимать участіе въ устройствѣ народныхъ чтеній въ 1895 году, когда имъ было ассигновано на пріобрѣтеніе картинъ для волшебныхъ фонарей 100 руб.; такія же суммы были ассигнованы затѣмъ въ 1896 и 1899 годахъ. На ассигнованныя средства было пріобрѣтено 210 картинъ, иллюстрирующихъ 18 чтеній, изъ которыхъ 10—по священной исторіи, 4—по исторіи русской и 4—беллетристическихъ. Волшебные фонари, какъ объ этомъ сообщаетъ уѣздная управа, пріобрѣтаются на средства частныхъ лицъ и попечителей; собственныхъ фонарей земство не имѣетъ. Что-же касается, наконецъ, того числа школъ, въ которыхъ чтенія ведутся, то, какъ это указывается тѣмъ же сообщеніемъ управы, въ 1898—9 учебномъ году на-

родныя чтенія устраивались здѣсь въ 6 школахъ; кромѣ того, начиная съ 1899—1900 учебнаго года, открыты чтенія еще въ трехъ школахъ.

Въ *Звенигородскомъ* уѣздѣ въ дѣлѣ устройства народныхъ чтеній земство стало принимать участіе съ 1895 года. Пользуясь докладомъ уѣздной земской управы собранію 1897 года, можно видѣть, что—„очередной сессіи уѣзднаго земскаго собранія 1895 г. управою представленъ былъ докладъ объ организаціи народныхъ чтеній, вызвавшій слѣдующія постановленія: ассигновать 350 рублей на пріобрѣтеніе фонарей, ходатайствовать передъ губернскимъ земствомъ объ устройствѣ при губернской управѣ склада картинъ, могущаго служить потребностямъ уѣздовъ и просить губернское земство и уѣздный училищный совѣтъ возбудить ходатайство о разрѣшеніи народныхъ чтеній съ туманными картинами при всѣхъ земскихъ школахъ уѣзда".

Первое изъ этихъ ходатайствъ,—поддержанныхъ затѣмъ и собраніемъ 1897 г.,—удовлетворено не было, что же касается вопроса относительно разрѣшенія на устройство народныхъ чтеній при всѣхъ школахъ уѣзда,—то изъ соотвѣтствующаго доклада управы собранію 1899 года видно, что—„выяснивъ, какія изъ земскихъ школъ имѣли уже разрѣшеніе на производство народныхъ чтеній, управа обратилась къ Его Преосвященству Митрополиту Московскому съ просьбой о разрѣшеніи чтеній и во всѣхъ остальныхъ школахъ уѣзда".

„Получивъ разрѣшеніе на веденіе народныхъ чтеній,—говоритъ управа въ цитируемомъ докладѣ,—въ тѣхъ школахъ, въ которыхъ они еще не были разрѣшены, управа въ январѣ 1899 года разослала во всѣ училища фонари и картины и съ этого времени началось правильное движеніе чтеній".

Желаніе сдѣлать чтенія насколько возможно регулярными и по возможности систематичными озабочивало управу и ранѣе; такъ напримѣръ въ докладѣ собранію 1893 года, отмѣчая, что въ дѣлѣ устройства народныхъ чтеній—„отсутствуетъ необходимая система и планомѣрность",—управа высказываетъ, что однако лишь—„при наличности ихъ можно придавать чтеніямъ образовательное значеніе, иначе они служатъ лишь какъ интересное, хотя, можетъ быть, и небезполезное развлеченіе. Трудно,—говоритъ управа, теперь по новизнѣ дѣла систематизировать чтенія по содержанію, но положительно необходимо отнять отъ нихъ характеръ случайности, установить извѣстный minimum числа чтеній. Оплата чтеній въ данномъ случаѣ явится средствомъ, при помощи котораго возможно регулировать чтенія въ количественномъ отношеніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, практической мѣрой по развитію самыхъ чтеній. Вознагражденіе за чтенія требуются, кромѣ того, справедливостью, такъ какъ нельзя пользоваться безвозмездно трудомъ лицъ, правильно ведущихъ чтенія. Относительно установленія желательнаго

minimum'а чтеній управа входила съ запросомъ въ уѣздный училищный совѣтъ, который призналъ таковымъ 10 чтеній въ годъ; управа вполнѣ согласилась съ мнѣніемъ училищнаго совѣта" и предложила собранію: „1) признать справедливымъ производить оплату чтеній (съ туманными картинами или безъ нихъ), когда количество ихъ не менѣе установленнаго minimum'а; 2) согласиться съ предложеннымъ училищнымъ совѣтомъ опредѣленіемъ minimum'а—въ 10 чтеній; 3) установить размѣръ вознагражденія лицъ, производящихъ чтенія, въ одинъ рубль за каждое чтеніе, распредѣляя его поровну между законоучителемъ и учителемъ".

Предложенія эти собраніемъ были приняты. Затѣмъ въ интересахъ извѣстной планомѣрности и регулярности чтеній въ отдѣльныхъ школахъ, управою принята была „система округовъ или поясовъ, которая состоитъ въ слѣдующемъ: всѣ земскія и примкнувшія къ земской организаціи чтеній Министерскія, гор. Звенигородская, Павловская и частная Ивановская разбиты на 5 поясовъ или округовъ (Арханг. внѣ округовъ) и для каждаго пояса составленъ свой особый циклъ двойныхъ (на 2 раза) чтеній по числу фонарей въ поясѣ, которыми каждое училище и должно пользоваться въ извѣстномъ порядкѣ постепенности". При такой системѣ пользованія фонарями и картинами каждая школа ежемѣсячно обезпечивается новыми брошюрами для чтеній и соотвѣтствующими картинами, причемъ для того, чтобы избѣжать задержекъ, принято правиломъ, что—„общее передвиженіе картинъ должно производиться черезъ мѣсячные промежутки, между каждымъ 1 и 5 числомъ каждаго мѣсяца; училище, имѣя въ своемъ распоряженіи картины и брошюры въ теченіе мѣсяца, не обязано непремѣнно читать, если почему-нибудь не можетъ или не хочетъ этого дѣлать, но обязано непремѣнно между 1 и 5 числомъ каждаго мѣсяца посылать въ слѣдующее училище за картинами, чтобы не задержать другія училища и не перепутать намѣченный кругъ".

Въ настоящее время всѣ школы уѣзда обезпечены собственными фонарями и, въ общей сложности, располагаютъ 2198 картинами. Что же касается наконецъ опредѣленія тѣхъ затратъ, которыя были вызваны устройствомъ народныхъ чтеній въ уѣздѣ,—то, пользуясь имѣющимися данными, можно видѣть, что изъ уѣздныхъ средствъ по соотвѣтствующей статьѣ смѣты было ассигновано: на 1896 годъ—350 руб; на 1898 г.- 100 р.; на 1899 г.—200 руб. и на 1900 г.—600 руб.

По *Клинскому* уѣзду земская управа въ докладѣ своемъ собранію 1897 года сообщила, что по собраннымъ управой свѣдѣніямъ подобныя чтенія ведутся въ 6 школахъ; въ одной—съ 1894 года, въ двухъ—съ 1895 г., въ одной—съ 1896 г. и въ двухъ—съ 1897 года. Затѣмъ управа отмѣчала, что—„дѣло народныхъ чтеній въ Клинскомъ уѣздѣ находится въ положеніи, какъ видно, далеко несоотвѣтствующемъ тому значенію,

какое имѣетъ для цѣлей просвѣщенія этотъ видъ внѣ-класснаго образованія. Въ прошлогоднемъ 1896 г. уѣздномъ собраніи было высказано пожеланіе чтобы устройство народныхъ чтеній по возможности было организовано при всѣхъ земскихъ училищахъ. Но,—замѣчаетъ управа,—помимо чрезвычайной медленности въ разрѣшеніи чтеній въ виду сношеній между министерствомъ народнаго просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ и оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода, и зависимости этого дѣла отъ сочувствія къ нему мѣстнаго духовенства, необходимо обратить вниманіе на то, что дѣло это не получаетъ никакой матеріальной поддержки отъ земства, между тѣмъ какъ организація его сопряжена съ значительными затратами".

И вотъ, принимая во вниманіе, что главнымъ препятствіемъ въ организаціи народныхъ чтеній служитъ отсутствіе со стороны земства правильной матеріальной поддержки въ дѣлѣ устройства чтеній,—во-первыхъ, а во-вторыхъ,—что существеннымъ препятствіемъ къ болѣе правильной постановкѣ чтеній служитъ бѣдность того матеріала, который разрѣшенъ для чтеній, собраніемъ 1897 года было постановлено: „а) просить губернское земство ходатайствовать передъ правительствомъ о разрѣшеніи народныхъ чтеній по всѣмъ книгамъ, допущеннымъ въ безплатныя народныя читальни, организованныя по правиламъ 15 мая 1890 г.; б) ходатайствовать передъ губернскимъ земствомъ принять на себя расходы въ половинномъ размѣрѣ на пріобрѣтеніе фонарей и картинъ и в) просить губернскую управу взять на себя организацію снабженія училищъ черезъ уѣздныя управы картинами для фонарей, выразивъ желаніе, чтобы были составлены коллекціи картинъ, которыми черезъ управы могли бы обмѣниваться уѣзды".

Представленный на разсмотрѣніе губернскаго земскаго собранія 1897 года вопросъ объ участіи губернскаго земства въ дѣлѣ устройства народныхъ чтеній вызвалъ,—какъ это видно будетъ изъ дальнѣйшаго,—рядъ постановленій, изъ которыхъ одними признавалась необходимость возбудить ходатайства объ упрощеніи порядка разрѣшенія народныхъ чтеній и расширеніи допущеннаго для чтеній матеріала, другими—опредѣлялась форма участія въ устройствѣ народныхъ чтеній губернскаго земства, и, наконецъ, однимъ изъ этихъ постановленій признавалось желательнымъ, чтобы народныя чтенія—„велись систематично по извѣстной программѣ, утверждаемой училищными совѣтами, и въ количествѣ не менѣе извѣстнаго минимума, опредѣляемаго для каждаго уѣзда земскимъ собраніемъ по соглашенію съ мѣстнымъ училищнымъ совѣтомъ".

Въ виду этого послѣдняго постановленія уѣздная управа, какъ это можно видѣть изъ доклада ея собранію 1898 года, обратилась къ

преподавателямъ училищъ съ просьбою—„если они пожелаютъ вести народныя чтенія, составить программу ихъ на 189⁸/₉ учебный годъ. По полученнымъ отвѣтамъ оказалось однако, что почти для всѣхъ преподавателей составить такую программу представилось невозможнымъ какъ за неимѣніемъ достаточнаго для этого опыта, такъ и за отсутствіемъ подъ руками каталога разрѣшенныхъ для чтенія книгъ. Вслѣдствіе этого задачу составленія программы чтеній управѣ пришлось взять на себя. Предполагая, что минимумъ числа чтеній въ первомъ году будетъ приблизительно равняться по каждому училищу, гдѣ они будутъ вестись, 5-ти, а максимумъ 20-ти (въ минувшемъ году число чтеній по отдѣльнымъ училищамъ не превысило 19-ти). Управа полагала рекомендовать для прочтенія въ 1898—9 учебномъ году слѣдующія 20 брошюръ.

1. Алмазовъ, Б. Отшельникъ (Алексій, человѣкъ Божій. Стих.). Изд. Ком. нар. чтен.

2. Сысоева, Е. Жизнь и подвиги Иннокентія, проповѣдника Евангелія на Алеутскихъ островахъ.

3. Толстой, А. гр. Св. Іоаннъ Дамаскинъ. (Выдержки изъ поэмы). Изд. Ком. нар. чтен.

4. Толычева, Т. Митрополитъ Филиппъ.

5. Толычева, Т. Св. Стефанъ Пермскій. Изд. Ком. нар. чтеній. Изд. 2-е.

6. Начало христіанства на Руси. Изд. Ком. нар. чтен.

7. Роговъ, П. Разсказы изъ отечественной исторіи. Татарскій погромъ и святый Александръ благовѣрный.

8. Рождественскій, С. О Петрѣ Великомъ. 2 чтенія Изд. Ком. нар. чтен.

9. Толычева, Т. Троице-Сергіева лавра. Историческій очеркъ. Изд. 2-е.

10. Шалфеевъ, И. Двѣнадцатый годъ. Три чтенія для народа. Изд. 3-е.

11. Филоновъ, А. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Изд. Ком. нар. чтен.

12. Коваленская, А. Крутиковъ. Разсказъ. Изд. 3-е.

13. Пушкинъ, А. Полтава. (Въ сокращеніи и пересказѣ). Изд. Ком. народ. чтен.

14. Пушкинъ, А. Капитанская дочка. Повѣсть (Приспособлена къ чтенію въ народ. аудиторіяхъ). Изд. Ком. нар. чтен.

15. Толстой. А. гр. Кавказскій плѣнникъ.

16. Гаршинъ. Сигналъ.

17. Сѣткова, А. (Катенькинъ) Старикъ Никита и его три дочери. Изд. Ком. нар. чтен.

18. Богдановъ, М. Мірскіе захребетники. Очерки изъ быта животныхъ, селящихся около человѣка.

19. Медеръ, Н. Отчего бываетъ день и ночь, весна, лѣто, осень и зима. Изд. 2-е. 2) О томъ какого вида земля и какъ она велика. Изд. 2-е.

20. Острогорскій. М. Общая воинская повинность. Чтеніе для народа.

Представляя вниманію собранія этотъ принятый и училищнымъ совѣтомъ, списокъ, управа считала необходимымъ оговориться; что— „программа эта, какъ первый опытъ, результаты котораго еще не могутъ представляться вполнѣ опредѣленными, не должна быть обязательной въ строгомъ смыслѣ, а скорѣе должна считаться примѣрной; преподаватели могутъ измѣнять и добавлять ее въ предѣлахъ Министерскаго каталога брошюръ, разрѣшенныхъ къ чтенію въ народныхъ аудиторіяхъ. Но при этомъ они должны затѣмъ въ отчетѣ о чтеніяхъ за 1898—9 учебный годъ указать тѣ соображенія, по которымъ они уклонились отъ установленной программы. Потомъ, говорила управа, когда накопится достаточно мѣстнаго опыта въ этомъ дѣлѣ, управа надѣется путемъ совѣщанія съ училищнымъ совѣтомъ и съ преподавательскимъ персоналомъ, а также съ врачами (въ той части, которая касается распространенія гигіеническихъ и вообще медицинскихъ знаній въ народѣ) выработать общую для всего уѣзда программу чтеній съ большей увѣренностью относительно примѣнимости ея, къ мѣстнымъ условіямъ“.

Затѣмъ цитируемымъ докладомъ отмѣчалось, что пріобрѣтенныя— „картины и брошюры, по мнѣнію управы, должны разсылаться по очереди, которая будетъ установлена управою, лишь въ тѣ училища, гдѣ будутъ имѣться фонари, пріобрѣтенныя на мѣстныя средства: пожертвованія попечителей училищъ и т. п. Взять на земскій счетъ пріобрѣтеніе фонарей для всѣхъ школъ уѣзда управа, въ виду неустановившагося положенія чтеній и результатовъ ихъ для мѣстнаго населенія, считала съ своей стороны, преждевременнымъ, тѣмъ болѣе, что это вызвало бы довольно значительный расходъ отъ 2 до 3 тысячъ рублей. Но для цѣлей демонстраціи и въ запасъ на случай поврежденія фонарей, пріобрѣтенныхъ на мѣстныя средства, управа полагала необходимымъ имѣть въ своемъ распоряженіи одинъ типичный фонарь, по отношенію къ размѣрамъ и устройству котораго и должны быть изготовлены картины для разсылки по уѣзду“.

Въ заключеніе своего доклада управа предлагала, и предложенія эти были приняты уѣзднымъ собраніемъ:

1. Установить минимумъ чтеній на 1898—9 учебный годъ въ 5 разъ, не дѣлая однако этого минимума, въ виду новости и неполной организованности дѣла, обязательнымъ въ строгомъ смыслѣ;

и 2) ассигновать на устройство и веденіе чтеній въ уѣздѣ, согласно приведеннымъ въ докладѣ основаніямъ, 300 р, и ходатайствовать передъ губернскимъ земствомъ о назначеніи на этотъ предметъ такой же суммы.

Въ слѣдующемъ—1899 году на устройство народныхъ чтеній и на оплату труда лекторовъ ассигновано было изъ уѣздныхъ средствъ 520 руб.

Въ настоящее время въ складѣ при уѣздной управѣ,—какъ это видно изъ сообщенія ея,—имѣется 670 картинъ для 58 чтеній, изъ которыхъ 10—религіозно-нравственнаго содержанія, 6—по русской исторіи, 8—по географіи, 4—естественно-научнаго содержанія, 1—біографическаго и 29—беллетристическаго содержанія. Матеріаломъ этимъ пользовались въ минувшемъ году семь сельскихъ школъ, имѣвшихъ собственные фонари, пріобрѣтеніе которыхъ, какъ сказано было выше, предоставлено здѣсь иниціативѣ частныхъ лицъ и главнымъ образомъ попечителей школъ.

Въ *Коломенскомъ* уѣздѣ вопросъ о возможно широкой постановкѣ народныхъ чтеній возникъ очень недавно. Въ докладѣ собранію 1898 года, когда народныя чтенія велись только въ четырехъ школахъ уѣзда, управа обращала вниманіе собранія на то, что—„мѣстное населеніе проявило весьма большой интересъ къ чтеніямъ. Въ классныхъ комнатахъ, служившихъ аудиторіями, къ началу чтеній собиралось столько слушателей, что не было возможности устраивать сколько нибудь сносную вентиляцію. Волшебный фонарь приходилось помѣщать въ прихожей комнатѣ, впуская въ нее свѣжій воздухъ изъ наружной двери, иначе лампа фонаря горѣла такъ тускло, что картины на экранѣ выходили неясными. Несмотря на столь большое количество допущенныхъ въ аудиторію слушателей, многіе изъ желающихъ, которые пришли позднѣе другихъ, оставались за дверями, мѣшая производству чтеній стукомъ и громкими жалобами на недопущеніе. Особенно ощутительнымъ оказывался недостатокъ помѣщенія въ Сандыревскомъ училищѣ. Для устраненія безпорядковъ, возникавшихъ вслѣдствіе тѣсноты, преподавательницы Сандыревскаго училища стали разсылать обывателямъ билеты на чтеніе въ опредѣленномъ количествѣ (140—150), а тѣхъ лицъ, которыя являлись на чтеніе безъ билетовъ, приглашали дождаться повторенія чтенія въ тотъ же вечеръ. Такимъ образомъ послѣднія три чтенія въ Сандыревскомъ училищѣ производились по два раза въ одинъ вечеръ и каждый разъ при полной аудиторіи“.

— „Тотъ живой интересъ, говоритъ далѣе управа, который возбуждаютъ такія чтенія въ населеніи, указываетъ на необходимость насколько возможно расширить это дѣло", и управа предлагала ассигновать на этотъ предметъ 500 руб.

Въ докладѣ своемъ собранію слѣдующаго года управа сообщала, что на отпущенныя средства ею пріобрѣтены два фонаря (до этого школы располагали четырьмя фонарями) и 500 картинъ, и при этомъ— „принимая во вниманіе пользу чтеній со свѣтовыми картинами и тотъ интересъ, который они возбуждаютъ въ населеніи, управа высказывалась за то, чтобы подобныя чтенія были при всѣхъ школахъ уѣзда, а такъ какъ наличное количество фонарей и выписанныхъ картинъ слишкомъ недостаточно для того, чтобы чтенія производились съ надлежащей правильностью по всѣмъ школамъ, то управа, съ своей стороны, предлагала собранію, буде оно также признаетъ желательнымъ осуществленіе устройства чтеній съ свѣтовыми картинами по всѣмъ школамъ, ассигновать для пріобрѣтенія 5 фонарей и тѣневыхъ картинъ 600 рублей и на вознагражденіе руководителей чтеній 100 р., всего 700 рублей.

Въ 1900 году, какъ объ этомъ сообщаетъ уѣздная управа, народныя чтенія велись въ 34 школахъ. На средства, отпущенныя уѣзднымъ и губернскимъ земствами. Коломенскою управою пріобрѣтено 32 фонаря и 1766 картинъ, иллюстрирующихъ 112 брошюръ и книгъ, предназначенныхъ для чтеній: въ частности къ отдѣлу религіозно-нравственному должны быть отнесены 33 брошюры (511 картинъ), къ отдѣлу историческому—30 брошюръ (574 картины), географическому—11 брошюръ (260 картинъ), популярно-научному—7 брошюръ (107 картинъ) и къ отдѣлу беллетристическому—32 брошюры и книги, иллюстрируемыя 314 картинами.

По *Можайскому* уѣзду свѣдѣнія объ устройствѣ народныхъ чтеній представляются лишь докладомъ земской Управы за 1898 г. Въ докладѣ этотъ управа сообщаетъ, что—„въ истекшемъ учебномъ году въ Ильинско-слободской и въ Ямско-слободской школахъ производились чтенія съ туманными картинами, въ Ельнинской школѣ показывались лишь картины, а въ Глазовской были производимы чтенія безъ картинъ; устройство народныхъ чтеній въ школахъ Ильинской, Ямской и Глазовской разрѣшено и. д. судебнаго слѣдователя по Можайскому уѣзду С. М. Ладыженскому подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и отвѣтственностью мѣстныхъ приходскихъ священниковъ. Г. Ладыженскій увѣдомилъ Управу, что по 11-е марта произведено въ вышеозначенныхъ школахъ по 8 чтеній въ каждой и далѣе таковыя производятся еженедѣльно по 1 разу въ школѣ: на чтенія эти, въ особенности

въ Ильинской и Ямской школахъ, собирается по нѣсколько сотъ человѣкъ, какъ учениковъ, такъ и постороннихъ дѣтей и взрослыхъ".

Какъ видимъ, въ Можайскомъ уѣздѣ дѣло устройства народныхъ чтеній предоставлено иниціативѣ частныхъ лицъ, земство же никакого участія въ организаціи народныхъ чтеній не принимаетъ.

Въ *Подольскомъ* уѣздѣ вопросъ о возможно широкой постановкѣ дѣла народныхъ чтеній возбужденъ былъ докладами уѣздной управы собраніямъ 1897—1898 г.г. Въ докладѣ послѣднему изъ этихъ собраній, указывая тѣ школы, гдѣ народныя чтенія уже велись, благодаря частной иниціативѣ, и обращая вниманіе собранія на тотъ успѣхъ, который имѣли чтенія въ этихъ училищахъ, управа отмѣчала, что въ своемъ прошлогодномъ докладѣ земскому собранію ею предлагался на разсмотрѣніе собранія слѣдующій проектъ организаціи народныхъ чтеній:

„Предполагалось, въ виду недостаточности средствъ, пріобрѣсти на первое время всего лишь 7 фонарей и 14 коллекцій къ нимъ свѣтовыхъ картинъ: 7 коллекцій къ брошюрамъ религіозно-нравственнаго и историческаго содержанія и 7 къ брошюрамъ бытового, географическаго и научно-популярнаго содержанія. Подборъ чтеній, а также окончательное опредѣленіе деталей организаціи народныхъ чтеній управа полагала выработать при ближайшемъ участіи преподавательскаго и врачебнаго персоналовъ своего уѣзда. Эти 7 фонарей съ распредѣленными при нихъ коллекціями свѣтовыхъ картинъ (при каждомъ фонарѣ 2 чтенія—религіозно-нравственное или историческое и бытовое, географическое или популярно-научное) и предназначались циркулировать по земскимъ школамъ уѣзда. Съ этой цѣлью всѣ земскія школы предполагалось раздѣлить на 7 группъ (по числу фонарей), по 5 школъ въ каждой группѣ. Въ каждую изъ группъ предполагалось отправить по 1 фонарю съ 2 при немъ чтеніями. Согласно составленному заранѣе расписанію, фонарь съ чтеніями предназначался переходить изъ одной школы въ другую своей группы; при чемъ срокъ для пребыванія фонаря въ каждой школѣ опредѣлялся такимъ образомъ, чтобы фонарь могъ быть въ школѣ лишь одинъ праздничный день. Когда фонарь обойдетъ всѣ 5 школъ своей группы, онъ переправляется, также согласно расписанію, въ одну изъ другихъ группъ, изъ которой къ этому времени циркулировавшій тамъ другой фонарь перейдетъ уже въ третью группу и т. д. Такимъ образомъ, каждый изъ 7 фонарей въ теченіе учебнаго года успѣлъ бы побывать въ каждой изъ 35 школъ; и, слѣдовательно, въ каждой школѣ прочитаны бы были всѣ 14 брошюръ".

Затѣмъ докладомъ управы отмѣчается, что собраніе 1897 года—

„признало въ принципѣ желательнымъ заведеніе въ уѣздѣ народныхъ чтеній, поручило управѣ возбудить сначала ходатайство въ установленномъ порядкѣ о разрѣшеніи въ уѣздѣ народныхъ чтеній, а затѣмъ уже входить въ собраніе съ предположеніемъ объ ассигнованіи суммъ на эти предметы. Ходатайство земской управы было возбуждено, и по этому поводу директоромъ народныхъ училищъ г. Новицкимъ сообщено было училищному совѣту, что подъ наблюденіемъ и отвѣтственностью священниковъ-законоучителей народныя чтенія по установленной программѣ могутъ быть производимы въ школахъ [1]) и безъ особаго на то разрѣшенія. Въ виду этого управа находила нужнымъ повторить свое прошлогоднее ходатайство предъ земскимъ собраніемъ объ ассигнованіи на пробную организацію въ уѣздѣ народныхъ чтеній суммы въ 200 руб. При этомъ планъ организаціи народныхъ чтеній въ уѣздѣ управа полагала выработать сообща съ врачебнымъ и преподавательскимъ персоналами своего уѣзда".

Изъ доклада управы слѣдующему очередному земскому собранію видно, что на отпущенные 200 руб. пріобрѣтены были 2 волшебныхъ фонаря и 33 серіи прозрачныхъ картинъ.—„Чтобъ правильно поставить дѣло народныхъ чтеній съ волшебнымъ фонаремъ и прозрачными картинами,—говоритъ управа въ цитируемомъ докладѣ,—вопросъ объ организаціи таковыхъ чтеній былъ подвергнутъ обсужденію совмѣстно съ преподавательскимъ персоналомъ на совѣщаніи 21 декабря прошедшаго года. Предварительно управой были выработаны вопросные пункты, касающіеся организаціи народныхъ чтеній, и разосланы преподавателямъ. Вмѣстѣ съ „вопросными листами объ организаціи народныхъ чтеній" посланъ былъ также и выработанный управой „Систематическій каталогъ брошюръ для народныхъ чтеній", составленный съ подраздѣленіемъ на отдѣлы по каталогу книгъ, разрѣшенныхъ Мин. Нар. Пр. для народныхъ чтеній. На совѣщаніи всѣ преподаватели высказались за организацію при школахъ народныхъ чтеній, но непремѣнно съ волшебными фонарями и картинами. Многіе изъ законоучителей выразили согласіе немедленно же испросить разрѣшеніе на веденіе чтеній въ школахъ у своего епархіальнаго начальства, такъ какъ на ходатайство управы о разрѣшеніи чтеній при школахъ, возбужденное передъ Мин. Нар. Просв. (черезъ директора народныхъ учплищъ) еще въ іюлѣ мѣсяцѣ 1898 г., до сихъ поръ, т. е. до времени открытія собранія 1899 года, не было получено никакого отвѣта".

Касаясь далѣе вопроса о желательной систематичности народныхъ

---

[1]) Очевидно имѣлись въ виду чтенія, устраиваемыя главнымъ образомъ для учениковъ.

чтеній, управа отмѣчала своимъ докладомъ, что—„невозможность вести правильно, систематически чтенія съ волшебнымъ фонаремъ вслѣдствіе затрудненія доставать во-время нужныя къ чтенію картины заставила всѣхъ лицъ, участвующихъ въ организаціи народныхъ чтеній при земскихъ школахъ, обратиться къ управѣ съ ходатайствомъ пріобрѣсти необходимое количество свѣтовыхъ картинъ къ чтеніямъ, намѣченнымъ въ „Систематическомъ каталогѣ для народныхъ чтеній". Въ виду этого управа —съ одной стороны, принимая во вниманіе, что дѣло народныхъ чтеній сильно двинулось впередъ за этотъ годъ, и что въ будущемъ году вести народныя чтенія высказали желаніе преподаватели 30 земскихъ школъ, съ другой же,—признавая, что это симпатичное дѣло можетъ развиваться только при ближайшемъ участіи земства",—предлагала собранію:

„1) ассигновать на пріобрѣтеніе 3-хъ волшебныхъ фонарей 100 р. и свѣтовыхъ картинъ 150 руб.

2) ассигновать на оплату труда законоучителей и учителей по производству чтеній по расчету 25 коп. за чтеніе каждому (при условіи произвести не менѣе 10 чтеній), что составитъ на 30 школъ за 15 чтеній (въ среднемъ) въ каждой—225 руб.

3) ходатайствовать передъ губернскимъ собраніемъ объ ассигнованіи такой же суммы на фонари, картины и оплату чтеній т. е. 475 р. что дастъ возможность пріобрѣсти большее количество .волшебныхъ фонарей и свѣтовыхъ картинъ и оплачивать трудъ по чтенію по 50 к. за каждое чтеніе, произнесенное каждымъ изъ преподавателей".

Просимыя средства были ассигнованы и въ настоящее время уѣздная управа располагаетъ складомъ картинъ въ количествѣ 661, которыя иллюстрируютъ 39 чтеній (темъ), изъ которыхъ 12 духовно-нравственнаго содержанія, 10—по предмету исторіи, 5—по географіи, 3 — обще-научнаго содержанія и 9 — беллетристическаго. Фонарей имѣется пока только два, но предполагается пріобрѣсть еще семь, такъ какъ по словамъ уѣздной управы—„въ виду имѣющагося незначительнаго количества фонарей правильная организація передачи ихъ по школамъ невозможна".

Въ *Рузскомъ* уѣздѣ собственно народныхъ чтеній не устраивается. Тѣ чтенія, которыя, сопровождаясь показываніемъ туманныхъ картинъ, ведутся во всѣхъ школахъ даннаго уѣзда,—устраиваются собственно для учащихся, но такъ какъ на такія чтенія допускаются и лица, сопровождающія дѣтей, то чтенія эти, не безъ нѣкотораго основанія, и называются здѣсь иногда „народными чтеніями".

Для устройства такихъ чтеній имѣются 3 фонаря съ 120 картинами, изъ которыхъ нѣкоторыя иллюстрируютъ разсказы изъ исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта, а остальныя—5 темъ изъ исторіи и 8 бел-

летристическихъ произведеній. Передача фонарей между школами—какъ объ этомъ сообщаетъ уѣздная управа—„производится по маршруту, составленному управою“, при чемъ вмѣстѣ съ фонаремъ пересылается особый журналъ, въ которомъ учителями дѣлаются отмѣтки о времени полученія фонаря, о томъ,—что именно читалось и т. д.; журналъ этотъ снабженъ особой инструкціей, которою сообщаются способъ и условія пользованія фонаремъ и картинами; между прочимъ въ инструкціи этой указывается, что—„фонарь долженъ пробыть въ каждомъ училищѣ не болѣе 3—4 дней“, что—„чтенія открываются показываніемъ картинъ религіознаго содержанія, послѣ чего, передъ свѣтскимъ чтеніемъ дѣлается перерывъ“; заканчивается же каждый день чтеній, согласно инструкціи,—показываніемъ царскихъ портретовъ; инструкціею отмѣчается, что—„въ концѣ чтенія можно снова вставлять картины, при чемъ законоучитель и учитель могутъ спрашивать учениковъ,—что извѣстной картиной изображается“, что—„объясненіе картинъ желательно давать возможно полное, разностороннее“, инструкція высказываетъ пожеланіе,—„чтобы объясненія по священной исторіи давались законоучителемъ школы“—и т. д.

Въ *Серпуховскомъ* уѣздѣ вопросъ объ устройствѣ народныхъ чтеній впервые былъ возбужденъ въ 1891 году, когда уѣздною земскою управою представлено было земскому собранію заявленіе учителя г. Ремизова, ходатайствовавшаго объ организаціи народныхъ чтеній, которыя могутъ служить—„однимъ изъ главнѣйшихъ и наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ, способствующихъ учителю вліять не только на учащихся, но и на самихъ родителей, на всю массу взрослаго люда“.

„Простая задушевная бесѣда и вразумительное чтеніе о томъ, напримѣръ, какъ устроенъ міръ Божій, какіе люди живутъ, гдѣ и чѣмъ занимаются, каково наше государство, какія богатства есть въ нашей землѣ и какъ ими пользоваться и проч., безъ сомнѣнія вызовутъ самый живой интересъ среди слушателей-крестьянъ. Я,—говорилъ въ цитируемомъ заявленіи г. Ремизовъ,—не упоминаю здѣсь о бесѣдахъ чисто религіозныхъ и о томъ впечатлѣніи, какое произведутъ священно-историческіе разсказы, сопровождаемые картинами, а гдѣ можно, — и пѣніемъ приличныхъ случаю молитвъ и церковныхъ пѣснопѣній. Такимъ образомъ,—говоритъ г. Ремизовъ,—школа будетъ привлекать не учениковъ только, но и все населеніе и симпатіи народа къ школѣ обезпечатся. Народъ увидитъ и узнаетъ школу такою, какою она должна быть по самой идеѣ своей. Посредствомъ народныхъ чтеній и бесѣдъ, связанныхъ съ чтеніемъ, школа будетъ давать имъ всѣ знанія въ предѣлахъ надобности, будетъ разрѣшать ихъ недоумѣнія, изъ каждаго чтенія они унесутъ массу добрыхъ впечатлѣній и живыхъ образовъ дѣятелей на благо человѣчества“. Г. Ремизовъ полагалъ, что—„эти бе-

сѣды и чтенія, безъ сомнѣнія, сблизятъ учителя съ населеніемъ, которое часто смотритъ на него какъ на барина, не имѣющаго ничего общаго съ народомъ его окружающимъ, нужнаго лишь ребятамъ, а больше-де ему ни до кого, ни до чего и дѣла нѣтъ. Даже удивляются, если учитель возьмется работать лопатой и граблями, или выскажетъ нѣсколько практическихъ познаній въ сферѣ крестьянскаго хозяйства и быта. Ставъ ближе, они поняли бы истинное значеніе учителя, какъ органа, имѣющаго назначеніе вносить въ народъ истинно доброе, истинно полезное,—непосредственно въ народъ, а не въ однихъ только учениковъ, дѣтское сердце которыхъ такъ воспріимчиво и такъ еще ненадежно, слабо"...

Земская управа, вполнѣ сочувствуя взглядамъ г. Ремизова, но не имѣя данныхъ для того, чтобы высказаться положительно по возбуждаемому вопросу, предложила собранію—„поручить ей собрать обстоятельныя свѣдѣнія по данному вопросу и представить ихъ на разсмотрѣніе будущаго земскаго собранія".

Свѣдѣнія эти были собраны и привели уѣздную управу къ заключенію, что при дѣйствующихъ правилахъ относительно устройства народныхъ чтеній, которыя могутъ вестись — „исключительно лицами духовнаго сана съ разрѣшенія епархіальнаго начальства", уѣздная управа,—„къ искреннему сожалѣнію не видитъ возможности удовлетворить ходатайство учителя Ремизова". (Докл. упр. 1892 г.).

Въ слѣдующемъ однако году вопросъ объ участіи уѣзднаго земства въ устройствѣ народныхъ чтеній опять былъ возбужденъ въ земскомъ собраніи, которымъ и было постановлено: внести въ смѣту расходовъ 100 руб. на пріобрѣтеніе двухъ волшебныхъ фонарей съ картинами и возбудить предъ губернскимъ земствомъ ходатайство о томъ,—„не признаетъ ли оно возможнымъ съ своей стороны притти на помощь уѣздамъ въ болѣе правильной постановкѣ этого дѣла".

Въ слѣдующіе годы, по 1898—на устройство народныхъ чтеній земскими собраніями, по предложенію управы, вносилось по 100 руб., а въ послѣдніе два года—по 300, при чемъ на средства эти, какъ объ этомъ сообщаетъ уѣздная управа, были пріобрѣтены 923 картины и 15 волшебныхъ фонарей.

Какъ видимъ изъ изложеннаго въ настоящей главѣ,—изъ 13 уѣздовъ Московской губерніи—только въ одномъ дѣло народныхъ чтеній не выдѣлено въ особую организацію и является такимъ условіемъ собственно учебно-школьнаго дѣла, которое такъ же, какъ, напримѣръ, школьныя библіотеки, служитъ главнымъ образомъ учащимся и только отчасти—взрослымъ.

Изъ числа остальныхъ 12 уѣздовъ, гдѣ народныя чтенія служатъ одинаково—какъ школьникамъ, такъ и взрослымъ, или даже этимъ послѣднимъ—болѣе, чѣмъ первымъ,—только въ 2 уѣздахъ устройство народныхъ чтеній предоставлено всецѣло частной иниціативѣ; въ остальныхъ же 10 уѣздахъ дѣло организаціи народныхъ чтеній поставлено въ число задачъ, принятыхъ на себя уѣздными земствами.

Это послѣднее обстоятельство, если имѣть въ виду постановку дѣла народныхъ чтеній въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ, заставляетъ причислить Московскую губернію къ числу тѣхъ, гдѣ центръ дѣятельности въ данной области не одинъ на всю губернію, гдѣ устройство народныхъ чтеній зависитъ не исключительно отъ губернскаго земства, а каждый уѣздъ ведетъ дѣло народныхъ чтеній за свой рискъ и страхъ, губернское же земство приходитъ только на помощь въ этомъ дѣлѣ земствамъ уѣзднымъ.

Въ виду того, что помощь губернскаго земства имѣетъ существенное значеніе въ дѣлѣ развитія народныхъ чтеній, не лишнимъ полагаемъ представить въ настоящей главѣ нѣкоторыя свѣдѣнія и относительно того,—въ какихъ формахъ и какихъ размѣрахъ выражается такая помощь губернскаго земства уѣзднымъ.

Вопросъ объ участіи губернскаго земства въ дѣлѣ устройства народныхъ чтеній впервые былъ возбужденъ,—какъ это уже отмѣчалось, Серпуховскимъ земскимъ собраніемъ 1893 года, затѣмъ въ 1895—1897 гг. земства Бронницкое, Звенигородское и Клинское обращались къ губернскому земству за содѣйствіемъ въ этой области народнаго образованія и просили его поддержать ихъ ходатайства объ измѣненіи дѣйствующихъ правилъ о публичныхъ чтеніяхъ.

Ходатайства эти переданы были губернскимъ земскимъ собраніемъ на предварительное разсмотрѣніе особаго совѣщанія по вопросамъ народнаго образованія и совѣщанію этому представленъ былъ В. П. Вахтеровымъ докладъ—„о содѣйствіи къ устройству народныхъ чтеній съ туманными картинами“. Заключенія совѣщанія по этому докладу представлены были губернскому земскому собранію 1897 года и вызвали слѣдующія его постановленія:

1) Въ цѣляхъ упрощенія дѣйствующаго нынѣ порядка разрѣшенія народныхъ чтеній возбудить ходатайство предъ правительствомъ: а) чтобы въ разъясненіе существующихъ узаконеній, законоучителю и учителю начальныхъ училищъ предоставлено было вести въ стѣнахъ школы бесѣды и чтенія для народа, по примѣру Виленскаго учебнаго округа, лишь съ вѣдома ближайшаго начальника, т.-е. инспектора народныхъ училищъ—для казенныхъ училищъ и училищнаго совѣта—для школъ, существующихъ на основаніи положенія 1874 года; б) чтобы народныя чтенія въ городахъ и селеніяхъ Московской губерніи по прось-

бамъ частныхъ лицъ, частныхъ обществъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, обществъ и попечительствъ трезвости и т. п. по книжкамъ, одобреннымъ для этой цѣли, разрѣшались властью начальника губерніи, при чемъ наблюденія за чтеніями могло бы быть возлагаемо, напр.: на мѣстныхъ священниковъ, преподавателей, членовъ училищныхъ совѣтовъ, попечителей школъ и т. п., по усмотрѣнію губернаторовъ.

2) Возбудить ходатайство передъ Его Высокопреосвященствомъ Митрополитомъ Московскимъ, чтобы имъ было оказано Московскому губернскому земству содѣйствіе къ устройству народныхъ чтеній въ земскихъ школахъ распоряженіемъ о принятіи участія въ сказанныхъ чтеніяхъ со стороны законоучителей земскихъ школъ.

3) Имѣя въ виду, что крайняя бѣдность каталога книгъ, одобренныхъ для народныхъ чтеній, обусловливаетъ однообразіе чтеній, приводитъ къ необходимости ежегодно повторять одни и тѣ же чтенія, ослабляя тѣмъ самымъ интересъ къ нимъ со стороны сельскаго населенія,—возбудить ходатайство о томъ, чтобы книги, одобренныя для безплатныхъ народныхъ библіотекъ-читаленъ, устраиваемыхъ по правиламъ 15 мая 1890 года, были допущены къ произнесенію въ народныхъ аудиторіяхъ.

4) Установить, что въ цѣляхъ содѣйствія болѣе широкому распространенію народныхъ чтеній въ губерніи, губернское земство приходитъ на помощь уѣзднымъ земствамъ принятіемъ на губернскій счетъ половины расходовъ за вознагражденіе лицъ, производящихъ чтеніе (съ туманными картинами или безъ нихъ), въ размѣрѣ не свыше 1 р. за каждое чтеніе, распредѣляемаго поровну между законоучителемъ и учителемъ, и пріобрѣтеніе поуѣздныхъ коллекцій картинъ для волшебныхъ фонарей.

5) Признать желательнымъ, чтобы чтенія (съ туманными картинами и безъ нихъ) велись систематично по извѣстной программѣ, утвержденной училищными совѣтами, и въ количествѣ не менѣе извѣстнаго минимума, опредѣляемаго для каждаго уѣзда земскимъ собраніемъ по соглашенію съ мѣстнымъ училищнымъ совѣтомъ.

6) Внести въ губернскую смѣту расходовъ 1898 года на оплату расходовъ—1500 руб.

Пользуясь затѣмъ журналомъ слѣдующаго губернскаго земскаго собранія 1898 года,—можно видѣть, что въ отвѣтъ на представленныя, согласно указаннымъ постановленіямъ, ходатайства въ февралѣ 1898 года поступило—„предложеніе г. Московскаго губернатора о томъ, что въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія образована особая комиссія для разработки болѣе упрощеннаго порядка разрѣшенія народныхъ чтеній, въ виду чего г. Министръ Народнаго Просвѣщенія просилъ увѣдомить,—настаиваетъ ли московское губернское земство на немедлен-

номъ разрѣшеніи его прошлогодняго ходатайства"; при этомъ членъ губернской земской управы отъ имени этой послѣдней предложилъ собранію – „увѣдомить Министерство, что земство не настаиваетъ на немедленномъ разрѣшеніи ходатайства; собраніе единогласно согласилось съ предложеніемъ управы".

Затѣмъ по вопросу объ участіи губернскаго земства въ устройствѣ народныхъ чтеній собраніемъ 1898 года было постановлено: „1) выдать пособія отъ губернскаго земства уѣзднымъ на пріобрѣтеніе волшебныхъ фонарей въ половинномъ размѣрѣ; и 2) внести въ смѣту расходовъ на 1899 г. на пріобрѣтеніе волшебныхъ фонарей и картинъ къ нимъ и на оплату лицъ, которыя будутъ вести чтенія 3000 рублей".

Наконецъ губернскимъ земскимъ собраніемъ сессіи 1899 года по этой статьѣ расходовъ ассигновано было, согласно предложенію губернской управы, 5640 рублей.

III.

Въ предыдущей главѣ настоящаго очерка представлены были тѣ свѣдѣнія о народныхъ чтеніяхъ въ Московской губерніи, которыя даются соотвѣтствующими докладами уѣздныхъ земскихъ управъ; болѣе детальныхъ свѣдѣній матеріалъ этотъ не даетъ (за исключеніемъ, впрочемъ докладовъ Московской уѣздной земской управы) и за полученіемъ ихъ статистическому отдѣленію губернской управы пришлось обратиться съ рядомъ вопросовъ относительно народныхъ чтеній непосредственно къ лицамъ, ведшимъ такія чтенія въ 1898—99 учебномъ году.

Полученныя такимъ путемъ данныя позволяютъ существеннымъ образомъ пополнить имѣющійся матеріалъ и представить прежде всего свѣдѣнія о томъ, во сколькихъ земскихъ школахъ велись народныя чтенія въ минувшемъ году и въ ряду предшествующихъ лѣтъ по каждому уѣзду, принявши въ расчетъ и тѣ школы, чтенія въ которыхъ были организованы не только земствомъ, но и частными лицами (попечителями школъ, членами училищныхъ совѣтовъ и т. д.). Такого рода свѣдѣнія представляются слѣдующею таблицею:

Въ какомъ числѣ школъ велись народныя чтенія за учебные годы послѣдняго десятилѣтія:

По уѣздамъ:	1889/90	1890/1	1891/2	1892/3	1893/4	1894/5	1895/6	1896/7	1897/8	1898/9	Общее число зем. школъ въ 1898/9 г.
Богородскому.....	—	2	—	—	1	3	3	4	6	11	68
Бронницкому.....	1	—	1	1	5	11	11	13	13	12	64
Верейскому.....	—	—	—	—	2	1	5	3	5	6	40
Волоколамскому ...	—	—	—	—	2	2	2	2	14	6	50
Дмитровскому.....	2	—	—	1	4	5	2	2	3	6	54
Звенигородскому...	1	1	2	2	6	9	8	11	18	44	52
Клинскому.....	2	1	1	—	—	2	7	7	5	7	46
Коломенскому.....	2	1	1	2	4	4	2	2	4	4	60
Можайскому.....	—	—	—	—	1	2	—	2	2	5	26
Московскому.....	58	58	62	64	63	58	53	65	84	96	104
Подольскому.....	—	—	—	—	3	1	1	6	12	16	48
Рузскому.....	1	—	—	1	1	25	27	32	—	32	41
Серпуховскому	4	—	—	2	—	9	10	13	16	15	64
По губерніи ..	71	63	67	73	92	132	131	162	182	260	717

Изъ таблицы этой видно, что только въ одномъ Московскомъ уѣздѣ народныя чтенія велись въ значительномъ большинствѣ школъ за всѣ годы минувшаго десятилѣтія; въ остальныхъ уѣздахъ число такихъ школъ, въ которыхъ устраивались народныя чтенія, начинаетъ замѣтно увеличиваться съ 1894 года. Въ послѣднемъ 1899 году народныя чтенія велись во всѣхъ уѣздахъ, причемъ въ уѣздахъ Московскомъ, Звенигородскомъ и Рузскомъ такія чтенія устраивались почти во всѣхъ земскихъ школахъ.

Пользуясь имѣющимися сообщеніями можно видѣть, что въ большинствѣ тѣхъ школъ, гдѣ устраивались народныя чтенія (болѣе 80% общаго числа ихъ), они велись исключительно преподавательскимъ персоналомъ этихъ школъ, при чемъ законоучителями велись бесѣды или читались исторіи и разсказы духовно-нравственнаго содержанія, а учителями и учительницами—разсказы беллетристическіе или популярно-научные; только въ очень немногихъ школахъ въ устройствѣ народныхъ чтеній принимали участіе лица, не входящія въ составъ преподавателей этихъ школъ, какъ напримѣръ—попечители и попечительницы, учителя ближайшихъ школъ, врачи, представители мѣстной интеллигенціи и т. д. Слѣдуетъ однако замѣтить, что участіе постороннихъ лицъ, т.-е. лицъ, не принадлежащихъ къ преподавательскому

персоналу, даже въ этихъ послѣднихъ школахъ, проявлялось довольно слабо и участвовали они обыкновенно далеко не во всѣхъ чтеніяхъ.

Въ тѣхъ же школахъ, гдѣ въ составѣ преподавателей насчитывается, кромѣ законоучителя, два или три учителя, и гдѣ въ устройствѣ народныхъ чтеній постороннія лица участія не принимали, въ такихъ школахъ трудъ по устройству чтеній распредѣлялся между лицами преподавательскаго персонала самымъ разнообразнымъ способомъ. Вотъ, напримѣръ, какіе отвѣты по настоящему вопросу даны преподавателями такихъ школъ:

„Кромѣ законоучителя принимали участіе обѣ учительницы; трудъ ихъ распредѣлялся такъ: одна читала, другая управляла фонаремъ; во время же чтеній духовно-нравственнаго содержанія одна изъ учительницъ наблюдала за порядкомъ и тишиной между слушателями".

„Кромѣ законоучителя, участіе въ веденіи чтеній принимали на себя учитель и учительница. Учитель, обыкновенно, приготовлялся къ чтеніямъ, подыскивалъ статьи и дозволенныя для чтеній книги и объяснялъ картины. Учительница слѣдила за внѣшнею стороною чтеній, слѣдила за порядкомъ, мѣняла картины и проч. Лица, не принадлежащія къ составу учительскаго персонала нашей школы, участія въ чтеніяхъ не принимали. Вообще въ школахъ даннаго уѣзда (Московскаго) мало практикуется участіе въ чтеніяхъ врачей и другихъ постороннихъ лицъ".

„Мѣстный священникъ читалъ безъ картинъ статьи духовно-нравственнаго содержанія; учитель—готовилъ все необходимое къ чтенію и читалъ разсказы, присланные изъ уѣздной управы; учительница демонстрировала картины".

„Законоучитель въ большинствѣ чтеній не участвовалъ, а только присутствовалъ; изъ двухъ преподавателей—одинъ читалъ, другой былъ у фонаря".

„Участіе въ народныхъ чтеніяхъ, кромѣ законоучителя, принимали обѣ учительницы. Трудъ ихъ распредѣлялся такимъ образомъ: иногда читала вторая учительница (законоучитель читаетъ почти всегда), а старшая учительница завѣдывала фонаремъ и объясняла картины".

„Въ чтеніи участвовали—законоучитель и три учителя; одинъ изъ преподавателей читалъ, другой перемѣнялъ картины, а третій слѣдилъ за поведеніемъ слушателей".

„Кромѣ законоучителя въ минувшемъ учебномъ году никто участія въ чтеніяхъ не принималъ. Трудъ веденія чтеній распредѣлялся такъ: законоучитель ведетъ чтеніе, учитель или учительница управляютъ фонаремъ и объясняютъ картины и одинъ изъ нихъ наблюдаетъ за поведеніемъ публики".

„Кромѣ законоучителя въ минувшемъ учебномъ году принимали участіе въ веденіи народныхъ чтеній учитель и помощница учителя, распредѣляя между собою трудъ такимъ образомъ: если чтеніе касается двухъ различныхъ темъ, то учитель излагаетъ содержаніе одной, а помощница—другой темы. Если же тема чтенія по своему содержанію слишкомъ обширна, то первую половину содержанія прочитываетъ учитель, а вторую—помощница учителя“ и т. д.

Наконецъ нѣкоторые преподаватели сообщаютъ, что въ чтеніяхъ они участвуютъ поочередно.

Такимъ образомъ, пользуясь имѣющимися данными о формахъ распредѣленія труда по устройству и веденію чтеній между участниками въ этихъ чтеніяхъ, можно заключить, что основаніемъ такого распредѣленія служитъ количество труда и времени, необходимыхъ для устройства и веденія чтеній. Правда, что то обстоятельство, что въ имѣющемся матеріалѣ нѣтъ ни одного указанія на распредѣленіе труда между лекторами на основаніи какихъ либо иныхъ соображеній—еще не говоритъ за то, чтобы и въ дѣйствительности при опредѣленіи формъ и размѣровъ участія въ чтеніяхъ учителей не принимались въ соображеніе такія условія, какъ тѣ или иныя способности и знанія самихъ лекторовъ; однако, едва ли будетъ ошибочнымъ допустить. что эти послѣднія обстоятельства если и принимаются во вниманіе, то, повидимому, только въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ. Не лишнимъ будетъ замѣтить, что въ данномъ отношеніи постановка дѣла народныхъ чтеній въ Московской губерніи не представляетъ собою чего либо исключительнаго. Вездѣ, повидимому, составъ слушателей въ сельскихъ аудиторіяхъ не настолько прихотливъ и разборчивъ, чтобы, привлекая его, было бы необходимо принять во вниманіе такія условія, такъ напримѣръ,—дикцію лекторовъ, степень и основательность ихъ собственныхъ знаній въ той области, къ которой относится данная тема и т. д.

Обращаясь къ разсмотрѣнію того матеріала, который представляетъ свѣдѣнія о составѣ слушателей народныхъ чтеній, находимъ, что въ 160 школахъ изъ числа тѣхъ 184, относительно которыхъ такого рода указанія имѣются,—посѣтителями чтеній являются безразлично какъ взрослые, такъ и подростки, учащіеся и дѣти, и только изрѣдка, по какимъ либо особымъ обстоятельствамъ, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ школъ дѣти выдѣляются въ особую группу и для нихъ устраиваются тѣ же чтенія, что и для взрослыхъ, но только отдѣльно отъ этихъ послѣднихъ; въ 14 школахъ изъ числа указанныхъ—чтенія для дѣтей всегда устраиваются отдѣльно отъ взрослыхъ и въ 10 училищахъ на чтенія допускаются исключительно только взрослые.

Причины, побуждающія учителей и законоучителей устраивать чтенія общія и допускать на нихъ безразлично, -какъ взрослыхъ, такъ

и подростковъ,—очень разнообразны; какъ на важнѣйшую изъ этихъ причинъ нельзя не указать на то обстоятельство, что книги, допущенныя для чтенія въ аудиторіяхъ взрослому населенію, принадлежатъ къ числу тѣхъ, содержаніе которыхъ признано вполнѣ доступнымъ для подростковъ—учащихся (какъ извѣстно, въ число книгъ и брошюръ, допущенныхъ для чтеній, входятъ почти исключительно тѣ, которыя поименованы въ каталогѣ ученическихъ библіотекъ сельскихъ школъ); отсюда представляется вполнѣ допустимымъ присутствіе дѣтей на чтеніи, которымъ передается содержаніе книги, достаточно имъ понятной. Существуютъ затѣмъ и другія причины: заставляющія лицъ, устраивающихъ народныя чтенія, — читать одно и то же и взрослымъ и малолѣтнимъ.

Не говоря уже о Рузскомъ уѣздѣ и тѣхъ школахъ, гдѣ чтенія съ туманными картинами устраиваются собственно для школьниковъ и куда взрослые допускаются въ качествѣ проводниковъ своихъ дѣтей и гдѣ, слѣдовательно, собственно народныя чтенія, чтенія для взрослыхъ, не устраиваются, такое разграниченіе представляется затруднительнымъ и по чисто практическимъ соображеніямъ. „На нашихъ чтеніяхъ,—пишетъ, напримѣръ, одинъ изъ преподавателей,—составъ слушателей смѣшанный: предпочтительно было бы читать дѣтямъ отдѣльно, но у насъ въ приходѣ это трудно устроить: деревни отъ школы на довольно значительномъ разстояніи и дѣтямъ однимъ возвращаться страшно“. Устраивать же чтенія днемъ представляется, очевидно, невозможнымъ, такъ какъ въ данномъ, какъ и въ значительномъ большинствѣ случаевъ, существенно важное значеніе придается туманнымъ картинамъ, показывать которыя днемъ не позволяетъ отсутствіе необходимыхъ для этого приспособленій.

То обстоятельство, что „посмотрѣть картинки“ представляется дѣтямъ особенно интереснымъ, служитъ иногда причиною того, что даже на чтенія, устраиваемыя, главнымъ образомъ, для взрослыхъ, все же допускаются и дѣти, особенно если почему либо задержать картины въ школѣ не представляется возможнымъ.—„Чтенія ведутся для взрослыхъ и дѣтей вмѣстѣ,—пишетъ по этому поводу одинъ изъ преподавателей,—потому что комиссія народныхъ чтеній, откуда мы получаемъ картины,—требуетъ немедленной доставки картинъ обратно“.—„При устройствѣ чтеній,—читаемъ мы въ другомъ отзывѣ,—имѣются въ виду главнымъ образомъ, взрослые слушатели, но допускаются и дѣти, такъ что составъ слушателей смѣшанный и число слушателей школьнаго возраста даже преобладаетъ. На совѣщаніяхъ устроителей чтеній не разъ возникалъ вопросъ объ организаціи отдѣльныхъ чтеній для дѣтей, но недостатокъ средствъ препятствуетъ практическому осуществленію такого раздѣленія“. Въ тѣхъ случаяхъ, когда картины, хотя бы и по-

лученныя не по абонементу, а изъ уѣздной управы, не могутъ задерживаться въ школѣ, на чтенія также допускается смѣшанный составъ публики. Въ числѣ причинъ, мѣшающихъ выдѣлить дѣтей изъ числа слушателей народныхъ чтеній и образовать изъ нихъ самостоятельную группу, однимъ изъ преподавателей указывается затѣмъ—„недостатокъ времени“;—„конечно, читаемъ мы въ отзывѣ другого преподавателя,—было бы удобнѣе дѣтямъ отдѣльно прочитать въ будніе дни, но въ будни дѣти бываютъ утомлены и безъ того своими обычными занятіями и не охотно слушаютъ чтеніе, и вотъ почему составъ слушателей чтеній всегда смѣшанный, что не всегда представляется удобнымъ во-первыхъ потому, что не все то, что читается, доступно дѣтскому возрасту; а во-вторыхъ дѣти,—какъ дѣти,—всегда шумливы и въ особенности много шалятъ, затерявшись среди массы другихъ, взрослыхъ слушателей, а потому часто во время чтеній приглашаются къ порядку, т.-е. перестать разговаривать и шептаться, а это много мѣшаетъ веденію чтеній“. Наконецъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ такомъ раздѣленіи слушателей не представляется надобности, такъ какъ число взрослыхъ посѣтителей чтеній очень невелико; „хотя и желательно, чтобы чтенія велись для дѣтей и взрослыхъ отдѣльно,—говорится въ одномъ изъ доставленныхъ отзывовъ,—но такъ какъ взрослые въ значительной степени потеряли интересъ къ подобнымъ чтеніямъ, то приходится довольствоваться тѣмъ, кто придетъ“.

Однако какъ ни ограниченъ составъ тѣхъ книгъ и брошюръ, которыя могутъ читаться въ народныхъ аудиторіяхъ, какъ ни много встрѣчается указаній на то, что объединеніе слушателей взрослыхъ и дѣтей на народныхъ чтеніяхъ является вынужденнымъ, нельзя все-таки не признать, что и тотъ матеріалъ, который допущенъ для чтеній, все же можетъ быть разбитъ на такія категоріи, изъ которыхъ одна будетъ болѣе отвѣчать вкусамъ населенія взрослаго, а другая — подростковъ; и если тѣмъ не менѣе такого разграниченія не дѣлается, то ближайшую причину этого можно видѣть въ томъ, на что указываетъ отзывъ одного изъ учителей, замѣтившаго, что на чтеніяхъ присутствуетъ смѣшанный составъ слушателей, потому что—„такъ съ самаго начала чтеній заведено“. И это замѣчаніе, характеризующее отношеніе къ данному вопросу, вѣроятно, не малаго числа учителей и учительницъ, вполнѣ понятно: въ большинствѣ тѣхъ школъ, гдѣ допущены народныя чтенія, преподаватели далеко не пользуются свободою выбора книгъ и брошюръ для чтеній; читается то, что высылается, или—что бываетъ получено случайно. И только въ тѣхъ школахъ, гдѣ лица, ведущія чтенія, относятся критически къ читаемому и разбираются въ томъ, запросу какого состава слушателей можетъ отвѣтить доставленная или добытая брошюра,—чтенія устраиваются—то исключительно

для взрослыхъ, то для смѣшаннаго состава слушателей, а иногда дѣтямъ и школьникамъ показываютъ только картины, иллюстрирующія книгу или брошюру, предназначенную для прочтенія взрослымъ.

Вотъ что пишутъ по этому поводу сами учителя и учительницы:

„Въ составъ слушателей входятъ какъ взрослые, такъ и дѣти; если для чтенія присылается какая либо сказка, то на чтеніи участвуютъ только дѣти; замѣчается, что взрослыхъ чтенія сказочнаго характера мало интересуютъ".

„Большею частію чтенія бываютъ для взрослыхъ и дѣтей вмѣстѣ; но иногда неудобно соединять ихъ: что, напримѣръ, могутъ вынести дѣти изъ поэмы—„Бахчисарайскій фонтанъ"?

„Чтенія ведутся отдѣльно—для взрослыхъ по воскресеньямъ и для дѣтей—по субботамъ, хотя часто на дѣтскихъ чтеніяхъ присутствуютъ и взрослые. Предпочитаю такую группировку слушателей потому, что при смѣшанномъ составѣ слушателей придется выбирать матеріалъ для чтенія, интересный дѣтямъ и удовлетворяющій взрослыхъ, что рѣдко совмѣщается".

„Въ той школѣ, въ которой я былъ раньше, составъ слушателей былъ смѣшанный, а теперь въ настоящей школѣ дѣлаю два раза одно чтеніе: одинъ разъ для дѣтей, а другой—для взрослыхъ отдѣльно; такое раздѣленіе вызывается отчасти многолюдностью, а главнымъ образомъ удобствомъ приспособить чтеніе для того и другого возраста".

„Чтенія велись и для взрослыхъ и для дѣтей отдѣльно и вмѣстѣ,—смотря по содержанію чтенія, а также по числу взрослыхъ слушателей" и т. д.

Приведя эти замѣчанія, не лишнимъ полагаемъ повторить, что такого рода указанія встрѣчаются сравнительно рѣдко; значительное же большинство отвѣтовъ на разсматриваемый параграфъ вопроснаго бланка ограничивается замѣткою, что—„составъ посѣтителей смѣшанный", что—„въ число слушателей входятъ одинаково, какъ взрослые, такъ и учащіеся и дѣти", и т. п. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда констатируется выдѣленіе дѣтей въ особую группу,—такое выдѣленіе мотивируется обыкновенно исключительно только тѣмъ, что при этомъ условіи достигаются нѣкоторыя чисто внѣшнія удобства: дѣти безъ взрослыхъ лучше видятъ картины, и для взрослыхъ отсутствіе дѣтей представляетъ тѣ удобства, что во время чтеній меньше бываетъ шума и смѣшковъ, мѣшающихъ взрослымъ прислушаться къ читаемому, а главнымъ образомъ такое раздѣленіе важно въ томъ отношеніи, что школа оказывается не настолько переполненною, чтобы сдѣлать чтеніе почти невозможнымъ, что иногда бываетъ при большомъ наплывѣ публики, когда при страшной тѣснотѣ, мѣшающей слушать читаемое, бываетъ

такъ душно, что фонарь коптитъ и вмѣсто картинъ на экранѣ получаются тусклыя пятна.

Представляя здѣсь свѣдѣнія о составѣ слушателей народныхъ чтеній, не лишнимъ будетъ отмѣтить, что пользуясь тѣми цифровыми данными, которыя приблизительно указываютъ число посѣтителей, можно сдѣлать заключеніе, что въ общемъ среднемъ выводѣ—число слушающихъ чтенія взрослыхъ равно числу посѣтителей подростковъ, при чемъ въ составѣ взрослыхъ преобладаютъ женщины, а въ составѣ подростковъ—мальчики.

Что въ числѣ той части посѣтителей чтеній, которая состоитъ изъ школьниковъ и дѣтей—дѣвочекъ меньше, чѣмъ мальчиковъ,—это вполнѣ понятно: дѣвочекъ обыкновенно и въ школѣ сравнительно бываетъ меньше, чѣмъ мальчиковъ, да при томъ же дѣвочки скорѣе могутъ быть задержаны дома, гдѣ зачастую онѣ исполняютъ обязанности нянекъ и въ большей степени являются помощницами въ семьѣ, чѣмъ мальчики, это во-первыхъ, а во-вторыхъ—дѣвочекъ бываетъ меньше, вѣроятно еще и потому, что чтенія устраиваются обыкновенно вечеромъ, когда дѣвочки не такъ охотно отпускаются изъ дома, особенно если чтенія ведутся не въ данномъ селеніи. Интереснѣе выяснить ближайшія причины того, чѣмъ вызывается преобладаніе того или иного пола въ составѣ слушателей взрослыхъ.

Обращаясь къ имѣющимся по этому предмету даннымъ, прежде всего нельзя не замѣтить, что по составу взрослыхъ посѣтителей чтеній школы разбиваются на двѣ группы; въ нѣкоторыхъ школахъ на чтеніяхъ обыкновенно преобладаютъ мужчины, въ другихъ—женщины. Эти послѣднія школы составляютъ около 62% всего числа тѣхъ школъ, въ которыхъ ведутся народныя чтенія.

Вотъ что говорятъ отзывы руководителей народныхъ чтеній относительно преобладанія среди взрослыхъ слушателей—мужчинъ:

„Чтенія посѣщаются преимущественно мужчинами. Женщинъ бываетъ мало: домашнее хозяйство и дѣти мѣшаютъ имъ посѣщать чтенія. Изъ дѣвушекъ подростковъ - посѣщаютъ только бывшія ученицы. Женщины изъ сосѣднихъ деревень вовсе не посѣщаютъ чтеній".

„Мужчинъ на чтеніяхъ бываетъ больше; это объясняется отсутствіемъ у мужчинъ вечернихъ занятій, женщинъ въ большинствѣ случаевъ удерживаютъ дома маленькія дѣти".

„Чтенія посѣщаются преимущественно мужчинами, какъ болѣе свободными и болѣе интересующимися чтеніями".

„По домашнимъ обстоятельствамъ женщины менѣе мужчинъ посѣщаютъ чтенія".

„Безъ сомнѣнія, чтенія болѣе посѣщаются мужскимъ персоналомъ такъ какъ женщины заняты болѣе домашнимъ хозяйствомъ" и т. п.

Иное пишутъ учителя и учительницы тѣхъ школъ, гдѣ большинство посѣтителей народныхъ чтеній составляютъ женщины. Вотъ что читаемъ мы въ сообщеніяхъ этихъ преподавателей:

„Кромѣ школьниковъ и дѣтей, вообще число слушателей женскаго пола преобладаетъ надъ мужскимъ. Это объясняется тѣмъ, что въ данной мѣстности вслѣдствіе отхожихъ промысловъ, лицъ женскаго пола всегда въ селеніи бываетъ больше. Преобладаніе интереса къ чтенію у слушателей того или другого пола тутъ непричемъ".

„Преобладающее количество слушателей — женщины, такъ какъ большинство мужчинъ въ зимнее время отходитъ въ Москву на разные промыслы, какъ-то: въ извозчики, дворники и т. д.".

„Женскій элементъ преобладаетъ; одни изъ мужчинъ занимаются извозомъ, другіе работаютъ на фабрикѣ (по праздникамъ работаютъ за отдѣльную плату) и, слѣдовательно, лишены возможности посѣщать чтенія; если же выдается свободный денекъ,—то они съ удовольствіемъ идутъ въ школу".

„Кромѣ Великаго поста, на чтеніяхъ преобладаетъ женскій полъ, а мужчины то съ сѣномъ уѣзжаютъ, то за дровами, или, наконецъ, живутъ на сторонѣ".

„Женщинъ бываетъ больше, потому что очень много мужчинъ живутъ въ Москвѣ на заработкахъ. Составъ слушателей почти постоянно одинъ и тотъ же (изъ окрестныхъ деревень), кромѣ Рождества, масленицы и Пасхи, когда являются на чтенія мужчины, пріѣхавшіе изъ Москвы".

„Чтенія посѣщаются преимущественно женщинами. Это объясняется тѣмъ, что женщины являются болѣе свободными; мужчины же въ большинствѣ бываютъ въ отъѣздѣ по торговымъ дѣламъ (возка сѣна въ Москву на продажу").

„Число слушательницъ преобладаетъ во всѣхъ пунктахъ уѣзда. Объясняется это господствующимъ въ Можайскомъ уѣздѣ отхожимъ промысломъ, вслѣдствіе котораго мужское населеніе зимой по большей части отсутствуетъ".

Встрѣчаются и другія условія, мѣшающія взрослому мужскому населенію посѣщать народныя чтенія, какъ это отчасти видно изъ слѣдующихъ указаній:

„Чтенія посѣщаются преимущественно женщинами, деревенской молодежью и дѣтьми, потому что по воскресеньямъ большею частію устраиваются сходки по сдачѣ участковъ земли подъ дачи или по другимъ вопросамъ, послѣ чего міряне большею частію идутъ въ трактиръ; если сходки нѣтъ—мужчины охотно идутъ на чтеніе".

„Чтенія,—говорится въ другомъ сообщеніи,—посѣщаются преиму-

щественно дѣтьми и дѣвушками; мужчины же больше любятъ ходить въ трактиръ, чѣмъ въ училище на чтенія".

Такое предпочтеніе въ отдѣльныхъ случаяхъ трактира народнымъ чтеніямъ можетъ быть безъ труда объяснено, если принять во вниманіе, что при настоящей организаціи народныхъ чтеній взрослое населеніе не всегда получаетъ на нихъ удовлетвореніе своимъ умственнымъ запросамъ и въ такихъ случаяхъ смотритъ на народныя чтенія, какъ на дѣтское развлеченіе. Это подтверждается нѣсколькими имѣющимися отзывами, для характеристики которыхъ приводимъ слѣдующее:

„Мужчины не посѣщаютъ чтеній, потому что находятъ ихъ дѣтской забавой, бабы же идутъ картинки посмотрѣть и только дѣти интересуются".

„Больше бываетъ женщинъ, отчасти потому, что мужчины въ отхожихъ промыслахъ, а отчасти мужчины смотрятъ на чтенія не какъ на серьезное занятіе, а какъ на дѣтское развлеченіе".

„По преимуществу молодежь, люди пожилые не интересуются или же заняты работой даже по праздникамъ (столяры и рѣзчики, т.-е. получающіе заработокъ сдѣльно)".

„Чтенія посѣщаются преимущественно дѣтьми, и объясняется это тѣмъ, что взрослые на это смотрятъ, какъ на дѣтскую забаву".

Какъ видимъ, преобладаніе въ составѣ посѣтителей народныхъ чтеній того или иного элемента слушателей обусловливается многими причинами: и бытовыми, и экономическими и, наконецъ, отражается въ отдѣльныхъ случаяхъ на подборѣ слушателей и самая постановка дѣла народныхъ чтеній.

Посмотримъ теперь,—какъ велико число посѣтителей, привлекаемыхъ народными чтеніями.

Пользуясь тѣми свѣдѣніями, которыя были сообщены преподавателями 162 школъ о приблизительномъ числѣ посѣтителей народныхъ чтеній за 1898—99 учебный годъ, можно видѣть, что въ данномъ отношеніи отдѣльныя школы, главнымъ образомъ, въ зависимости отъ степени населенности школьнаго района, очень сильно разнятся между собою: есть школы, въ которыхъ обычное число посѣтителей народныхъ чтеній (считая и подростковъ) не превышаетъ 100 и въ то же время могутъ быть указаны школы, въ которыя на чтенія съ туманными картинами набирается обыкновенно не менѣе 200 человѣкъ слушателей. Въ среднемъ на школу, по словамъ преподавателей, приходится до 150 посѣтителей народныхъ чтеній.

Тѣ 162 школы, относительно которыхъ сообщены свѣдѣнія о числѣ посѣтителей устраиваемыхъ въ этихъ школахъ народныхъ чте-

ній, по обычному, среднему, числу посѣтителей распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

въ 51	школѣ	обычное	число	слушателей не превышаетъ	100 чел.
„ 49	„	среднее	„	посѣтителей „ „	150 „
„ 38	„	„	„	„ „ „	200 „
„ 24	„	обыкновенно	бываетъ	болѣе 200 посѣтителей.	

Приведенными цифровыми данными исчерпывается тотъ матеріалъ, который представляютъ отвѣты преподавателей на предложенный имъ вопросъ о числѣ посѣтителей народныхъ чтеній. Какихъ-либо указаній относительно измѣненій въ числѣ слушателей по отдѣльнымъ годамъ по губерніи собрано быть не могло, такъ какъ въ большинствѣ уѣздовъ народныя чтенія стали устраиваться сравнительно еще недавно. Пользуясь, однако, тѣмъ матеріаломъ по этому вопросу, который даютъ доклады Московской уѣздной земской управы, можно заключить, что въ Московскомъ уѣздѣ число посѣтителей народныхъ чтеній имѣетъ тенденцію уменьшаться.

Дѣйствительно, если мы разобьемъ на два періода тѣ годы, въ теченіе которыхъ въ названномъ уѣздѣ велись народныя чтенія, то, опредѣливши, сколько, въ среднемъ, приходилось слушателей на чтеніе въ каждомъ изъ минувшихъ годовъ, найдемъ, что въ годы перваго шестилѣтія въ среднемъ на чтеніе приходилось отъ 153 до 181 посѣтителей, а въ слѣдующемъ, ближайшемъ шестилѣтіи—отъ 132 до 165. Особенно замѣтно уменьшеніе числа посѣтителей народныхъ чтеній за послѣдніе четыре года:

въ 1895—96	году	въ	среднемъ	на	чтеніе	приходилось	165	слушат.
„ 1896—97	„	„	„	„	„	„	156	„
„ 1897—98	„	„	„	„	„	„	140	„
„ 1898—99	„	„	„	„	„	„	132	„

Слѣдующая таблица показываетъ, какъ распредѣлялись въ годы послѣдняго пятилѣтія школы Московскаго уѣзда по тому числу посѣтителей народныхъ чтеній, которое для каждой отдѣльной школы представляется обычнымъ:

	Въ 1894—95 уч. г.	Въ 1895—96.	Въ 1896—97.	Въ 1897—98.	Въ 1898—99.
Не болѣе 100.....	5	3	9	10	30
101 — 200.....	28	28	30	39	40

	Въ 1894—95 уч. г.	Въ 1895—96.	Въ 1896—97.	Въ 1897-98.	Въ 1898—99.
201 — 300.....	19	19	17	23	21
301 и болѣе.....	5	3	6	3	2
Всего.....	57	53	62	81[1])	93[2])

Переводя эти числа изъ абсолютныхъ въ относительныя и опредѣляя по каждому изъ упомянутыхъ годовъ,—какой процентъ общаго числа школъ, въ которыхъ велись народныя чтенія, составляли тѣ изъ нихъ, гдѣ обычное число посѣтителей не превышало 200, получимъ слѣдующее сопоставленіе:

	Въ 1894—95.	Въ 1895—96.	Въ 1796—97.	Въ 1897—98.	Въ 1898—99.
Болѣе 200 посѣтителей.....	42	41	36	32	25
200 и менѣе.....	58	59	64	68	75.
	100	100	100	100	100

Отсюда видно, что въ Московскомъ уѣздѣ—процентъ школъ съ сравнительно меньшимъ числомъ посѣтителей народныхъ чтеній съ каждымъ годомъ минувшаго пятилѣтія—увеличивался; замѣтно росло и абсолютное число такихъ школъ. Число же школъ съ наибольшимъ числомъ посѣтителей измѣнилось мало, но такъ какъ общее число школъ съ чтеніями возрастало,—процентъ названныхъ школъ дѣлался все меньше и меньше.

Но какъ ни уменьшается съ теченіемъ времени число посѣтителей народныхъ чтеній, все же число это настолько велико, что ровно половина сообщеній содержитъ жалобы на то, что помѣщеніе школы слишкомъ тѣсно для устройства народныхъ чтеній.

Вотъ что пишутъ многіе учителя и учительницы, отвѣчая на вопросъ программы,—„насколько удобно для чтеній помѣщеніе школы, если неудобно, то чѣмъ именно?“

„Хотя комната имѣетъ одиннадцать аршинъ длины и десять ширины, при чемъ фонарь находится въ другой комнатѣ, такъ что клас-

---

[1]) По тремъ школамъ свѣдѣній нѣтъ.

[2]) Тоже.

сное помѣщеніе было все предоставлено слушателямъ, но набивалось по 120 человѣкъ взрослыхъ, сидѣть имъ было не на чемъ и было очень неудобно. Да и вообще школа не подходящее мѣсто для чтеній, такъ какъ послѣ каждаго чтенія приходится ремонтировать мебель и чистить классы".

„Помѣщеніе для чтеній неудобно; масса слушателей, число которыхъ иногда доходитъ до 300 и не бываетъ менѣе 200, очень скоро портитъ воздухъ, почему фонарь не горитъ; приходится удалять слушателей на 30—60 минутъ иногда и въ серединѣ темы".

„Неудобство заключается въ томъ, что всѣмъ слушателямъ приходится стоять или сидѣть на полу, такъ какъ въ виду тѣсноты всѣ школьные столы приходится выносить изъ классной комнаты".

„Неудобно тѣснотою, сыростью, плохой вентиляціей. Большая половина слушателей стоитъ, парты оставить немыслимо — мѣста нѣтъ. Случается, что къ концу чтенія фонарь и свѣчи не горятъ отъ скопленія испареній".

„Помѣщеніе неудобно только тѣмъ, что къ концу чтенія приходится дышать углекислотой и фонарь начинаетъ горѣть слабо, такъ что картины выходятъ вполнѣ—„туманныя".

„Нѣкоторыя изъ училищъ, пишетъ одно изъ лицъ преподавательскаго персонала, характеризуя постановку дѣла народныхъ чтеній не въ одной только своей школѣ,—могутъ служить сколько-нибудь пригоднымъ помѣщеніемъ для чтеній, но большинство ихъ не соотвѣтствуютъ этому назначенію ни по расположенію ни по вмѣстимости. Въ помѣщеніи всегда становится душно, огонь въ фонарѣ плохо горитъ, картины выходятъ не ясно и этимъ теряютъ свое значеніе".

Ограничиваясь этими указаніями, свидѣтельствующими о тѣхъ же неудобствахъ, которыя, какъ мы видѣли, обычно сопровождаютъ народныя чтенія, устраиваемыя въ школахъ другихъ губерній, приведемъ здѣсь два отзыва учительницъ, съ наибольшею подробностію рисующіе такія неудобства:

„Школьное помѣщеніе для чтеній очень неудобно: передъ чтеніемъ приходится выносить изъ класса всѣ парты на улицу, а послѣ чтенія вновь принести. Такъ какъ чтенія бываютъ по праздничнымъ днямъ, то полы, которые моются передъ праздниками, послѣ чтеній становятся грязными. Иногда классная мебель остается въ классѣ и на время чтеній (за невозможностью убрать ее). Въ такихъ случаяхъ классъ послѣ чтеній представляетъ самую печальную картину: парты загрязненныя, такъ какъ на нихъ во время чтеній публика становится ногами (сидѣть за ними взрослымъ нельзя); многія съ оторванными крышками, поломанными спинками; чернильницы полны шелухи отъ подсолнечныхъ сѣ-

мянъ, которыми забавляются слушатели во время чтенія. Едва только начнется чтеніе, какъ въ классѣ становится страшно душно. Приходится дышать копотью отъ фонаря вмѣсто воздуха, такъ какъ въ классѣ не имѣется никакого приспособленія для вытяжки этой копоти и для притока свѣжаго воздуха. Дверь на улицу съ самаго начала чтенія стоитъ открытая, но это не помогаетъ. Минутъ черезъ двадцать картины на полотнѣ выходятъ совершенно туманныя, вслѣдствіе того, что фонарь отъ духоты совсѣмъ не горитъ. А публика проситъ: „другую картинку! эту плохо видно!“

„Устройство народныхъ чтеній въ зданіяхъ школъ,—читаемъ мы въ другомъ изъ этихъ сообщеній,—весьма и весьма неудобно и по очень многимъ причинамъ. Учителю приходится переживать мытарства весь день, когда назначено чтеніе: нужно прибрать парты, которыя частію вытаскиваются на улицу, частію остаются въ зданіи; но которымъ изъ нихъ достается менѣе,—рѣшить трудно: первыя ломаются и портятся отъ перетаскиванья и непогоды, вторыя—нестѣсняющейся публикой, которая становится на нихъ ногами, царапая, ломая и давя чернильницы и обливая полъ чернилами, если только не догадаешься выбрать ихъ. Кончилось чтеніе,—и для учителя начинается новая страда: нужно къ завтрашнимъ занятіямъ все водворить на свои мѣста. И все это происходитъ въ единственный день отдыха учителя! А завтра опять занятія съ головною болью послѣ чтенія отъ копоти и духоты, такъ какъ народа набирается въ четыре раза болѣе противъ того количества, которое могло бы быть признано нормальнымъ для такой временной аудиторіи. А какой печальный видъ представляетъ школа послѣ такихъ чтеній! Полы лоснятся отъ грязи, парты исцарапаны и поломаны, чернильницы побиты, а грамотеи нерѣдко и распишутся на стѣнахъ. Можетъ быть скажутъ, что это зависитъ отъ недостатка предусмотрительности; но вѣдь каждую мелочь не предусмотришь, а считаться со всѣмъ этимъ приходится учителю“...

Повторяемъ, что такое крайне невыгодное для дѣла, переполненіе школъ при народныхъ чтеніяхъ не представляетъ собою что-либо исключительное, такъ какъ наблюдается не только въ одной Московской, но и въ другихъ губерніяхъ. Въ началѣ настоящаго очерка приводились уже выдержки, которыя подтверждаютъ это заключеніе, и на которыя обыкновенно ссылаются отчеты и статьи о народныхъ чтеніяхъ, какъ на доказательство успѣха и жизнеспособности послѣднихъ.

Если нѣсколько остановиться надъ разсмотрѣніемъ извѣстныхъ намъ теперь примѣровъ и попытаться представить ихъ себѣ съ возможною конкретностью, если обратить затѣмъ вниманіе на то, что самими авторами этихъ описаній отмѣчается иногда тотъ фактъ, что

интересъ населенія къ устраиваемымъ народнымъ чтеніямъ мало-помалу ослабѣваетъ, а число посѣтителей, хотя все еще переполняющихъ школы, уменьшается, то нельзя будетъ не придти къ заключенію, что основываясь на фактѣ переполненія школъ на народныхъ чтеніяхъ едвали можно строить съ достаточною основательностью положительные выводы, если не относительно жизнеспособности, то во всякомъ случаѣ относительно продуктивности народныхъ чтеній вообще при настоящей ихъ организаціи.

Къ подобному же заключенію приводитъ разсмотрѣніе и той части собраннаго матеріала, которая говоритъ о томъ, какъ часто устраиваются народныя чтенія при отдѣльныхъ школахъ, и чѣмъ въ отдѣльныхъ случаяхъ объясняется увеличеніе или уменьшеніе числа народныхъ чтеній.

Обращаясь къ соотвѣтствующимъ даннымъ, прежде всего находимъ, что по числу устроенныхъ въ 1898—99 году чтеній тѣ школы (171), относительно которыхъ этого рода свѣдѣнія имѣются, распадались на слѣдующія группы:

1 — 2	чтенія	было въ	12	школахъ
3— 5	чтеній	„ „	20	„
6—10	„	„ „	48	„
11—15	„	„ „	51	„
16—20	„	„ „	24	„
21 и болѣе	чтеній	„	16	„

Вообще же, при колебаніяхъ отъ 1 до 37,—въ среднемъ на школу приходилось 12 чтеній. Въ предыдущіе годы чтенія устраивались нѣсколько рѣже, и есть основанія полагать, что констатируемое теперь увеличеніе числа чтеній вызвано тѣмъ, что земство стало участвовать въ оплатѣ труда лицъ, ведущихъ народныя чтенія; вмѣстѣ съ тѣмъ не могло въ данномъ случаѣ не отразиться и вліяніе принятаго въ нѣкоторыхъ уѣздахъ правила, согласно которому трудъ чтецовъ оплачивается только въ томъ случаѣ, если въ ихъ школахъ было произведено за годъ не менѣе 10 чтеній.

Полученные по данному вопросу отзывы преподавателей не противорѣчатъ этимъ заключеніямъ. Что же касается до такихъ причинъ частнаго характера, которыя вызываютъ то увеличеніе, то уменьшеніе числа чтеній въ отдѣльныхъ школахъ, то условія эти довольно разнообразны; въ числѣ ихъ указываются — состояніе погоды, состояніе дорогъ, то обстоятельство, что — „долгій санный путь позволилъ законоучителю, живущему въ $2^1/_2$ верстахъ сдѣлать нѣсколько лишнихъ посѣщеній“ и т. д.; указывается также въ числѣ причинъ, вызвавшихъ

измѣненія въ числѣ чтеній и перемѣна отношенія къ чтеніямъ со стороны населенія. Замѣтимъ при этомъ, что по своему характеру указанія этой послѣдней группы сильно разнятся между собою: такъ, напримѣръ, одними изъ нихъ отмѣчается, что—„въ минувшемъ учебномъ году чтеній было больше вслѣдствіе того, что мѣстные жители съ большимъ интересомъ относятся къ нимъ"; другія, наоборотъ, констатируютъ, что—„число чтеній нѣсколько уменьшилось, такъ какъ у взрослаго населенія замѣтно пропадаетъ интересъ къ такого рода чтеніямъ, и содержаніе читаемаго матеріала мало приноситъ имъ пользы";—„раньше чтеній было больше; съ теченіемъ же времени мы пришли къ тому убѣжденію, что эти чтенія при настоящей ихъ постановкѣ не приносятъ никакой пользы населенію, несмотря на все стараніе съ нашей стороны, а потому и число чтеній уменьшилось". И это уменьшеніе, добавимъ мы отъ себя, констатируется въ то именно время, когда земство съ своей стороны начало уже вознаграждать трудъ по устройству чтеній, откуда можно заключить о серьезномъ значеніи того факта, который отмѣчается приведеннымъ сообщеніемъ.

Должно, однако, замѣтить, что такихъ отзывовъ, которые останавливаютъ вниманіе на только что указанныхъ обстоятельствахъ, вызывающихъ измѣненія въ числѣ чтеній,—сравнительно очень немного; значительное же число преподавателей, давшихъ отвѣтъ по настоящему вопросу, говоритъ исключительно только объ одномъ условіи, вызвавшемъ сокращеніе или увеличеніе числа чтеній, а именно о томъ, въ какой степеня данныя школы были обезпечены фонарями и свѣтовыми картинами.

Вотъ что по этому поводу говорится въ доставленныхъ сообщеніяхъ:

„Число чтеній увеличилось, потому что въ школу былъ доставленъ фонарь".

„Въ минувшемъ году было только девять чтеній по случаѣ поздняго доставленія въ школу фонаря и картинъ".

„Въ предшествующіе годы чтенія производились по иниціативѣ С. М. Попова, но въ то время ощущался недостатокъ въ запасѣ волшебныхъ фонарей и выборѣ картинъ, почему и чтенія производились сравнительно рѣдко; но въ настоящее время, когда каждая школа имѣетъ свой фонарь и достаточное количество картинъ, задержки и опущеній въ чтеніяхъ не бываетъ, а потому и число чтеній, по сравненію съ прошедшими годами, увеличивается".

„Въ минувшемъ учебномъ году чтеній было болѣе на два (всѣхъ 14, а въ предшествовавшемъ году—12), что произошло совершенно случайно. Вообще же количество чтеній въ школахъ нашего уѣзда бы-

ваетъ различно: въ нѣкоторыхъ школахъ бываетъ чтеній до 20 и болѣе, а въ другихъ немногимъ болѣе 10; такая разница въ количествѣ чтеній происходитъ отъ удобства перемѣны картинъ".

„Число чтеній въ прошломъ году было, сравнительно, меньше, а теперь увеличилось, такъ какъ раньше картины получались отъ знакомыхъ, а теперь попечительница абонировалась въ Москвѣ".

„Въ минувшемъ году чтеній было больше, потому что получаемый отъ попечительницы фонарь часто былъ свободенъ".

„По сравненію съ прошлымъ годомъ число чтеній увеличилось, что объясняется желаніемъ попечителя, на средства котораго выписываются картины изъ Москвы".

„Такъ какъ устройство чтеній зависитъ отъ прибытія фонаря съ картинами, то и число чтеній каждогодно бываетъ одинаковое число разъ. Развѣ только по случаю дурной погоды или порчи путешествующаго фонаря число чтеній можетъ измѣниться".

„Въ минувшемъ году чтеній было мало, потому что картины были получены только въ концѣ января; въ настоящемъ году чтеній будетъ больше, такъ какъ картины были получены въ началѣ учебнаго года".

„Ранѣе чтеній было больше, такъ какъ было получено больше картинъ для чтеній".

„Число чтеній зависитъ, главнымъ образомъ, отъ возможности достать картины изъ уѣздной земской управы" и т. д.

Приводя эти отзывы, подтверждающіе сказанное относительно того значенія, которое придаетъ наличности волшебнаго фонаря и картинъ, считаемъ не лишнимъ здѣсь отмѣтить, что по вопросу о значеніи фонаря для народныхъ чтеній, Московская губернія не представляетъ исключительною. Въ Тифлисѣ, напримѣръ, однажды какъ-то въ волшебномъ фонарѣ лопнули стекла, и вотъ вслѣдствіе этого комиссія (организовавшая народныя чтенія и устраивавшая ихъ) принуждена была прекратить на время свою дѣятельность, такъ какъ другого фонаря не могли достать. [1]) Соотвѣтствующаго рода указанія, хотя, быть можетъ, и не столь рѣзкія, можно найти и въ опубликованныхъ данныхъ по другимъ губерніямъ.

Возможность полученія фонаря и картинъ, а также тѣ удобства, съ которымъ соединено ихъ полученіе и пользованіе, сказываются не только на увеличеніи или уменьшеніи числа устраиваемыхъ за годъ чтеній, но и на распредѣленіи ихъ по времени. Вотъ что находимъ мы въ отзывахъ преподавателей на предложенный имъ вопросъ программы: въ какіе мѣсяцы производятся чтенія сравнительно чаще и чѣмъ это объясняется:

---

1) А. С. Пругавинъ—„Запросы народа и обязанности интеллигенціи..." стр. 142.

„Распредѣленіе чтеній зависитъ отъ возможности достать картины изъ уѣздной управы".

„Чтенія преимущественно ведутся во вторую половину учебнаго года въ виду того, что доставка картинъ къ чтеніямъ осенью бываетъ затруднительна по мѣстнымъ условіямъ".

„Чтенія слѣдуютъ не по временамъ года, или по мѣсяцамъ, а какъ придется: привезетъ кто-нибудь картинъ,—такъ и чтеніе будетъ".

„Хотя въ учебное время прерывать собесѣдованія является крайне нежелательнымъ, однако перерывы бывали и есть, чтенія прерывались даже годами, потому что нѣтъ возможности пользоваться свѣтовыми картинами, которыя брались въ Москвѣ за счетъ священника; дороговизна абонемента и неудобство почтовой пересылки заставляютъ прерывать чтенія и вообще не позволяютъ правильно организовать дѣло".

„Чтенія обыкновенно производятся въ зимніе мѣсяцы и распредѣляются не равномѣрно, такъ какъ волшебный фонарь данъ на три школы, да къ тому же нерѣдко приходится изъ управы уходить и безъ картинъ, такъ какъ ихъ успѣваютъ разобрать".

„Время чтеній, главнѣйшимъ образомъ, зависитъ отъ доставки фонаря изъ сосѣднихъ школъ и картинъ изъ управы".

„Одинъ фонарь назначается на двѣ школы, вслѣдствіе чего и чтенія въ нашей школѣ бываютъ или въ первое или во второе полугодіе".

„Распредѣленіе чтеній по времени зависитъ въ большинствѣ отъ фоноря, который дается на двѣ, а иногда и болѣе школъ" и т. п.

Приведенные отзывы заимствованы нами изъ числа доставленныхъ изъ такихъ уѣздовъ, гдѣ забота о полученіи картинъ, а отчасти — и фонарей,—главнымъ образомъ лежитъ на самихъ преподавателяхъ; но само собою понятно, что тотъ же характеръ носятъ отвѣты на настоящій вопросъ преподавателей и тѣхъ уѣздовъ, какъ напримѣръ, Звенигородскаго и Рузскаго, гдѣ картины и фонари передаютъ изъ школы въ школу по заранѣе составленному расписанію.

То обстоятельство, что показываніе свѣтовыхъ картинъ обыкновенно признается необходимымъ условіемъ народныхъ чтеній, служитъ причиною того, что въ большинствѣ случаевъ изъ-за желанія избѣгнуть нѣкоторыхъ расходовъ, чтенія устраиваются лишь тогда, когда для показыванія картинъ не нужно прибѣгать къ устройству какихъ-либо особыхъ приспособленій, хотя бы даже вродѣ ставень, т. е. устраиваются осенью и зимою.

Вотъ что по этому поводу говорятъ сообщенія учителей и учительницъ:

„Чтенія преимущественно производятся тогда, когда вечера продолжительнѣе и не нужно загораживать оконъ".

„Чтенія производились только въ учебные мѣсяцы: съ сентября

по апрѣль; въ апрѣлѣ и маѣ чтеній потому и не бываетъ, что вечера очень малы".

„Съ марта мѣсяца чтенія производятся рѣже, такъ какъ окна въ школьномъ зданіи очень велики, а для того, чтобы закрыть ихъ,— нѣтъ никакихъ приспособленій".

„Чтенія въ концѣ осени и въ продоженіи зимы бываютъ чаще, нежели въ остальное время года, когда сумерки наступаютъ позднѣе".

„Чтенія производятся въ зимніе и осенніе мѣсяцы по вечерамъ; въ другое же время чтенія не производятся за неимѣніемъ занавѣсей на окнахъ".

„Чтенія съ картинами наиболѣе часто производятся съ ноября по февраль мѣсяцъ, такъ какъ въ это время смеркается рано и чтенія устраиваются часовъ въ 5 или въ 6,—что составляетъ самое удобное время для слушателей".

„Въ декабрѣ и январѣ мѣсяцахъ чтенія производятся чаще, а въ остальные мѣсяцы рѣже, такъ какъ темнота съ увеличеніемъ дня наступаетъ позднѣе".

„Съ сентября и по май мѣсяцъ чтенія производятся часто; съ мая и по сентябрь мѣсяцъ чтеній вовсе не бываетъ вслѣдствіе продолжительности дня. Въ лѣтнее время можно было бы вести чтенія, если бы при школьномъ зданіи имѣлись ставни".

„Чтенія начинаются съ наступленіемъ зимы: въ теплое время за тѣснотою помѣщенія, чтенія вести не только неудобно, но положительно невозможно".

Эта послѣдняя замѣтка особенно характерна: казалось бы, что въ тѣсномъ помѣщеніи гораздо удобнѣе вести чтенія именно съ весны и до ранней осени, когда аудиторія можетъ вентилироваться безъ риска для посѣтителей; но въ виду того значенія, которое придается иллюстраціи читаемаго туманными картинами, устройство чтеній весною или въ началѣ осени не представляется удобнымъ: открытыя двери и окна мѣшаютъ отчетливому проявленію картинъ, въ виду чего чтенія откладываются до зимы.

Такимъ образомъ распредѣленіе чтеній по временамъ года и мѣсяцамъ, главнымъ образомъ, опредѣляется тѣмъ,—насколько въ данное время представляется удобнымъ показываніе свѣтовыхъ картинъ. Недаромъ одинъ изъ корреспондентовъ-учителей говоритъ, что народныя чтенія при настоящей организаціи большинства ихъ—„это такое просвѣтительное учрежденіе, которое больше всего боится свѣта".

Изъ числа другихъ условій, также принимаемыхъ во вниманіе при устройствѣ народныхъ чтеній и вліяніе которыхъ также отражается на распредѣленіи чтеній,—нѣкоторыми преподавателями, между прочимъ, указывается то,—въ какой мѣрѣ ближайшее населеніе въ ту или иную

часть года располагаетъ настолько свободнымъ временемъ, что часть его можетъ удѣлить на посѣщеніе народныхъ чтеній.

Сравнительно больше чтеній бываетъ затѣмъ великимъ постомъ, когда—„народъ какъ-то серьезнѣе настроенъ, прекращаются сельскіе праздники и свадьбы", и когда народъ—„воздерживается отъ удовольствій и развлеченій: устраиванья вечеринокъ, хожденія въ сосѣднія деревни и посѣдки, уличныхъ гуляній, хороводовъ, игры на гармоніяхъ, посѣщенія кабаковъ и т. д."

Въ Рузскомъ и Звенигородскомъ уѣздахъ, гдѣ чтенія ведутся по отдѣльнымъ школамъ согласно опредѣленному порядку, на распредѣленіе чтеній до нѣкоторой степени оказываетъ вліяніе погода, при чемъ надобно замѣтить, что неблагопріятная погода отражается здѣсь не тѣмъ, что лишаетъ школу слушателей, а тѣмъ, что задерживаетъ полученіе картинъ и фонаря.

Въ отдѣльныхъ случаяхъ указываются затѣмъ и многія другія условія, сказывающіяся на распредѣленіи чтеній по мѣсяцамъ и частямъ года. Вотъ что, напримѣръ, отмѣчается нѣкоторыми изъ отзывовъ преподавателей:

„Чтенія распредѣлялись не одинаково по мѣсяцамъ, такъ какъ вслѣдствіе новизны дѣла не все еще было приспособлено, а также и потому, что приходилось соображаться съ пріѣздомъ попечителя; оттого чтенія устраивались больше праздниками: на святкахъ, на масляной, на Пасхѣ и осенью, когда случалось два праздника подъ рядъ".

„Въ нашей школѣ чтенія не могли распредѣляться точно по мѣсяцамъ, это происходило потому, что фонарь принадлежитъ попечительницѣ, а у ней, кромѣ земской, есть еще три собственныхъ школы: значитъ, когда былъ свободенъ фонарь, тогда бывали и чтенія".

„Во избѣжаніе чрезмѣрнаго загрязненія классовъ, чтенія производятся преимущественно въ зимніе мѣсяцы.

„Назначаемъ чтенія обыкновенно тогда, когда выпадаетъ свободное время; иначе поставить дѣло крайне трудно; устраивать чтенія каждый праздникъ учителю положительно невозможно; праздникъ—единственно свободное время, которымъ располагаетъ учитель для своихъ нуждъ и для отдыха въ своемъ угнетающемъ трудѣ".

Ограничимся приведенными указаніями, такъ какъ, повидимому, ихъ совершенно достаточно, чтобы опредѣлить ближайшія изъ тѣхъ причинъ, которыми опредѣляется распредѣленіе народныхъ чтеній въ теченіе года; причины эти, какъ видно изъ изложеннаго, очень разнообразны, главнѣйшими же изъ нихъ при современной организаціи народныхъ чтеній являются — во-первыхъ — возможность полученія волшебнаго фонаря съ свѣтовыми картинами, а во-вторыхъ—тѣ условія,

которыя опредѣляютъ возможность и удобства демонстрированія этихъ картинъ.

Было бы не безынтересно прослѣдить измѣненія въ распредѣленіи чтеній по мѣсяцамъ на основаніи цифровыхъ данныхъ; къ сожалѣнію, въ большинствѣ уѣздовъ, гдѣ устройство народныхъ чтеній представляется дѣломъ сравнительно новымъ, достаточно подробной регистраціи этихъ чтеній не велось; пользуясь же соотвѣтствующими данными по Московскому уѣзду, по которому такого рода свѣдѣнія имѣются, можно видѣть, что народныя чтенія въ этомъ уѣздѣ распредѣлялись по отдѣльнымъ мѣсяцамъ послѣдняго пятилѣтія слѣдующимъ образомъ:

Было чтеній:	Въ 1894/5 г.	Въ 1895/6 г.	Въ 1896/7 г.	Въ 1897/8 г.	Въ 1898/9 г.
Въ августѣ.....	—	—	—	3	—
„ сентябрѣ	2	3	—	44	13
„ октябрѣ	12	25	25	128	91
„ ноябрѣ	36	78	69	116	178
„ декабрѣ	41	68	85	130	140
„ январѣ	52	57	87	158	187
„ февралѣ	67	60	86	212	201
„ мартѣ	38	43	130	47	227
„ апрѣлѣ	4	15	12	11	77
„ маѣ	1	1	5	8	42
Всего ...	253	350	499	857	1156

Какъ видимъ, таблица эта въ общемъ подтверждаетъ уже сказанное: народныя чтенія, начинаясь, обыкновенно, въ сентябрѣ, заканчиваются въ маѣ (лѣтомъ чтенія устраиваются въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ), при чемъ значительно большинство чтеній,—болѣе трехъ четвертей общаго числа ихъ приходится на 5 среднихъ мѣсяцевъ учебнаго года—отъ ноября по мартъ включительно.

IV.

Въ предыдущей главѣ на основаніи отзывовъ преподавателей высказано было заключеніе, что полученіе волшебнаго фонаря и картинъ служитъ однимъ изъ важнѣйшихъ условій, опредѣляющихъ возможность устройства народныхъ чтеній. Посмотримъ теперь, чему же именно, по словамъ лицъ, касавшихся даннаго вопроса, волшебный фонарь обя-

занъ такимъ значеніемъ. Вотъ что пишутъ по этому предмету учителя и учительницы:

„Чтенія ведутся только при наличности картинъ; безъ картинъ чтенія въ данной мѣстности пока не пойдутъ. Школа здѣсь открыта только въ 1898 году; большинство крестьянъ неграмотны и для нихъ картина является важной пособницей въ усвоеніи читаемаго или разсказываемаго. Большинство молодежи данной мѣстности не можетъ серьезно сосредоточиться на чтеніи; поэтому картина, какъ образное представленіе читаемаго, понемногу пріучаетъ слушателей сосредоточиваться на чтеніи, обобщать читанное, словомъ, пріучаетъ ихъ къ мышленію".

„Чтенія съ картинами болѣе интересуютъ населеніе и оно охотнѣе идетъ слушать и смотрѣть картины, а это для начала много значитъ. Нужно заинтересовать населеніе чтеніями съ картинами, а потомъ, когда уже ясно опредѣлится составъ слушателей, можно читать и безъ картинъ".

„Чтенія ведутся только при наличности картинъ, и чтеніямъ съ картинами должно быть дано предпочтеніе, потому-что читаемое лучше воспринимается и усвояется слушателями, возбуждаетъ въ нихъ большій интересъ и дѣлаетъ болѣе удобопонятнымъ прочитанное".

„Съ картинами я предпочитаю чтеніе потому, что большая часть слушателей—дѣти, которыя отъ долгаго слушанія (отъ 2 до 4 часовъ) утомляются; картины же разнообразятъ чтеніе. Для дѣтей такое разнообразіе очень полезно; кромѣ того, картины закрѣпляютъ въ памяти читаемое".

„Чтенія ведутся преимущественно съ картинами, такъ какъ картины вносятъ въ чтеніе нѣкоторое разнообразіе и служатъ лучшему усвоенію читаемаго".

„Чтенія съ картинами желательнѣе, такъ какъ картины помогаютъ ясному представленію читаемаго, кромѣ того—перемѣна впечатлѣній возстановляетъ притупившееся вниманіе слушателей".

„Я думаю, что вначалѣ, первыя чтенія, непремѣнно должны сопровождаться картинами, такъ какъ картины вносятъ въ нихъ нѣкоторое разнообразіе и приносятъ удовольствіе посѣтителямъ, большинство которыхъ приходитъ и послушать, и развлечься отъ своей обыденной жизни... Меньшинство, конечно, будетъ посѣщать чтенія и безъ картинъ, но это меньшинство исключительное (болѣе развитые и повидавшіе на своемъ вѣку); задача же чтеній—привлечь къ слушанію большинство населенія и въ немъ пробудить интересъ къ знанію. Сначала слушатели смотрятъ на чтенія, какъ на развлеченіе, но потомъ болѣе и болѣе будутъ привыкать къ нимъ и цѣнить въ нихъ содержаніе бо-

лѣе всего и тогда картины могутъ быть полезны какъ наглядное по собіе при чтеніяхъ по географіи, естественной исторіи, гигіенѣ и др.".

Аналогичныя указанія даются и печатнымъ матеріаломъ. Вотъ что говорится въ цитированномъ уже докладѣ комиссіи, организованной Бронницкой земской управой:

„Въ достиженіи образовательныхъ задачъ народныхъ чтеній большое значеніе имѣютъ иллюстраціи въ видѣ картинъ съ волшебнымъ фонаремъ, объясненіе коллекцій, опыты и т. п. Картины и другія наглядныя пособія облегчаютъ образное воспроизведеніе въ умѣ читаемаго, замѣняютъ непосредственное наблюденіе и помогаютъ глубже чувствовать и запечатлѣвать въ умѣ то, что предлагается читателю въ бесѣдѣ или чтеніи. Картина является особенно необходимой тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о такихъ событіяхъ и положеніяхъ изъ жизни человѣческой, или о такихъ предметахъ и явленіяхъ природы, которые въ живой дѣйствительности не приходилось наблюдать слушателю. При неудовлетворительности большинства брошюръ. разрѣшенныхъ для чтенія, объясненія къ картинѣ могутъ дополнять то, что не могъ слушатель извлечь изъ чтенія" [1]).

Затѣмъ комиссія ссылается на высказанное по данному же вопросу замѣчаніе г. Португалова, который говоритъ, что—„если бы читать указанныя имъ брошюры безъ туманныхъ картинъ въ волшебномъ фонарѣ, то ими можно было бы лишь нагнать скуку и сонъ и отбить всякую охоту у простолюдиновъ посѣщать такія чтенія... Но и помимо этого, говоритъ г. Португаловъ, мы съ полнымъ убѣжденіемъ утверждаемъ, что туманныя картины въ волшебномъ фонарѣ, хоровое пѣніе духовныхъ и свѣтскихъ пьесъ и музыка —физіологически необходимы и крайнѣ умѣстны. Человѣкъ вообще, а простолюдинъ въ особенности, быстро устаетъ отъ однообразія и однородности впечатлѣній; впечатлѣнія отъ усталости внѣшнихъ органовъ чувствъ притупляются и усыпляются, поэтому ихъ необходимо смѣнять, освѣжать, обновлять. Когда толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ напрягаетъ свой слухъ въ теченіе цѣлаго часа, она начинаетъ зѣвать и засыпать; тутъ то на выручку является новое впечатлѣніе для глазъ въ видѣ туманной картины и настолько освѣжаетъ слушателя, что онъ снова охотно внимаетъ чтенію. Еще цѣлесообразнѣе, когда чтеніе прерывается, освѣщеніе гаснетъ и наступаетъ темнота, причемъ показывается картина, соотвѣтствующая чтенію; смѣна свѣта и полумрака усиливаетъ и упрочиваетъ впечатлѣніе прослушаннаго. А когда къ этому въ промежуткахъ между чтеніями присоединяется хоровое пѣніе и музыка, то смѣна всѣхъ этихъ впечатлѣній дѣйствуетъ крайне благотворно на душу зрителя и слуша-

---

[1]) Докл. Бронн. уѣзд. зем. упр. 1898 г.—«О народн. чт.», стр. 10.

теля, и онъ выходитъ довольный, ублаготворенный: онъ провелъ время не скучно, почти весело, по меньшей мѣрѣ, пріятно, а можетъ быть и полезно".

Отмѣтимъ кстати, что высказанная въ этомъ замѣчаніи мысль—о желательности разнообразить чтенія хоровымъ пѣніемъ,—осуществилась во многихъ школахъ, въ томъ числѣ и въ школахъ Московской губерніи. Мысль—сопровождать чтенія музыкой—также нашла себѣ примѣненіе: для народныхъ чтеній, устраиваемыхъ въ г. Псковѣ—„привлекательнымъ элементомъ служитъ, между прочимъ, пѣніе и игра на балалайкахъ хора воспитанниковъ учительской семинаріи, которые исполняютъ піесы, соотвѣтствующія ходу разсказываемыхъ событій предъ картиною на экранѣ, или же составляется, такъ сказать, особое музыкальное отдѣленіе, исполняющееся во время перерывовъ" [1]).

Пользуясь уже цитированной книгой В. П. Вахтерова, можно видѣть, что—„въ Николаевѣ чтенія сопровождаются военною музыкою, благодаря любезности живущихъ въ городѣ военныхъ властей. Большой интересъ посѣтителей возбуждаетъ музыка и въ Харьковской аудиторіи, гдѣ также играетъ военный оркестръ вмѣстѣ съ оркестромъ изъ любителей-учениковъ реальнаго училища. Тѣ же хоры военной музыки являлись на народныя чтенія и въ Кіевѣ, гдѣ, впрочемъ, принимали участіе еще и частныя лица—любители музыки, сочувствующія дѣлу чтеній. При этомъ исполняемыя пьесы были, по возможности, приноровлены къ содержанію чтеній. Пѣніемъ и музыкою сопровождались чтенія и въ Одессѣ, гдѣ народной аудиторіи оказывалъ особенное содѣйствіе покойный знаменитый композиторъ П. И. Чайковскій" [2]).

Однако все же самымъ дѣйствительнымъ и сравнительно болѣе доступнымъ средствомъ для привлеченія посѣтителей на народныя чтенія признается волшебный фонарь; такого рода указанія встрѣчаются во многихъ статьяхъ и докладахъ, касающихся устройства народныхъ чтеній и приводятся въ упомянутой книгѣ г. Вахтерова. Такимъ образомъ мнѣніе, что наличность волшебнаго фонаря съ свѣтовыми картинами служитъ существеннѣйшимъ условіемъ устройства и веденія народныхъ чтеній,—оказывается общераспространеннымъ; въ частности же волшебному фонарю ставятся слѣдующія цѣли и задачи: удовлетворить требованіямъ наглядности чтеній, служить такимъ средствомъ, которое можетъ освѣжить утомленный однообразнымъ чтеніемъ умъ слушателей и представлять извѣстнаго рода приманку для возможно большаго числа посѣтителей.

Посмотримъ теперь, какъ же сами слушатели чтеній, по словамъ

---

[1]) «Вѣстн. Псковск. губ. земства» 1899 г., № 12. стр. 70—71.

[2]) «Народныя чтенія» стр. 134.

преподавателей, относятся къ тому обстоятельству,—иллюстрируются или не иллюстрируются туманными картинами устраиваемыя для нихъ чтенія. Вотъ что по этому поводу говорится въ большинствѣ учительскихъ сообщеній:

„Населеніе предпочитаетъ чтеніе съ картинами. Для опыта было устроено чтеніе безъ картинъ; узнавъ объ этомъ, многіе, особенно—женщины и дѣти, уходили обратно. Изъ числа оставшихся хотя нѣкоторые и благодарили, но при этомъ прибавляли, что чтеніе съ картинами все-таки интереснѣе. Также отнеслись къ этому и дѣти".

„На чтеніяхъ священника, которыя велись безъ картинъ, слушателей было меньше и слушали неохотно. На чтенія же съ картинами народу набиралось больше и по просьбѣ посѣтителей картины приходилось показывать по нѣскольку разъ".

„Какъ взрослые, такъ и дѣти къ чтеніямъ безъ картинъ относятся невнимательно и разсѣянно".

„Въ теченіе 1898 года чтенія велись только при наличности картинъ. Въ 1899 году предпринято было устроить нѣсколько чтеній безъ картинъ. Хотя чтенія эти были прослушаны довольно внимательно, однако населеніе выразило неудовольствіе по поводу отсутствія картинъ, и надо думать, что демонстрація картинъ необходима, пока не укрѣпился интересъ населенія къ чтеніямъ".

„Съ большимъ удовольствіемъ слушаютъ чтенія съ картинами. Для дѣтей же и учащихся картины являются еще большимъ удовольствіемъ; они и спрашиваютъ о чтеніяхъ—„когда будутъ еще показывать картинки?"

„Публика идетъ смотрѣть „картины", а не чтеніе слушать; такъ въ народѣ и принято говорить—„будутъ картины показывать въ школѣ", а „не чтеніе будетъ". При чтеніи съ малымъ количествомъ картинъ, т. е. съ большими промежутками, публика безъ церемоніи выходитъ изъ класса до появленія на экранѣ новой картины".

„Чтенія ведутся только при наличности картинъ. Предпочитаю чтенія съ картинами, потому что въ настоящее время народъ на чтенія безъ картинъ ходить не будетъ. Такое заключеніе выведено мною на основаніи разговоровъ по этому поводу съ народомъ".

„Чтенія съ туманными картинами посѣщались очень охотно и слушались посѣтителями съ интересомъ, безъ картинъ чтенія почти не посѣщались, почему этого рода чтенія на время прекращены".

„Чтенія ведутся большею частію съ картинами, хотя и были попытки вести чтенія безъ картинъ, но такъ какъ интересующихся картинами является больше, то и приходится удовлетворять послѣднихъ".

„Слушатели относятся къ чтеніямъ неодинаково: когда чтенія бываютъ съ картинами, то слушаютъ очень внимательно, а когда безъ

картинъ, то вниманіе и дисциплина нарушаются. Однимъ словомъ, мною замѣчено, что чтенія безъ картинъ есть напрасный трудъ учителя. Тоже самое можно сказать и относительно учащихся; взрослые имъ подаютъ примѣръ".

„Какъ относятся къ чтенію взрослые, можно уже судить по тому: когда поясняешь картину, то большая часть публики слушаетъ, а когда снова начинаешь читать по брошюрѣ,—большая часть посѣтителей начинаетъ развлекать себя чѣмъ-нибудь постороннимъ. Тоже самое можно замѣтить и о дѣтяхъ не учившихся и не учащихся въ школѣ. Что-же касается дѣтей школьниковъ и окончившихъ курсъ,—то дѣти (лучшія) старшаго и средняго отдѣленій очень охотно слушаютъ чтенія, хотя статьи географическаго и естественно-историческаго содержанія даются имъ довольно трудно".

И вотъ, на ряду съ этими, представляющими большинство, отзывами имѣется не мало такихъ, которые указываютъ, что если чтенія съ картинами и привлекаютъ сравнительно большее число посѣтителей, то главнымъ образомъ дѣтей, взрослые же, если судить по большинству отзывовъ этой категоріи, не придаютъ особаго значенія иллюстраціямъ или, по словамъ нѣкоторыхъ преподавателей, относятся къ картинамъ даже отрицательно.

Вотъ что пишутъ учителя и учительницы въ отзывахъ, позволяющихъ сдѣлать такое заключеніе:

„Чтенія ведутся безъ картинъ; лично я предпочитаю чтенія безъ картинъ, имѣя въ виду серьезное отношеніе народа къ чтенію, который смотритъ на картины, какъ на развлеченіе, отнимающее время отъ чтеній и уходитъ неудовлетворенный, такъ какъ показываніе картинъ отнимаетъ много времени".

„Чтенія ведутся почти всегда съ картинами, но я предпочитаю чтенія безъ картинъ, потому-что при такихъ чтеніяхъ шуму меньше, порядка больше и вниманіе къ читаемому несравненно глубже и сосредоточеннѣе".

„Взрослые, когда выяснится цѣль чтенія большею частію одинаково относятся. Много зависитъ успѣхъ чтенія отъ лектора... Для дѣтей же картины играютъ главную роль, и вотъ почему для дѣтей устраивались иногда особыя (сокращенныя) чтенія".

„Есть нѣсколько человѣкъ, которые посѣщаютъ школу только изъ-за бесѣдъ (преимущественно старики); дѣтей интересуютъ картины; школьники слушаютъ внимательно и долго помнятъ то, что слышали".

„Къ чтеніямъ какъ съ картинами, такъ и безъ картинъ всѣ взрослые относятся одинаково, и ни разу не было заявлено кѣмъ-либо, что— „хотѣлось бы поглядѣть картинки"; дѣтей же, конечно, всегда болѣе

интересовали картины, чѣмъ самое чтеніе, впрочемъ тѣ, которыя постарше, преимущественно интересуются чтеніемъ, въ особенности—чтеніемъ того, что доступно для дѣтскаго пониманія".

„Взрослые къ тѣмъ и другимъ чтеніямъ относятся одинаково; главное условіе—интересная брошюра; дѣти же больше любятъ чтенія съ картинками".

„Слушатели, преимущественно взрослые, одинаково охотно посѣщаютъ чтенія, какъ съ картинками, такъ и безъ картинъ. Дѣти же болѣе охотно посѣщаютъ чтенія съ картинами, потому-что дѣтскій темпераментъ долгаго чтенія, безъ наглядной иллюстраціи его, не выноситъ. Дѣти утомляются и перестаютъ слушать. Картина же всегда и надолго привлекаетъ ихъ вниманіе".

„Предпочитаю чтенія безъ картинъ, потому-что при чтеніи съ картинами публика всецѣло сосредоточена на ожиданіи появленія картинъ и не слушаетъ чтенія".

„Чтенія были съ картинами (8) и безъ картинъ (6). Предпочитаемъ чтенія безъ картинъ, потому-что подобныя чтенія слушаются съ большимъ вниманіемъ и интересомъ, а слѣдовательно—и порядкомъ".

„Учащіеся одинаково интересуюсся—какъ чтеніемъ, такъ и картинами; для не обучающихся,—въ возрастѣ одинадцати лѣтъ и старше,—интересно больше чтеніе; взрослые же, если только они заинтересованы содержаніемъ брошюры, не обращаютъ вниманія на картины".

Итакъ, на одинъ и тотъ же вопросъ даны совершенно различные отвѣты.

Ближайшую причину такой разнохарактерности доставленныхъ отзывовъ должно, повидимому, искать частію въ условіяхъ устройства и веденія чтеній въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, частію же въ отношеніи къ данному вопросу самихъ преподавателей; допустить, что здѣсь оказалось вліяніе какихъ-либо чисто мѣстныхъ условій едва-ли возможно, такъ какъ самыя противурѣчивыя указанія получались изъ одного и того же уѣзда, изъ той же волости, даже изъ сосѣднихъ, одинаково давно существующихъ школъ.

Вмѣстѣ съ этимъ необходимо замѣтить, что какъ ни опредѣленно высказались въ этихъ отзывахъ учителя и учительницы,—едва ли можно допустить существованіе такой рѣзкой разницы въ отношеніи къ иллюстраціямъ *всѣхъ* посѣтителей народныхъ чтеній сопоставляемыхъ группъ школъ. Вѣроятнѣе предположить, что каждый изъ такихъ отзывовъ, къ какой бы категоріи ихъ ни принадлежалъ онъ,—имѣетъ въ виду не *всѣхъ*, а только болѣе или менѣе значительное *большинство* посѣтителей. Въ этомъ отношеніи едва ли не точнѣе передаютъ дѣйствительность тѣ, правда—немногіе, отзывы преподавателей, которыми отмѣчается, что обычныхъ посѣтителей чтеній—„можно раздѣлить на

три категоріи: нѣкоторымъ нужно только чтеніе,—они равнодушны къ картинамъ; другіе—охотно слушаютъ и съ удовольствіемъ ждутъ картину; есть, наконецъ, и такіе, которыя ходятъ только ради картинъ. Дѣти и учащіеся—очень внимательные слушатели, но и очень любятъ картинки, радуются имъ и внимательно разсматриваютъ ихъ".

Къ аналогичнымъ заключеніямъ приводятъ и тѣ отзывы, которые содержатъ отвѣтъ на вопросъ относительно—„поведенія публики при чтеніяхъ съ картинами и безъ картинъ".

Приступая къ разсмотрѣнію отзывовъ, данныхъ на этотъ параграфъ вопроснаго бланка, должно замѣтить, что большинство ихъ, быть можетъ потому, что въ большинствѣ школъ велись чтенія исключительно иллюстрированныя, не даютъ просимаго сопоставленія, а ограничиваются указаніемъ, что вообще поведеніе публики во время чтеній—„весьма приличное", — „очень хорошее", — „удовлетворительное", — „порядочное",—„одобрительное" и т. д. Разобраться въ различныхъ оттѣнкахъ этихъ замѣтокъ положительно невозможно. Выбирая же тѣ отзывы, которые содержатъ сопоставленіе поведенія слушателей чтеній не иллюстрированныхъ съ поведеніемъ посѣтителей народныхъ чтеній, сопровождаемыхъ показываніемъ туманныхъ картинъ,—найдемъ, что отзывы эти, такъ же, какъ и тѣ, которые говорятъ вообще объ отношеніи посѣтителей къ чтеніямъ той и другой категоріи,—разбиваются на двѣ рѣзко противуположныя группы, изъ которыхъ одною отмѣчается слѣдующее:

„При чтеніи съ картинами вниманіе посѣтителей настолько сосредоточено, что ни звукъ, ни движеніе не нарушаютъ чтеніе, чего нѣтъ въ другомъ случаѣ, т. е. при чтеніяхъ безъ картинъ".

„При чтеніяхъ съ картинами поведеніе слушателей довольно терпимое; безъ картинъ—совсѣмъ нетерпимое".

„Гораздо спокойнѣе бываетъ, когда чтенія производятся съ картинами".

„При чтеніи безъ картинъ публика переговаривается, переминается, зѣваетъ".

„Безъ картинъ иногда начинаютъ шумѣть", и т. п.

Иное говорятъ другіе преподаватели.

„При чтеніяхъ безъ картинъ публика ведетъ себя несравненно благопристойнѣе".

„Публика при чтеніяхъ безъ картинъ ведетъ себя благопристойнѣе, чѣмъ при чтеніяхъ съ картинами".

„Если чтеніе ведется съ картинами, то въ моментъ появленія картины на экранѣ публика сосредоточиваетъ все свое вниманіе на картинѣ, забывая совсѣмъ слушать, что читаютъ; удовлетворивши же своему любопытству, занимается совершенно посторонними разговорами,

а часто—просто выходитъ вонъ до слѣдующей картины. Когда же чтеніе ведется безъ картинъ, то публика относится по разному: если чтеніе безъ картинъ устраивается неожиданно для публики, добрая половина ея уходитъ еще до начала чтенія. Когда же заранѣе объявляется, что чтеніе будетъ безъ картинъ, то является сравнительно очень малочисленная публика,—едва $^1/_3$ или $^1/_6$ обычнаго количества,—въ большинствѣ—подростки, бывшіе школьники, что чрезвычайно радуетъ разочарованнаго въ большой публикѣ учителя".

Слѣдующій отзывъ этой же категоріи въ объясненіе тѣхъ условій, которыми опредѣляется такое нежелательное поведеніе посѣтителей народныхъ чтеній, сопровождаемыхъ демонстрированіемъ картинъ, рисуетъ такую картину:

„Народу на чтенія съ картинами собирается столько, сколько можетъ вмѣстить въ себя классъ. Тѣснота страшная. Слушатели, стоя въ темнотѣ, устаютъ, начинаютъ инстиктивно подвигаться къ свѣту, падающему отъ фонаря, толкаютъ другъ друга, производятъ шумъ ногами. Часть публики изъ за шума сосѣдей теряетъ нить разсказа, перестаетъ совсѣмъ слушать и только дожидается появленія новой картины на полотнѣ. А добрая половина и совсѣмъ не интересовалась чтеніемъ: она приходила только посмотрѣть—„картинки". И когда картина на полотнѣ теряла для нихъ интересъ, эти слушатели очень усердно занимались разговоромъ о своихъ деревенскихъ новостяхъ. На чтенія безъ картинъ является въ пять разъ меньшее количество слушателей, да и ихъ число при началѣ чтенія быстро уменьшается. Придя въ школу, и убѣдившись вполнѣ, что *картинокъ*, дѣйствительно, показывать не станутъ, многіе уходятъ домой; остаются въ большинствѣ случаевъ подростки, бывшіе школьники, при чемъ слушатели ведутъ себя во время чтенія хорошо".

Эти послѣдніе отзывы даютъ поводъ заключить, что разница въ поведеніи отдѣльныхъ представителей публики при чтеніяхъ съ картинами объясняется до нѣкоторой степени разницею тѣхъ запросовъ, съ которыми посѣтители являются на эти чтенія. Обстоятельство это еще рѣзче подчеркивается указаніями, для характеристики которыхъ приводимъ слѣдующія:

„Тѣ, что ходятъ только ради картинъ, не отличаются безукоризненнымъ поведеніемъ, остальныхъ же нельзя въ этомъ упрекнуть".

„Публика во время чтенія съ картинами ведетъ себя не особенно прилично. Это происходитъ оттого, что составъ слушателей очень разнообразенъ по возрасту: отъ одного года—до семидесяти лѣтъ".

„Мужчины слушаютъ чтеніе внимательно, женщины же только интересуются картинами, промежутокъ же между картинами проводятъ

въ сообщеніи деревенскихъ новостей, почему я и предпочитаю чтенія безъ картинъ", и т. п.

Въ объясненіе того, чѣмъ же обусловливается такое разнорѣчіе въ показаніяхъ относительно поведенія посѣтителей народныхъ чтеній, можно, повидимому, удовлетвориться слѣдующимъ соображеніемъ: въ тѣхъ случаяхъ когда на чтеніе безъ картинъ собирается обычная разносоставная публика,—поведеніе ея, въ большинствѣ случаевъ, едвали можетъ быть безукоризненно: въ составъ ея входятъ слишкомъ разнообразные элементы и одинаково удовлетворить ихъ однимъ и тѣмъ же читаемымъ матеріаломъ если и бываетъ возможно, то только въ очень рѣдкихъ случаяхъ,—когда художественно читается художественное произведеніе; въ большинствѣ же случаевъ,—интересное однимъ,—не интересно другимъ или наоборотъ. Держать въ извѣстныхъ рамкахъ поведеніе всѣхъ посѣтителей чтеній можетъ только то, что болѣе или менѣе одинаково интересуетъ или приковываетъ вниманіе всѣхъ ихъ; этимъ сдерживающимъ элементомъ и служатъ картины, которыя смотрятся съ одинаковымъ интересомъ и охотою какъ взрослыми, такъ и малолѣтними.

Однако какъ ни эффектны эти картины, онѣ не могутъ сосредоточить на себѣ вниманіе публики сколько-нибудь продолжительное время, и вотъ, если картины мѣняются не достаточно часто, вниманіе публики, особенно той части ея, которая пришла—„посмотрѣть картинки,"—ослабѣваетъ, поведеніе ея измѣняется къ худшему. Отсюда представляются вполнѣ понятными заявленія руководителей народными чтеніями, констатирующія, что вниманіе и поведеніе посѣтителей чтеній во всемъ ихъ составѣ тѣмъ лучше, чѣмъ больше картинъ.

Не менѣе понятнымъ является и то, что чтенія не иллюстрируемыя,—по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда публика заранѣе предупреждена о томъ, что картинъ показываться не будетъ, привлекаютъ лицъ исключительно желающихъ послушать читаемое, т. е. публику сравнительно односоставную и выгодно отличаются отъ чтеній съ картинами сравнительно лучшимъ поведеніемъ своихъ слушателей, число которыхъ, безъ сомнѣнія, уже не такъ велико, какъ на чтеніяхъ съ туманными картинами.

А между тѣмъ многолюдство чтеній обыкновенно высоко цѣнится ихъ устроителями; имѣя въ виду сдѣлать народныя чтенія какъ можно болѣе продуктивными, стараются привлечь къ нимъ возможно большую массу посѣтителей; игнорируя интересы того меньшинства, которое сравнительно болѣе развито и уже не требуетъ искусственныхъ мѣръ, чтобы вызвать его стремленіе къ образованію и просвѣщенію,—лица и учрежденія, устраивающія народныя чтенія, обыкновенно стремятся удовлетворить интересамъ большинства. Полагая возможнымъ посте-

ленно повысить общій образовательный и умственный уровень этого большинства съ помощью публичныхъ чтеній, но въ то же время полагая, что безъ особыхъ мѣръ такія чтенія не привлекутъ и не заинтересуютъ это большинство населенія,—озабоченныя его просвѣщеніемъ лица и учрежденія пришли къ мысли обратиться къ помощи „волшебнаго“ фонаря и картинъ.

Мы не будемъ здѣсь останавливаться надъ болѣе подробнымъ выясненіемъ того, въ какой мѣрѣ надежды на народныя чтенія при ихъ обычной организаціи, оказываются основательными, въ виду того, что въ представленномъ матеріалами—отзывами самихъ преподавателей—практичность такого „волшебнаго просвѣщенія“ ставится сама собою подъ вопросомъ; болѣе чѣмъ десятилѣтній опытъ убѣдилъ лицъ, близко стоящихъ у дѣла, что надѣяться на равномѣрное повышеніе умственныхъ силъ большинства слушателей и на постепенное сближеніе ихъ интересовъ съ интересами болѣе развитого меньшинства—едва ли возможно; что какъ ранѣе, такъ и теперь въ составъ посѣтителей народныхъ чтеній входятъ, какъ сказано, чрезвычайно разнообразные элементы: съ самаго начала устройства чтеній на нихъ присутствуютъ какъ тѣ, кто ищетъ нѣкоторыхъ знаній, не нуждаясь для усвоенія ихъ ни въ какихъ искусственныхъ мѣрахъ, такъ равно и другіе,—имѣющіе нужду въ этихъ мѣрахъ, а вмѣстѣ съ тѣми и другими на эти же чтенія являются, какъ и ранѣе, и такіе посѣтители, которые ищутъ отнюдь не знаній, а развлеченій, идутъ „смотрѣть картинки“, и ради этого терпятъ неинтересное для нихъ чтеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ отзывы этихъ болѣе опытныхъ преподавателей опредѣленно указываютъ, что народныя чтенія могутъ устраиваться и безъ картинъ, и могутъ быть въ высшей степени полезными, хотя, чтенія этой категоріи, быть можетъ, и не привлекаютъ такую массу разносоставной публики, какъ чтенія съ туманными картинами.

Аналогичное этому мнѣніе просказывалось, какъ извѣстно, и въ литературѣ по данному предмету: „Многіе думаютъ,—пишетъ въ своей книгѣ В. П. Вахтерова,—что чтенія невозможны безъ волшебнаго фонаря и туманныхъ картинъ, безъ помѣщенія особо приноровленнаго къ потребностямъ аудиторіи, безъ значительныхъ расходовъ, безъ музыки или хора пѣвчихъ и проч. Если же мы внимательно посмотримъ на то, какъ въ разныхъ мѣстахъ устраиваются чтенія, то окажется, что чтенія не могутъ состояться только безъ одного условія—безъ чтеца. Для того, чтобы чтенія получили осуществленіе, безусловно необходимъ только одинъ чтецъ, и притомъ не какой-нибудь искусный лекторъ, владѣющій даромъ художественнаго чтенія, а просто грамотный человѣкъ, умѣющій читать сколько-нибудь выразительно. Конечно, нужна еще книга“..., но, совершенно справедливо замѣчаетъ г. Вахтеровъ,—„самое наименьшее изъ затрудненій, которое придется одолѣть добровольцу-чтецу,—

это будетъ достать книги. Другое дѣло фонарь и туманныя картины. Они дороги и ихъ труднѣе достать, но въ томъ то и дѣло, что это очень желательныя, конечно, пособія при веденіи чтеній оказываются совершенно не необходимыми. Чтенія могутъ идти и безъ нихъ“ [1]).

Въ дѣйствительности однако такія школы, гдѣ чтенія ведутся исключительно безъ картинъ,—чрезвычайно рѣдки, не велико число и тѣхъ школъ, гдѣ на-ряду съ чтеніями иллюстрируемыми допускаются и чтенія безъ картинъ.

Пользуясь доставленными по соотвѣтствующему вопросу свѣдѣніями относительно 189 земскихъ школъ Московской губерніи, можно видѣть, что въ 145 изъ этихъ школъ народныя чтенія велись въ 1899 году исключительно только при наличности свѣтовыхъ картинъ, въ 40—вмѣстѣ съ чтеніями иллюстрированными допускались чтенія и безъ картинъ и только въ 4 школахъ народныя чтенія устраивались исключительно безъ картинъ. Всего же въ этомъ послѣднемъ году въ указанномъ числѣ школъ было устроено чтеній съ картинами 1984, а чтеній безъ картинъ 181. Приведенныя цифровыя данныя хотя и не охватываютъ всѣ тѣ школы, гдѣ велись народныя чтенія въ минувшемъ учебномъ году, однако нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы тѣ школы (71), относительно которыхъ этого рода свѣдѣнія не доставлены, сколько-нибудь въ сказанномъ отношеніи выдѣлялись и такимъ образомъ высказанное выше общее заключеніе относительно того, насколько исключительными представляются школы, устраивавшія не иллюстрированныя чтенія, можетъ быть отнесено не только къ значительному большинству, но и вообще ко всѣмъ тѣмъ школамъ Московской губерніи, въ которыхъ велись народныя чтенія.

Свѣдѣнія о томъ, какъ въ отдѣльныхъ уѣздахъ организовано дѣло снабженія школъ фонарями и картинами, были уже представлены во второй главѣ настоящаго очерка, замѣтимъ лишь, что число такихъ школъ, для которыхъ свѣтовыя картины получаются отъ частныхъ лицъ или съ помощью абонементовъ въ Московскихъ мастерскихъ (на что обыкновенно даются средства попечителями школъ) очень невелико (около 15% того числа школъ, въ которыхъ устраиваются чтенія), значительнымъ же большинствомъ школъ картины получаются изъ уѣздныхъ земскихъ управъ пріѣзжающими за полученіемъ жалованья или за учебными пособіями учителями и учительницами; нерѣдко затѣмъ—„картины получаются изъ уѣздной управы случайно, или—„съ оказіей“; въ нѣкоторыхъ, наконецъ, уѣздахъ, какъ объ этомъ уже говорилось выше,—картины и фонари пересылаются земскими управами изъ школы въ школу по особому маршруту.

---

[1]) «Народн. чтенія» стр. 111—112.

Разсматривая принятую въ Московской губерніи организацію народныхъ чтеній въ ея деталяхъ, прежде всего нельзя не замѣтить, что ближайшимъ слѣдствіемъ того значенія, которое придается въ дѣлѣ устройства и веденія народныхъ чтеній собственно ихъ иллюстраціи съ помощью туманныхъ картинъ, является то, что тема устраиваемыхъ чтеній оказывается обыкновенно совершенно случайною, несмотря на то, что большинство учителей и учительницъ въ своихъ сообщеніяхъ высказываются за систематизацію чтеній.

„Въ принципѣ я предпочитаю вести чтенія безъ картинъ,—читаемъ мы въ одномъ изъ этихъ сообщеній,—такъ какъ можно бы было вести чтенія по извѣстной системѣ, на дѣлѣ же приходится считаться со вкусомъ публики, которая предпочитаетъ чтенія съ картинами; заполучить же послѣднія по выбору очень трудно, или, вѣрнѣе, совсѣмъ невозможно; поэтому берешь, что попало, а слѣдовательно и систему ввести не имѣешь возможности; да ея у насъ и нѣтъ ни у кого и никогда".

„Чтобы прочесть хоть бы курсъ священной исторіи или русской,—говорится въ другомъ сообщеніи,—необходимы картины, но ихъ то не всегда можно достать тому лицу, которое пожелало бы вести свои чтенія въ опредѣленной системѣ. Если же читать систематически безъ картинъ,—то надо опасаться того, что будетъ очень мало слушателей".

Таково содержаніе подавляющаго большинства отвѣтовъ на предложенный преподавателямъ вопросъ,—придерживаются ли они въ народныхъ чтеніяхъ какой-либо системы, а если не придерживаются, то почему?

Въ Волоколамскомъ уѣздѣ, какъ объ этомъ было сказано выше, въ настоящее время осуществляется попытка систематизировать народныя чтенія; каковы результаты этой попытки,—въ настоящее время опредѣленнаго ничего еще сказать нельзя, такъ какъ такого рода чтенія начали устраиваться въ этомъ уѣздѣ только въ послѣднемъ учебномъ году. Собранный же по губерніи матеріалъ относится къ году предшествовавшему и даетъ по настоящему вопросу 175 отвѣтовъ, изъ которыхъ только 12 указываютъ на то, что лица, ведущія въ школахъ народныя чтенія (преимущественно священники законоучители), придерживаются опредѣленной системы, излагая исторію священную и русскую въ послѣдовательномъ порядкѣ; затѣмъ въ одной изъ школъ, какъ это отмѣчается полученнымъ сообщеніемъ, принята была особая система, при чемъ—„дѣло велось такъ: въ каждомъ чтеніи два отдѣла: первый—религіозно-нравственный, а другой—беллетристическій. Тема для перваго отдѣла приспособляется къ воскресному дню, ближайшему празднику, или же памяти какого-либо святого. Тема для второго отдѣла выбирается по возможности примѣнительно къ событію текущей жизни, напр. 100-лѣтію со дня кончины Императрицы Екатерины II, 35-лѣтію

освобожденія крестьянъ, Пушкинскому юбилею и т. п. или же является случайною".

Въ первомъ выпускѣ „Вопросовъ народнаго образованія" въ краткой замѣткѣ относительно народныхъ чтеній уже приводились примѣры того, какъ разнообразны, какъ мало имѣютъ между собою общаго по своимъ темамъ народныя чтенія, которыя послѣдовательно устраиваются въ отдѣльныхъ школахъ.

И въ этомъ отношеніи, какъ и вообще въ организаціи народныхъ чтеній Московская губернія не представляется исключительною.

Въ Курской, напримѣръ, губерніи—„по имѣющимся многочисленнымъ даннымъ видно, что системы въ чтеніяхъ до сихъ поръ не было никакой: выборъ чтеній зависѣлъ отъ личнаго усмотрѣнія читающаго, отъ случайно попавшейся книги, отъ присланныхъ картинъ" [1]).

Въ Вятской губерніи, по словамъ доклада губернской земской управы,— „конечная цѣль народныхъ чтеній—образованіе извѣстной группы лицъ по систематической программѣ—далека еще до своего осуществленія". Дѣйствительно, о какой либо систематичности чтеній здѣсь не можетъ быть и рѣчи, какъ это можно видѣть изъ списка произведеній, читанныхъ въ $189^{7}/_{8}$ году въ отдѣльныхъ пунктахъ этой губерніи. Здѣсь указывается, напримѣръ, что въ слободѣ Демьянкѣ читалось: „Русланъ и Людмила, Гора Араратъ, Демонъ, Борисъ Годуновъ, Императоръ Александръ I, Кавказскій плѣнникъ, Японія, Императрица Екатерина II, О животныхъ, Много ли человѣку нужно земли, Чай и его польза, Русскіе богомольцы на Синаѣ". Въ селѣ Ильинскомъ: Екатерина Великая, О вредѣ спиртныхъ напиткахъ, Много ли человѣку нужно земли, Туркестанъ, Суворовъ, Священное коронованіе, О святой землѣ, Чай и его польза. Въ селѣ Пижанкѣ: Земная жизнь Божіей Матери, Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ, Покореніе царства Казанскаго и Астраханскаго, „Басня" про купца Калашникова. Въ селѣ Унинскомъ: Нашествіе татаръ, Китай, Праотцы и патріархи, Капитанская дочка. Въ селѣ Зюздинѣ-Христорождественскомъ: Владиміръ Мономахъ, Уралъ, Кольцовъ и его пѣсни, О неподвижныхъ звѣздахъ и планетахъ, Китай" [2]) и т. д.

Пользуясь книгой В. П. Вахтерова можно видѣть, что выработанная въ 1893 году Орловскимъ комитетомъ „полусистематическая программа" чтеній—„не могла быть исполнена всецѣло потому, что картинная мастерская Кельсіевой не взялась исполнить эту программу

---

[1]) Изд. справочно-педагогич. бюро Курскаго губ. земства—«Текущая школьная статистика» 1896—7 г. стр. 24.

[2]) «Журн. Вятск. губ. зем. собр.» 1898 г. Докл. по внѣшкольн. образованію» стр. 15, 31—92.

цѣликомъ за абонементомъ картинъ на указанныя числа другими аудиторіями; поэтому и въ прошедшемъ году (цитируется отчетъ 1894 г.) чтенія комитета отличались тѣми же недостатками, что и раньше: отсутствіемъ системы и случайностью выбора“ [1]).

Нѣчто подобное этому, по свидѣтельству цитируемаго въ той же книгѣ отчета комиссіи, устраивавшей чтенія въ Воронежской губерніи, наблюдалось и въ этой губерніи.

При выясненіи вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ представляется желательною систематизація народныхъ чтеній, а также—въ какой степени такая систематизація выполнима,—не мало интересныхъ указаній даетъ тотъ матеріалъ, который говоритъ о постановкѣ народныхъ чтеній въ Тамбовской губерніи. Пользуясь послѣднимъ „очетомъ общества по устройству народныхъ чтеній въ г. Тамбовѣ и Тамбовской губерніи“ (т. е. за 1898—9 годъ), можно видѣть, что состоящій при Шацкомъ уѣздномъ отдѣленіи епархіальнаго училищнаго совѣта комитетъ—„въ первомъ своемъ собраніи за отчетный годъ рѣшилъ вести систематическія чтенія для народа по русской исторіи и избралъ для выработки систематической программы особую комиссію... Эта комиссія имѣла въ своемъ распоряженіи „списокъ иллюстрированныхъ картинами брошюръ Тамбовскаго общества народныхъ чтеній“ и изданныя постоянною комиссіею народ. чтеній книги: „29 чтеній по русской исторіи“ и 2 выпуска послѣдовательной исторической христоматіи: „Русская исторія въ романахъ и повѣстяхъ“ и, задавшись цѣлью смѣвять иногда сухой историческій разсказъ разрѣшенными для народныхъ чтеній отрывками и сокращеніями историческихъ повѣстей и романовъ, выработала особую программу“...

„Само собою разумѣется,—говорится далѣе въ цитируемомъ отчетѣ,—что комитетъ не въ состояніи былъ выполнить этой программы въ точности. Уже на пятомъ чтеніи онъ принужденъ былъ сдѣлать отступленіе отъ программы опустивъ не присланное изъ Тамбова чтеніе: „Татарскій погромъ и св. Александръ Невскій“, начиная же съ 2 чтенія, перестановка одного чтенія на мѣсто другого, замѣна однихъ чтеній другими, часто не имѣющими никакого отношенія къ программѣ, и даже совершенное опущеніе чтеній—сдѣлались явленіями обычными“... „Неточное выполненіе программы по русской исторіи зависѣло главнымъ образомъ отъ неправильнаго полученія брошюръ и картинъ къ нимъ отъ правленія Тамбовскаго общества и частью отъ степени развитія и вкуса публики, посѣщавшей чтенія. Правленіе Тамбовскаго общества, какъ надо думать, не всегда имѣло возможность высылать чтенія къ указанному въ расписаніи сроку, поэтому одни чтенія оно

---

[1]) «Народн. чтенія» стр. 173—174.

совсѣмъ не высылало, другія высылало раньше или позже назначеннаго срока, третьи, наконецъ, высылало сверхъ расписанія, при чемъ только одно изъ послѣднихъ было болѣе или менѣе подходящимъ къ программѣ, всѣ же остальныя не имѣли къ ней никакого отношенія.— Кромѣ того, предположенная программа оказалась не совсѣмъ соотвѣтствующею развитію и вкусамъ публики. Чтенія безъ туманныхъ картинъ не нравились публикѣ, и она собиралась на нихъ въ гораздо меньшемъ числѣ, чѣмъ на чтенія съ картинами. Въ журналѣ народныхъ чтеній записано даже нѣсколько такихъ случаевъ, когда часть собравшейся на чтеніе публики, иногда очень значительная, доходившая до половины, прослушавъ чтеніе до антракта, оставляло залъ и больше даже не возвращалась въ него. Такое непріятное явленіе имѣло мѣсто, напр. при чтеніи „Царское посольство", изъ истор. пов. Фурмана" „Саардамскій плотникъ" и повѣсти Кельсіева и Клюшникова—„При Петрѣ Великомъ". Указанное обстоятельство иногда вынуждало лицъ, постоянно слѣдившихъ за чтеніемъ и отношеніемъ къ нимъ публики, сокращать чтенія безъ картинъ до minimum'a и даже совсѣмъ выпускать ихъ (какъ напр. отрывокъ изъ соч. Пушкина „Арапъ Петра Великаго", Фурмана, „Кн. Я. Ѳ. Долгорукій" и „А. Д. Меньшиковъ" и Вс. Соловьева „Царь-дѣвица") и замѣнять другими съ картинами, но не имѣющими связи съ программой".

„Что касается отношенія публики къ систематическимъ чтеніямъ, то должно сказать, что системы то, собственно, она не цѣнила и даже въ массѣ своей, не замѣчала ея, несмотря на то, что на первыхъ чтеніяхъ была особо предупреждаема о ней. Лучшимъ доказательствомъ безсознательнаго отношенія публики къ системѣ въ чтеніяхъ служитъ то обстоятельство, что составъ слушателей на каждомъ чтеніи мѣнялся и былъ крайне непостоянный. Если и были единичные слушатели, почти неопустительно посѣщавшіе чтенія въ отчетномъ году, то они также посѣщали и безсистемныя чтенія предыдущихъ лѣтъ и, слѣдоват., руководились въ данномъ случаѣ не желаніемъ прослушать систематическій курсъ чтеній по исторіи, а вообще любовью къ чтеніямъ. Отношеніе публики къ отдѣльнымъ чтеніямъ было не одинаково: одни чтенія принимались публикою холодно (къ этому разряду относятся большинство сухихъ и историческихъ чтеній), другія прослушивались съ интересомъ, третьи съ напряженнымъ вниманіемъ".

Какъ видимъ, попытка систематизировать народныя чтенія въ данномъ случаѣ не имѣла успѣха. Вести чтенія въ извѣстномъ послѣдовательномъ порядкѣ оказалось невозможнымъ главнымъ образомъ потому, что не иллюстраціи подбирались въ зависимости отъ того, что предполагалось прочитать, а наоборотъ,—читалось то, что служило

поясненіемъ доставляемымъ иллюстраціямъ. Такое отношеніе къ подлежащей прочтенію темѣ и къ иллюстраціямъ всецѣло, повидимому, зависѣло отъ того, что эти послѣднія особенно интересовали и привлекали значительное число посѣтителей, не придававшихъ значенія отступленіямъ отъ послѣдовательности изложенія, и, наоборотъ, оставлявшихъ аудиторію при отсутствіи картинъ.

Лекторамъ и составителямъ отчета не удалось подмѣтить,—были-ли въ числѣ посѣтителей аудиторіи такіе, которые надѣялись пріобрѣсти съ помощью чтеній извѣстныя знанія: составъ посѣтителей мѣнялся и если чтенія посѣщались небольшимъ числомъ ищущихъ собственно знанія,—наличность ихъ не могла быть подмѣчена, а ихъ интересы, очевидно, не вполнѣ гармонировали съ участіемъ большинства, искавшаго на чтеніяхъ главнымъ образомъ развлеченія.

Вопросъ о систематизаціи чтеній въ связи съ выясненіемъ того, удовлетворенію какихъ же духовныхъ потребностей населенія должны служить народныя чтенія.—возникаетъ среди устроителей народныхъ чтеній въ Тамбовской губерніи не впервые. Еще въ 1893 году правленіе общества по устройству народныхъ чтеній въ г. Тамбовѣ высказывало въ своемъ отчетѣ намѣреніе [1])—„внести въ чтенія большій порядокъ“, но уже въ отчетѣ за 1893—4 годъ правленіе высказалось принципіально противъ какихъ либо „системъ“: „по мнѣнію правленія народныя чтенія при ихъ перемѣнной аудиторіи имѣютъ цѣлью только заинтересовать народъ книгой, воспитать въ немъ охоту къ чтенію, а не сообщать ему систематическій курсъ какихъ либо наукъ“.

„Такъ какъ, однако, не всѣ члены общества согласились съ такимъ взглядомъ, то вопросъ о систематизаціи чтеній пришлось сдать для разработки въ особую комиссію, такъ наз. „редакціонную“. Въ редакціонной комиссіи обѣ точки зрѣнія опредѣлились съ достаточною полнотою. „Одни находили, что система необходима, народныя чтенія имѣютъ своею цѣлью развитіе народа, его образованіе. Всякое же образованіе возможно только въ системѣ. Какое представленіе могутъ составить себѣ слушатели о значеніи Іоанна III, не зная ни о дробленіи на удѣлы, ни о собираніи земли, какое впечатлѣніе могутъ они вынести о преемникахъ Петра, не слыхавъ ничего о самомъ Петрѣ? Поэтому необходимо дать послѣдовательный рядъ чтеній, которыя бы ясно обрисовали передъ слушателями ту или другую эпоху, ту или другую область науки. Видя для себя главное возраженіе въ томъ, что слушатели на чтеніяхъ постоянно мѣняются, они высказывали ту мысль, что извѣстная часть слушателей постоянна и что эти-то слушатели

---

[1]) Приводимыя далѣе указанія мы заимствуемъ изъ статьи г. В. Чернова «Публичныя народ. чтен. въ г. Тамбовѣ», помѣщенной въ журн.—»Образованіе» 1898 г. № 10.

заслуживаютъ внимательнаго отношенія къ нимъ, которое можетъ выразиться только въ приведеніи въ порядокъ чтеній".

„Однако большинство комиссіи осталось вѣрнымъ правленію и однажды высказанному послѣднимъ мнѣнію. Оно утверждало, что „задача народныхъ чтеній состоитъ не въ образованіи слушателей.... Главная цѣль ихъ—дать разумное здоровое развлеченіе отдыхающему народу, и въ лучшемъ своемъ стремленіи пріохотить къ чтенію, показать ему, что такое говорится въ книгахъ, которыя онъ можетъ найти хоть бы во вновь открытой народной читальнѣ. Народныя чтенія—это первая ступень къ пробужденію у народа любознательности и потому уже самому они должны отнюдь не спеціализироваться въ отдѣльные циклы, и, напротивъ, быть какъ можно разнообразнѣе: одного слушателя можетъ заинтересовать одна часть знаній, другого—совершенно другая".

Дѣйствительно, тотъ матеріалъ, которымъ располагалъ авторъ цитируемой статьи и который состоитъ изъ отзывовъ посѣтителей Тамбовской аудиторіи, данныхъ на предложенные имъ вопросы относительно того,—что именно изъ прочитаннаго понравились имъ больше,—достаточно ясно показываетъ, какъ разнообразны бываютъ вкусы и запросы посѣтителей одной и той же аудиторіи. Изъ полученнаго съ помощью трехъ такихъ опросовъ матеріала видно, что—„больше всего спросъ на чтенія литературнаго содержанія, затѣмъ—историческаго; на третьемъ мѣстѣ стоитъ спросъ на духовно-нравственное чтеніе. Затѣмъ идетъ спросъ на темы современной жизни, естествовѣдѣніе и географію; послѣднее мѣсто занимаетъ медицина и гигіена". Вмѣстѣ съ этимъ обнаружилось, что, напримѣръ,—„любители „божественнаго" съ пренебреженіемъ смотрятъ на литературныя чтенія", и что въ то время какъ нѣкоторые, правда, очень немногочисленные слушатели, по ихъ словамъ, съ удовольствіемъ бы выслушали „Таинственнаго Монаха" или „Алешу Бубеньщика",—другіе просятъ ознакомить ихъ „съ составомъ земли", съ „царствомъ животныхъ или пернатыхъ".

Очевидно, стало-быть, что публичныя чтенія при современной ихъ организаціи только въ исключительныхъ случаяхъ могутъ заинтересовать и удовлетворить публику во всемъ ея составѣ; въ большинствѣ же случаевъ такія чтенія, удовлетворяя одну часть слушателей, не отвѣчаютъ запросу другой.

Въ Московской губерніи, какъ это видно изъ тѣхъ данныхъ, которыя приведены во второй главѣ настоящаго очерка, за систематизацію народныхъ чтеній высказались организаторы чтеній въ Волоколамскомъ, Московскомъ и Звенигородскомъ уѣздахъ. Матеріалъ состоящій изъ отзывовъ по настоящему вопросу учителей и учительницъ

свидѣтельствуетъ о томъ, что забота о систематизаціи чтеній отвѣчаетъ и взгляду преподавателей, большинство которыхъ высказалось за систематичность чтеній при наличности, однако, достаточно богатаго подбора свѣтовыхъ картинъ.

Обращаясь къ отзывамъ преподавателей, свидѣтельствующихъ, что систематическое веденіе чтеній при настоящихъ условіяхъ нельзя признать желательнымъ, прежде всего отмѣтимъ тѣ, которыми опредѣленно указывается, что—„вести чтенія систематично и часто мѣшаетъ недостатокъ времени и силъ у преподавателей“, которые должны затратить на подготовку къ такимъ чтеніямъ сравнительно довольно много времени. „Чтобы вести чтенія систематично,—читаемъ мы въ одномъ изъ этихъ отзывовъ,—учителямъ нужно имѣть желѣзное здоровье; при такой системѣ, прозанявшись ежедневно отъ 9 часовъ утра до 3—4 пополудни, придется вести занятія и по праздникамъ; такого здоровья у насъ нѣтъ“,

Какъ ни мало подобнаго рода замѣчаній,—нельзя, конечно, не признать ихъ существенной важности: въ самомъ дѣлѣ,—хотя и желательно привлечь преподавателей къ веденію систематическихъ народныхъ чтеній,—едва ли можно требовать отъ сельскихъ учителей обязательнаго ихъ участія въ дѣлѣ устройства и веденія этихъ чтеній. И если подобнаго рода указаній получено было, сравнительно, очень мало, то это, безъ сомнѣнія, главнѣйшимъ образомъ зависѣло отъ того, что преподаватели, считая дѣло народныхъ чтеній органически связаннымъ съ основными задачами школы, стѣснялись давать отрицательный отвѣтъ по настоящему вопросу, хотя они, конечно, болѣе чѣмъ кто либо познаютъ что веденіе чтеній въ извѣстной системѣ потребуетъ отъ нихъ очень и очень значительнаго труда и что для того, чтобы поставить такого рода чтенія съ желательною широтою и правильностью,—необходима особая организація, въ составъ которой могли бы и пожелали бы войти, безъ сомнѣнія, далеко не всѣ учители и учительницы.

Что же касается учителей и учительницъ, отвѣтившихъ отрицательно на данный вопросъ, то большинство этихъ преподавателей находятъ систематичность не имѣющею значенія, потому что составъ слушателей случаенъ и непостояненъ: „не всѣ имѣютъ возможность посѣщать чтенія аккуратно, чтобы выслушать цѣлый курсъ какого-нибудь предмета“; такимъ образомъ начало, напримѣръ, русской исторіи, если бы чтенія ея велись въ извѣстномъ послѣдовательномъ порядкѣ,—было прослушано одними, продолженіе — другими, а окончаніе — третьими, быть можетъ, вмѣстѣ съ тѣми, кто имѣлъ возможность слышать начало, но долженъ былъ пропустить продолженіе. Правда, можетъ быть, въ составъ слушателей и вошло-бы нѣсколько человѣкъ такихъ, которые именно хотѣли бы познакомиться съ излагаемымъ предметомъ въ его

послѣдовательномъ развитіи, но едва ли число ихъ могло быть значительнымъ и притомъ едва ли имъ не мѣшали бы тѣ, кто принадлежитъ къ большинству и ищетъ на чтеніяхъ только развлеченія.

Было бы, конечно, въ высшей степени желательно опредѣлить возможно точнѣе, какъ именно распредѣляются посѣтители чтеній; какъ велико число тѣхъ, кто требуетъ отъ чтеній развлеченія, и тѣхъ,—кто хочетъ при помощи чтеній удовлетворить своей любознательности, въ какой мѣрѣ устраиваемыя теперь чтенія удовлетворяютъ этимъ запросамъ и т. д. Къ сожалѣнію представить на эти вопросы опредѣленные и точные отвѣты пока не имѣется возможности. Давая отзывы, позволяющіе нѣсколько освѣтить и эту сторону дѣла, участники и устроители народныхъ чтеній могутъ исходить только изъ тѣхъ впечатлѣній, которыя оставляетъ на нихъ общій составъ аудиторіи; отсюда самъ собою возникаетъ вопросъ,—не будутъ ли такія заключенія нѣсколько поверхностными, имѣющими личную окраску и чтобы судить о томъ, въ какой мѣрѣ можно этого опасаться, считаемъ необходимымъ еще разъ воспроизвести здѣсь картину народныхъ чтеній, пользуясь для этого сообщеніемъ одной изъ учительницъ. Вотъ что читаемъ мы въ этомъ описаніи:

„Священникъ послѣ обѣдни, когда прикладываются ко кресту, объявляетъ, что въ школѣ въ такомъ-то часу будетъ чтеніе съ туманными картинами. (О содержаніи чтенія священникъ иногда умалчиваетъ, такъ какъ, по словамъ одного изъ священниковъ—„неудобно объявлять съ церковной каѳедры названіе какой-либо темы юмористическаго или сказочнаго содержанія“; во многихъ школахъ о чтеніи, а иногда и о темѣ его сообщается черезъ учениковъ). Съ двухъ часовъ, если чтеніе назначено, напримѣръ, въ три часа, начинаетъ въ школу собираться публика. Прежде всѣхъ является, конечно, мелюзга (школьники), которая всегда принимаетъ живое участіе въ приготовленіяхъ къ чтенію. Приготовленія же эти состоятъ въ слѣдующемъ: нужно вынести парты, натянуть полотно, закрыть окна, приготовить столъ подъ фонарь, столъ для чтеца. На столѣ для чтеца ставится обыкновенно ящикъ, въ который вставляется лампа, освѣщающая такимъ образомъ только чтеца. Публика все время чтенія должна стоять въ темнотѣ. Передъ чтеніемъ дѣтей обыкновенно усаживаютъ на полъ передъ полотномъ, взрослые помѣщаются сзади. Передъ началомъ чтенія въ комнатѣ темно, виденъ одинъ только свѣтлый кругъ на полотнѣ. Публика въ ожиданіи чтенія шумитъ. Но вотъ является священникъ и водворяется тишина. Священникъ объявляетъ, о чемъ онъ будетъ читать. Начинается чтеніе, появляется первая картина. Мелюзга, не обращая вниманія на чтеніе, начинаетъ выражать довольно громко свои впечатлѣнія. Чтецъ прерываетъ чтеніе, проситъ дѣтей прекратить разговоръ. На нѣсколько ми-

мутъ водворяется тишина, но такъ какъ для дѣтей чтеніе неинтересно, непонятно, то они опять начинаютъ разговоры или возню, пользуясь темнотою. Если же чтеніе доставляетъ удовольствіе дѣтямъ, то, конечно, оно неитересно для взрослыхъ, а потому на такомъ чтеніи шумятъ уже не дѣти, а взрослые, разсказывая другъ другу о своихъ домашнихъ дѣлахъ, или же, прослушавъ нѣсколько строкъ, уходятъ совсѣмъ. Хуже всѣхъ, конечно, въ это время чувствуетъ себя чтецъ. Тяжело читать, когда шумятъ, а еще тяжелѣе, когда чувствуешь, что твое чтеніе никому не нужно. Тяжело, очень тяжело читать, когда зарнѣе знаешь, что половина твоей публики будетъ недовольна твоимъ чтеніемъ. Кто пришелъ посмотрѣть только картинки, кто—послушать чтеніе, чтеніе хорошее, серьезное. Есть нѣсколько человѣкъ, съ удовольствіемъ слушающихъ, интересующихся читаемымъ, но есть много такихъ, которые справляются у завѣдующаго фонаремъ,—что, много ли еще картинъ осталось и скоро ли онѣ будутъ? Публики много. Въ комнатѣ темно, душно, пахнетъ копотью, у чтеца начинаетъ першить въ горлѣ, лампа въ фонарѣ все хуже и хуже горитъ, картины все блѣднѣе и блѣднѣе. Публика все шумнѣе и шумнѣе. Сдѣлать перерывъ нельзя: некуда отправить публику, пока будетъ освѣжаться комната. Помню очень хорошо, какъ разъ я читала о свѣтилахъ небесныхъ; на полотнѣ должна была появиться первая картина,—изображающая млечный путь, а вторая—пятна на солнцѣ; вмѣсто того и другого получился на полотнѣ сѣрый кругъ. Чтеніе было довольно длинное; я предложила публикѣ оставить вторую половину до другого раза, когда картина выйдетъ лучше и чтеніе будетъ не такъ утомительно, но оказалось, что было нѣсколько человѣкъ, которые оказались заинтересованными и этимъ сухимъ чтеніемъ, а потому просили докончить и безъ картинъ. Публика, пришедшая ради картинъ, стала выходить. Управлявшій фонаремъ проситъ принести теплыя галоши, такъ какъ около фонаря страшно жарко а внизу на полу очень холодно. Дверь поминутно отворяется“... [1]).

[1]) Въ литературѣ даннаго предмета мы встрѣчаемъ только одно такое описаніе, хотя и относящееся до нѣкоторой степени къ темѣ настоящаго очерка, но рисующее одну изъ городскихъ Московскихъ аудиторій. Вотъ это описаніе: „Большая комната воскресной школы для рабочихъ. Глазъ нескоро привыкаетъ къ царствующей темнотѣ. Впереди, на столикѣ чуть брежжитъ свѣтъ отъ лампы, окруженной плотнымъ абажуромъ. Какой-то господинъ, склонясь къ книгѣ, монотонно произноситъ что-то. Середину комнаты прорѣзываетъ лучъ волшебнаго фонаря, освѣщающій скамьи и на нихъ человѣкъ тридцать взрослыхъ рабочихъ и подростковъ... Слышится чей-то шепотъ. Мрачный господинъ около лампы читаетъ нравоучительную повѣсть, въ которой какъ дважды два четыре доказываетъ, что трудолюбіе, благоразуміе и честность заслуживаютъ всяческой похвалы; слушатели присутствуютъ при постепенномъ торжествѣ добродѣтели и окончательномъ наказаніи порока. Блѣдныя въ полномъ смыслѣ слова—„туманныя“ картины дискредетируютъ совершенно ясное и опредѣленное содержаніе повѣсти. Въ воздухѣ виситъ томительное ожиданіе конца и сожалѣніе о потерянномъ времени“. („Образовательно-воспит. учрежд. для рабочихъ“. Изд. Имп. Русс. Технич. Общ. Московск. отд.; ст. г. Т. Полнеръ—„Какія развлеченія благотворно вліяютъ на рабочихъ“ стр. 37).

Если признать, что картина, данная только что цитированнымъ сообщеніемъ, не является исключительною (а въ этомъ едва ли могутъ возникнуть сомнѣнія), то нельзя будетъ не признать, что учители и учительницы тѣхъ школъ, гдѣ устраиваются народныя чтенія, если и не могутъ съ желательною точностью отпредѣлить,—какъ много лицъ, насчитывается въ той или иной категоріи посѣтителей, каковы въ частности ихъ запросы и т. д.,—то во всякомъ случаѣ могутъ составить правильное заключеніе о томъ, какъ вообще относится большинство населенія къ устраиваемымъ теперь народнымъ чтеніямъ; и если тѣмъ не менѣе можно опасаться, что замѣчанія по этому предмету преподавателей передаютъ дѣйствительность не достаточно точно, то несомнѣнно, что такія отступленія могли быть сдѣланы только съ тою цѣлью, чтобы нѣсколько прикрасить дѣйствительность, представить чтенія болѣе отвѣчающими тѣмъ надеждамъ, которыя обычно на нихъ возлагались и возлагаются.

Чтобы по возможности точнѣе выяснить, какъ смотритъ мѣстное населеніе на народныя чтенія въ томъ ихъ видѣ, въ какомъ они ведутся теперь, воспользуемся прежде всего отзывами на данный вопросъ учителей и учительницъ Московскаго уѣзда, гдѣ чтенія ведутся сравнительно уже давно, или, по крайней мѣрѣ, настолько давно, что по отношенію къ нимъ успѣлъ установиться достаточно опредѣленный взглядъ населенія.

Обращаясь къ этимъ сообщеніямъ, находимъ, что по своему характеру они безъ труда могутъ быть разбиты на три группы, изъ которыхъ самую меньшую (пятая часть всѣхъ отзывовъ) составляютъ сообщенія тѣхъ преподавателей, которые указываютъ, что—„мѣстное населеніе относится къ народнымъ чтеніямъ съ живымъ интересомъ и видитъ въ немъ своего рода школу, а не развлеченіе“. Остальное большинство отзывовъ дѣлится на двѣ почти равночисленныя группы, изъ которыхъ одну составляютъ отзывы по своему характеру прямо противуположные указаннымъ, т. е. свидѣтельствующіе, что населеніе смотритъ на устраиваемыя теперь чтенія съ туманными картинами исключительно какъ на развлеченіе, а къ послѣдней, третьей группѣ отвѣтовъ должны быть отнесены тѣ, которые отмѣчаютъ, что часть населенія смотритъ на практикуемыя чтенія, какъ на развлеченіе, а другая—какъ на своего рода школу.

Для характеристики этихъ отвѣтовъ приведемъ по нѣскольку изъ каждой группы:

„Населеніе къ народнымъ чтеніямъ относится съ большою любовью, видя въ нихъ не пустое препровожденіе времени, а вполнѣ школу“.

„Населеніе смотритъ на чтенія не какъ на развлеченіе, а болѣе серьезно".

„Чтенія для народа служатъ школою, это видно изъ того, что публика при чтеніяхъ ведетъ себя лучше. Затѣмъ нерѣдко бываетъ и то, что многіе изъ взрослыхъ задаютъ вопросы, требуя объясненія нѣкоторыхъ чтеній".

Приведя этотъ послѣдній отзывъ, не можемъ не замѣтить, что образцовое поведеніе публики не всегда служитъ непремѣннымъ условіемъ народныхъ чтеній въ тѣхъ школахъ, учителя которыхъ дали отзывы этой категоріи. „Населеніе,—читаемъ мы, напримѣръ въ одномъ изъ такихъ сообщеній,—смотритъ на чтенія, какъ на школу: старшій возрастъ почерпаетъ изъ чтеній свѣдѣнія, раньше для нихъ неизвѣстныя; для молодого возраста чтенія служатъ повтореніемъ пройденнаго въ школѣ"; однако тѣмъ же сообщеніемъ отмѣчается, что—„публика во время чтенія съ картинами ведетъ себя не особенно прилично, что происходитъ оттого, что составъ слушателей очень разнообразенъ по возрасту—отъ одного года—до семидесяти лѣтъ".

Представимъ теперь нѣсколько отзывовъ второй категоріи:

„Опредѣляя, какъ населеніе смотритъ на чтенія, можно сказать, что оно смотритъ на нихъ, какъ на что угодно, только не какъ на школу; скорѣе оно относится къ нимъ какъ къ развлеченію. Чтенія даютъ возможность посѣтителямъ повстрѣчаться съ знакомыми: молодежи похихикать, развлечься, пожилымъ перебрать сосѣдей".

„Когда чтеніе бываетъ общее для взрослыхъ и дѣтей (какъ это и бываетъ въ большинствѣ случаевъ), то на него смотрятъ какъ на забаву. Я даже знаю мѣстность, гдѣ взрослые стыдятся идти на чтеніе, дожидаются темноты, чтобы не такъ замѣтно было ихъ присутствіе среди дѣтей, чтобы нн замѣтили, что они идутъ смотрѣть картинки".

„Населеніе смотритъ на чтенія, какъ на дѣтскую забаву, дѣти интересуются картинами, а молодые парни и дѣвушки ходятъ для препровожденія времени".

„Пока замѣчено, что населеніе смотритъ на чтенія съ картинами, какъ на развлеченіе".

„Населеніе смотритъ на народныя чтенія скорѣе, какъ на праздничное развлеченіе".

„Населеніе, среди котораго дѣйствуетъ наша школа, смотритъ на чтенія, какъ на забаву и ходитъ смотрѣть на картины, чтобы развлечься".

„Къ сожалѣнію, населеніе не видитъ въ чтеніяхъ никакой существенной пользы, но смотритъ на нихъ, какъ на развлеченіе".

„Смотрятъ на чтенія, какъ на развлеченіе; мужики и не посѣщаютъ почти чтеній, потому что находятъ ихъ дѣтской забавой", и т. д.

Третья группа отвѣтовъ является, какъ сказано, среднею между двумя уже приведенными категоріямя отзывовъ. Вотъ что, напримѣръ, говорится въ этихъ отвѣтахъ на разсматриваемый вопросъ:

„Большинство смотритъ, какъ на развлеченіе, но есть не мало и такихъ, которые ходятъ именно потому, что видятъ въ чтеніяхъ съ туманными картинами пользу. Былъ случай, когда нѣсколько человѣкъ ушли при чтеніи сказки, говоря:—„это ребятамъ, а не намъ"; есть, наконецъ, нѣсколько человѣкъ, которые посѣщаютъ школу исключительно изъ за бесѣдъ (преимущественно старики)".

„Взрослые идутъ послушать, а молодежь развлечься".

„Чтенія служатъ для населенія не только развлеченіемъ, но приноситъ въ нѣкоторой степени и болѣе существенную пользу; населеніе именно такъ и смотритъ на чтенія".

„Одни смотрятъ, какъ на школу, другіе,—какъ на забаву" и т. д.

Приведенные отзывы, какъ сказано, даны учителями и учительницами Московскаго уѣзда, но также разнорѣчивы отвѣты на этотъ вопросъ, данные преподавателями другихъ уѣздовъ, гдѣ чтенія стали устраиваться сравнительно недавно. Здѣсь также находимъ такія указанія, которыя говорятъ, что—„населеніе смотритъ на чтенія не какъ на развлеченіе, а какъ на школу, называя чтенія характернымъ выраженіемъ—„поученія". И рядомъ съ подобнаго рода отзывами встрѣчаются не менѣе часто отвѣты такого содержанія:

„Населеніе смотритъ на чтенія съ картинами, какъ на развлеченіе, тѣмъ болѣе, что народныя чтенія ведутся безъ всякой системы. Притомъ же чтеніе—явленіе рѣдкое, случайное, соединенное съ показываніемъ картинъ и сильно дѣйствуютъ на зрителей своей внѣшней обстановкой. Одни только ученики и интересуются непосредственно чтеніемъ и видятъ въ немъ родъ школы".

„За исключеніемъ меньшинства населеніе смотритъ на чтенія, какъ на развлеченіе: „что дома то сидѣть, — говорятъ они, — пойдемъ картинки глядѣть". Пріѣзжающіе изъ Москвы на побывку домой извозчики, нерѣдко говорятъ своимъ домашнимъ; „вамъ теперь веселѣе стало, въ воскресенье въ школу соберетесь, поговорите, картинки поглядите". Что населеніе смотритъ на чтенія какъ на развлеченіе,—это видно изъ того, что когда въ деревнѣ вечеринка или свадьба, то большинство, вмѣсто того, чтобы идти на чтенія,—идетъ на вечеринку или свадьбу. Меньшинство же, какъ сказано,—смотритъ на чтенія серьезнѣе, посѣщаетъ ихъ болѣе правильно; при выходѣ посѣтители благодарятъ, говоря, что теперь имъ „есть о чемъ дома потолковать".

Разница, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣчается въ отношеніи къ народнымъ чтеніямъ тѣхъ или иныхъ посѣтителей,—обусловливается, повидимому, главнѣйшимъ образомъ возрастомъ слушателей.

и ихъ общимъ развитіемъ и менѣе всего опредѣляется родомъ ихъ занятій. Дѣйствительно, на вопросъ — „не опредѣляется ли разница въ отношеніи къ чтеніямъ родомъ занятій слушателей и въ чемъ эта разница выражается“,—громадное большинство отвѣтило, что такой разницы—„не замѣчается“, что разница въ отношеніи къ чтеніямъ слушателей — „не опредѣляется родомъ ихъ занятій“ и т. д., и только очень немногіе отвѣты имѣютъ иной характеръ; но и изъ послѣднихъ нѣкоторыми отзывами если и отмѣчается разница въ отношеніи къ чтеніямъ лицъ различныхъ профессій,—то разница эта опредѣляется только тѣмъ,—насколько часто посѣщаются чтенія тѣми или другими изъ этихъ лицъ, что въ свою очередь зависитъ отъ того, какъ много имѣется свободнаго времени у занимающихся различными промыслами.—„Я замѣтилъ,—пишетъ, напримѣръ, одинъ изъ учителей,—что мастеровые сапожники, не мѣстные крестьяне, постоянно посѣщаютъ чтенія съ туманными картинами. Объясняется это тѣмъ, что они въ праздникъ совершенно свободны отъ какихъ бы то ни было работъ; крестьяне же, напротивъ, обыкновенно по праздникамъ уѣзжаютъ по своимъ дѣламъ въ Москву“.

Подводя итогъ изложенному въ настоящей главѣ, можно, повидимому, сдѣлать заключеніе, что большинство населенія, пользуясь устраиваемыми чтеніями смотритъ на это учрежденіе какъ на такое, которое удовлетворяетъ потребности въ развлеченіи; только меньшинство посѣтителей чтеній предъявляетъ по отношенію къ нимъ болѣе серьезныя требованія и ищетъ на нихъ отвѣта запросамъ своей любознательности.

Подчиняясь потребности въ развлеченіи или въ пріобрѣтеніи знаній,—посѣтители устраиваемыхъ теперь народныхъ чтеній пользуются ими по стольку, по скольку они могутъ отвѣтить этимъ запросамъ. И вотъ почему можно думать, что попытки систематизировать чтенія, при условіи неизмѣнности общей ихъ организаціи, едва ли увѣнчаются ожидаемымъ успѣхомъ: слишкомъ разнообразный составъ посѣтителей и существеная разница въ запросахъ отдѣльныхъ категорій и представителей публики едва ли позволитъ оправдаться тѣмъ надеждамъ, которыя обыкновенно возлагаются на народныя чтенія, могущія служить „университетами въ миніатюрѣ“. Расчитывать на то, что народныя чтенія получатъ такое значеніе для своихъ посѣтителей можно было бы, повидимому, только въ томъ случаѣ, если бы въ составъ этихъ посѣтителей входили бы лица съ равною подготовкою и, хотя бы приблизительно, одинаковыми запросами. При современной же ихъ организаціи—публичныя чтенія только въ исключительныхъ случаяхъ могутъ удовлетворить посѣтителей во всемъ ихъ составѣ; въ большинствѣ же случаевъ такія чтенія, удовлетворяя одну часть слушателей, не

отвѣчаютъ запросу другой: давая развлеченіе, они слишкомъ мало даютъ тѣмъ, кто ищетъ знанія и для кого важны не иллюстраціи, не пѣніе или музыка, а серьезность изложенія, его послѣдовательность и систематичность; въ томъ же случаѣ, если чтенія являются съорганизованными такъ, что отвѣчаютъ требованіямъ этого меньшинства, — они отталкиваютъ отъ себя большинство, — которое ищетъ на чтеніяхъ развлеченія.

Не лишнимъ полагаемъ и въ данномъ случаѣ отмѣтить, что выводы, сдѣланные на основаніи того матеріала, который рисуетъ постановку дѣла народныхъ чтеній въ Московской губерніи, не выдѣляетъ ее изъ ряда другихъ губерній, такъ какъ, повторяемъ, по характеру организаціи народныхъ чтеній Московская губернія не представляется исключительною.

Замѣчаніе это до нѣкоторой степени подтверждается представленными уже данными по Тамбовской губерніи. Въ Вятской губерніи, по словамъ доклада губернской управы—„чтенія все еще должны числиться въ разрядѣ народныхъ развлеченій, а не народныхъ лекцій, могущихъ составить въ своей совокупности тѣ образовательныя учрежденія, которыя за границей носятъ названія „народныхъ университетовъ“ [1]).

Настоящее значеніе народныхъ чтеній, по нашему мнѣнію, достаточно подчеркивается недавно напечатаннымъ письмомъ изъ Ирбита [2]), гдѣ потребность въ такомъ учрежденіи, которое можетъ дать хоть какое-нибудь развлеченіе, теперь, благодаря введенію казенной продажи вина, сказалось особенно замѣтно.

„Крестьяне,—читаемъ мы здѣсь,—конечно, довольны тѣмъ, что настало, наконецъ, время, когда они имѣютъ возможность съ пользой проводить свой „досугъ“ на чтеніяхъ, а не за стаканомъ вина въ кабакѣ. Всякій, кому только приходилось жить въ деревнѣ, знаетъ, что сельская жизнь въ праздничные дни скучна, монотонна, и крестьяне, чтобъ избавиться отъ гнетущей ихъ скуки, шли въ кабакъ. Шли по большей части безъ намѣренія выпить, а просто чтобъ „провести время въ пріятной бесѣдѣ“, но въ концѣ концовъ... напивались съ горя. Теперь кабаковъ не стало (по причинѣ введенія казенной продажи питей), но не будь народныхъ чтеній, крестьяне несомнѣнно стали бы по праздникамъ собираться къ „тайнымъ кабатчикамъ“, гдѣ безъ большого пьянства также бы не обошлось. Устройство же народныхъ чтеній привлекло вниманіе крестьянъ. Они понимаютъ, что гораздо лучше провести время на чтеніи, чѣмъ у кого либо изъ сосѣдей. Знаютъ, что на чтеніяхъ услышатъ что-нибудь хорошее и охотно идутъ на нихъ“.

---

[1]) «Журн. Вятск. губернск. земск. собр.» 1898 г.—«Докл. губ. зем. упр. по внѣшкольному образованію» стр. 15.

[2]) „Волшебный фонарь и народн. чтенія»—«Образованіе» 1899 г. № 4—стр. 30.

Мы не будемъ болѣе ссылаться на другія, аналогичныя этимъ, указанія по данному предмету, которыя подтверждаютъ высказанное выше замѣчаніе. Въ настоящемъ случаѣ это представляется тѣмъ болѣе излишнимъ, что попытка такого разсмотрѣнія была уже сдѣлана и привела къ заключенію, что—„народныя чтенія въ современной ихъ постановкѣ имѣютъ значеніе преимущественно какъ развлеченіе“ [1]).

V.

Тотъ выводъ, что только небольшая часть населенія ищетъ на чтеніяхъ удовлетворенія своей любознательности, большинство же пользуется чтеніями главнымъ образомъ для своего развлеченія и не требуетъ отъ нихъ ничего болѣе,—невольно вызываетъ вопросъ о томъ, въ какой же степени представляется необходимымъ учрежденіе, хотя и отвѣчающее запросу большинства населенія, но служащее удовлетворенію такой, быть можетъ,—на первый взглядъ,—несущественной потребности, какъ потребность народа въ развлеченіи?

Стоитъ однако представить себѣ условія жизни громаднаго большинства сельскаго трудового населенія, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ вполнѣ утвердительно. „Въ интересахъ современнаго общества,—говорилось по соотвѣтствующему поводу въ печати,—въ интересахъ развитія той же самой экономической жизни требуются еще извѣстные способы и мѣры, которые поддерживали бы бодрость духа простого, рабочаго класса. Рабочій нуждается не только въ физическомъ отдыхѣ, но и въ досугѣ, чтобы забыться отъ гнетущихъ впечатлѣній и вліяній труда. И если у него нѣтъ досуга къ здоровымъ развлеченіямъ, онъ слѣдуетъ по избитой дорогѣ грубыхъ удовольствій, среди которыхъ одурманивающія услуги водки занимаютъ главное мѣсто. Но „если водка даетъ возможность на время забыться отъ тягостной дѣйствительности, „наркотизоваться“,—говоритъ авторъ цитируемой статьи, передавая замѣчаніе проф. В. Я. Данилевскаго,—„если притупленный мозгъ, быть можетъ, инстинктивно ищетъ въ ней возбуждающаго средства для приподнятія упавшей душевной энергіи, то все это лишь указываетъ не на разумность этого ядовитаго пособія, а на ненормальность тѣхъ

---

[1]) Вѣстникъ Воспит.» 1898 годъ кн. IV,—«Школа, литература и жизнь»,—стр. 130—131.

условій, которыя заставляютъ къ нему прибѣгать. Бодрость духа, свѣжесть чувства и мысли должны быть поддерживаемы естественными, разумными способами, а не „одурманиваніемъ“ и разгуломъ. Если усталый человѣкъ въ спиртныхъ напиткахъ находитъ подкрѣпленіе *своихъ силъ*, то вѣдь это самочувствіе обманчиво: это подъемъ *остатка* силъ, а вовсе не возстановленіе ихъ. Многое можно было бы сказать на эту тему, но вѣдь все это общепризнано, общеизвѣстно; зло у всѣхъ на виду, всѣ на него жалуются; а что же сдѣлано, чтобы облегчить эту бѣду, устранить зло?“—„Такія разсужденія,—говоритъ по поводу изложеннаго авторъ замѣтки,—подсказываютъ единственный отвѣтъ: устройство народныхъ развлеченій является насущною потребностью, удовлетвореніе которой должно входить въ кругъ неотложныхъ обязанностей государства... Для народа необходимы разумныя развлеченія, чтобы удовлетворить потребностямъ его послѣтрудового досуга. Это не средства для увеселенія и забавы, для прихоти и роскоши, а факторы съ общественно-воспитательнымъ характеромъ и смысломъ. Значеніе разумныхъ развлеченій для массы обусловливается уже тѣмъ, что они оказываютъ благотворное вліяніе въ борьбѣ съ пьянствомъ, разгуломъ, порокомъ.—„Если припомнить, - говоритъ проф. Данилевскій, — какое страшное зло представляетъ собою алкоголизмъ, сколько горя и несчастія причиняется имъ, какъ много порочныхъ и преступныхъ дѣяній возникаетъ на почвѣ опьяненія и алкоголическаго вырожденія, то станетъ понятнымъ, что всѣ затраты и силъ, и труда, и средствъ на устроеніе разумныхъ народныхъ развлеченій, какъ на одно изъ средствъ для борьбы съ этимъ бѣдствіемъ, по истинѣ возвратятся сторицею. Улучшеніе народнаго труда, сбереженіе его силъ, сохраненіе здоровья, уменьшеніе преступленій, упроченіе общественнаго спокойствія—вотъ тѣ благодѣтельныя послѣдствія, которыя неизбѣжно явятся результатомъ разумной систематической борьбы съ пьянствомъ и праздничнымъ разгуломъ... Недостаточность матеріальнаго благосостоянія, необезпеченность на „черный день“, пониженіе работоспособности, переполненіе тюремъ, больницъ, домовъ для душевнобольныхъ — развѣ все это не имѣетъ въ основѣ, какъ одну изъ главныхъ причинъ, то же пьянство или его послѣдствіе—вырожденіе?! Вѣдь все это общеизвѣстно, все роковымъ образомъ совершается на глазахъ всѣхъ; и тѣмъ не менѣе что уже мы видѣли до самаго послѣдняго времени? Въ то время какъ затрачивались городами, земствами и казною десятки милліоновъ на устройство и содержаніе больницъ и тюремъ, рядомъ съ этимъ такъ часто отказывали въ сотняхъ рублей на устройство просвѣтительныхъ внѣшкольныхъ народныхъ развлеченій, т.-е. на борьбу съ пьянствомъ, которое посылаетъ такъ много своихъ кліентовъ въ тѣ же тюрьмы и больницы. Можно ли считать цѣлесообразною, разумною борьбу со

зломъ, если всѣ мѣроиріятія направлены лишь на его *послѣдствія*, если къ одной изъ главныхъ губительныхъ *причинъ* общество останется равнодушнымъ?!“ [1]).

Профессоръ А. И. Чупровъ въ статьѣ своей—„объ экономическомъ значеніи образовательныхъ и воспитательныхъ учрежденій для рабочаго класса, въ число которыхъ входятъ, конечно и разумныя развлеченія, отмѣчаетъ, что устройство такихъ учрежденій для рабочихъ—„обыкновенно мотивируется соображеніями гуманности и соціальной справедливости, которая требуетъ, чтобы предприниматели и общество, пользующіеся продуктами труда рабочихъ классовъ, дѣлились съ ними благами культуры. Сколько-нибудь развитое чувство гуманности не можетъ примириться съ тѣмъ фактомъ, что милліоны людей, производящихъ богатство современнаго общества, коснѣютъ въ духовной обстановкѣ, которая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ниже обстановки дикаря. Это святое чувство симпатіи человѣка къ человѣку, которое, къ счастію, не изглаживается вполнѣ никакими метаморфозами цивилизаціи, создаетъ и поддерживаетъ названныя выше учрежденія зачастую даже тамъ, гдѣ всего меньше можно было бы ждать ихъ. Люди, стоящія внѣ связи съ промышленнымъ движеніемъ, иногда въ такихъ мѣстахъ, гдѣ темныя стороны промышленной жизни не успѣли еще дать себя знать, создаютъ превосходную аудиторію для воскресныхъ чтеній, заводятъ даровые или дешевые музыкальные и литературные вечера, устраиваютъ народный театръ и т. д.“

„Другая точка зрѣнія, говоритъ А. И. Чупровъ,—въ пользу того же движенія—такъ сказать санитарная. Современная промышленность, сводя трудъ человѣка къ постоянному повторенію однѣхъ и тѣхъ же простыхъ операцій, истощаетъ организмъ однообразіемъ движеній, притупляетъ умъ вѣчнымъ тожествомъ впечатлѣній и, передавая эти вредныя вліянія отъ одного поколѣнія къ другому, подготовляетъ вырожденіе рабочаго люда. Образовательныя и воспитательныя учрежденія, равно какъ разумныя развлеченія, являются однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ для борьбы съ этимъ умножающимся зломъ: они даютъ новое направленіе дѣятельности духа и тѣла, они будятъ засыпающія умственныя силы, они поднимаютъ изсякающій запасъ энергіи. Не даромъ же лучшіе современные гигіенисты ставятъ заботы объ умноженіи и улучшеніи пищи духовной на ряду съ попеченіями о лучшемъ питаніи и житьѣ рабочихъ. Но,—замѣчаетъ А. И. Чупровъ,—есть еще одинъ рядъ соображеній, который не всегда достаточно вы-

---

[1]) „Образованіе“ 1899 г. кн. IX, отд. «Хроники» стр. 82—84; статьею цитируется изданная Харьковскимъ обществомъ грамотности брошюра г. Данилевскаго—«Народн. Домъ и его общ.-воспит. значеніе».

двигается, когда заходитъ рѣчь объ учрежденіяхъ по образованію и воспитанію рабочихъ. Это—соображенія экономическія", — которыя въ концѣ концовъ приводятъ къ слѣдующему заключенію: „если современное общество желаетъ богатѣть, оно не должно жалѣть средствъ для снабженія рабочихъ центровъ просвѣтительными и воспитательными учрежденіями" [1]).

Несомнѣнно, однако, что подобнаго рода учрежденія полезны и нужны не исключительно только въ такихъ центрахъ, которые имѣютъ большое торгово-промышленное значеніе; учрежденія эти нужны вездѣ, гдѣ живутъ люди труда; они необходимы каждому изъ этихъ тружениковъ.

Такъ называемые—„народные дома" и „народные университеты" до настоящаго времени предназначались почти исключительно для городовъ и притомъ для такихъ городовъ, которые служатъ крупными промышленными центрами; это и понятно: здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ либо сказывается необходимость возможно широкаго умственнаго развитія лицъ рабочаго класса; здѣсь съ особою ясностію даетъ себя чувствовать отсутствіе средствъ для разумнаго развлеченія трудового населенія. Есть, однако, основанія полагать, что въ недалекомъ будущемъ и въ селеніяхъ станетъ ощущаться подобная же нужда въ учрежденіяхъ подобныхъ „народнымъ домамъ". Одинъ изъ первыхъ примѣровъ проявленія заботливости въ этомъ направленіи даетъ Конотопское земство, въ собраніи котораго 1897 года разсматривался вопросъ—„объ устройствѣ заведеній, могущихъ служить для народныхъ собраній въ селахъ"– „Прежде, —говорится по этому поводу въ журналѣ засѣданій Черниговскаго губернскаго земскаго собранія 1897 года,—такими заведеніями были шинки. Со введеніемъ монополіи правительство рекомендуетъ вновь учрежденнымъ попечительствамъ о народной трезвости, въ видахъ достиженія своей цѣли, устройство народныхъ чтеній и собесѣдованій, народныхъ театровъ, библіотекъ, читаленъ, чайныхъ и т. д. Конотопское земство полагаетъ, что въ этомъ случаѣ земство должно идти рука объ руку съ попечительствами о народной трезвости. Въ каждомъ селѣ долженъ быть построенъ общественный домъ для помѣщенія въ немъ чайной, библіотеки-читальни и для устройства народныхъ чтеній и театральныхъ представленій и другихъ развлеченій и просто для народныхъ собраній" [2]).

---

[1]) «Образоват.-воспит. учр. для рабочихъ».—изд. Имп. Русск. Технич. Общ. (Москов. отд.) стр. 29–30.

[2]) „Журналъ засѣданіи Черниговскаго губернскаго земскаго собранія 1897 г," стр. 53.

Чтобы возможно скорѣе осуществить устройство такого рода общественныхъ домовъ, Конотопское земство ассигновало на устройство двухъ такихъ домовъ въ 1898 году 700 руб. и „ходатайствовало передъ губернскимъ собраніемъ объ ассигнованіи извѣстнаго капитала, изъ котораго могли бы быть выдаваемы безвозвратныя пособія, каждое въ 500 руб. на постройку такого общественнаго дома; уѣздное же земство будетъ ассигновывать на каждое такое зданіе 250 руб. и на библіотеку при немъ 100 руб. и по 25 руб. на пополненіе уже устроенныхъ библіотекъ“.

Къ сожалѣнію Черниговское губернское земство не нашло возможнымъ удовлетворить это ходатайство и, „выразивши полное сочувствіе проекту Конотопскаго земства относительно постройки общественныхъ домовъ, отъ какой либо ассигновки на этотъ предметъ въ данномъ году воздержалось до разрѣшенія вопроса о повсемѣстномъ открытіи школъ“.

Въ печати также отмѣчался тотъ фактъ, который указывался и на Конотопскомъ земскомъ собраніи, а именно, что—„помощь дѣлу внѣшкольнаго образованія и народныхъ развлеченій является теперь съ той стороны, откуда бы ждать ее напередъ показалось бы странностью, именно—отъ главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей. Въ его послѣднемъ отчетѣ опубликованы „руководящія указанія“, предназначенныя для попечительствъ о народной трезвости и заключающія въ себѣ нѣкоторыя данныя по интересующему насъ вопросу. „Руководящія указанія“ отводятъ важное мѣсто въ дѣятельности попечительствъ—устройству разумныхъ развлеченій для народа, дабы отвлекать его отъ питейныхъ заведеній. Они указываютъ на необходимость организаціи чайныхъ, которыя „должны представлять собою нѣчто вродѣ народныхъ клубовъ“, снабжать газетами и всякаго рода приспособленіями для развлеченія посѣтителей. Они рекомендуютъ затѣмъ народныя библіотеки-читальни, книжные склады, публичныя чтенія, народные театры и т. д. Между прочимъ о театрѣ въ „указаніяхъ“ данъ слѣдующій отзывъ: „Доступныя какъ грамотнымъ, такъ и неграмотнымъ, а также представляя большее разнообразіе впечатлѣній чѣмъ какое можетъ быть дано даже на народныхъ чтеніяхъ съ туманными картинами, театральныя представленія, несомнѣнно будутъ болѣе всего привлекать народъ; сравнительная же ихъ продолжительность окажетъ пользу и въ томъ отношеніи, что заполнитъ въ данный день весь вечерній досугъ и не оставитъ свободнаго времени для посѣщенія трактировъ“[1]).

Можно ожидать, что и въ Московской губерніи возникнетъ вопросъ

[1]) «Образованіе» 1899 г. кн. IX, отд. «Хроники», стр. 89.

объ устройствѣ особыхъ помѣщеній для народныхъ развлеченій и чтеній, если только земство, какъ и ранѣе, будетъ идти навстрѣчу запросамъ населенія. Уже и теперь въ сообщеніяхъ учителей и учительницъ просказывается, что—„желательно подумать объ отдѣльномъ помѣщеніи для чтеній, потому что школьная комната не вполнѣ удобна: во-первыхъ, мала,—250—300 человѣкъ стиснуты до невозможности, а во-вторыхъ, взрослый слушатель не помѣщается за школьнымъ столомъ, не можетъ сѣсть за него, а ежевоскресно выносить всѣ столы и опять вносить,—и вовсе неудобно,—столы ломаются, время теряется".

„Желательно, говорится въ другомъ отзывѣ, чтобы на каждые два—три школьныхъ района была устроена народная библіотека-читальня, а при ней помѣщеніе для народныхъ чтеній, гдѣ бы слушатели могли спокойно сидѣть, не стѣсняя другъ друга; чтобы въ этомъ помѣщеніи сдѣланы были всѣ приспособленія, дающія возможность легко устраивать и туманныя картины при чтеніяхъ".

То же почти просказывается и слѣдующимъ отзывомъ, которымъ отмѣчается, что—„для народныхъ чтеній прежде всего должна имѣться отдѣльная аудиторія, хотя бы, сравнительно со школой, и болѣе тѣсная, куда бы учитель могъ придти, прочесть и уйти, не волнуясь раньше и не грустя послѣ чтенія о томъ, что сталось со школою и какъ ее прибрать... Затѣмъ для того, чтобы народъ смотрѣлъ на народныя чтенія не какъ на одну пустую забаву, а какъ на особаго рода школу для взрослыхъ,—народныя чтенія должны быть обособлены отъ школы для дѣтей, должны имѣть особаго руководителя и должны представлять изъ себя не что-то случайное, а нѣчто постоянное, въ видѣ курсовъ, приноровленныхъ къ уровню развитія публики".

Согласно тому взгляду, который раздѣляется повидимому лицомъ, давшимъ только что цитированный отзывъ, народныя чтенія въ настоящемъ ихъ видѣ представляютъ только первую ступень, за которою должна слѣдовать иная организація ихъ; они должны быть урегулированы и должны составить особое учрежденіе, а не представлять собою только необязательное условіе дѣятельности начальной школы.

Несомнѣнно, конечно, что особыя аудиторіи, при условіи возможно лучшей постановки дѣла народныхъ развлеченій вообще и чтеній въ частности,—желательны во всѣхъ сколько-нибудь значительно населенныхъ пунктахъ; и если такого рода пожеланія высказываютъ теперь только очень немногіе изъ учителей и учительницъ, то, конечно, только потому, какъ это и просказано одною изъ учительницъ, что такія измѣненія въ дѣйствующей организаціи относятся къ области тѣхъ, „о которыхъ только можно мечтать". На скорое устройство, даже въ наиболѣе крупныхъ селеніяхъ, сколько-нибудь значительнаго числа такихъ „общественныхъ" или „народныхъ домовъ", которые позволили

бы съ желательною полнотою удовлетворить требующее разумныхъ развлеченій большинство, а также и ищущее знанія меньшинство населенія, надѣяться, конечно, трудно. Въ большинствѣ же случаевъ тѣ требованія, которыя могутъ быть удовлетворены подобнаго рода учрежденіями, будутъ, насколько это возможно, выполняться школьными народными чтеніями.

Такимъ образомъ большинству населенія народныя чтенія должны послужить въ качествѣ разумнаго развлеченія; меньшинству же, въ качествѣ школы, или такого образовательнаго учрежденія, которое должно дать научныя знанія въ извѣстной послѣдовательности, системѣ.

Удовлетворить запросамъ какъ той, такъ и другой группы едва ли не одинаково необходимо и важно; при полномъ сочувствіи тому взгляду, который выраженъ былъ, какъ это указывалось выше,—меньшинствомъ Тамбовской ревизіонной комиссіи, высказавшимся за то, чтобы народныя чтенія имѣли главнѣйшею своею задачею удовлетвореніе потребности въ образованіи,—нельзя не сочувствовать стремленію и тѣхъ представителей этой комиссіи, которые при разрѣшеніи даннаго вопроса имѣли въ виду запросы большинства посѣтителей чтеній, требующаго того, чтобы чтенія удовлетворяли потребности въ разумномъ развлеченіи.

Но если принять во вниманіе, что, какъ это уже отмѣчалось предыдущею главою, народныя чтенія едва ли могутъ служить удовлетворенію этихъ двухъ потребностей одновременно, то отсюда само собою будетъ слѣдовать заключеніе, что наилучшею постановкою народныхъ чтеній будетъ такая, при которой обѣ эти функціи чтеній будутъ разъединены.

Понятно, конечно, что при условіи такого раздѣленія, тѣ общія, обязательныя для всѣхъ правила, которыми въ настоящее время опредѣляется устройство и веденіе народныхъ чтеній, должны быть соотвѣтственно измѣнены: чтенія, настолько противоположныя по своему характеру и своимъ задачамъ, не могутъ опредѣляться одними и тѣми же общими для нихъ правилами, такъ какъ тѣ требованія, которымъ должны удовлетворять чтенія, устраиваемыя въ интересахъ развлеченія, могутъ вовсе не отвѣчать задачамъ чтеній, устраиваемыхъ для передачи извѣстныхъ знаній въ систематическомъ порядкѣ. И если для успѣха чтеній, устраиваемыхъ для развлеченія, нужны такія условія, какъ разнообразіе, занимательность и художественность читаемаго, хорошая дикція лектора и т. п.,—то для чтеній иного характера не менѣе существенно важны—широта знаній въ данной области самого лектора, его педагогическая способность и строгая систематичность изложенія.

Чтенія первой категоріи, повидимому, желательно бы было орга-

низовать такъ, какъ обыкновенно организуются у насъ литературныя утра, т. е. согласно заранѣе составленной программѣ, или, что было бы еще лучше,—согласно ряду программъ, заранѣе составленному на извѣстный, напримѣръ, полугодовой или годовой періодъ времени.

Можно думать, что при такой организаціи этихъ чтеній вопросъ объ утвержденіи извѣстнаго лица въ качествѣ лектора уже не имѣлъ бы того значенія, какое имѣетъ онъ теперь, такъ какъ при буквальномъ выполненіи намѣченной или утвержденной, напримѣръ, училищнымъ совѣтомъ или земскою управою—программы, были бы совершенно безразличны тѣ качества участниковъ - лекторовъ, которыя имѣется въ виду прослѣдить при дѣйствующей теперь системѣ. А между тѣмъ свобода въ выборѣ лицъ, которыя могутъ принять участіе въ этого рода чтеніяхъ имѣетъ въ данномъ случаѣ очень большое значеніе; при этомъ условіи явилась бы возможность воспользоваться помощью и такихъ лицъ, которые могутъ удѣлить посѣтителямъ народныхъ аудиторій только очень небольшую часть своего времени, но участіе которыхъ въ данномъ слу̀чаѣ особенно желательно. Съ другой стороны такая организація чтеній дала бы возможность лицамъ, желающимъ принять въ нихъ участіе, учителямъ, учительницамъ и др., обмѣниваться услугами, при чемъ, напримѣръ, лицо, хорошо знакомое съ музыкой, могло бы принять участіе въ ближайшихъ аудиторіяхъ и тѣмъ самымъ обезпечило бы себѣ помощь со стороны хорошихъ чтецовъ товарищей, которымъ оно съ своей стороны помогло игрою.

Наконецъ при такой организаціи, при которой бы утверждалась программа чтеній,—не стало бы нужды въ какихъ-либо предварительныхъ ограниченіяхъ въ опредѣленіи и выборѣ допускаемаго для прочтенія матеріала: каково бы, напримѣръ, ни было общее содержаніе той или иной книги, но разъ только намѣченный къ прочтенію отрывокъ изъ нея признается для этого пригоднымъ,—нѣтъ никакихъ основаній не допускать его прочтенія. Составленіе каталоговъ книгъ, допускаемыхъ или не допускаемыхъ для публичнаго прочтенія, при такой системѣ стало бы совершенно излишнимъ.

Въ частности затѣмъ учителями и учительницами признается желательнымъ—въ интересахъ возможно лучшей постановки чтеній—развлеченій,—„широкое содѣйствіе земства въ устройствѣ складовъ картинъ и болѣе обильное и упорядоченное полученіе ихъ“; составленіе программъ чтеній, изысканіе способовъ лучшаго обезпеченія школъ картинами и т. д.,—должно, по мнѣнію преподавателей,—лежать на уѣздныхъ земскихъ управахъ или же должно быть поручено заботѣ особой комиссіи изъ заинтересованныхъ въ этомъ лицъ.

Къ нѣсколько инымъ пожеланіямъ приводитъ разсмотрѣніе вопроса

о томъ,—какъ должны быть организованы чтенія, имѣющія своею задачею цѣли научнообразовательныя.

Здѣсь прежде всего въ интересахъ лучшей постановки дѣла представляется желательнымъ имѣть въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ аудиторію по возможности односоставную. И если хорошо съорганизованное чтеніе - развлеченіе можетъ отвѣтить запросамъ довольно разнообразной публики,—чтеніе систематическое едва ли можетъ удовлетворить слушателей сколько-нибудь замѣтно различающихся между собою по своей подготовкѣ, по уровню своего развитія. И вотъ почему нельзя не признать необходимымъ дѣло народныхъ чтеній этой категоріи организовать такъ, чтобы въ составъ ихъ посѣтителей входили главнымъ образомъ взрослые, любознательность которыхъ уже не можетъ быть удовлетворена преподаваніемъ школьнымъ.

Затѣмъ, по словамъ многихъ отзывовъ, въ интересахъ лучшей постановки этого рода чтеній,—такъ же, впрочемъ, какъ и для устройства чтеній—развлеченій,—представляется желательнымъ „большій просторъ въ выборѣ темъ и книгъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи учителя поставлены въ слишкомъ тѣсныя рамки“. Вотъ что по этому поводу пишутъ учителя и учительницы:

„Скудость числа книгъ, допущенныхъ правительствомъ для народныхъ чтеній, несомнѣнно ставитъ въ крайне затруднительное положеніе устроителей чтеній, особенно при составленіи программы чтеній“.

„Составъ книгъ, допущенныхъ для чтеній, отражается на постановкѣ этихъ послѣднихъ тѣмъ, что очень трудно подобрать рядъ послѣдовательныхъ чтеній, расположивъ ихъ въ системѣ“.

„Неудобство настоящей системы заключается въ томъ, что часто нельзя пользоваться книгами, просто изложенными, но не допущенными для чтеній“.

„Допущенныхъ для чтеній книгъ и брошюръ немного, часть ихъ плоха, особенно по духовному отдѣлу, а потому и затруднителенъ выборъ содержательнаго и полезнаго чтенія“.

„Ограниченный выборъ книгъ, допущенныхъ для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ, очень затрудняетъ устройство систематическихъ чтеній“.

„Необходимо имѣть возможно большій составъ книгъ, допущенныхъ для чтеній, желательно, чтобы были разрѣшены для чтеній по крайней мѣрѣ всѣ книги, допущенныя въ народныя читальни“.

„Нужно имѣть возможно больше, хорошо, живо и увлекательно составленныхъ книгъ для чтеній по всѣмъ отраслямъ знаній“ и т. д.

„Затѣмъ учителямъ необходимо предоставить право прибѣгать къ пересказу брошюръ: живой разсказъ всегда оставитъ больше слѣдовъ въ памяти слушающихъ, чѣмъ чтеніе по книгѣ, часто—написанной

сухо, малопонятнымъ для народа языкомъ. Намъ почти всегда приходится сокращать брошюру, выбрасывая изъ нея все, дѣйствительно для народа „туманное", пересказать которое своими словами мы не имѣемъ права".

Въ числѣ мѣръ, обусловливающихъ успѣхъ научно-образовательныхъ чтеній указывается затѣмъ -„устройство складовъ дешевыхъ физическихъ аппаратовъ: тогда тѣ же статьи „о грозѣ",—„о теплѣ и воздухѣ" и пр., сопровождаемыхъ многочисленными опытами, были бы прослушаны съ большимъ интересомъ".

Существеннѣйшимъ же условіемъ, обезпечивающимъ успѣхъ такого рода публичныхъ чтеній должно быть, повидимому, признано то,—въ какой мѣрѣ отвѣчаетъ извѣстнымъ требованіямъ то лицо, которому ввѣряется веденіе такихъ чтеній; тотъ преподаватель, который принялъ бы на себя трудную и сложную обязанность познакомить слушателей съ тѣмъ или инымъ учебнымъ или научнымъ предметомъ въ желательной системѣ и послѣдовательности, долженъ, конечно самъ хорошо знать этотъ предметъ. Такимъ образомъ при организаціи чтеній этого рода на первый планъ выступаетъ вопросъ о подборѣ лекторовъ, обладающихъ въ желательной степени извѣстными знаніями, и вотъ почему нельзя не признать, что въ дѣлѣ выбора и утвержденія лицъ, ведущихъ такія чтенія, въ высокой степени важно участіе учрежденій хорошо знакомыхъ съ этими лицами, каковы, напримѣръ, ближайшій училищный совѣтъ и земская управа, которыя допускали бы къ веденію чтеній данныхъ лицъ и утверждали ту программу, согласно которой предполагается вести изложеніе извѣстнаго учебнаго предмета въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

И можно думать, что просказанные здѣсь выводы и заключенія могутъ быть отнесены не къ одной только Московской губерніи; по устройству народныхъ чтеній Московская губернія,—какъ это уже отмѣчалось не разъ,—не представляется исключительною и неудовлетворительная постановка дѣла народныхъ чтеній объясняется, повидимому, не вліяніемъ какихъ-либо мѣстныхъ причинъ, а стоитъ въ связи съ условіями ея настоящей организаціи вообще. Въ печати не разъ просказывалось, что — „народныя чтенія поставлены у насъ въ черезчуръ тѣсныя рамки: какъ открытіе такъ и существованіе ихъ обставлено множествомъ всякаго рода формальностей, сильно стѣсняющихъ дѣятельность тѣхъ учрежденій и отдѣльныхъ лицъ, которыя отдаютъ свои силы и время на устройство и веденіе публичныхъ чтеній для народа". [1]) Наконецъ, какъ это также не разъ отмѣчалось,—болѣе широкой и желательной постановкѣ дѣла народныхъ

[1]) А. С. Пругавинъ—„Запросы народа и обязанности интеллигенціи" стр. 167.

чтеній мѣшаютъ не только тѣсныя рамки дѣйствующихъ законоположеній и правилъ. Высказывалось мнѣніе, что и при настоящихъ условіяхъ можно поставить народныя чтенія на серьезную почву: „придать имъ образовательное значеніе, а не то игрушечное, казуистическое, какое они имѣютъ теперь," для этого необходимо подчинить чтенія извѣстной системѣ: пользуясь даже однимъ только тѣмъ матеріаломъ, который разрѣшенъ для чтеній въ настоящее время, можно все-таки составить цѣлый рядъ чтеній по какому-нибудь отдѣлу, можно объединить эти чтенія какой-нибудь идеей и дать слушателямъ не отрывки знаній, а развернуть передъ ними цѣлую картину и такимъ образомъ открыть путь къ болѣе широкому знанію. Очень широкой программы, охватывающей всѣ отрасли знаній, такой, въ которой одно цѣплялось бы за другое и, послѣдовательно, развиваясь, шло впередъ и впередъ, такой программы, конечно, нельзя выработать въ виду недостаточности разрѣшеннаго матеріала; но все то, что даетъ этотъ маріалъ, разработать и примѣнить къ дѣлу было бы вполнѣ возможно". [1])

Пользуясь земскими изданіями, также можно встрѣтить указанія, что—„земство и другія учрежденія, устраивающія народныя чтенія съ волшебнымъ фонаремъ, допускаютъ рядъ ошибокъ, заключающихся, главнымъ образомъ, въ отсутствіи системы. Всякій беретъ для чтенія, что ему въ данную минуту понравиться, какъ говорится,—„какъ Богъ на душу положитъ",—благо есть картинки. Сегодня прочтутъ одно, завтра другое, а послѣ-завтра третье. Много ли пользы отъ такой чисто случайной программы? На первый взглядъ, пожалуй, и вѣрно, что достаточно прочитать нѣсколько чтеній, показать картины, вотъ дѣло и сдѣлано, польза принесена, удовольствіе доставлено. Но чаще всего читающіе и завѣдующіе чтеніями берутъ отъ волшебнаго фонаря и отъ чтенія самое [меньшее, что они даютъ, не берутъ всего, что они могутъ дать,—въ этомъ-то и кроется ненормальность постановки дѣла народныхъ чтеній и относительная скудость приносимой ими пользы". [2])

Что постановка дѣла народныхъ чтеній въ Московской губерніи не представляетъ собою чего-либо исключительнаго, это подтверждается также представленными ходатайствами другихъ земствъ, въ значительной степени аналогичными тѣмъ, которыя, какъ это показано выше, были возбуждены и Московскимъ губернскимъ земствомъ. Черниговское, напримѣръ, земское собраніе постановило ходатайствовать и просить": а) чтобы впредь разрѣшеніе народныхъ чтеній въ Черниговской губерніи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ подлежало вѣдѣнію мѣстныхъ властей; б) чтобы инстанціею, разрѣшающею чтенія въ каж-

---

[1]) «Образов» 1898 г. кн. VII—VIII ст. Круковскаго—«Нар. чт.» стр. 113.

[2]) Журн. Осинскаго уѣзд. земск. собранія» 1898 г. стр. 247.

домъ отдѣльномъ случаѣ и утверждающею лицъ, устраивающихъ и ведущихъ чтенія, былъ губернскій училищный совѣтъ; в) чтобы къ публичному прочтенію допускались всѣ, не изъятыя по особымъ распоряженіямъ произведенія печати съ тѣмъ, чтобы выборъ матеріала для чтенія подвергался каждый разъ утвержденію мѣстнаго училищнаго совѣта".

Кромѣ того Черниговскимъ земствомъ постановлено:—„возбудить ходатайство объ устраненіи замедленій въ разрѣшеніи устройства народныхъ спектаклей, а также о допущеніи на сцену народныхъ театровъ всѣхъ разрѣшенныхъ драматическою цензурою къ представленію пьесъ". [1])

„Въ 1892 году въ Петровскомъ, Саратовской губ., уѣздномъ земскомъ собраніи гласный Б. А. Малышевъ возбудилъ вопросъ о томъ, „что въ виду крайняго невѣжества нашего народа, выразившагося съ особою ясностью въ холерныхъ безпорядкахъ этого года,—невѣжества, съ которымъ бороться можно только путемъ развитія и образованія, необходимо ходатайствовать передъ правительствомъ о разрѣшеніи училищнымъ совѣтомъ, подъ ихъ наблюденіемъ, производить для народа при школахъ чтенія, касающіяся разныхъ сторонъ жизни, лицамъ и не духовнаго званія, а по назначенію училищнаго совѣта и съ его разрѣшенія". Земское собраніе приняло это предложеніе и, рѣшило возбудить ходатайство черезъ Саратовское губернское земское собраніе". [2])

Объ упрощеніи дѣйствующаго порядка устройства народныхъ чтеній и о томъ, чтобы „ученымъ комитетомъ издавался списокъ книгъ, запрещенныхъ для произнесенія въ народныхъ аудиторіяхъ, а не списокъ книгъ, допущенныхъ и желательныхъ, какъ это практикуется теперь", возбуждался также вопросъ въ Курскомъ губернскомъ земскомъ собраніи [3]).

Отмѣтимъ затѣмъ, что на происходившемъ въ Москвѣ съѣздѣ дѣятелей по техническому образованію, подвергнутый обсужденію вопросъ о народныхъ чтеніяхъ, вызвалъ слѣдующее постановленіе: „ходатайствовать: 1) чтобъ сила § 48 инструкціи по народнымъ училищамъ Виленскаго учебнаго округа была распространена на всю Россію, т. е. чтобы каждому учителю народнаго училища было предоставлено и рекомендовано вмѣстѣ съ законоучителемъ ввести во ввѣренномъ ему училищѣ народныя чтенія; 2) чтобы для бѣдныхъ аудиторій дирекціями народныхъ училищъ не земскихъ и земскихъ губерній уступались безплатно помѣщенія, передвижныя коллекціи тѣневыхъ картинъ, физиче-

---

[1]) «Журн. засѣд. Черниг. губ. зем. собр. 1897 г.» стр. 53—54.

[2]) А. С. Пругавина—«Запросы народа»,—стр. 177.

[3]) «Журн. засѣд. экстр, Курск. губ. зем. собр. 1898 г.» стр. 271—272.

скіе кабинеты и т. п.; 3) чтобы разрѣшеніе на открытіе чтеній другимъ лицамъ и учрежденіямъ было предоставлено той же власти, которая даетъ разрѣшеніе на открытіе начальныхъ народныхъ училищъ, т. е. инспекціи народныхъ школъ, по надлежащемъ сношеніи съ губернаторомъ и 4) чтобы къ произнесенію въ народныхъ аудиторіяхъ были допущены книги, одобренныя Ученымъ Комитетомъ Министерства Просвѣщенія и Святѣйшимъ Синодомъ для безплатныхъ народныхъ читаленъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ выразить пожеланія: 1) чтобы учебныя заведенія всѣхъ вѣдомствъ, манежи, городскія и земскія управы, волостныя правленія и т. п. казенныя и общественныя учрежденія представляли свои помѣщенія подъ народныя аудиторіи; 2) чтобы для бѣдныхъ аудиторій устраивались земствами, училищными совѣтами не земскихъ губерній и Обществами распространенія просвѣщенія передвижныя коллекціи тѣневыхъ картинъ; 3) чтобы съ посѣтителей чтеній не взималось платы, что однако будетъ возможно только при субсидіяхъ народнымъ аудиторіямъ со стороны земства, казны, городскихъ учрежденій, попечительствъ трезвости и т. п.; 4) чтобы было разрѣшено излагать на чтеніяхъ своими словами содержаніе научныхъ книгъ; 5) чтобы было разрѣшено на окраинахъ вести чтенія на туземныхъ языкахъ".

„Эти ходатайства и пожеланія съѣзда,—говоритъ г. Вѣтринскій, изъ статьи котораго мы позаимствовали только что приведенную формулировку предложеній съѣзда,[1])—представляютъ собою, конечно, тотъ минимумъ, безъ осуществленія котораго и самое устройство чтеній, т. е. въ ихъ теперешнемъ видѣ, представляются въ значительной мѣрѣ ненужною игрою въ просвѣтительную дѣятельность. Удовлетвореніе хотя бы этихъ ходатайствъ представляется неотложно необходимымъ: съ матеріальной стороны оно облегчитъ значительно возникновеніе и устройство чтеній. Со стороны содержанія—уничтоженіе дѣленія книгъ на одобренныя въ читальни и неодобренныя для народныхъ чтеній, конечно, безусловно необходимо; да и самое дѣленіе это представляетъ совершенно непонятнымъ и необъяснимымъ ни съ какой точки зрѣнія".

Заканчивая этимъ настоящій очеркъ, повторимъ тѣ выводы, къ которымъ привело разсмотрѣніе изложеннаго матеріала.

1) Въ большинствѣ уѣздовъ Московской губерніи дѣло организаціи народныхъ чтеній поставлено въ число задачъ, принятыхъ на себя земствомъ и только въ двухъ уѣздахъ устройство народныхъ чтеній предоставлено частной иниціативѣ.

2) Непосредственный трудъ по веденію народныхъ чтеній въ губерніи лежитъ, главнымъ образомъ, на преподавательскомъ персоналѣ

---

[1]) «Русск Школа» 1897 г. кн. II ст.—«Сентъ-Бевъ: о литературн. чтен. для народа и постановка ихъ у насъ», стр. 143—144.

школъ, при чемъ въ школахъ съ двумя и болѣе преподавателями основаніемъ распредѣленія этого труда служатъ главнымъ образомъ его размѣры и количество того времени, которое отводится на веденіе чтеній.

3) Только въ одномъ уѣздѣ губерніи чтенія съ туманными картинами не выдѣлены въ особую организацію и являются такимъ условіемъ учебно-школьнаго дѣла, которое служитъ, главнымъ образомъ, учащимся и только отчасти—взрослымъ; въ остальныхъ 12 уѣздахъ чтенія, въ большинствѣ случаевъ, предназначаются для слушателей всѣхъ возрастовъ, и посѣщаются одинаково, какъ школьниками и подростками, среди которыхъ преобладаютъ мальчики, такъ и взрослыми, большинство которыхъ составляютъ женщины; при этомъ есть основанія полагать, что преобладаніе въ составѣ посѣтителей чтеній того или иного элемента слушателей обусловливается какъ причинами бытовыми и экономическими, такъ и самою постановкою дѣла народныхъ чтеній.

4) Однимъ изъ непремѣнныхъ условій возможности устройства чтеній большинствомъ преподавателей признается наличность волшебнаго фонаря и картинъ, удобства полученія которыхъ служитъ важнѣйшимъ изъ условій, опредѣляющихъ число устраиваемыхъ чтеній; удобства доставки фонарей и свѣтовыхъ картинъ, а также условія, опредѣляющія успѣшность демонстрированія картинъ,—служатъ въ настоящее время важнѣйшими изъ тѣхъ причинъ, которыми обусловливается распредѣленіе чтеній по временамъ года и мѣсяцамъ.

5) То обстоятельство, что наличность фонаря и картинъ признается важнѣйшимъ условіемъ устройства чтеній,—однимъ изъ своихъ результатовъ имѣетъ то, что темы устраиваемыхъ чтеній бываютъ, обыкновенно, случайными, хотя большинство учителей и учительницъ и признаетъ болѣе желательными чтенія систематическія.

6) Такое значеніе свѣтовыхъ картинъ и волшебныхъ фонарей обусловливается намѣреніемъ устроителей чтеній привлечь возможно значительное число посѣтителей, большинство которыхъ пользуется чтеніями, какъ развлеченіемъ и не предъявляетъ къ нимъ тѣхъ запросовъ, которыми характеризуются требованія меньшинства, ищущаго на чтеніяхъ удовлетворенія своей любознательности.

7) Народныя чтенія, при современной ихъ организаціи, привлекая посѣтителей, запросы которыхъ рѣзко различны между собою, только въ исключительныхъ случаяхъ могутъ заинтересовать и удовлетворить слушателей во всемъ ихъ составѣ; въ большинствѣ же случаевъ такія чтенія, удовлетворяя одну часть слушателей, не отвѣчаютъ запросу другой.

8) Такъ какъ предоставленіе трудовому населенію возможности пользоваться разумными развлеченіями имѣетъ существенно важное значеніе наряду съ удовлетвореніемъ запросовъ его любознательности, и такъ какъ

народныя чтенія въ ихъ современной организаціи не могутъ, въ большинствѣ случаевъ, служить удовлетворенію какъ той, такъ и другой изъ этихъ потребностей въ одно и то-же время, то представляется желательнымъ разбить чтенія на двѣ категоріи и вести особо: а) чтенія—развлеченія и б) чтенія—научно-образовательныя, отвѣчая этими послѣдними главнѣйшимъ образомъ тѣмъ запросамъ, которые предъявляются населеніемъ взрослымъ.

9) При условіи такого раздѣленія представляется желательнымъ, чтобы тѣ общія правила, которыми нормируются и обусловливаются народныя чтенія въ настоящее время, были соотвѣтственно измѣнены; при этомъ было бы желательно: а) чтобы чтенія-развлеченія велись учителями, учительницами и посторонними лицами по возможно разнообразнымъ, утверждаемымъ мѣстными учрежденіями, программамъ, строгое соблюденіе которыхъ сдѣлало бы излишними хлопоты объ утвержденіи каждаго участника чтеній въ должности лектора, и б) чтобы чтенія научно-образовательныя велись лицами, утвержденными въ должности лекторовъ тѣми учрежденіями, которымъ близко извѣстно, въ какой мѣрѣ данное лицо отвѣчаетъ предъявленнымъ ему въ этой области требованіямъ.

10. Такъ какъ чтенія-развлеченія, при указанныхъ условіяхъ, вести бы не иначе, какъ по заранѣе утвержденнымъ программамъ, то составленіе каталога книгъ, опредѣляющаго выборъ матеріала для такого рода чтеній, стало бы излишнимъ; для чтеній же научно-образовательныхъ необходимо такое расширеніе каталога допущенныхъ для чтеній книгъ, которое обезпечивало бы лекторовъ-учителей достаточно богатымъ подборомъ популярныхъ книгъ по всѣмъ отраслямъ знаній, а вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо также предоставленіе лекторамъ права пересказа допущеннаго для чтенія матеріала.

Вообще же, какъ это видно изъ имѣющихся данныхъ, въ интересахъ лучшей постановки дѣла народныхъ чтеній прежде всего представляется необходимою извѣстная свобода и расширеніе правъ и полномочій, опредѣляющихъ дѣятельность въ данной области мѣстныхъ учрежденій и лицъ, которымъ близко знакомы нужды окружающаго населенія, и которыми достаточно точно можетъ быть оцѣнено значеніе средствъ, необходимыхъ для удовлетворенія этихъ нуждъ и безъ труда выработаны формы примѣненія этихъ средствъ въ жизни.

школъ, при чемъ въ школахъ съ двумя и болѣе преподавателями основаніемъ распредѣленія этого труда служатъ главнымъ образомъ его размѣры и количество того времени, которое отводится на веденіе чтеній.

3) Только въ одномъ уѣздѣ губерніи чтенія съ туманными картинами не выдѣлены въ особую организацію и являются такимъ условіемъ учебно-школьнаго дѣла, которое служитъ, главнымъ образомъ, учащимся и только отчасти—взрослымъ; въ остальныхъ 12 уѣздахъ чтенія, въ большинствѣ случаевъ, предназначаются для слушателей всѣхъ возрастовъ, и посѣщаются одинаково, какъ школьниками и подростками, среди которыхъ преобладаютъ мальчики, такъ и взрослыми, большинство которыхъ составляютъ женщины; при этомъ есть основанія полагать, что преобладаніе въ составѣ посѣтителей чтеній того или иного элемента слушателей обусловливается какъ причинами бытовыми и экономическими, такъ и самою постановкою дѣла народныхъ чтеній.

4) Однимъ изъ непремѣнныхъ условій возможности устройства чтеній большинствомъ преподавателей признается наличность волшебнаго фонаря и картинъ, удобства полученія которыхъ служитъ важнѣйшимъ изъ условій, опредѣляющихъ число устраиваемыхъ чтеній; удобства доставки фонарей и свѣтовыхъ картинъ, а также условія, опредѣляющія успѣшность демонстрированія картинъ,—служатъ въ настоящее время важнѣйшими изъ тѣхъ причинъ, которыми обусловливается распредѣленіе чтеній по временамъ года и мѣсяцамъ.

5) То обстоятельство, что наличность фонаря и картинъ признается важнѣйшимъ условіемъ устройства чтеній,—однимъ изъ своихъ результатовъ имѣетъ то, что темы устраиваемыхъ чтеній бываютъ, обыкновенно, случайными, хотя большинство учителей и учительницъ и признаетъ болѣе желательными чтенія систематическія.

6) Такое значеніе свѣтовыхъ картинъ и волшебныхъ фонарей обусловливается намѣреніемъ устроителей чтеній привлечь возможно значительное число посѣтителей, большинство которыхъ пользуется чтеніями, какъ развлеченіемъ и не предъявляетъ къ нимъ тѣхъ запросовъ, которыми характеризуются требованія меньшинства, ищущаго на чтеніяхъ удовлетворенія своей любознательности.

7) Народныя чтенія, при современной ихъ организаціи, привлекая посѣтителей, запросы которыхъ рѣзко различны между собою, только въ исключительныхъ случаяхъ могутъ заинтересовать и удовлетворить слушателей во всемъ ихъ составѣ; въ большинствѣ же случаевъ такія чтенія, удовлетворяя одну часть слушателей, не отвѣчаютъ запросу другой.

8) Такъ какъ предоставленіе трудовому населенію возможности пользоваться разумными развлеченіями имѣетъ существенно важное значеніе наряду съ удовлетвореніемъ запросовъ его любознательности, и такъ какъ

народныя чтенія въ ихъ современной организаціи не могутъ, въ большинствѣ случаевъ, служить удовлетворенію какъ той, такъ и другой изъ этихъ потребностей въ одно и то-же время, то представляется желательнымъ разбить чтенія на двѣ категоріи и вести особо: а) чтенія—развлеченія и б) чтенія – научно-образовательныя, отвѣчая этими послѣдними главнѣйшимъ образомъ тѣмъ запросамъ, которые предъявляются населеніемъ взрослымъ.

9) При условіи такого раздѣленія представляется желательнымъ, чтобы тѣ общія правила, которыми нормируются и обусловливаются народныя чтенія въ настоящее время, были соотвѣтственно измѣнены; при этомъ было бы желательно: а) чтобы чтенія-развлеченія велись учителями, учительницами и посторонними лицими по возможно разнообразнымъ, утверждаемымъ мѣстными учрежденіями, программамъ, строгое соблюденіе которыхъ сдѣлало бы излишними хлопоты объ утвержденіи каждаго участника чтеній въ должности лектора, и б) чтобы чтенія научно-образовательныя велись лицами, утвержденными въ должности лекторовъ тѣми учрежденіями, которымъ близко извѣстно, въ какой мѣрѣ данное лицо отвѣчаетъ предъявленнымъ ему въ этой области требованіямъ.

10. Такъ какъ чтенія-развлеченія, при указанныхъ условіяхъ, вились бы не иначе, какъ по заранѣе утвержденнымъ программамъ, то составленіе каталога книгъ, опредѣляющаго выборъ матеріала для такого рода чтеній, стало бы излишнимъ; для чтеній же научно-образовательныхъ необходимо такое расширеніе каталога допущенныхъ для теній книгъ, которое обезпечивало бы лекторовъ-учителей достаточно огатымъ подборомъ популярныхъ книгъ по всѣмъ отраслямъ знаній, вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо также предоставленіе лекторамъ права ересказа допущеннаго для чтенія матеріала.

Вообще же, какъ это видно изъ имѣющихся данныхъ, въ интересахъ лучшей постановки дѣла народныхъ чтеній прежде всего представляется необходимою извѣстная свобода и расширеніе правъ и полномочій, опредѣляющихъ дѣятельность въ данной области мѣстныхъ учрежденій и лицъ, которымъ близко знакомы нужды окружающаго населенія, и которыми достаточно точно можетъ быть оцѣнено значеніе средствъ, необходимыхъ для удовлетворенія этихъ нуждъ и безъ руда выработаны формы примѣненія этихъ средствъ въ жизни.

школъ, при чемъ въ школахъ съ двумя и болѣе преподавателями основаніемъ распредѣленія этого труда служатъ главнымъ образомъ его размѣры и количество того времени, которое отводится на веденіе чтеній.

3) Только въ одномъ уѣздѣ губерніи чтенія съ туманными картинами не выдѣлены въ особую организацію и являются такимъ условіемъ учебно-школьнаго дѣла, которое служитъ, главнымъ образомъ, учащимся и только отчасти—взрослымъ; въ остальныхъ 12 уѣздахъ чтенія, въ большинствѣ случаевъ, предназначаются для слушателей всѣхъ возрастовъ, и посѣщаются одинаково, какъ школьниками и подростками, среди которыхъ преобладаютъ мальчики, такъ и взрослыми, большинство которыхъ составляютъ женщины; при этомъ есть основанія полагать, что преобладаніе въ составѣ посѣтителей чтеній того или иного элемента слушателей обусловливается какъ причинами бытовыми и экономическими, такъ и самою постановкою дѣла народныхъ чтеній.

4) Однимъ изъ непремѣнныхъ условій возможности устройства чтеній большинствомъ преподавателей признается наличность волшебнаго фонаря и картинъ, удобства полученія которыхъ служитъ важнѣйшимъ изъ условій, опредѣляющихъ число устраиваемыхъ чтеній; удобства доставки фонарей и свѣтовыхъ картинъ, а также условія, опредѣляющія успѣшность демонстрированія картинъ,—служатъ въ настоящее время важнѣйшими изъ тѣхъ причинъ, которыми обусловливается распредѣленіе чтеній по временамъ года и мѣсяцамъ.

5) То обстоятельство, что наличность фонаря и картинъ признается важнѣйшимъ условіемъ устройства чтеній,—однимъ изъ своихъ результатовъ имѣетъ то, что темы устраиваемыхъ чтеній бываютъ, обыкновенно, случайными, хотя большинство учителей и учительницъ и признаетъ болѣе желательными чтенія систематическія.

6) Такое значеніе свѣтовыхъ картинъ и волшебныхъ фонарей обусловливается намѣреніемъ устроителей чтеній привлечь возможно значительное число посѣтителей, большинство которыхъ пользуется чтеніями, какъ развлеченіемъ и не предъявляетъ къ нимъ тѣхъ запросовъ, которыми характеризуются требованія меньшинства, ищущаго на чтеніяхъ удовлетворенія своей любознательности.

7) Народныя чтенія, при современной ихъ организаціи, привлекая посѣтителей, запросы которыхъ рѣзко различны между собою, только въ исключительныхъ случаяхъ могутъ заинтересовать и удовлетворить слушателей во всемъ ихъ составѣ; въ большинствѣ же случаевъ такія чтенія, удовлетворяя одну часть слушателей, не отвѣчаютъ запросу другой.

8) Такъ какъ предоставленіе трудовому населенію возможности пользоваться разумными развлеченіями имѣетъ существенно важное значеніе наряду съ удовлетвореніемъ запросовъ его любознательности, и такъ какъ

народныя чтенія въ ихъ современной организаціи не могутъ, въ большинствѣ случаевъ, служить удовлетворенію какъ той, такъ и другой изъ этихъ потребностей въ одно и то-же время, то представляется желательнымъ разбить чтенія на двѣ категоріи и вести особо: а) чтенія—развлеченія и б) чтенія – научно-образовательныя, отвѣчая этими послѣдними главнѣйшимъ образомъ тѣмъ запросамъ, которые предъявляются населеніемъ взрослымъ.

9) При условіи такого раздѣленія представляется желательнымъ, чтобы тѣ общія правила, которыми нормируются и обусловливаются народныя чтенія въ настоящее время, были соотвѣтственно измѣнены; при этомъ было бы желательно: а) чтобы чтенія-развлеченія велись учителями, учительницами и посторонними лицами по возможно разнообразнымъ, утверждаемымъ мѣстными учрежденіями, программамъ, строгое соблюденіе которыхъ сдѣлало бы излишними хлопоты объ утвержденіи каждаго участника чтеній въ должности лектора, и б) чтобы чтенія научно-образовательныя велись лицами, утвержденными въ должности лекторовъ тѣми учрежденіями, которымъ близко извѣстно, въ какой мѣрѣ данное лицо отвѣчаетъ предъявленнымъ ему въ этой области требованіямъ.

10. Такъ какъ чтенія-развлеченія, при указанныхъ условіяхъ, вести бы не иначе, какъ по заранѣе утвержденнымъ программамъ, то составленіе каталога книгъ, опредѣляющаго выборъ матеріала для такого рода чтеній, стало бы излишнимъ; для чтеній же научно-образовательныхъ необходимо такое расширеніе каталога допущенныхъ для чтеній книгъ, которое обезпечивало бы лекторовъ-учителей достаточно богатымъ подборомъ популярныхъ книгъ по всѣмъ отраслямъ знаній, а вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо также предоставленіе лекторамъ права пересказа допущеннаго для чтенія матеріала.

Вообще же, какъ это видно изъ имѣющихся данныхъ, въ интересахъ лучшей постановки дѣла народныхъ чтеній прежде всего представляется необходимою извѣстная свобода и расширеніе правъ и полномочій, опредѣляющихъ дѣятельность въ данной области мѣстныхъ учрежденій и лицъ, которымъ близко знакомы нужды окружающаго населенія, и которыми достаточно точно можетъ быть оцѣнено значеніе средствъ, необходимыхъ для удовлетворенія этихъ нуждъ и безъ труда выработаны формы примѣненія этихъ средствъ въ жизни.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Примѣрные списки имѣющихся при уѣздныхъ земскихъ управахъ книгъ и брошюръ, предназначенныхъ для народныхъ чтеній (съ указаніемъ числа тѣневыхъ картинъ).

Для школъ Московскаго уѣзда (по докл. Московск. уѣзд. зем. упр.—„О народн. чтеніяхъ"—1899 г.).

	Число картинъ:
I. Священная исторія: а) Ветхаго Завѣта	128
б) Новаго „	142
II. Путешествіе ко гробу Господню	106
III. Дѣянія св. апостоловъ и первые вѣка христіан.	62
IV. Исторія церкви русской	147
V. Житія святыхъ и описаніе св. мѣстъ:	
Николай чудотворецъ	12
Василій Великій и Григорій Богословъ	12
Іоаннъ Златоустъ	5
Іоаннъ Дамаскинъ (2 экземпл.)	16
Алексѣй, человѣкъ Божій	6
Отшельникъ	5
Св. Филаретъ Милостивый	5
Св. Кириллъ и Меѳодій	14
Св. Софія, Вѣра, Надежда и Любовь	5
Тихонъ Задонскій	5
Стефанъ Пермскій	5
Ѳеодосій Печерскій	9
Троице-Сергіева Лавра	23
Соловецкій монастырь	14
Подвиги Иннокентія	19
	158

	Число картинъ:
VI. О богослуженіи	6
VII. Русская исторія отъ начала Русскаго государства до настоящихъ временъ	687
XIV. Портреты Государя, Государыни и Наслѣдника	3
VIII. Біографіи:	
Ломоносова	17
Крылова	8
	25
IX. Географія и путешествія:	
Въ царствѣ льда	12
Голодовка на Новой Землѣ	15
Архангельскій край	40
Архангельскіе китоловы	14
Волга	7
Кавказъ и Закавказье	28
О Крымѣ	30
Швейцарія	12
О Франціи	29
О Голландіи	22
Египетъ	12
Жизнь въ Америкѣ	60
Христоферъ Колумбъ	29
Путешествіе вокругъ свѣта	48
	358
X. По міровѣдѣнію:	
Какого вида земля	15
О падающихъ звѣздахъ	8
О землетрясеніяхъ	19
О теплѣ и воздухѣ	8
Отчего происходитъ дождь	10
О грозѣ	7
Явленія природы	12
Дикія животныя	12
	91
XI. Съ содержаніемъ изъ произведеній художественной литературы:	
а) Былины:	
Илья Муромецъ	10
Садко	6

	Число картинъ
б) Сказки:	
Конекъ Горбунокъ	12
Дурень	5
О Рыбакѣ и Рыбкѣ	8
Иванъ Царевичъ и Сѣрый Волкъ	9
Красная шапочка	3
Котъ въ сапогахъ	3
Мертвая царевна	9
Сказки Аѳанасьева	33
в) Басни Крылова	30
г) Стихотворенія	33
д) Повѣсти, разсказы и проч.:	
Капитанская дочка	15
Полтава	19
Тарасъ Бульба	14
Сорочинская ярмарка	8
Майская ночь	11
Ночь подъ Рождество	6
Кавказскій плѣнникъ (2 экземпл.)	15
Много ли человѣку земли нужно	6
Князь Серебряный	16
Капитанъ Бопп	5
Свѣтлана	8
Наль и Дамаянти	10
Сигналъ	5
Спасенный	10
Прохожій	5
Пѣсня про купца Калашникова	5
Параша Сибирячка	13
Маіорская дочка	6
Дѣдушка Назарычъ	6
Жена ямщика	2
Большакъ	11
Мальчикъ у Христа на елкѣ	3
Тонулъ, да выплылъ	5
Гордѣй лѣсовикъ	8
Старикъ Никита	5
	378

Число страницъ.

XII. По гигіенѣ:

О пьянствѣ 8
Чай и его польза 7

15

XIII. По пчеловодству 39

Для школъ Клинскаго уѣзда:

ОТДѢЛЪ I.

Религіозно-нравственный:

Бесѣды Спасителя ..... 15 картинъ.
Гоненіе на христіанъ отъ язычниковъ ..... 16 „
Начало христіанства на Руси ..... 12 „
Троицкая лавра ..... 17 „
Митрополитъ Филиппъ ..... 9 „
Стефанъ Пермскій ..... 9 „
Іоаннъ Дамаскинъ ..... 7 „
Алексѣй человѣкъ Божій ..... 5 „
Александръ Невскій ..... 11 „
Житіе Иннокентія ..... 18 „

ОТДѢЛЪ II.

Историческій:

Татарскій погромъ ..... 13 картинъ.
Завоеваніе Сибири ..... 11 „
Грозный царь ..... 20 „
Народная вода ..... 10 „
Петръ Великій ..... 22 „
Александръ II, его жизнь и дѣянія ..... 41 „

ОТДѢЛЪ III.

Естественно-научный:

Разсказы о землѣ и небѣ	26	картинъ.
О томъ, какого вида земля	13	„
Отчего бываютъ день и ночь	6	„
Мірскіе захребетники	11	„

ОТДѢЛЪ IV.

Географическій:

Волга	17	картинъ.
Уралъ	23	„
О Крымѣ	19	„
Голодовка и зимовка на Новой Землѣ	17	„
Студеное море и его льды	17	„
Приключеніе двухъ кораблей	11	„
Водолазы	15	„
Желѣзныя дороги	22	„

ОТДѢЛЪ V.

Біографическій:

О Ломоносовѣ	15	картинъ.

ОТДѢЛЪ VI.

Литературный:

Достоевскій. Мальчикъ у Христа на елкѣ	3	картины.
Лермонтовъ. Бояринъ Орша	6	„
„ Мцыри	7	„
„ Пѣсня про купца Калашникова	11	„
„ Хаджи-Абрекъ	4	„
Пушкинъ. Капитанская дочка	10	„
„ Полтава	14	„
Гоголь. Тарасъ Бульба	12	„
„ Сорочинская ярмарка	9	„
„ Ночь передъ Рождествомъ	14	„

Тургеневъ. Пѣвцы	2	картинъ.
Л. Толстой. Князь Серебряный	28	„
„ Три смерти	3	„
„ Богъ правду видитъ	2	„
„ Чѣмъ люди живы	12	„
„ Гдѣ любовь—тамъ и Богъ	5	„
Григоровичъ. Антонъ Горемыка	1	„
„ Свѣтлое Христово Воскресеніе	3	„
Островскій. Бѣдность не порокъ	8	„
Маминъ-Сибирякъ. Вольный человѣкъ Яшка	3	„
„ Зимовье на Студеной	7	„
Гаршинъ. Сигналъ	6	„
Немировичъ-Данченко. Забытый рудникъ	9	„
Короленко. Дѣти подземелья	8	„
Коваленская. Крутиковъ	6	„
Сѣткова. Старикъ Никита и его 3 дочери	6	„
Хмелева. Марья кружевница	6	„
Ершовъ. Конекъ-Горбунокъ	10	„
Тонулъ да выплылъ	7	„

Для школъ Рузскаго уѣзда:

(„Списокъ темъ къ картинамъ волшебныхъ фонарей“).

Разсказы изъ исторіи Ветхаго Завѣта.
„ „ „ Новаго „
„ „ „ Петра Великаго.
„ „ жизни Императора Александра II.
„ „ Русской Исторіи.
„ „ исторіи войны 12-го года.
„ „ „ Москвы.
„ Старикъ Никита.
„ Кавказскій плѣнникъ.
„ Прохожій.
„ Сигналъ.
„ Корабли въ морѣ.
Басня Оселъ и Соловей.
„ Мартышка и Очки.
„ Левъ и Мышь.

О народныхъ чтеніяхъ по медицинѣ и гигіенѣ въ Московскомъ уѣздѣ.

Докладъ комиссіи московскому уѣздному санитарному совѣту.

Докладчика К. М. Языкова [1]).

Приступая къ исполненію возложеннаго на нее порученія: выяснить мѣры къ введенію народныхъ чтеній по медицинѣ и гигіенѣ въ земскихъ школахъ московскаго уѣзда, комиссія намѣтила слѣдующую программу своей работы:

1) Выяснить, въ какихъ размѣрахъ ведутся нынѣ врачами подобныя чтенія.

2) При какихъ условіяхъ они происходятъ, т.-е. порядокъ ихъ разрѣшенія, обезпеченность разрѣшеннымъ текстомъ, обезпеченность пособіями, составъ аудиторіи и пр.

3) Чѣмъ обусловливается слабое развитіе этихъ чтеній?

4) Какія мѣры могутъ быть приняты, чтбы дать дѣлу желательный толчекъ?

По первому вопросу выяснилось, что до сихъ поръ народныя чтенія по медицинѣ имѣли въ уѣздѣ весьма слабое развитіе. Ни о какой прочной организаціи или систематическомъ веденіи дѣла нельзя и говорить; мы видѣли до сихъ поръ лишь отдѣльныя попытки отдѣльныхъ врачей. Такъ въ 96—97 гг. чтенія велись въ нѣсколькихъ школахъ Сухаревскаго и Сѣтунскаго участковъ; въ 99 г. въ Красковской школѣ Красковскаго, и Всѣхсвятской школѣ Никольскаго участковъ. Лишь въ Б. Мытищахъ бесѣды по медицинѣ ведутся уже въ теченіе 5 лѣтъ. Въ текущемъ 1900 г. чтенія по медицинѣ велись въ одной школѣ Красковскаго, одной Никольскаго, одной Мытищенскаго и одной Измайловскаго участковъ; итого—въ 4 изъ всѣхъ 115 шк. уѣзда.

Переходя ко второму вопросу: *о практической постановкѣ этихъ чтеній* въ настоящее время, напомнимъ *порядокъ ихъ формальнаго разрѣшенія.*

Московское уѣздное земское собраніе, въ засѣданіи 20 сент. 1895 г., согласно заключенію уѣзднаго санитарнаго совѣта о важности распространенія въ населеніи разумныхъ понятій о мѣрахъ предохраненія отъ заболѣванія заразными болѣзнями и нѣкотораго знакомства съ основными правилами гигіены, для сохраненія здоровья вообще, постановило: признать желательнымъ производство чтеній въ школахъ о мѣрахъ предохраненія отъ заболѣваній заразными болѣзнями, пріурочивъ эти

---

[1]) Настоящій докладъ появился въ печати въ то время, когда представленный выше очеркъ былъ уже законченъ; помѣщаемъ поэтому приложеніемъ этотъ докладъ, представляющій существенныя дополненія къ изложенному на предыдущихъ страницахъ.

чтенія къ существующимъ въ школахъ чтеніямъ, производимыхъ священниками.

По поводу вышеизложеннаго постановленія собранія, г. Московскій губернаторъ, въ предложеніи отъ 6 октября того же года за № 2003 сообщилъ уѣздной управѣ, что онъ находитъ необходимымъ, чтобы введеніе означенныхъ чтеній могло бы послѣдовать лишь въ томъ порядкѣ, въ какомъ получается разрѣшеніе на устройство вообще публичныхъ чтеній въ школахъ. Въ виду такого предложенія г. губернатора, уѣздная управа, согласно Высочайше утвержденному 11 окт. 1894 г. постановленію Комитета министровъ о порядкѣ устройства народныхъ чтеній внѣ губернскихъ городовъ, обратилась 18 окт. 1895 г. къ г. инспектору народныхъ училищъ Московской губерніи съ просьбой сдѣлать зависящее представленіе о разрѣшеніи московскому уѣздному земству устраивать въ земскихъ училищахъ московскаго уѣзда черезъ земскихъ врачей чтенія для народа о мѣрахъ предохраненія отъ заболѣванія заразными болѣзнями. Къ изложенному ходатайству уѣздная управа приложила списокъ всѣхъ 72 земскихъ училищъ уѣзда съ указаніемъ, въ какихъ изъ нихъ какой участковый врачъ будетъ вести чтенія.

24 января 1896 г., вслѣдствіе отношенія г. инспектора народныхъ училищъ отъ 22 окт. 1895 г., уѣздная управа дополнила свое ходатайство, именно, сообщила г. инспектору списокъ брошюръ, составленный врачами, по которымъ имѣютъ быть ведены чтенія по заразнымъ болѣзнямъ и гигіенѣ, и высказала, что наблюденіе за чтеніями, по ея мнѣнію, было бы лучше всего поручить въ каждомъ училищѣ законоучителю.

На заявленное такимъ образомъ ходатайство, уѣздная управа получила увѣдомленіе отъ г. попечителя московскаго учебнаго округа отъ 18 сент. 1896 г. за № 17582 о томъ, что министръ народнаго просвѣщенія предложеніемъ отъ 31 авг. 1896 г. за № 21456 увѣдомилъ, что онъ на основаніи Высочайше утвержденнаго 11 окт. 1894 г. Положенія комитета министровъ и по соглашенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и духовнымъ вѣдомствомъ, разрѣшаетъ устроить въ 72 начальныхъ училищахъ, поименованныхъ въ приложеніомъ къ ходатайству московской уѣздной земской управы отъ 24 янв. 1896 г. за № 301 спискѣ,—народныя чтенія по гигіенѣ и о мѣрахъ противъ заболѣванія заразными болѣзнями, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и отвѣтственностью законоучителей и съ тѣмъ чтобы означенныя чтенія производились по перечисленнымъ въ томъ же ходатайствѣ брошюрамъ, одобреннымъ минист. народ. просвѣщ. для библіотекъ низшихъ училищъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что порядокъ разрѣшенія народныхъ чтеній по медицинѣ общій съ тѣмъ, въ которомъ разрѣшаются вообще народныя чтенія внѣ губернскихъ городовъ.

Главное условіе этого порядка состоитъ въ томъ, что наблюденіе за народной аудиторіей возлагается на духовенство. Не признавая такого условія нормальнымъ вообще, а по отношенію къ медицинскимъ чтеніямъ въ частности, мы, тѣмъ не менѣе, не можемъ признать его главнымъ тормозомъ для развитія чтеній. Хотя, правда, и были единичные факты, когда духовенство отказывалось взять на себя наблюденіе за медицинскими чтеніями, но съ другой стороны, какъ мы видимъ выше, это условіе не являлось препятствіемъ для организаціи чтеній въ цѣломъ рядѣ школъ, и, въ противовѣсъ этимъ единичнымъ фактамъ несочувствія со стороны духовенства, намъ извѣстенъ рядъ фактовъ противуположнаго характера, когда духовенство шло навстрѣчу медицинскимъ чтеніямъ, находя ихъ весьма полезными и желательными, но когда чтенія не могли быть организованы за недостаткомъ времени у врачей. Не разсчитывая на практическія послѣдствія возбужденія какихъ либо новыхъ ходатайствъ со стороны земства объ измѣненіи общаго порядка веденія народныхъ чтеній, мы думаемъ, что медицинскія бесѣды съ народомъ могутъ быть организованы и при настоящемъ порядкѣ.

Что касается до разрѣшеннаго для народныхъ чтеній текста на темы медицины и гигіены, то онъ слагается изъ слѣдующихъ трехъ группъ: 1) изъ книгъ вошедшихъ въ министерскій каталогъ низшихъ училищъ, 2) изъ книгъ по медицинѣ и гигіенѣ, разрѣшенныхъ для народнаго чтенія г. попечителемъ московск. учебн. округа въ 1896 г., согласно ходатайству московской уѣздной земской управы; и въ 3) изъ книгъ, разрѣшенныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для народнаго чтенія по ходатайству правленія Пироговскаго Общества русскихъ врачей, вошедшихъ въ дополненіе министерскаго каталога (стр. 184 изданія 1899 г.).

Первый источникъ, *министерскій каталогъ* книгъ, разрѣшенныхъ для народнаго чтенія, въ интересующей насъ области медицины и гигіены былъ крайне скуденъ до 1896 г., именно, онъ заключалъ въ себѣ всего 4 медицинскихъ брошюры. Съ 1896 г. списокъ этотъ значительно расширился въ силу циркуляра г. министра народнаго просвѣщенія отъ 17 іюля 1896 г. за № 17798, включавшаго въ отдѣлъ 4-й каталога (книги для народныхъ публичныхъ чтеній) весь отдѣлъ 2-й того же каталога (книги для ученическихъ библіотекъ). Въ силу этого въ новомъ каталогѣ (изд. 1897 и 1899 гг.) мы находимъ уже 34 медицинскихъ изданія, разрѣшенныхъ для народнаго чтенія. Хотя, правда, разрѣшеніе это, допуская въ народную аудиторію книги, предназначенныя для дѣт-

скаго чтенія, тѣмъ самымъ приравниваютъ народную аудиторію по ея развитію къ школьной, хотя гораздо желательнѣе было бы получить разрѣшеніе для народнаго чтенія всѣхъ книгъ, разрѣшенныхъ для чтенія въ народныхъ читальняхъ, въ какомъ смыслѣ и возбуждались уже ходатайства многими земствами,—тѣмъ не менѣе и вышеуказанное расширеніе каталога народныхъ чтеній значительно обогатило его. Мы находимъ въ немъ слѣдующія изданія.

1) Бесѣда о привитіи оспы. Кострома 81 г.—15 к.

2) *Борисовъ*. О сбереженіи здоровья. С.-Петр. 94 г.—12 к. Изд. ком. нар. чтеній.

3) *Глинскій*. Объ апоплексіи мозга. С.-Пет. 74 г.—10 к.

4) *Гориневскій*. О холерѣ. Народн. чтеніе С.-Пет. 93 г.—5 к., изд. ком. нар. чтеній.

5) *Золотницкій*. О заразныхъ болѣзняхъ и средствахъ борьбы съ ними. Н.-Новг.—10 к.

6) *Ильинскій*. О сохраненіи силы и здоровья. Наши жилища. С.-Пет. 73 г.—10 к.

7) *Ильинскій*. О сохраненіи силы и здоровья. Питье и крѣпкіе напитки, изд. 3-е С.-Пет. 96 г.—10 к.

8) *Ильинскій*. О сохраненіи здоровья. Одежда и чистоплотность. Изд. 3-е 95 г.—10 к.

9) *Миллеръ*. Поданіе помощи мнимоумершимъ отъ утопленія. С.-Пет. 92 г. съ 10 таблицами рисунковъ—30 к., изд. общ. спасанія на водахъ.

10) *Милотворскій*. Какъ останавливать кровь.—10 к. Н.-Новг. 97 г.

11) *Молчановъ*. Краткій курсъ гигіены. С.-Пет. 96 г.—35 к.

12) *Москалевъ*. Какъ поддерживается жизнь человѣческаго тѣла. С.-Пет. 85 г.—15 к.

13) *Раппепортъ*. Какъ уберечь себя отъ холеры? Николаевъ 93 г.—10 к.

14) *Рейнботъ*. Чай и его польза. С.-Пет. 93 г.—10 к.

15) *Стѣнныя* таблицы для нагляднаго ознакомленія съ главными правилами поданія первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ. С.-Пет. 8 табл. по 25 к.—2 р.

16) *Тернеръ*. Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ до прибытія врача. С.-Пет. 94 г.—1 р.

17) Человѣкъ и природа. 64 рисунка. С.-Пет. 81 г.—1 р.

18) *Шмидтъ*. Наставленіе дѣтямъ, какъ правильно сидѣть, стоять и ходить (стѣнная таблица съ 15 политипажами). С.-Пет.—20 к.

19) *Бурда*. Луи Пастеръ; его жизнь и его открытіе. Одесса 96 г.—6 к.

20) *Бурда.* Столѣтіе оспопрививанія. Дженнеръ и его жизнь. Одесса 96 г.—6 к.

21) *Д-ръ Н. В—нъ.* Что такое чума. С.-Пет 97 г.—20 к.

22) *Гагинскій* свящ. Пьянство, его вредныя послѣдствія и средства къ ограниченію его. Пермь 96 г.—5 к.

23) *Гуринъ.* Опасно ли мясо больныхъ животныхъ.

24) *Волкова М. Н.* врачъ и *Вольфсонъ В.* Бесѣды о здоровьѣ для народа. С.-Пет. 1899 г. ст. 174—50 к. для городскихъ училищъ.

25) *Гигіена* школьника. Правила школьной гигіены, составленныя по распоряженію голландскаго министерства народнаго просвѣщенія. Перевелъ съ голландскаго В. В—скій. С.-Пет. 1898 г. ст. 16—6 к.

26) *Золотавинъ.* Бесѣды о дифтеритѣ и о мѣрахъ противъ него. С.-Пет. 1898 г. ст. 18—20 к.

27) *Золотавинъ.* Бесѣды о холерѣ. С.-Пет. 93 г. ст. 29—20 к.

28) *Ребининъ.* Элементарная гигіена и основы анатоміи и физіологіи. Съ 20 рисунк. С.-Пет. 98 г. ст. 90.

29) *Булгаковскій.* Что такое пьянство и какъ избавиться отъ него. Народн. чтеніе. С.-Пет. 98 г. ст. 32—15 к.

30) *Никольскій.* Пьянство и его гибельные плоды. С.-Петерб. 94 г.—24 к.

31) *Отчего гибнутъ люди.* С.-Пет. 94 г. ст. 11. Изд. С.-Пет. общ. трезвости.

32) *Кацъ.* О защитѣ глаза отъ внѣшнихъ вредныхъ вліяній съ 3 рис. ст. 34—30 к.

33) *Ліонъ.* Бесѣда врача съ крестьянами объ оспѣ. Кіевъ. 98 г. ст. 19—3 к.

34) *Мухенъ.* О чумѣ человѣка. Харьковъ 96 г. ст. 52.

Разбираясь въ этомъ спискѣ, мы видимъ, что 3 чтенія (№ 4, 13 и 27) касаются холеры и потому имѣютъ интересъ лишь временный. Многія книги уже вышли изъ продажи. Изъ остальныхъ книгъ многія, къ сожалѣнію, весьма сомнительнаго достоинства. Этотъ каталогъ мин. нар. просвѣщ. не представляетъ собою выборку для народной аудиторіи лучшаго изъ народной литературы по медицинѣ, не представляетъ работу самого министерства, но есть просто списокъ изданій, представленныхъ на утвержденіе министерства авторами и издателями и получившихъ весьма снисходительное одобреніе. Повторяемъ, многія изъ нихъ не выдерживаютъ критики (см. сборникъ рецензій народн. изданій по медицинѣ комиссіи Пирогов. общества).

Потому гораздо болѣе цѣннымъ является для насъ второй источникъ разрѣшеннаго для народнаго чтенія текста, именно, *списокъ народныхъ изданій по медицинѣ и гигіенѣ, разрѣшенныхъ* для народнаго чтенія *г. попечителемъ Моск. учеб. округа* по ходатайству Московск.

уѣздн. земской управы. Этотъ списокъ, составленный земскими врачами, содержитъ въ себѣ 22 изданія.

1) Лѣчебникъ для народнаго употребленія. *Флоринскаго.* Изд. Суворина 3 р. 50 к.

2) Здоровье. Бесѣды о томъ, какъ устроено человѣческое тѣло и чѣмъ оно живетъ? *Латышева.* Изд. Жиркова. Рязань, ц. 25 к.

3) Берегите здоровье. *Соколовой.* Москва, изд. Сытина, 50 к.

4) Бесѣды о здоровьѣ и болѣзняхъ. *Перфильева* ч. 1 и 2 изд. ком. нар. чтеній.

5) Бесѣды о повальныхъ болѣзняхъ. *Морозова,* изд. Сытина, 7 к.

6) Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ. Изд. Сытина, 3 к.

7) Первая помощь до прихода лѣкаря. Изд. *Маракуева.*

8) Какъ останавливать кровь. *Милотворскаго,* изд. Сытина, 5 к.

9) Уходъ за оспопрививыми дѣтьми. *Первушина,* 3 к.

10) Дурная болѣзнь. *Трутовской,* изд. Сытина, $1^1/_2$ к.

11) Какъ борятся люди съ страшными врагами своими: чумой, оспой и холерой. Изд. Калыковой, 2 к.

12) О холерѣ Д-ра *Гориневскаго,* ц. 5 к.

13) О холерѣ. Врача *Молессона* 15 к.

14) О холерѣ. *Герценштейна.*

15) О холерѣ. *Маракуева.*

16) О сохраненіи здоровія. Д-ра *Вишневскаго.* Казань, 35 к.

17) О беременности и родахъ. Изд. Сытина, 3 к.

18) Совѣты матерямъ объ уходѣ за грудными дѣтьми. Изд. Сытина, $1^1/_2$ к.

19) Объ уходѣ за малыми дѣтьми. Д-ра *Покровскаго.* Изд. Сытина, 7 к.

20) Дифтеритъ. *Рашковичъ.* Изд. Сытина, 3 к.

21) О глазныхъ болѣзняхъ. *Сапѣшко.* Кіевъ, 3 к.

22) О сифилисѣ. *Сперанскаго,* 3 к.

Изъ этого списка № 8 и 12 вошли въ каѣалогъ Министерства. Пять брошюръ (№ 11—15) трактуютъ о холерѣ. № 4—книжка Перфильева, хотя и не вошла въ Министерскій каталогъ, но, какъ изданіе постоянной комиссіи народныхъ чтеній, допущена во всѣ народныя аудиторіи. Если откинуть эти 8 книгъ, то остается 14. Изъ нихъ 8 (№ 2, 16, 17, 18, 19, 20, 21 и 22) получили одобреніе Пироговской комиссіи и для пяти изъ нихъ (№ 2, 16, 19, 20, 21) этой комиссіи исходатайствовано общее разрѣшеніе Министерства для народныхъ чтеній. Такимъ образомъ, этотъ списокъ оказался бы для насъ сейчасъ излишнимъ, такъ какъ лучшее изъ него вошло въ слѣдующій третій списокъ книгъ, разрѣшеннаго для народнаго чтенія по ходатайству Пироговской комиссіи, если бы онъ не заключалъ въ себѣ трехъ книгъ, для нашихъ

цѣлей крайне важныхъ и между тѣмъ не вошедшихъ въ списокъ Пироговской комиссіи, по независящимъ отъ нея причинамъ. Я говорю о двухъ чтеніяхъ по сифилису (№ 10 и 22) и одной брошюрѣ о діэтетикѣ беременности, веденіи правильныхъ родовъ и послѣродовомъ состояніи (№ 17).

По ходатайству Пироговскаго Общества, на основаніи рецензіи, состоящей при Обществѣ комиссіи распространенія въ народѣ гигіеническихъ знаній, Министерствомъ народнаго просвѣщенія *разрѣшены для народныхъ чтеній слѣдующія изданія*:

1) *Латышевъ*. Здоровіе. 25 к.
2) *Вишневскій*. О сохраненіи здоровья. 35 к.
3) *Брандтъ*. О чесоточныхъ зудняхъ. 10 к.
4) *Виноградовъ*. Что такое заразная болѣзнь. 2 к.
5) *Рашковичъ*. Дифтеритъ. 3 к.
6) *Сапѣшко*. О глазныхъ болѣзняхъ. 3 к.
7) *Покровскій*. Объ уходѣ за малыми дѣтьми. 7 к.
8) *Архангельская*. Для чего доктора дѣлаютъ операціи. 3 к.
9) *Дорфъ*. Сибирская язва. 3 к.

Сравнивая этотъ третій списокъ со вторымъ, мы видимъ, что при всемъ своемъ значеніи для всей Россіи, онъ для Московскаго уѣзда дополняетъ нашъ второй списокъ только 4 изданіями, именно, брошюрами Брандта, Архангельской, Виноградова и Дорфа. Но за то онъ даетъ компетентное одобреніе для 5 другихъ, вошедшихъ въ оба списка, изданій.

Итого, исключивъ эти повторенія трехъ нашихъ списковъ, мы получаемъ въ наше распоряженіе 58 изданій (65—7=58) по медицинѣ, разрѣшенныхъ для народнаго чтенія. Разбираясь въ этомъ матеріалѣ и вполнѣ сознавая, что далеко не весь онъ равноцѣненъ по своему внутренному достоинству, мы тѣмъ не менѣе должны признать, что онъ даетъ въ руки лектора, по крайней мѣрѣ на первое время достаточный матеріалъ для медицинскихъ бесѣдъ съ народомъ вообще и для систематическихъ чтеній по анатоміи, физіологіи и гигіенѣ въ частности. Въ этомъ отношеніи особенно цѣнными являются книги: Латышева, Вишневскаго, Соколовой, составленныя по широкой программѣ въ видѣ систематическаго курса. Далѣе прекрасный матеріалъ для цѣлаго ряда бесѣдъ по подачѣ первой помощи даютъ таблицы изд. Принцессы Ольденбургской, дополненныя соотвѣтствующимъ текстомъ. Цѣлый рядъ чтеній по дѣтской діэтетикѣ заключается въ книжкѣ Покровскаго; основы этіологіи и профилактики заразныхъ болѣзней изложены въ брошюрахъ Виноградова и Золотницкаго. Сифилису посвящены брошюры Сперанскаго и Трутовской. О беременности и родахъ трактуетъ изданіе Сытина, составленное женщ.-врачомъ. Много интересныхъ и удачно

изложенныхъ темъ для отдѣльныхъ бесѣдъ по медицинѣ заключено и въ остальномъ текстѣ.

Отсюда слѣдуетъ выводъ, что сейчасъ, лишь приступая къ организаціи народныхъ чтеній по медицинѣ, мы на недостатокъ текста пожаловаться не можемъ. И потому не представляется существенной надобности хлопотать намъ сейчасъ о пополненіи списка разрѣшеннаго текста, тѣмъ болѣе, что этимъ дѣломъ, собиранія, рецензированія и ходатайствами разрѣшеніи, для народныхъ чтеній—занята спеціальная комиссія при Пироговскомъ Обществѣ.

По вопросу о текстѣ чтеній, намъ остается сдѣлать еще одно замѣчаніе: въ виду тѣсной связи медицины и гигіены съ основными методами и фактами естествознанія, невозможно разсчитывать на ясное пониманіе и прочное усвоеніе народомъ медицинскихъ бесѣдъ безъ нѣкотораго знакомства аудиторіи съ естествознаніемъ (физика, химія и пр.), разумѣется обставленными необходимыми опытами и объясненіями. Для такихъ бесѣдъ въ распоряженіи лекторовъ имѣется рядъ удовлетворительныхъ, разрѣшенныхъ для народныхъ чтеній брошюръ, остается пожелать, чтобы врачи, какъ ближайше заинтересованные, приняли на себя, совмѣстно съ народными учителями, руководство такими бесѣдами по естествознанію.

Для ознакомленія врачей съ разрѣшеннымъ для народнаго чтенія текстомъ, а равно и для облегченія врачамъ пріобрѣтенія такового, комиссія находитъ полезнымъ не только разослать врачамъ списокъ разрѣшенныхъ книгъ, но и снабдить каждую лѣчебницу соотвѣтствующей библіотечкой, какъ необходимой частью ея инвентаря, необходимымъ орудіемъ въ ея просвѣтительно санитарной дѣятельности; такая библіотечка, составленная изъ избранныхъ книгъ, въ виду ихъ дешевизны, не можетъ стоить дороже 5 рублей.

Признавая себя обезпеченными на первое время текстомъ, мы не можемъ сказать того же относительно *пособій, необходимыхъ для иллюстрированія текста.* Само собою разумѣется, что медицинская бесѣда не можетъ быть усвоена безъ необходимаго поясненія стѣнными таблицами, волшебнымъ фонаремъ, моделями и простѣйшими опытами. Подобныя объясненія и иллюстрированіе текста разрѣшается основнымъ закономъ о народныхъ чтеніяхъ 24 декабря 1876 г., гдѣ § 7 гласитъ: „если чтенія сопровождаются опытами или объясняются картинами, то допускаются разъясненія тѣхъ и другихъ на словахъ, не выходя изъ предѣловъ содержанія текста“. Отсутствіе въ рукахъ врачей подобныхъ пособій служило однимъ изъ главныхъ тормозовъ для веденія медицинскихъ бесѣдъ. Добываніе этихъ пособій всегда было связано для врачей съ издержками и хлопотами. Потому, признавая иллюстрированіе чтеній главнымъ условіемъ ихъ успѣшности, комиссія находитъ необходимымъ

просить у земскаго собранія спеціальной единовременной ассигновки для образованія при управѣ коллекціи стѣнныхъ таблицъ, стеколъ для волшебнаго фонаря, анатомическихъ моделей и пр., необходимыхъ для медицинскихъ чтеній, пособій. Каталогъ подобной основной коллекціи пособій къ медицинскимъ чтеніямъ вырабатывается музейной группой Пироговской комиссіи. Коллекція эта должна впослѣдствіи пополняться путемъ необходимой ежегодной ассигновки. Служа спеціальной цѣли народныхъ чтеній по медицинѣ, эти пособія могли бы указать существенную услугу и въ школьныхъ занятіяхъ, при веденіи объяснительнаго чтенія въ старшихъ классахъ на темы естествознанія. Подобныя коллекціи имѣются уже въ школьныхъ подвижныхъ музеяхъ Можайскаго и Серпуховского уѣзд. земствъ.

Обезпечивъ себя текстомъ и пособіями, мы должны гарантировать себѣ и *необходимый комплектъ лекторовъ*. Комиссія не можетъ не предвидѣть, что этотъ пунктъ явится слабымъ мѣстомъ всей организаціи. Въ самомъ дѣлѣ, при крайней напряженности амбулаторной, госпитальной и участковой дѣятельности нашихъ лѣчебницъ, при крайнемъ обремененіи работою всего медицинскаго персонала—у земскихъ врачей не можетъ оставаться достаточно свободнаго времени для спеціальныхъ поѣздокъ въ школы для правильнаго веденія медицинскихъ чтеній, тѣмъ болѣе, что народныя чтенія въ школахъ обычно пріурочиваются къ воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, наиболѣе занятымъ у врачей большими пріемами. По отзыву врачей, недостатокъ времени является одной изъ главныхъ причинъ слабаго развитія чтеній; потому, желая дать дѣлу правильную и прочную организацію, мы не можемъ не считаться съ этимъ условіемъ. Единственно возможный и вполнѣ правильный *выходъ изъ этого затрудненія* комиссія видитъ *въ привлеченіи къ веденію медицинскихъ чтеній* съ одной стороны *народныхъ учителей*, съ другой стороны *не земскихъ врачей* (фабричныхъ и др.), буде съ ихъ стороны найдется сочувствіе этому дѣлу.

Что касается возможнаго возраженія о неподготовленности народныхъ учителей къ веденію бесѣдъ на темы медицины и гигіены, то комиссія выражаетъ свою твердую увѣренность въ томъ, что текстъ популярныхъ брошюръ, имѣющій въ виду вполнѣ неподготовленнаго читателя, къ тому же иллюстрированный наглядными пособіями, дастъ въ руки земскаго учителя достаточный матеріалъ, гарантирующій его отъ возможныхъ ошибокъ.

Комиссія съ тѣмъ большею смѣлостью рекомендуетъ подобный планъ, что, съ одной стороны, разсчитываетъ на руководство врачей этими чтеніями въ смыслѣ указанія учителямъ наиболѣе подходящихъ брошюръ и охотнаго выясненія со стороны врачей всякихъ недоумѣній, которыя могли бы встрѣтиться у учителя при ознакомленіи съ соот-

вѣтствующимъ текстомъ; съ другой стороны, комиссія въ правѣ разсчитывать на то, что при организаціи съѣздовъ земскихъ учителей на нихъ будетъ отведено необходимое мѣсто для систематическаго ряда бесѣдъ по анатоміи, физіологіи и гигіенѣ спеціально для земскихъ учителей. Кромѣ того, въ цѣляхъ возможной подготовки учительскаго персонала къ веденію медицинскихъ чтеній, комиссія находитъ желательнымъ и цѣлесообразнымъ *пополнить учительскую библіотеку уѣздной управы книгами по медицинѣ и гигіенѣ*, вошедшими въ министерскій каталогъ учительскихъ библіотекъ.

Наконецъ, *переходя къ составу аудиторіи*, наиболѣе желательной для медицинскихъ чтеній, комиссія находитъ полезнымъ отмѣтить слѣдующія условія: темы, затрагиваемыя подобными бесѣдами, не могутъ представлять интереса для ранняго дѣтскаго возраста; потому, дабы обезпечить серьезное настроеніе аудиторіи и исключить возможную помѣху, комиссія можетъ рекомендовать допускать на эти чтенія лишь старшій классъ школьниковъ и взрослое населеніе, а для нѣкоторыхъ чтеній, напримѣръ о сифилисѣ, совершенно исключить школьниковъ. Оставляя на усмотрѣніе врача вопросъ о спеціально женской аудиторіи для чтеній по физіологіи женскаго организма, о беременности и родахъ, комиссія съ своей стороны находитъ такую мѣру небезполезной и во всякомъ случаѣ осторожной, дабы исключить самую возможность со стороны юной части аудиторій несерьезнаго отношенія къ данной темѣ.

Касаясь обстановки чтеній и необходимыхъ удобствъ, комиссія находитъ желательнымъ снабженіе школъ хотя бы нѣкоторымъ количествомъ простыхъ скамей, такъ какъ утомленіе при стояніи скорѣе притупляетъ вниманіе слушателей и стоящая часть аудиторіи мѣшаетъ сидящимъ ясно видѣть демонстрируемые опыты и картины. Необходимо также снабженіе оконъ темными шторами, для успѣшности проекціи картинъ фолшебнымъ фонаремъ, что уже и сдѣлано во многихъ школахъ.

Резюмируя все вышеизложенное, комиссія должна отмѣтить слѣдующія *главныя причины, тормозящія развитіе медицинскихъ чтеній въ уѣздѣ.*

1) Недостатокъ времени у врачей для правильнаго веденія чтеній въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ.

2) Недостаточное знакомство врачей съ разрѣшеннымъ для чтенія текстомъ.

3) Отсутствіе пособій, необходимыхъ для иллюстрированія подобныхъ чтеній.

4) Зависимость чтеній отъ священниковъ, у которыхъ для непосредственнаго участія въ нихъ можетъ часто не хватать времени, занятого исполненіемъ ихъ прямыхъ обязанностей.

Для устраненія этихъ условій, неблагопріятно отзывающихся на развитіи народныхъ чтеній по медицинѣ и для возможно широкой и прочной ихъ постановки, комиссія имѣетъ честь *представить на усмотрѣніе санитарнаго совѣта слѣдующія свои предложенія*:

1) Не находя возможнымъ, въ виду отсутствія свободнаго времени у врачей, признать веденіе народныхъ чтеній по медицинѣ обязательнымъ для участковыхъ врачей, высказаться за крайнюю ихъ желательность.

2) Привлечь къ веденію медицинскихъ чтеній по рекомендованнымъ руководствамъ народныхъ учителей.

3) Снабдить лѣчебницы библіотеками разрѣшенныхъ для чтенія по медицинѣ книгъ.

4) Имѣть при управѣ коллекцію пособій къ народнымъ чтеніямъ по медицинѣ (стекла для волшебнаго фонаря, таблицы, модели и проч.).

Московскій уѣздный санитарный совѣтъ, въ засѣданіи 14 іюля 1900 г., предложенія комиссіи одобрилъ единогласно и постановилъ: благодарить комиссію за ея работу и просить управу отпечатать докладъ комиссіи для разсылки врачамъ и учителямъ.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

2247 7/86 1.26 и

Московское Губернское Земство.

ВОПРОСЫ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ

въ

Московской губерніи.

Выпускъ II.

Учительскія, народныя и школьныя библіотеки и свѣдѣнія о манкировкахъ учениковъ начальныхъ народныхъ училищъ).

По порученію Московской Земской Управы составилъ

Земскій Статистикъ **В. В. Петровъ**.

МОСКВА.
Товарищество „Печатня С. П. Яковлева", Петровка, Салтыковскій пер., д. Т-ства, № 9.
1899.

7335-739X

Main

Дозволено цензурою. Москва, 20-го Января 1899 года.

Содержаніе.

Стр.

I. **Библіотеки при уѣздныхъ земскихъ управахъ и учительскія.** Имѣются-ли у преподавателей собственныя книги; какъ много; составъ библіотекъ, принадлежащихъ учителямъ и учительницамъ; какіе журналы и газеты выписываются преподавателями; насколько учителя вообще обезпечены матеріаломъ для чтенія. Свѣдѣнія о составѣ управскихъ библіотекъ; пользованіе этими библіотеками. Свѣдѣнія о библіотекѣ при Московской уѣздной земской управѣ и о пользованіи ею учителями и учительницами; отдѣлы и книги наиболѣе популярные. Общее заключеніе..... 1—40

II. **Библіотеки народныя и школьныя.** Въ какой мѣрѣ крестьянское населеніе обезпечено собственными книгами; составъ этихъ книгъ. Свѣдѣнія о числѣ, составѣ и функціонированіи библіотекъ народныхъ. Возникновеніе и распространеніе библіотекъ ученическихъ; составъ ихъ; пользованіе ими; пользуется ли библіотеками взрослое населеніе; какіе отдѣлы читаются наиболѣе охотно и разница во вкусахъ читателей; отдѣлы и книги наименѣе популярные. Вліяніе различныхъ факторовъ на развитіе читаемости. Обмѣнныя библіотеки. ..... 41—93

III. **Ученическія манкировки.** Значеніе манкировокъ; число ихъ; разница по мѣсяцамъ; причины манкировокъ; мѣры борьбы съ манкировками и мнѣнія по этому предмету Ф. Шварца, Н. А. Корфа, учительницъ, учителей и училищныхъ совѣтовъ. Общіе выводы..... 94—114

IV. **Приложеніе.** Таблицы, относящіяся къ главѣ объ ученическихъ библіотекахъ. Списокъ книгъ ученическихъ библіотекъ, имѣющихся при школахъ губернскаго земства..... 115—125

Матеріаломъ для настоящаго выпуска „Вопросовъ народнаго образованія“ послужили собранные по опредѣленной программѣ отзывы учительницъ и учителей, а затѣмъ данныя о дѣятельности библіотеки, находящейся при Московской уѣздной земской управѣ.

Пользуемся случаемъ, чтобы выразить глубокую благодарность Предсѣдателю Московской уѣздной земской управы Н. Ф. Рихтеру, предоставившему въ наше распоряженіе упомянутый цѣнный матеріалъ, давшій возможность характеризовать дѣятельность такой библіотеки, которою можетъ пользоваться преподавательскій персоналъ отдѣльнаго уѣзда; не менѣе искреннюю благодарность позволяемъ себѣ принесть сельскимъ учителямъ и учительницамъ, доставившимъ по разсматриваемымъ въ настоящей книжкѣ вопросамъ превосходный матеріалъ, сообщеніе котораго отняло не мало часовъ и безъ того не богатой досугомъ ихъ трудовой жизни. Нѣкоторые изъ этихъ сообщеній по своей полнотѣ и обстоятельности представляются довольно значительными монографіями, имѣющими характеръ мѣстныхъ изслѣдованій.

Если не говорить о практическихъ результатахъ настоящей, въ значительной степени—компилятивной, работы, то задача ея будетъ достигнута, если учительницы и учителя найдутъ въ ней съ достаточною полнотою выраженные ихъ собственные по даннымъ вопросамъ взгляды и заключенія, высказать которые непосредственно имъ не представляется возможности, хотя довести ихъ до общаго свѣдѣнія, безъ сомнѣнія, болѣе чѣмъ желательно.

БИБЛІОТЕКИ

при уѣздныхъ земскихъ управахъ и учительскія.

Чтобы составить возможно полное понятіе не только о дѣятельности, но и о значеніи учительскихъ библіотекъ, представимъ здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія о томъ, насколько вообще богаты книгами и учебнымъ матеріаломъ наши учителя.

Касаясь этого предмета, необходимо оговориться, что собранный по настоящему вопросу матеріалъ состоитъ изъ 516 отзывовъ учителей, т. е. представляетъ свѣдѣнія о большинствѣ (63%), но не о всѣхъ преподавателяхъ.

Причину того, почему не всѣ учителя и учительницы доставили отвѣты на тѣ вопросы, съ которыми къ нимъ обратилась по этому поводу губернская управа, можно видѣть въ двухъ обстоятельствахъ: прежде всего въ томъ, что изъ числа учителей, двухъ и трехкомплектныхъ школъ нѣкоторые нашли возможнымъ отказаться отъ отвѣтовъ, полагая вѣроятно, что губернская управа, собирающая обыкновенно матеріалъ по-школьно, удовлетворится и въ данномъ случаѣ отвѣтомъ одного только изъ преподавателей, тѣмъ болѣе, что обезпеченіе въ книжномъ отношеніи учителей одной и той же школы въ рѣдкихъ только случаяхъ представляетъ значительную разницу и вотъ чѣмъ, конечно, объясняется то обстоятельство, что изъ общаго числа школъ съ двумя и болѣе преподавателями только по 13 имѣются отзывы всѣхъ учителей и учительницъ изъ остальныхъ же школъ доставлено только по одному отзыву. Не безъ вліянія также осталось конечно и то обстоятельство, что губернская управа, обращаясь къ преподавателямъ съ рядомъ вопросовъ, и прося на нихъ отвѣтовъ, не только не ставила на видъ ихъ обязательности, а даже напротивъ указывала, что если почему либо преподаватель „затруднится дать отвѣты на всѣ поставленные въ программѣ вопросы, то было бы желательно получить отвѣты хотя бы на тѣ вопросы, отвѣтить на которые онъ не затруднится“.

Есть основанія полагать, что такая постановка собиранія свѣдѣній не могла не повести за собою того, что полученный матеріалъ оказался въ качественномъ отношеніи болѣе полнымъ и лучшимъ, нежели какимъ былъ бы онъ при обязательности отвѣтовъ на всѣ предложенные вопросы.

А если это такъ и если при этомъ еще принять во вниманіе, что матеріалъ этотъ рисуетъ положеніе дѣла обезпеченія чтебнымъ матеріаломъ преподавательскаго персонала 503 земскихъ школъ изъ 613 (82%), то несомнѣнно, что тѣ заключенія, къ которымъ онъ приводитъ, имѣютъ не только частное, но и обще-губернское значеніе.

Отъ этихъ общихъ замѣчаній относительно полученнаго матеріала, перейдемъ къ частному разсмотрѣнію тѣхъ вопросовъ, которыхъ онъ касается и прежде всего обратимъ вниманіе на то, въ какой мѣрѣ преподавательскій персоналъ земскихъ школъ является обезпеченнымъ своими собственными книгами, а затѣмъ посмотримъ, что даетъ въ этомъ отношеніи земство и въ какой мѣрѣ его помощью въ этомъ дѣлѣ пользуются учителя и учительницы.

I.

Свѣдѣнія о томъ,—имѣются ли у учителей и учительницъ свои собственныя, лично имъ принадлежащія, книги—даны 478 преподавателями, изъ которыхъ 309 сообщили, что у нихъ свои книги есть, а 169 (35%),—что своихъ книгъ у нихъ нѣтъ вовсе.

Разсмотримъ сначала тѣ данныя, которыя относятся къ первой, большей группѣ преподавателей и обратимъ прежде всего вниманіе на то, на сколько же велики эти учительскія библіотеки. Слѣдующая табличка, составленная на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ 235 лицами преподавательскаго персонала, указываетъ, какъ именно распредѣляются ихъ библіотеки по числу имѣющихся въ нихъ книгъ.

Сколько книгъ имѣется.	У скольких преподавателей.
До 10	25
11— 25	63
26— 50	62
51— 75	44
76—100	16
101—150	14
151—200	6
201—300	3
301 и болѣе	2

Изъ таблички этой видно, что у большей части преподавателей (58%) библіотечки очень не велики и не выходятъ изъ предѣла 50 книгъ, считая въ числѣ ихъ и различнаго рода брошюрки, и если признать, что болѣе или менѣе удовлетворительною для отдѣльнаго лица библіотекою, можетъ быть признана такая, которая при хорошемъ составѣ содержитъ въ себѣ по крайней мѣрѣ 100 книгъ, то придемъ къ заключенію, что даже изъ числа преподавателей, имѣющихъ свои книги—значительное большинство (болѣе 80%) нельзя признать достаточно обезпеченнымъ тѣмъ чтебнымъ матеріаломъ, который содержится въ ихъ собственныхъ библіотекахъ.

Разсматривая далѣе, какъ именно распредѣляются по отдѣламъ тѣ 11952 книги, которыя принадлежатъ этимъ преподавателямъ, находимъ, что большинство этихъ книгъ—59% составляютъ книги беллетристическаго отдѣла, 13%—отдѣла научнаго; книги педагогическаго содержанія составляютъ—11%, сельско-хозяйственнаго—10 и книги богословскаго содержанія—7%.

Таково общее распредѣленіе указаннаго числа книгъ, въ частности же, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ подобнаго рода нодраздѣленіе болѣе или менѣе отступаетъ отъ средняго и нерѣдко представляетъ довольно значительныя отклоненія. Это видно хотя бы изъ того, что далеко не у всѣхъ учителей имѣются книги всѣхъ названныхъ отдѣловъ: такъ изъ указаннаго выше числа преподавателей (235)—у 17 имѣются лишь книги научнаго, педагогическаго и богословскаго содержанія, но нѣтъ ни одной книги содержанія беллетристическаго; въ библіотекахъ 38 преподавателй нѣтъ вовсе книгъ педагогическаго содержанія; сельско-хозяйственныя книги имѣются лишь у 153 учителей, научнаго содержанія—у 147 и богословскаго—у 115.

Насколько разнообразными представляются собственныя библіотеки учителей въ отношеніи количественномъ, настолько же разнохарактерными являются онѣ и въ отношеніи качественномъ: на ряду съ такими библіотеками, въ составъ которыхъ входятъ многія произведенія лучшихъ писателей—русскихъ и иностранныхъ,—встрѣчаются библіотечки, состоящія исключительно изъ нѣсколькихъ книгъ по методикѣ начальнаго обученія или по садоводству и огородничеству; и въ то время какъ одинъ преподаватель сообщаетъ, что библіотека его состоитъ изъ собранія сочиненій Лермонтова, Некрасова, Шевченко, Салтыкова, Добролюбова, Шелгунова, Гаршина, Диккенса, Бальзака, Ж. Зандъ, Золя, Теккерея и т. д.,—другой пишетъ, что въ лично ему принадлежащей библіотекѣ общаго содержанія книгъ мало, но есть книги по чистой и прикладной математикѣ и латинскому языку. Несмотря однако на такое разнообразіе, можно повидимому придти къ нѣкоторому общему представленію о составѣ обычной учительской

библіотеки, если мы къ приведеннымъ уже даннымъ о распредѣленіи имѣющихся у преподавателей книгъ по отдѣламъ добавимъ нѣкоторыя указанія относительно того, сочиненія какихъ именно авторовъ являются здѣсь наиболѣе распространенными. Этого рода свѣдѣнія даются слѣдующимъ сопоставленіемъ, указывающимъ фамиліи тѣхъ авторовъ, полныя собранія сочиненій которыхъ встрѣчаются не менѣе чѣмъ у четырехъ преподавателей:

Сочин. какихъ авторовъ.	У скольких человѣкъ имѣются.	Сочин. какихъ авторовъ.	У скольких человѣкъ имѣются.
Пушкина	99	Козлова	8
Лермонтова	96	Никитина	8
Достоевскаго	76	Писарева	7
Гоголя	36	Фонвизина	7
Григоровича	32	Полежаева	6
Некрасова	28	В.-Скотта	6
Кольцова	26	Шекспира	6
Тургенева	25	Гаршина	5
Л. Толстого	13	Державина	5
Грибоѣдова	11	Добролюбова	5
Крылова	10	Писемскаго	5
Г. Успенскаго	9	Златовратскаго	4
Надсона	9	Ломоносова	4
Боборыкина	8		

Если имѣть въ виду, что книги перечисленныхъ сейчасъ авторовъ въ общей ихъ суммѣ составляютъ около 20% всѣхъ тѣхъ книгъ, которыя имѣются у учителей и учительницъ и если, кромѣ того, принять во вниманіе, какъ это указывалось выше, что 41% всѣхъ имѣющихся у преподавателей книгъ составляютъ книги научнаго, педагогическаго и вообще серьезнаго содержанія,—то нельзя будетъ не высказать съ достаточною увѣренностью предположенія, что въ общемъ своемъ составѣ библіотеки нашихъ учителей характеризуются достаточною доброкачественностью.

Къ подобному же заключенію придемъ мы, если разсмотримъ какіе преимущественно журналы и газеты выписываются учителями и учительницами. Обращаясь къ этого рода указаніямъ, находимъ, что изъ числа 487 преподавателей, давшихъ по этому поводу опредѣленный отвѣтъ, получали тѣ или иныя періодическія изданія 171. изъ которыхъ 111—получали по одной газетѣ или журналу, 40—по 2 и 9 преподавателей—по 3 и болѣе, при чемъ семеро изъ указаннаго (171) числа преподаватей выписывали газеты въ складчину съ законоучителями и другими лицами, а четверо—обезпечивались періо-

дическими изданіями, выписываемыми на средства попечителей мѣстныхъ школъ. Изъ числа 53 названій газетъ и журналовъ, выписываемыхъ преподавателями, наичаще встрѣчаются слѣдующія:

„Русскія Вѣдомости“ выписываемыя. . .	41	учит.
„Нива“	27	„
„Родина“	16	„
„Свѣтъ“	13	„
„Биржевыя Вѣдомости“	11	„
„Русское Богатство“.	9	„
„Міръ Божій“.	8	„
„Русское Слово“	8	„
„Русская Мысль“.	7	„
„Образованіе“.	7	„
„Читатель“.	7	„
„Недѣля“	6	„

Остальные газеты и журналы, названія которыхъ здѣсь не приводятся,—выписываются въ еще меньшемъ числѣ экземпляровъ.

Таковы данныя, которыя позволяютъ составить нѣкоторое понятіе о томъ, что именно въ качественномъ отношеніи представляетъ собою тотъ чтебный матеріалъ, который составляетъ собственность преподавательскаго персонала земскихъ школъ.

Но какое же значеніе имѣетъ книга или журналъ въ жизни и дѣятельности сельскаго учителя? Вопросъ этотъ тѣмъ болѣе умѣстенъ, что, даже въ группѣ преподаватей, имѣющихъ свои книги, большинство, какъ сказано, имѣетъ ихъ въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ, затѣмъ—150 изъ 478 учителей и учительницъ вовсе не имѣютъ ни собственныхъ книгъ и не выписываютъ никакихъ періодическихъ изданій*), наконецъ 38 человѣкъ изъ числа указанныхъ 150 сообщили, что они не только не имѣютъ собственныхъ книгъ и не выписываютъ газетъ или журналовъ, но, будучи совершенно лишены чтебнаго матеріала,—не читаютъ никогда и ничего, кромѣ, конечно, тѣхъ книгъ, которыя читаются и изучаются учениками этихъ преподавателей въ своихъ школахъ.

Вотъ какіе отвѣты преподавателей получены по только что поставленному вопросу:

„Обезпеченіе учителей чтебнымъ матеріаломъ имѣетъ очень важное значеніе въ дѣлѣ народнаго образованія. Та только школа совершенствуется, учитель которой постоянно развивается. Какъ же можетъ продолжать свое развитіе учитель, живущій въ глухой деревнѣ?—

*) Всего преподавателей, не имѣющихъ своихъ книгъ—169, но 19 изъ нихъ выписываютъ газеты.

Исключительно при помощи книгъ. Ни въ чьей жизни книга не можетъ имѣть такого значенія, какъ въ жизни сельскаго учителя. Другимъ людямъ книгу можетъ замѣнить общество, для учителя книга— не замѣнима. Но какая горькая насмѣшка судьбы!—Человѣкъ, главная задача котораго—провести книгу въ народъ, возбудить въ немъ интересъ къ ней, который долженъ посвятить на это дѣло всю свою жизнь,—очень часто самъ лишенъ этой книги. Да, наши сельскіе учителя очень и очень страдаютъ отъ недостатка чтенія. Отдаленность отъ города, отсутствіе интеллигентныхъ знакомыхъ сосѣдей, недостатокъ собственныхъ средствъ, все это препятствуетъ стремленію учителя къ самообразованію, и стремленіе это, не находя опоры, не видя ни откуда поддержки, мало по малу глохнетъ. А между тѣмъ—что такое учитель, утратившій стремленіе къ дальнѣйшему развитію, что можетъ дать онъ своимъ ученикамъ, какъ можетъ онъ возбудить въ нихъ любовь къ знанію, если въ немъ самомъ эта любовь исчезла безвозвратно... Въ интересахъ народнаго образованія, всѣ, кому оно дорого, должны поддержать учителя въ его стремленіи къ свѣту, доставить ему возможность продолжать свое развитіе. Тѣ задачи, которыя взяло на себя земство, должны побудить его и въ этомъ дѣлѣ взять на себя главную заботу".

„Бросая общій взглядъ на все вышеизложенное,—читаемъ мы въ отзывѣ другого учителя, сообщившаго подробныя свѣдѣнія о своей библіотекѣ и вообще объ условіяхъ пользованія имъ чтебнымъ матеріаломъ,—приходишь къ тому печальному заключенію, что сельскій учитель почти совершенно лишенъ умственной пищи. Находясь цѣлый годъ вдали отъ книгъ и журналовъ, вдали отъ образованнаго міра, онъ не можетъ продолжать свое самообразованіе и, вслѣдствіе этого, неминуемо идетъ назадъ. Онъ начинаетъ чувствовать это и, если судьба поможетъ ему, оставляетъ деревню и поступаетъ на службу въ городъ. Каждый годъ наши учебныя заведенія выпускаютъ множество учителей и учительницъ, однако и до сихъ поръ чувствуется въ нихъ большой недостатокъ. Куда же они дѣваются? Спросите вы.— Очень естественно: прослуживъ положенное число лѣтъ, они по изложенной причинѣ, оставляютъ школу. Тѣ же, которые въ силу необходимости остаются въ деревнѣ навсегда, въ большинствѣ случаевъ привыкаютъ къ своему несчастному положенію, перестаютъ заботиться о своемъ образованіи, ищутъ для себя всевозможныхъ развлеченій, а на школьное дѣло смотрятъ, какъ на тяжелую ношу, несправедливо на нихъ возложенную. Съ этого времени учитель становится просто рабочимъ, отчего школьное дѣло, конечно, сильно страдаетъ. Въ виду этого весьма желательно, чтобы на эту сторону дѣла обратили особенное вниманіе".

„Въ каждомъ уѣздѣ,—говорится въ слѣдующемъ отзывѣ, необходимо устроить нѣсколько учительскихъ библіотекъ, снабдивъ ихъ прежде всего книгами образовательнаго содержанія, затѣмъ—богословскаго, спеціально-педагогическаго, научнаго и т. д... Въ каждой школѣ, кромѣ того, должны имѣться необходимыя учебныя руководства для учителя, которыя въ нашихъ школахъ встрѣчаются весьма рѣдко, а между тѣмъ потребность въ нихъ несомнѣнно очень велика. У насъ въ большинствѣ школъ нѣтъ ни одной дидактики, ни одной методики; отъ этого почти всѣ молодые учителя изъ кожи лѣзутъ вонъ, мучатъ себя, мучатъ учениковъ, вырабатывая тѣ или иные пріемы преподаванія, такъ какъ и спеціальная подготовка учителей далеко не подходитъ во многихъ случаяхъ и подъ условія и подъ учебный матеріалъ нашихъ школъ. Будь въ нашихъ школахъ достаточно руководствъ, особенно по предлагаемымъ намъ учебникамъ, трудъ учителя и учениковъ безмѣрно сократился бы и, особенно на первыхъ порахъ, преподаваніе пошло бы и смѣлѣе и цѣлесообразнѣе“.

„Едва ли слѣдуетъ распространяться о томъ, что каждый человѣкъ, а тѣмъ болѣе имѣющій своею задачею служить на пользу просвѣщенія, имѣетъ право на удовлетвореніе своихъ насущныхъ духовныхъ потребностей. Но въ этомъ отношеніи врядъ-ли найдется кто либо болѣе обездоленный, чѣмъ сельскій учитель. Нечего говорить о томъ, какъ вліяетъ этотъ духовный голодъ на самаго учителя,—это еще не такъ важно; но вѣдь отъ этого страдаетъ и дѣло народнаго просвѣщенія. Что же можетъ внести новаго въ школу и деревню учитель, самъ въ этой деревнѣ постепенно тупѣющій, ни откуда не слышащій живого человѣческаго слова. Наши жалкія школьныя библіотеки книгъ для учителя совсѣмъ не имѣютъ. Въ нихъ нѣтъ даже необходимыхъ для учителя методическихъ руководствъ, и новый неопытный учитель бываетъ поставленъ въ положеніе по истинѣ критическое, если онъ на собственныя средства не пріобрѣлъ необходимыхъ руководствъ“.

Таковъ характеръ большинства отзывовъ преподавателей, такъ или иначе касавшихся вопроса о значеніи книги для учителя, какъ сознательнаго работника въ живомъ и имѣющемъ немаловажное значеніе дѣлѣ. Однако, кромѣ тѣхъ сторонъ значенія книги, о которыхъ говорятъ эти отзывы, нѣкоторыми отмѣчается еще одно обстоятельство, которое создается положеніемъ учителя, какъ „книжнаго“, „ученаго“ или, общее говоря, культурнаго человѣка въ современной деревнѣ, куда доходятъ вѣсти и слухи изъ внѣшняго міра и гдѣ нерѣдко можно встрѣтить лицъ, любознательность которыхъ уже не удовлетворяется тѣснымъ кругомъ знаній, сообщаемыхъ въ начальныхъ школахъ. Вотъ что, напримѣръ, читаемъ мы въ подобнаго рода отзывахъ:

„Среди крестьянъ есть очень порядчные грамотѣи, жаждущіе узнать что-нибудь новенькое, или что-нибудь изъ политики. Сплошь и рядомъ приходится сталкиваться съ подобными личностями и слышать отъ нихъ вопросы: „Ну, какъ дѣла (напримѣръ) Греціи?—Вѣдь ихъ, грековъ-то, говорятъ, обиждаютъ турки“... Или еще: „что это говорятъ, будто Франція сгорѣла на базарѣ“. Не понимаешь, о чемъ спрашиваютъ и приходится изворачиваться и доканываться—о чемъ идетъ рѣчь и, насколько возможно, объяснять имъ случившееся... Жаль на свои средства нѣтъ возможности выписать и „Московскаго Листка“... Судя по рвенію къ газетамъ, было бы весьма желательно имѣть при школѣ какую нибудь дешевенькую газетку“.

„Не слѣдуетъ упускать изъ виду, говорится въ другомъ сообщеніи,—что современная деревня имѣетъ въ своей средѣ читателя съ весьма серьезными запросами. Задача учителя вслѣдствіе этого усложняется; онъ не только имѣетъ дѣло со школьниками, но иногда долженъ стать единственнымъ въ нынѣшней деревнѣ руководителемъ, правда, немногочисленныхъ, но тѣмъ болѣе нуждающихся въ поддержкѣ единицъ, въ которыхъ проснулась жажда знанія, стремленіе уяснить свое отношеніе къ окружающему, выйти изъ тѣхъ тѣсныхъ рамокъ, въ которыхъ замкнута современная жизнь деревни. Учитель нуждается въ постоянномъ пополненіи и освѣженіи своихъ знаній, чтобы исполнять свою задачу, быть проводникомъ живого знанія въ народъ. Трудно учителю выполнить эту задачу, пока не создалось никакихъ соотвѣтствующихъ организацій, въ видѣ, напримѣръ, общеобразовательныхъ курсовъ для учителей, которые помогали бы постоянному пополненію и расширенію ихъ образованія, пока учитель, по необезпеченности своего матеріальнаго положенія, не имѣетъ возможности самъ пріобрѣсть порядочную книгу, журналъ, газету. Вслѣдствіе указанныхъ причинъ правильная постановка библіотечнаго дѣла является насущной необходимостью“.

Итакъ, съ какой бы стороны ни разсматривался поставленный вопросъ, отзывы самихъ преподавателей констатируютъ необходимость для нихъ чтебнаго матеріала и ихъ нужду въ книгѣ. Въ имѣющихся у насъ отвѣтахъ нѣтъ ни одного, который бы говорилъ, что либо противное сказанному. И на ряду съ этимъ цифры говорятъ, что не мало преподавателей, вовсе не имѣющихъ книгъ и даже ничего не читающихъ. Какъ же примирить такія, казалось бы, совершенно противурѣчивыя указанія? Обращаясь за разъясненіемъ этого недоразумѣнія съ отзывомъ самихъ преподавателей, находимъ, что всѣ почти они, касаясь причины отсутствія или недостатка у нихъ книжнаго матеріала, видятъ ее исключительно почти въ недостаткѣ средствъ и только въ трехъ отвѣтахъ преподаватели, давшіе ихъ, указываютъ,

что учителямъ „читать некогда“ или, что они мало читаютъ „за недостаткомъ свободнаго времени“.

Какъ ни мало однако такихъ указаній, тѣмъ не менѣе они представляются довольно знаменательными и даже, если принять во вниманіе характеръ и общія условія современнаго школьнаго обученія, имѣющими нѣкоторое общее значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно самаго поверхностнаго знакомства съ условіями дѣятельности нашихъ учителей и учительницъ, чтобы признать, что обязательныя классныя и внѣклассныя занятія ихъ, каковы напримѣръ исправленіе чрезвычайно частыхъ диктантовъ, просмотръ письменныхъ работъ по ариѳметикѣ и т. п.—для многихъ и многихъ преподавателей оставляютъ слишкомъ мало времени на чтеніе.

Не отрицая затѣмъ того, что матеріальныя условія жизни учителя дѣйствительно таковы, что дѣлаютъ крайне для него затруднительными какіе бы то ни было расходы, исключая тѣхъ, которые производятъ для пріобрѣтенія предметовъ первой необходимости,—тѣмъ не менѣе едва-ли бы было справедливымъ видѣть причину отсутствія книгъ у преподавателей исключительно только въ недостаткѣ средствъ, какъ это склонны объяснять сами учителя и учительницы. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ фактъ, что современная школа можетъ довольствоваться учителемъ, не имѣющимъ книги и вообще мало читающимъ, не даетъ ли повода заключить, что стало-быть самая постановка школьнаго дѣла у насъ такова, что не только мѣшаетъ учителю заняться чтеніемъ, не оставляя для этого достаточно свободнаго времени, но и не дѣлаетъ для него книгу предметомъ первой необходимости. Не будемъ однако останавливаться надъ выясненіемъ этой зависимости: она станетъ понятною сама собою, если принять во вниманіе общій характеръ современнаго школьнаго обученія, разсмотрѣнію чего были уже посвящены нѣкоторыя предыдущія работы по статистикѣ народнаго образованія въ Московской губерніи.

И вотъ почему, несмотря на справедливые сами по себѣ отзывы учителей, что книга является необходимой и желательной какъ въ интересахъ правильнаго развитія умственной жизни населенія, такъ и для раціональной постановки школьнаго обученія, даже не отрицая нѣкотораго побудительнаго вліянія такихъ мотивовъ, можно однако полагать, что не они главнымъ образомъ заставили пріобрѣсть книги большинство преподавателей, къ тому же заключенію приводитъ и разсмотрѣніе состава собственныхъ ихъ библіотечекъ. Гораздо вѣроятнѣе предположить, что тѣ книги, журналы и газеты, которыми въ настоящее время располагаетъ большинство учителей и учительницъ, пріобрѣтены ими преимущественно съ тѣмъ, чтобы облегчить тяжесть,

создаваемую ихъ, нерѣдко вынужденнымъ, одиночествомъ и оторванностью отъ среды, ихъ окружающей.

Эти то условія, главнымъ образомъ, и побуждаютъ учителя къ пріобрѣтенію книги, а за отсутствіемъ необходимыхъ для этого средствъ—заставляютъ его искать ее—гдѣ только это возможно.

Вотъ что по этому поводу пишутъ сами учителя:

„Многіе преподавательницы и преподаватели начальныхъ школъ не обезпечены достаточнымъ и желательнымъ чтебнымъ матеріаломъ, занасаются они имъ отовсюду, откуда представится возможность и нерѣдко пользуются такими книгами, какія попадутся подъ руку".

„Безъ книгъ учителя не остаются (изъ вышеуказаннаго видно, что такое заключеніе не достаточно точно и не можетъ быть распространено на всѣхъ преподавателей); желательно лишь, чтобы книги были хорошія, какъ напримѣръ — родные классики, публицисты, хорошій толковый журналъ. За неимѣніемъ этого—учителя, да и вообще провинціальная интеллигенція,—поглощаетъ всякій литературный мусоръ: приложенія къ иллюстрированнымъ журналамъ, переводные романы съ жестокими названіями,—вродѣ „Тайнъ Мадридскаго двора", „Фіакръ № 3".... Скудно, очень скудно у насъ насчетъ книгъ! Разумныхъ выходовъ изъ существующаго положенія—при крайней разрозненности учителей—не предвидится".

„Въ мѣстности, гдѣ я живу, трудно найти книгъ для чтенія: подписаться же въ Москвѣ—неудобно: нѣтъ времени ѣздить за книгами и отвозить ихъ обратно въ срокъ. Приходится довольствоваться чтеніемъ журнала „Родникъ", „Воспитаніе и Обученіе" и газетами, которыя беру у священника („Русское Слово" и „Православный Благовѣстъ") и у другихъ лицъ, а также и своей школьной ученической библіотечкой".

„Библіотекой, къ сожалѣнію, не пользуюсь никакой, а только изрѣдка приходится добывать себѣ книги для чтенія у знакомыхъ, или же у мѣстнаго духовенства берешь газеты".

„Пользуюсь библіотечкою г. Т. въ В. Книги я беру лично и поручить кому-нибудь для передачи нѣтъ возможности главнымъ образомъ потому, что сообщеніе между мѣстомъ моего служенія и В. крайне рѣдкое за дальностью разстоянія (верстъ 15). Объ удобствахъ въ организаціи доставки оттуда книгъ и говорить нечего: путешествіе въ праздничный день — верстъ въ 15 въ одинъ конецъ—далеко не привлекательно, да кромѣ того еще пѣшкомъ: нанять подводу иногда и не по карману сельскому учителю съ жалованьемъ въ 20 руб. Обращаться въ эту библіотеку мнѣ пришлось разъ пять въ теченіе минувшаго года; каждый разъ я могъ безпрепятственно забрать столько книгъ, сколько я могъ донести".

„Производится обмѣнъ книгъ съ законоучителемъ. Кромѣ библіотеки законоучителя, имѣются библіотеки у земскаго врача г-жи А. и помѣщика Е. М. П.,—но пользоваться ихъ библіотеками неудобно, такъ какъ это значило бы во-время и не во-время безпокоить ихъ и притомъ же первая всегда занята, а послѣдній живетъ въ имѣніи только лѣтомъ“ и т. д.

Всѣ подобнаго рода отзывы хорошо резюмируются слѣдующимъ сообщеніемъ учительницы, имѣющей возможность пользоваться какъ книгами, которыя получаются отъ знакомыхъ, такъ и библіотекою при уѣздной управѣ:

„На основаніи опыта и наблюденій за 13 лѣтъ моей службы—я могу сказать слѣдующее: большинство учительницъ и учителей, которыхъ я знаю, такъ же, какъ и я, рѣдко пользуются книгами изъ управской библіотеки: вѣдь не станешь же нанимать за рубль и дороже лошадь въ городъ, чтобы поѣхать обмѣнить книги, да и манкировать уроками не захочешь, а въ праздники присутствія въ управѣ, конечно, не бываетъ. Поэтому каждая учительница старается достать себѣ книги болѣе доступнымъ способомъ: или привозитъ съ собой съ каникулъ отъ знакомыхъ и родственниковъ, или беретъ ихъ у кого только онѣ есть въ данной мѣстности: у сосѣдней учительницы, у духовенства, доктора, помѣщика и даже у крестьянина. Чтебный матеріалъ разнообразнѣе и лучше у тѣхъ учительницъ, которыя имѣютъ возможность брать книги у людей интеллигентныхъ. Если приходится пользоваться библіотекою, принадлежащею крестьянину, то получаетъ разрозненные номера старыхъ журналовъ, пріобрѣтенные случайно или же не менѣе случайный подборъ книгъ: Байронъ—и баронъ Галкинъ, Мильтонъ—и Булгаринъ и т. п. У духовенства уже встрѣчаются журналы за прошедшіе годы — „Русскій Вѣстникъ“, „Русская Мысль“, „Газета Гатцука“, „Душеполезное Чтеніе“; приложенія къ иллюстрированнымъ журналамъ и газетамъ, каковы „Нива“, „Родина“, „Гражданинъ“. Если же учительница знакома съ какою-либо интеллигентною семьею, тогда уже ей доступна хорошая газета и книга; зачитанные Писемскій, Загоскинъ, Вельтманъ—замѣняются современными беллетристами; получается возможность перечитать полныя собранія сочиненій нашихъ лучшихъ писателей“.

Такъ, конечно, но такое знакомство не всегда доступно учителю и притомъ не потому только, чтобы въ ближайшихъ къ школамъ мѣстностяхъ не жило интеллигентныхъ семей; къ сожалѣнію, этому нерѣдко мѣшаетъ также и сознаваемое учителемъ неравенство, которое создано общественнымъ положеніемъ — съ одной стороны его—учителя, а съ другой—интеллигентнаго сосѣда—помѣщика, врача и т. п., а отсюда—боязнь оказаться навязчивымъ, „не во-время побез-

покоить“ и въ концѣ концовъ, можетъ быть, испытать въ отношеніи къ себѣ со стороны такого интеллигента совершенно незаслуженное пренебреженіе. Что такого рода боязнь довольно основательна, видно изъ слѣдующаго отвѣта:

„Не знаю, есть или у кого изъ окружающихъ насъ какія-либо библіотеки, потому что изъ интеллигентнаго общества постоянныхъ жителей нѣтъ, кромѣ магната-профессора, который въ своей недоступной крѣпости не досягаемъ для сельскаго учителя; да и думается, едва-ли бы далъ онъ ею пользоваться низшимъ міра сего. Говоримъ это на основаніи горькаго опыта. Такъ въ 1896 году мы, учительскій составъ нашего училища, задумали было устроить подписку на народную библіотеку. Починъ сдѣлать рѣшили съ ближайшаго просвѣщеннаго сосѣда. Но сей ученый мужъ не удостоилъ даже принять насъ, когда узналъ, что мы не паціентки, а явились по нуждамъ школы и народа. Не удовлетворившись отказомъ принять насъ лично, мы отправили коллективное письмо съ просьбою притти къ намъ на помощь въ упомянутомъ предпріятіи, но и письмо наше осталось безъ отвѣта“.

Опредѣляя затѣмъ, какъ велико число преподавателей, пользующихся книгами своихъ знакомыхъ, находимъ, что изъ 470 человѣкъ, отвѣтившихъ на этотъ вопросъ, утвердительный отвѣтъ дали 210 лицъ.

Небольшее число (194 изъ 443) составляютъ учителя и учительницы, имѣющіе возможность пользоваться журналами и газетами, выписываемыми знакомыми лицами, священниками, попечителями и т. д. Общее число названій періодическихъ изданій, которыми такимъ образомъ могутъ пользоваться учителя и учительницы, равняется 51, причемъ наиболѣе часто упоминаются слѣдующія:

„Нива“	въ	37	отвѣтахъ.
„Московскій Листокъ“	„	27	„
„Родина“	„	26	„
„Русскій Листокъ“	„	24	„
„Русскія Вѣдомости“	„	21	„
„Живописное Обозрѣніе“	„	17	„
„Свѣтъ“	„	15	„
„Русское Слово“	„	13	„
„Сельскій Вѣстникъ“	„	8	„
„Сынъ Отечества“	„	8	„
„Русское Богатство“	„	7	„
„Вокругъ Свѣта“	„	7	„
„Новости Дня“	„	7	„
„Міръ Божій“	„	6	„
„Московскія Вѣдомости“	„	6	„
„Новь“	„	6	„

Названія остальныхъ газетъ и журналовъ встрѣчаются еще въ меньшемъ (не болѣе 4) числѣ отвѣтовъ.

Разсматривая списокъ этихъ періодическихъ изданій, нельзя не замѣтить, что въ качественномъ отношеніи подборъ тѣхъ газетъ и журналовъ, которыми пользуются учителя и учительницы, благодаря своимъ знакомымъ, въ общемъ своемъ составѣ значительно ниже того, который имѣется у преподавателей, выписывающихъ газеты и журналы непосредственно.

Подводя итогъ вышеизложенному, можно повидимому придти къ тому общему заключенію, что значительное большинство преподавательскаго персонала земскихъ школъ Московской губерніи въ дѣлѣ обезпеченія ихъ чтебнымъ матеріаломъ, если не имѣть въ виду библіотекъ, существующихъ при земскихъ управахъ,—находится въ условіяхъ очень неудовлетворительныхъ; недостатокъ собственныхъ книгъ, отсутствіе газетъ или журналовъ, не особо доброкачественный составъ того чтебнаго матеріала, который можетъ быть полученъ учителемъ отъ лицъ ему знакомыхъ,—таковыя черты, которыми характеризуется положеніе значительнаго большинства преподавателей въ разсматриваемомъ отношеніи.

II.

Представимъ теперь нѣкоторыя свѣдѣнія объ учительскихъ или такихъ библіотекахъ при уѣздныхъ земскихъ управахъ, которыми могутъ пользоваться преподаватели начальныхъ школъ и которыя имѣются въ слѣдующихъ десяти уѣздахъ губерніи: Бронницкомъ, Верейскомъ, Волоколамскомъ, Дмитровскомъ, Клинскомъ, Коломенскомъ, Московскомъ, Подольскомъ, Рузскомъ и Серпуховскомъ; въ уѣздахъ Богородскомъ, Звенигородскомъ *) и Можайскомъ подобнаго рода библіотекъ нѣтъ.

Вотъ что сообщаютъ объ этихъ библіотекахъ уѣздныя земскія управы (о расходахъ на пополненіе такихъ библіотекъ собраны свѣдѣнія только за 3 года—1894—1896):

Бронницкій у. При уѣздной управѣ имѣется библіотека вообще для служащихъ въ земствѣ, состоящая изъ 1028 томовъ, причемъ по богословію имѣется 11 книгъ, педагогикѣ—57, исторіи—67, географіи 28, другимъ научнымъ отдѣламъ—206 и по беллетристикѣ—659. Кромѣ того, въ библіотекѣ имѣются слѣдующіе журналы: „Вѣстн.

*) Этотъ недостатокъ для учителей Звенигородскаго уѣзда можетъ быть не такъ ощутителенъ, благодаря тому, что преподавательскій персоналъ пользуется здѣсь тремя хорошо подобранными народными библіотеками.

Европы“ 1887 г., „Русская Мысль“ 1880, 1881, 1892, 1893 гг., „Историческій Вѣстникъ“ 1888 и 1895 г., „Недѣля“ 1887, 1896 и 1897 гг., „Міръ Божій“ 1894—1897 гг., „Вѣстн. Иностранной Литературы“ 1895 г. и „Вѣстникъ Воспитанія“ 1890—1895 гг.

Въ числѣ правилъ, относящихся до завѣдыванія библіотекою при управѣ находимъ указанія:

а) „Педагогическіе журналы, руководства и книги для этой библіотеки выписываются по каталогу, одобренному училищнымъ совѣтомъ.

б) Библіотека состоитъ въ завѣдываніи или одного изъ служащихъ въ канцеляріи управы, или отдѣльно нанимаемаго лица подъ наблюденіемъ предсѣдателя или одного изъ членовъ управы. Для записыванія выдаваемыхъ для чтенія учителямъ книгъ, журналовъ и проч. ведется особая книга, въ которой отмѣчается день выдачи, съ распискою взявшаго книгу для чтенія или лица довѣреннаго.

в) Учитель или учительница имѣютъ право продержать книгу для чтенія до одного мѣсяца и обязаны возвратить въ томъ видѣ, въ какомъ получили. Въ случаѣ потери или порчи—стоимость попорченнаго или утеряннаго вычитается изъ мѣсячнаго жалованья.

г) Книги должны быть переплетены и имѣть печать Управы.

д) На выписку педагогическихъ журналовъ, книгъ и проч. назначается ежегодно извѣстная сумма по опредѣленію земскаго собранія, согласно разрѣшенію котораго за три года—съ 1894 по 1896 гг. израсходовано было на этотъ предметъ 337 р. 57 коп.

Верейскій уѣздъ. Библіотека при управѣ состоитъ изъ 315 томовъ, которые по отдѣламъ библіотеки распредѣляются слѣдующимъ образомъ: по предмету богословія—5 книгъ; словесности и критики—184; научнаго отдѣла—100; педагогическаго—22 и справочнаго—4. Затѣмъ библіотека эта довольно богата старыми журналами, общее число которыхъ вмѣстѣ съ №№ журналовъ новыхъ, составляетъ до 1500 книгъ, изъ новѣйшихъ журналовъ въ библіотекѣ имѣются „Наблюдатель“, „Русская Мысль“, „Русское Богатство“, „Вѣстникъ Европы“, „Русскій Вѣстникъ“ (1896 г.), „Русская Старина“ (1896 г.), „Міръ Божій“ (1896 г.) и „Историческій Вѣстникъ“.

Израсходовано было на пополненіе библіотечки за 3 года—съ 1894 по 1896 г. включительно 243 руб. 18 коп., причемъ расходъ этотъ произведенъ въ два крайнихъ года указаннаго періода, въ 1895 же году библіотека не пополнялась.

Слѣдующія выписки представляютъ собою дѣйствующія и теперь—„Правила Верейской земской публичной библіотеки, одобренныя Верейскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ 19 декабря 1895 года“:

1) „Непосредственное завѣдываніе дѣлами библіотеки лежитъ на обязанности земской управы, избранной земскимъ собраніемъ.

2) Для письмоводства по дѣламъ библіотеки приглашается управою писецъ съ денежнымъ вознагражденіемъ отъ земства.

3) Управа ежегодно составляетъ докладъ о библіотекѣ для представленія очередному земскому собранію.

4) Подписчиками библіотеки могутъ быть всѣ желающія лица обоего пола изъ постоянныхъ и временныхъ жителей г. Вереи и его уѣзда, исключая дѣтей школьнаго возраста.

5) Подписчики дѣлятся на годовыхъ и мѣсячныхъ, а тѣ и другіе—на подписчиковъ 1 и 2 разряда: 1-й разрядъ съ платою за годъ 5 р., а за одинъ мѣсяцъ 50 коп., 2-й разрядъ за годъ 2 р. 50 к., а за одинъ мѣсяцъ 25 коп. Подписчики 1-го разряда пользуются правомъ чтенія всѣхъ книгъ и журналовъ, а также газетъ, немедленно по полученіи ихъ; подписчикамъ же 2-го разряда выдаются новыя книги и журналы не ранѣе, какъ черезъ 3 мѣсяца по полученіи ихъ. Учителя и учительницы земскихъ школъ пользуются журналами и книгами съ платою по 1 р. въ годъ или 10 к. въ мѣсяцъ, причемъ пріобрѣтаютъ права подписчиковъ 2 разряда.

6) Желающіе подписаться по какому либо разряду вносятъ впередъ плату, означенную въ § 5—и, кромѣ того, представляютъ залогъ въ размѣрѣ 3 руб. Лица, служащія въ земствѣ, отъ залога освобождаются.

7) Журналы и книги выдаются городскимъ подписчикамъ 1-го разряда въ количествѣ не болѣе 3 книгъ единовременно, на срокъ 2 недѣли и не болѣе 1-го новаго журнала на 4 дня, а газеты не болѣе одной срокомъ на одинъ день; городскіе же подписчики 2-го разряда пользуются правомъ получать 3 старыхъ книги журнала, срокомъ не болѣе 2-хъ недѣль, газету одну срокомъ на 2 недѣли. Проживающимъ въ уѣздѣ подписчикамъ 1-го разрада не болѣе 4-хъ книгъ, срокомъ на 1 мѣсяцъ, въ томъ числѣ не болѣе 2 журналовъ на 2 недѣли и одной газеты, а 2-го разряда—3 книгъ, въ томъ числѣ 1 журнала; книги,—срокомъ на 1 мѣсяцъ, а журналы срокомъ на 2 недѣли и одной газеты на тотъ же срокъ. (Сроки эти могутъ быть измѣняемы).

8) Всѣ требованія о выдачѣ книгъ, журналовъ и газетъ записываются въ имѣющуюся для этого въ библіотекѣ книгу. При требованіи одной и той же книги, журнала или газеты нѣсколькими лицами, требованія эти удовлетворяются въ порядкѣ поступленія. При отсутствіи требуемыхъ книгъ, журналовъ или газетъ желающія могутъ записываться кандидатами, при чемъ должна строго соблюдаться очередь. Книги, журналы и газеты выдаются не иначе, какъ по предъявленію абонементной книжки или листа, въ которую вписываются выдаваемыя книги, журналы и газеты и получаемыя обратно.

9) При невозвращеніи въ срокъ взятыхъ книгъ, журналовъ и газетъ просрочившій подписчикъ платитъ за каждую книгу, журналъ или газету по 3 кон. въ сутки.

10) Подписчикъ, потерявшій или изорвавшій книгу, журналъ или газету, взятые для чтенія, обязанъ уплатить стоимость ихъ, если же книга принадлежитъ къ изданію, заключающемуся въ нѣсколькихъ томахъ, то—при невозможности пріобрѣсти одинъ томъ отдѣльно, платитъ за все изданіе.

11) Подписчикъ, не уплатившій денегъ, впредь до уплаты оныхъ лишается права на полученіе изъ библіотеки книгъ, журналовъ и газетъ, а слѣдующая съ него сумма удерживается изъ залога, а недостающая сумма довзыскивается.

12) Выдача книгъ, журналовъ и газетъ производится ежедневно съ 11 часовъ утра до 2 часовъ пополудни, за исключеніемъ воскресныхъ и праздничныхъ дней лицомъ, назначеннымъ для этого управой.

13) Въ полученіи денегъ за подписку и залоговъ управа выдаетъ квитанцію, для чего должна вестись квитанціонная книга. Залогъ по окончаніи подписки возвращается, причемъ подписчикъ долженъ выдать расписку въ полученіи залога обратно.

14) Вырученныя деньги библіотекою сдаются при счетѣ въ кассу управы съ окончаніемъ каждаго мѣсяца.

15) Всѣ жалобы на неправильную выдачу книгъ, журналовъ и газетъ, подписчики должны заявлять управѣ, а недовольные ея распоряженіемъ могутъ подавать жалобы земскому собранію чрезъ земскую управу".

Волоколамскій уѣздъ. Библіотека при Волоколамской земской управѣ содержитъ въ себѣ всего около 300 томовъ разнообразнаго содержанія и около 500 книгъ старыхъ журналовъ, позднѣйшимъ изъ которыхъ является „Русская Мысль" за 1890 годъ; въ числѣ остальныхъ журналовъ встрѣчаемъ здѣсь „Русскій Архивъ", „Военный Журналъ", „Русскій Вѣстникъ", „Историческій Вѣстникъ", „Вѣкъ", „Природа и Охота", „Наблюдатель", „Природа и Люди", „Русская Рѣчь", „Русская Старина", „Журналъ иностранныхъ романовъ", „Хозяйственный строитель", „Народная Школа", „Сѣверный Вѣстникъ", „Пантеонъ Литературы", „Русскій Начальный Учитель". Настолько же случаенъ и безсистеменъ подборъ и остальныхъ книгъ библіотеки, среди которыхъ не встрѣчается, за исключеніемъ Островскаго и Гоголя,—полнаго собранія сочиненій ни одного изъ наиболѣе извѣстныхъ авторовъ; такъ напримѣръ Тургенева имѣются только 1, 4, 6, 8 и 9 тома, Некрасова—1, 3 и 4, Пушкина—3, 4, 5 и 6, Толстого—первые 11 томовъ, Лермонтова—1 томъ и т. д.; произведеній такихъ писателей какъ Гете, Гейне, Шиллеръ, Диккенсъ, Гюго, Додэ, Золя,

Шпильгагенъ—собраніе сочиненій которыхъ встрѣчаются въ другихъ библіотекахъ,—здѣсь нѣтъ ни одного.

Бѣдность Волоколамской библіотеки будетъ вполнѣ понятна, если имѣть въ виду тѣ ничтожныя затраты, которыя вызывались ея пополненіемъ; такъ за періодъ съ 1894 по 1896 г., т. е. за три года — на этотъ предметъ издержано было (въ 1895 г.) только 15 р. 65 к.

Къ сказанному объ этой библіотеки остается добавить, что никакихъ правилъ относительно пользованія ею выработано не было.

Дмитровскій уѣздъ. Учительская библіотека при уѣздной управѣ состоитъ только изъ 127 книгъ, изъ которыхъ 47 принадлежатъ къ отдѣлу школовѣдѣнія и педагогики, 27—беллетристики, 15—богословія, 13—географіи, 8—исторіи и 25—остальныхъ научныхъ отдѣловъ. Какъ видимъ, библіотека эта чрезвычайно бѣдна: даже въ наиболѣе полномъ ея отдѣлѣ—педагогическомъ мы вовсе не встрѣчаемъ здѣсь сочиненій такихъ извѣстныхъ авторовъ, каковы напримѣръ: Бенеке, Шварцъ, Дистервегъ, Диттесъ, Руссо, Каменскій, Толстой, Стоюнинъ. Что же касается до отдѣла беллетристики, повсемѣстно имѣющаго, какъ это указывалось выше, наибольшій спросъ, то весь онъ состоитъ здѣсь изъ слѣдующихъ 27 книгъ: 5 т. Гоголя, 2 т. (Фаустъ) Гете, 9 т. Данилевскаго, сочиненій Кольцова, Крылова, Лермонтова, 3 романовъ В.-Скотта, соч. Фонвизина, 2 драмъ Шекспира и 2 романовъ Эберса.

Никакихъ расходовъ на пополненіе этой библіотеки, устроенной только въ 1895 г.,—пока еще произведено не было.

Правилъ относительно завѣдыванія и пользованія настоящею библіотекою не выработано.

Клинскій уѣздъ. При уѣздной земской управѣ уже съ 1881 г. существуетъ библіотека, которою могутъ пользоваться преподаватели начальныхъ школъ, заключающая въ себѣ, какъ объ этомъ сообщила уѣздная управа, 375 томовъ, изъ которыхъ 303 приходятся на беллетрическій отдѣлъ, 32—на педагогическій и 40—на отдѣлы научные. Кромѣ того въ библіотекѣ имѣются слѣдующіе журналы: „Живописное Обозрѣніе“ за 1892—1894 г.г., „Звѣзда“ за 1896 г., „Міръ Божій“ за 1896 г. „Нива“ за 1890—1894 г.г., „Образованіе“ за 1896 г., „Русская Мысль“ за 1886, 1889—1894 г.г., „Русская Школа“ за 1896 г., «Сѣверъ“ за 1892—1894 г.г. и „Читатель“ за 1896 г.

Изъ числа правилъ, выработанныхъ уѣздными земскими собраніями 1879—1881 г.г., которыми опредѣляется общая постановка школьнаго дѣла въ уѣздѣ,—слѣдующіе параграфы касаются библіотеки при уѣздной управѣ:

а) „На выписку педагогическихъ журналовъ и книгъ для учительской библіотеки назначается изъ уѣзднаго земскаго сбора 100 руб. ежегодно;

б) педагогическіе журналы и книги для учительской библіотеки выписываются уѣздною управою по каталогу книгъ, одобренныхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія; в) книга для записыванія книгъ, журналовъ и проч. учительской библіотеки находится въ управѣ; въ ней отмѣчается день выдачи и расписка взявшаго книгу для чтенія; г) учитель или учительница имѣетъ право продержать книгу для чтенія не болѣе одного мѣсяца и обязаны возвратить въ томъ видѣ, въ какомъ была взята; въ случаѣ потери или порчи обязаны уплатить стоимость книги вычетомъ изъ мѣсячнаго жалованья; д) книги учительской библіотеки должны быть переплетены, занумерованы и имѣть печать управы".

Коломенскій уѣздъ. Пользуясь тѣми свѣдѣніями, которыя даетъ каталогъ управской библіотеки, указывающій,—сколько имѣлось здѣсь книгъ ко времени, когда собирались эти свѣдѣнія, т. е. въ іюнѣ прошлаго 1897 года, а также данными, заключающимися въ соотвѣтствующемъ докладѣ уѣздной управы Земскому Собранію 1897 года, находимъ, что въ 1897 году въ библіотекѣ имѣлось, кромѣ земскихъ и правительственныхъ изданій, а также книгъ справочнаго характера,—362 тома, изъ которыхъ 261—составляли книги беллетристическаго содержанія и 101—разныхъ научныхъ отдѣловъ. Затѣмъ въ 1897 году, какъ это видно изъ доклада управы, библіотека ея пополнилась пожертвованными К. Т. Солдатенковымъ 127 книгами, заключающими въ себѣ почти исключительно сочиненія научнаго характера.

Затѣмъ въ библіотекѣ имѣются слѣдующіе журналы: „Міръ Божій" 1895—1897 г.г., „Русская Мысль" 1892 г., „Русское Богатство" 1896, 1897 г.г., „Хозяинъ" 1896 и 1897 г.г., „Сельскій Хозяинъ" за 1895—1897 г.г., „Деревня" 1896, 1897 г.г., „Сельскій Вѣстникъ" 1894 г., „Начальный Учитель" 1894 г., „Ремесленная Газета" 1894 г., „Пожарное Дѣло" 1894 г., „Вѣстникъ Краснаго Креста" 1894 г., „Вѣстникъ Русскаго Сельскаго Хозяйства" 1894 и 1895 г.г., „Вѣстникъ Садоводства и Огородничества" 1894 и 1895 г.г., „Вопросы Философіи и Психологіи" 1893 года.

Слѣдующая выписка содержитъ въ себѣ „Правила храненія и выдачи книгъ", составленныя для настоящей библіотеки:

1) „При Коломенской Земской Управѣ учреждена Земская библіотека, исключительно для лицъ служащихъ въ Земствѣ.

2) Библіотека эта состоитъ изъ книгъ и журналовъ, разрѣшенныхъ къ обращенію въ публичныхъ библіотекахъ, и пополняется ежегодно на средства ассигнуемыя на этотъ предметъ Земскимъ Собраніемъ.

3) Библіотека помѣщается въ зданіи Земской Управы и находится въ распоряженіи и завѣдываніи Земской Управы.

4) Храненіемъ и выдачею книгъ изъ библіотеки завѣдуетъ одно изъ лицъ служащихъ при Управѣ, по назначенію Предсѣдателя Управы и подъ его контролемъ.

5) Книги изъ библіотеки выдаются безплатно и безъ всякаго залога, и при томъ, каждому лицу не болѣе двухъ книгъ и на срокъ не болѣе одного мѣсяца.

6) Чтеніе книгъ въ библіотекѣ не допускается.

7) Утративший какую-либо книгу, взятую изъ библіотеки, обязанъ безпрекословно уплатить ея стоимость, показанную въ каталогѣ, и, кромѣ того, стоимость переплета, за исключеніемъ книгъ рѣдкихъ и вышедшихъ изъ продажи, стоимость которыхъ опредѣляется по существующей продажной ихъ цѣнѣ. Если потерянная книга составляетъ томъ какого либо сочиненія и не можетъ быть пріобрѣтена отдѣльно, то утратившій ее обязанъ уплатить стоимость всего сочиненія съ переплетами, при чемъ разрозненныя части могутъ быть ему возвращены.

8) Въ случаѣ неуплаты добровольно, стоимость утерянной книги удерживается изъ жалованья лица утратившаго ее.

9) Всѣ пріобрѣтаемыя для библіотеки книги записываются въ двухъ книгахъ: матеріальной—по времени ихъ пріобрѣтенія и въ каталогѣ—по отдѣламъ библіотеки.

10) Сверхъ того при библіотекѣ заведенъ систематическій каталогъ книгъ, который по мѣрѣ надобности можетъ быть перепечатываемъ вновь или пополняемъ особыми добавленіями.

11) Для записыванія выдаваемыхъ изъ библіотеки книгъ ведется особая книга, въ которой дѣлается отмѣтка о времени выдачи и возвращенія книги, при чемъ лицо, получившее таковую, обязано расписаться въ ея полученіи".

Московскій уѣздъ. Подробныя свѣдѣнія о Московской библіотекѣ будутъ представлены далѣе, замѣтимъ лишь, что она содержитъ въ себѣ около 2000 томовъ, кромѣ журналовъ и что никакихъ инструкцій относительно завѣдыванія и пользованія управскою библіотекою составлено не было.

Посольскій уѣздъ. Основанная въ 1883 году при управѣ учительская библіотека заключаетъ въ себѣ, не считая журналовъ,—219 томовъ, изъ которыхъ 168 содержатъ въ себѣ сочиненія по беллетристикѣ, 14 по педагогикѣ, 29 по исторіи и 8 по другимъ научнымъ отдѣламъ. Затѣмъ въ библіотекѣ имѣются слѣдующіе журналы: „Русскій Вѣстникъ" съ 1857 по 1886 г., „Сѣверъ" 1892 г., „Міръ Божій" 1894 и 1895 г.г., „Новь" за 1885, 1893—1895 г.г., „Плодоводство" за 1894 г. и „Дѣло" 1881 и 1882 г.г.

На пополненіе библіотеки за трехлѣтіе съ 1894 по 1896 г. издержано было 59 р. 18 коп.

Никакихъ общихъ правилъ относительно завѣдыванія этою библіотекою до настоящаго времени выработано управою не было.

Рузскій уѣздъ. Изъ доставленнаго уѣздною управою каталога основанной въ 1897 году учительской библіотеки видно, что она содержитъ въ себѣ около 250 книгъ, половина которыхъ (126) состоитъ изъ сочиненій наиболѣе извѣстныхъ писателей беллетристовъ, затѣмъ 20 книгъ заключаютъ въ себѣ сочиненія, педагогическія, а остальныя принадлежатъ къ различныхъ научнымъ отдѣламъ и исторіи словесности.

Никакихъ журналовъ библіотекою пока не выписывается.

Въ составленныхъ управою „правилахъ о выдачѣ книгъ для чтенія изъ Рузской учительской библіотеки“ встрѣчаетъ только два слѣдующихъ параграфа: 1) „Книги выдаются изъ библіотеки каждому лицу не болѣе двухъ книгъ и на срокъ не далѣе одного мѣсяца; и 2) взявшій книги предупреждается, что въ случаѣ ихъ недоставленія или возвращенія въ безпорядочномъ видѣ,—онъ обязанъ уплатить стоимость книгъ“.

Серпуховской уѣздъ. Пользуясь тѣми данными, которыя, такъ же какъ и по другимъ уѣздамъ, доставлены уѣздною управою, находимъ, что въ Серпуховской управской библіотекѣ имѣется 102 тома по богословію, 97 по философіи и педагогикѣ, 250 по правовѣдѣнію, 201 по исторіи, 79 по географіи, 48 „по математикѣ и военнымъ наукамъ“, 83 по естественныхъ наукамъ, 52 по наукамъ медицинскимъ, 119 по технологіи и сельскому хозяйству, 35 по языкознанію, затѣмъ белетристическій отдѣлъ содержитъ въ себѣ 632 тома, въ отдѣлъ книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія входитъ 271 томъ и 10 томовъ составляетъ отдѣлъ исторіи искусства; всего же въ этой библіотекѣ имѣется 1979 томовъ; кромѣ того въ библіотекѣ находятся слѣдующіе журналы: „Русскій Вѣстникъ“ съ 1858 по 1887 г. включительно, „Русская Старина“ 1882—1896 г.г., „Историческій Вѣстникъ“ за 1880, 1882, 1885 и съ 1888 по 1896 г. и „Вѣстникъ Европы“ за 1888—1896 годы.

На пополненіе библіотеки за 1894—1896 годы затрачено было 739 руб. 99 коп.

Что же касается до тѣхъ правилъ, которыми опредѣляется завѣдываніе и условія пользованія настоящею библіотекою, то доставленный управою „Проектъ правилъ Серпуховской уѣздной земской библіотеки“ совершенно тожественъ съ тѣмъ, который выработанъ для Коломенской библіотеки и уже былъ представленъ на предыдущихъ страницахъ.

Резюмируя изложенное находимъ, что наиболѣе полными библіотеками располагаютъ уѣзды: Московскій, Серпуховской, Коломенскій и Бронницкій, а наименѣе значительными—Волоколамскій и Дмитровскій.

Посмотримъ теперь, что говорятъ о пользованіи управскими библіотеками отзывы самихъ преподавателей,

Слѣдующая таблица показываетъ, сколько именно преподавателей изъ числа тѣхъ, относительно которыхъ имѣются этого рода свѣдѣнія, пользовались въ $189^{6}/_{7}$ учебномъ году учительскими или управскими библіотеками за исключеніемъ Рузской, открытой только въ прошломъ году:

Въ уѣздахъ:	Число преподавателей. Пользующихся библіотекою.	Не пользующ. библіотекою.	Какой % изъ числа отвѣтившихъ состав. пользующіеся.
Бронницкомъ.....	33	17	66
Верейскомъ.....	6	30	17
Волоколамскомъ	11	26	30
Дмитровскомъ	11	27	29
Клинскомъ.....	13	21	38
Коломенскомъ.....	44	11	80
Московскомъ.....	87	33	72
Подольскомъ.....	12	10	55
Серпуховскомъ	28	16	64
Итого.....	245	191	56

Итакъ—изъ числа преподавателей, имѣющихъ возможность пользоваться библіотеками въ перечисленныхъ уѣздахъ, фактически пользуются ими только нѣсколько болѣе половины общаго числа ихъ. То обстоятельство, что наибольшимъ числомъ подписчиковъ располагаютъ наиболѣе богатыя библіотеки: Московская, Серпуховская, Коломенская и Бронницкая,—обстоятельство это ясно свидѣтельствуетъ о существованіи прямой связи между богатствомъ библіотеки и числомъ ея подписчиковъ. Чѣмъ полнѣе, богаче и лучше подобрана учительская библіотека, тѣмъ большее число читателей она привлекаетъ, и наоборотъ,—чѣмъ она бѣднѣе, тѣмъ меньшее число преподаватей въ нее обращается, тѣмъ скорѣе она можетъ быть использована читателями.

Не менѣе важнымъ условіемъ опредѣляющимъ размѣры пользованія библіотеками служатъ затѣмъ удобства сообщенія подписчиковъ съ такими библіотеками.

Вотъ что отвѣчаютъ сами преподаватели на вопросъ, почему они не обращаются за книгами въ библіотеки, имѣющіяся при земскихъ управахъ:

„Управскою библіотекою не пользуюсь, потому что служу въ этомъ уѣздѣ уже 10 лѣтъ и все, что есть дѣльнаго въ нашей библіотекѣ давно мною прочитано: библіотекою этою мало кто у насъ пользуется: большая часть книгъ, которыми она располагаетъ, были прочитаны почти каждымъ изъ насъ еще на школьной скамьѣ; вообще наша библіотека не можетъ удовлетворить самымъ скромнымъ требованіямъ".

„При небольшомъ количествѣ книгъ и значительномъ спросѣ на нихъ часто приходилось вмѣсто требуемыхъ получать другія или долго ждать продолженія прочитанной уже книги; вслѣдствіе этого пришлось отъ полученія книгъ отказаться".

„Очень бы желательно пользоваться книгами изъ уѣздной управы, но ея библіотека, не будучи пополнена, къ сожалѣнію пришла почти въ полную вѣтхость и упадокъ, почему ею и не пользуюсь".

„Нѣтъ, хотя прежде пользовалась; далеко—24 версты до города, а кромѣ того, когда есть требуемыя книги, что случается очень и очень рѣдко, то выдаются, а то приходится оставаться безъ книгъ, если не возмешь, чего не желаешь. Я лично сразу не получала ни одной желаемой книги, а о нѣкоторыхъ справлялась 2 года; — отвѣтъ былъ одинъ: на рукахъ".

„Въ послѣднее время книги читаю изъ собственной небольшой библіотечки, которая составлялась мною цѣлыми годами. Было время, когда я получала книги изъ такъ называемой—учительской библіотеки, но при отсутствіи въ послѣдней нужныхъ для меня книгъ, а съ другой стороны—по дальнему разстоянію отъ города—теперь въ нее не обращаюсь".

„Преподавательскій персоналъ нашего уѣзда въ отношеніи снабженія книгами находится въ очень невыгодномъ положеніи. Не говоря о томъ, что единственная библіотека, доступная для нихъ, находится нерѣдко далеко и ею поэтому могутъ пользоваться немногіе, сама библіотека подобрана неудачно: тутъ есть не мало книгъ, извѣстныхъ еще со школьной скамьи или у многихъ имѣющихся на рукахъ. Вотъ почему многіе, какъ и я, этою библіотекою не пользуются. Кромѣ того и организація выдачи книгъ оставляетъ желать многаго; разсылки книгъ не существуетъ, а учителю живущему за 30—40 верстъ отъ города достать книгу почти невозможно, а такихъ учителей и учительницъ не мало".

„Не пользуюсь; доставка затруднительна: книга проходитъ черезъ двое рукъ; черезъ волостное правленіе было бы скорѣе, но оттуда ни частная ни даже казенная корреспонденція не получаются нераспечатанными".

„Нѣтъ, за дальностью разстоянія (40 верстъ), обращаться приходилось разъ пять, но пользоваться книгами не приходилось ни разу за неимѣніемъ налицо тѣхъ книгъ, которыя хотѣлось бы прочитать: интересныя и болѣе популярныя книги всегда были разобраны близкими къ городу учителями".

„По дальности разстоянія, довѣреннымъ же лицамъ не даютъ, такъ какъ на насъ лежитъ отвѣтственность въ случаѣ потери книгъ".

„Книги изъ земской библіотеки доставлялись и возвращались черезъ учителей и законоучителей сосѣднихъ школъ при ихъ поѣздкахъ въ городъ за полученіемъ жалованья, а также мѣстными крестьянами, бывающими въ городѣ. Такой способъ доставки книгъ оказался очень неудобнымъ, такъ какъ книги, уже прочитанныя, иногда, въ ожиданіи удобнаго случая пересылки, надолго оставались у меня, что вызвало замѣчанія со стороны земской управы, почему и пришлось отказаться отъ полученія книгъ изъ земской библіотеки".

„Съ уничтоженіемъ земской почты я прекратилъ чтеніе книгъ изъ учительской библіотеки, потому-что ѣздить за 20 верстъ въ городъ, чтобъ отвезти книгу,—стоитъ слишкомъ дорого; просить другихъ—можно одинъ или два раза, а постоянно—тоже неудобно; пересылать черезъ почтовую контору—дорого".

„Въ городѣ библіотека есть, но пользоваться ею неудобно, такъ какъ школа находится въ 30 верстахъ отъ города; черезъ волостное правленіе, находящееся въ 7 верстахъ отъ училища, пересылать тоже неудобно".

„Въ распоряженіи учителей и учительницъ нашего уѣзда имѣется библіотека при земской управѣ, но пользоваться ею за дальностью разстоянія и неудобству пересылки книгъ не имѣю возможности".

„Далеко - 25 верстъ".

„По дальности разстоянія (50 верстъ)".

„Въ прежнее время пользовался библіотекою, устроенною при уѣздной земской управѣ, но въ настоящее время, къ величайшему сожалѣнію, не пользуюсь по причинѣ неудобства доставки при посредствѣ посторонникъ лицъ; самому же ѣздить часто въ городъ за отдаленность (45 верстъ) разстоянія никакой возможности нѣтъ" и т. д.

Таковъ же характеръ и остальныхъ отзывовъ учителей и учительницъ, не пользующихся существующими библіотеками и давшихъ отвѣтъ на предложенный по этому поводу вопросъ.

Какія мѣры необходимы для того, чтобы привлечь возможно большее число преподавателей къ пользованію учительскими и управскими библіотеками—ясно само собою.

Не передавая поэтому здѣсь тѣхъ, довольно многочисленныхъ замѣчаній, которыя говорятъ о томъ, что было-бы въ высшей сте-

пени желательно, чтобы существующія теперь учительскія библіотеки были возможно пополнены и чтобы преподаватели каждой школы обезпечивались хотя однимъ какимъ-либо педагогическимъ или обще-литературнымъ журналомъ, приведемъ здѣсь указанія тѣхъ учителей и учительницъ, которые касались вопроса объ улучшеніи общей организаціи дѣла обезпеченія преподавательскаго персонала чтебнымъ матеріаломъ:

„По моему мнѣнію, чтобы книги земской библіотеки сдѣлать доступными большинству учителей, слѣдуетъ земскую библіотеку разбить на нѣсколько подвижныхъ библіотекъ и отправлять такія библіотечки въ пользованіе четырехъ-пяти въ недалекомъ разстояніи находящихся школъ, установивши періодическій обмѣнъ этихъ подвижныхъ библіотекъ. Библіотеки возможно пріурочить къ волостямъ, причемъ установленіе порядка пользованія книгами волостныхъ библіотекъ, пополненіе ихъ, выписка для нихъ газетъ и журналовъ должны происходить при участіи учителей данной волости, для чего могутъ установиться періодическія собранія учителей при волостной библіотекѣ. Научно-популярная литература, лучшія произведенія русскихъ и иностранныхъ писателей, журналъ и газета должны при посредствѣ волостныхъ библіотекъ получить свободный доступъ къ учителю... Кромѣ волостныхъ, должна существовать хорошая уѣздная библіотека, которая должна заключать въ себѣ болѣе цѣнные и солидные труды по различнымъ областямъ знанія“...

„Въ виду того, что доставка книгъ изъ библіотеки сопряжена съ крайними неудобствами и притомъ не малыми денежными расходами, было бы желательно устройство учительскихъ библіотекъ по школьнымъ районамъ“.

„По моему мнѣнію всѣ преподаватели, которые живутъ въ дальнемъ разстояніи отъ города, гдѣ есть учительская библіотека,—очень скудно снабжены книгами, а потому весьма желательно, чтобы въ такихъ мѣстностяхъ устроены были отдѣленія учительской библіотеки“.

„Такъ какъ въ селеніяхъ, удаленныхъ отъ города учащими чувствуется крайняя скудость въ чтебномъ матеріалѣ, и такъ какъ не вездѣ можно найти въ округѣ лицъ, имѣющихъ хотя малое собраніе книгъ, почему учащіе въ такихъ мѣстностяхъ большею частію остаются совсѣмъ безъ чтенія,—то желательно бы было, если бы существовали хотя небольшіе склады нужныхъ какъ для чтенія такъ и для преподаванія книгъ. Самымъ удобнымъ мѣстомъ для склада какъ по близости отъ школы, такъ и по удобству доставки представляются волостныя правленія“.

Резюмируя только что приведенные отзывы, а также дѣлая соотвѣтствующіе выводы изъ тѣхъ данныхъ, которыя были приведены въ

настоящей главѣ, можно повидимому придти къ тому общему заключенію, что достаточное обезпеченіе всего преподавательскаго персонала земскихъ школъ чтебнымъ матеріаломъ возможно лишь въ томъ только случаѣ, если кромѣ достаточно полныхъ и хорошо подобранныхъ центральныхъ библіотекъ при уѣздныхъ управахъ будутъ устроены въ мѣстностяхъ удаленныхъ отъ городовъ филіальныя отдѣленія такихъ библіотекъ, которыми будутъ имѣть возможность пользоваться какъ учителя и учительницы, такъ и другія лица, служащія въ земствѣ, причемъ наиболѣе удобнымъ помѣщеніемъ для такихъ библіотекъ могли бы служить школы въ такихъ селеніяхъ, гдѣ находятся волостныя правленія или земскія больницы или лѣчебницы.

III.

Изложеннымъ въ предыдущихъ двухъ главахъ исчерпывается почти весь тотъ матеріалъ, который представляютъ собою отвѣты на предложенные губернскою земскою управою вопросы какъ уѣздныхъ земскихъ управъ, такъ и земскихъ учителей и учительницъ.

Достаточный для того, чтобы составить приблизительно вѣрное представленіе о размѣрахъ обезпеченія преподавателей собственными книгами и объ условіяхъ пользованія ими библіотеками частныхъ лицъ и земскихъ управъ, матеріалъ этотъ не на столько однако полонъ, чтобы дать хотя бы общее понятіе о томъ, какіе же отдѣлы названныхъ библіотекъ пользуются наибольшимъ спросомъ со стороны преподавателей, какіе авторы являются наиболѣе излюбленными и т. д.

Чтобы восполнить этотъ недостатокъ, воспользуемся тѣмъ матеріаломъ, который даетъ библіотечная книга Московской уѣздной земской управы, содержащая въ себѣ отмѣтки о выдачѣ и возвращеніи книгъ учителями за послѣдніе 4 года.

Разработать подобнаго рода данныя по другимъ уѣздамъ не позволилъ недостатокъ времени.

Есть однако основанія полагать, какъ это и подтверждается отзывами лицъ, близко знакомыхъ съ постановкою библіотечнаго дѣла въ уѣздахъ, что тѣ выводы, къ которымъ приводитъ изученіе этого рода данныхъ по Московскому уѣзду, не заключаютъ въ себѣ ничего такого, что опредѣлялось бы какими-либо исключительно мѣстными условіями, и, слѣдовательно, имѣютъ обще-губернское значеніе.

Важнѣйшее различіе, которое можетъ быть наблюдено въ функціонированіи учительскихъ библіотекъ въ различныхъ уѣздахъ губерніи, обусловливается повидимому не качественною стороною дѣла, т. е. не характеромъ направленія въ выборѣ матеріала для чтенія, а опре-

дѣляется главнымъ образомъ тѣмъ,—насколько вообще богатъ выборъ книгъ, которымъ располагаетъ та или иная библіотека. А если это такъ, то для того, чтобы составить понятіе о самомъ характерѣ дѣятельности учительскихъ и т. п. библіотекъ въ отдѣльныхъ уѣздахъ, достаточно будетъ и тѣхъ свѣдѣній, которыя имѣются у насъ о наиболѣе богатой—Московской библіотекѣ.

Въ видахъ полноты настоящаго очерка приведемъ нѣкоторыя свѣдѣнія и по исторіи этой библіотеки *).

„Основаніе библіотеки при Московской уѣздной земской управѣ положено было въ 1874 году, учрежденіемъ библіотеки для учителей и учительницъ начальныхъ школъ. Въ засѣданіи 21-го сентября 1874 года Московское уѣздное земское собраніе согласилось съ предложеніемъ, изложеннымъ въ докладѣ—объ учрежденіи библіотеки для преподавателей земскихъ училищъ,—и ассигновало на этотъ предметъ 100 руб. Вслѣдъ за этимъ,—въ засѣданіи 23 сентября того же года предсѣдатель управы доложилъ собранію о пожертвованіи гласнымъ А. А. Торлецкимъ 50 руб. на устройство центральной педагогической библіотеки для учителей".

Первое значительное пополненіе этой библіотеки имѣло мѣсто не ранѣе, какъ черезъ пять лѣтъ послѣ ея учрежденія, когда на этотъ предметъ издержано было 150 р. Слѣдующіе затѣмъ годы—до 1884—библіотека не пополнялась и располагала, если не считать періодическихъ изданій, 497 томами съ 252 названіями книгъ.

Въ 1883 году вопросъ объ учительской библіотекѣ былъ предметомъ обсужденія учительскаго съѣзда, состоявшагося въ Москвѣ въ концѣ августа мѣсяца. Учительница М. Н. Соллогубъ, взявшая на себя задачу представить съѣзду нѣкоторыя данныя по настоящему предмету, отмѣчая важность разсматриваемаго вопроса, констатировала къ своемъ докладѣ, что—„существующая при Московской уѣздной управѣ библіотека далеко не удовлетворяетъ потребностямъ народнаго учителя: она небогата содержаніемъ даже по части беллетристики, а что касается книгъ популярно научныхъ,—то ихъ очень и очень мало. Послѣднее обстоятельство,—читаемъ мы далѣе въ этомъ интересномъ докладѣ, свидѣтельствующемъ о томъ, какого взгляда по данному вопросу держались сами учителя 15 лѣтъ тому назадъ,—весьма важно въ томъ отношеніи, что, не имѣя подъ рукой книгъ

---

*) Свѣдѣнія эти заимствованы изъ докладовъ уѣздной управы, представленныхъ земскимъ собраніямъ 1896 и 1897 г. и изъ отчета о третьемъ съѣздѣ учителей и учительницъ Московскаго уѣзда 1883 года.

подобнаго рода, мы лишены возможности пріобрѣтать новыя знанія. Если въ ученикѣ народной школы уже желательно стремленіе къ дальнѣйшему самоусовершенствованію, тѣмъ болѣе учитель народный, задача котораго состоитъ въ сообщеніи дѣтямъ наиболѣе полезныхъ свѣдѣній, обязанъ постоянно расширять свой умственный горизонтъ. Знаніе—сила учителя: успѣхъ народной школы и всего народнаго образованія зависитъ, между прочимъ, отъ большей или меньшей степени развитія и знаній народнаго учителя, и во имя этого онъ долженъ итти впередъ, пользуясь, по возможности, образовательной литературой, и чѣмъ больше средствъ будетъ имѣть онъ къ своему дальнѣйшему саморазвитію, тѣмъ благотворнѣе будетъ его вліяніе на учащихся, и болѣе услугъ окажетъ онъ дѣлу народнаго образованія. Было бы очень грустно, еслибы мы ограничились тѣми знаніями, которыя даетъ намъ пребываніе въ учительской семинаріи при условіяхъ самой лучшей подготовки и серьезности занятій въ заведеніи подобнаго рода; собраннымъ до извѣстнаго возраста запасомъ знаній нельзя пользоваться десятки лѣтъ. Да и вообще, знакомства съ тѣми науками, которыя помогаютъ самообразованію, и получаются въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, недостаточно для удовлетворенія ими навсегда. Это главное. Съ другой стороны, книги изящно-литературнаго содержанія доставляетъ учителю нравственный отдыхъ: она замѣняетъ ему общество, знакомитъ съ вопросами и задачами нравственной жизни. Между тѣмъ учащіе въ сельскихъ школахъ почти совсѣмъ разобщены съ средою образованной. Въ самомъ дѣлѣ, надо быть сельскимъ учителемъ, надо прожить нѣсколько лѣтъ въ глухой деревнѣ, не имѣя возможности хотя изрѣдка встрѣчаться съ людьми развитыми, чтобы вполнѣ понять то исключительное положеніе, въ которое поставленъ сельскій учитель внѣ занятій съ классомъ. Всякій трудъ требуетъ отдыха; также и мысль, привыкшая изо-дня въ день работать въ извѣстномъ направленіи, утомляется и ищетъ разнообразія. Обстановка, конечно, наталкиваетъ, заставляетъ вдумываться въ окружающую среду. Но интересы впослѣдствіи оказываются слишкомъ разрозненными, учитель, какъ бы хорошо не поставилъ себя между крестьянами, все-таки въ душѣ сознаетъ себя чужанномъ, и въ концѣ концовъ деревня дѣйствуетъ на него подавляющимъ образомъ. Живые люди, слово которыхъ шевелитъ внутренній міръ и лучше всего оживляетъ душу, это роскошь, не всегда доступная въ глуши. Остается книга. Отнимите ее, и человѣкъ поневолѣ погрузится въ тѣсную сферу самыхъ узкихъ будничныхъ интересовъ. Если факты говорятъ за то, что люди съ университетскимъ образованіемъ, полные лучшихъ стремленій, изолируясь, попадая въ какое-нибудь захолустье, съ болью въ душѣ чувствовали, какъ житейская мелочность начинала охватывать

ихъ умъ, какъ наконецъ эти люди падали нравственно, то что же мудренаго, если сельскій учитель, лишенный всякаго нравственнаго отдыха отъ своего нелегкаго труда или бѣжитъ изъ села въ село или начинаетъ вести образъ жизни совершенно не солидарный со званіемъ народнаго учителя. Большинство учителей Московскаго уѣзда живутъ въ лучшихъ условіяхъ, имѣя возможность бывать въ Москвѣ, пользоваться книгами изъ библіотекъ или у городскихъ знакомыхъ, но тѣмъ не менѣе, въ большинствѣ случаевъ читаемъ мы мало; слѣдить же за литературой вообще не имѣемъ ни малейшей возможности. Поэтому,—заканчиваетъ свой докладъ г. Сологубъ,—весьма желательно, чтобы Московская уѣздная земская управа позаботилась объ организаціи библіотеки для для учителей, имѣя въ виду, что учительская библіотека должна удовлетворять слѣдующимъ требованіямъ: 1) служить средствомъ дальнѣйшаго образованія учителей въ областяхъ, прямо касающихся ихъ учебной и воспитательной дѣятельности, и 2) способствовать разностороннему развитію учителей путемъ чтенія сочиненій русской и иностранной словесности“ *).

Соглашаясь съ заключеніями изложеннаго доклада, съѣздъ постановилъ: „просить управу пополнить существующую учительскую библіотеку по тому каталогу, который имѣетъ составиться, по заявленію предсѣдателя, членами училищнаго совѣта; къ такому каталогу, какъ прибавленіе, учителя должны сообщить совѣту знакомыя имъ названія книгъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съѣздъ выразилъ желаніе, чтобы эта библіотека пополнялась, кромѣ другихъ книгъ, книгами педагогическими и дидактическими, какъ служащими къ дальнѣйшему самообразованію учителя въ области его спеціальности“ **).

Въ слѣдующемъ—1884 году на пополненіе этой библіотеки издержано было 196 руб., послѣ чего расходы на этотъ предметъ производились въ 1887, 1889, 1891, 1893, 1895 и 1897 году—причемъ всѣ затраты на устройство и пополненіе библіотеки за время съ 1874 по 1897 годъ включительно составили сумму въ 2897 руб.

Пользуясь цитированнымъ уже докладомъ уѣздной управы, мы видимъ, что—„по своему первоначальному составу учительская библіотека вполнѣ соотвѣтствовала этому названію: имѣя въ своемъ составѣ лучшія классическія произведенія русской литературы, въ то же время она имѣла значительное число книгъ чисто спеціальнаго характера: по методикѣ, дидактикѣ, педагогикѣ, психологіи, школовѣдѣнію и проч. Періодическія изданія, коими она затѣмъ пополнялась въ большинствѣ случаевъ были тоже педагогическія... Съ тече-

*) «Третій съѣздъ учителей и учительницъ Московск. уѣзда 1883 г.» стр. 48.
**) Idem—стр. 4.

емъ времени, подъ вліяніемъ запросовъ со стороны читателей, первоначальный характеръ библіотеки значительно измѣнился: изъ библіотеки, преслѣдующей узкія спеціальныя цѣли, она превратилась въ библіотеку, имѣющую болѣе широкую задачу—возбудить интересъ къ чтенію и дать возможность къ дальнѣйшему самообразованію своихъ читателей. По мѣрѣ того, какъ библіотека теряла свой спеціальный характеръ, составъ читателей ея становился все разнообразнѣе и разнообразнѣе. Помимо учителей, изъ библіотеки стали пользоваться книгами и другіе служащіе земства: доктора, фельдшера, служащіе въ канцеляріи управы и проч.“. И вотъ почему—въ 1892 году—ревизіонная комиссія предложила собранію существующую при управѣ—„учительскую библіотеку„ переименовать въ библіотеку для служащихъ по земству, каковою она и является въ настоящее время.

Обращаясь къ тѣмъ даннымъ, которыя говорятъ о настоящемъ состояніи и функціонированіи библіотеки при Московской уѣздной земской управѣ, находимъ прежде всего, что библіотека эта, если не считать книгъ справочнаго характера (каталоговъ и т. п.), состоитъ изъ 974 томовъ, общее число которыхъ распредѣляется по отдѣламъ библіотеки слѣдующимъ образомъ: *)

ОТДѢЛЫ:	Число книгъ.	Число авторовъ.
Богословіе и духовно-нравствен. . .	53	32
Психологія, педагогика, дидакт. . .	91	63
Школовѣдѣніе и методика	89	63
Истор. литературы, критика	90	40
Исторія и біографія	210	85
Геогр., статист., обществ. науки .	199	126
Беллетристика.	1138	263
Естествовѣдѣніе, гигіена.	79	49
Сельское хозяйство и ремесла	25	22

Въ этой хорошо подобранной библіотекѣ можно найти полныя собранія сочиненій не только первоклассныхъ, но и вообще лучшихъ писателей какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Кромѣ того, библіотека располагаетъ значительнымъ числомъ книгъ различныхъ журналовъ (30 названій. какъ это видно изъ доклада 1897 г.), изданныхъ за время съ 1876 по 1898 годъ.

„До настоящаго года, — говорится въ только-что упомянутомъ докладѣ **), — періодическія изданія выписывались въ библіотеку въ одномъ экземплярѣ. Въ силу этого читатели библіотеки въ большин-

*) Свѣдѣнія эти взяты изъ недавно составленнаго каталога разсматриваемой библіотеки.

**) Докладъ № 44, «О библіотекѣ для служащихъ въ Московск. уѣздн. земствѣ», стр. 3.

ствѣ не имѣли возможности постоянно и систематически слѣдить за современною литературой. А между тѣмъ, каждый изъ нихъ, разъ выступивъ на путь самообразованія и саморазвитія, не можетъ стоять въ сторонѣ отъ общественнаго умственнаго движенія, не можетъ не интересоваться вопросами, переживаемыми современнымъ обществомъ, его не можетъ не тяготить отчужденность отъ современнаго культурнаго общества; какъ члену культурнаго общества — ему необходимо знать, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ — какъ на родинѣ, такъ и въ другихъ культурныхъ странахъ,—словомъ, ему необходимо слѣдить за современною литературой въ полномъ объемѣ и систематично, а не урывками. Въ виду сего пользующіеся библіотекой обратились въ управу съ ходатайствомъ о томъ, чтобы на текущій годъ выписка періодическихъ изданій была организована съ такимъ расчетомъ, чтобы они имѣли возможность своевременно и въ полной мѣрѣ пользоваться общелитературными журналами. Вполнѣ сочувствуя этому вполнѣ естественному и законному желанію, управа поручила комиссіи изъ учителей и учительницъ выработать порядокъ выписки періодическихъ изданій на текущій годъ, принявъ за основаніе интересы читателей библіотеки. Порядокъ этотъ къ началу 1897 года былъ выработанъ и получилъ одобреніе управы". Согласно этому плану — „все наличное число существовавшихъ къ 1-му января 1897 года земскихъ училищъ было распредѣлено на районы, отъ 3 до 5 школъ въ каждомъ. Такихъ районовъ получилось 17. По числу районовъ и было выписано 17 общелитературныхъ журналовъ, по одному на каждый районъ. Каждая книжка журнала должна находиться въ томъ или другомъ районѣ не долѣе 2-хъ мѣсяцевъ, послѣ чего она обязательно должна быть возвращена въ управу для дальнѣйшаго пользованія ею другими районами".

За послѣдніе 2 года преподаватели, благодаря изложенному порядку, могли болѣе своевременно получать періодическія изданія, изъ которыхъ управою, согласно желанію читателей, были выписаны въ числѣ отъ одного до четырехъ экземпляровъ — „Вѣстникъ Европы", „Недѣля", „Русская Мысль", „Русское Богатство", „Сѣверный Вѣстникъ", „Новое Слово", „Міръ Божій", „Историческій Вѣстникъ", „Вопросы философіи и психологіи", „Вѣстникъ Воспитанія", „Образованіе", „Русская Школа" и „Дѣтское Чтеніе" съ педагогическимъ листкомъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію того матеріала, который даетъ библіотечная книга, содержащая въ себѣ отмѣтки о выданныхъ для прочтенія книгахъ за послѣдніе 4 года; при этомъ будемъ оперировать лишь надъ такими данными, которыя касаются исключительно преподавательскаго персонала.

Если не считать преподавателей, бравшихъ исключительно только журналы, въ пользованіи которыми установленъ особый порядокъ, то найдемъ, что съ мая мѣсяца 1894 года и по іюнь 1898, т. е. за 4 года и 2 мѣсяца въ библіотеку предъявлено было до 1300 требованій со стороны 142 лицъ преподавательскаго персонала, изъ числа которыхъ 9 человѣкъ за это время оставили свою дѣятельность; такъ что если взять наличный составъ учителей и учительницъ, то найдемъ, что почти всѣ они (133 изъ 146) въ большей или меньшей степени пользовались управскою библіотекою.

Опредѣляя затѣмъ, какое же число преподавателей обращалось въ эту библіотеку въ отдѣльные годы указанаго четырехлѣтія и считая учебный годъ съ іюня по май включительно, получимъ слѣдующую табличку:

Учебные года:	Сколько было учит. всего.	Какое число лицъ обращал. въ библіотеку.	Какой % они сост. изъ общ. числа.
1894/5	111	75	68
1895/6	113	85	75
1896/7	120	87	72
1897/8	146	109	75

Такое несоотвѣтствіе данныхъ только что приведенной таблички и того замѣчанія, что библіотекою пользовались почти всѣ преподаватели, объясняется тѣмъ, что въ наличномъ составѣ преподавателей не мало имѣетъ такихъ, которые, можетъ быть, потому-что могли получать книги съ большимъ удобствомъ,—обращались въ управскую библіотеку очень рѣдко: не болѣе раза или двухъ за всѣ указанные годы; были наконецъ случаи, когда преподаватель, пользовавшійся библіотекою ранѣе,—пересталъ въ нее обращаться въ послѣдніе годы,—и наоборотъ.

Чтобы опредѣлить, какъ часто учителя и учительницы обращаются въ библіотеку, посмотримъ, сколько разъ брались оттуда книги (не считая тѣхъ случаевъ, когда учителями требовались исключительно одни журналы) тѣми преподавателями изъ наличнаго состава ихъ, которые прослужили не менѣе 5 лѣтъ и, слѣдовательно, могли пользоваться библіотекою все то время, за которое имѣются нужныя свѣдѣнія. Вотъ что указываетъ составленная по этому поводу табличка:

Число лицъ, обращавшихся въ библіотеку съ мая 1894 г. по іюнь 1898 г. включительно:

1 разъ.	2—5 разъ.	6—10 разъ.	11—20 разъ.	21—30 разъ.	34 раза.	Всего учит.
5	13	24	32	6	1	81

Итакъ, — наибольшая часть изъ числа упомянутыхъ преподавателей, а именно 40% ихъ, — обратились въ библіотеку отъ 11 до

20 разъ, около 30%—отъ 6 до 10 разъ, 22%—5 и менѣе разъ и, наконецъ, 9% общаго числа этихъ преподавателей въ теченіе указаннаго времени брали книги болѣе 20 разъ.

Опредѣляя ту сумму, которую составляютъ всѣ затребованныя за это время книги, найдемъ ее равною 4241; отнимая отсюда то число, которое составляютъ книги, взятыя въ маѣ 1894 г. и въ іюнѣ 1898,—найдемъ, что за 4 года—съ іюня 1894 г. по май 1898—взято было 4037 книгъ, причемъ въ частности—

въ	$189^4/_5$	учебн.	году	получено	было	951	кн.
„	$189^5/_6$	„	„	„	„	1093	„
„	$189^6/_7$	„	„	„	„	934	„
„	$189^7/_8$	„	„	„	„	1059	„

Слѣдующее сопоставленіе указываетъ, сколькими лицами и какое число книгъ взято было изъ библіотеки—въ среднемъ за каждый мѣсяцъ упомянутаго четырехлѣтія:

Въ мѣсяцахъ:	Сколько преподав. обращалось.	Сколько взяли книгъ.
Январѣ	33	102
Февралѣ	29	92
Мартѣ	28	86
Апрѣлѣ	19	48
Маѣ	24	81
Іюнѣ	26	94
Іюлѣ	19	75
Августѣ	22	74
Сентябрѣ	23	84
Октябрѣ	23	78
Ноябрѣ	25	84
Декабрѣ	32	111

Отсюда видно, что мѣсяцами наибольшаго спроса являются декабрь и январь, а наименьшаго—апрѣль, что же касается до іюля, то хотя число лицъ обращавшихся въ библіотеку въ теченіе его было такъ же мало (19), какъ и въ апрѣлѣ, за то число книгъ, выданныхъ въ среднемъ счетѣ на одного подписчика (4) оказалось наибольшимъ.

Если обратить вниманіе на то обстоятельство, что іюль—мѣсяцъ вакаціонный, когда многіе учителя уѣзжаютъ, почему библіотекою пользуются немногіе остающіеся, но за то болѣе свободно располагающіе своимъ временемъ и имѣющіе возможность читать болѣе, чѣмъ когда либо, и что—наоборотъ—апрѣль, когда такъ же какъ число читателей, уменьшается и число затребованныхъ книгъ, можетъ считаться мѣсяцемъ усиленной предъ-экзаменаціонной работы преподава-

телей,—то можно будетъ предположить нѣкоторую связь интензивности работы преподавателей съ одной стороны и размѣромъ ихъ спроса на книги для чтенія—съ другой.

Вотъ что говоритъ по этому поводу слѣдующее сопоставленіе, показывающее, сколькими читателями и сколько взято было изъ библіотеки книгъ въ теченіе нижеуказанныхъ періодовъ за послѣдніе 4 года:

	Сколько взято книгъ.	Сколькими лицами:	На 10 чит. въ средн. выд. книгъ за мѣс. кажд. періода.
I. Въ теч. вакаціон. періодовъ (іюнь, іюль, августъ) ...	973	268	36
II. Въ теч. слѣдующихъ 6 мѣс. (всѣхъ 4 лѣтъ)	2202	665	33
III. Въ теч. экзаменац. и предъ-экзамен. періодовъ (мартъ, апрѣль, май)	862	286	30

Сопоставленіе это показываетъ, что предположенное соотношеніе дѣйствительно существуетъ, хотя и не выражается особенно рѣзко.

Яснѣе сказывается вліяніе разницы въ интезивности труда преподавателей по указаннымъ періодамъ на характерѣ самаго чтенія или на выборѣ книгъ для чтенія; такъ если изъ общаго числа затребованныхъ книгъ выдѣлимъ книги научнаго, педагогическаго и вообще — не беллетристическаго содержанія, то найдемъ, что за послѣдніе 4 года, т. е. съ іюнь 1894 г. по май 1898 включительно такого рода книгъ взято было 480 изъ общей суммы 4037, т. е. $11,_9\%$, въ частности же—по указаннымъ періодамъ требованіе этихъ книгъ распредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

Періоды. (взяты данныя за всѣ 4 года).	Всего затреб. книгъ.	Взято книгъ научнаго, педагог. и т. п. сод.	Какой % онѣ сост. изъ общ. чис.
I. Ваканціонный (3 мѣс.)....	973	148	$15,_2$
II. Учебный (6 мѣс.)	2202	247	$11,_2$
III. Учеб., предъ-экзамен. (3 м.).	862	85	$9,_9$

Отсюда видно, что наибольшее число книгъ научнаго и вообще, что называется серьезнаго—содержанія требуется преподавателями въ въ мѣсяцы свободнаго, вакаціоннаго періода, а наименьшее—въ теченіе періода экзаменаціоннаго.

Комбинируя только что сказанное съ изложеннымъ на предыдущей страницѣ, можно повидимому сдѣлать то общее, заключеніе,—что при современной постановкѣ школьнаго дѣла,—чѣмъ больше требуетъ оно труда отъ учителя, тѣмъ меньше оставляетъ оно ему возможности сдѣлать свой трудъ продуктивнымъ съ помощію увеличенія

своихъ знаній и своего развитія. Итакъ, мы опять имѣемъ случай убѣдиться, въ томъ, что общая постановка школьнаго дѣла въ настоящее время представляетъ такія стороны, существованіе которыхъ мѣшаетъ правильному ходу и развитію дѣла народнаго образованія.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію того цифроваго матеріала, который касается качественной стороны дѣла и говоритъ о содержаніи книгъ, взятыхъ преподавателями изъ библіотеки за все указанное выше время, т. е. съ мая 1894 г. по іюнь 1898.

Слѣдующая табличка показываетъ, какіе именно отдѣлы библіотеки читались преподавателями наиболѣе охотно:

		Беллетр.	Критик. и истор.литер.	Педагог.	Научн. *)
Авторовъ, книги которыхъ пріобрѣтены ранѣе 1895 г.	Всего	225	31	85	184
	Книги коихъ спрашивались	199	21	41	48
	Какой % составл. эти послѣд.	**88**	**68**	**48**	**26**
Авторовъ, книги которыхъ пріобрѣтены за послѣдніе 4 года.	Всего	38	9	43	132
	Книги коихъ спрашивались	28	3	18	26
	Какой % составл. эти послѣд.	**73**	**33**	**41**	**20**

Прежде чѣмъ дѣлать какія либо выводы изъ этого сопоставленія необходимо замѣтить, что такая группировка имѣетъ въ виду возможность лишь общей характеристики, но не безусловно точный подсчетъ данныхъ. Желательной точности въ настоящемъ случаѣ не можетъ быть главнымъ образомъ потому, что крайне трудно установить границы каждой отдѣльной группы: есть, напримѣръ, книги которыя по содержанію помѣщенныхъ въ нихъ статей съ одинаковымъ правомъ могутъ быть отнесены какъ къ отдѣлу книгъ научныхъ, такъ и публицистическихъ; но такъ какъ такого рода недоразумѣнія, а отсюда—нѣкоторый произволъ какъ при составленіи рубрикъ каталога, такъ и при настоящей группировкѣ,—могли имѣть мѣсто при опредѣленіи границъ каждой группы, то составленная таблица, не смотря на вкравшіеся въ нее неточности, позволяетъ тѣмъ не менѣе на осно-

*) Пользуясь для такой классификаціи катологомъ управской библіотеки мы отнесли къ отд. книгъ научнаго содержанія всѣ тѣ, которыя значились подъ рубриками естествовѣд. исторіи, географіи, логики, философіи, а также богословія,—(изъ 53 книгъ этой послѣдней категоріи, принадлежащихъ 32 авторамъ прочитано, было 11 кн. 6 авторовъ); книги по отдѣламъ психологіи, методики, дидактики, школовѣдѣнія—включены въ группу книгъ педагогич. содержанія.

ванія представленныхъ ею данныхъ сдѣлать то общее заключеніе, что изъ числа книгъ, которыми располагаетъ каждый отдѣлъ библіотеки Московской уѣздной земской управы наибольшимъ спросомъ какъ и въ библіотекахъ другихъ уѣздовъ, пользуются книги беллетристическаго отдѣла, а наименьшимъ—педагогическаго и, въ особенности, научнаго отдѣловъ.

Что заключеніе это совершенно справедливо показываетъ между прочимъ и слѣдующее соображеніе: если подсчитать всю ту сумму книгъ, которыя взяты преподавателями за указанное время, то найдемъ, что ими получено было 4241 книга, изъ числа которыхъ 3740 или 88% состаяляютъ книги белетристическаго содержанія, 236 научнаго, 138 педагогическаго и 127 по исторіи литературы и изъ отдѣла критики; такимъ образомъ изъ 4141 случая требованія книгъ только 12% относились къ книгамъ не беллетристическаго содержанія; а между тѣмъ если мы опредѣлимъ, какой % составляютъ такого рода книги въ общемъ числѣ томовъ, составляющихъ настоящую библіотеку, то, пользуясь уже приведенными данными, найдемъ, что книги не беллетристическаго отдѣла (836 изъ 1974) составляютъ 42%. Такая разница въ величинѣ процента, который составляютъ книги этихъ отдѣловъ въ числѣ затребованныхъ учителями съ одной стороны (12) и тѣмъ, которымъ опредѣляется относительное число ихъ въ общей суммѣ библіотечныхъ книгъ (42%) съ другой, ясно показываетъ, что не смотря на то, что книги научнаго, педагогическаго и другихъ, за исключеніемъ беллетристическаго отдѣловъ хотя и составляютъ значительную часть библіотеки, тѣмъ не менѣе спросъ на нихъ очень невеликъ и по относительной своей силѣ значительно уступаетъ спросу на книги беллетристическаго отдѣла.

Выводъ, къ которому приводитъ такое заключеніе, ясенъ самъ собою: библіотека, существующая при Московской земской управѣ, доставляя преподавательскому персоналу уѣзда средства для пополненія своихъ занятій по вопросамъ научнымъ и педагогическимъ, главнѣйшею своею функціею имѣетъ снабженіе учительскаго персонала такими книгами, которыя позволяютъ большинству его провести свободное отъ занятій время по возможности разумно, отдавши болѣе или менѣе значительную часть его чтенію беллетристическихъ произведеній; а если это такъ, то не будетъ ли справедливымъ предположеніе, что нынѣшая постановка школьнаго дѣла и условія жизни преподавателей въ настоящее время въ большинствѣ случаевъ не таковы, чтобы побудить ихъ на пріобрѣтеніе новыхъ знаній или поставить имъ вопросы, за разрѣшеніемъ которыхъ имъ пришлось бы обратиться къ помощи книги: скорѣе наоборотъ—побуждаютъ ихъ, воспользовавшись часами досуга, забыться въ поэтическомъ вымыслѣ, и заставляютъ ихъ

взяться за книгу не для того, чтобы искать отвѣта на назрѣвшій вопросъ, а чтобы только отдохнуть, отвлекшись отъ дѣйствительности...

Слѣдующій списокъ показываетъ, сочиненія какихъ именно авторовъ изъ числа имѣющихся въ библіотекѣ требовались учителями и учительницами наиболѣе часто:

Сочиненія какого автора требов. съ мая 1894 г. по іюнь 1898 (включит.).	Сколькимъ препод.	Какія именно соч. указанныхъ авторовъ треб. чаще другихъ.
Михайлова	64	Безпеч, житье, Алчущіе, Перелетн. пт.
Мордовцева	46	Идеалисты и реалисты.
Салтыковъ (Щедр.)	45	Сказки, Ист. одн. города, Госп. Головлевы.
Лѣскова	44	На ножахъ, Обойденные.
Л. Толстого	43	Дѣтство и отрочество, Война и миръ.
Чехова	41	Невин. рѣчи, Петр. разсказы.
Крестовскаго (псевд.)	39	Дѣды, Испытаніе, На память.
Писемскаго	38	Взб. море, Мѣщане.
Гончарова	37	Обломовъ, Обрывъ.
Мачтета	35	Разсказы и По бѣлу свѣту.
Маркевича	34	Бездна, Мар. изъ Алаго Рога.
Потапенко	33	Разсказы т. 5 и 4.
Достоевскаго	32	Бр. Карамзовы.
Немировича-Данченко	32	Впередъ.
Печерскаго	31	Въ лѣсахъ, На горахъ.
Боборыкина	30	Томъ 8, 10 и 11.
Мамина Сибиряка	30	Горное гнѣздо, Весенніе грозы.
Тургенева	30	Новь, Рудинъ и разсказы т. 7.
Данилевскаго	29	Кн. Тараканова.
Г. Успенскаго	27	Соч. т. II.
Шаховской	27	Надъ бездной.
Некрасова	24	Три страны свѣта.
Полонскаго	24	На досугѣ.
Салиаса	23	Петерб. дѣйство.
Лажечникова	22	Томъ 2 и 6.
Лѣтнева	21	Внѣ общ. интересовъ, Темная вода.
Мещерскаго	20	Реал. больш. свѣта, Днев. Ольги Никол.
Шпильгагена	54	Бурн. приливъ, О чемъ пѣла ласточкаа.
Золя	33	Деньги, Домаш. омутъ, Разгромъ.
А. Додэ	26	Мал. прих., Портъ Тараск, Сцена и кул.
Дюма	26	Кор. Марго, Двадц. л. спустя, Мошк. Пар.
Сенкевича	25	Потопъ, Огнемъ и мечемъ.

Эберса.....	24	Нильская невѣста, Дочь Египетск. царя.
В.-Скотта.....	22	Пуритане.
Гюго.....	21	Девеносто третій годъ.
Захеръ-Мазоха.....	21	Душегубка, Идеалы наш. времени.
Диккенса.....	20	Дав. Копперфильд., Холод. д. Нашъ вз. др.

Включая въ приведенный списокъ всѣхъ тѣхъ писателей, сочиненія которыхъ требовались не менѣе какъ 20 лицами изъ учительскаго персонала, мы не внесли въ него тѣхъ авторовъ, нѣкоторыя произведенія которыхъ такъ же охотно читались, какъ и сочиненія названныя выше, таковы, напримѣръ,—„Раба“ Баранцевича, „Послѣдніе дни Помпеи“ Бульвера, первый и второй томъ разсказовъ Гаршина, „Теноръ“ Муравлина, „Въ когтяхъ нищеты“ Назарьева, „Внѣ колеи“ Орловскаго и нѣкоторыя другія.

Чтобы имѣть представленіе о томъ, насколько значителенъ спросъ на сочиненія перечисленныхъ въ приведенномъ спискѣ авторовъ, достаточно замѣтить, что изъ общей суммы затребованныхъ книгъ за указанное время (4241)—52% (2287) приходится на сочиненія этихъ писателей. И есть основанія полагать, что спросъ на нихъ—въ ущербъ остальнымъ, особенно при такомъ значительномъ числѣ читателей, выразился бы въ еще большей суммѣ требованій, если бы библіотека располагала наиболѣе ходовыми книгами не въ одномъ только, а въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Это видно изъ отзывовъ большинства преподавателей Московскаго уѣзда, давшихъ отвѣтъ на предложенный имъ вопросъ,—всегда ли получаютъ они въ библіотекѣ тѣ книги, которыя ими требуются. Вотъ какой характеръ большинства этихъ отвѣтовъ.

„Желаемыя книги не всегда получаются; да иначе и не можетъ быть, такъ какъ библіотека располагаетъ книгами лишь въ одномъ экземплярѣ“.

„За большимъ требованіемъ не всегда можно получить просимыя книги, но только беллетристическаго отдѣла“.

„Совсѣмъ безъ книгъ не приходилось оставаться, а получать не тѣ, которыя просила, приходилось“.

„Часто приходится не получать тѣхъ книгъ, которыя желательны“.

„Нельзя получить никогда ни одной требуемой книги, такъ что приходится иногда оставаться безъ книгъ“.

„Выбираешь изъ тѣхъ книгъ, которыя остаются въ библіотекѣ“.

„Иногда приходится брать книги, не отвѣчающія желанію, такъ какъ просимыя бываютъ взяты другими“.

Бываютъ задержки въ полученіи требуемыхъ книгъ и приходится пользоваться книгами другого содержанія“.

„Приходится получать книги не соотвѣтствующія требованію“.

„Рѣдко находишь то, что требуешь: лучшія книги не залеживаются въ библіотекѣ, переходя изъ рукъ въ руки“.

„Брать приходится не тѣ книги, которыя желательны, а какія попадутся на глаза, лишь бы не остаться безъ книгъ“.

„Приходится довольствоваться тѣми, какія остаются въ библіотекѣ“.

„Приходится брать книги и не тѣ, которыя желательно, потому что тебуемыя книги бываютъ взяты ранѣе другими лицами“.

„Иногда приходится получить не соотвѣтствующія требованію по той причинѣ, что онѣ кѣмъ либо читаются“.

„Если требуемой книги нѣтъ, то, когда получаю лично, беру, что найду желательнымъ; когда же получаю черезъ посланнаго, то часто получаются книги не соотвѣтствующія желанію или уже прочитанныя“.

„Задержекъ въ выдачѣ нѣтъ, такъ какъ каждый беретъ самъ книги и проситъ библіотекаря только записать; берутся книги, какія только есть на лицо, иногда и нежелательныя, но лучше что нибудь, чѣмъ ничего“.

„Задержекъ въ полученіи книгъ не бываетъ, но книгъ, сотвѣтствующихъ требованію, почти никогда не приходится получить: ихъ нѣтъ въ библіотекѣ или онѣ на рукахъ; кромѣ того, получить по порядку сочиненія одного автора почти невозможно“.

„Случается получить желаемую книгу только въ концѣ года или на другой годъ; кромѣ того бываетъ неудобно, когда ищешь продолженія“ и т. д.

Такіе отзывы представляются тѣмъ болѣе неожиданными, что значительное большинство имѣющихся въ этой библіотекѣ педагогическихъ и научныхъ сочиненій не требуется вовсе; очевидно, стало быть, что та неудовлетворенность, которая высказывается преподавателями въ ихъ отзывахъ, имѣетъ въ виду почти исключительно беллетристическій отдѣлъ библіотеки.

Разница въ силѣ спроса на книги различныхъ отдѣловъ невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе.

Дѣйствительно, такихъ авторовъ—беллетристовъ, сочиненія которыхъ не спрашивались бы вовсе, какъ это уже и отмѣчалось выше,—очень немного; изъ числа писателей, пользующихся извѣстностью, но не имѣющихъ спроса, можно указать только Кольцова и Грибоѣдова, сочиненія которыхъ, безъ сомнѣнія, хорошо извѣстны всѣмъ преподавателямъ, а изъ иностранныхъ—одного Берне, собраніе сочиненій котораго еще только очень недавно пріобрѣтено библіотекою.

Но не то приходится сказать при обзорѣ книгъ другихъ отдѣловъ; тутъ уже не мало встрѣчается имянъ авторовъ, пользующихся всеоб-

щею извѣстностью, произведенія которыхъ однако ни разу не были затребованы изъ библіотеки; таковы, напримѣръ, имена—Диттеса, Кавелина, Забѣлина, Семевскаго, Гумбольда, Гексли, Тиндаля, Поля-Бера, Бекетова и др.

Все это, какъ видимъ, вполнѣ подтверждаетъ тѣ общія заключенія о направленіи читаемости библіотечныхъ книгъ, которыя были высказаны на предыдущихъ страницахъ. Если же мы при этомъ припомнимъ, что еще очень недавно произведенія этихъ же самыхъ писателей пользовались большою популярностью, то нельзя будетъ не заподозрить, что уменьшеніе интереса къ нимъ вызвано какими либо общими причинами въ сферѣ умственныхъ и вообще интеллектуальныхъ условій жизни какъ всего нашего общества, такъ и той части его, къ которой принадлежатъ сельскіе учителя въ частности.

Въ самомъ дѣлѣ, едва ли чѣмъ либо инымъ можно объяснить то явленіе, что сочиненія писателей, которыми еще такъ недавно увлекалась значительная часть общества, теперь не сходятъ съ полокъ библіотеки, а если и требуются, то чрезвычайно рѣдко; таковы сочиненія упомянутыхъ и многихъ другихъ авторовъ ученыхъ и естествоиспытателей, таковы также сочиненія нѣкоторыхъ публицистовъ и критиковъ.

Закончимъ же настоящій очеркъ перечисленіемъ тѣхъ выводовъ, которые были сдѣланы на основаніи разсмотрѣннаго матеріала:

1) То направленіе, котораго держатся учителя и учительницы въ выборѣ матеріала для чтенія опредѣляется какъ общими условіями и направленіемъ интеллектуальной жизни общества вообще и жизни преподавателей въ частности, такъ и условіями и характеромъ ихъ непосредственной дѣятельности.

2) Составъ книгъ для чтенія, имѣющихся въ собственности преподавателей, доброкачественный по своему содержанію, крайне незначителенъ со стороны количественной.

3) Изъ числа учителей и учительницъ, имѣющихъ у себя книги, только ничтожное меньшинство имѣетъ ихъ столько, что можетъ быть признано хотя нѣсколько обезпеченнымъ чтебнымъ матеріаломъ; громадное же большинство преподавателей, среди которыхъ не мало лицъ вовсе не имѣющихъ книгъ, очень нуждается въ матеріалѣ для чтенія.

4) Тотъ чтебный матеріалъ, который получается учителями и учительницами на сторонѣ, слишкомъ случаенъ, невеликъ въ отношеніи количественномъ и не удовлетворителенъ въ отношеніи качественномъ.

5) Размѣръ пользованія библіотеками учительскими или управскими въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ такія библіотеки существуютъ, опредѣляется съ одной стороны удобствами пользованія, а съ другой—богатствомъ самихъ библіотекъ.

6) Тѣ неудобства, съ которыми соединено пользованіе такого рода библіотеками для значительной части преподавателей, могутъ быть устранены учрежденіемъ въ мѣстностяхъ, отдаленныхъ отъ городовъ филіальныхъ отдаленій центральной управской библіотеки, содержащихъ въ себѣ наиболѣе популярныя и имѣющія наибольшій спросъ книги, а также возможнымъ расширеніемъ библіотекъ центральныхъ; съ помощью этихъ мѣръ не только могутъ быть устранены неудобства пользованія библіотеками, но вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ быть достигнуто достаточно полное обезпеченіе сельскихъ учителей матеріаломъ для чтенія, что представляется необходимымъ не только въ интересахъ личной жизни самихъ преподавателей, но и въ интересахъ общей постановки дѣла народнаго образованія.

Библіотеки народныя и школьныя.

Свѣдѣнія о составѣ и функціонированіи библіотекъ при земскихъ школахъ Московской губерніи разсматриваются не впервые; такого рода данныя представлены были въ 1882 году въ IX томѣ «Сборн. статистическихъ свѣдѣній», посвященномъ изученію постановки школьнаго дѣла въ губерніи, а затѣмъ нѣкоторыя свѣдѣнія по библіотечному дѣлу изложены были въ приложеніи къ статистическому отчету по школамъ за 1893/4 учебной годъ[1]).

Тѣ выводы и общія заключенія—при условіи ихъ правильности,—которыя были высказаны въ этомъ послѣднемъ году, не потеряли еще, конечно, своей силы и не могутъ не считаться вѣрными и въ настоящее время, такъ какъ, безъ сомнѣнія—за четыре года, протекшіе съ тѣхъ поръ, не могли сколько-нибудь замѣтно измѣниться ни общая постановка школьно-библіотечнаго дѣла, ни значеніе училищныхъ библіотекъ для школы и ближайшаго населенія, ни отношеніе къ нимъ со стороны этого послѣдняго. И вотъ почему въ настоящемъ очеркѣ мы попытаемся выяснить не столько тѣ общія условія, о которыхъ уже говорилось ранѣе, сколько главнымъ образомъ тѣ частныя черты постановки библіотечнаго дѣла и обезпеченія чтебнымъ матеріаломъ сельскаго населенія, которыя позволяетъ подмѣтить матеріалъ, собранный въ минувшемъ году по возможно детальной программѣ.

Затѣмъ, въ виду того, что значеніе школьныхъ библіотекъ непосредственно для школьниковъ, въ качествѣ одного изъ факторовъ успѣшности ихъ обученія, хорошо всѣмъ извѣстно,—въ настоящемъ случаѣ мы будемъ говорить объ условіяхъ функціонированія школьныхъ библіотекъ, разсматривая ихъ, какъ образовательныя учрежденія, которыми могутъ пользоваться и пользуются не только учащіеся, но и всѣ тѣ, кто нуждается въ книгѣ для чтенія и обращается за нею въ школьную библіотеку.

---

[1]) Нѣсколько дополненныя свѣдѣнія эти были затѣмъ изложены въ первомъ выпускѣ «Вопр. нар. обр. въ Моск. губ.».

Такая постановка вопроса, такъ-же какъ и при опредѣленіи значенія библіотекъ учительскихъ, дѣлаетъ въ высшей степени желательнымъ выясненіе того,—въ какой мѣрѣ населеніе обезпечено собственными книгами и какой вообще матеріалъ для чтенія имѣется въ личномъ распоряженіи населенія?

Къ сожалѣнію такое выясненіе встрѣчаетъ въ данномъ случаѣ почти непреодолимыя затрудненія, почему даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ оно можетъ дать лишь далеко не полное понятіе по настоящему вопросу. Дѣло въ томъ, что для полной достовѣрности заключеній о размѣрахъ обезпеченія населенія матеріаломъ для чтенія было-бы необходимо выяснить эти условія по крайней мѣрѣ по отношенію къ большинству, если не ко всему населенію, что очевидно невозможно, да и едва-ли окажется возможнымъ хотя-бы во сколько-нибудь ближайшемъ будущемъ. Но если полученный въ настоящее время матеріалъ и не позволяетъ придти къ настолько точнымъ и окончательнымъ заключеніемъ, чтобы признать разсматриваемый вопросъ совершенно исчерпаннымъ, тѣмъ не менѣе онъ можетъ дать хотя и не достаточно опредѣленное, но, надѣемся,—болѣе или менѣе правильное понятіе о тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находится наше сельское населеніе въ дѣлѣ обезпеченія матеріаломъ для чтенія; и вотъ почему, несмотря на высказанныя выше замѣчанія, нельзя не признать, что тѣ свѣдѣнія, которыя представляютъ полученные по разсматриваемому вопросу отзывы и указанія преподавателей,—имѣютъ высокую цѣнность.

Отъ этихъ общихъ замѣчаній относительно полученнаго матеріала перейдемъ къ разсмотрѣнію тѣхъ данныхъ, которыя онъ представляетъ.

Свѣдѣнія о томъ, имѣются-ли у крестьянскаго населенія свои собственныя книги и въ какомъ количествѣ,—дали въ своихъ отвѣтахъ большинство преподавателей, но только 107 изъ нихъ представили по этому предмету не только описательный, но цифровой матеріалъ. Значительное большинство этихъ учителей и учительницъ—83—доставили при своихъ отвѣтахъ списки книгъ, имѣющихся въ домахъ учениковъ преимущественно старшаго отдѣленія, а 24 преподавателя не только дали списки книгъ, имѣющихся у крестьянъ данной мѣстности, но вмѣстѣ съ тѣмъ указали—въ какомъ числѣ дворовъ книги имѣются, и въ какомъ—онѣ отсутствуютъ вовсе.

Причина—почему такого рода цифровой матеріалъ имѣется въ отвѣтахъ лишь небольшого числа преподавателей—понятна сама собою: далеко не всѣ учителя и учительницы считали себя застрахованными отъ того, чтобы при собираніи такихъ данныхъ не чувствовать себя врывающимися въ чуждую сферу и не быть заподозрѣнны-

ми со стороны населенія—по крайней мѣрѣ—въ совершенно излишней любознательности, при чемъ опасенія эти могли имѣть особенную силу при стараніи получить желательныя свѣдѣнія относительно всего ближайшаго населенія; такого рода матеріалъ могъ быть собранъ безъ особаго затрудненія лишь при исключительно благопріятныхъ условіяхъ, когда учитель или учительница,—въ силу-ли родственныхъ связей или благодаря долгой практикѣ въ данной мѣстности,—чувствовали себя людьми близкими населенію.

Пользуясь отвѣтами упомянутыхъ 24 преподавателей, находимъ, что въ указанныхъ ими 30 селеніяхъ тѣ или иныя книги имѣлись въ 846 дворахъ изъ 1636, т.-е. въ 52% общаго числа дворовъ, составляющихъ эти селенія, при чемъ на каждый дворъ приходилось въ среднемъ 8 книгъ. Какъ видимъ, книги распространены въ этихъ селеніяхъ очень слабо. Въ какой мѣрѣ только что приведенныя относительныя числа могутъ считаться типичными для всей губерніи—сказать трудно; но за то съ другой стороны у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ для того, чтобы отнести эти, находящіяся въ разныхъ уѣздахъ, переписанныя учителями и учительницами, селенія къ числу исключительныхъ, въ которыхъ книги распространены почему-либо менѣе, чѣмъ въ другихъ селеніяхъ. Скорѣе даже напротивъ,—если признать, что школа сама по себѣ является однимъ изъ факторовъ распространенія книжности и что поэтому селенія пришкольныя, каковыми является большинство селеній переписанныхъ,—должны быть богаче книгами, чѣмъ селенія, находящіяся вдали отъ школъ, то съ достаточною степенью вѣроятности можно будетъ высказать предположеніе, что большинство селеній Московской губерніи въ дѣлѣ обезпеченія населенія собственными книгами находятся по меньшей мѣрѣ не въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ селенія, упомянутыя выше.

Нѣкоторое подтвержденіе справедливости высказаннаго мы находимъ затѣмъ въ томъ матеріалѣ, который представляютъ списки книгъ, имѣющихся въ домахъ учениковъ; данныя эти показываютъ, что въ 1267 домахъ учениковъ было зарегистрировано 6258 книгъ, т.-е. что въ среднемъ на одинъ переписанный дворъ приходилось по 7 книгъ.

Мы не представляемъ здѣсь никакихъ свѣдѣній о распредѣленіи дворовъ по числу имѣющихся въ нихъ книгъ въ виду того, что такая группировка потребовала-бы очень значительныхъ дополненій и поясненій, которыя въ концѣ концовъ не позволяли-бы придти ни къ какимъ опредѣленнымъ заключеніямъ; дѣло въ томъ, что подборъ книгъ, имѣющихся у населенія, чрезвычайно разносоставенъ, какъ по содержанію этихъ книгъ, такъ и по ихъ объему, благодаря чему выводъ, къ которому привела-бы такая группировка, могъ-бы дать

совершенно невѣрное представленіе о фактическомъ книжномъ богатствѣ лицъ той или иной группы; чтобы иллюстрировать это заключеніе, остановимся на примѣрѣ двухъ владѣльцевъ книгъ, изъ которыхъ одинъ обладаетъ болѣе чѣмъ 100 мелкими брошюрами лубочной литературы, а другой—только тремя наиболѣе часто встрѣчающимися книгами: Евангеліемъ, псалтиремъ и „Потеряннымъ Раемъ“ Мильтона; очевидно, что при предполагаемой группировкѣ—первый изъ названныхъ владѣльцевъ попадетъ въ группу наиболѣе въ книжномъ отношеніи обезпеченныхъ, а второй—въ группу наиболѣе обдѣленныхъ, хотя въ дѣйствительности—между этими двумя лицами едва-ли даже возможно какое-нибудь сравненіе.

Отказываясь поэтому отъ такой группировки, но имѣя въ виду насколько возможно полнѣе опредѣлить богатство нашего крестьянскаго населенія въ разсматриваемомъ отношеніи, представимъ здѣсь сначала свѣдѣнія о томъ, какъ распредѣляются переписанныя книги по своему объему; этого рода указанія даны преподавателями о 12161 книгахъ, которыя по числу страницъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

До 50 страницъ	7847	т.-е.	64%	общаго числа.
Отъ 51 до 100	1301	«	11%	« «
101 — « 200	1442	«	12%	« «
201 и болѣе стр.	1571	«	13%	« «

Какъ видимъ значительное большинство переписанныхъ книгъ составляютъ книги и брошюры не болѣе 50 страницъ, т.-е. преимущественно, такъ называемыя, «листовки», или книжки, состоящія изъ одного печатнаго листа (обыкновенно отъ 16 до 32 страницъ, смотря по формату книжки).

Мы не будемъ группировать эти книжки по ихъ содержанію, такъ какъ прежде всего не считаемъ себя въ этой области настолько компетентными, чтобы, судя по заголовкамъ этихъ книжекъ, разбить ихъ на извѣстныя категоріи. Думается, однако, что отсутствіе такой группировки не внесетъ въ изложеніе замѣтнаго пробѣла, такъ какъ общій характеръ «листовки» достаточно всѣмъ извѣстенъ, а преобладаніе той или иной ихъ группы едва-ли что-либо можетъ сказать о характерѣ вкуса покупателей, проявляемаго въ выборѣ матеріала для чтенія. Листовка привлекаетъ къ себѣ покупателя не столько своимъ содержаніемъ, сколько своею дешевизною, кричащимъ заглавіемъ и эффектною картинкою на ея заглавномъ листѣ. Недолговѣчно и существованіе листовки: быстро прочитанная, она нерѣдко тутъ-же размѣнивается на «цигарки», и вотъ почему, думается, приведенныя выше

числа не достаточно полно характеруютъ размѣры дѣйствительнаго спроса на листовку. Нѣтъ сомнѣнія, что если-бы возможно было подсчитать число всѣхъ купленныхъ въ деревняхъ за какой либо періодъ книгъ, то число пріобрѣтенныхъ листовокъ значительно превысило-бы тотъ процентъ, который указанъ выше и который онѣ составляютъ въ суммѣ книгъ, сохранившихся къ извѣстному моменту.

Но кромѣ того, что по всей вѣроятности книги болѣе объемистыя и болѣе цѣнныя сберегаются болѣе тщательно, можно полагать, что и при покупкѣ въ выборѣ ихъ сильнѣе сказывается вкусъ покупателя, нѣмъ при пріобрѣтеніе листовокъ. И вотъ почему представляется не безынтереснымъ разгруппировать книги болѣе объемистыя по ихъ содержанію, какого рода свѣдѣнія представляются слѣдующимъ сопоставленіемъ, показывающимъ, какъ распредѣлялись по содержанію тѣ, принадлежащія значительной части указаннаго выше числа дворовъ, переписанныя преподавателями, 2983 книги, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ болѣе 100 страницъ:

	Число книгъ по отдѣламъ:	Какой % онѣ составляютъ.
Духовно-нравственнаго.....	1589	53
Беллетристическаго.....	1088	36
Учебнаго и научнаго.....	223	8
Разн. (справочнаго, біографій и т. п.).	92	3

Итакъ,—наибольшій % книгъ этой группы составляютъ книги духовно-нравственнаго содержанія, въ числѣ которыхъ, какъ это свидѣтельствуютъ представленные списки, наиболѣе часто встрѣчаются—Евангелія, затѣмъ псалтири и часословы.

Въ составѣ книгъ учебнаго и научнаго характера по сравненію съ другими книгами этой категоріи, чаще попадаются учебники по исторіи Россіи, по географіи, хрестоматіи и затѣмъ задачники и учебники по предмету ариѳметики.

Наконецъ въ числѣ книгъ наиболѣе разнохарактернаго по своему подбору—беллетристическаго отдѣла особенно часто указываются: „Потерянный и возвращенный Рай“, „Князь Серебрянный“, басни Крылова, „Приключенія англійскаго милорда“, „Панъ Твардовскій“. Встрѣчаются затѣмъ—сочиненія Пушкина и приложенія къ журналамъ „Нива“, „Живописное Обозрѣніе“, „Родина“ и „Вокругъ Свѣта“, при чемъ сравнительно чаще отмѣчаются—сочиненія Лермонтова и Кольцова, а затѣмъ болѣе рѣдко—Достоевскаго, Григоровича, Байрона, Боборыкина, Майнъ-Рида, Грибоѣдова, Шекспира, Императрицы Екатерины; наконецъ въ единичныхъ случаяхъ названы сочиненія Гоголя, Фонвизина и Помяловскаго.

Упоминая здѣсь имена только что перечисленныхъ писателей, мы опасаемся однако того, чтобы самый этотъ перечень не далъ повода придать книгамъ, имѣющимся у крестьянскаго населенія губерніи гораздо большую цѣну и большее значеніе, чѣмъ онѣ того заслуживаютъ. Дѣло въ томъ, что сочиненія упомянутыхъ крупныхъ представителей литературы встрѣчаются все-таки очень рѣдко и составляютъ лишь самую небольшую часть того чтебнаго матеріала, о которомъ даны свѣдѣнія въ представленныхъ спискахъ. Не надобно вмѣстѣ съ тѣмъ забывать и то, что мы разсматриваемъ здѣсь группу книгъ наиболѣе дорогихъ, слѣдовательно пріобрѣтенныхъ покупателями въ тѣхъ случаяхъ, когда они могли проявить нѣкоторую свободу выбора по отношенію къ чтебному матеріалу. Этого рода данныя не столько опредѣляютъ собою тотъ уровень, на которомъ стоитъ обезпеченность населенія матеріаломъ для чтенія, сколько говорятъ о томъ, въ какую сторону направился-бы запросъ населенія въ дѣлѣ удовлетворенія его интеллектуальныхъ потребностей, поскольку эти послѣднія могутъ быть удовлетворены книгою для чтенія, если-бы такой запросъ могъ проявиться болѣе свободно и съ большею надеждою на удовлетвореніе, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ настоящее время по отношенію къ громадному большинству населенія.

Чтобы составить приблизительно вѣрное понятіе о томъ,—насколько въ качественномъ отношеніи можетъ считаться доброкачественнымъ тотъ чтебный матеріалъ, который даютъ населенію его собственныя книги, можно-бы было прибѣгнуть къ слѣдующему пріему: подраздѣлить всѣ переписанныя книги на два отдѣла, изъ которыхъ въ одинъ—внести всѣ изданія лубочныя, а въ другой—остальныя, такъ называемыя „интеллигентныя“ изданія,—сопоставивъ эти двѣ группы можно было-бы придти къ опредѣленному заключенію о распространенности среди населенія книгъ второй категоріи и такимъ образомъ составить нѣкоторое понятіе о качественной сторонѣ даннаго чтебнаго матеріала.

Къ сожалѣнію мы не можемъ взять на себя такую задачу, такъ какъ для этого потребовалось-бы знаніе не только современнаго состоянія книжнаго рынка, но и его исторіи: среди переписанныхъ книгъ не мало встрѣчается изданій такихъ фирмъ, которыя уже прекратили свою дѣятельность и о характерѣ изданій которыхъ положительно ничего нельзя сказать, имѣя подъ рукою только заголовки изданныхъ ими книгъ; но не говоря уже объ этомъ—даже существующія фирмы разбить на двѣ такихъ рѣзко обособленныхъ группъ—дѣло далеко не легкое.

Отказываясь поэтому отъ такого распредѣленія переписанныхъ книгъ, прибѣгнемъ съ указанною цѣлью—къ слѣдующему искусствен-

ному пріему: воспользовавшись тѣми данными, которыя представляютъ составленные учителями списки имѣющихся у крестьянскаго населенія книгъ, подсчитаемъ, сколько въ числѣ ихъ имѣется такихъ, которыя изданны опредѣленнымъ числомъ издателей наиболѣе распространенныхъ лубочныхъ книгъ, затѣмъ для сопостановленія—опредѣлимъ, сколько именно въ тѣхъ-же спискахъ указано книгъ, изданныхъ такимъ-же числомъ издателей интеллигентныхъ, при чемъ, чтобы не впасть въ преувеличеніе, рисующее дѣйствительность болѣе розовыми красками, чѣмъ она того заслуживаетъ, во вторую группу включимъ книги, выпущенныя не исключительно только такими издателями, изданія которыхъ наиболѣе распространены, а главнымъ образомъ тѣми, характеръ дѣятельности которыхъ достаточно всѣмъ извѣстенъ.

Выдѣляя въ первую изъ указанныхъ группъ книги, изданныя гг. Шараповымъ (и наслѣдницею его г-жею Лузиною), Абрамовымъ, Кузинымъ, Манухинымъ, Брилліантовымъ, Морозовымъ и Созоновымъ,—во вторую группы внесемъ изданія Московскаго, Петербугскаго и Харьковскаго комитетовъ, а теперь—обществъ грамотности, фирмою „Посредника“, гг. Калмыковою, Муриновою и Прянишниковымъ.

Перечисленныя въ названныхъ спискахъ изданія г. Сытина, сообразно характеру издательской дѣятельности этого послѣдняго, мы разобьемъ на двѣ категоріи, при чемъ тѣ изъ изданныхъ имъ книгъ, которыя по характеру своего содержанія ничѣмъ не отличаются отъ изданій „Посредника“, обществъ грамотности и т. д.,—отнесемъ къ первой изъ намѣченныхъ группъ, а различные „сонники“, „оракулы“ и т. п. произведенія—ко второй.

Подсчетъ разбитыхъ на такіе группы переписанныхъ у населенія книгъ показываетъ, что изъ числа 4.288 книгъ и брошюръ, изданныхъ всѣми упомянутыми издателями,—11% общаго числа этихъ книгъ составляютъ такія изданія, которыя обыкновенно относятся къ группѣ интеллигентныхъ.

Но въ какой степени только что опредѣленный процентъ можетъ служить показателемъ распространенности болѣе или менѣе доброкачественныхъ книгъ вообще среди крестьянскаго населенія губерніи? Категорично отвѣтить на этотъ вопросъ крайне затруднительно: можно привести вѣсскія соображенія какъ за то, что въ дѣйствительности сравнительно удовлетворительныя изданія распространены болѣе, чѣмъ объ этомъ можно судить по изложенному, такъ и наоборотъ. Начать съ того, что книги, занесенныя въ списки, въ большинствѣ случаевъ, какъ сказано выше, принадлежатъ той части населенія, которая даетъ школьниковъ, доучившихся до третьяго отдѣленія школы, изъ чего можно предположить, что эта часть населенія представляется болѣе культурною, и уже навѣрное болѣе состоятельною,

чѣмъ остальная часть населенія, которая если и располагаетъ книгами, то болѣе дешевыми и менѣе удовлетворительными,—это во-первыхъ, а во-вторыхъ, если признать, что школа, а въ особенности преподавательскій персоналъ во свою очередь могутъ оказать настолько замѣтное вліяніе, что оно отразится и на выборѣ чтебнаго матеріала окружающимъ населеніемъ или хотя-бы частью его, то вмѣстѣ съ этимъ нельзя будетъ также не предположить, что подборъ книгъ той части населенія, которая ближе къ школѣ и учителю и относительно которой только у насъ и могутъ быть такія свѣдѣнія,—лучше чѣмъ у остального населенія. Таковы соображенія, которыя заставляютъ думать, что приведенныя выше данныя, рисуютъ дѣйствительность въ болѣе розовыхъ краскахъ, чѣмъ это было-бы возможно при болѣе широкомъ знакомствѣ съ тѣмъ чтебнымъ матеріаломъ, которымъ располагаетъ наше сельское населеніе во всемъ своемъ составѣ.

Но, кромѣ приведенныхъ, можно привести, какъ сказано, и другія соображенія, которыя заставятъ придти къ обратнымъ заключеніямъ. Въ самъ дѣлѣ, внеся въ указанную выше групшу издателей наиболѣе видныхъ издателей—лубочниковъ, мы не включили въ противуполагаемую группу такихъ издателей, какъ Общество распространенія полезныхъ книгъ, Св. Синодъ и т. д.—многія изданія которыхъ распространены гораздо шире, чѣмъ изданія, напримѣръ, обществъ грамотности или г. Прянишникова. Кромѣ того, необходимо принять во вниманіе также и то обстоятельство, что нѣкоторыя изъ книгъ, изданныхъ лубочниками, могли быть смѣло исключены изъ списка лубочныхъ изданій и перенесены въ группу противуположную. Таковы, напримѣръ нѣкоторыя произведенія Пушкина, Толстого, Островскаго (въ передѣлкѣ), изданныя Абрамовымъ и Морозовымъ, „Конекъ-Горбунокъ“ Ершова и т. п.

Но какъ не противорѣчивы такія соображенія относительно распространенности среди сельскаго населенія губерніи болѣе или менѣе удовлетворительныхъ изданій, можно съ увѣренностью утверждать, что общій составъ книгъ, имѣющихся въ собственности населенія, въ настоящее время повидимому уже не такъ безнадежно плохъ, какъ объ этомъ можно было думать лѣтъ двадцать тому назадъ. Теперь уже нельзя сказать, что книги, находящіяся въ нашей деревнѣ цѣликомъ принадлежатъ къ лубочной литературѣ. Да и самый терминъ—„лубочной литературы“, въ настоящее время, когда издательскія фирмы, во главѣ которыхъ стоятъ лучшіе люди, нерѣдко стараются фальсифицировать лубочную книжку и берутъ на себя, казалось-бы, неблагодарную задачу—подмѣнивать дурное—хорошимъ, когда лубочники издаютъ Пушкина, Толстого и Спенсера,—терминъ этотъ уже много потерялъ въ своей опредѣленности. Характеръ издательской дѣятель-

ности такъ называемаго „Никольскаго рынка“ повидимому начинаетъ уже терять свои типическія черты и представляетъ довольно пеструю картину.

То-же самое впечатлѣніе даетъ и разсмотрѣніе доставленныхъ списковъ книгъ, гдѣ рядомъ съ названіями сочиненій извѣстнѣйшихъ писателей иностранныхъ и русскихъ до Бѣлинскаго и Зибера включительно встрѣчается традиціонная „Прекрасная магометанка, умирающая на гробѣ своего супруга“ и даже пережившая крѣпостное право и французское нашествіе книга, заключающая въ себѣ – «Достопамятныя сказанія и дѣянія, изъявляющія свойства Фридриха II, короля прусскаго», изданная въ 1787 году.

Перечень книгъ, зарегистрованныхъ въ упоминаемыхъ спискахъ, представляетъ собою до такой степени разнообразный, но не лишенный своеобразной характерности,—списокъ, что сама собою напрашивается мысль о томъ, что въ настоящемъ случаѣ мы присутствуемъ при такомъ явленіи, которое знаменуетъ собою переходную эпоху въ отношеніи населенія къ книгѣ и въ исторіи его интеллектуальной жизни, поскольку эта послѣдняя выражается въ его литературныхъ вкусахъ. Выше уже было высказано предположеніе относительно того, въ какую сторону направляется запросъ населенія по отношенію къ печатному слову; тотъ фактъ, что лица, наиболѣе заинтересованныя въ томъ, чтобы уловить характеръ и колебанія въ спросѣ на книжномъ рынкѣ, начинаютъ отступать отъ установившихся традицій, сознавая, что теперь, по выраженію «Пѣсни объ «Аргусѣ»—Некрасова,—«съ либеральнаго есть направленья барышъ,»—фактъ этотъ достаточно свидѣтельствуетъ за основательность высказаннаго предположенія, а если это такъ, то отсюда само собою слѣдуетъ заключеніе, что та миссія, которую приняли на себя отдѣльныя лица и учрежденія, поставивъ своею ближайшею задачею распространеніе въ населеніи болѣе широкаго образованія,—имѣетъ хорошую будущность и отвѣчаетъ уже назрѣвшимъ запросамъ народа.

Таковы заключенія и предположенія, которыя можно сдѣлать на основаніи, правда—не особо многочисленныхъ,—фактическихъ, данныхъ, представленныхъ меньшинствомъ ($^1/_5$) преподавателей, доставившихъ списки книгъ, имѣющихся у населенія. Чтобы опредѣлить, въ какой мѣрѣ изложенные выводы могутъ быть распространены на всю губернію,—было-бы желательно сопоставить ихъ съ отзывами по этому предмету самихъ преподавателей, какъ доставившихъ такъ и не доставившихъ такіе списки, но давшихъ свои заключенія о распространенности книгъ среди населенія и представившихъ свое мнѣнія о направленіи его литературныхъ вкусовъ.

Къ сожалѣнію этого рода матеріалъ представляется далеко не

настолько доброкачественнымъ, чтобы быть сопоставленнымъ съ только, что использованнымъ и чтобы быть принятымъ безъ тщательной критики. Дѣло въ томъ, что, пользуясь матеріаломъ, состоящимъ изъ отзывовъ по настоящему предмету преподавателей, волей-неволей приходится разсматривать его сквозь призму пониманія тѣхъ лицъ, которыя представили по этому поводу свои заключенія. А между тѣмъ въ предыдущей главѣ уже указывалось, что среди преподавательскаго персонала не мало лицъ настолько обездоленныхъ въ книжномъ отношеніи, что вѣрность ихъ заключеній о направленіи литературныхъ вкусовъ населенія—представляется крайне сомнительною; если-же къ этому еще добавить, что въ составѣ высказавшихъ свои заключенія по разсматриваемому вопросу преподавателей, какъ это уже указывалось болѣе ранними статистическими работами,—не мало такихъ, условія жизни и даже дѣятельности которыхъ имѣютъ мало общаго съ условіями жизни и дѣятельности окружающаго населенія, которые разобщены съ населеніемъ и могутъ наблюдать проявленія его умственной жизни очень поверхностно, то самъ собою поставленъ будетъ вопросъ,—можно-ли вообще въ данномъ случаѣ пользоваться тѣмъ матеріаломъ, который представляетъ такіе отзывы преподавателей? Не передавая поэтому всѣхъ по данному вопросу указаній, ограничимся передачею наиболѣе подробныхъ и притомъ рѣзко противуположныхъ по своему характеру отзывовъ учителей и учительницъ, коснувшихся вопроса о томъ,—ростетъ-ли вообще и въ какомъ направленіи развивается запросъ населенія по отношенію къ печатному слову.

Вотъ что сообщаетъ первая группа преподавателей:

„Почти у каждаго грамотнаго крестьянина имѣются свои собственныя книги, которыя большею частію пріобрѣтаются случайно: многіе изъ мѣстныхъ крестьянъ служатъ въ московскихъ типографіяхъ и присылаютъ своимъ домашнимъ различныя книги; здѣсь встрѣчаются произведенія нѣкоторыхъ русскихъ классиковъ, какъ-то: Пушкина, Гоголя, Аксакова, Тургенева. Въ одномъ случаѣ мнѣ пришлось встрѣтить произведенія Бѣлинскаго, одного греческаго писателя; но на ряду съ этими произведеніями встрѣчаются изданія Кузина, Манухина, Леухина и К°. Слѣдуетъ однако замѣтить, что книги, которыя прежде пользовались большою популярностью, какъ напримѣръ—„Еруланъ Лазаревичъ“, „Битва русскихъ съ кабардинцами“, „Бова королевичъ“—мнѣ нигдѣ не встрѣчались и разсказы о нихъ отошли въ преданіе. Надо надѣяться, что со-временемъ хорошія изданія вытѣснятъ такія, какъ изданія Манухина и К°; да и теперь если и встрѣчаются эти книги, то какъ дарственныя, а пріобрѣтаются на деньги большею частію книги изданій Сытина и Посредника“.

„У большинства крестьянъ имѣются свои собственныя книги и иногда въ довольно значительномъ числѣ; преимущественно имѣются житія святыхъ, историческія повѣсти и сказки; книги интеллигентныхъ изданій хотя и попадаются, но въ ничтожномъ числѣ. Было-бы однако ошибочно заключить, что весь хламъ лубочной литературы, которая преимущественно доходитъ до деревни, служитъ къ удовлетворенію умственныхъ запросовъ населенія. Крестьянинъ—въ силу экономическихъ условій своего положенія—можетъ дозволить себѣ лишь самыя мизерныя денежныя затраты на книгу. Какъ въ праздникъ онъ можетъ дозволить себѣ развлеченіе покупкой подсолнуховъ на копейку, но изъ этого еще никто не заключаетъ, что онъ не нуждается въ высшихъ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ,—такъ, пріобрѣтая книгу за копейку или вымѣнивая ее за совсѣмъ негодную въ хозяйствѣ вещь,—крестьянинъ не находитъ въ этой книгѣ удовлетворенія своимъ умственнымъ потребностямъ. Въ глазахъ большинства крестьянъ, особенно учившихся въ школѣ, такая книга не имѣетъ никакой цѣны и часто безъ всякаго сожалѣнія уничтожается или рвется на папироски“.

„Почти у каждаго крестьянина есть книги (обыкновенно въ числѣ отъ 3 до 12) духовно-нравственнаго содержанія. Изданій Комитета Грамотности и Посредника не было здѣсь до зимы текущаго года, когда я предложила нѣкоторымъ достать такія книги. Познакомившись съ ними, крестьяне брали ихъ нарасхватъ, прося меня купить ихъ побольше и спросъ на нихъ до сихъ поръ не прекращается,—книги же другихъ издателей у мелкихъ торгашей уже не покупаются“.

„Лубочныхъ изданій у рѣдкаго крестьянина нѣтъ;—въ особенности религіознаго содержанія. Имѣть „божественную“ книжку похвально даже со стороны неграмотныхъ. Вмѣстѣ съ лубочными „божественными“ въ настоящее время нѣкоторыми пріобрѣтаются книги и болѣе серьезныхъ издателей, не вытѣсняя, впрочемъ, и божественныхъ книгъ. Изъ издателей интеллигентныхъ—въ большомъ ходу книги „Посредника“ и преимущественно книги съ окраскою религіознаго колорита. Читаются разсказы и болѣе извѣстныхъ писателей,—и что особенно замѣчательно,—разсказы эти, можно надѣяться, не въ далекомъ будущемъ совсѣмъ вытѣснятъ сказки и средневѣковыя чудеса и рыцарей“.

„Наблюденія, произведенныя мною за время пятилѣтняго моего пребыванія—по отношенію населенія къ печатному слову,—приводятъ къ утѣшительнымъ заключеніямъ“.

„Вотъ я учительствую уже 18 лѣтъ и годъ съ годомъ замѣчаю, что спросъ на книги въ библіотекѣ увеличивается и у учениковъ встрѣчаю все болѣе и болѣе книгъ. Каждый отецъ, когда ѣдетъ изъ

Москвы—въ деревню, то непремѣнно везетъ въ подарокъ своему сыну какую-нибудь книгу".

„Живя въ настоящей школѣ около 20 лѣтъ, я замѣчаю, что любознательность крестьянъ и охота ихъ къ чтенію книгъ годъ отъ году все болѣе и болѣе развивается".

„Я живу въ настоящей мѣстности пятый годъ и замѣчаю, что спросъ на книги каждый годъ растетъ и чѣмъ дальше, тѣмъ все чаще и настойчивѣе требуется книга, посерьезнѣе и пообъемистѣе простой брошюрки. Дѣланный, слащавый и полудѣтскій тонъ нашей теперешней библіотеки болѣе и болѣе начинаетъ надоѣдать взрослому населенію и, если ему открыть доступъ хоть къ отдѣльнымъ, но не передѣланнымъ томамъ нашихъ лучшихъ авторовъ, то оно перестанетъ читать наши школьныя брошюрки, а тѣмъ болѣе—покупать лубочныя книжки „Никольскаго рынка".

Ограничимся этими выписками, хотя могли-бы привести еще не мало подобныхъ указаній. Но вотъ, что пишутъ другіе преподаватели.

„Крестьяне имѣютъ такъ мало охоты къ чтенію, что читаютъ только необходимое. Я слышала отъ священника, который живетъ здѣсь около 30 лѣтъ и всѣхъ знаетъ, что они охотнѣе купятъ гармонію въ 3 рубля, чѣмъ книжку въ 3 копейки. У многихъ нѣтъ даже Евангелія; въ двухъ—трехъ деревняхъ встрѣчаются раскольническія книги, запрещенныя или вовсе недозволенныя цензурой, книгъ же интеллигентныхъ издателей ни у кого не имѣется. Вкусы крестьянъ грубы такъ-же, какъ ихъ нравы: а нравственность ихъ далеко не похвальная: они по всей округѣ славятся своимъ удальствомъ и не задумаются обобрать одинокаго путника, угнать лошадь, увести корову и т. п. Естественно, что при такихъ дурныхъ наклонностяхъ ихъ эстетическое чувство остается непробудно спящимъ и они относятся равнодушно ко всему, кромѣ водки и другихъ грубыхъ интересовъ, ведущихъ къ удовлетворенію только тѣлесныхъ потребностей. Дурное вліяніе родителей сказываются и на дѣтяхъ: попытки сколько нибудь внушить имъ сознанье хорошаго и дурного остаются пока безуспѣшными: они на словахъ скажутъ,—что хорошо и что дурно, но поступать будутъ по-своему".

„Книгъ у крестьянъ почти нѣтъ;—у нѣкоторыхъ встрѣчается Евангеліе или псалтирь. Вообще любви къ книгамъ у крестьянъ не замѣчается".

„У крестьянъ здѣшней мѣстности даже и у неграмотныхъ имѣются свои собственныя книги; ихъ, правда, немного—отъ 2—3 и до полусотни; послѣднее число книгъ можно встрѣтить только у грамотныхъ..... Книги у крестьянъ появляются такимъ образомъ: многіе

изъ здѣшнихъ жителей,—какъ мужчинъ, такъ и женщинъ,—живутъ въ Москвѣ: и на фабрикахъ, и у торговцевъ, и въ мастерскихъ, въ типографіяхъ, въ дворникахъ, извозчикахъ и проч.; женщины—въ кухаркахъ, въ горничныхъ, прачкахъ, швеяхъ и т. п. Вотъ они тотамъ за ничтожную плату, а то и безъ денегъ разживаются многими и разнообразными книгами, изъ которыхъ однѣ получаются отъ господъ въ подарокъ, другія—по просьбѣ, иныя подберутъ сами изъ разбросанныхъ по ненадобности или небрежности въ разныя мѣста. Вотъ такимъ то образомъ пріобрѣтаемыя книги, между которыми попадаются негодныя и зловредныя для дѣтей, и являются у многихъ здѣшнихъ крестьянъ. Здѣшніе крестьяне мало читаютъ и мнѣ не приходилось слышать сужденій ихъ о книгахъ, ихъ авторахъ и издателяхъ. А въ трактиръ я не хожу, у крестьянъ въ гостяхъ не бываю. Но если-бы спросить у нашихъ грамотныхъ трактирщиковъ, что крестьяне говорятъ о книгахъ, писателяхъ и издателяхъ, и какое ихъ (трактирщиковъ) собственное мнѣніе, то они, по всей вѣроятности, такъ бы отвѣтили: разтовора крестьянъ о книгахъ они не слыхали, а имъ самимъ читать некогда и они объ этомъ предметѣ ничего сказать ни могутъ. Между книгами у крестьянъ попадаются разныя изданія: и Харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности, и изданіе Клюкина, и Павленкова, и Посредника, и Сытина и др. Предпочтенія же къ книгамъ тѣхъ или другихъ авторовъ или издателей у крестьянъ не замѣчается".

„Что касается собственныхъ книгъ крестьянскаго населенія, то все ихъ содержаніе исчерпывается дешевыми изданіями Отдѣла распространенія духовно-нравственныхъ книгъ, а затѣмъ идутъ всѣмъ извѣстные—„Анекдоты о шутѣ Балакиревѣ", „Кедрилы обжоры", „Еруслаиы Лазаревичи" и т. п. книжонки лубочнаго изданія. Такія книжки можно встрѣтить почти въ каждомъ домѣ; съ ними, впрочемъ, еще можно мириться, но весьма нежелательны „Капризная жена" и другія литературныя произведенія подобнаго-же сорта съ грязнымъ содержаніемъ. Книги эти обыкновенно покупаются у тряпичниковъ, которые, какъ говорятъ, очень бойко сбываютъ этотъ товаръ или-же пріобрѣтаются совершенно случайно—изъ Москвы. Въ одномъ домѣ молодой парень съ гордостью показалъ свои книги, между которыми попался даже „Протоколъ засѣданій совѣта Императорскаго Московскаго Университета": въ другой семьѣ попалась довольно толстая книжка о пчелахъ, причемъ баба, показавшая ее, предобродушно дарила эту книгу учителю, увѣряя, что ей она „ни къ чему", а И. А. (учитель), кажется, до пчелъ охотникъ. Книгъ извѣстныхъ авторовъ видѣть у крестьянъ намъ не случалось да и врядъ-ли онѣ имѣются у кого-нибудь: тряпичники ими не торгуютъ, а иныхъ способовъ пріобрѣтенія книгъ крестьяне не знаютъ".

„У крестьянъ почти никакихъ книгъ нѣтъ, развѣ сказочки или житія святыхъ. Вообще тотъ районъ, въ которомъ я нахожусь, т.-е. три селенія,—крайне бѣдны, неразвиты и грубы. Правда,—нѣкоторые молодые люди, учившіеся въ школѣ, замѣтно развитѣе, но они только пока пользуются книгами школьной библіотеки, а до такого развитія, чтобы тратить деньги на покупку книгъ,—они еще не дошли, и считаютъ эту трату непроизводительною".

„Любви къ чтенію и книгамъ пока я не замѣчаю. Правда, берутъ, читаютъ, но что изъ этого? Все полезное пропускаютъ, а смѣшное или наивное для нихъ составляетъ всю соль. Къ книгамъ относятся небрежно,—пачкаютъ, мнутъ, задерживаютъ, а иногда и совсѣмъ не возвращаютъ".

„Живу я въ этой мѣстности болѣе пяти лѣтъ, но измѣненій взглядовъ на печатное слово никакихъ не произошло. Населеніе—раскольники, а потому ко всему печатному относятся съ подозрѣніемъ и недовѣріемъ".

„Никакихъ измѣненій въ отношеніи крестьянъ къ печатному слову (за 3 года служенія въ данной школѣ) мною не замѣчено".

„Я ничего незамѣтила. Могу одно сказать, что наше населеніе очень неохотно читаетъ книги".

„Несмотря на 15-ти лѣтнее существованіе школы въ данной мѣстности,—дѣло народнаго образованія обстоитъ далеко не въ благопріятномъ положеніи: полное безграмотство женскаго населенія, бѣдность, отсутствіе сознанія важности обученія дѣтей и масса другихъ причинъ задерживаютъ успѣхъ развитія. Поэтому нельзя ничего положительнаго сказать относительно вкусовъ или желанія заниматься самообразованіемъ".

„Хотя я въ данной мѣстности живу $16^1/_2$ лѣтъ, но особенныхъ измѣненій въ отношеніи къ печатному слову не замѣтилъ; дѣло въ томъ, что выученное мною молодое поколѣніе слишкомъ молодо, не пользуется правомъ голоса въ обществѣ имѣя надъ собою главу семьи — отцовъ, еще не старыхъ людей. Да при томъ большинство выученныхъ мною учениковъ *немедленно* по окончаніи курса уходятъ въ отхожіе промыслы, и потому нерѣдки случаи, что я видаю своихъ учениковъ лѣтъ въ 10 или 12 не болѣе раза. Поэтому какое-же вліяніе мой ученикъ можетъ оказать на отношеніе къ печатному слову, когда его самого нѣтъ въ своей мѣстности". и т. д.

Итакъ,—по одному и тому-же вопросу мы имѣемъ совершенно противурѣчивые отзывы и притомъ полученные нерѣдко отъ преподавателей изъ однихъ и тѣхъ-же уѣздовъ. Какое-же заключеніе можно вывести изъ этихъ и подобныхъ имъ указаній?

Не касаясь того, въ какой мѣрѣ въ приведенныхъ отзывахъ сказался личный взглядъ самихъ преподавателей, нерѣдко, быть можетъ, мѣшавшій имъ,—какъ это нетрудно подмѣтить на нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ преподавателей второй категоріи,—безпристрастно и непосредственно присмотрѣться къ дѣйствительности, и признавая всѣ эти отзывы,—хотя и съ приблизительною точностью, но все-таки рисующими фактическое положеніе дѣла,—можно придти къ тому заключенію, что въ отношеніи къ печатному слову—между населеніемъ различныхъ мѣстностей губерніи, вѣроятно въ связи съ особенностями бытовой и промысловой жизни, можетъ быть подмѣчена довольно существенная разница: и въ то время какъ въ одной части населенія—ни въ его литературныхъ вкусахъ, ни въ характерѣ его отношеній къ книгѣ и т. д.,—не замѣчается никакихъ измѣненій,—въ другой—такія измѣненія выразились довольно рѣзко и при томъ, что особенно важно,—во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда констатируется какая либо перемѣна въ этомъ отношеніи,—мы видимъ, что она совершается въ направленіи, которое ведетъ къ сближенію умственныхъ интересовъ большинства населенія съ тою частью его, которая присвоила себѣ названіе интеллигенціи.

Такимъ образомъ тотъ выводъ, къ которому приводитъ разсмотрѣніе отзывовъ по данному вопросу преподавателей аналогиченъ съ тѣмъ, который былъ сдѣланъ на основаніи представленныхъ списковъ книгъ, имѣющихся у крестьянскаго населенія.

Въ видахъ полноты настоящаго очерка было-бы необходимо представить нѣкоторыя свѣдѣнія о распространенности среди крестьянскаго населенія газетъ и вообще періодическихъ изданій. Къ сожалѣнію этого рода свѣдѣнія далеко не такъ обширны, чтобы хотя съ приблизительною точностью дать отвѣтъ по этому вопросу. Пользуясь имѣющимися по этому предмету сообщеніями преподавателей можно заключить, что распространеніе газетъ въ губерніи идетъ повидимому съ тою-же силою и тѣмъ-же путемъ, какъ это указывалось уже ранѣе. Наиболѣе распространенными періодическими изданіями оказываются „Сельскій Вѣстникъ“, число подписчиковъ котораго, какъ объ этомъ можно судить по имѣющимся даннымъ, возросло особенно значительно, благодаря чему журналъ этотъ занимаетъ теперь первое мѣсто, отодвинувши на второе „Московскій Листокъ“, первенствовавшій въ 1883 году[1]). Довольно значительною распространенностью пользуются затѣмъ „Родина“, „Русскій Листокъ“ и „Нива“; всего-же изъ числа періодическихъ изданій, выписываемыхъ крестьянскимъ населеніемъ—въ сообщеніяхъ преподавателей упоминается, кромѣ указанныхъ, еще 17.

---

[1]) „Сборн. стат. свѣд. по Москов. губ.“ т. IX стр. 151.

Такимъ образомъ есть основаніе предположить, что выборъ газетъ и журналовъ, которымъ располагаетъ теперь населеніе, сталъ лишь очень немного разнообразнѣе того, которымъ пользовалось оно въ 1883 году (18 названій).

Затѣмъ теперь, какъ и ранѣе, приходится отмѣтить то значеніе, которое во многихъ мѣстностяхъ имѣютъ трактиры и т. п. учрежденія въ дѣлѣ ознакомленія ближайшаго населенія съ газетными новостями. Но къ сожалѣнію и теперь, какъ и пять лѣтъ тому назадъ[1]) приходится только отмѣтить что въ большинствѣ случаевъ газеты, выписываемыя съ подобною цѣлью принадлежатъ къ тому роду произведеній трактирной литературы, которая отнюдь не вноситъ въ народъ просвѣщенія, а скорѣе служитъ во вредъ ему и что лучшимъ средствомъ борьбы съ деморализующимъ вліяніемъ трактирныхъ „листочковъ“ могли-бы служить дешевыя газеты, но удовлетворяющія серьезнымъ запросамъ народа и доставляющія ему просвѣщающее его развлеченіе.

Но и теперь приходится повторить, что ни одно сообщеніе не указываетъ на существованіе воздѣйствія на населеніе такого рода орудіемъ образованія; явленіе это вполнѣ понятно: изъ тѣхъ газетъ, которыя можетъ предложить населенію школа—однѣ не пригодны по дороговизнѣ, другія—по инымъ соображеніямъ, да, кромѣ того, и выборъ этихъ газетъ весьма ограниченъ[2]). „Сельскій Вѣстникъ“, какъ это видно изъ имѣющихся указаній, хотя и читается мѣстнымъ населеніемъ, тѣмъ не менѣе, тоже едва-ли можетъ парализовать дурное вліяніе трактирныхъ газетъ, которыя привлекаютъ читателей болѣе подробнымъ обзоромъ текущей жизни, описаніемъ различныхъ происшествій и беллетристическими очерками т.-е. тѣми отдѣлами, которые почти отсутствуютъ въ „Сельскомъ Вѣстникѣ“.

Въ заключеніе настоящей главы припомнимъ тѣ важнѣйшіе выводы, къ которымъ привело разсмотрѣніе данныхъ по вопросу о размѣрѣ обезпеченія крестьянскаго населенія губерніи принадлежащимъ ему матеріаломъ для чтенія и о характерѣ того направленія, въ которомъ выражается выборъ этого матеріала:

1) Въ общемъ составѣ сельскаго населенія губерніи повидимому лишь незначительное большинство имѣетъ собственно ему принадлежащій матеріалъ для чтенія.

2) Та часть населенія, которая обладаетъ какимъ либо чтебнымъ матеріаломъ,—имѣетъ его обыкновенно въ количествѣ настолько ограниченномъ, что, безъ сомнѣнія, не можетъ удовлетвориться имъ.

---

[1]) «Статистическ. Ежегодникъ Московской губ.» 1893 г.—«Статист. отчетъ по училищамъ стр. 25.

[2]) Изъ числа московскихъ газетъ, не считая спеціальныхъ и дѣтскихъ, допущены для употребленія въ читальняхъ и школахъ—«Вокругъ Свѣта», «Московскій Листокъ», и «Московскія Вѣдомости» (Смотр. «Прав. Вѣстникъ» 1892 г., № 164).

3) Что касается до качественной стороны того чтебнаго матеріала, который находится въ собственности населенія,—то можно надѣяться, что въ этомъ отношеніи совершается постепенное улучшеніе, которое, повидимому, могло-бы пойти быстрѣе,—главнымъ образомъ при томъ условіи, если-бы населеніе обладало большими средствами, представляющими возможность большей свободы въ выборѣ матеріала для чтенія.

Посмотримъ теперь,—насколько этотъ недостатокъ въ лучшемъ по качеству матеріалѣ для чтенія удовлетворяется народными и школьными библіотеками.

II.

Наши свѣдѣнія о составѣ и функціонированіи библіотекъ народныхъ, крайне незначительныя и отрывочныя,—исчерпываются опредѣленіемъ общаго числа ихъ и нѣкоторыми указаніями, которыя имѣются о нихъ въ докладахъ уѣздныхъ земскихъ управъ за прошлый 1897 годъ. Такой недостатокъ свѣдѣній объясняется тѣмъ, что всѣ тѣ данныя, которыя послужили для представленной выше характеристики учительскихъ библіотекъ, а также для опредѣленія богатства чтебнымъ матеріаломъ какъ преподавателей, такъ и окружающаго ихъ населенія, получены были, какъ сказано выше, въ отвѣтъ на программу вопросовъ, разосланную въ маѣ 1897 года, т.-е. когда учителя и учительницы ничего еще не могли сказать относительно только что (съ 1896 года) начавшихъ дѣйствовать народныхъ библіотекъ.

Общее число имѣвшихся въ 1897 году въ губерніи народныхъ библіотекъ равнялось 15[1]), при чемъ двѣ изъ нихъ (Богородская и Маріинская въ Звенигородѣ) находились въ городахъ, а остальныя—въ селеніяхъ и преимущественно въ селеніяхъ приволостныхъ. По уѣздамъ библіотеки эти распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: въ Богородскомъ уѣздѣ имѣлась 1 библіотека, въ Дмитровскомъ—2, Звенигородскомъ—3, Клинскомъ—5 и въ Московскомъ уѣздѣ—4 библіотеки.—Въ восьми остальныхъ уѣздахъ губерніи народныхъ библіотекъ не было.

Свѣдѣнія о составѣ народныхъ библіотекъ имѣются лишь о 6 изъ нихъ, при чемъ самою богатою изъ этихъ библіотекъ можетъ быть названа Измайловская въ Московскомъ уѣздѣ (1099 томовъ), второе и третье послѣ нея мѣсто занимаютъ: библіотека Богородская (808 т)

---

[1]) Кромѣ существовавшихъ въ 1897 году 15 народныхъ библіотекъ, какъ это видно изъ доклада губернской земской управы «по вопросамъ нар. обр.» за 1897 г.,—предположено было открыть въ 1897/8 учебномъ году еще 12 такихъ библіотекъ.

и Митинская (532 т.) въ Дмитровскомъ уѣздѣ; наименьшимъ запасомъ книгъ располагали библіотеки Звенигородскаго уѣзда, изъ которыхъ въ Пятницкой имѣлось 254 тома, въ Маріинской—213 томовъ и въ Перхушковской только 99 томовъ.

Насколько были разнообразны перечисленныя библіотеки по числу книгъ, настолько-же оказались онѣ разносоставными по тѣмъ отдѣламъ, на которые распадались книги этихъ библіотекъ; такъ въ библіотекахъ Звенигородскаго уѣзда имѣлись книги (отъ 5 до 16) педагогическаго содержанія, которыхъ въ другихъ библіотекахъ не было; въ двухъ библіотекахъ совершенно отсутствовалъ отдѣлъ книгъ сельско-хозяйственныхъ; книги духовно-нравственнаго отдѣла составляли отъ 3 до 20% всѣхъ книгъ отдѣльныхъ библіотекъ и т. д. И только отдѣлъ беллетристическій представлялъ въ данномъ отношеніи менѣе разнообразія, обыкновенно заключая въ себѣ нѣсколько болѣе половины всѣхъ библіотечныхъ книгъ. Этотъ послѣдній отдѣлъ, обыкновенно содержащій въ себѣ произведенія лучшихъ писателей,—и въ качественномъ отношеніи представлялся по сравненію съ другими,—наиболѣе удовлетворительнымъ.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о дѣятельности народныхъ библіотекъ у насъ имѣются относительно лишь трехъ изъ нихъ: Богородской, Митинской и Измайловской. Начнемъ со второй Митинской, при чемъ предварительно представимъ слѣдующія небезынтересныя данныя по исторіи ея возникновенія (относительно другихъ библіотекъ такого рода указаній къ сожалѣнію не имѣется).

Вотъ что по этому предмету находимъ мы въ прошлогоднемъ „отчетѣ о дѣятельности Митинской волостной народной библіотеки“:

„Въ мартѣ 1885 года Московскій Комитетъ грамотности, сообщая примѣры устройства въ селеніяхъ разныхъ мѣстностей Россіи воскресныхъ школъ, чтеній, народныхъ библіотекъ, книжной торговли и т. д., и желая выяснить, насколько распространено среди крестьянскаго населенія сознаніе въ пользѣ вышеозначенныхъ учрежденій, обратился къ Митинскому волостному правленію[1]) съ просьбой отвѣтить“—на соотвѣтствующій рядъ вопросовъ.

„Сообщая объ отсутствіи въ предѣлахъ волости помянутыхъ выше учрежденій, волостное правленіе въ своемъ отвѣтѣ между прочимъ указывало на то, что среди населенія несомнѣнно существуетъ потребность въ чтеніи книгъ, такъ какъ многіе крестьяне при малѣйшей возможности достать книгу не упускаютъ случая прочесть ее. Въ виду этого устройство волостной народной библіотеки было-бы въ

---

[1]) Очевидно—на ряду съ другими.

ысшей степени желательно, что-же касается содѣйствія Комитета гра-отности, то оно, по мнѣнію волостного правленія, могло-бы выразится рисылкой безплатно хотя-бы небольшой библіотеки, съ надлежащимъ одборомъ книгъ. Пользованіе такой библіотекой съ одной стороны одготовило-бы населеніе, къ мысли о необходимости устройства бо-ѣе обширной волостной библіотеки, а съ другой доставило-бы и во-остному правленію нѣкоторый опытъ по части организаціи этого ѣла. Эта мысль встрѣтила сочувствіе Комитета грамотности, кото-ый 25 мая 1895 года, выслалъ волостному правленію подборъ книгъ остоящій изъ 80 брошюръ разнаго содержанія на сумму 8 рублей.

Присылка книгъ Комитетомъ грамотности въ значительной мѣрѣ пособствовала тому обстоятельству, что на волостномъ сходѣ 20 юября 1895 года состоялись слѣдующія постановленія: 1-е: просить ѣздное земское собраніе ходатайствовать объ открытіи безплатной на-одной библіотеки при Митинскомъ волостномъ правленіи; 2-е: хода-айствовать предъ земскимъ собраніемъ объ ассигнованіи необходи-ой суммы для первоначальнаго обзаведенія библіотеки книгами и о инятіи на счетъ земства расхода на пополненіе библіотеки книгами въ будущемъ.

Съ своей стороны волостной сходъ, отводя помѣщеніе въ зданіи олостного правленія съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, ассигновалъ по 0 руб. ежегодно на содержаніе библіотеки. Вскорѣ послѣ этого, а менно 20 Марта 1896 года, Московскій Комитетъ грамотности из-ѣстилъ волостное правленіе, что, имѣя въ своемъ распоряженіи 0.000 рублей на устройство народныхъ читаленъ, онъ можетъ вы-слать книгъ, если волость желаетъ устроить народную библіотеку-итальню на основаніи правилъ Комитета о высылкѣ книгъ во вновь учреждаемыя читальни и съ своей стороны ассигнуетъ сколько-нибудь на устройство и содержаніе библіотеки,

Въ отвѣтъ на извѣщеніе—волостного правленія о состоявшемся постановленіи волостного схода—Московское Общество грамотности увѣдомило 2 іюля 1896 года, что по полученіи разрѣшенія на откры-тіе безплатной волостной библіотеки, имъ будетъ выслано книгъ на сум-му 100 руб., не считая переплетовъ.

Въ результатѣ возникшихъ по этому поводу ходатайствъ было то, что въ мартѣ 1897 года, открытіе библіотеки было разрѣшено; въ апрѣлѣ отъ Общества грамотности получена была библіотека, со-стоящая изъ 270 названій и 324 томовъ и брошюръ на сумму 101 руб. 39 коп., „кромѣ того, въ библіотеку были пожертвованы раз-ными лицами книги, состоящія изъ 75 названій и 79 томовъ и бро-шюръ“, затѣмъ на полученныя отъ Губернскаго Земства 100 руб. пріобрѣтено было у букинистовъ 109 томовъ на номинальную сумму въ

147 руб. 7 коп.; наконецъ на 30 руб., составившихся отъ 3-хъ лѣтнихъ ассигнованій волостного схода, пріобрѣтено было еще 20 томовъ. Такъ образовалась библіотека изъ 398 названій и 532 томовъ, стоимость, которой опредѣляется въ 302 руб. 60½ коп. „Дѣятельность библіотеки, читаемъ мы въ уже цитированномъ отчетѣ, началась вскорѣ-же по полученіи книгъ изъ Общества грамотности и составленія надлежащаго каталога; по 20-е сентября сего года, библіотекой пользовались 92 читателя, которыми было прочитано 625 томовъ и брошюръ несмотря на то, что значительная часть отчетнаго періода пришлась но лѣто, когда населеніе обыкновенно читаетъ мало. При этомъ надо замѣтить, что на самомъ дѣлѣ библіотекой пользовалось большее число лицъ нежели то, которое показано выше, такъ какъ нѣкоторыя книги, попавъ въ селеніе, прочитывались тамъ не только читателями взявшими книги изъ библіотеки, но и другими лицами. Такое явленіе наблюдалось въ селѣ Сабуровѣ, деревняхъ—Митинѣ, Голыгинѣ и Алферьевѣ. Кромѣ того наблюдалось нѣсколько случаевъ чтенія взятыхъ въ библіотекѣ книгъ на улицахъ селеній въ присутствіи нѣсколькихъ слушателей“.

Затѣмъ далѣе отчетъ этотъ замѣчаетъ, что пока еще дѣлать какія либо заключенія на основаніи представляемыхъ имъ данныхъ едва-ли возможно, такъ какъ на отчетный 5-ти мѣсячный періодъ существованія библіотеки, пришлось три мѣсяца—іюнь, іюль и августъ, въ теченіе которыхъ читателей было крайне мало, при чемъ, кромѣ этого надо принять во вниманіе, что на средства Губернскаго Земства и волости книги пріобрѣтены были довольно поздно, а нѣкоторыя не были еще получены и ко времени составленія отчета.

Обращаясь все-таки къ тѣмъ указаніямъ, которыя даетъ отчетъ о книгахъ наиболѣе читаемыхъ, находимъ, что изъ отдѣла книгъ духовно-нравственнаго содержанія чаще другихъ спрашивались: „Училище благочестія“, „Житія святыхъ„ Бахметевой и „Жизнь Христа“ Пуциковича; по исторіи—„Разсказы старушки о 12 годѣ“ Толычевой и „Родная старина“ Сиповскаго; по географіи и естественной исторіи—„Разсказы о великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы“ Рубакина, „У рабочихъ людей“ и „Среди природы“ Острогорскаго и „Россія“ Меча; наконецъ изъ отдѣла книгъ беллетристическаго содержанія наибольшимъ спросомъ пользовались: сказки Жуковскаго, повѣсти Пушкина, „Князь Серебряный“ А. Толстого, „Басурманъ“ Лажечникова, „Сигналъ“ Гаршина, разсказы—Погосскаго, повѣсти Григоровича, „Книга былинъ“ Авенаріуса и „Изъ міра великихъ преданій“ Острогорскаго.

Богородская народная библіотека-читальня устроена на средства, ассигнованныя уѣзднымъ и губернскимъ земствами въ размѣрѣ 300 руб., на которые было пріобрѣтено 708 томовъ; затѣмъ, сверхъ 10%

видки съ номинальной стоимости этихъ книгъ, сдѣланной при покупкѣ ихъ въ книжномъ складѣ г. Муриновой, этою послѣднею выдано было Богородской библіотекѣ безплатно 100 томовъ, на сумму въ 111 руб., такимъ образомъ образовалась библіотека, состоящая болѣе чѣмъ изъ 800 томовъ на сумму—по номинальной стоимости въ 465 рублей.

Что касается затѣмъ до характера дѣятельности этой библіотеки, то, пользуясь докладомъ уѣздной управы, находимъ, что—„тѣ наблюденія которыя имѣются за $1^1/_2$ мѣсяца ея существованія, не противорѣчатъ тому, что извѣстно относительно народныхъ библіотекъ въ другихъ мѣстностяхъ: книги читаются жадно, возвращаются аккуратно, число читателей и ихъ требованія съ каждымъ днемъ увеличиваются, „листовки“ пользуются большимъ презрѣніемъ и спрашиваются преимущественныя толстыя книги, читается почти исключительно беллетристика, хотя теперь все чаще слышится требованіе на путешествія, божественное, противъ табаку, противъ пьянства и т. д.“

Изъ числа 288 пользовавшихся библіотекою читателей, по наблюденію лица завѣдующаго читальнею—лучшими оказались фабричные и рабочіе,—„а изъ нихъ наиболѣе толковыми—бывшіе ученики сельскихъ школъ: книжку они прочитываютъ отъ доски до доски, съ предисловіемъ и замѣчаніями; писателей, которыя имъ нравятся, называютъ по имени и отчеству, не прочь взять очень серьезное сочиненіе и никогда не спрашиваютъ ни подробнаго описанія антихриста, ни романца съ отравой“. То, что уже теперь есть книги любимыя, и нелюбимыя, служитъ доказательствомъ того, что ихъ не только берутъ, но и читаютъ. Князь Серебряный, Саардамскій плотникъ, Ломоносовъ, Наталья Долгорукова, разъ сошедши съ полки, еще ни разу на нее не возвращались“.

Представимъ, наконецъ, нѣкоторыя свѣдѣнія о дѣятельности Измайловской народной библіотеки-читальни, заимствуемыя нами изъ соотвѣтствующаго прошлогодняго доклада Московской уѣздной земской управы. Изъ доклада того видно, что „въ теченіе года читальня была открыта для публики 237 дней. По праздникамъ читальня была открыта съ 2 часовъ пополудни до 6 часовъ вечера, въ будни—отъ 6 до 8 часовъ вечера. За указанный періодъ времени читальню посѣтили 32 человѣка, въ томъ числѣ 98 мужчинъ и 34 женщины. Всѣхъ посѣщеній было 1.635; изъ нихъ на долю мужчинъ падаетъ 1.248, на долю женщинъ—387. Посѣтителями читальни брались на прочтеніе исключительно журналы и газеты“,—при чемъ изъ числа всѣхъ изъ нихъ, которые обращались въ читальнѣ въ теченіе всего года—„Московскій Листокъ“ требовался 185 разъ, „Нива“ 153 раза, „Всемірная Иллюстрація“—114 разъ и „Московскія Вѣдомости“ 76 разъ.

„Читальня,—„говорится далѣе въ этомъ докладѣ,—больше всего посѣщалась осенью и зимою, какъ болѣе всего свободное отъ работы время. По мѣсяцамъ число посѣщеній распредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

Октябрь.....	146	Апрѣль.....	118
Ноябрь.....	236	Май.....	107
Декабрь.....	186	Іюнь.....	95
Январь.....	239	Іюль.....	64
Февраль.....	204	Августъ.....	46
Мартъ.....	144	Сентябрь.....	50

Для чтенія на-дому, какъ это видно изъ того-же доклада, взято было 6.800 книгъ—„Книги брали 329 человѣкъ—215 мужчинъ и 114 женщинъ. Самое большое число читателей дали два возраста: отъ 15 до 20 лѣтъ—164 человѣка и отъ 20 до 30 лѣтъ—87 человѣкъ," самое же меньшее число читателей составляли лица въ возрастѣ 40 лѣтъ.

Наибольшею популярностью пользовались „Хижина дяди Тома"; затѣмъ слѣдующія по силѣ спроса мѣста занимаютъ: „Принцъ и нищій" Твэна, „Робинзонъ Крузо," „Князь Серебряный", житія святыхъ, „Дочь египетскаго царя" Эберса, сочиненія Достоевскаго, Толстого, Данилевскаго и проч.

Въ заключеніи своего доклада управа—на основаніи изложенныхъ ею данныхъ—дѣлаетъ заключеніе, что—„Измайловская народная библіотека-читальня своею дѣятельностью несомнѣнно оказываетъ огромную услугу въ дѣлѣ умственно-нравственнаго воспитанія населенія."

Можно ожидать, что такой-же результатъ будетъ имѣть дѣятельность и остальныхъ библіотекъ-читаленъ, которыя такимъ образомъ оправдаютъ возлагаемыя на нихъ надежды; а что надежды эти дѣйствительно существуютъ,—показываютъ тѣ факты, которыми сопровождалось устройство названныхъ выше библіотекъ и которые свидѣтельствуютъ о томъ, какъ отнеслось къ устройству народныхъ библіотекъ и окружающее населеніе и частныя лица. Пожертвованіе со стороны этихъ послѣднихъ при учрежденіи такихъ библіотекъ составляютъ обычное явленіе. Такъ напримѣръ послѣдняя изъ названныхъ библіотекъ—Измайловская, учрежденная, какъ и Митинская, по иниціативѣ Комитета грамотности, была устроена на совмѣстныя средства—земства и попечителя мѣстнаго училища И. В. Бутюгина. Въ Клинскомъ уѣздѣ 13 марта прошлаго года—въ засѣданіи экстренной сессіи земскаго собранія, на которомъ разсматривался вопросъ объ устройствѣ народныхъ библіотекъ въ Соголевской, Селинской и Спасъ-Нудольской волостяхъ,—

восемью гласными тутъ-же внесено было на устройство этихъ библіотекъ 240 рублей. Кромѣ того, волостные писаря, согласившіеся завѣдывать упомянутыми библіотеками, отказались отъ вознагражденія за завѣдываніе и выразили желаніе, чтобы суммы, назначенныя имъ въ вознагражденіе, были употреблены на пріобрѣтеніе книгъ для этихъ библіотекъ; наконецъ, мѣстныя крестьянскія общества приняли на свой счетъ устройство библіотечныхъ шкафовъ.

Въ Московскомъ уѣздѣ, какъ это видно изъ представленнаго собранію 1897 года доклада управы „о школьныхъ и народныхъ библіотекахъ",—„на расходы по пріобрѣтенію книгъ какъ Красковская, такъ и Мытищенская библіотеки имѣли спеціальныя средства, собранныя учительницей Красковскаго училища М. К. Черногубовой и врачемъ Мытищенской лѣчебницы Д. И. Орловымъ". Затѣмъ въ 1897 году „ходатайства объ открытіи народныхъ библіотекъ при земскихъ училищахъ вмѣстѣ съ денежными взносами поступили отъ преподавателей училищъ: Царицынскаго, Всѣхсвятскаго, Черкизовскаго—подмосковнаго, Алексѣевскаго, отъ общества дер. Сухаревой Марьинской волости и отъ И. И. Шаховскаго. *Представленныя преподавателями суммы были собраны ими среди мѣстнаго населенія.* Такъ, учителемъ Царицынскаго училища И. Ѳ. Шухвастовымъ представлено 350 р., полученные имъ отъ потомств. гражд. Е. И. Купріяновой: учительницей Алексѣевскаго училища М. М. Завьяловой внесено 153 руб.; учительницей Черкизовскаго подмосковнаго училища А. А. Соловьевой—55 руб.; отъ учительницы Всѣхсвятскаго училища Е. С. Никольской поступило 160 р. 80 к., полученные ею отъ попечителя училища И. Е. Бѣлишева и другихъ лицъ; общество крестьянъ дер. Сухаревой приговоромъ отъ 28 января ходатайствуя объ устройствѣ народной библіотеки, обязывается выдавать на содержаніе ея изъ общественныхъ суммъ по 10 руб. ежегодно; отъ учителя г. Голубева на библіотеку при Сухаревскомъ училищѣ поступило 30 руб.; отъ учительницы г-жи Черногубовой на пополненіе народной библіотеки — 264 руб. 19 коп., и отъ г. Шаховскаго на библіотеку при Зенинскомъ училищѣ—30 руб." Пожертвованія на устройство народныхъ библіотекъ представляются здѣсь уже настолько нормальнымъ явленіемъ, что при рѣшеніи вопроса объ учрежденіи такого рода библіотекъ земство нашло возможнымъ держаться принципа, что оно—„принимаетъ на себя устройство и завѣдываніе народными библіотеками при школахъ въ тѣхъ случаяхъ, когда потребность въ таковыхъ мѣстнаго населенія выразится въ денежныхъ взносахъ."

Въ какой степени и въ чемъ именно выразилось участіе частныхъ лицъ и сельскихъ обществъ при устройствѣ народныхъ библіотекъ въ

другихъ уѣздахъ—намъ неизвѣстно[1]); во всякомъ случаѣ—нельзя думать, чтобы уѣзды Московскій, Клинскій и Дмитровскій явились въ данномъ отношеніи исключительными. А если это такъ, то съ увѣренностью можно высказать предположеніе, что число народныхъ библіотекъ, учрежденіе которыхъ вызываетъ всеобщее сочувствіе, будетъ все болѣе увеличиваться и недалеко, можетъ быть, уже то время, когда въ Московской губерніи возникнетъ вопросъ о сѣти библіотекъ и когда такимъ образомъ будетъ прибавлено еще одно немаловажное условіе, необходимое для того, чтобы понятіе „всеобщаго обученія“ осуществленіе, котораго въ предѣлахъ губерніи составляетъ теперь задачу Московскаго земства,—было неразрывно связано съ понятіемъ о всеобщемъ образованіи.

III.

Переходя къ разсмотрѣнію данныхъ объ ученическихъ библіотекахъ, замѣтимъ, какъ объ этомъ уже говорилось выше, что нѣкоторыя свѣдѣнія по вопросу о постановкѣ школьно-библіотечнаго дѣла были представлены въ 1894 году, а затѣмъ съ нѣкоторыми дополненіями изложены были въ первомъ выпускѣ «Вопросовъ народнаго образованія“, и вотъ почему, во избѣжаніе повтореній, мы не будемъ теперь говорить о томъ, насколько богаты библіотеками отдѣльные уѣзды, какая въ этомъ отношеніи замѣчается между ними разница и т. д., такъ какъ все это уже было разсмотрѣно ранѣе. Будемъ говорить о губерніи во всемъ ея цѣломъ и при этомъ обратимъ особое вниманіе на тѣ стороны постановки библіотечнаго дѣла, которыхъ до этого не касался или только поверхностно касался матеріалъ, собираемый по менѣе широкой программѣ чѣмъ тотъ, который имѣется въ настоящее время.

---

[1]) Какъ видно изъ доклада Московской губернской земской управы «по вопросамъ народнаго образованія» за 1897 годъ—въ этомъ послѣднемъ году—на устройство народной библіотеки въ с. Вяземахъ Звенигородскаго уѣзда при корзиночной учебной мастерской губернскаго земства пожертвовано С. Т. Морозовымъ 150 рублей. Затѣмъ—«20 марта 1897 г. въ губернскую управу доставлены были присяжнымъ повѣреннымъ Д. Н. Доброхотовымъ 157 руб. 75 коп. при заявленіи, въ которомъ г. Доброхотовъ указалъ, что деньги эти, собранныя на обѣдѣ въ память 19 февраля 1861 года, было-бы желательно употребить на устройство библіотеки или читальни «въ наиболѣе отдаленномъ и глухомъ мѣстѣ Московской губерніи по усмотрѣнію управы»;—согласно такому пожеланію устройство такой библіотеки-читальни намѣчено въ с. Серединѣ Волоколамскаго уѣзда. Отмѣтимъ здѣсь наконецъ еще, что чествованіе 25-лѣтней общественной дѣятельности земскаго статистика И. П. Боголѣпова, происходившее въ декабрѣ 1897 года, также ознаменовано было сборомъ пожертвованій на устройство народной библіотеки, при чемъ собранная сумма (со стоимостію пожертвованныхъ книгъ—болѣе 700 руб.) вручена была И. П. Боголѣпову съ просьбою избрать мѣсто этой библіотеки и употребить на нее собранную сумму по его усмотрѣнію. (Такая библіотека имѣетъ быть устроенною въ Серпуховскомъ уѣздѣ).

Но прежде чѣмъ обращаться къ изложенію полученныхъ по интересующему насъ предмету свѣдѣній, представимъ небольшую справку относительно времени возникновенія и силы распространенія ученическихъ библіотекъ.

Ученическія библіотеки при земскихъ школахъ Московской губерніи стали учреждаться лишь лѣтъ черезъ десять послѣ возникновенія земскихъ школъ, при чемъ устройство такихъ библіотекъ стало развиваться особенно замѣтно съ тѣхъ поръ, какъ въ дѣлѣ ихъ учрежденія стало принимать участіе губернское земство. [1])

Вопросъ о такомъ участіи поставленъ былъ въ губернскомъ земскомъ собраніи въ первый разъ въ декабрѣ 1878 года, когда вслѣдствіе предложенія А. А. Оленина: „ассигновать на устройство библіотекъ при училищахъ до 13.000 руб., изъ нихъ 10.000 руб. на библіотеки для учениковъ и 3.000 руб. на библіотеки для учителей, и могущіе образоваться отъ ассигновки этой суммы остатки не причислять къ общимъ остаткамъ, а употребить на пріобрѣтеніе болѣе цѣнныхъ сочиненій“,—собраніе постановило: „не приступать немедленно къ обсужденію этого вопроса, а предварительно разработать его; признать разработку этого вопроса необходимою и поручить ее управѣ, прося ее, снесясь съ уѣздными земствами, представить докладъ къ будущему собранію“.

Въ слѣдующемъ году по вопросу о выдачѣ пособій на устройство библіотекъ при училищахъ—собраніемъ утверждены были правила, которыми между прочимъ опредѣлялось, что въ расходахъ по пріобрѣтенію книгъ для школьныхъ библіотекъ губернское земство участвуетъ въ той же суммѣ какъ и уѣздное, но не свыше 25 руб. на каждую отдѣльную школу.

Такое рѣшеніе даннаго вопроса, какъ сказано, сильно подвинуло впередъ дѣло устройства пришкольныхъ библіотекъ и черезъ четыре года число школъ, обезпеченныхъ ученическими библіотеками равнялось 129 изъ 429, т. е. 30%, еще черезъ десять лѣтъ, т. е. въ $189^2/_3$ учебномъ году,—библіотеки имѣлись при 77% всѣхъ земскихъ школъ (402 изъ 525), наконецъ въ $189^6/_7$ учебномъ году библіотеками располагали 544 школы изъ 613, т. е. 89% общаго числа ихъ.

Опредѣляя затѣмъ величину расходовъ, которые вызываются устройствомъ новыхъ библіотекъ и пользуясь для этого тѣми свѣдѣніями, которыя сообщили уѣздныя управы о расходахъ на этотъ предметъ какъ своихъ, такъ и губернскаго земства, найдемъ, что на устройство 51 библіотеки, учрежденныхъ въ 1895 и 1896 годахъ въ

[1]) См. «Сборн. стат. свѣд. по Московск. губ.» т. IX стр. 141—142.

10 уѣздахъ губерніи — за исключеніемъ Можайскаго, Московскаго и Рузскаго, [1])—издержано было 3493 руб. 81 коп., т. е. что устройство одной библіотеки — въ среднемъ—вызывало расходъ въ $68^1/_2$ рублей.

Расходы на пополненіе библіотекъ за эти же два года произведены были въ пяти уѣздахъ, при чемъ издержано было почти 2.170 рублей. Въ остальныхъ уѣздахъ, какъ объ этомъ можно судить на основаніи сообщеній уѣздныхъ управъ, такого рода расходовъ за указанные два года не производилось, изъ чего можно заключить, что пополненіе ученическихъ библіотекъ совершается не часто и не вызываетъ особо значительныхъ расходовъ.

Такое заключеніе вполнѣ подтверждается отзывами преподавателей и особенно преподавателей изъ уѣздовъ Рузскаго, Серпуховскаго и Коломенскаго, гдѣ нерѣдко встрѣчаются школы, библіотеки которыхъ не пополнялись по пяти и даже болѣе лѣтъ.

Пользуясь помѣщенною въ приложеніи таблицею и полагая, что сколько-нибудь удовлетворительною можетъ считаться такая школьная библіотека, которая содержитъ въ себѣ не менѣе 200 книгъ,—найдемъ, что болѣе или менѣе удовлетворительными библіотеками, если судить по даннымъ $189^6/_7$ учебнаго года,—могутъ быть признаны только 182 изъ 544, т. е. только третья часть ихъ; что же касается до остальныхъ библіотекъ, то большинство ихъ—272—имѣли отъ 101 до 200 книгъ и 90 библіотекъ располагало книгами въ числѣ не превышающемъ 100 экземпляровъ. Вообще же всѣ эти библіотеки располагали болѣе, чѣмъ 100.000 книгъ, при чемъ въ среднемъ на библіотеку приходилось 185 книгъ. Выясняя затѣмъ, какъ распредѣлялись всѣ эти книги по своему содержанію, найдемъ, что въ тѣхъ библіотекахъ, относительно которыхъ такого рода свѣдѣнія были доставлены,—

26%	составляли	книги духовно-нравств. содержанія
39%	„	„ беллетристическаго содержанія
15%	„	„ по исторіи
6%	„	„ по географіи и этнографіи
5%	„	„ естеств.-историч. содержанія
4,5%	„	„ по сельск.-хоз. и огородничеству
4%	„	„ по другимъ научнымъ отдѣламъ
0,5%	„	„ справочнаго характера.

Этотъ характеръ распредѣленія библіотечныхъ книгъ въ общихъ

---

[1]) Въ Рузскомъ уѣздѣ въ 1896 году устроено было 7 библіотекъ, но у насъ нѣтъ свѣдѣній о расходахъ, вызванныхъ ихъ учрежденіемъ.

чертахъ удерживается и для отдѣльныхъ уѣздовъ, не представляя особенно рѣзкихъ отклоненій.

Приведенными данными исчерпываются почти всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя касаются состава и размѣровъ школьныхъ библіотекъ; теперь намъ слѣдовало бы перейти къ разсмотрѣнію условій ихъ дѣятельности, но прежде скажемъ нѣсколько словъ о той организаціи постановки школьно-библіотечнаго дѣла, которая принята теперь въ Московскомъ уѣздѣ, и которая не была еще введена въ то время, когда собирались разрабатываемыя теперь свѣдѣнія, полученныя отъ учителей и учительницъ въ серединѣ прошлаго года.

Вотъ что говорится по этому поводу въ соотвѣтствующемъ докладѣ управы—собранію 1897 года:

Въ виду того, что—«главное затрудненіе при устройствѣ новыхъ и при пополненіи существующихъ библіотекъ заключалось въ отсутствіи сколько-нибудь правильно составленнаго списка книгъ, пригодныхъ для школьныхъ библіотекъ»,—согласно порученію управы—«комиссіей изъ учителей и учительницъ земскихъ училищъ уѣзда былъ составленъ нормальный списокъ лучшихъ книгъ изъ числа одобренныхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Списокъ этотъ, заключающій въ себѣ до 650 названій книгъ, раздѣленъ на 5 меньшихъ списковъ, изъ коихъ каждый, взятый отдѣльно, представляетъ самостоятельное цѣлое, т. е. въ каждомъ изъ нихъ имѣются книги по всѣмъ главнымъ отдѣламъ библіотеки, но которыхъ не имѣется въ остальныхъ четырехъ спискахъ. На основаніи сихъ списковъ Управою въ этомъ году пріобрѣтено книгъ для пополненія 45 ученическихъ библіотекъ—по девяти библіотекъ по каждому списку—всего по номинальной стоимости на сумму 2646 р. 52 к. Приступая къ разсылкѣ книгъ, Управа предварительно пожелала въ подробности ознакомиться съ наличнымъ составомъ существующихъ школьныхъ библіотекъ. Съ этою цѣлью отъ преподавателей были затребованы списки книгъ для внѣкласснаго чтенія. Списки эти дали возможность Управѣ въ точности опредѣлить, какія школы наиболѣе всего нуждаются въ пополненіи библіотекъ и какими именно книгами. При разсылкѣ книгъ строго наблюдалось за тѣмъ, чтобы въ библіотеки не поподали книги уже имѣющіяся, а вовторыхъ—чтобы сосѣднія между собой училища не получили однѣхъ и тѣхъ же книгъ. Послѣднее дѣлалось въ тѣхъ видахъ, чтобы впослѣдствіи, когда книги будутъ прочтены въ одномъ училищѣ, они могли бы быть переданы для прочтенія въ другое, третье и т. д. сосѣднее училище. На изложенныхъ основаніяхъ Управою были пополнены 49 ученическихъ библіотекъ, при чемъ 5 библіотекъ—отъ 100 до 150 книгъ и 8 библіотекъ—отъ 150 до 162

книгъ каждая», при чемъ всего затрачено было на это пополненіе 2646 руб. 52 коп.

Нечего и говорить о томъ, какое важное значеніе въ дѣлѣ развитія народнаго образованія можетъ имѣть этотъ опытъ Московской уѣздной управы, особенно если къ изложенной мѣрѣ прибѣгнутъ и другія земства и такимъ образомъ при сравнительно небольшихъ затратахъ денежныхъ средствъ достигнутъ возможно широкаго обезпеченія школьниковъ, а частію и ближайшаго къ школѣ населенія, удовлетворительнымъ матеріаломъ для чтенія.

Разсмотримъ теперь имѣющіяся у насъ свѣдѣнія о функціонированіи школьныхъ библіотекъ.

Но прежде чѣмъ излагать здѣсь тѣ указанія, которыя по этому поводу получены отъ преподавателей, замѣтимъ, что забота о цѣлесообразной дѣятельности библіотекъ во всѣхъ уздахъ возложена на учителей и учительницъ, которые въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ въ значительномъ большинствѣ уѣздовъ, не связаны никакими обязательными требованіями. Правила по завѣдыванію училищными библіотеками имѣются лишь въ уѣздахъ Клинскомъ и Богородскомъ, но и тутъ они имѣютъ въ виду главнымъ образомъ побудить преподавателей возможно тщательнѣе слѣдить за сохранностью библіотечныхъ книгъ, при чемъ болѣе или менѣе регламентирующими пользованіе библіотеками могутъ быть признаны только слѣдующіе параграфы: въ правилахъ для Клинскихъ школъ—требованіе, указывающее, что—«ученики, получившіе книги для чтенія, должны возвратить ихъ обратно въ библіотеку по прошествіи *отъ трехъ до семи дней* и въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были получены»; въ правилахъ «по завѣдыванію училищными библіотеками» Богородскаго уѣзда—§ 15, согласно которому—«*болѣе одной книги заразъ никому не слѣдуетъ выдавать*, поэтому, если кто взялъ одну книгу, то другая можетъ быть выдана не прежде, какъ по возвращеніи первой».

Неизвѣстно,—въ какой мѣрѣ первое изъ приведенныхъ правилъ выполняется въ Клинскомъ уѣздѣ, но что касается до выписаннаго параграфа правилъ для Богородскихъ школъ,—то вѣроятнѣе всего, что оно выполняется только въ тѣхъ случаяхъ, когда требованіе это не особо противорѣчитъ интересамъ читателей, какъ объ этомъ можно думать, судя по слѣдующимъ указаніямъ учителей и учительницъ Богородскаго уѣзда:

«Книги выдаются ежедневно по окончаніи уроковъ—по одной книгѣ и только нѣкоторымъ (не ученикамъ), которымъ неудобно часто ходить для перемѣны,—дается по двѣ и по три книги».

«Выдаются книги по субботамъ и вообще наканунѣ праздниковъ. Ежедневно выдавать не приходится, такъ какъ населеніе занято рабо-

тами на фабрикахъ. По инструкціи полагается выдавать по одной книгѣ, но принимая во вниманіе малый объемъ большинства книгъ,— выдается по двѣ и по три книги».

«Книги выдаются по два раза въ недѣлю: въ субботу для учащихся и въ воскресенье—послѣ обѣдни—для неучащихся. Книги выдаются по одной каждому читающему; если же чтеніе происходитъ вслухъ (напримѣръ на заводѣ или на фабрикѣ),—то по двѣ и по три» и т. п.

Вообще регламентировать дѣло выдачи библіотечныхъ книгъ и вообще создавать для этого какія либо нормы едва-ли желательно, такъ какъ эта сторона дѣятельности школьныхъ библіотекъ, какъ объ этомъ можно судить по приведеннымъ и слѣдующимъ указаніямъ должна отвѣчать довольно разнообразными условіями; вотъ что, напримѣръ, пишутъ по этому поводу преподаватели:

«Книги выдаются одинъ разъ въ недѣлю; только *охотно читающимъ и болѣе развитымъ* выдаются по прочтеніи; выдается отъ одной до четырехъ книгъ».

«Выдаются книги преимущественно по субботамъ и въ другіе дни передъ праздниками (*для взрослаго населенія эти дни считаются особенно удобными, такъ какъ передъ праздниками раньше приканчиваются обычныя занятія и вечера наканунѣ праздниковъ нѣкоторыми членами семьи посвящаются чтенію);* школьникамъ выдаются книги преимущественно въ предпраздничные же дни. Читателямъ отпускается по одной—двѣ книги; между знакомыми и сосѣдями происходитъ обмѣнъ; заявляются требованія и на большее число книгъ, но въ большинствѣ случаевъ не удовлетворяются *за недостаткомъ ихъ*,—въ такихъ случаяхъ читатель охотно соглашается придти лишній разъ для обмѣна книгъ, чѣмъ лишить другого возможности получить книгу для чтенія. Школьникамъ выдается по двѣ, три и четыре книги (когда имѣются требуемыя), такъ какъ *большинство школьниковъ имѣетъ порученіе взять книгу для членовъ своей семьи или для сосѣдей».*

„Одинъ разъ въ недѣлю — не болѣе двухъ книгъ; больше я не даю, *такъ какъ количество непрочитанныхъ книгъ мало сравнительно съ числомъ читателей*“.

„Въ учебное время—учащимся и неучащимся—три раза въ недѣлю; лѣтомъ ежедневно; *ближнимъ*—по одной книгѣ, *дальнимъ*—по двѣ“.

„Книги выдаются одинъ разъ въ недѣлю; читатели могутъ брать по одной и по нѣсколько книгъ, *смотря по ихъ объему*“.

„Книги въ учебное время выдаются ежедневно, въ каникуляр-

ное—по субботамъ. *Учащіеся* берутъ по одной книгѣ, *посторонніе* же отъ одной до трехъ".

„Книги выдаются два раза въ недѣлю—по средамъ и субботамъ; выдаются по одному экземпляру *кромѣ святокъ, масляной и Пасхи*, когда выдается по нѣскольку".

„Ученикамъ средняго и младшаго отдѣленій книги выдаются большею частію по субботамъ; ученикамъ же старшаго отдѣленія не въ опредѣленное время, а разнообразно: иногда всѣмъ выдаются книги историческаго содержанія, одному, напримѣръ,—даю прочитать о Петрѣ Великомъ, другому — объ Екатеринѣ Великой; иногда даются всѣмъ книги изъ естественной исторіи, но прочитать не всю книгу (если это сборникъ), а отмѣченныя статьи,—съ условіемъ непремѣнно потомъ вкратцѣ разсказать въ классѣ. Напримѣръ—одному дается прочитать изъ „Солнышка"—объ огнедышащихъ горахъ, другому — изъ другой книги—о сѣверномъ сіяніи, третьему—объ устройствѣ термометра и т. д.; разсказъ дополняется и поправляется учителемъ; *такимъ образомъ къ концу года получается то, что ученики могутъ разсказать—откуда что добывается, изъ чего что сдѣлано безъ предметныхъ бесѣдъ*".

Это послѣднее указаніе говоритъ намъ о возможности такого случая, когда школьная библіотека является почти исключительно въ роли учебнаго пособія и притомъ такого, которое хотя отчасти позволяетъ восполнить недостатки, свойственные вообще теперешней школѣ и, какъ это указываетъ преподаватель, замѣняетъ собою предметныя бесѣды, или по крайней мѣрѣ дѣлаетъ менѣе чувствительнымъ ихъ отсутствіе. Такое значеніе библіотеки опредѣляетъ собою и условія пользованія ею учащимися. Что же касается до остальныхъ отзывовъ,—то они показываютъ, что организація выдачи книгъ изъ библіотекъ книгъ для чтенія обыкновенно опредѣляется самыми разнообразными условіями, а главнымъ образомъ — богатствомъ библіотекъ, интересомъ читателей, при чемъ не могутъ, конечно не отразиться особенности какъ бытовой, такъ и промысловой жизни населенія.

Такое заключеніе подтверждается между прочимъ и разсмотрѣніемъ того цифрового матеріала, который полученъ изъ тѣхъ школъ, гдѣ велись точныя записи и гдѣ выдача книгъ не была стѣснена ни заранѣе опредѣленными для этого днями, ни числомъ выдаваемыхъ книгъ.

Пользуясь данными такого рода по 112 школамъ (по другимъ школамъ такихъ свѣдѣній нѣтъ), находимъ, что въ среднемъ выводѣ—на одну библіотеку приходится 615 выдачъ за учебный годъ, не считая лѣтнихъ мѣсяцевъ, при очень значительныхъ отклоненіяхъ отъ этой средней по отдѣльнымъ случаямъ.

Выбирая далѣе изъ этого матеріала такія сообщенія, которыя говорятъ о числѣ требованій по отдѣльнымъ мѣсяцамъ, увидимъ, что въ среднемъ на одну изъ тѣхъ 40 школахъ, преподавателями которыхъ эти свѣдѣнія даны,—приходится слѣдующее число выдачъ:

Въ сентябрѣ	44
» октябрѣ	66
» ноябрѣ	95
» декабрѣ	84
» январѣ	81
» февралѣ	82
» мартѣ	99
» апрѣлѣ	41
» маѣ	32

За остальные мѣсяцы мы не приводимъ такого рода данныхъ потому, что лѣтомъ функціонировали только немногія изъ указаннаго числа пришкольныхъ библіотекъ

Изъ приведенной таблички видно, что мѣсяцами наибольшей читаемости являются мѣсяцы зимніе и примыкающіе къ нимъ. — изъ осеннихъ—ноябрь и изъ весеннихъ—мартъ. Если при этомъ припомнить, что тѣ мѣсяцы (ноябрь и мартъ), которые даютъ наибольшее число читателей,—являются мѣсяцами наиболѣе чтимыхъ постовъ, то само собою возникнетъ предположеніе, не увеличивается ли въ эти мѣсяцы контингентъ читателей лицами, ищущими, соотвѣтственно данному времени,—чтенія «душеполезнаго», т. е. книгъ духовно-нравственнаго содержанія?

Что такое предположеніе имѣетъ основаніе;—видно изъ того, что изъ тѣхъ 299 преподавателей, которые дали отвѣтъ на вопросъ программы: «нѣтъ ли разницы въ характерѣ книгъ, требуемыхъ въ разное время года» и т. д.,—229 т. е. 77% общаго числа ихъ указали, что на характерѣ спроса замѣтно отражается вліяніе поставъ, когда сравнительно чаще требуются сочиненія духовно-нравственнаго содержанія.

Лѣтомъ большинство школьныхъ библіотекъ (судя по сообщеніямъ—$^2/_3$ ихъ) перестаютъ функціонировать вовсе, причемъ нерѣдко книги не спрашиваются даже тогда, когда, учитель живетъ все лѣто при школѣ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда книги требуются и лѣтомъ, число такихъ требованій очень сильно сокращается. Вотъ что пишутъ по этому поводу преподаватели:

„Весною и лѣтомъ читаютъ немногіе: оно и понятно: послѣ работъ не до чтенія, а дѣти — рады погулять; изъ 78 человѣкъ чита-

телей — лѣтомъ берутъ книги только человѣкъ 15, т. е. наиболѣе ревностные".

„Большинство требованій падаетъ на осенніе и зимніе мѣсяцы. Ученики обращаются и лѣтомъ, но только до уборки хлѣба требованій совсѣмъ не бываетъ, потому что ребенокъ въ это время является необходимымъ помощникомъ въ семьѣ родителей".

„Лѣтомъ ученики, окончившіе курсъ, требуютъ книги, но только по праздникамъ, такъ какъ въ будни всѣ заняты работою" и т. д.

И только относительно семи школьныхъ библіотекъ имѣются указанія, что дѣятельность ихъ за лѣтній періодъ не только не сокращается, но остается такою же или даже становится болѣе интензивною, при чемъ причиною такой особенности этихъ библіотекъ служатъ обыкновенно какія либо исключительныя условія; такъ напримѣръ въ одномъ случаѣ это объясняется тѣмъ, что лѣтними читателями являются главнымъ образомъ мальчики—сторожа садовъ, число которыхъ здѣсь довольно значительно, такъ какъ садоводство составляетъ почти исключительное занятіе мѣстнаго населенія, въ другомъ случаѣ—значительный приливъ читателей лѣтомъ обусловленъ тѣмъ, что школа находится въ дачной мѣстности и т. д.

Итакъ, повторяемъ, условія функціонированія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и условія выдачи библіотечныхъ книгъ опредѣляются самыми разнообразными причинами.

И вотъ почему доставленный 438 школами матеріалъ объ организаціи выдачи библіотечныхъ книгъ не даетъ возможности составить по этому предмету сколько-нибудь точныхъ характеристикъ, хотя и позволяетъ подмѣтить въ этомъ отношеніи нѣкоторые недостатки, изъ которыхъ важнѣйшимъ слѣдуетъ признать существующую въ нѣкоторыхъ школахъ излишнюю регламентацію такихъ выдачъ. Такъ—изъ 438 упомянутыхъ школъ въ 84 — книги выдаются, по словамъ самихъ преподавателей, по одному разу въ недѣлю (обыкновенно—въ заранѣе опредѣленный день) и по одной книгѣ—на читателя.

Чѣмъ именно объясняется необходимость такой опредѣленности—сказать трудно, такъ какъ вопросъ этотъ, къ сожалѣнію, не былъ предусмотрѣнъ при составленіи программы для собиранія свѣдѣній по библіотечному дѣлу. Можно, однако, предположить, что здѣсь мы имѣемъ дѣло или съ такими случаями, когда, благодаря дурному составу библіотеки, учителю приходится „заставлять" своихъ учениковъ брать по книгѣ хотя разъ въ недѣлю,—или же подобные случаи являются результатомъ боязни учителя за цѣлость и сохранность, порученнаго его надзору школьнаго имущества, или же наконецъ, можетъ быть, здѣсь имѣетъ мѣсто опасеніе нарушить своеобразно понятое предписаніе или требованіе „инструкціи", выполненіе которагo

однако не представляетъ никакихъ выгодъ учителю, обыкновенно заинтересованному, въ томъ, чтобы ученики читали какъ можно чаще и какъ можно больше.

Что же касается до другихъ, сравнительно рѣдко встрѣчаемыхъ недостатковъ и особенностей въ организаціи выдачи библіотечныхъ книгъ, то они сводятся или къ еще менѣе выгодному для читателей регламентированію такихъ выдачъ (въ одной изъ школъ, напримѣръ, книги выдаются учительницею одинъ разъ въ мѣсяцъ, причемъ ученикамъ предоставляется право обмѣниваться полученными книгами), или же опредѣляются, какъ въ одномъ изъ описанныхъ уже случаевъ,—особенностями взгляда преподавателей на значеніе и задачу школьныхъ библіотекъ.

Переходя къ разсмотрѣнію свѣдѣній о размѣрахъ пользованія *ученическими* библіотеками, скажемъ прежде всего, въ какой мѣрѣ этими библіотеками могутъ пользоваться и пользуются сами учащіеся? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ получено не мало отзывовъ преподавателей, указывающихъ, что ученическими библіотеками пользуются главнымъ образомъ ученики среднихъ и старшихъ отдѣленій, что же касается до учениковъ младшихъ отдѣленій, то они или не пользуются такими библіотеками вовсе, или же если и пользуются, то требованія ихъ далеко не удовлетворяются тѣми книгами, которыя обыкновенно имѣются въ школьныхъ библіотекахъ. Для характеристики такого положенія дѣла приводимъ слѣдующіе отзывы:

„Ученики младшаго отдѣленія за недостаткомъ подходящихъ книгъ библіотекою почти не пользуются; хотя со второй половины учебнаго года они вполнѣ могли бы пользоваться книгами для чтенія и всегда выражаютъ желаніе брать ихъ на-ряду съ учениками другихъ отдѣленій“.

„Библіотекою пользуются преимущественно старшее и среднее отдѣленія; въ концѣ же года даются книги и младшему отдѣленію, соотвѣтствующія ихъ возрасту и понятію; — но такихъ книгъ очень мало“.

„По преимуществу библіотекою пользуются два старшихъ отдѣленія, что объясняется выборомъ книгъ: по своему характеру онѣ болѣе подходящи для старшаго возраста. Слѣдовало бы имѣть книги для младшихъ дѣтей“.

„Изъ учащихся пользуются всѣ ученики старшаго отдѣленія и средняго, а изъ младшихъ—только нѣкоторые, потому что для нихъ и слогъ бываетъ труденъ, или смыслъ непонятенъ“.

„Библіотекою пользуются всѣ учащіеся, но только младшее отдѣленіе начинаетъ со второй половины года, и то всѣ ученики этого

отдѣленія удовлетворяться не могутъ по недостатку книгъ для этого возраста, по содержанію и трудности изложенія".

„Ученикамъ младшаго отдѣленія книгъ не выдается по той причинѣ, что въ библіотекѣ не имѣется книжекъ такого содержанія, которое было бы доступно ихъ пониманію".

„Пользуются библіотекою только старшее и среднее отдѣленія, а для учениковъ младшаго отдѣленія нѣтъ книгъ, соотвѣтствующихъ ихъ развитію".

„Библіотекою пользуются только старшее и среднее отдѣленія, такъ какъ совершенно не имѣется книгъ, которыя были бы понятны и интересны для дѣтей младшаго отдѣленія",—и т. д.

Число подобнаго рода указаній,—изъ которыхъ приведена здѣсь очень небольшая часть,—такъ велико, что во всякомъ случаѣ не будетъ несправедливымъ заключеніе, что при устройствѣ—если не всѣхъ почти,—то значительнаго большинства школьныхъ библіотекъ,—не были приняты во вниманіе интересы всѣхъ учащихся, а только лишь учениковъ средняго и старшаго отдѣленій, а также быть можетъ, интересы тѣхъ читателей не учениковъ, запросу которыхъ также должны удовлетворять въ настоящее время школьныя библіотеки.

До какой степени это послѣднее соображеніе при устройствѣ школьной библіотеки можетъ иногда доминировать надъ всѣми остальными показываетъ примѣръ существованія такихъ школьныхъ библіотекъ, подборъ книгъ которыхъ удовлетворяетъ запросу учениковъ только одного старшаго отдѣленія и вообще читателей развитыхъ болѣе чѣмъ ученики средняго, а тѣмъ болѣе младшаго отдѣленія, которые поэтому такими библіотеками и не пользуются. Правда, что подобныхъ библіотекъ въ губерніи, повидимому, очень немного (судя по отзывамъ учителей 13 изъ 431), но уже самый фактъ ихъ существованія показываетъ, какимъ широкимъ требованіямъ приходится удовлетворять современной школьной библіотекѣ и какъ трудно ихъ выполнить при тѣхъ средствахъ, которыми въ большинствѣ случаевъ она располагаетъ.

Отмѣчая неправильность такой постановки библіотечнаго дѣла, нельзя не высказать пожеланія, чтобы существующія школьныя библіотеки удовлетворяя требованіямъ болѣе развитыхъ читателей, были насколько возможно расширены и обезпечены такимъ подборомъ книгъ, которыя съ интересомъ могли бы читаться, какъ учениками средняго, такъ и младшаго отдѣленій.

Дать обильный и удовлетворительный по качеству матеріалъ для чтенія именно въ этихъ отдѣленіяхъ важно уже не только потому, что большинство учениковъ заканчиваетъ свое образованіе именно этими отдѣленіями, но также и въ виду того соображенія, что дѣло

развитія въ ребенкѣ любознательности и привычки искать въ книгѣ удовлетворенія своихъ умственныхъ потребностей—необходимо начинать съ первой же ступени обученія.

Основная задача школьной библіотеки, казалось-бы, должна заключаться въ томъ, чтобы дать ученику такой матеріалъ для самостоятельнаго чтенія, который восполнялъ бы образовательное вліяніе школы и побуждалъ читателя идти въ дѣлѣ интеллектуальнаго развитія дальше въ томъ направленіи, которое намѣчается школою.

А между тѣмъ приведенные примѣры ясно свидѣтельствуютъ, что современная школьная практика не мало представляетъ случаевъ, когда школьная библіотека не отвѣчаетъ требованіямъ большинства школьниковъ и является, слѣдовательно, въ роли особаго учрежденія, только внѣшнимъ образомъ связаннаго со школою и школьнымъ обученіемъ. Но если это такъ, то представляется интереснымъ выяснить, насколько же такое явленіе обычно и выражается ли въ чемъ-либо связь школьнаго обученія и библіотечной дѣятельности.

Въ отвѣтъ на данный вопросъ получено не мало отзывовъ преподавателей, хотя къ сожалѣнію характеръ этихъ отзывовъ таковъ, что рисуетъ существующую дѣйствительность далеко не радужными чертами. Но не будемъ ихъ замалчивать и приведемъ и эти отзывы преподавателей.

Выше былъ уже приведенъ примѣръ, изъ котораго видно, что въ современной школьной практикѣ могутъ быть случаи, когда не школьное обученіе является основаніемъ для внѣкласснаго чтенія, а наоборотъ—это послѣднее является вспомогательнымъ средствомъ при преподаваніи. А вотъ что говорятъ другіе отзывы:

„Цѣль школьной библіотеки заключается въ томъ, чтобы дать возможность въ связи и одновременно съ обученіемъ въ классѣ—воспользоваться (при помощи внѣкласснаго чтенія) широкимъ матеріаломъ, который должна представлять каждая школьная библіотека... Нужно однако замѣтить, что программныя требованія обученія заставляютъ строго держаться указанныхъ рамокъ, а потому внѣклассное время употребляется все на выполненіе того же сухого матеріала“.

„Программа нашихъ школъ вовсе не имѣетъ въ виду пріученіе къ чтенію книгъ учащимися, а потому и учащіе, въ погонѣ за выполненіемъ программныхъ требованій, почти совсѣмъ выпускаютъ изъ виду введеніе учащихся въ міръ книгъ, развитіе любви къ чтенію и т. п.; потому-то и учащіеся, выйдя изъ школы, скоро ее забываютъ и такимъ образомъ до сихъ поръ не устанавливается связи между школой и народомъ: съ полученіемъ свидѣтельства—окончившій курсъ, не имѣя влеченія къ книгѣ,—порываетъ со школою, а иногда и съ книгою, всякую связь“.

„Что касается дѣтей,—то здѣсь много способствуетъ какъ сама постановка школьнаго дѣла, такъ и воздѣйствіе личности учителя. Несомнѣннымъ является фактъ, что дѣти, утомленныя механическимъ чтеніемъ уроковъ, хотя бы и правильнымъ въ техническомъ отношеніи, непроизводительною затратою времени надъ каллиграфіею,—дѣти эти уже не въ состояніи бываютъ читать дома и всякое поползновеніе къ дальнѣйшему развитію любознательности парализуется еще въ школѣ".

„За послѣднее время усилены требованія по правописанію и ариѳметикѣ, вслѣдствіе чего остается мало времени на объяснительное чтеніе, чѣмъ и объясняется отсутствіе охоты къ чтенію".

„Въ общемъ существующая постановка школьно-библіотечнаго дѣла не удовлетворяетъ потребностямъ его правильной организаціи, причиною чего служитъ кратвій—трехгодичный курсъ ученья, а главное—обширное требованіе программы по грамматикѣ, изученіе которой становится въ прямой ущербъ объяснительному чтенію, которое побуждаетъ учениковъ къ чтенію внѣ школы и служитъ фундаментомъ дальнѣйшаго ихъ развитія".

„Школа, обращая особенное вниманіе на изученіе грамматики и правописанія, оставляетъ мало времени на объяснительное чтеніе и такимъ образомъ не даетъ ученикамъ подготовки къ чтенію книгъ научнаго содержанія, отчего эти послѣднія и неохотно разбираются".

„Ученикамъ слишкомъ мало времени для чтенія дома книжекъ, такъ какъ они и дома учатъ уроки къ слѣдующему дню, и вотъ посему они читаютъ въ свободное время въ классѣ во время обѣда и т. п.".

„Чтобы пріохотить взрослое населеніе къ чтенію, полезно производить чтеніе въ школѣ съ туманными картинами; а чтобы воспитать любовь къ чтенію въ учащихся, необходимо имѣть такіе учебники для класснаго чтенія, за которые дѣти брались бы съ охотою, и при этомъ на экзаменахъ и ревизіяхъ главное вниманіе должно быть обращено на это послѣднее, т.-е. на чтеніе и передачу прочитаннаго своими словами, а не на безполезный и невмѣстимый въ сельской школѣ курсъ грамматики".

„Развитію читаемости среди взрослаго населенія могутъ содѣйствовать чтенія публичныя; среди школьниковъ—чтеніе въ классѣ. Выборъ учебниковъ, поэтому, несомнѣнно вліяетъ на развитіе читаемости. Книги Баранова, почти исключительно употребляемыя у насъ въ школахъ, благодаря трудности изложенія, по моему очень *вредно* вліяютъ на развитіе читаемости: *у ученика отбивается охота читать*". (Курсивы корресп.).

„Развитію читаемости мѣшаетъ,—по причинѣ недостатка времени

и неудовлетворительности учебниковъ,—слабая постановка объяснительнаго чтенія".

„Наши библіотеки при школахъ весьма не полны, составъ книгъ не подходящь для сельскаго населенія. Развитію читаемости среди школьниковъ и взрослаго населенія всего лучше помогло бы чтеніе книгъ учителемъ, но въ классѣ онъ стѣсненъ временемъ, котораго мало для прохожденія программы, а для чтенія взрослыхъ—мало книгъ, одобренныхъ и допущенныхъ къ чтенію".

„Вообще говоря у всѣхъ учащихся безъ различія пола и возраста замѣчается наклонность къ книжкамъ, въ которыхъ картинки получше да содержаніе позанятнѣе, т.-е. либо трогательное, либо забавное, и, наоборотъ,—холодное отношеніе къ книгамъ посерьезнѣе, которыхъ по малоразвитости и понять не могутъ. Малоразвитость же и недостатокъ серьезнаго вкуса происходятъ во-первыхъ оттого, что коротокъ курсъ школьнаго обученія, во-вторыхъ—отъ безпорядочности внѣкласснаго чтенія, а чтобы привести это послѣднее въ систему, нужно свободное время, котораго слишкомъ мало у учителя, а главное—разнообразная и богатая школьная библіотека, которая до настоящаго года была очень бѣдна и рѣдко пополнялась".

„Относительно лучшей постановки школьно-библіотечнаго дѣла могу замѣтить, что слѣдуетъ обратить вниманіе на развитіе въ дѣтяхъ сознанія читаемаго, а это достается путемъ частаго объяснительнаго чтенія, бесѣдъ и подчасъ—письменнаго изложенія прочитаннаго, что исполнить при существующей программѣ почти невозможно. Чтобы больше заинтересовать маленькихъ читателей, нужно отъ каждаго изъ нихъ требовать отчета о прочитанномъ, конечно—вкратцѣ; зная это требованіе, ученики никогда не отдаютъ не прочитанной книги и сообщаютъ о томъ, понравилась ли она имъ по содержанію или нѣтъ".

„Ученики мало читаютъ, потому-что не достаетъ имъ времени на это, благодаря обширной программѣ обученія въ школѣ".

„Школьникамъ даются книги только на Рождественскіе и Пасхальные праздники и въ лѣтнее время. Въ учебное время школьныя занятія отрываютъ учениковъ отъ чтенія. Чтобы пріохотить учениковъ къ самостоятельному чтенію по выходѣ изъ школы,—слѣдовало бы посредствомъ чтенія знакомить ихъ въ школѣ съ образцами отечественной литературы".

„Въ интересахъ развитія читаемости среди школьниковъ и среди взрослаго населенія, мнѣ кажется, нужно возможно чаще устраивать при школахъ чтенія съ фонаремъ или безъ фонаря и удѣлять болѣе времени на объяснительное чтеніе съ учениками, на ихъ развитіе, что невозможно при настоящемъ положеніи дѣлъ, когда по необходимости

приходится почти все время тратить на изученіе грамматики, на диктанть, разборъ, когда вообще на механизмъ удѣляется столько времени, что остается какой нибудь часъ въ недѣлю на объяснительное чтеніе".

„Масса времени, убиваемая въ школахъ на уроки правописанія и диктанты, могла бы быть удѣлена на чтеніе, что послужило бы только на пользу дѣла, правописаніе же, безъ повторенія, черезъ 2—3 года по окончаніи курса учившимися въ школѣ забывается".

„Отражаются очень сильно программныя требованія: если бы поменьше требовалось на экзаменѣ знаній грамматики, то больше можно было бы обратить вниманія на объяснительное чтеніе, на сообщеніе нѣкоторыхъ знаній по исторіи и географіи; дѣти были бы, конечно, развитѣе и больше-бы читали".

„Существующая библіотека для школьниковъ еще удовлетворительна, но жаль одно,—что очень часто только приходится отвлекать дѣтей отъ чтенія, чему причиною служатъ огромныя школьныя программныя требованія, на выполненіе которыхъ учителю волей-неволей приходится обращать вниманіе." и т. д.

Итакъ, всѣ эти отвѣты согласно указываютъ, что современное школьное обученіе не только не способствуетъ, но нерѣдко тормозитъ дѣло развитія внѣкласснаго чтенія и если не лишаетъ ученика совершенно образовательнаго вліянія со стороны самостоятельнаго чтенія, то во всякомъ случаѣ мѣшаетъ проявиться этому вліянію съ желательною силою.

Таковъ характеръ приведенныхъ отзывовъ, составляющихъ значительное большинство всѣхъ отвѣтовъ, полученныхъ по данному вопросу. Однако если принять во вниманіе, что отвѣтовъ на настоящій вопросъ вообще получено немного, то самъ собою возникнетъ вопросъ,—можетъ ли та картина, которую даетъ хотя и большинство отвѣтовъ, но все-же далеко не большинство всѣхъ преподавателей,—можно ли ее признать типическою вообще, не рискуя впасть въ преувеличеніе? И не лучше ли по этому на основаніи приведенныхъ данныхъ сдѣлать болѣе осторожное заключеніе;—а именно: полагая, что представленныя замѣчанія сообщены преподавателями не исключительно только такихъ школъ, которыя почему-либо находятся въ особыхъ, не обычныхъ условіяхъ и въ виду того, что отзывы эти заставляютъ предположить существованіе нѣкоторыхъ ненормальныхъ условій вообще въ постановкѣ школьнаго дѣла (объ этомъ уже приходилось говорить ранѣе),—можно по меньшей мѣрѣ заключить, что условія настоящаго школьнаго обученія вообще таковы, что внѣшкольное чтеніе является совершенно обособленнымъ и по своему характеру и направленію очень мало связаннымъ съ предметами школьнаго обученія.

А между тѣмъ связь преподаванія и внѣшкольнаго чтенія должна бы представляться настолько естественною, что условія, при которыхъ такая связь отсутствуетъ безъ сомнѣнія едва ли можно признать нормальными. Въ самомъ дѣлѣ, по словамъ одной изъ учительницъ—„каждый учитель можетъ привести не мало примѣровъ, показывающихъ, что интересъ учениковъ и ихъ выборъ книгъ для чтенія могутъ быть направлены то въ ту, то въ другую сторону подъ вліяніемъ объяснительнаго чтенія, бесѣдъ учителя и т. д. Такъ напримѣръ въ первый годъ своей службы, читаемъ мы далѣе въ цитируемомъ отзывѣ учительницы,—я довольно много вниманія посвятила чтенію историческаго отдѣла III кн. Баранова «Наше родное», наполненному преимущественно описаніями войнъ, и скоро замѣтила среди учениковъ старшаго отдѣленія развитіе интереса къ чтенію «про войну»; когда стала знакомить учениковъ съ географіей Россіи и другихъ государствъ, давать свѣдѣнія по естественной исторіи, у учениковъ замѣтно развился интересъ къ соотвѣтственному чтенію. Объяснительное чтеніе и бесѣды оказываютъ вліяніе на повышеніе читаемости книгъ. Характеръ, придаваемый чтеніямъ учителя и школьному обученію отражается и на выборѣ книгъ».

Къ сожалѣнію, однако, случаи установленія такой крайне желательной связи школьнаго обученія съ внѣшкольнымъ чтеніемъ въ дѣйствительности повидимому очень рѣдки; такъ по крайней мѣрѣ можно думать, основываясь на имѣющемся матеріалѣ, въ которомъ, кромѣ только что приведеннаго, имѣются еще только пять отзывовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что школа вызываетъ развитіе самостоятельнаго чтенія.

Въ первомъ изъ этихъ отзывовъ, принадлежащемъ учителю, школа котораго находится повидимому въ нѣсколько исключительныхъ условіяхъ, говорится, что «съ тѣхъ поръ, какъ стали требовать по школамъ свѣдѣній изъ исторіи и географіи съ уменьшеніемъ грамматическихъ свѣдѣній,—больше читаются книги по исторіи и географіи».

Во второмъ и третьемъ отзывахъ вообще отмѣчается, что «программныя требованія обученія по примѣненію къ пониманію и толкованію смысла прочитаннаго, замѣтно отражаются на читателѣ въ благопріятную сторону».

Лицо, давшее четвертый отзывъ, указываетъ, что «школьники читаютъ помногу и очень успѣшно (?); читаемость между ними развита довольно порядочно; программныя требованія способствуютъ читаемости; способствуетъ читаемости также спросъ начальства во время ревизій».

Наконецъ пятый отзывъ хотя и позволяетъ сдѣлать заключеніе,

что и существующая постановка школьнаго дѣла допускаетъ возможностьт акихъ случаевъ, когда внѣклассное самостоятельное чтеніе развивается подъ вліяніемъ школьнаго преподаванія, но въ то же время отзывъ этотъ показываетъ, съ какимъ трудомъ такое вліяніе достигается.

Вотъ что читаемъ мы въ этомъ отзывѣ:

«Каждая школа должна ставить одной изъ своихъ задачъ развитіе въ своихъ ученикахъ способности къ самообразованію посредствомъ чтенія. Чтобы быть способнымъ продолжать свое развитіе, ученикъ долженъ полюбить чтеніе. Одно изъ лучшихъ средствъ возбудить такую любовь, это, по моему мнѣнію, чтеніе учителемъ вслухъ ученикамъ лучшихъ произведеній русскихъ и иностранныхъ авторовъ. Но для этого нужны хорошія книги, а главное—время. Къ сожалѣнію, наши школьныя библіотеки очень бѣдны (пишетъ учительница одной изъ школъ Дмитровскаго уѣзда), а лишняго времени совсѣмъ нѣтъ. При трехъ отдѣленіяхъ учитель едва-едва успѣваетъ пройти въ три года все положенное по программѣ, да и то для этого приходится прибавлять учебныхъ часовъ въ старшемъ отдѣленіи... Въ нынѣшнемъ учебномъ году я пользовалась каждой свободной минутой, чтобы прочитать что-нибудь ученикамъ: читала по пяти, по десяти минутъ. Ученики такими чтеніями очень интересовались, передавали содержаніе прочитаннаго дома своимъ роднымъ, брали читать на домъ тѣ книги, которыя я читала въ классѣ. Будучи заинтересованы сами, они заинтересовывали своихъ родныхъ и сосѣдей».

Полагая, что выводы, къ которымъ приводитъ это послѣднее сообщеніе, ясны сами собою, закончимъ этимъ отзывомъ изложеніе тѣхъ данныхъ, которыя говорятъ о пользованіи школьными библіотеками со стороны учащихся и перейдемъ къ разсмотрѣнію матеріала, указывающаго—насколько распространено пользованіе школьными библіотеками со стороны взрослаго населенія.

Выше уже отмѣчалось, что при организаціи школьныхъ библіотекъ принимаются во вниманіе и интересы болѣе развитыхъ читателей, притомъ не только учениковъ старшаго отдѣленія, но и другихъ лицъ изъ среды мѣстнаго взрослаго населенія. Примѣняться къ требованіямъ со стороны этого послѣдняго заставляетъ сознаніе той обездоленности въ книжномъ отношеніи нашего сельскаго населенія, которая побуждаетъ крестьянина идти за книжкою въ школу, что волей-неволей возводитъ школьную библіотеку въ степень библіотеки народной.

Изъ имѣющихся данныхъ видно, что изъ числа существующихъ ученическихъ библіотекъ служили интересамъ не только школьнаго, но и взрослаго населенія 365 изъ 431, т. е. 85%, тѣхъ библіотекъ,

относительно которыхъ имѣются такого рода свѣдѣнія. Несомнѣнно, что пользованіе ученическими библіотеками взрослымъ населеніемъ было бы еще болѣе широкимъ и, быть можетъ, охватило бы всѣ библіотеки, если бы нѣкоторыя изъ нихъ не были такъ малы, какъ это теперь нерѣдко встрѣчается. Въ настоящемъ случаѣ приходится повторить то, что было сказано по такому же поводу на основаніи свѣдѣній, собранныхъ въ 1893 году.

Сопоставленіе полученныхъ тогда данныхъ о количественномъ составѣ библіотекъ, которыми взрослое населеніе не пользовалось, съ тѣми, которыя относились къ библіотекамъ противоположнымъ, показало, что въ каждой изъ первыхъ въ среднемъ имѣлось по 125 книгъ, а въ каждой изъ числа вторыхъ, т. е. тѣхъ, книгами которыхъ населеніе пользовалось—244; такая разница въ богатствѣ сопоставляемыхъ группъ библіотекъ заставила предположить, что распространенность чтенія въ значительной степени зависитъ отъ богатства выбора чтебнаго матеріала. „Кромѣ того, говорилось тогда по этому поводу, обстоятельство это можетъ быть объяснено также и тѣмъ, что (при равныхъ условіяхъ времени учрежденія), въ то время какъ библіотеки съ меньшимъ числомъ книгъ оказываются уже использованными, библіотеки съ болѣе богатымъ выборомъ все еще продолжаютъ привлекать читателей“.

Справедливость такого заключенія подтверждалась отзывами по этому предмету преподавателей и можетъ быть подкрѣплена позднѣйшими ихъ указаніями, которыхъ однако приводить здѣсь не будемъ въ виду того, что по характеру содержанія они почти тожественны съ тѣми, которые были получены въ 1893 году. Однако въ виду важности настоящаго вопроса, чтобы видѣть то соотношеніе, которое наблюдается если сопоставить число читателей съ числомъ книгъ, опредѣляющимъ богатство библіотеки, представимъ здѣсь слѣдующую табличку, составленную на основаніи данныхъ, полученныхъ теперь отъ преподавателей 170 школъ.

Было въ 1896/7 учебн. году читателей:		*Въ библіотекахъ содержащихъ въ себѣ книгъ:*		
въ среднемъ на одну библіотеку:		До 100 (31 библ.).	101—200 (93 библ.).	201 и болѣе. (66 библ.).
Учащихся	Мальч.	29	28	34
	Дѣвоч.	9	11	12
Не учащихся	Мужч.	10	17	23
	Женщ.	3	5	7

Какъ видимъ, сопоставленіе это вполнѣ подтверждаетъ сказанное

выше и показываетъ, что, дѣйствительно, чѣмъ богаче библіотека, тѣмъ большее число читателей ею пользуется.

Таково общее заключеніе, къ которому приводитъ разсмотрѣніе этой таблички; что же касается до болѣе детальнаго ея анализа, а между прочимъ выясненія того, очень существеннаго вопроса, какая же часть населенія изъ района данной школы пользуется библіотечными книгами, то для такого опредѣленія тѣ данныя, которыя позволили составить приведенную табличку,—служить не могутъ. Дѣло въ томъ, что числа этого послѣдняго сопоставленія, какъ это свидѣтельствуютъ многочисленныя поясненія преподавателей, показываютъ собственно не число *читателей*, или лицъ, такъ или иначе пользующихся книгами изъ библіотекъ, а представляютъ лишь *число лицъ обращавшихся непосредственно* въ библіотеку. А между тѣмъ преподаватели многихъ школъ, гдѣ имѣются библіотеки, указываютъ, что не только не рѣдки, а вполнѣ обычны случаи, когда книгою пользуется не только лицо ее получившее, но и многія другія. Очевидно, стало-быть, что число лицъ, особенно взрослаго населенія, которыя пользуются школьными библіотеками, больше указаннаго табличкою, хотя также несомнѣнно и то, что и при этомъ условіи тѣ заключенія о соотношеніи между богатствомъ библіотекъ и числомъ читателей, которыя были высказаны раньше, своей силы не теряютъ. Однако какъ ни существенны тѣ поправки, которыя приходится ввести при разсмотрѣніи чиселъ представленной таблицы, все-таки далеко еще нельзя предположить, чтобы даже самыми богатыми школьными библіотеками пользовалось все окрестное грамотное населеніе или даже хотя бы сколько-нибудь значительная часть его. Не говоря уже о размѣрахъ библіотекъ, этому нерѣдко мѣшаютъ и промысловыя, и экономическія условія жизни населенія, какъ это между прочимъ видно изъ слѣдующихъ указаній:

„Мало читаютъ за неимѣніемъ свободнаго времени, работая постоянно на фабрикѣ; взрослые не интересуются поэтому и школьной библіотекой“.

„Замѣчено, что библіотека имѣетъ вліяніе на развитіе какъ учащихся, такъ и неучащихся; школьники берутъ читать книги охотно, а также и среди взрослыхъ нашлись бы многіе любители, но фабричное дѣло отнимаетъ у нихъ много время и имъ приходится читать только въ праздники“.

„Вопросъ о чтеніи народа очень серьезный и сложный и настоящею постановкою школьно-библіотечнаго дѣла этотъ вопросъ разрѣшается только отчасти. Послѣ школы большинство бывшихъ учениковъ и ученицъ отправляется въ столицы, гдѣ и формируются окончательно ихъ понятія и привычки. У нѣкоторыхъ за это время являет-

ся склонность къ легкому газетному чтенію, а у большинства пропадаетъ охота ко всякому чтенію. Со школою у большинства прерывается всякая связь и преподавателю очень трудно овладѣть довѣріемъ бывшихъ учениковъ и еще труднѣе руководить ихъ настроеніемъ и управлять чтеніемъ".

„Могу замѣтить, что вообще книгъ для чтенія требуется очень мало, такъ какъ бывшіе ученики въ лѣтнее время помогаютъ родителямъ, а зимой занимаются верченіемъ гильзъ" и т. д.

Такой вынужденный отказъ отъ чтенія особенно часто встрѣчается среди грамотнаго женскаго населенія, что главнымъ образомъ обусловливается тѣмъ положеніемъ, которое занимаетъ въ крестьянской семьѣ женщина, а въ особенности мать семейства.

Въ разсматриваемомъ матеріалѣ имѣется 327 отзывовъ преподавателей, давшихъ отвѣтъ на вопросъ: „были ли случаи, когда книги требовались взрослымъ женскимъ населеніемъ, матерями семействъ" и т. д., но 228 отвѣтовъ изъ этихъ 327 указываютъ, что такихъ случаевъ не было и только 6 отзывовъ имѣется такихъ, изъ содержанія которыхъ видно, что библіотечными книгами этихъ школъ грамотныя женщины пользуются наравнѣ съ мужчинами; въ остальныхъ же 93 отвѣтахъ сообщается, что хотя случаи требованія книгъ со стороны взрослаго женскаго населенія и были, но только въ единичныхъ случаяхъ, „очень рѣдко", „очень немногія", „брали, но только не матери", „женщины преимущественно вдовыя" и т. д. И вотъ что пишутъ учителя и учительницы о причинахъ, мѣшающихъ взрослому женскому населенію пользоваться книгами школьныхъ библіотекъ.

„Матери семействъ почти не берутъ книгъ, и на вопросъ мой—почему?,—онѣ говорили, что совсѣмъ имъ нѣтъ времени: въ будни работа, а въ праздники шитье на семью".

„Взрослымъ женскимъ населеніемъ книги требуются очень рѣдко, такъ что за все четырехлѣтнее пребываніе мое при этой школѣ книги требовались только шестью женщинами-дѣвушками; матерями же—ни одной, по причинѣ домашнихъ работъ, какъ объясняютъ онѣ".

„Женщины совсѣмъ не берутъ книгъ; въ будни работаютъ, а въ праздникъ—отдыхаютъ, если только остается свободное время отъ занятій по хозяйству; тѣмъ болѣе женщины, занятыя верченіемъ гильзъ".

„Большинство матерей не умѣютъ, читать, а если и бываютъ случаи, что мать умѣетъ читать, то все-таки рѣдко пользуется этимъ за недостаткомъ времени".

„Всѣ женщины и даже дѣвочки заняты размоткой бумаги и никогда ничего не читаютъ".

„Были требованія, но очень рѣдко; причина—недосугъ и домашнія хлопоты".

„Взрослое женское населеніе по недостатку времени книгъ не читаетъ".

„Женщины книгъ совсѣмъ не берутъ, потому что имъ нѣтъ времени читать".

„Не читаютъ,—объясняютъ недосугомъ".

„Женское населеніе занято все время шитьемъ басоновъ, поэтому свободнымъ временемъ для чтенія не располагаетъ".

„Взрослымъ женскимъ населеніемъ книги почти не требуются; объясняется это тѣмъ, что женщины здѣсь, кромѣ работы по хозяйству, занимаются плетеніемъ кружевъ" и т. д.

Итакъ бытовыя и экономическія условія ставятъ нерѣдко крестьянскую женщину въ такое положеніе, при которомъ ей, по ея выраженію, не только читать,—„дохнуть некогда", особенно въ томъ случаѣ; если она уже „обязалась" дѣтьми. Но какъ однако не тяжелы условія жизни крестьянской женщины, они не заглушаютъ потребностей ея умственной жизни, которыя до нѣкоторой степени удовлетворяются и книгою, но только не ею взятою, а принесенною школьникомъ и нерѣдко читаемою имъ вслухъ своимъ домашнимъ.

Вотъ что по этому поводу говорятъ въ своихъ сообщеніяхъ преподаватели:

„Не было случая, чтобы кто-либо изъ взрослаго женскаго населенія обратился за книгою, но матери семействъ часто слушаютъ чтеніе своихъ ребятъ, учащихся въ школѣ, относятся къ этому чтенію съ любовію и вниманіемъ и вообще являются далеко не равнодушными и отзывчивыми слушательницами".

„Взрослыя женщины, т. е. матери семействъ, берутъ книги, но мало, хотя книгами интересуется большинство женщинъ и даже неграмотныя. Малый же спросъ съ ихъ стороны объясняется исключительно ихъ незавиднымъ экономическимъ положеніемъ и семейными условіями. Въ подгородныхъ селахъ все болѣе и болѣе развивается щегольство, а изъ общихъ семейныхъ доходовъ на этотъ предметъ имъ дается мало, и вотъ онѣ стараются заработать, чѣмъ могутъ: размоткой бумаги, шерсти, шелка и т. п. Все это—сравнительно дешевый заработокъ, но поглащающій у нихъ все свободное зимнее время; а съ весны и до глубокой осени онѣ живмя живутъ въ садахъ. Что женщины живо интересуются книгой—видно изъ того, что матери заставляютъ дѣтей перечитывать свои уроки, лишь бы „послушать книжку", какъ онѣ выражаются".

„Женское населеніе относится весьма сочувственно къ чтенію. Въ нашей школьной библіотекѣ есть нѣсколько читательницъ—замужнихъ женщинъ; книги ими читаются охотно, только недосугъ не позволяетъ имъ удѣлять на чтеніе много времени. Но намъ хорошо извѣстно,

что почти въ каждой семьѣ родители и особенно матери заставляютъ грамотныхъ дѣтей читать имъ вслухъ. Намъ не разъ приходилось выслушивать благодарность отъ матерей за „складное“ чтеніе ихъ дѣтей-школьниковъ“.

„Матери семействъ рѣдко обращаются за книгами въ библіотеку, такъ какъ большею частію пользуются книгами, взятыми ихъ дѣтьми. Часто въ семьяхъ встрѣчаются безграмотныя матери, которыя заставляютъ читать вслухъ своихъ дѣтей и чтеніе охотно слушаютъ. Мнѣ приходилось выдавать по требованію матерей книги по медицинѣ докт. Покровскаго и Флоринскаго, руководствами которыхъ онѣ пользовались для лѣченія своихъ дѣтей“.

„Матери семействъ хотя и не берутъ книгъ изъ школьной библіотеки, но съ большимъ удовольствіемъ слушаютъ, что читаютъ ихъ дѣти“.

„Взрослыя дѣвушки читаютъ книги по праздникамъ, матери же— совсѣмъ ничего не читаютъ: нѣтъ времени для чтенія, большинство же—неграмотно; но многія любятъ слушать чтеніе своихъ дѣтей или другихъ членовъ семьи“.

„Случаевъ требованія книгъ взрослыми женщинами не было, но чтеніемъ своихъ дѣтей-школьниковъ женское населеніе интересуется“, и т. д.

Приведенные примѣры достаточно ясно показываютъ, каковы тѣ бытовыя и экономическія условія жизни населенія, которыя мѣшаютъ ему пользоваться книгами для чтенія изъ школьныхъ библіотекъ. Но кромѣ этихъ условій самый составъ существующихъ библіотекъ, частію по недостаточности книгъ, частію же по неудовлетворительности ихъ подбора, какъ это уже говорилось, въ значительной степени тоже ограничиваетъ число читателей. При небольшомъ числѣ книгъ, предназначенныхъ удовлетворить требованія какъ учащихся, такъ и взрослыхъ, существующая библіотека нерѣдко не удовлетворяетъ ни тѣхъ, ни другихъ, или же составленная для пользованія небольшаго круга читателей извѣстнаго образовательнаго уровня,—она не отвѣчаетъ требованіямъ остальныхъ.

Чтобы не растягивать этотъ, и безъ того нѣсколько растянутый очеркъ, мы не будемъ приводить подтверждающихъ такое заключеніе отзывовъ преподавателей, тѣмъ болѣе, что основательность его достаточно очевидна, особенно если еще принять во вниманіе разницу вкусовъ и склонностей того многочисленнаго и разносоставнаго контингента читателей, удовлетворить требованія которыхъ ставится задачею школьной библіотекѣ.

По ходу изложенія теперь слѣдовало бы представить какія-либо данныя о литературныхъ вкусахъ читателей школьныхъ библіотекъ.

Къ сожалѣнію полученный по этому вопросу матеріалъ настолько разносоставенъ, что положительно не допускаетъ никакой цифровой обработки. Дѣло въ томъ, что въ отвѣтахъ по этому поводу, еще замѣтнѣе отразился личный взглядъ преподавателей, нерѣдко оботраниченный такими условіями, какъ недостаточная опытность, дурной или незначительный подборъ школьной библіотеки и т. д. Однако, если дать отчетъ о томъ впечатлѣніи, которое выносишь послѣ чтенія такого рода отзывовъ преподавателей, то не рискуя впасть въ значительную ошибку, можно высказать слѣдующее о той разницѣ во вкусахъ, которая замѣчается между различными категоріями читателей: старики предпочитаютъ книги историческаго и особенно духовно-нравственнаго содержанія; остальная часть взрослаго мужскаго населенія—сочиненія беллетристическаго и. историческаго содержанія; наконецъ подростки съ большею охотою читаютъ небольшія произведенія беллетристическія, историческія повѣсти и разсказы, сказки и т. п. Что же касается до женскаго населенія, то, судя по большинству тѣхъ же отвѣтовъ преподавателей, можно думать, что, распредѣляясь по своимъ вкусамъ на категоріи аналогичныя приведеннымъ, читательницы вообще проявляютъ большую склонность къ книгамъ и сочиненіямъ духовно-нравственнаго характера, чѣмъ читатели.

Обращаясь затѣмъ къ вопросу, какіе изъ отдѣловъ школьныхъ библіотекъ пользуются наибольшимъ спросомъ, и какіе наименьшимъ,—находимъ, что изъ 350 указаній, отмѣчающихъ иногда по одному, а иногда по два и по три отдѣла книгъ наичаще спрашиваемыхъ—книги беллетристическаго содержанія указываются въ 238 отзывахъ, содержанія историческаго—въ 207, духовно-нравственнаго—въ 201, научнаго—въ 14 и сельско-хозяйственнаго содержанія—въ 8 отвѣтахъ. Подсчетъ данныхъ отрицательнаго характера показываетъ, что изъ 243 отвѣтовъ на вопросъ: какія книги спрашиваются наименѣе, 170—указываютъ книги научнаго содержанія, 107—сельско-хозяйственнаго, 29—духовно-нравственнаго (преимущественно на церковно-славянскомъ языкѣ), 16—на такія книги беллетристическаго содержанія, принадлежащія нѣкоторымъ писателямъ, произведенія которыхъ содержатъ въ себѣ описанія природы, 10—отмѣчаютъ книги преимущественно біографическаго и нѣкоторыя сочиненія историческаго содержанія; наконецъ 8 отзывовъ указываютъ на полное безразличіе со стороны читателей въ дѣлѣ выбора ими книгъ для чтенія.

Останавливаясь на выясненіи причинъ того, почему наименьшимъ спросомъ пользуются книги научнаго и сельско-хозяйственнаго содержанія, преподаватели выставляютъ три мотива:

1) Условія экономическія; „наименьшимъ спросомъ, читаемъ мы въ одномъ изъ такихъ отзывовъ, пользуются книги по медицинѣ и

не сельскому хозяйству; быть можетъ потому, что гигіена безполезна тому, у кого не всегда имѣется и кусокъ хлѣба; свѣдѣнія о малинѣ, сливѣ и огородныхъ овощахъ тому, у кого нѣтъ и негдѣ устроить сада или огорода, а трактаты объ удобреніи полей тому, у кого и удобренія взять негдѣ".

2) Характеръ современнаго обученія, какъ это видно изъ слѣдующихъ отзывовъ:

„Менѣе всего требуются книги научнаго и сельско-хозяйственнаго отдѣловъ, что объясняется отсутствіемъ интереса къ нимъ. Въ отсутствіи же этого интереса виновата сама школа, которая за послѣднее время обращала всего болѣе вниманія на изученіе правописанія и рѣшеніе ариѳметическихъ фокусовъ, вытѣснивши почти совсѣмъ предметные бесѣды и объяснительное чтеніе, имѣвшія цѣлью сообщеніе необходимыхъ научныхъ и сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній, а потому ученикъ является теперь вовсе неподготовленнымъ къ воспріятію нучныхъ знаній".

„Отдѣлы научнаго содержанія пользуются наименьшимъ спросомъ; я объясняю это тѣмъ, что школа даетъ мало развитія умственнаго: школьники слишкомъ заняты грамматикой, ариѳметикой и пр. пр."

„Меньше читаются книги по географіи и исторіи, что объясняется малыми знаніями по этимъ предметамъ".

„Мало требуются книги изъ отдѣла міровѣдѣнія, потому что школа, стѣсненная обширной программой по грамматикѣ и другимъ предметамъ обязательнаго курса, можетъ только очень мало времени удѣлить бесѣдамъ по міровѣдѣнію, вслѣдствіе чего ученики являются мало заинтересованными этимъ предметомъ" и т. д.

Наконецъ третьимъ мотивомъ указывается направленіе и характеръ народной этики. Вотъ что читаемъ мы въ сообщеніи по этому предмету одной изъ учительницъ:

„Наименьшимъ спросомъ пользуются отдѣлы: научный, сельскохозяйственный и естественно-историческій. Нашъ народъ ищетъ въ книгѣ прежде всего и больше всего поученія, потомъ развлеченія и меньше всего знанія. Вышеназванные три отдѣла даютъ только знаніе и притомъ знаніе часто въ формѣ сухой, для народа непривлекательной. Народъ любитъ, чтобы въ книгѣ изображалась не природа одушевленная, или неодушевленная, а человѣкъ—съ его мыслями, чувствами, пороками и добродѣтелями, съ его радостями и горестями. Чтобы нравиться народу, пишетъ учительница, книга должна давать пищу не одному только уму, а удовлетворять всѣмъ потребностямъ души человѣческой. Многіе объясняютъ отсутствіе интереса въ народѣ къ книгамъ научнаго содержанія неподготовленностью нашего народа къ такого рода чтенію, его малымъ развитіемъ. Я думаю, что нашъ

народъ, когда и будетъ подготовленъ къ чтенію книгъ научныхъ,— будетъ сравнительно мало интересоваться ими. Мнѣ кажется, что русскій народъ болѣе интересуется міромъ внутреннимъ, чѣмъ міромъ внѣшнимъ. Поэтому книги, гдѣ изображенъ человѣкъ съ его внутреннимъ міромъ, всегда будутъ интересовать его больше тѣхъ книгъ, въ которыхъ изображенъ міръ внѣшній, міръ природы одушевленной и неодушевленной».

Мы не имѣемъ достаточныхъ данныхъ, чтобы вопросъ, поставленный этимъ послѣднимъ отзывомъ, разсмотрѣть во всей его глубинѣ, а потому въ настоящемъ случаѣ не скажемъ ничего ни въ подтвержденіе, ни въ отрицаніе этого довода.

Не будетъ также резюмировать и другія представленныя здѣсь соображенія о причинахъ того, почему населеніемъ не читаются книги названныхъ отдѣловъ, при чемъ не будемъ давать такое резюме частію потому, что оно слишкомъ ясно вытекаетъ изъ изложеннаго, а частію и потому,—что это значило бы почти слово въ слово повторить то, что уже было сказано по такому же поводу на основаніи данныхъ, собранныхъ въ 1893 году.

На томъ же основаніи мы не будемъ составлять списка книгъ наиболѣе охотно читаемыхъ, такъ какъ и въ этомъ отношеніи вновь собранный матеріалъ не приводитъ ни къ какимъ заключеніямъ, содержаніе которыхъ замѣтно бы разнилось отъ тѣхъ, которыя уже были представлены; теперь, какъ и ранѣе, въ спискѣ авторовъ наиболѣе читаемыхъ особенно часто встрѣчаются имена А. и Л. Толстыхъ, Погосскаго, Загоскина, Коваленской и т. д. Но за то приведемъ здѣсь еще не появлявшійся въ печати списокъ книгъ, имѣющихъ наименьшій спросъ или не читаемыхъ вовсе въ школахъ Московскаго уѣзда. Этотъ матеріалъ собранъ былъ Московскою уѣздною земскою управою отъ учителей и учительницъ, сообщившихъ списки наименѣе популярныхъ среди читателей книгъ, имѣвшихся въ школьныхъ библіотекахъ.

Перечень книгъ, упоминаемыхъ въ этихъ спискахъ составляетъ довольно значительное число—болѣе 350 экземпляровъ.

Перечисляя здѣсь тѣ сочиненія, которыя, какъ не читаемыя, упоминаются не менѣе, чѣмъ пятью преподавателями, получимъ слѣдующій перечень, въ которомъ курсивомъ отмѣтимъ тѣ сочиненія, названія которыхъ встрѣчаются въ 10 и болѣе спискахъ книгъ, не интересующихъ ни учениковъ, ни взрослыхъ читателей:

«Амуръ и Уссурійскій край».
«Бесѣды о природѣ» Зобова.
«Бесѣда Ѳомы Максимовича о разведеніи плодов. деревьевъ».
«Въ школѣ и дома» Св. Пономарева.
«Гуттенбергъ».

«*Дерево и его жизнь*» Кайгородова.
«*Державинъ*»—біогр. очеркъ.
«*Жуковскій*»—біогр. очеркъ.
«*Заразныя и повальныя болѣзни*». Попандопуло.
«Здоровье» Латышева.
«Какъ разводить ленъ».
«Крыловъ» біогр. очеркъ.
«*Карамзинъ*»—біогр. очеркъ.
«*Какъ живетъ растеніе*».
«*Картофель*» Кренке.
«*Китай*».
«Кавказъ».
«Какъ выгоднѣе крестьянамъ землю обрабатывать».
«Какъ и чѣмъ пахать, бороновать и проч.».
«Какъ узнать почву».
«Люди»—этногр. очеркъ Коропчевскаго.
«Ломоносовъ»—біогр. очеркъ.
«*Океаны*».
«*О несгораемыхъ крестьянскихъ постройкахъ*».
«*О сѣменахъ*» Котельникова.
«*Объ удобреніи почвъ*»—его же.
«*О воздѣлываніи хлѣбовъ*»—его же.
«*Объ удобреніи полей*».
«О травосѣяніи».
«*О нашихъ перелетныхъ птицахъ*».
«Отчего бываетъ день и ночь».
«О рукописномъ дѣлѣ и книгопечатаніи» Хрущева.
«О теплѣ и воздухѣ» Животовскаго.
«Пчела и ея жизнь» Бутлерова
«*Пушкинъ*»—біогр. очеркъ.
«Старина земли Русской».
«Сельская общественная служба» Блинова.
«Стельная корова» Гурина.
«Сахара и Нилъ»—Меча.
«Тюленій промыселъ» Соловьева.
«Царствованіе Ѳедора Іоанновича» Карамзина.
«*Чѣмъ питается растеніе*».
«*Чѣмъ питается человѣкъ*».
«Чай и откуда онъ идетъ»—Рейнбота.

Приводя этотъ списокъ, мы отнюдь не имѣли въ виду указать имъ сочиненія, ***непригодныя*** для сельской школы; онъ показываетъ лько сочиненія мало читаемыя или вовсе не имѣющія спроса въ стоящей сельской школѣ. Изъ списка этого видно, что только очень значительное число составляющихъ его названій принадлежитъ книмъ беллетристическаго содержанія; подавляющее же большинство гъ указываемыхъ этимъ спискомъ принадлежитъ къ отдѣламъ льскохозяйственному и научному. Таковы данныя, собранныя по сковскому уѣзду, гдѣ школы болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, обезпечены и овлетворительными и разнообразными учебниками, и достаточно абжены другими учебными пособіями; нечего и говорить, стало-ть, что въ другихъ уѣздахъ, гдѣ школы обставлены гораздо хуже гдѣ, слѣдовательно, для того, чтобы выполнить обязательныя про-аммныя требованія, тратится преподавателями гораздо больше труда еще меньше остается времени на сообщеніе ученикамъ знаній на-

учнаго характера,—въ уѣздахъ этихъ, безъ сомнѣнія, такого рода книги, какъ указанныя въ приведенномъ спискѣ, требуются еще менѣе.

Въ заключеніе представленныхъ данныхъ, рисующихъ настоящее положеніе школьно-библіотечнаго дѣла, необходимо замѣтить, что всѣ тѣ факторы, которые обусловливаютъ развитіе читаемости вообще и пользованіе библіотеками въ частности, и которые разсмотрѣны были выше въ отдѣльности, одинъ независимо отъ другого,—въ дѣйствительности оказываютъ свое вліяніе въ тѣсной совокупной или причинной между собою связи. Такъ напримѣръ экономическая необезпеченность, а вмѣстѣ съ нею характеръ вызываемой ею же промысловой дѣятельности той или иной части населенія,—можетъ обусловить и размѣры обезпеченности чтебнымъ матеріаломъ и необходимость полученія грамотности въ школѣ, которая въ свою очередь наложитъ отпечатокъ на характерѣ пользованія библіотекою, при чемъ составъ книгъ въ этой послѣдней также не можетъ не отразиться на выборѣ книгъ для чтенія, а затѣмъ и на томъ направленіи, котораго читатели будутъ держаться при пріобрѣтеніи книгъ въ собственность и т. д.

И вотъ почему нельзя не признать, что какая бы не была принята мѣра, какое бы ни было создано условіе въ экономической, промысловой или общественной жизни населенія,—оно—въ силу неразрывной связи упомянутыхъ факторовъ—непремѣнно отразится и на интеллектуальной сторонѣ жизни населенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ и на характерѣ его отношенія къ печатному слову и на его выборѣ чтебнаго матеріала. Точно также и наоборотъ: всякая реформа въ постановкѣ школы и библіотечнаго дѣла, разъ только она отвѣчаетъ запросамъ интеллектуальной жизни населенія,—такимъ же роковымъ образомъ отразится и на другихъ сторонахъ его жизни.

А потому нельзя не высказать пожеланія, чтобы было обращено должное вниманіе на тѣ условія, которыя опредѣляютъ собою размѣры пользованія чтебнымъ матеріаломъ и измѣнить которыя къ лучшему не представляется невозможнымъ. Въ числѣ этихъ условій необходимо назвать—улучшеніе качественной стороны постановки школьнаго дѣла, распространеніе народныхъ библіотекъ и читаленъ, увеличеніе и улучшеніе состава школьныхъ библіотекъ, а также проявленіе большей энергіи въ книго-издательской для народа дѣятельности, принятой на себя представителями наиболѣе образованной части общества. Многіе преподаватели, касаясь вопроса о мѣрахъ способствующихъ развитію читаемости, какъ на одну изъ такихъ мѣръ,—указываютъ еще на народныя чтенія съ туманными картинами. Вполнѣ сознавая, какъ велико могло бы быть значеніе народныхъ чтеній,

если бы веденіе ихъ опредѣлялось извѣстной системой и велось на болѣе широкихъ основаніяхъ при тщательной подготовкѣ къ нимъ со стороны лекторовъ, мы сознательно не включили въ перечень упомянутыхъ мѣропріятій народныя чтенія, такъ какъ далеко еще нельзя признать окончательно выясненнымъ вопросъ,—насколько благотворное вліяніе оказываютъ такія чтенія въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ въ большинствѣ случаевъ являются теперь.

Закончимъ настоящій очеркъ передачею тѣхъ сообщеній преподавателей, которыя касались вопроса о томъ, какимъ образомъ, не прибѣгая къ значительнымъ затратамъ, можно улучшить постановку школьно-библіотечнаго дѣла, разсмотрѣнію котораго и былъ главнымъ образомъ посвященъ настоящій очеркъ.

Вотъ что пишутъ эти преподаватели:

„Настоящія школьныя библіотеки какъ подборомъ книгъ, такъ и ихъ количествомъ не удовлетворяютъ не только оставившихъ школу, но даже и учащихся: 70—80 хорошихъ книжекъ прочитываются очень скоро, а потомъ—разъ уже прочитанныя книги утрачиваютъ интересъ, и ученики перестаютъ совсѣмъ ихъ брать. Такъ-какъ ученикъ, окончившій курсъ въ школѣ, теряетъ теперь съ ней всякую связь, то единственнымъ связующимъ звеномъ могла бы быть школьная библіотека, задача которой, думается, и состоитъ частію въ томъ, чтобы по возможности поддерживать эту связь, привлекать къ себѣ бывшихъ учениковъ и не давать имъ забыть то, что они узнали въ школѣ. Чтобы имѣть постоянными своими читателями бывшихъ учениковъ,—школьная библіотека должна ежегодно пополняться новыми книгами. Однако въ виду того, что каждый годъ пополнять школьную библіотеку довольно трудно,—представляется желательнымъ примѣнить слѣдующій способъ: составить одну полную библіотеку цѣною рублей въ 100 или болѣе, причемъ нѣкоторыя лучшія произведенія пріобрѣсть въ нѣсколькихъ (напр. четырехъ) экземплярахъ; затѣмъ ее раздѣлить на четыре школы съ тѣмъ, чтобы черезъ каждые два года библіотеки эти переходили изъ одной школы въ другую: тогда каждая библіотека попадетъ во второй разъ въ школу черезъ шесть лѣтъ и опять будетъ читаться съ прежнимъ интересомъ. Наконецъ нельзя также не пожелать, чтобы подборъ книгъ для школьныхъ библіотекъ производился болѣе тщательно и чтобы въ школьныя библіотеки попадали только лучшія книги“.

„Хорошо бы было, если бы существующія при школахъ библіотеки года черезъ три или четыре мѣнялись съ библіотеками другихъ школъ, потому—что при этомъ чтебный матеріалъ все-таки обновлялся бы. А то бываетъ, что ученикъ еще на школьной скамьѣ лучшія книги прочтетъ, а по выходѣ изъ школы раза два—три об-

ратится за книгами,—да интересныхъ и новыхъ нѣту, а старыя читаются неохотно. Наконецъ онъ и совсѣмъ отвыкаетъ отъ чтенія, да еще и товарищамъ разскажетъ, что въ школѣ все тѣ же книги, и ходить не за чѣмъ. Если же по временамъ библіотеки станутъ кореннымъ образомъ обновляться матеріаломъ еще не читаннымъ, то мнѣ думается, что и требованія неучащихся и взрослыхъ увеличатся".

„Необходимо увеличить количество книгъ, хотя бы путемъ устройства обмѣнныхъ библіотекъ, книгами которыхъ черезъ извѣстные промежутки времени школы могли бы обмѣниваться; это тѣмъ болѣе необходимо, что ученики по выходѣ изъ школы перезабываютъ все, чему обучались, если не поддерживаютъ свои знанія путемъ чтенія. Увеличить составъ библіотекъ необходимо и въ интересахъ взрослаго населенія, которое съ удивительною быстротою ознакомливается съ библіотекою и черезъ одинъ—полтора года библіотека перестаетъ привлекать къ себѣ народъ".

Приведемъ еще одинъ отзывъ учительницы, указывающій на необходимость измѣненій въ организаціи постановки школьно-библіотечнаго дѣла между прочимъ и съ точки зрѣнія интересовъ того большинства учащихся (учениковъ и учениць младшаго и средняго отдѣленій), которое, какъ объ этомъ уже говорилось выше,—въ настоящее время если не лишено совершенно, то пользуется чтебнымъ матеріаломъ въ очень ограниченныхъ размѣрахъ.

„При томъ положеніи, въ которомъ теперь находятся школьно-ученическія библіотеки, довольно трудно устроить дѣло такъ, чтобы удовлетворять требованіямъ учащихся сколько-нибудь продолжительное время. Для этого пришлось бы основывать слишкомъ большія библіотеки съ затратой на каждую значительныхъ средствъ. Избѣжать этого неудобства можно было бы, какъ мнѣ кажется, нѣсколько измѣнивъ самое устройство библіотекъ. Если, основывая библіотеку для одного училища, оцѣнивать ее въ 50 руб., то для 4 училищъ потребуется сумма въ 200 руб.;—на эти деньги можно составить одну очень хорошую дѣтскую школьно-ученическую библіотеку, при чемъ нѣкоторыя лучшія произведенія могли быть пріобрѣтены въ нѣсколькихъ экземплярахъ; въ такой библіотекѣ книгъ для всѣхъ возрастовъ (младшаго, средняго и старшаго) было-бы вполнѣ достаточно. Затѣмъ такую библіотеку можно бы было распредѣлить между четырьмя училищами съ тѣмъ, чтобы каждое изъ нихъ черезъ 2 года обмѣнивалось своими книгами съ другимъ училищемъ. Такимъ образомъ черезъ каждые 2 года школа имѣла бы въ своей библіотекѣ новый составъ книгъ, а первоначальный составъ каждой изъ нихъ возвратился бы обратно только черезъ 6 лѣтъ,—срокъ достаточный для того, чтобы вернувшіяся книги могли быть прочитаны вновь съ интересомъ, при чемъ

особенно было бы желательно, если бы къ этому времени каждая библіотека была соотвѣтственнымъ образомъ пополнена. Такимъ образомъ моя мысль состоитъ въ томъ, что быть можетъ будетъ полезнѣе и интереснѣе для читателей, если замѣнить существующія постоянныя школьно-ученическія библіотеки -- библіотеками передвижными—обмѣнными".

Какъ сказано было выше, въ Московскомъ уѣздѣ такая система принята. Будемъ надѣяться, что она будетъ примѣнена и въ остальныхъ уѣздахъ.

УЧЕНИЧЕСКІЯ МАНКИРОВКИ.

I.

Хотя вопросу о вліяніи ученическихъ манкировокъ, а также выясненію ихъ причинъ было уже посвящено нѣсколько страницъ перваго выпуска «Вопросовъ народнаго образованія», тѣмъ не менѣе, въ виду того, что въ настоящее время имѣется по этому предмету новый и довольно значительный матеріалъ, доставленный въ минувшемъ году преподавателями въ своихъ статистическихъ отчетахъ,—не лишнимъ будетъ еще разъ разсмотрѣть вопросъ объ ученическихъ манкировкахъ съ тою детальностью, которую допускаютъ полученныя отъ преподавателей данныя. Но прежде чѣмъ приступить къ изложенію этихъ послѣднихъ, необходимо оговориться, что хотя главнѣйшая задача настоящаго очерка будетъ заключаться въ томъ, чтобы исчерпать этотъ новый по настоящему вопросу матеріалъ, тѣмъ не менѣе въ видахъ возможной полноты, а также для того, чтобы лучше выяснить тѣ или иныя стороны даннаго вопроса,—придется въ нѣкоторыхъ случаяхъ повторить то, что уже было сказано по соотвѣтствующему поводу ранѣе.

Такъ, чтобы точнѣе опредѣлить значеніе ученическихъ манкировокъ, приходится опять отмѣтить, что значеніе ихъ главнѣйшимъ образомъ обусловливается существующею системою класснаго обученія. Дѣйствительно,—въ школѣ съ годичнымъ курсомъ, и особенно въ школѣ съ однимъ учителемъ при трехъ отдѣленіяхъ, т. е. гдѣ надзоръ учителя не сосредоточивается на одномъ какомъ-либо классѣ, а охватываетъ работу учениковъ всѣхъ классовъ одновременно, однимъ изъ наиболѣе трудно достигаемыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимыхъ условій успѣшности обученія является возможно большее равенство учениковъ каждаго отдѣленія въ различнаго рода занятіяхъ, и навыкахъ. Занимаясь въ классѣ, учитель, конечно, не можетъ не счи-

таться съ такими особенностями въ характерѣ и склонностяхъ отдѣльныхъ учениковъ, которыя выражаются наиболѣе рѣзко, — но съ тѣмъ вмѣстѣ отъ преподавателя нельзя требовать такого веденія класснаго обученія, при которомъ преподанное имъ одинаково бы воспринималось и съ одинаковою силою запечатлѣвалось въ сознаніи всѣхъ учащихся, такъ какъ при этомъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ сказывается вліяніе такихъ индивидуальныхъ особенностей, которыя учитель, руководящій цѣлымъ классомъ, не въ состояніи ни подмѣтить, ни принять во вниманіе. Такой индивидуализаціи обученія, при которой возможно полнѣе были бы изучены, а затѣмъ и приняты во вниманіе интеллектуальныя особенности учащагося, еще возможно требовать отъ гувернера, но не отъ школьнаго учителя, задачею котораго является, главнымъ образомъ то, чтобы уловить общій характеръ, общій тонъ класса и затѣмъ, руководя и направляя по мѣрѣ силъ исключительныя склонности и способности, имѣть дѣло съ тою собирательнею единицею, которая носитъ названіе класса. Такимъ образомъ однородность учащихся служитъ однимъ изъ важнѣйшихъ условій успѣшности класснаго обученія.

И вотъ почему манкировки учащихся, заставляя манкирующихъ отставать отъ товарищей и вводя такимъ образомъ новое условіе, нарушающее единство класса, — сильно тормозятъ и затрудняютъ правильный ходъ обученія и особенно въ начальной школѣ, гдѣ вредное вліяніе манкировокъ не можетъ парализоваться внѣклассными учебными занятіями учениковъ, проманкировавшихъ то или иное число уроковъ.

Вотъ что говорятъ намъ о значеніи и вліяніи ученическихъ манкировокъ отзывы учителей народныхъ школъ Московской губерніи:

«Манкировки учениковъ начальной школы имѣютъ большее значеніе, чѣмъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, потому что ихъ бываетъ здѣсь больше и вліяніе ихъ иное: въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ пробѣлы въ знаніяхъ ученика пополняются, въ большинствѣ случаевъ, при помощи учебниковъ, товарищей, родителей и репетиторовъ, тогда какъ въ начальной школѣ учитель (или учительница) по необходимости долженъ самъ ввести ученика въ кругъ знаній, преподанныхъ во время его отсутствія, потому что не располагаетъ тѣми средствами, на которыя можетъ надѣяться, напримѣръ, учитель гимназіи; слѣдовательно, народному учителю приходится чаще останавливаться, чтобы познакомить отсутствовавшаго ученика съ тѣмъ, что было пройдено безъ него. А такъ какъ такихъ вынужденныхъ остановокъ бываетъ въ начальной школѣ болѣе, чѣмъ слѣдовало бы, то учителю противъ его желанія приходится сдѣлать въ предоставленное въ его распоряженіе время менѣе того, что могъ бы онъ сдѣлать при болѣе

благопріятныхъ условіяхъ. Отсюда видно то огромное значеніе манкировокъ, которое онѣ имѣютъ въ жизни начальной школы, а потому здѣсь борьба съ ними необходима болѣе сильная, чѣмъ гдѣ-либо».

«Вліяніе манкировокъ на правильный ходъ преподаванія слишкомъ очевидно, чтобы о немъ нужно было распространяться. Вліяніемъ ихъ, между прочимъ, обусловливается отсутствіе въ настоящемъ году окончившихъ курсъ».

«Продолжительныя манкировки вредно вліяютъ на правильный ходъ обученія тѣмъ, что ученикъ, пропустившій много уроковъ, отстаетъ отъ другихъ и дѣлается плохимъ ученикомъ и учителю трудно достигнуть равнаго развитія всѣхъ учениковъ».

«Что ученическія манкировки вредятъ правильному ходу преподаванія—объ этомъ врядъ ли стоитъ говорить; уменьшить ихъ можетъ прежде всего развитое въ ученикахъ убѣжденіе, что манкировки съ ихъ стороны не только доставляютъ двойной трудъ учителю, но и самого ученика, если онъ даже и способенъ, могутъ, запутать до того, что онъ не будетъ въ состояніи пройти тотъ или другой курсъ удовлетворительно. За манкировки въ 2 недѣли подрядъ слѣдовало бы ученика пересаживать курсомъ ниже».(?)

«Манкировки задерживаютъ ходъ преподаванія и часто пропустившій нѣсколько дней уже не въ силахъ догнать своихъ товарищей и принужденъ бываетъ ходить въ школу лишній годъ».

«Зло манкировокъ заключается въ томъ, что манкирующіе ученики отстаютъ, остаются на другой годъ въ томъ же отдѣленіи и мѣшаютъ принимать вновь поступающихъ; если же манкируютъ малоспособные ученики второго или третьяго отдѣленій, то они образуютъ новыя группы, что очень неудобно».

«Манкировки очень вредно отзываются на общемъ ходѣ преподаванія во многихъ отношеніяхъ: 1) манкирующіе ученики, особенно когда число ихъ значительно, задерживаютъ успѣшный ходъ преподаванія; 2) примѣръ манкирующихъ иногда заразительно дѣйствуетъ и на другихъ учащихся; 3) манкирующіе ученики, даже и самые способные, мало-по-малу, отставая отъ товарищей, дѣлаются очень плохими учениками. И вообще должно сказать при этомъ, что манкировки—самое большое зло, съ которымъ ежегодно приходится бороться народной школѣ».

«Манкировки крайне тормозятъ дѣлѣ: приходится проходить и меньше, и плоше, и съ большимъ трудомъ»...

«На правильный ходъ преподаванія манкировки имѣютъ очень вредное вліяніе. Пропорціонально количеству манкировокъ у ученика появляется равнодушное отношеніе къ школѣ, пропадаетъ весь интересъ къ занятіямъ, свѣдѣнія, полученныя имъ, разрозненны, неполны».

Таковъ характеръ большинства отзывовъ по данному вопросу и только очень немногіе преподаватели хотя и указываютъ на вредное вліяніе манкировокъ и на необходимость борьбы съ ними,—но въ то же время замѣчаютъ, что «ходъ преподаванія вслѣдствіе манкировокъ мало нарушается».

Такая разница въ опредѣленіи вліянія манкировокъ, не говоря уже о томъ, что она можетъ быть обусловлена соотвѣтствующею разницею программныхъ требованій, можетъ находиться въ зависимости отъ тѣхъ особенностей, которыми отличается преподаваніе лицъ, давшихъ такіе разнорѣчивые отзывы; въ самомъ дѣлѣ,—чѣмъ интензивнѣе будетъ идти обученіе, тѣмъ конечно, сильнѣе будутъ ощущаться неудобства, доставляемыя манкировками; и если взять двухъ преподавателей—одного, который растягиваетъ курсъ на весь годъ, и другого,—проходящаго тотъ же курсъ въ полгода, а затѣмъ ведущаго повторенія, то несомнѣнно, что вторымъ изъ этихъ преподавателей неудобства, сопряженныя съ манкировками, будутъ чувствоваться острѣе, чѣмъ первымъ, хотя на конечныхъ результатахъ обученія вліяніе манкировокъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, можетъ быть, скажется одинаково сильно и для устраненія дурныхъ послѣдствій ученическихъ манкировокъ какъ тому, такъ и другому учителю придется обратиться къ однимъ и тѣмъ же средствамъ.

Средства, съ помощью которыхъ учителямъ приходится бороться съ вреднымъ вліяніемъ ученическихъ манкировокъ довольно однообразны и давно извѣстны; вотъ что по этому предмету писалъ одинъ изъ выдающихся нѣмецкихъ педагоговъ Ф. Шварцъ, книга котораго переведена на русскій языкъ болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ:

„Отъ чего бы не произошелъ пропускъ, учитель долженъ стараться по возможности ослабить вредныя его слѣдствія, т. е. не требовать отъ ученика безусловно, чтобы онъ исполнилъ все, что упустилъ (говоря иначе—не настаивать на томъ, чтобы ученикъ самъ восполнилъ пробѣлъ и только при помощи своихъ силъ сравнялся съ товарищами). Иначе наложишь на него несносное бремя и собственно только прикроешь пробѣлъ, а не восполнишь его, потому-что кое-какую своедѣльную работу ученика, слегка просмотрѣнную учителемъ, еще нельзя назвать умственнымъ усвоеніемъ предмета, успѣхомъ въ наукѣ. *Лучше, въ видахъ повторенія, воротись съ цѣлымъ классомъ къ тому пункту, съ котораго ученикъ тотъ отсталъ, и при этомъ на него обращай главное вниманіе, однакоже такъ, чтобы и прочимъ не наскучило слишкомъ долго сидѣть на одномъ и томъ же. Иногда можно приставить къ отсталому лучшаго ученика для помоганія ему.* Во всякомъ случаѣ не должно оставаться пробѣловъ

въ знаніяхъ цѣлаго класса, и слѣды пропусковъ не должны быть замѣтны". [1])

Въ большинствѣ случаевъ преподаватели пользуются первымъ изъ только-что указанныхъ пріемовъ, т.-е. съ помощью повторенія того, что было уже пройдено классомъ за время отсутствія ученика, заставляютъ проманкировавшихъ подняться до уровня знаній остальныхъ товарищей; въ тѣхъ же случаяхъ, когда въ классѣ отсутствуетъ,— напримѣръ въ распутицу или во время разлива рѣкъ,—болѣе или менѣе значительное число учениковъ, въ такихъ случаяхъ, чтобы парализовать нарушающее односоставность класса вліяніе манкировокъ, преподаватели обыкновенно находятъ болѣе цѣлесообразнымъ не идти дальше въ преподаваніи изучаемыхъ предметовъ, а занимать учениковъ повтореніемъ, пока не явятся манкирующіе ихъ товарищи. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, т.-е. приходится ли повторять пройденное въ ожиданіи отсутствующихъ, или же занимать классъ повтореніемъ того, что уже было изучено за время отсутствія какого-либо ученика,—въ дѣйствительности чрезвычайно трудно выполнить, то требованіе дидактики, которое отмѣчалось приведенною выше выпискою, и избѣжать дурныхъ сторонъ повторительныхъ уроковъ.

Вотъ что относительно этого находимъ мы въ отзывахъ самихъ учителей и учительницъ:

„Манкировки заставляютъ очень часто прибѣгать къ повторенію, а это надоѣдаетъ другимъ ученикамъ, дѣлаетъ ихъ шаловливыми, лѣнивыми и разсѣянными, вообще ведетъ къ упадку дисциплины".

„На преподаваніе манкировки вліяютъ дурно, это внѣ всякаго сомнѣнія, такъ какъ одинъ и тотъ же урокъ приходится повторять, что заставляетъ скучать большую часть учениковъ".

„Манкировки нарушаютъ правильный ходъ занятій, потому-что учителю приходится для поддержанія знаній проманкировавшаго на общемъ уровнѣ—снова объяснять то, что уже усвоено прочими, и не представляетъ для нихъ при вторичномъ объясненіи прежняго интереса".

„Благодаря манкировкамъ для учащихъ весьма трудно вести дѣло обученія правильно: приходится одинъ и тотъ же урокъ давать по нѣсколько разъ".

„Не вліять на ходъ преподаванія манкировки не могутъ, особенно, если происходятъ часто: для одного или двухъ, пропустившихъ урокъ приходится лишній разъ повторять пройденное; если же не явятся на урокъ нѣсколько человѣкъ, то объясненіе чего-либо вновь

---

[1]) «Руководство къ воспит. и обуч» т. II., стр. 168 (перев. Шафранова).

приходится вовсе откладывать. Такимъ образомъ задерживается прохожденіе курса".

„Весною, когда по случаю разливарѣки, до половины учениковъ не бываетъ въ классѣ недѣли двѣ,—учителю приходится останавливаться съ объясненіемъ, заставляя повторять пройденное; а такъ какъ учебное время очень ограничено и въ немъ дороги не только недѣли, но дни и часы, то поэтому къ концу года приходится торопиться, выполнять программу кратко, почему ученики плохо усвоиваютъ объясненія".

„Въ періодъ осенней и весенней распутицъ по причинѣ манкировокъ приходится съ учениками заниматься повтореніемъ до тѣхъ поръ, пока явятся отсутствовавшіе. Вслѣдствіе этого—то, что одни ученики усвоиваютъ очень хорошо, другіе—довольно поверхностно".

Таковъ характеръ большинства отзывовъ преподавателей, касавшихся вопроса о принимаемыхъ ими мѣрахъ борьбы съ дурнымъ вліяніемъ манкировокъ; и только очень немногіе преподаватели въ числѣ такихъ мѣръ указали на самостоятельныя занятія проманкировавшихъ, которые, чтобы догнать товарищей, должны заниматься дома или въ школѣ, послѣ окончанія уроковъ. Однако и эта мѣра не даетъ хорошихъ результатовъ, какъ это видно, напримѣръ, изъ слѣдующихъ указаній.

„Манкировки производятъ отсталость въ познаніяхъ, уничтожить которую не хватаетъ силъ: только своихъ сельскихъ можно задерживать въ классѣ лишніе часы, но и въ такомъ случаѣ результаты получаются плачевные, потому-что пяти-часовыя занятія такъ ихъ утомляютъ, что они едва понимаютъ, что имъ говоришь".

„Учащіеся довольно часто манкируютъ уроками. Чтобы подогнать такихъ учениковъ до уровня познанія сверстниковъ, учителю приходится оставлять ихъ послѣ окончанія всѣхъ уроковъ на часъ или полтора часа въ школѣ: но эта мѣра мало приноситъ пользы", и т. д.

Итакъ, изъ числа мѣръ, съ помощью которыхъ школа обыкновенно борется съ вліяніемъ манкировокъ, учителя не указываютъ ни одного, которое не имѣло бы своихъ весьма существенныхъ недостатковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ было бы настолько дѣйствительно, чтобы уменьшить значеніе манкировокъ, которыя при настоящей постановкѣ школьнаго дѣла представляются не маловажнымъ препятствіемъ на пути достиженія результатовъ, составляющихъ задачу современнаго начальнаго школьнаго обученія.

Посмотримъ теперь, какую же величину въ ея числовомъ выраженіи представляютъ ученическія манкировки, т.-е. какъ много дней отнимаютъ онѣ отъ учебнаго года.

II.

Въ виду состоявшагося 6 февраля 1897 года постановленія Губернскаго Земскаго Собранія, поручившаго „выяснить вопросъ о манкировкахъ учениковъ земскихъ школъ“,—статистическое отдѣленіе губернской земской управы обратилось къ учителямъ съ просьбою доставить нѣкоторыя данныя о манкировкахъ и включило съ этою цѣлью нѣсколько вопросовъ въ обычный бланкъ статистическаго отчета за $189^{6}/_{7}$ учебный годъ.

Зная, что журналы для записи манкировокъ ведутся далеко не во всѣхъ школахъ и рискуя поэтому при категоричности требованій получить данныя не достаточно точныя, статистическое отдѣленіе просило преподавателей сообщить требуемыя свѣдѣнія лишь въ томъ только случаѣ, если имѣются *точныя* данныя о манкировкахъ учащихся. И вотъ почему просимыя свѣдѣнія доставлены были далеко не о всѣхъ школахъ, а лишь не болѣе, какъ о $^{3}/_{4}$ всѣхъ существующихъ училищъ. Однако и этотъ матеріалъ оказалось невозможнымъ принять безъ нѣкоторой критики: несмотря на то, что вопросные пункты бланка статистическаго отчета редактированы были повидимому довольно опредѣленно, и, казалось, не могли подать повода къ сомнѣнію въ томъ, какъ именно слѣдуетъ понять предложенные вопросы,—тѣмъ не менѣе по нѣкоторымъ школамъ даны были свѣдѣнія не о числѣ проманкированныхъ *дней*, а о числѣ пропущенныхъ *уроковъ*, а по другимъ даны были свѣдѣнія о числѣ пропущенныхъ дней всею школою, т.-е. о перерывѣ школьныхъ занятій. Всѣ эти ошибки не трудно было замѣтить, а за исключеніемъ такихъ бланокъ, оказалось лишь 382 отвѣта настолько полныхъ и, повидимому, достовѣрныхъ, что представлялось возможнымъ подвергнуть ихъ статистической обработкѣ.

По отдѣльнымъ уѣздамъ указанное число отвѣтовъ распредѣляется далеко не равномѣрно въ зависимости отъ того, составляетъ ли въ томъ или иномъ уѣздѣ веденіе манкировочнаго журнала обычное или же только исключительное явленіе. Самое большое число отвѣтовъ (63 и 58) получено изъ Московскаго и Богородскаго уѣздовъ, а наименьшее (6) изъ Клинскаго уѣзда. По Коломенскому уѣзду данныхъ этого рода не имѣется вовсе, такъ какъ бланки статистическихъ отчетовъ при ихъ пересылкѣ на мѣсто были затеряны. И вотъ между прочимъ почему въ дальнѣйшемъ изложеніи мы не будемъ останавливаться надъ выясненіемъ разницы въ относительномъ числѣ манкировокъ по отдѣльнымъ уѣздамъ, такъ какъ легко можетъ оказаться, что подмѣченная разница обусловливается не какими-либо посто-

янными или коренными причинами, а исключительно разницею въ числѣ полученныхъ отвѣтовъ.

Переходя къ болѣе детальному разсмотрѣнію полученныхъ данныхъ находимъ, что представленныя сообщенія заключаютъ въ себѣ помѣсячныя свѣдѣнія о числѣ проманкированныхъ дней въ каждомъ школьномъ отдѣленіи какъ мальчиками, такъ и дѣвочками, помѣсячныя свѣдѣнія о числѣ учившихся мальчиковъ и дѣвочекъ въ каждомъ отдѣленіи, о числѣ учебныхъ дней въ каждомъ мѣсяцѣ даннаго учебнаго года и, наконецъ, описательнаго характера матеріалъ о причинахъ манкировокъ, а также, уже использованыя выше, указанія относительно значенія и вліянія ученическихъ манкировокъ.

Нечего и говорить, что собранный такимъ образомъ матеріалъ даже по отношенію къ тѣмъ школамъ, откуда онъ доставленъ, далеко не имѣетъ исчерпывающаго характера и не даетъ отвѣта на очень многіе и притомъ немаловажные вопросы, имѣющіе въ виду возможно полное разсмотрѣніе изучаемаго предмета. Но къ сожалѣнію такимъ всестороннимъ выясненіемъ вопроса о манкировкахъ сознательно пришлось поступиться еще при составленіи программы для собиранія необходимыхъ по этому предмету свѣдѣній, такъ какъ въ противномъ случаѣ представилось бы необходимыхъ затруднить учителей такими сложными отвѣтами, такой массой счетной работы, что можно было рисковать получить совершенно непригодный матеріалъ, недоброкачественность котораго зависѣла бы не отъ нежеланія дать просимые отвѣты, а отъ недостаточнаго навыка учителей и учительницъ въ составленіи числовыхъ статистическихъ комбинацій.

Ближайшая задача, которую позволяетъ намѣтить собранный матеріалъ,—это опредѣленіе того процента, который составляютъ проманкированные дни по сравненію съ общимъ числомъ учебныхъ дней. Но чтобы опредѣлить этотъ %, необходимо имѣть два числа: во-первыхъ то, которое показываетъ сумму всѣхъ проманкированныхъ учениками дней, и во-вторыхъ—число, которымъ бы опредѣлялось общее число ученическихъ дней (ученико-дней); чтобы найти это послѣднее, или по крайней мѣрѣ близкое къ нему число, прибѣгнемъ къ слѣдующему пріему: взявши по каждой школѣ данныя о числѣ учениковъ за отдѣльные мѣсяцы, а также о числѣ учебныхъ дней въ этихъ послѣднихъ, перемножимъ эти числа и такимъ образомъ получимъ сумму ученическихъ дней въ данной школѣ за каждый мѣсяцъ, а затѣмъ и за годъ; путемъ сложенія полученныхъ пошкольныхъ итоговъ мы найдемъ, что въ названномъ $189^{6}/_{7}$ году по даннымъ о 382 школахъ—изъ числа 3,757,585 ученическихъ дней проманкировано было 187,727, т. е. $5,_{05}$% или 8 учебныхъ дней каждымъ учащимся въ среднемъ выводѣ. Въ частности уже мальчиками пропуще-

но было 134,501 день изъ 2,650,540 или $5_{,1}\%$, а дѣвочками— 55,226 дней изъ 1,107,045 или $5_{,0}\%$.

Таковъ средній выводъ изъ полученнаго цифрового матеріала; къ сожалѣнію матеріалъ этотъ не представляетъ никакихъ свѣдѣній ни о продолжительности манкировокъ, ни о томъ, какъ распредѣляются учащіеся по числу пропущенныхъ ими дней за годъ; пользуясь однако тѣми свѣдѣніями по этому предмету, которыя относятся къ школамъ Московскаго уѣзда и были уже представлены въ первомъ выпускѣ „Вопросовъ народнаго образованія", можно видѣть, что за шестилѣтній періодъ въ названномъ уѣздѣ только $10_{,6}\%$ мальчиковъ и $13_{,6}\%$ дѣвочекъ не пропустили ни одного учебнаго дня, всѣ остальные проманкировали болѣе или менѣе значительное число дней, при чемъ около 23% дѣвочекъ и 25% мальчиковъ было пропущено въ среднемъ за каждый годъ этого шестилѣтія—болѣе 15 учебныхъ дней.

Слѣдующая табличка показываетъ какой % общаго числа учебныхъ дней составляютъ дни, проманкированные учащимися въ разныхъ отдѣленіяхъ школъ, какъ это указывается данными, собранными въ $189^6/_7$ году по упомянутымъ 382 школамъ:

		Ученическихъ дней.	Проманкировано дней.	Какой % состав. проманкиров. дней.
Въ младшемъ отдѣленіи	Мальч.	*1270473*	*65503*	5_2
	Дѣвоч.	625502	30016	4_8
Въ среднемъ отдѣленіи	Мальч.	*938528*	*50344*	5_4
	Дѣвоч.	364654	19936	5_5
Въ старшемъ отдѣленіи	Мальч.	*441539*	*18654*	4_0
	Дѣвоч.	116889	5274	4_5

Сопоставленіе это показываетъ, что относительно менѣе другихъ манкируютъ ученики и ученицы старшаго отдѣленія, причину чего частію можно видѣть въ томъ, что въ старшемъ отдѣленіи учатся дѣти уже болѣе взрослыя, для которыхъ неблагопріятная погода, метель и т. п. не имѣютъ уже такого значенія, какъ для дѣтей младшаго возраста; не безъ вліянія, вѣроятно, остается здѣсь также и то обстоятельство, что % дѣтей болѣе зажиточныхъ родителей, а потому не испытывающихъ нужды въ крѣпкой обуви или одеждѣ, отсутствіе которыхъ нерѣдко задерживаетъ дома дѣтей изъ семействъ менѣе состоятельныхъ,—% такихъ поставленныхъ въ лучшія условія дѣтей—въ старшемъ отдѣленіи, конечно, больше, чѣмъ въ остальныхъ двухъ.

Слѣдующая табличка показываетъ какъ великъ былъ % манкировочныхъ дней въ отдѣльныхъ мѣсяцахъ $189^6/_7$ учебнаго года, ко-

горый въ этомъ отношеніи безъ сомнѣнія едва ли сколько-нибудь выдѣляется изъ ряда предшествовавшихъ годовъ.

ВЪ МѢСЯЦАХЪ:	Изъ общаго числа ученическихъ дней какой % составляли манкировочные. Мальч.	Дѣвоч.	Оба пола.
Сентябрѣ	3_2	3_1	3_2
Октябрѣ	4_2	4_2	4_2
Ноябрѣ	4_9	4_9	4_9
Декабрѣ	5_6	5_6	5_6
Январѣ	5_3	5_3	5_3
Февралѣ	5_4	5_5	5_5
Мартѣ	6_5	5_2	6_4
Апрѣлѣ	6_7	5_7	6_0
Маѣ	5_0	4_9	5_0
Іюнѣ	1_5	0_4	1_1

Отсюда видно, что мѣсяцами, дающими наибольшій процентъ манкированныхъ дней, являются весенніе—мартъ и апрѣль, второе же за ними мѣсто въ данномъ отношеніи занимаютъ зимніе мѣсяца—декабрь, январь и февраль; обстоятельство это заставляетъ предположить существованіе нѣкоторой зависимости манкировокъ отъ такихъ условій, какъ распутица и разливъ рѣкъ весною, морозовъ и мятелей въ теченіе зимняго времени, что въ свою очередь говоритъ за то, что одна изъ важнѣйшихъ причинъ манкировокъ можетъ крыться и въ условіяхъ экономическаго характера,—въ недостаткѣ средствъ для пріобрѣтенія хорошей, крѣпкой обуви, зимней одежды и т. п.

III.

Разсмотримъ теперь тотъ матеріалъ, который главнымъ образомъ говоритъ о причинахъ манкировокъ и при этомъ прежде всего приведемъ всѣ имѣющіеся у насъ отзывы по этому предмету уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ.

Вотъ что читаемъ мы въ отвѣтѣ *Можайскаго* училищнаго совѣта на вопросъ о причинахъ ученическихъ манкировокъ:

„1) Бѣдность населенія: зимой во время сильныхъ морозовъ дѣти бѣдныхъ крестьянъ часто не посѣщаютъ училища за неимѣніемъ теплой одежды и хорошей обуви; 2) отдаленность деревень отъ школы: въ дождливую осеннюю погоду, а также зимою во время бурь и метелей ученики изъ деревень, отстоящихъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ школы манкируютъ уроками; 3) оставленіе учениковъ родителями

для исполненія домашнихъ работъ, и 4) заболѣваніе различными болѣзнями".

„По мнѣнію *Бронницкаго* училищнаго совѣта, манкировки происходятъ отъ недостатка обуви и теплой одежды, а также по случаю метелей, заносовъ, холодовъ и по болѣзни".

„Манкировки учащихся въ земскихъ школахъ, говорится въ сообщеніи *Верейскаго* училищнаго совѣта, происходятъ отъ дурной погоды, весенней распутицы, разлитія рѣчекъ и овраговъ, по болѣзни, по разнымъ домашнимъ обстоятельствамъ, а болѣе всего за неимѣніемъ обуви, одежды и за дальностью разстоянія".

Въ отзывѣ *Клинскаго* училищнаго совѣта находимъ слѣдующія цѣнныя указанія:

„Изъ имѣющихся въ распоряженіи совѣта 43 отвѣтовъ преподающихъ въ начальныхъ училищахъ Клинскаго уѣзда въ достаточной мѣрѣ выяснилось, что самою первою причиною манкировокъ учащихся является недостатокъ въ теплой одеждѣ и крѣпкой обуви. По крайней мѣрѣ изъ указаннаго выше общаго числа въ 19 приведена эта причина. Различныя инфекціонныя и общія болѣзни тоже не мало вредятъ аккуратному посѣщенію школъ, а именно въ 12 случаяхъ указывалось на болѣзнь, какъ на причину неявки въ школу. Дурная погода и различныя домашнія обстоятельства, болѣзнь кого-либо изъ старшихъ членовъ семьи, свадьба, деревенскій праздникъ, упоминаются по ровному числу разъ (9). И только въ одномъ случаѣ указана была безпричинная манкировка. Вообще же учительницы обыкновенно заявляютъ, что манкируютъ дѣти не часто, а въ 20 случаяхъ говорятъ даже, что пропуски уроковъ бываютъ рѣдки.

Итакъ очевидно, что объ умышленныхъ манкировкахъ не можетъ быть и рѣчи по отношенію къ учащимся въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Дѣти учатся охотно и по возможности стараются не пропускать уроковъ. *Слѣдовательно, причина манкировокъ лежитъ во внѣшнихъ условіяхъ и въ ряду ихъ прежде всего нужно поставить недостатокъ теплой одежды и обуви, а также болѣзнь. Совѣтъ полагаетъ, что и второй факторъ—болѣзнь, находится въ тѣсной связи съ первымъ условіемъ плохою одеждою и обувью, которыя въ свою очередь ведутъ за собою простуду или воспріимчивость къ инфекціоннымъ болѣзнямъ*".

„По имѣющимся въ *Волоколамскомъ* училищномъ совѣтѣ свѣдѣніямъ, причинами манкировокъ учениковъ земскихъ школъ Волоколамскаго уѣзда были слѣдующія: 1) недостатокъ одежды и обуви; 2) мѣстные храмовые праздники, которые продолжаются по нѣсколько дней; 3) отхожіе промыслы и базарные дни, въ которые ученики помогаютъ своимъ родителямъ торговать".

Въ отвѣтахъ другихъ училищныхъ совѣтовъ нѣтъ указаній на причины ученическихъ манкировокъ; однако нѣтъ никакого основанія полагать, чтобы въ разсматриваемомъ отношеніи уѣзды эти находились въ особомъ положеніи и вѣроятнѣе всего предположить, что и въ этихъ уѣздахъ, какъ и въ тѣхъ, откуда такія свѣдѣнія получены, причины ученическихъ манкировокъ главнѣйшимъ образомъ обусловливаются бѣдностью населенія Справедливость такого заключенія подтверждается и многочисленными отзывами преподавателей, касавшихся этого вопроса.

Для характеристики этихъ, въ общемъ довольно однообразныхъ отзывовъ, приводимъ слѣдующіе:

„Главными, чаще дающими себя чувствовать, причинами манкировокъ учениковъ начальной школы являются слѣдующія: матеріальная необезпеченность семей учениковъ, болѣзни вообще и эпидемическія въ частности, и климатическія условія. Всѣ эти названныя причины такъ тѣсно переплетаются между собою, что бываетъ трудно отдѣлить одну отъ другой и указать точно на ихъ взаимодѣйствіе; но трудность не есть синонимъ невозможности, и, анализируя! болѣе или менѣе обстоятельно эти причины, можно, мнѣ кажется, сказать, не боясь впасть не только въ ошибку, но даже и въ преувеличеніе, что главною причиною манкировокъ учениковъ начальной школы служатъ экономическія условія... Экономическія условія вызываютъ манкировки учениковъ не только по болѣзни, но и по неимѣнію или непригодности той или другой части одежды, а также по необходимости оставлять учениковъ для домовничанья (отецъ, напримѣръ, на фабрикѣ, или вообще занимается на сторонѣ, а матери приходится уйти для сдачи размотаннаго шелка и т. п.) или для помощи взрослымъ въ домашней работѣ“.

„Главнѣйшею причиною манкировокъ учащихся была болѣзнь дѣтей, происходящая отъ простуды, такъ-какъ дѣти—большею частію бѣдныхъ родителей и имѣли очень ветхую обувь, исправить которую своевременно ихъ родители были не въ силахъ. Та же причина заставляла дѣтей не посѣщать школу, особенно въ осеннее дождливое время“.

„Главнѣйшія причины манкировокъ слѣдующія: 1) бѣдность, а иногда и нерадѣніе родителей учащихся, не снадбившихъ своихъ дѣтей одеждою, а главное—обувью соотвѣтственно времени года, черезъ что большая часть манкировокъ падаетъ на мѣсяцы: ноябрь, половину февраля и главное, на мартъ; 2) отдаленность нѣкоторыхъ селеній отъ школы (4—5 верстъ), вслѣдствіе чего въ зимніе мѣсяцы бываютъ тоже манкирующіе и 3) домашнія работы учениковъ и ученицъ: разсадка и собираніе картофеля, собираніе цвѣтовъ и щавеля на про-

дажу, присмотръ за малолѣтними дѣтьми, домовничанье и т. д.: все это вызываетъ усиленныя манкировки въ маѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ".

„Дѣти манкируютъ или по болѣзни, или же по домашнимъ обстоятельствамъ и устранить манкировки въ нашей мѣстности невозможно, такъ какъ здѣсь ребенокъ съ десятилѣтняго возраста является помощникомъ въ семьѣ".

„Главными причинами манкировокъ въ осенніе мѣсяцы, были: незаконченность еще сельскихъ работъ: молотьбы хлѣба, уборки картофеля, рубки дровъ и т. п., во время которыхъ родители за время своего отсутствія оставляли сидѣть дома своихъ дѣтей; затѣмъ—ненастная, сырая и дождливая погода какъ въ осенніе мѣсяцы такъ и въ весенній—мартъ мѣсяцъ, а въ зимнее время—морозы, вслѣдствіе которыхъ родители, не имѣющіе средствъ купить теплой одежды и обуви, предохраняющей отъ простуды, удерживали дѣтей отъ посѣщенія школы".

„Главнымъ образомъ манкируютъ въ холодные мѣсяцы, причиною чего—недостаточность родителей, отсутствіе теплой одежды и обуви: другая причина та, что учащіеся принадлежатъ преимущественно къ фабричному населенію: часто отецъ и мать на работѣ, а дѣтей (учащихся) оставляютъ „домовничать" или смотрѣть за младшими".

„Главныя причины манкировокъ: домашнія обстоятельства, болѣзни, дурная погода и неимѣніе хорошей обуви и одежды. Кромѣ того въ данной мѣстности нерѣдко родители оставляютъ дѣтей дома, чтобы размотать для нихъ бумагу (для основы), посидѣть съ маленькими дѣтьми".

„Усиленныя ноябрскія и мартовскія манкировки вызываются холодными дождями, разлитіемъ рѣкъ и овраговъ и разнообразными дѣтскими болѣзнями, происходящими отъ недостатка подходящей одежды и обуви, а особенно у дальнихъ отъ школы и бѣднѣйшихъ учениковъ. Въ эти мѣсяцы, по моему мнѣнію, надо открывать при школѣ хотя бы временный ночлежный пріютъ. Чтобы приготовиться къ экзамену, многимъ ученикамъ старшаго отдѣленія изъ дальнихъ селеній приходилось по 3, 4 и 5 дней жить въ училищѣ и ночевать въ классѣ на полу. Сентябрскія и майскія манкировки вызываются полевыми работами и необходимостью сидѣть дома съ дѣтьми... Рѣдкій ученикъ избѣгнетъ краткихъ или продолжительныхъ манкировокъ въ эти четыре мѣсяца, изъ которыхъ манкировки ноябрскія и мартовскія отличаются наибольшею продолжительностью. Октябрскія и апрѣльскія манкировки вызываются мѣстными трехдневными праздниками и проводами отцовъ на заработки въ Москву. Въ декабрѣ, январѣ и февралѣ ученики

манкируютъ, сравнительно, меньше, потому-что учениковъ, живущихъ за 2, 3, 4 и 5 верстъ возятъ въ школу на лошадяхъ. Въ эти мѣсяцы развѣ только крестины да свадьбы задерживаютъ учениковъ дома. Въ ноябрѣ и мартѣ въ нѣкоторые дни, неблагопріятные по погодѣ, являлась только $^1/_3$ всѣхъ учениковъ и разбивалась по отдѣленіямъ такъ, что иногда невозможно было вести правильныхъ занятій ни въ одномъ изъ трехъ отдѣленій".

Останавливаясь на разсмотрѣніи этихъ и другихъ такого же рода указаній, необходимо имѣть въ виду, что въ дѣйствительности, какъ это и отмѣчалось въ одномъ изъ приведенныхъ отзывовъ,— всѣ тѣ условія, на которыя ссылаются учителя какъ на непосредственныя причины ученическихъ манкировокъ,—„такъ тѣсно переплетены между собою, что трудно отдѣлить одну отъ другой и указать точно на ихъ взаимодѣйствіе", хотя въ концѣ концовъ, какъ это указывается тѣмъ же преподавателемъ,—большая часть этихъ частныхъ причинъ сводится къ одной общей—экономической несостоятельности крестьянскаго населенія.

Для примѣра возьмемъ такіе случаи манкировокъ, которые, по мнѣнію нѣкоторыхъ преподавателей объясняются „нерадѣніемъ родителей", оставившихъ своего ребенка сидѣть съ малолѣтнимъ или задержавшихъ его на два—три дня дома по случаю свадьбы, мѣстнаго праздника и т. п.

Что касается до перваго изъ этихъ случаевъ, то нами уже приводилось въ первомъ выпускѣ „Вопросовъ нар. обр." совершенно справедливое заключеніе по этому предмету Серпуховской земской управы, которая видитъ въ приведенномъ случаѣ скрытое вліяніе экономическихъ условій. „Нельзя забывать того, говорится по этому поводу въ докладѣ Серпуховской управы по народному образованію за 1895 годъ,– что экономическія условія жизни нашего крестьянскаго населенія таковы, матеріальная обезпеченность его такъ мала, что онъ не можетъ не стремиться воспользоваться всякимъ представляющимся случаемъ пріобрѣсти лишнюю копейку, а потому задерживаетъ дома ребятъ или въ подспорье себѣ для такихъ работъ, которыя допускаютъ трудъ подростковъ, или для замѣны большихъ въ домашнихъ занятіяхъ. Какъ ни представляется это явленіе нежелательнымъ съ точки зрѣнія педагогической, мы должны смотрѣть на него, какъ на вызываемое прямо современными экономическими условіями жизни нашего крестьянина".

Къ тѣмъ же заключеніямъ можно придти, разсматривая случаи манкировокъ, вызванныя свадьбами, праздниками и т. п. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ припомнить нашего зауряднаго школьника, въ большинствѣ случаевъ плохо одѣтаго и обутаго, дурно питающагося, чтобы

понять основную причину такихъ манкировокъ и извинить его родителей, оставляющихъ его на время праздниковъ дома или отправляющихся съ нимъ въ гости, гдѣ цѣлыхъ три дня онъ будетъ наслаждаться ощущеніемъ сытаго желудка, теплаго помѣщенія и беззаботнаго настроенія близкихъ.

Ограничиваясь приведенными выписками изъ сообщеній преподавателей, свидѣтельствующихъ, что причины ученическихъ манкировокъ главнѣйшимъ образомъ кроются въ экономическихъ условіяхъ жизни крестьянскаго населенія, необходимо отмѣтить, что рядомъ съ экономическою необезпеченностью крестьянъ, одною изъ самыхъ существенныхъ причинъ ученическихъ манкировокъ является, насколько объ этомъ можно судить по отзывамъ учителей и учительницъ, неудовлетворительная постановка учебнаго дѣла въ нашихъ начальныхъ школахъ.

„Обремененіе учениковъ непосильными работами вслѣдствіе обширности программы и конкуренціи учащихъ между собою,—пишетъ, напримѣръ, одинъ изъ преподавателей, такъ же увеличиваетъ число пропусковъ, какъ и другія причины. А потому,—продолжаетъ учитель,—была бы желательна такая постановка дѣла, чтобы не обременять учениковъ непосильными работами; нужно поменьше долбить грамматику, ариѳметику, также не давать по 10 и 15 разсказовъ изъ священной исторіи къ слѣдующему уроку, а избѣжать всего этого можно тогда, когда выработается программа и опредѣленная, и меньшая существующей; тогда можно будетъ побольше читать съ учениками и бесѣдовать, а это сдѣлаетъ ученіе занимательнымъ и число манкировокъ уменьшится. Чтобы уничтожить хотя отчасти пагубную конкуренцію учителей, не нужно въ отчетахъ ни хвалить, ни порицать учителей; пусть училищный совѣтъ для себя знаетъ, кто изъ учителей хорошъ и кто не хорошъ“.

Аналогичныя указанія находимъ мы и въ другихъ учительскихъ отзывахъ, которые нерѣдко относятъ къ числу главнѣйшихъ причинъ ученическихъ манкировокъ также *„обширность программы и строгость экзаменовъ, заставляющія учащихъ обременять учениковъ непосильною работой и дѣлать ученье незанимательнымъ и неувлекательнымъ“*.

Итакъ,—экономическая обездоленность крестьянскаго населенія и неудовлетворительная постановка учебнаго дѣла—таковы важнѣйшія причины ученическихъ манкировокъ, но кромѣ этихъ причинъ, имѣющихъ общее значеніе, манкировки въ отдѣльныхъ случаяхъ вызываются, какъ объ этомъ сообщаютъ преподаватели, и чисто мѣстными условіями: взиманіе платы съ родителей учащихся за наемъ школьнаго помѣщенія, пріобрѣтеніе учебныхъ пособій на средства са-

мих учениковъ, какъ это практикуется въ нѣкоторыхъ школахъ Волоколамскаго уѣзда,—все это тоже вызываетъ манкировки и дурно отражается на ходѣ школьнаго обученія.

IV.

Закончимъ настоящій очеркъ изложеніемъ тѣхъ данныхъ, которыя говорятъ о мѣрахъ борьбы съ ученическими манкировками.

Въ предпослѣднемъ изъ тѣхъ отзывовъ, которые только что были приведены, уже указывалось, что одною изъ дѣйствительныхъ мѣръ противъ манкировокъ, вызываемыхъ общими условіями, можетъ послужить улучшеніе качественной стороны школьнаго дѣла вообще и преподаванія въ частности. Не лишнимъ будетъ замѣтить, что такое указаніе учительской практики какъ нельзя полнѣе совпадаетъ съ теоретическими соображеніями дидактики: „Если въ училищѣ все идетъ ладно,—читаемъ мы въ цитированной уже книгѣ Ф. Шварца,—то дѣти охотно будутъ туда ходить и даже упрашивать о томъ родителей, которые стали бы ихъ отъ того удерживать. *Доведите дѣтей до того, чтобы они полюбили училище,—вотъ лучшее средство искоренить прогулы*“. [1])

А вотъ что писалъ по этому же поводу Н. А. Корфъ: „Отъ самой школы и самого учителя зависитъ содѣйствовать исправности посѣщенія школы. Учительскіе съѣзды нашего уѣзда и статистическія вычисленія о числѣ прогульныхъ дней въ различныхъ школахъ вполнѣ выяснили, что *чѣмъ лучше школа, тѣмъ она исправнѣе посѣщается*, потому что дѣти привязываются къ школѣ и бѣгутъ въ нее“. „Въ школахъ стараго закала,—продолжаетъ Н. А. Корфъ,—вы вѣчно будете выслушивать жалобы преподавателей на то, что дѣти крайне неисправно посѣщаютъ училище, чѣмъ и будутъ вамъ объяснять отсутствіе успѣховъ въ школѣ; напротивъ, въ тѣхъ школахъ, которыя заслужили расположеніе дѣтей и родителей, вы встрѣтите значительное большинство учениковъ, весьма исправно посѣщающихъ училище, и только, въ видѣ исключенія, немногихъ дѣтей, отъ времени до времени пропускающихъ уроки. Если только учитель, понимая, что неисправное посѣщеніе школы учениками увеличиваетъ до крайней степени его трудъ, такъ какъ затрудняетъ преподаваніе и задерживаетъ успѣхи, пожелаетъ, чтобы дѣти не пропускали уроковъ, то онъ постарается привязать къ себѣ дѣтей ласкою и любовью. Жизнь крестьянскаго мальчика до того некрасна дома, что

---

[1]) «Руков. къ воспит. и обуч». т. II, стр. 168.

деревнѣ довольно трудно выбрать масштабъ для измѣренія бѣдности, но нужда научитъ разобраться въ этомъ затрудненіи, а жизнь наведетъ на болѣе правильное разрѣшеніе этого вопроса. Инициатива же организаціи кружковъ или обществъ съ такою цѣлью должна исходить отъ земства. Можно возразить, что въ дѣлѣ помощи можно обходиться и безъ всякой формальной организаціи, но въ такомъ случаѣ это будетъ носить случайный характеръ; а всякаго рода случайностей въ жизни вообще и въ особенности въ жизни народной школы и безъ того много.... Указывая на это средство частичной борьбы съ манкировками учениковъ начальной народной школы, я вовсе не хочу сказать, что этимъ можетъ быть исчерпано все то, въ чемъ можетъ проявиться дѣятельность земства въ данномъ отношеніи, такъ какъ вполнѣ убѣжденъ, что земство хотя и медленно, но за то твердо и прямо идетъ къ цѣли,—поднять уровень народной жизни какъ въ матеріальномъ, такъ и въ умственномъ культурномъ отношеніи".

Мысль о желательности учрежденій школьныхъ попечительствъ мы находимъ не въ одномъ только этомъ замѣчаніи. Вотъ что, напримѣръ, пишетъ по вопросу о средствахъ борьбы съ манкировками Клинскій уѣздный училищный совѣтъ:

„Прежде всего нужно остановится на тѣхъ (экономическихъ) условіяхъ, при которыхъ возможно устраненіе этой главной причины манкировокъ. По мнѣнію совѣта въ этомъ дѣлѣ большую помощь могли бы оказать гг. попечители и попечительницы училищъ. Есть примѣры, что нѣкоторые попечители на свои личныя средства снабжаютъ бѣднѣйшихъ учениковъ одеждою и обувью и отъ этого число пропущенныхъ уроковъ сократилось болѣе, чѣмъ на половину. Но такія явленія пока единичны, не приведены въ систему и не имѣютъ опредѣленнаго характера. Поэтому, по мнѣнію совѣта, необходимо учредить школьныя попечительства, которыя вѣдали бы матеріальное обезпеченіе школы, учащихъ и учащихся. Въ настоящее время школьный вопросъ интересуетъ всѣхъ образованныхъ людей и въ членахъ попечительствъ недостатка не будетъ. Вопросъ въ томъ, какой районъ будетъ обнимать каждое такое попечительство: весь уѣздъ, волость, нѣсколько сосѣднихъ школъ или только одну школу. Училищный совѣтъ полагаетъ, что необходимо учредить общее уѣздное школьное попечительство съ отдѣленіями для объединенія всѣхъ дѣйствій по каждой отдѣльной школѣ для привлеченія необходимыхъ средствъ и болѣе справедливаго ихъ распредѣленія. Такъ какъ отъ этого попечительства потребуется помощь быстрая и при томъ наиболѣе нуждающимся, то училищный совѣтъ полагаетъ, что районъ дѣятельности каждаго отдѣленія попечительства и его агентовъ долженъ ограничиваться одною или нѣсколькими сосѣдними школами. Въ число членовъ

попечительства должны имѣть доступъ всѣ тѣ изъ мѣстныхъ жителей, кому дороги интересы народнаго образованія, какъ-то: попечители училищъ, земскіе начальники, врачи, помѣщики, волостные и сельскіе старшины и т. п.“

Оставляя пока въ сторонѣ детали того проекта, который въ данномъ случаѣ представляется училищнымъ совѣтомъ, замѣтимъ лишь, что „училищный совѣтъ полагаетъ, что съ момента начала дѣйствій такихъ школьныхъ попечительствъ исчезнутъ многія нестроенія въ жизни и учащихъ и учащихся. Попечительства будутъ имѣть полную возможность озаботиться и дальнѣйшею судьбою учившихся въ школѣ. Что касается другихъ причинъ манкировокъ, кромѣ недостатка одежды или обуви, то и здѣсь школьныя попечительства могутъ принести большую пользу. Такъ напримѣръ, они могутъ организовать подвозъ учениковъ къ школѣ въ дурную погоду, повліять на родителей учениковъ въ томъ смыслѣ, чтобы они не оставляли дѣтей дома для домашнихъ работъ“ и т. д.

Можайскій уѣздный училищный совѣтъ, также указываетъ, что „дѣйствительными мѣрами для уменьшенія числа манкировокъ въ сельскихъ школахъ можетъ служить во-первыхъ устройство при школахъ ночлежныхъ пріютовъ для учениковъ и во-вторыхъ образованіе при школахъ „обществъ вспомоществованія нуждающимся учащимся, которыя (общества) имѣли бы своею цѣлью оказывать матеріальную помощь учащимся, выдавая теплую одежду, хорошую обувь и пр. Въ городѣ Можайскѣ, читаемъ мы далѣе въ этомъ отзывѣ, уже открывается „общество вспомоществованія нуждающимся учащимся въ начальныхъ училищахъ г. Можайска. Означенное общество съ развитіемъ средствъ будетъ оказывать помощь матеріальную также и ученикамъ сельскихъ школъ, что было бы весьма желательно“.

Что учрежденіе школьныхъ попечительствъ можетъ считаться мѣрою, вызываемою требованіями дѣйствительной жизни, свидѣтельствуетъ слѣдующее указаніе Серпуховской земской управой въ докладѣ по вопросамъ народнаго образованія 1895 г.

„Прекрасный опытъ раціональнаго устройства школьнаго хозяйства, читаемъ мы въ этомъ докладѣ, былъ сдѣланъ въ нынѣшнемъ году въ одной изъ школъ Серпуховскаго уѣзда, гдѣ попечителемъ къ участію въ хозяйственныхъ заботахъ о школѣ были привлечены законоучитель, учительница и три выборныхъ лица отъ сельскихъ обществъ, несущихъ расходы по содержанію училищъ“. Не касаясь вопроса о томъ, насколько важна такая организація въ хозяйственномъ отношеніи, нельзя не признать безусловно справедливымъ замѣчаніе по этому поводу управы, что „болѣе живое участіе мѣстныхъ жителей въ дѣлахъ школы служитъ несомнѣннымъ залогомъ болѣе живой

заботливости съ ихъ стороны о многочисленныхъ ея нуждахъ, которыя въ большинствѣ случаевъ только и могутъ получить своевременное и правильное удовлетвореніе при добромъ отношеніи къ школѣ со стороны мѣстнаго населенія, таковы, напримѣръ, организація общественныхъ подводъ для привоза и отвоза школьниковъ на случай метелей, устройства ночлега для дальнихъ учениковъ“ и т. д.

Насколько можетъ быть полезнымъ учрежденіе подобныхъ обществъ и попечительствъ—очевидно само собою и нельзя не пожелать скорѣйшаго ихъ открытія и возможно широкаго распространенія. Было бы очень жаль, если бы организація такихъ обществъ осталась только въ области благихъ намѣреній и вотъ почему нельзя не пожелать, чтобы въ дѣлѣ этомъ приняли ближайшее участіе земства уѣздныя и губернское.

Заканчивая этимъ настоящій очеркъ и резюмируя изложенное, мы придемъ къ слѣдующимъ общимъ заключеніямъ:

1) Ученическія манкировки, хотя въ общемъ число ихъ и не особенно велико, при настоящей системѣ школьнаго обученія, представляются такимъ зломъ, которое, тормозя правильный ходъ преподаванія, чувствуется настолько остро, что борьба съ этимъ зломъ можетъ быть признана не только желательною, но и необходимою.

2) Причины ученическихъ манкировокъ, тѣсно переплетаясь между собою, главнѣйшимъ образомъ кроются въ экономическихъ условіяхъ жизни населенія и, кромѣ того, въ значительной степени опредѣляются качественной стороной школьнаго обученія.

3) Борьба съ манкировками, сводясь въ борьбу съ ихъ причинами, можетъ быть ведена лишь соотвѣтствующими этимъ причинамъ средствами, при чемъ важнѣйшими изъ нихъ могутъ быть названы: улучшеніе качественной стороны школьнаго обученія и тѣ мѣры, которыя болѣе или менѣе парализуютъ вліяніе бѣдности населенія, въ частности же въ виду этой послѣдней цѣли нельзя не признать желательнымъ учрежденіе школьныхъ обществъ или попечительствъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

I. Распредѣленіе библіотекъ по числу имѣющихся въ нихъ книгъ.

Въ уѣздахъ.	Число ученическихъ библіотекъ содержащихъ въ себѣ книгъ: До 100	101—200	201—300	301 и бол.	Въ среднемъ на библіот. приходит. книгъ.
Богородскомъ.....	9	44	10	2	165
Бронницкомъ.....	6	30	8	7	199
Верейскомъ.....	6	9	14	5	208
Волоколамскомъ....	6	29	—	2	139
Дмитровскомъ.....	10	20	12	6	181
Звенигородскомъ...	4	23	7	1	168
Клинскомъ.....	—	11	24	4	248
Коломенскомъ.....	13	21	4	—	125
Можайскомъ.....	2	5	2	—	164
Московскомъ.....	2	17	28	25	265
Подольскомъ.....	7	17	—	1	155
Рузскомъ.....	20	11	2	—	106
Серпуховскомъ....	5	35	12	6	179
По губерніи.....	90	272	123	59	185

II. Свѣдѣнія о распредѣленіи библіотечныхъ книгъ по отдѣламъ.

Въ уѣздахъ.	Какой % сост. библіотеч. книги. Д—нр. сод.	Беллетр.	Научнаго.
Богородскомъ.....	32	39	29
Бронницкомъ.....	29	43	28
Верейскомъ.....	29	35	36
Волоколамскомъ....	35	23	42
Дмитровскомъ.....	34	34	32
Звенигородскомъ...	26	42	32
Клинскомъ.....	21	41	38
Коломенскомъ.....	28	40	32
Можайскомъ.....	29	37	34
Московскомъ.....	14	48	38
Подольскомъ.....	27	43	30
Рузскомъ.....	24	32	44
Серпуховскомъ.....	26	35	39

СПИСОКЪ [1])

книгъ, пріобрѣтенныхъ Московской губернской земской управой для библіотекъ при каждой изъ 20 школахъ, учрежденныхъ губернскимъ земствомъ въ ознаменованіе бракосочетанія ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.

I. Религіозно-нравственный отдѣлъ.

Пуцыковичъ. Сотвореніе міра.
„ Праотцы-патріархи.
„ Пророкъ Моисей.
„ Іосифъ.
„ Самсонъ.
„ Соломонъ Мудрый.
„ Іудифь.
„ Руфь.
„ Іовъ.
„ Товитъ.
„ Есфирь.
„ Іисусъ Навинъ.
„ Іуда Маккавей.
„ Св. пророки.
„ Жизнь Спасителя.
Соколовъ. Жизнь Божіей Матери.
Преосв. Иннокентій. Указаніе пути въ Царство Небесное.
Невскій. Избранныя мѣста изъ творенія Іоанна Златоуста.
Грѣхъ и безуміе пьянства.
Псалтирь.
Новый Завѣтъ.
Притчи Господа Іисуса Христа.
Страсти Христовы.
Христосъ Воскресе!
Двунадесятые праздники и Воскресеніе Христово.
День св. Духа.
День Преображенія.

---

[1]) Стоимость такой библіотеки опредѣляется въ 70 руб., не считая переплетовъ.

Недѣля Пятидесятницы.
Св. Филиппъ митрополитъ Московскій.
Жизнь преподоб. Савватія.
Житіе св. Евстафія Плакиды.
„ „ Филарета Милостиваго.
„ „ Великом. Пантелеймона.
„ „ Великом. Георгія.
„ „ Великом. Варвары.
„ „ Вѣры, Надежды, Любви и Софіи.
„ „ Іоанна Дамаскина.
„ „ Петра Мытаря.
„ „ Антонія Печерскаго.
„ „ Дмитрія Царевича.
„ „ Зосимы и Савватія.
„ „ Кирилла и Меѳодія.
„ „ Кирилла Бѣлозерскаго.
„ „ Марка Ап. и Евангелиста.
„ „ Михаила Кн. Черниговскаго.
Бахметера. Избранныя житія святыхъ 12 книгъ.
Сысоева. Жизнь и подвиги Иннокентія.
Опатовичъ и Кочетовъ. Церковь Христова со времени Апостоловъ.
Соколовъ. Великій постъ.
Хитрово. Къ животворящему гробу Господню.
Плечко. Московскій Кремль.
Толычева. Троице-Сергіева лавра.
„ Благовѣщеніе.
Аѳонская гора.
Туръ. Св. Марія Египетская.

II. Литературный отдѣлъ.

Аѳанасьевъ. Русскія сказки.
Аксаковъ. Аленькій цвѣточекъ.
Жуковскій. Сказка объ Иванѣ Царевичѣ.
„ О царѣ Берендѣѣ.
„ Котъ въ сапогахъ.
Ершовъ. Конекъ Горбунокъ.
Андерсенъ Гадкій утенокъ.
„ Дѣвочка съ пальчикъ.
Пушкинъ. Капитанская дочка.
„ Дубровскій.

Пушкинъ. Станціонный смотритель.
„ Барышня крестьянка.
„ Русалка.
„ Борисъ Годуновъ.
„ Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ.
„ „ о царѣ Салтанѣ.
„ „ о мертвой царевнѣ.
Гоголь. Тарасъ Бульба.
„ Ночь передъ Рождествомъ.
„ Сорочинская ярмарка.
„ Майская ночь
„ Шинель.
Тургеневъ. Живыя мощи.
„ Муму.
„ Постоялый дворъ.
„ Бирюкъ.
„ Стучитъ.
„ Пѣвцы.
„ Однодворецъ Овсянниковъ.
„ Хорь и Калинычъ.
„ Льговъ.
„ Бригадиръ.
Григоровичъ. Разсказы 1 кн.
Толстой Л. Кавказскій плѣнникъ.
„ Севастопольскіе разсказы.
„ Гдѣ любовь, тамъ и Богъ.
„ Богъ правду видитъ.
„ Три смерти.
Тостой А. Князь Серебряный.
Никитинъ. Сочиненія. (Школьное изд. Миропольскаго).
Лермонтовъ. Пѣснь о купцѣ Калашниковѣ.
Лажечниковъ. Басурманъ.
Евгенія Туръ. Катакомбы.
Коваленская. Народные разсказы.
„ Крутиковъ.
„ Баранчикъ.
„ Дядя Власъ.
„ Мачиха.
„ Исаевна.
„ Назарычъ.
Цшоке. Дѣлатели золота.
Оржешко. Приключенія Яся.

Горбуновъ-Посадовъ. Земля кормилица.
Погосскій, Подосиновики.
„ Мірскія дѣтки.
„ Неспособный человѣкъ.
„ Божеское правосудіе.
„ Штуцерникъ.
„ Злодѣй и Петька.
„ Старики.
Островскій. Бѣдность не порокъ.
„ Не такъ живи, какъ хочется.
Рубакинъ. Испытаніе д-ра Исаака.
Сливицкій. Проказы Топтыгина.
Кольцовъ. Стихотворенія.
Короленко. Невольный убійца.
„ Дѣти подземелья.
В. и Л. Р-нъ. Русскія былины.
Илья Муромецъ.
Добрыня.
Лабулэ. Петруша.
Друзья. (Изд. Харьк. общ. гр.).
Прекрасная Нивернеза (тоже).
Крыловъ. Басни.
Коропчевскій. Арапы.
Толычева. Пріемышъ.
Маминъ-Сибирякъ. Аленушкины сказки.
„ Кормилецъ.
„ Вольный человѣкъ.
„ Яшка.
„ Зимовье на Студеной.
„ Сказки и разсказы.
Радзіо. (Издан. читал. народ. шк.).
Въ Кореѣ (тоже).
Свѣтъ Божій (тоже).
Пауки (тоже).
Пріютъ для дѣтей (тоже).
Изъ-за перьевъ (тоже).
Судья передъ судомъ.
Сѣченова. Лейла.
Бекетовой. Во дни оны.
Гаршинъ. Сигналъ.
Достоевскій. Мужикъ Марей.
Чеглокъ. Скопа.

Въ турецкой неволѣ.
Острогорскій. Прерванная вечеринка.
„ Безсонная ночь.
„ Краббъ.
Киплингъ. Разсказы кн. I и II.
Джонъ Рескинъ. Царь Золотой рѣки.
Кругловъ. Все пріятели, Всякому гвоздю свое мѣсто, Изъ золотого дѣтства, Большакъ, Въ гостяхъ, Елка въ царствѣ звѣрей, Геніальный поморъ, Божій человѣкъ.
Догановичъ Фомка дуракъ.
Загоскинъ. Юрій Милославскій
Лукашевичъ. Макаръ.
Рубакинъ. Приключеніе двухъ кораблей.
Додэ. Исторія одного мальчика.
Станюковичъ. Среди моряковъ.
Одоевскій. Сказки дѣдушки Иринея.
Поздняковъ. Кичливая и счастливая. Безъ елки..
Твэнъ. Принцъ и нищій.
Немировичъ-Данченко. За Дунаемъ.
„ Гаврюшкинъ плѣнъ.
Северинъ. Чистыя сердца.
Диккенсъ. Оливеръ Твистъ.
Кругловъ. За чужимъ горбомъ.
Куклинъ. Мишукъ.
„ Купецъ Иголкинъ.
Бажинъ. Эпитимія.
„ Живые мертвецы.
„ Золотая рыбка (сказочная быль).
Туръ. Мученики Колизея.
Сливицкій. Бѣлячекъ.

III. Историческій отдѣлъ.

Хрущевъ. Св. Благовѣр. князь Александръ Невскій.
Толычева. Разсказы старушки о 12-мъ годѣ.
Шалфѣевъ. Петръ Великій.
Немировичъ-Данченко. За Дунаемъ.
Сиповскій. Родная Старина 3 тома
Петрушевскій. Разсказы про старое время.
Суворинъ. Ермакъ.
Сафоновъ. Историческій очеркъ жизни и царствованія Александра II.
Костомаровъ, Повѣсть объ освобожденіи Москвы.
Павловичъ. Исторія.

Новаковскій. О Суворовѣ.
Тихомировъ. Мининъ и Пожарскій, Нашествіе Татаръ и Михаилъ Тверской, Начало Русскаго царства. О древнихъ египтянахъ.
Мельгуновъ. Первые уроки исторіи.

IV. Естественно-историческій и географическій отдѣлъ.

Ивановъ. О землѣ и небѣ.
Лапченко. О землетрясеніяхъ.
Животовскій. Отчего происходитъ дождь и снѣгъ.
О теплѣ и воздухѣ.
О грозѣ.
Воронецкій. Кометы и падающія звѣзды.
Острогорскій. У рабочихъ людей.
Александровъ. Гдѣ на Руси какой народъ живетъ 2 чт.
Смайльсъ. Путешествіе мальчика.
Архангельскій. Первая ферма.
Дикіе люди жаркой страны.
Мечъ. Кавказъ.
Бекетовъ. Бесѣды.
„ Два міра.
Богдановъ. Мірскіе захребетники.
Научныя развлеченія.
Медеръ. О томъ, какого вида земля.
Дерево и лѣсъ.
Ступинъ. Удивительный червячекъ.
Сѣткова. Архангельскіе китоловы.
Яхонтовъ. Робинзонъ Крузе.
Анненская. Робинзонъ Крузе.
Толстой. Кругосвѣтное плаваніе капитана Головина.
Архангельская. Первая ферма на рѣкѣ Клейдѣ.
Гердъ. Общій обзоръ земного шара.
Ильина. Атласъ.
Аникіевъ. О насѣкомыхъ, вредныхъ для полей и лѣсовъ.
Кайгородовъ. О нашихъ перелетныхъ птицахъ.
Ж. Вернъ. Приключенія капитана Гатераса.
Архангельская. Какъ Колумбъ открылъ Америку.
Симоновой. Лаача.
Тихомировъ и Богдановъ. Обезьяны, попугаи и слоны.
Гердъ. Міръ Божій.
Предметные уроки.

Рубакинъ. О великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы.
Тиндаль. Физика въ простыхъ урокахъ.
Равнины и пустыни (изд. Досугъ и Дѣло).
Мечъ. Сахара и Нилъ.
„ Палестина и Аравія.
„ Центральная Азія.
„ Россія (хрестоматія).
Кирпотенко. Прогулка въ страну чудесъ.
Авенаріусъ. Сказка о пчелѣ мохнаткѣ.
„ Сказка о муравьѣ богатырѣ.
Кайгородовъ. Черная семья.
„ Изъ зеленаго царства.
Острогорскій. Электричество.
„ Смерчъ.
„ Восхожденіе Сюссюра.
„ Ясный и пасмурные дни.
Азбелевъ. Объ Индіи.
Южно-Уссурійскій край.
Олонецкій край.
О Лондонѣ и англичанахъ.
О греціи и грекахъ.
Вердеревскій Китай.
О Голландіи и голландцахъ.

V. Біографическій отдѣлъ.

Сысоева. Жизнь Гарфильда.
Мунтъ-Валуева. Линкольнъ.
„ Франклинъ.
„ Друзья слѣпыхъ и глухонѣмыхъ.
Фурманъ. Сынъ рыбака Ломоносовъ.
„ Гутенбергъ. (Изд. общ. рас. пол. книгъ).
„ Фультонъ, (тоже).
Сизова. И. И. Лажечниковъ.
Ремизовъ. Кулибинъ.
Филоновъ—Поэтъ Пушкинъ.
Маракуевъ. Галилей.
Знаменитый русскій путешественникъ Пржевальскій.

VI. Юридическій отдѣлъ.

Положенія о наймѣ на сельскія работы.
Архангельскій. Какъ въ судѣ правое дѣло отстоять.
Уставъ крестьянскаго банка.
Бесѣды о законахъ.
Ходатай по крестьянскимъ дѣламъ.

VII. Сельско-хозяйственный отдѣлъ.

Пчелиный уставъ.
Аверкіевъ. Плодоводство.
„ Бесѣды объ огородѣ.
Бажаевъ. Полевое травосѣяніе.
Котельниковъ. О воздѣлываніи хлѣбовъ.
Костаревъ. Какъ выгоднѣе землю обрабатывать.
Линдеманъ. О насѣкомыхъ, вредящихъ плод. дерев.
„ О червякъ, выѣдающихъ плѣшины на хлѣб.
„ О завяданіи зелени.
„ О поврежденіи хлѣбовъ гессенской мухой.
„ Хлѣбный жукъ и крестоносецъ.
„ Саранча и мѣры ея истребленія.
Гуринъ. Стельная корова.
Острогорскій. Друзья и врачи сельскаго хозяйства.
Котельниковъ. О почвѣ.
„ О сѣменахъ и посѣвѣ.

VIII. Медицинскій отдѣлъ.

Трутовская. Дурная болѣзнь.
Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ.
Покровскій. Объ уходѣ за малыми дѣтьми.
Ильинскій. О сохраненіи здоровья.
Перфильевъ. Бесѣды о здоровьѣ кн. 1-я.
„ Бесѣды о здоровьѣ кн. 2-я.
Первушинъ. Уходъ за оспопрививтыми дѣтьми.

14 6212

RETURN TO ➡ CIRCULATION DEPARTMENT
202 Main Library

LOAN PERIOD 1 HOME USE	2	3
4	5	6

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
Renewals and Recharges may be made 4 days prior to the due date.
Books may be Renewed by calling 642-3405

NRLF

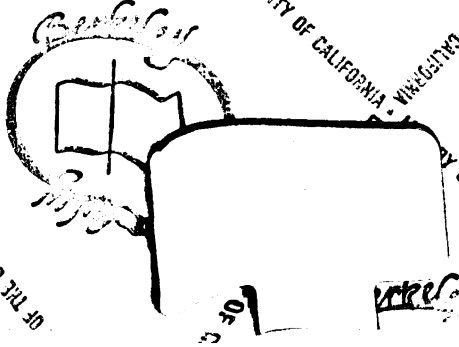
DUE AS STAMPED BELOW

SENT ON ILL
DEC 06 1995
U. C. BERKELEY

UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY
BERKELEY, CA 94720

FORM NO. DD6

U.C. BERKELEY LIBRARIES
C003173642



RETURN CIRCULATION DEPARTMENT
TO ➡ 202 Main Library

LOAN PERIOD 1 HOME USE	2	3
4	5	6

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
Renewals and Recharges may be made 4 days prior to the due date.
Books may be Renewed by calling 642-3405

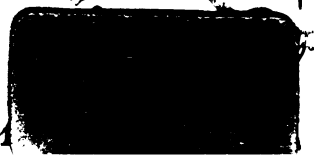
NRLF

DUE AS STAMPED BELOW

SENT ON ILL
DEC 06 1995
U. C. BERKELEY

UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY
BERKELEY, CA 94720

FORM NO. DD6

U.C. BERKELEY LIBRARIES

C003173642